

А.С.МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

А. С. МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

Редакционная коллегия:

И. А. Каиров (главный редактор)

Г. С. Макаренко

Е. Н. Медынский

Москва · 1952

А.С. МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПУБЛИЦИСТИКА
РАССКАЗЫ и ОЧЕРКИ
СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ
и РЕЦЕНЗИИ
ПЕРЕПИСКА с А.М.ГОРЬКИМ

Издательство
Академии педагогических наук
РСФСР

Том подготовил к печати
В. Е. ГМУРМАН

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том завершает семитомное издание «Сочинений» А. С. Макаренко, предпринятое Академией педагогических наук РСФСР и подготовленное сотрудниками Лаборатории по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко.

Материалы, вошедшие в седьмой том, относятся к 1936—1939 гг. Большие исторические события, которыми были насыщены эти годы,— принятие Сталинской Конституции, выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г., XVIII съезд партии — оказали на творчество А. С. Макаренко самое непосредственное влияние. Он выступает как публицист и литературный критик, активно сотрудничает в периодической прессе, выполняет различные задания правления Союза советских писателей. Следуя традиции М. Горького и В. Маяковского, он высоко ценит возможность выступить в газете с откликом на злободневные вопросы политической жизни — статьей, корреспонденцией, небольшой заметкой. Эти выступления А. С. Макаренко составили первый раздел тома. Статьи «О личности и обществе», «Счастье», «Выборное право трудящихся», которые включены в первый раздел, посвящены темам большого общественного значения. В этих публицистических статьях писатель говорит о новых взаимоотношениях между личностью и обществом, созданных в Советской стране, о красоте советского образа жизни, о законах счастья человека, зафиксированных Сталинской Конституцией, о творце и вдохновителе нового светлого мира — товарище Сталине.

В новых явлениях общественной жизни А. С. Макаренко видел источник, питающий подлинное новаторство

и в области воспитания; поэтому его публицистика так тесно примыкает к педагогике.

Рассказы и очерки А. С. Макаренко вошли во второй раздел тома. Они во многом дополняют наши представления о писателе, о его многогранном творчестве, его облике.

Примечательны с этой точки зрения «О человеческих чувствах», «Из истории героизма», «Преподаватель словесности». Написанные на историческом материале, они выразительно свидетельствуют о том, как умел педагог-новатор не только ценить — глубоко любить прогрессивную культуру прошлого. В очерке «Преподаватель словесности» преданная любовь писателя к славному прошлому русского народа, чувство революционной национальной гордости нашли свое особенно выразительное художественное воплощение.

Некоторые рассказы («Случай из прошлого», «Симфония Шуберта», «Доктор», «Домой хочу») продолжают тему «Педагогической поэмы». В них описаны отдельные эпизоды из жизни колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, рассказаны судьбы бывших воспитанников по выходе из колонии. В рассказах «Премия», «Новые годы», «В библиотеке» писателю удалось дать сжатые психологические характеристики простых советских людей, показать рождение новых чувств.

С начала 1937 г. А. С. Макаренко работает как писатель-профессионал. К этому времени относятся его выступления по вопросам художественного творчества.

Публикуемые в третьем разделе тома статьи рассматривают творческий труд писателей со многих сторон и написаны по различным, иногда внешним, поводам. Однако они также отличаются внутренним единством. В этих статьях А. С. Макаренко говорит о благородных задачах советской художественной литературы, высоко поднявшей знамя социалистического гуманизма, о созидательном труде наших писателей, об активной борьбе за подлинную демократию, о разоблачении поджигателей войны.

«Новое истребление человечества среди бела дня готовится вокруг нас. Невиданное в истории мира совершилось... Вырос на равнинах России сияющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного

поколения людей, гением их руководителей Ленина и Сталина... И если вспыхнет война, наш гражданин и гражданин мира под знаменем гуманизма свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в мире», — писал А. С. Макаренко в 1937 г. (статья «Сила советского гуманизма»). Этой оптимистической убежденностью, глубокой верой в правоту и победу нашего дела проникнуты все выступления писателя-патриота.

Антон Семенович напоминает об ответственности писателей перед своим народом, говорит о требованиях большевистской идейности и высокого мастерства, осуждает разобщенность в среде писателей.

В центре его творческого внимания — вопросы новой этики и эстетики; в писателях Макаренко видит прежде всего воспитателей новых людей — строителей коммунизма.

«...Новая этика и новые связи между людьми требуют и новой эстетики», — писал А. С. Макаренко в статье «Предстоит большая работа над собой». «На боевом пути советского общества литература вовсе не играет роль фронтового информатора, она — разведчик будущего». Поэтому в каждом слове советской литературы должна заключаться «проекция завтрашнего дня, призыв к нему, доказательство его рождения» (статья «Литература и общество»).

К числу выступлений, в которых А. С. Макаренко рассматривал проблемы эстетики, относятся его статьи о детской литературе (четвертый раздел тома). Особенно внимания заслуживает среди них известная работа «Стиль детской литературы». В этой работе сделана попытка по-новому разрешить некоторые важные проблемы теории литературы. Не все бесспорно в предложенных здесь А. С. Макаренко решениях; эта небольшая статья содержит, по сути дела, кратко изложенную программу для дальнейшей творческой разработки и научной дискуссии.

Заметное место в творчестве А. С. Макаренко занимает в последние годы жизни литературная критика. Собранные воедино в пятом разделе тома, его рецензии дают возможность проследить, как конкретизируются

общие эстетические воззрения писателя в связи с разбором отдельных художественных произведений. «Чапаев» Д. Фурманова и «Петр Первый» А. Толстого — это обстоятельные литературно-критические статьи.

Анализируя литературное произведение, А. С. Макаренко рассматривает и художественные средства писателя: композицию произведения, язык, изобразительные приемы. Его занимают не только отдельные образы литературных персонажей, он выясняет, как обрисован коллектив, народ — главный герой советской литературы. Все это делает литературно-критические выступления А. С. Макаренко поучительными во многих отношениях. Особую ценность представляют эти выступления для преподавателей литературы.

В шестой раздел тома входят педагогические публикации, которые редакция не имела возможности включить в предшествующие тома. Почти все эти работы разысканы недавно, две из них («Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького» и «Доклад в педагогическом училище») публикуются впервые. «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького» написан в 1925 г. Он дает новый материал для характеристики пройденного А. С. Макаренко педагогического пути.

В последнем (седьмом) разделе тома («А. С. Макаренко и Максим Горький») публикуются статьи и выступления А. С. Макаренко, посвященные основоположнику советской литературы, а также переписка А. М. Горького с А. С. Макаренко.

Антон Семенович Макаренко — один из наиболее выдающихся писателей горьковской школы. А. М. Горький был «шефом, другом и учителем» Макаренко. Письма Горького, его борьба за социалистический реализм в литературе, его деятельность великого гуманиста оказали существенное влияние на А. С. Макаренко. Поэтому значение материалов, включенных в седьмой раздел, самоочевидно.

При подготовке к печати настоящего тома была произведена сверка опубликованных текстов с авторскими рукописями, сопоставлены различные варианты, опубликованные в различных изданиях. В отдельных случаях сделаны самые необходимые исправления (устранены опечатки, описки и т. д.).

В приложениях к тому даны материалы, которые позволяют более полно и точно представить систему педагогических выводов, сделанных А. С. Макаренко. К ним относятся авторские тексты «На педагогических ухабах», фрагмент «О «взрыве» (из подготовительных материалов к «Педагогической поэме»), фрагмент «Вот у вас родился ребенок» (из подготовительных материалов ко второму тому «Книги для родителей») и другие авторские материалы: тезисы, письма, выступления.

Поскольку седьмым томом данное издание заканчивается, в томе, кроме комментариев, примечаний и предметного указателя к текстам, дан дополнительный материал справочного характера (библиография, сводные указатели и т. д.). Редакция сочла целесообразным включить в настоящий том также опись документальных материалов А. С. Макаренко, хранящихся в Центральном государственном литературном архиве Главного архивного управления Министерства внутренних дел СССР.

Архивные фонды А. С. Макаренко еще не изучены.

Опись ЦГЛА ГАУ МВД СССР (фонд № 332) — первый документ, который знакомит читателя с этим материалом. Задача всего справочного аппарата — помочь тем, кто углубленно работает над изучением и применением научного наследия выдающегося советского педагога.

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ
И ЗАМЕТКИ**

Всенародный приговор

Мало сказать: мы одобряем приговор. Все эти дни я чувствую себя судьей. Здесь, в этих самых залах, вместе со всей страной мы проводили судебное следствие, мы выслушали невнятную болтовню подсудимых, и мы вынесли им смертный приговор, и вместе с вами и я подал свой голос за расстрел.

Военная Коллегия Верховного Суда в эти дни была подчинена нашему гневу, гневу всего трудового человечества, нашему взволнованному сердцу и нашему беспощадному волевому решению. Это мы вынесли приговор, и это мы отказали всей банде в помиловании.

Иначе мы и не могли поступить. Великодушное терпение партии, надежда на человеческое достоинство людей, на их политическую честность в течение десяти лет вызывали у этих преступников только нахальство, только интриги и злодеяния. То они таякали нам под руку, то они организовали подпольные типографии, теперь они взяли револьверы в руки.

Люди эти — ничтожные люди, люди без совести, без чести и сумасшедшие. Только безумием можно объяснить их желание прорваться к власти над многомиллионным народом, полагаясь для этого только на силу револьвера. Их ничтожество особенно выявилось в последних словах на процессе. В этих словах мы ничего не услышали, кроме новой лжи, ничего не увидели, кроме отвратительной игры, рассчитанной на жалость, хотя бы и полную отвращения.

Это ничтожества! Это обезьяны с револьверами в руках, но ведь они ходили вокруг наших вождей, и мы уни-

чтожили негодяев. И так же беспощадно мы обязаны уничтожить всех, кто пойдет за ними!

А юридивые из II Интернационала напрасно посылают нам телеграммы. Чего они думают этим достигнуть? Пускай они приедут к нам в Союз, ведь для них давно приготовлены скамьи подсудимых.

Уже не хочется вспоминать имен бандитов. В моем представлении они — безымянная падаль, последний сброд.

Наша мысль сейчас безраздельно устремлена к одной цели — грудью стать за товарища Сталина. Мы хотим в горячих и необычайно сердечных, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше ещё не успокоившееся волнение.

О личности и обществе

Хочется найти какие-то особенно выразительные слова, чтобы правильно оценить наши замечательно яркие дни. Трудно это сделать. Может быть, для этого нужно было бы выключить какие-то грандиозные рубильники, чтобы потухли и забылись все злобы наших дней, чтобы можно было стать на широких мировых площадях, слушать слова вождя, слушать новые человеческие гимны.

Но жизнь несется вперед вместе с нами, и в музыке и грохоте ее движения мы слышим слова Сталинской Конституции. Будущие люди позавидуют нам, в этом соединении жизни и революции они увидят все величие, всю красоту и мощь нашего замечательного времени.

А я завидую будущим людям, я завидую даже тому школьнику, который в каком-нибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории, где будет написано:

«История человечества делится на две части: до Сталинской Конституции и после Сталинской Конституции»...

Я завидую этому школьнику потому, что его детские глаза лучше моих увидят настоящее величие наших дней: для этого школьника десятки поколений ученых, сотни светлых умов освобожденного человечества раскроют и

назовут самые глубокие правды, таящиеся в простых словах основного закона СССР.

Ведь удивительно: вот уже шесть месяцев, как проект Конституции нам известен, мы знаем его на память, мы много пережили и передумали, изучая его, а в ноябре, после доклада товарища Сталина, наша Конституция как будто заново встала перед нами, и мы увидели многое, чего не видели раньше.

Мы смотрим на Кремль и видим не только основной закон нашего государства; не только названные и подытоженные наши победы, но и сияние новой человеческой философии, тем более ослепительное, что в нем горят не огни человеческой мечты, не призывы к счастью, а строгие чертежи реальности, простые и убедительные линии, непривычно для философии называемые фактами.

Да, мы сейчас больше думаем о счастье, чем когда бы то ни было в истории. Эта тема реально придвинулась к нам, она стала нашей деловой темой,— тема о счастье всех людей, тема о человеке, о личности, об обществе. Мы должны быть философами. На наших глазах самые скромные люди, самые трезвые прозаики, самые практические деятели расправляют крылья высокой синтетической мысли, улетающей в перспективу веков. Широкие народные массы Союза переживают сейчас не только чувства благодарности и радости победы, но и большую философскую взволнованность. Исторический документ, написанный, как говорил товарищ Сталин, «почти в протокольном стиле», будто раскрыл перед нами широкие врата истины, еще недавно заваленные горами исторических заблуждений и тяжестью вековых неудач в борьбе за освобождение человека. И поэтому тема о счастье стала близкой и родной темой. А сколько десятков веков люди искали счастья, сколько мудрецов положили головы на путях к нему, какие страшные жертвы принесло ему человечество?!

Теперь, при свете Сталинской Конституции, вдруг стало ясно видно, что такое счастье. Оказывается, это вовсе не трансцендентная категория. Оно легко поддается почти математической формулировке. В сталинском законе оно разрешается в простом сочетании двух величин: личность и общество.

Трудно описать ту безобразную кучу заблуждений,

тлупости, вранья, мошенничества и сумасбродства, которая до наших дней прикрывалась истрепанной занавеской с надписью: «Проблема общества и личности».

Каких трюков, каких фокусов, каких затей ни показывали нам из-за этой занавески? И любовь к ближнему, и любовь к дальнему, и сверхчеловека, и «человека-зверя», и «не противься злему», и «скашивай на-нет», и даже «спасайся, кто может!»

Веками мы глазели на это представление, а многие из нас даже веровали. Великаны человечества — Толстой, Достоевский, Гоголь, Верхарн — расшибали себе лбы возле этого балагана.

А ведь существовала только занавеска, в сущности был только балаган, в котором скрывался вековой обман идеологов эксплуататорского общества. Слова Сталинской Конституции, как прожектором, осветили это место, и мы увидели бутафорию. Так понятно стало: проблема личности может быть разрешена, если в каждом человеке видеть личность. Если личность проектируется только в некоторых людях по какому-либо специальному выбору, нет проблемы личности. В речи товарища Молотова это замечательно показано. Какая проблема личности может быть у каннибалов? Можно ли в таком случае сказать: одна личность съела другую личность? Проблема личности в условиях взаимного поедания звучит весьма трагикомично. А разве лучше с проблемой общества? Те общественные представления, которые такими обычными и будничными стали у нас, просто не подходят, не вяжутся в условиях мира каннибальского. Попробуйте в любом советском окружении сказать неожиданно: коллектив заводов Круппа. Даже неискушенный в социологии советский гражданин услышит нечто дикое в сопоставлении слов «коллектив» и «Крупп». Мы уже хорошо знаем, что такое коллектив. Это, конечно, не «собрание индивидов, одинаково реагирующих на те или иные раздражители», как учили некоторые чудаки, близко стоявшие к недавно скончавшейся педологии. Коллектив — это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности. Коллектив — это социальный организм в здоровом человеческом обществе. Такой организм невозможно

представить в мешанине буржуазного мира. Тем более невозможно представить себе «общество» в нашем понимании этого термина. Кое-как мы еще справляемся с такими представлениями, о которых слышим из-за границы: «двор», «свет», «аристократия», «высшие круги», «средние круги», «низшие круги», «простонародье», «чернь». К какому из этих подразделений можно присоединить термин «общество»? В каких комических ансамблях, в каких шутках можно смешать все эти элементы и назвать эту взрывчатую смесь обществом? И тем более: в порядке какого легкомысленного чудачества можно мечтать о счастье для такого «общества» в целом?

А ведь все-таки мечтают люди и на Западе. Мечтают о счастье, говорят о нем и обещают его приготовить в ближайшее время. Даже Генри Форд однажды занялся этим делом, у него это вышло не очень глупо. В одной из своих книг он сказал приблизительно так: при помощи законодательства нельзя принести человечеству счастье; его принесет конструктивное творчество...

Разумеется, мистер Форд швырнул камень в наш огород. Нашу революцию он назвал законодательством, безнадежной попыткой принести счастье людям. Счастье принесет, мол, сам Форд, «замечательный» конструктор на своих собственных «замечательных» заводах. В первую очередь счастье получают, конечно, не рабочие заводов Форда, а покупатели его автомобилей. Автомобиль — это счастье.

Из творчества мистера Форда, однако, ничего путного не вышло. Во время кризиса тысячи личностей разъезжали на прекрасных машинах по прекрасным дорогам и выпрашивали милостыню у других личностей. Автомобиль, даже самый лучший, не принес никому счастья, кроме самого Форда и немногих ему подобных.

Несмотря на эту печальную неудачу, необходимо признать, что мистер Форд был недалек от истины. «Конструктивное творчество» принесло счастье людям. Но это творчество называется революцией и строительством социализма.

В каждой строчке нашей Конституции мы видим работу гениального конструктора, и объектом этого творчества было общество без кавычек. При помощи одного законодательства его невозможно было создать. Можно

издать закон, запрещающий безработицу, но только невиданный размах гения может создать в стране такие условия, при которых десятки миллионов трудящихся обязательно получают работу, а безработица будет навеки уничтожена. Право на отдых не может быть создано законом, если «конструктивно» не созданы сотни и тысячи здравниц.

Сталинская Конституция — единственный в мировой истории документ, имеющий характер исторического паспорта величайшего создания: нового человеческого общества.

И только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы «общество и личность». Эта проблема решена не в горячей проповеди, не в призывах, не в порядке постановки принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин.

И это общество — настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным миром. Детали этого явления недоступны и непонятны для западных мудрецов, ибо этих деталей никогда не было в их жалком опыте.

К примеру возьмем вопрос о единой и единственной у нас коммунистической партии. Для нас это так убедительно и просто: только единая партия большевиков, передовой отряд рабочего класса и всех трудящихся, способна к наиболее яркому, эффективному и экономному социалистическому творчеству. Она гениально задумана, гениально организована, счастливо соответствует всей структуре общества.

Западным мудрецам трудно понять такие вещи. Человек, ездивший в своей жизни только на возу, с таким же трудом поймет, как это автомобиль обходится без квача и мазницы. Та сложная смесь лжи, интриги и взаимного поедания, которой смазываются колеса буржуазной демократической телеги, чтобы не слышно было раздражающего скрипа, и которая иронически называется свободой, в нашем обществе не нужна и не может иметь места.

Наше воодушевленное доверие к партии, наш экономический строй создают невиданную еще свободу лич-

ности, но это не та свобода, о которой болтают на Западе. Есть «свобода» и свобода. Есть свобода кочевника в степи, свобода умирающего в пустыне, свобода пьяного хулигана в заброшенной деревне и есть свобода гражданина совершенного общества, точно знающего свои пути и пути встречные.

Мы, естественно, предпочитаем последний тип свободы. Ибо коллизия «личность и общество» у нас разрешается не только в свободе, но и в дисциплине.

Как раз дисциплина отличает общество от анархии, как раз дисциплина определяет свободу. «Кто не работает, тот не ест». Эта простая и короткая строчка отражает строгую и крепкую систему социалистической общественной дисциплины, без которой не может быть общества и не может быть свободы личности.

Проблему «общество и личность» буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка. Старые законы этого колебания были уже потому порочны, что они были нереальны. Величина колебания в буржуазных конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально, вырванной из общества, абстрагированной. Для такой личности ничто не мешало установить очень широкую амплитуду колебания в области поступка: свобода «употреблять и злоупотреблять», свобода трудиться или лежать на боку, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в лачуге или во дворце. Ничего не жалко, все можно разрешить личности — действительно широчайшие «просторы». Но все это для абстрактной личности. Настоящая, живая, реальная личность, живущая под ярмом буржуазного «общества», в подавляющем большинстве случаев имела очень маленькую и жалкую амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева,— с другой.

В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не может размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она ни обладала. Недра, поля, леса в личную собственность? — Нельзя! Они принадлежат всему народу... Ничего не делать? — Нельзя! «Кто не работает, тот не ест»... Для эксплуататора, для какого-нибудь такого «сверхчеловека» действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражда-

Нина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка очень велика: от радостного, сознательного творческого труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими муками совести,— с другой.

Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек».

В эти дни

В такие дни, как сейчас, пересматривается человеческая история.

Великаны нашей страны там, в пустынном центре Арктики, продолжают ревизию привычных установок человечества и сообщают миру новые идеи.

Нельзя представить ничего более скромного, чем пришедшие к нам радиogramмы О. Ю. Шмидта:

«Рады сообщить, что смогли выполнить задание товарища Сталина и создать на полюсе прочную базу для науки и авиации. Наши мысли с нашей великой родиной».

Здесь слово «полюс» мелькает между прочим, как будто это не заколдованная в студеных просторах недоступная цель вековых человеческих стремлений, а маленький городок где-нибудь на Волге.

Здесь говорится как будто только о «текущих делах»: получено задание и выполнено, создана не историческая победа, блещущая уверенным советским героизмом, а только «прочная база», как будто к неизмеримому числу наших «прочных баз» прибавилась только единица.

Но за этой скромностью весь мир видит величие Советского Союза, на фоне которого совершенно в новом свете выступает фигура человека.

В событиях, происходящих на Северном полюсе, наиболее поражает новое нравственное звучание человека.

Нельзя сейчас не вспомнить капитана Скотта, погибшего с товарищами на обратном пути с Южного полюса в марте 1912 года. Нельзя не преклоняться перед его мужественным подвигом, нельзя не восхищаться этой большой человеческой личностью.

Но когда перечитываешь предсмертные записки и письма капитана Скотта, поражает одиночество, тоска, трагизм, фатально сопровождавшие героизм подобных людей.

Так становится ясно, что нравственная атмосфера капиталистического общества, — созданные веками традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа, — уже не могла вместить одинокий героизм личности. Между этим героизмом и так называемым обществом всегда стоит «некто в цилиндре», и его присутствие отравляет человеческий подвиг прежде всего в самой центральной идее, в идее цели.

Здесь драма происходила не только в характере организации.

Экспедиция Скотта была прекрасно организована по тогдашнему времени, и все же величие его усилий заранее было опорочено ничтожным нравственным содержанием цели.

Поэтому так незаслуженно легко подвиг Скотта и его товарищей в их собственных глазах потерял всякую цену, когда они нашли на Южном полюсе флаг Амундсена:

«Подошедши ближе, увидели, что это был черный флаг, привязанный к полозу саней, тут же близко остатки лагеря: следы саней и лыж, которые шли туда и обратно, выразительные следы собачьих лап, — многих собак. Вся история, как на ладони: норвежцы нас опередили и первые достигли полюса. Страшное разочарование, и мне больно за моих товарищей!.. Конец нашим мечтам, печальное будет возвращение!..»

Мы поставили наш бедный, обманутый английский флаг.

И вот мы повернули спиной к цели наших честолюбивых стремлений, и перед нами 800 миль пешего хождения с грузом. Прощайте, золотые мечты!»

Конечно, страшно жаль капитана Скотта, хочется сочувствовать его неудаче, но у советского человека этого.

сочувствия уже не может быть. Мы уже привыкли к новым масштабам измерения удач и неудач.

Не только не сочувствуешь неудаче Скотта, но не радуешься и удаче Амундсена.

Скорее становится одинаково жаль и Скотта и Амундсена, и победителя и побежденного, потому что на первый план в наших впечатлениях выступает их героическое одиночество, эта страшная неуютность в положении человека в капиталистическом обществе.

Последние строки дневника Скотта и в особенности его письма еще более усиливают это впечатление неуютности и одиночества. Последняя строка дневника Скотта: «Бога ради, не оставьте наших близких».

В письмах капитана Скотта, написанных над телами раньше его умерших товарищей, читаем:

В письме к Д. М. Барри:

«Умирая, прошу вас, дорогой мой друг, быть добрым к моей жене и к ребенку. Подайте мальчику помощь в жизни, если государство не захочет этого сделать»...

В письме к вице-адмиралу Эджертону:

«Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы мою вдову обеспечили, насколько это будет зависеть от морского ведомства».

В письме к Д. Д. Кинсей-Крайстчерч:

«Мысли мои о моей жене и сыне. Сделаете ли вы для них, что сможете, если страна не сделает?»

Если бы я знал, что жена и мальчик обеспечены, то не очень жалел бы, оставляя этот свет»...

В этих строчках важно не то, обеспечили или не обеспечили близких капитана Скотта.

Важно, что в момент предсмертной тоски он должен рядом с уже умершими друзьями сидеть и писать просительные письма. У него нет ощущения единства с своим народом, нет уверенности в том, что он делает общее дело, за которое отвечает не только он, его жена и мальчик, но и все общество.

В этом именно моменте так ясен нравственный порок капиталистического общества. Сам Скотт в своем собственном подвиге не видит большего, чем пример «джентльменства» — жалкое утешение для героя, оказавшегося в момент своей трагической кончины в положении настойчивого просителя... и только.

И таким же одиноким остался бы капитан Скотт, если бы удалось ему возвратиться к жене, и таким же одиноким был он в каждый момент своего путешествия. Это фатально!

Почему так героически притягательны, так счастливы и так жизнерадостны наши герои? Почему в этой группе людей на Северном полюсе живут и строят «прочную базу» все люди нашей страны, и мысли наши с ними, как и мысли их с нами?

Почему в самой организации этого исторического похода, в каждом воздушном корабле, в каждом пищевом концентрате, в каждой подробности распоряжения и плана так много общественной и государственной заботы?

И почему, наконец, на Северном полюсе собрались не случайные «джентльмены» героического почина, а крепкий коллектив, связанный со всей страной многолетним напряженным опытом борьбы?

Ответы на все эти вопросы лежат в новой нравственности нового общества.

Потому что исчезли все проклятия капиталистической разобщенности, поедания человека человеком, потому что впервые в мире развеивается над нами единый флаг человечества, потому что под этим флагом собрались новые, полной грудью вздохнувшие люди, люди нового подвига и новой человеческой этики.

Наша этика уже не несет в себе припадочной истерики, выпячивания личности, в ней нет надрыва неуюта и одиночества.

Радость нашей жизни

На просторной площади 1-го Государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича сегодня похоже на праздник. И небо над заводом как будто праздничное, ясное, веселое, украшенное нарядными облаками. А на самом деле сегодня на заводе рабочий день, меняются смены, бегают грузовики, приходят и уходят переполненные трамваи.

Еще так недавно здесь не было никакого завода,— голое поле и мелкие огороды. Сейчас к самому горизон-

ту уходят заводские корпуса, асфальтные ленты дорог и тротуаров, цветники. Здесь сегодня оживленное, говорливое, радостное движение. Вечерняя смена вступает на работу, а между сменами собирается митинг.

В каждом слове оратора живут энергия и оптимизм счастливого, творящего советского народа. Речи звучат молодо. Они насыщены силой и уверенностью в силе. Некоторые из ораторов вспоминают старое, недоброе время, они знают цену этому старому.

Товарищ Кашин из механическо-ремонтного цеха говорит: «В магазинах было всякое изобилие, а я ходил униженный и оскорбленный, я ходил без работы». И многие вспоминают в этот момент прошлое. В этих воспоминаниях сейчас больше гордости, чем грусти. Мы сейчас достаточно сильны для того, чтобы нас могли испугать призраки прошлого. И когда я сообщаю собранию, что число клубов за двадцать лет возросло в несколько сот раз, собрание хохочет так весело, как будто я рассказывал им действительно смешную историю.

Много величественной силы в этом нашем уверенном тоне, в этом могучем ощущении нашей победы. Это чувствуется в каждом слове, сказанном на митинге, в каждом взгляде людей.

И совершенно очевидно, что о врагах никто ни на минуту не забывает, что врагов встретит та же спокойная, уверенная сила.

И шарикоподшипниковцы с той же уверенной силой немедленно после митинга подтверждают свои слова делом. На самом митинге по предложению кузнечного цеха объявлена третья стахановская декада.

Стоит зайти в кузнечный цех, чтобы понять всю величественную серьезность этого решения: сегодня кузнечный цех дает рекордный выпуск колец, перекрывающий все предыдущие стахановские рекорды,— 180 тысяч. Главный инженер отмечает уже более быстрый ритм работы, более дробные шумы, более четкие движения. Все идет спокойно, никто не торопится, не волнуется. Начальник цеха подходит к нам и... улыбается, улыбка у него добродушная и уверенная: он не сомневается в успехе.

Здесь, в кузнечном цехе, не меньше, чем на митинге, чувствуется великолепный стиль могущества, того самого могущества, которое звучит в каждом слове нашей Кон-

ституции, в каждой детали выборного закона. Это — стиль нашей жизни.

В самом же кузнечном цехе штамповщик тов. Кирсанов в честь призыва своего в Красную Армию устроил такой цеховой праздник: в один день он отковал 5.040 колец при норме 2.500. Отковал и ушел в армию. В Красной Армии он сегодня представляет те же чувства уверенности и силы, которые он проявил на заводе имени Кагановича. Таких Кирсановых десятки миллионов и в наших цехах и в наших полках.

Новая жизнь

Тесно — бочком уселись на партах юноши и девушки, тесно стало в проходах, у стен и окон. Это ученики старших классов московской 67-й средней школы.

Директор школы открывает митинг. Его речь слушают со вниманием. Он сравнивает старые и новые дни.

На первой парте сидят трое, все они поддерживают головы кулаками, только по-разному: один подпер голову кулаком возле уха, другой — у щеки, третий — у подбородка. И все трое смотрят на директора с простым ученическим вниманием, на лбах у них чуть-чуть обозначились складки, — требуется довольно значительное напряжение фантазии, чтобы представить себе старую жизнь.

Выходит на трибуну ученик 10-го класса Богданов, — один из 24 избирателей, учеников 67-й школы. Верхняя губа у Богданова уже потеряла детскую нежность, на ней осторожно оттушеваны усики. Богданов улыбается и начинает:

— Я, конечно, не застал старой жизни, но моя тетя видела все и рассказывала...

Эта самая старая жизнь, которой совершенно не испытали наши школьники, о которой они узнают из разговоров с тетей, на самом деле грозила бы этой молодежи тяжелым и глубоким несчастьем, если бы не совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Сколько из этих юношей и девушек, тесно сидящих на партах, закончило бы свое образование в «мальчи-

ках» у сапожников и портных, сколько из них и до конца жизни не узнало бы, что такое средняя школа.

Выборы в Верховный Совет — это наше настоящее и будущее, поэтому и учителя молодеют, когда говорят о выборах.

Предложение заведующего учебной частью притти к дням выборов только с хорошими и отличными оценками заставляет некоторых смущенно оглянуться:

— Это... довольно трудное дело!

— Подумать нужно...

Но именно потому, что это дело трудное, собрание находит, что достойно будет отметить таким делом избирательную кампанию. В глазах загораются задорные огоньки, собрание аплодирует своему решению. И чтобы показать, что это не только радостная демонстрация чувств, а деловое и солидное обязательство, тут же постановили: 13 декабря проверить выполнение.

Наше знамя

Сегодня на Электрокомбинате им. Куйбышева великий, знаменательный и исторический день. Люди входят в ворота без торопливости и суеты. Они входят тесной, веселой толпой, но за воротами, не успеешь оглянуться, — никого уже нет, и по щепетильно чистенькому асфальту торопливо пробегает только куда-то торопящийся грузовик.

Среди этих шумливых потоков молодых попадают сивоусые старики. Они проходят к заводским входам без щебетанья и россыпи улыбок, улыбки у них копошатся под усами. Эти люди помнят старые ритмы старых заводов: и пыльные, корявые дворы, и согбенные, хмурые фигуры товарищей, и угодливые морды надсмотрщиков и шпионов, и сдергиваемые перед хозяином картузы, и озлобленные, острые взгляды молодежи, недавно начавшей скорбный путь пролетария.

Теперь это в прошлом. Кто его знает, умеет ли наша молодежь представить это прошлое по нашим стариковским рассказам? Она проходит мимо стариков легким сегодняшним шагом, и у нее за плечами не волочатся

никакие воспоминания, — ее жизнь только в сегодняшнем, таком небывало разумном, небывало естественном человеческом дне.

Бывшее заводууправление — это просторный высокий зал с типичным заводским фонарем в потолке. За левыми окнами фонаря блещет солнечный день, а правые окна голубеют предвечерним небом. На белом потолке переплеты ферм перепутались с солнечными лучами. Духовой оркестр играет первый марш, а половина зала уже заполнена. В центре откуда-то взялся хор, и вслед за оркестром гремит песня. Молодой человек в защитной гимнастерке на высоких звонких нотах вносит в песню солнечную, радостную вариацию, девушки смотрят на него одобрительно, он смеется и краснеет.

Полнощекая, румяная девушка в белой беретке с кем-то оживленно и напористо разговаривает, вдруг оглядывается и подхватывает песню:

«Широка страна моя родная...»

Не успели пропеть песню, а зал уже полон. Сколько здесь может поместиться? Семь тысяч, десять, семнадцать тысяч... На часах ровно четыре, когда уже трудно стало войти в зал, и председатель открывает собрание. Капельмейстер взмахивает палочкой и строго посматривает на басов, оркестр уверенно-привычно покрывает шум торжественно-стремительными звуками «Интернационала». И в этот момент сразу стало ясно, что это не обычное собрание: десять тысяч голосов со второго слова подхватили «Интернационал». Никто не дирижировал ими, но до самых далеких, у самой стены стоящих певцов никто не напутал, как будто этот десятитысячеголовый хор каждый день упражняется в пении. Все смелее и задорнее расширялся советский гимн под солнечным потолком зала и, наконец, покрыл оркестр.

Так началось действительно торжественное и праздничное общее собрание рабочих и служащих Электрокомбината им. Куйбышева, посвященное только одному вопросу — о выдвижении кандидата в депутаты Совета Союза по Сталинскому избирательному округу г. Москвы.

И с первого же слова работницы лампового завода т. Славновой загорелось в собрании горячее чувство благодарности и разгоралось все больше и шире в словах

говоривших рабочих, инженеров, представителей партии и комсомола. В самые ответственные и серьезные моменты человеческой истории люди не могут отказаться от чувства, если чувство бьет через край, если для чувства открыты просторные выходы, если чувство нельзя и непосильно сдержать. И в этом предвыборном собрании завода-гиганта чувство благодарности к товарищу Сталину стало единственно возможной формой избирательной работы. Поэтому так искренно и неудержимо ораторов прерывали аплодисментами и овацией, так единодушно голосование предупреждалось взрывом большого чувства десятка тысяч человек. Уже через несколько минут после начала собрания трудно было представить себе, что это просто общее собрание. В открытые двери вдаль виднелись бесконечные ряды непоместившихся в зале людей, и было ясно, что это стоит в дружном тесном единении, слившийся в едином горячем чувстве советский народ. И поэтому в самых ярких словах ораторов ощущались только начала еще невыраженных в слове синтезов, непосильных для нашего воображения итогов. А слова здесь были сказаны яркие и сильные. Здесь выступали прекрасные ораторы, как только прекрасна и сильна может быть искренность. За каждым словом человека здесь чувствовались огромные подсчеты мысли и любви, не подчиняющиеся словам. Когда Славнова сказала простую фразу: «Мне сорок лет, двадцать лет я жила до революции и двадцать лет после революции», стало так ослепительно ясно, какая сложная и неизмеримая разница между теми и этими двадцатью годами. И когда она хотела подсчитать, сколько сделано за последние двадцать лет, стало так ясно, что подсчет каждым произведен в сердце и что каждое сердце богаче самого гениального оратора. И так же точно расширялось в душе каждое сказанное на этом собрании короткое слово. И так же широко разливался гнев в глазах людей, когда с трибуны раздавались суровые слова о врагах:

«Мы сделали бы еще больше, если бы нам не мешали эти гады: троцкисты, бухаринцы, шпионы, фашисты, диверсанты».

Чувство благодарности к коммунистической партии, неразрывное с чувством благодарности к товарищу Сталину, в этом собрании все время было связано с бди-

тельностью. Это не было сентиментальное чувство, это было чувство революционеров, творящих величайшую эпоху в человеческой истории. И это не была любовь размягченных сердец, это была любовь мужественных борцов за дело человечества.

И поэтому нельзя было измерить бурю в выражении этой любви, когда Славнова предложила:

«Я предлагаю кандидатуру самого лучшего, самого любимого нами человека, вождя, друга и учителя — товарища Сталина».

Так на Электрозаводе им. Куйбышева пришел и как будто остановился этот непередаваемый в своем значении момент. После Славновой говорили многие, так же выразительно и так же ярко и искренно, и их слова выражали так же какие-то незначительные доли общего чувства и общей мысли.

— Там, где было трудно, где революция висела на волоске, товарищ Сталин организовал нашу победу.

— Товарищ Сталин — это воплощение большевистской партии, это наше знамя, под которым мы побеждали и будем побеждать.

— Все здесь присутствующие влачили бы жалкое существование, а теперь наш труд — дело чести, доблести и геройства!

— У нас нет эксплуатации, у нас нет черного дня, нет страха за будущее!

Не было в истории человечества, не было в истории ни одного народа за все тысячелетия жизни людей, не было никогда такого единодушного, такого горячего, такого разумного и такого всемирного чувства, так глубоко оправданного великими победами людей, как этот момент избирательной советской кампании. И поэтому так сильно прозвучали скупые слова официального постановления:

— Общее собрание рабочих, служащих, инженеров, техников, коммунистов и комсомольцев Электрокомбината им. Куйбышева постановило выдвинуть кандидатом в члены Совета Союза Верховного Совета СССР по Сталинскому избирательному округу г. Москвы Сталина Иосифа Виссарионовича, — великого вождя трудящихся всего мира, организатора социалистических побед.

За дорогое будущее, к которому ведет Сталин

Трудно найти слова для выражения того исключительно яркого впечатления, которое уносил каждый из участников предвыборного собрания Сталинского избирательного округа. Не вмещаются чувства в слова, как не вмещается содержание события в его условно районные границы.

На долю Сталинского избирательного округа выпала историческая честь первому назвать имя лучшего из лучших, первого из первых кандидатов в Верховный Совет Союза ССР.

— Имя Сталина.

То обстоятельство, что на устах было это имя, придавало каждому выступлению особую ответственность и особое волнение.

Перед глазами стоял образ одного из величайших гениев человеческой истории, обладающего невиданным еще в мире авторитетом, возглавляющего столь же невиданное по глубине и единому движению трудящихся масс не только нашей страны, но и всего земного шара.

Каждый из выступавших на собрании ораторов невольно искал какие-то особые, достойные любви и преклонения перед этим именем слова.

И недаром рабочий завода Мостяжарт т. Басов пожелал воспользоваться для этого простыми и замечательными словами Барбюса.

— Мы выбираем в Верховный Совет,— заявил Басов,— того, о ком Барбюс сказал:

— Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.

В сопоставлении с мировым значением величайшего исторического деятеля как бы исчезала географическая ограниченность одного избирательного округа. Устами его говорила вся страна.

Поистине трудно найти за рубежом какие-либо аналогии с нашей действительностью.

Мы прекрасно знаем, что такое избирательная механика буржуазной демократии, мы отлично представляем себе, как в безнадежно хитрых избирательных фокусах

тонет на Западе человек, как он далеко стоит от действительных пружин политики. Наш избиратель — это один из творцов нашей жизни, это действительный член настоящей, повседневной, деловой и создающей демократии. Он объединен со всеми другими гражданами страны в одном стремлении, в одном ощущении борьбы и победы, в одном чувстве любви к своим вождям, в одном движении ненависти к своим врагам.

Ораторы, выступавшие на собрании Сталинского избирательного округа, прекрасно чувствовали свою нераздельную слитность со всей страной, общность великого дела революции. И самым высоким и совершенным выражителем этой общности прозвучало имя Сталина.

На собрании взволнованной овацией было встречено выступление Героя Советского Союза полковника Громова. Это был один из самых замечательных моментов собрания. Громов выразил затаенные мысли каждого из участников совещания, когда заявил:

— Каждый из нас отдаст свою жизнь за то дорогое будущее, к которому ведет нас Сталин.

Эту же мысль по-своему выразили остальные ораторы предвыборного собрания: Савина, Сомов, Басов, Абакумов, Мякотин, Ключев, Зверев.

Какой замечательный факт нашей действительности это избирательное собрание трудящихся, за спиной которых вот уже двадцать лет не стоит эксплуататор.

Счастье

Великая Октябрьская революция — это небывалые в истории сдвиги в жизни отдельных людей, в жизни нашей страны, в жизни всего мира. Невозможно перечислить те изменения, которые она принесла в историю человечества.

Но, как это ни странно, мы очень мало знаем о законах тех изменений, которые являются последней целью революции, итогом всех ее побед и достижений, мы мало говорим о человеческом счастье. Часто, правда, мы вспоминаем о нашем счастье, вспоминаем с волнением и благодарностью, но мы еще не привыкли говорить о нем с

такой же точностью и определенностью, как о других победах революции.

Такое отношение к счастью нами исторически унаследовано. С испокон веков люди привыкли вести учет только бедственным явлениям жизни. Свои горести, болезни, падение, нищету, оскорбления и унижения, катастрофы и отчаяние люди давно научились подробно анализировать, до самых тонких деталей называть и определять. Это они умели делать и в жизни, умели делать и в литературе. Художественная литература прошлого, собственно говоря, и есть бухгалтерия человеческого горя. В то же время мы не можем назвать ни одной книги, в которой с такой же придирчивой добросовестностью, так же пристально, с таким же знанием дела разбиралось и показывалось человеческое счастье.

Некоторые писатели изредка упоминают о счастье, но всегда это самый простой и общедоступный его сорт, — произведение матери-природы — любовь. Для такого счастья теоретически достаточно иметь в наличии взаимную склонность двух существ. Ничего сверх этого как будто не требуется.

Писатели имели склонность к изображению такого счастья, но они... не имели красок для этого. В этом деле ни один писатель не ушел дальше самого среднего успеха. Любовное счастье, его настоящее живое и длительное функционирование, счастье в собственном смысле, а не только надежды на счастье писатели изображали одинаково скучно и однообразно.

Писатели знали о своей беспомощности в изображении даже простого любовного счастья, но они не хотели и не могли демонстрировать такую беспомощность перед читателем. Поэтому самую лучезарную любовную радость они предпочитали смять новым набором бедствия, горя и препятствий, в изображении которых они всегда были мастерами. Самая патетическая история любви «Ромео и Джульетта» есть в то же время и самая бедственная история.

Нужно, впрочем, сказать, что читатели за это никогда не обижались, так как читатели тоже всегда предпочитали описание страданий. Одним словом, издавна человек всегда был специалистом именно по несчастью, по горестному событию и всегда любил такие произведения,

где счастьем даже и не пахло. Самые милые для нас, самые близкие сердцу произведения художественной литературы стараются обходить счастье десятой дорогой или удовлетворяются констатацией пушкинского типа:

«А счастье было так возможно,

Так близко».

У Лермонтова, у Достоевского, у Гоголя, у Тургенева, у Гончарова, у Чехова так мало счастья и в строчках, и между строчками. Очень редко оно приближается на пушкинскую дистанцию, но немедленно его легкий и волшебный образ уносится какой-нибудь жизненной бурей.

Почему это так? Почему вся прошлая художественная литература так не умеет, так не любит изображать счастье, то-есть то состояние человека, к которому он всегда естественно стремится и из-за которого, собственно говоря, живет?

Почему в номенклатуре художественных форм мы имеем драму и трагедию, то-есть форму страдания, а не имеем ничего для темы радости? Если мы хотим повеселиться и порадоваться, то смотрим фарс или комедию, то-есть любуемся поступками людей, которых, пожалуй, даже и не уважаем. Почему на самых последних задворках, среди разной мелочи, давно захирела идиллия?

Некоторые литераторы даже полагают, что счастье по самой природе своей не может быть предметом художественного изображения, ибо последнее невозможно, буд-то, без игры коллизий и противоречий.

Этот вопрос подлежит, разумеется, серьезному и глубокому теоретическому исследованию. Но уже и сейчас можно высказать некоторые предчувствия, и единственным основанием для таких предчувствий является новый образ счастья, выдвинутый Октябрьской революцией. В этом образе мы видим новые черты и новые законы человеческой радости, видим их впервые в истории. Именно эти новые черты позволяют нам произвести подлинную ревизию старых представлений о счастье и понять, почему так уклончиво относилась художественная литература к этой теме.

Представим себе, что у Онегина и Татьяны счастье было не только возможно, но и действительно наступило. Не только для нас, но и для Пушкина было очевидно, что это счастье, как бы оно ни было велико в субъективных

ощущениях героев, недостойно быть объектом художественного изображения. Человеческий образ и Онегин и Татьяна могут сохранить в достойном для искусства значении только до тех пор, пока они страдают, пока они не успокоились на полном удовлетворении. Что ожидало эту пару в лучшем случае? Бездеятельный, обособленный мир неоправданного потребления, в сущности безнравственное, паразитическое житие.

Передовая литература, даже дворянская, все же не находила в себе дерзости рисовать картины счастья, основанного на эксплуатации и горе других людей. Такое счастье, даже несомненно приятное для его обладателей, в самом себе несло художественное осуждение, ибо всегда противоречило требованиям самого примитивного гуманизма. Как кинематографический фильм не выносит буффорских костюмов, так подлинно художественная литература не выносит морали капиталистического... общества.

Именно поэтому литература не могла изображать счастье, основанное на богатстве. Но она не могла изображать и счастье в бедности, ибо подобная идиллия не могла, конечно, обойтись без участия ханжества. Искусство, всякое настоящее искусство никогда не могло открыто оправдать человеческое неравенство.

Классовая жизнь — это жизнь неравной борьбы, это история насилия и сопротивления насилию. В этой схеме человеческому счастью остается такое узкое и сомнительное место, что говорить о нем в художественном образе — значит говорить о вещах, не имеющих общественного значения.

Счастье, основанное на богатстве, было предметом узко личного «потребления», в известной мере спрятанного, секретного, долженствующего вызывать зависть тех, кого человеческое неравенство поставило на одну даже ступеньку ниже. В жестоком эксплуататорском обществе жизнь личности колебалась от циничной жизни насильника до такой же циничной и безобразной жизни подавленного человека, и поэтому счастье всегда содержало в себе некоторый элемент того же цинизма.

Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью. И прошло только

20 лет со дня Октября, а на наших глазах с каждым днем ярче и искреннее это счастье реализуется в нашей стране. До чего смешно теперь говорить только о любовном счастье, о том самом единственном, принудительном суррогате его, о котором кое-как пытались говорить старые художники.

Наше счастье — это очень сложный, богатейший комплекс самочувствия советского гражданина. В этом комплексе любовная радость именно потому, что она не обособлена, не уединена в своем первобытно-природном значении, дышит полнее, горит настоящим горячим костром, а не теплится где-то в семейной лагуне, в качестве одного из наркотиков, умеряющих страдания человека.

Но наше советское счастье гораздо шире. Оно так велико, что наше молодое искусство еще не умеет его изображать, хотя оно, несомненно, должно составить самую достойную тему для художника.

Ведь наше счастье уже в том, что мы не видим разжиревших пауков на наших улицах, не видим их чванства и жестокости, роскошных дворцов, экипажей и рядов эксплуататоров, толпы прихлебателей, приказчиков и лакеев, всей этой отвратительной толпы паразитов второго сорта, не видим ограбленных, искалеченных злобой масс, не знаем беспросветных, безымянных биографий. Но счастье еще и в том, что и завтра мы не увидим их, счастье в просторах обеззараженных наших перспектив.

Это — самое исключительное счастье, но мы уже привыкли к нему. Вот эта наша замечательная двадцатилетняя привычка, это — то самое здоровье, которого человек обычно не замечает.

Но мы богаче даже этого замечательного богатства. Двадцать лет Октября принесли нам не только свободу, но и плоды свободы.

Мы научились быть счастливыми в том высочайшем смысле, когда счастьем можно гордиться. Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому, что знание перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому

что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию отдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь это страна наша, а не нашего хозяина. Мы знаем теперь, какая красота и радость заключаются в дисциплине, потому что наша дисциплина — это закон свободного движения, а не закон своеволия поработителей.

В каждом нашем ощущении присутствует мысль о человеке и о человечестве, и наше счастье поэтому — не только явление общественное, но и историческое. И только поэтому оно освобождено от признаков тягостной случайности и эфемерности, оно никакого отношения не имеет к судьбе, этой старой своднице былых людских предназначений.

Но наше счастье — это вовсе не подарок «провидения» советскому гражданину. Оно завоевано в жестокой борьбе, и оно принадлежит только нам — искренним и прямым членам бесклассового общества. И поэтому оно приходит не к каждому, кому захочется поселиться на нашей территории. Тому, кто умеет плавать только в мутной воде эксплуатации, счастья у нас не положено...

Законы нашего советского счастья требуют пристального и глубокого изучения, но мы не беспокоимся по этому поводу, ибо, в отличие от всякого другого мира, наш закон общий, закон государственный есть, собственно говоря, закон о счастье.

Остается нашей художественной литературе найти приемы и краски для изображения нашей жизни. Она это уже начала делать.

Я буду голосовать за наших кандидатов

Как избиратель Ленинского избирательного округа я буду голосовать за товарищей Булганина и Гудова. Я хочу вам сказать, почему я буду за них голосовать.

Выборы в Верховный Совет СССР — дело большой государственной важности. Под руководством коммунистической партии и гениального Сталина Верховный Со-

вет СССР будет величайшим организатором нашего счастья, нашей радостной, творческой жизни.

Выборы бывают не только у нас, выборы бывают и в буржуазных странах, там, где еще живет эксплуатация, где рядом с непомерной роскошью и наслаждением кучки паразитов ютится нищета и миллионы эксплуатируемых тружеников. Многие буржуазные страны хвастаются древностью своих парламентов и палат депутатов. Английский парламент существует несколько сот лет. И проходят выборы, заседает парламент, а жизнь для миллионов тружеников остается такой же несправедливой, и так же богато живут эксплуататоры. И поэтому выборы в буржуазной стране — это игрушка в руках имущих, эксплуататорских классов, спортивная горячка и состязание буржуазных партий.

В нашей стране нет и не может быть спортивной избирательной горячки, мы не спрашиваем у кандидата, какова его программа и какие законы он пообещает нам издавать в Верховном Совете. У нас единое общество трудящихся. У нас нет разногласий, и программа у нас одна: строительство коммунизма.

Поэтому мы имеем возможность подходить к нашим кандидатам и к нашим выборам с серьезным деловым государственным требованием. Мы желаем избрать в Верховный Совет людей самых честных, самых преданных делу Ленина—Сталина.

Еще не так давно в России не знали, что такое станкостроительная промышленность. Царская Россия оставила нам нищенское промышленное оборудование. А теперь мы станки делаем сами. Их делает и Гудов. Делает, перевыполняя нормы в десятки раз. А станки — это наше богатство, это наша сила.

Чем больше будет станков, тем больше будет и мануфактуры и всякого добра.

Я буду голосовать за наших кандидатов еще потому, что их выдвинули тысячи рабочих нашего округа. Доверяя их знанию, политической мудрости и честности, я буду голосовать за выдвинутых ими кандидатов.

Я буду голосовать за тов. Булганина в Совет Национальностей потому, что тов. Булганин — один из передовых людей нашей столицы, потому, что Москва на моих

глазах превратилась из запущенного города в один из лучших городов мира.

Я недавно читал книгу одного зарубежного писателя, и там написано, что наше метро — лучшее в мире. А разве в Москве только метро? Я и хочу голосовать за таких людей, которые способны не только метро, но и нашу жизнь делать лучшей в мире, радостной и счастливой.

И я призываю вас голосовать за Булганина и Гудова.

Мы должны прийти на выборы в предельном единодушии. Наш голос должен отличаться такой же силой, как и наша жизнь.

Выборное право трудящихся

1

Лет тридцать пять назад — перед японской войной — самое слово «выборы», кажется, отсутствовало в лексиконе среднего трудящегося человека в России. Очень редко оно встречалось в книгах, если книги говорили о других странах, но другие страны были так далеки, что даже зависти не вызывали.

Мой отец был рабочий, и поэтому я учился на медные деньги. Хотя слово «выборы» и было мне известно, но я очень редко мог употреблять его в разговоре, — по какому случаю, в самом деле, оно могло прозвучать в моей речи?

Мне, как и другим представителям моего класса, случалось, конечно, слышать, что есть такие выборные высокопоставленные лица — губернский и уездные предводители дворянства. Никогда в жизни я не видел такого предводителя, ни живого, ни мертвого. Мои жизненные пути и жизненные пути предводителей почему-то не пересекались. Это происходило, может быть, потому, что наши жизненные пути были расположены в различных плоскостях: пути мои и таких людей, как я, были проложены где-то по земле, и гораздо выше, очень высоко, недостижимо для глаза, проходили пути дворянские. Вот я сейчас вспоминаю и никак не могу вспомнить, кто из моих знакомых был дворянином? Правда, в 1914 году в

городе Полтаве меня, по особой протекции, рекомендовали в репетиторы в семью полтавского губернатора Богговута. Я почти обрадовался, если вообще можно говорить о радости в таком случае. Но это репетиторство обещало мне хороший заработок, а кроме того, мне хотелось посмотреть на потомка одного из героев двенадцатого года, генерала Богговута, убитого под Тарутиным, которого и Л. Н. Толстой помянул добрым словом. Мои расчеты не оправдались. Я занимался с племянником губернатора несколько месяцев, но кроме этого племянника, чрезвычайно несимпатичного и глупого мальчика, я никого из губернаторской семьи не видел. Встречал я лакеев, каких-то приживалов да нечто вроде гувернера, — все такая же наемная рабочая сила, как и я. Они допускали меня в губернаторский дом через черный ход, они торговались со мной о цене и не позволили мне ничего лишнего сорвать с именитого работодателя, они же раз в месяц вручали мне конверт, в котором вовсе не были написаны благодарственные слова за мою помощь губернаторской семье, а только помещались обусловленные пятнадцать рублей. Мои пути и пути дворянской семьи Богговутов находились в настолько различных плоскостях, что Богговуты даже не могли выслушать мое мнение о способностях и прилежании члена их семьи — моего ученика, а нужно полагать, что мое мнение сколько-нибудь их все-таки должно было интересовать.

Если в этом во всех отношениях замечательном случае наши пути не пересеклись, то какое же отношение могли иметь ко мне и к таким, как я, какие-то выборы предводителей. Как выбирались предводители дворянства, губернские и уездные, для чего выбирались, каким способом, явным или тайным, какие там страсти кипели во время выборов, ни я не знал, ни все мое общество. Не только не знали, но и не пытались знать. Ведь даже это, такое далекое от нас, абсолютно недоступное, чванливое и богатое дворянское общество, обитавшее на таких высотах, куда даже наши взгляды не достигали, само было обществом рабским, пресмыкающимся, обществом, о котором так хорошо в свое время было сказано Лермонтовым:

Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

А многие из нас лучше знали Лермонтова, чем живое дворянство перед японской войной. Не видев дворянства в глаза, мы знали о его человеческом и общественном ничтожестве, знали о ничтожных страстях каких-то там дворянских выборов и были всегда готовы исполнить пророчество того же Лермонтова:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом... —

хотя и никак, пожалуй, не предвидели, что мы сами так скоро окажемся этими «потомками».

Но между нами и дворянством лежало еще несколько сфер, обладающих также какими-то выборными правами. Эти сферы мы уже могли наблюдать невооруженным глазом, но только в общей картине их, в настоящие тайны их деятельности и их прав мы тоже проникнуть не могли. Это были те «круги населения», которые выбирали городское и земское «самоуправление». Такие выборы тоже происходили более или менее секретно от трудящегося населения. Может быть, у них происходила предвыборная борьба, может быть, у них выставляемы были плохие или хорошие кандидаты, произносились речи, кипели страсти? Кто его знает. Мы даже не знали имен тех людей, кто участвовал в выборах. Кажется, их было так немного, что они все могли поместиться в одном зале, представляя большой город с населением около ста тысяч, и, насколько я помню, голосование у них производилось шарами, что возможно только в небольшом, «своем» обществе. О всех процедурах их избирательной кампании мы не могли узнать даже из газет,— печатались только имена избранных членов городской или земской управы, но и в этих именах для нас не заключалось никакой сенсации. Почему-то так выходило, что городские головы и члены управ десятилетиями занимали свои посты.

В городе Кременчуге, где я провел большую часть жизни, с тех пор, как я начал себя помнить, был городской голова Изюмов. Я видел его сравнительно молодым человеком, потом пожилым, потом стариком, потом помолодевшим при помощи черно-синего гребешка,— а он все ходил городским головой, и все в городе прекрас-

но знали, что Изюмов и есть «от природы» городской голова и что никто другой не может им быть. Очевидно, небольшая честь заключалась в том, чтобы раз в три года положить белый или черный шар направо или налево. Направо мог стоять Изюмов, налево — какой-нибудь другой купец, похожий на Изюмова, а может быть, и никто не стоял, ибо зачем стоять, если есть Изюмов, который «мирно» сидит себе на месте городского головы вот уже столько лет, никого не трогает, чинит мостовые, собирает налоги, назначает учителей в полдюжины начальных школ, а вообще человек честный и приличный.

Такая штука называлась городским самоуправлением или земским самоуправлением, — штука, собственно говоря, бедная, настолько бедная, что, пожалуй, и не стоило бы лишать нас права голосовать за Изюмова. Однако, как это ни странно, это самоуправление вызывало заметное умиление у многих интеллигентских душ, и даже самое слово «земство» некоторые произносили с дрожанием голоса. Тогда не уставали перечислять и описывать в книгах разные земские подвиги, между которыми называлась даже постройка дорог, хотя все хорошо знали, что как раз дороги в нашей стране блистательно отсутствовали и дорогой называлась такая часть земной поверхности, которая наименее приспособлена для езды. С таким же умилением говорили и о городском самоуправлении, несмотря на то, что все наши города, за исключением, может быть, одного Петербурга, жили бедно, грязно, переполнены были клопами и собаками и только в очень незначительной степени напоминали европейские города.

Городское и земское самоуправление, сопровождающие их выборы и карьеры отдельных лиц, реализуемые в отдельных выборах, были той жалкой «демократической» подкладкой самодержавия, которую мы — пролетариат — даже не ощущали. Наша жизнь помещалась за границами даже такой общественности, а ведь наша жизнь — это была жизнь всего русского народа. К нам эта общественность изредка прикасалась самым «теплым» своим боком, боком благотворительности. У столпов общественности, у этих самых городских голов и членов, у их жен и дочерей иногда начинало зудеть под какой-нибудь идеалистической ложечкой; тогда, смот-

ришь, на одной из второстепенных улиц воздвигается народный дом, — один на губернию, который только потому назывался народным, что не совсем удобно было называть его «простонародным». В другой раз, в таком же порядке, рука «дающая и неоскудевающая» начинает строить приют для сирот, — очевидно для сирот наших, пролетарских, но на открытии приюта пьют и закусывают, и ухаживают за дамами, и вообще кокетничают и добрыми сердцами и неоскудевающими руками отнюдь не пролетарии, а все та же «общественность». В третьем месте строится дешевая столовая, в четвертом — вечер для бедных студентов гремит музыкой и щеголяет прогрессивным духом.

Только теперь, с высот социалистического общества, видно, сколько и во всей этой общественности, и в ее выборном праве, и в ее благотворительности было настоящего похабного цинизма, настоящей духовной человеческой нищеты, сколько оскорбления для действительного создателя жизни и культуры — для трудящегося человека. Но и тогда трудно было кого-нибудь обмануть из «простого» народа: народ прекрасно понимал, что ему положено судьбою работать по 10—12 часов в сутки, жить в лачугах, в темном невежестве, продавать труд своих детей, периодически переживать голод и всегда дрожать перед призраком безработицы. Это была определенная, освященная богом, веками и батюшками доля, и то обстоятельство, что где-то кого-то выбирают господа, в сущности, мало кого занимало.

2

После 1905 года, года, наполненного нашей борьбой и нашим гневом, на сцене «общественности» были поставлены новые декорации. В них уже просвечивали европейские краски. Правда, самое слово «конституция» считалось крамольным словом, но все было сделано почти как в Европе: происходили выборы, боролись партии, произносились речи, принимались запросы, обсуждались законы, разгорались страсти и аппетиты. Российская история вступила в новую эпоху. Прежде было в моде щеголять открытым цинизмом самодержавия, азиатской откровенностью насилия. Теперь должны были войти в

обиход утонченные европейские формы. Законными и будничными сделались слова «прогрессивный», «демократический», «свобода», даже слово «народ» начало выговариваться без прежнего неизменного обертона «простонародный». Высшая политическая техника позволила даже кадетам произносить такие речи, что у полицейских дух захватывало. Государственная дума казалась приличным учреждением, но восторгались этим обстоятельством очень немногие, восторгались те, которые обладали «европейским» вкусом, воспитанные на английских и французских образцах. Настоящим хозяевам жизни этот стиль не очень нравился. Романовская фамилия, романовский двор, аристократия, дворянство не могли так скоро отвыкнуть от привычной простоты отношений, от непосредственности и искренности кнута, от неприкрытого откровенного грабительства.

Эпоха Государственной думы не выработала ни щепетильной элегантности лорда, ни утонченного остроумия либерала, ни важности барона, ни мудрой добродетельности фермера. Европейские запахи парламентаризма казались запахами неприятными, — конечно, по неопытности. Николай II даже в 1913 году писал министру внутренних дел Маклакову о своем желании распустить Государственную думу, чтобы вернуться к «прежнему, спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе».

Этот самый якобы русский дух, не дававший покоя Николаю II, в сущности, был настоящим средневековым азиатским духом, духом шахов и падишахов, беев, пашей и беков. И он так сильно, этот дух, заполнял политическую атмосферу, что европейские конституционные мечты остались гласом вопиющего с трибуны. Буржуазное избирательное право, самый тонкий, лакированный и полированный инструмент классовой власти буржуазии, Николаю II и его башибузукам казалось чересчур нежным и непривычно хрупким инструментом сравнительно с испытанными средствами: нагайкой и виселицей.

Но «прежнее спокойное течение законодательной деятельности» не так легко было восстановить, ибо хорошо помнился 1905 год, помнилось гневное выступление пролетариата и крестьянства, вспоминался малодушный

манифест 17 октября, вспоминались и московское восстание, и великая забастовка, и пожары помещичьих усадеб.

Рабочий класс и стоящая во главе его партия большевиков знали, что и от самого наивероятнейшего избирательного закона нельзя ожидать коренного улучшения жизни трудящихся, но нужно ожидать улучшения условий борьбы. Поэтому возвращение к откровенному разгулу самодержавия не могло удасться вполне, но удалось частично. Если на выборах в первую и во вторую Государственную думу еще можно было слышать кое-какие европейские запахи, то уже к 1907 году они были основательно испорчены привычными актами «деятельности в русском духе»: виселицы Столыпина, погромы, резиновые палки в руках членов «Союза русского народа», отправка на каторгу всех социал-демократов второй Государственной думы,— вот те самобытные спокойные орнаменты, которые с воодушевлением прибавил Николай II к формуле четыреххвостки. А закон 3 июня 1907 года и самому избирательному закону придал характер прямодушно азиатской бесцеремонной откровенности.

По этому закону только крупные землевладельцы получили право непосредственно посылать в губернское избирательное собрание своих выборщиков, да первая (богатая) курия в городах получила приличное представительство. Все остальные граждане должны были пройти через несколько сит разных собраний, уездных и губернских, чтобы добиться одного-двух мест в губернском избирательном собрании. Закон был сделан цинично-грубо, даже без заботы о ловкости рук; по наглости это было нечто неповторимое.

По такому закону рабочие и крестьяне располагали всего девятью процентами голосов в губернском избирательном собрании, то-есть фактически не могли послать ни одного депутата. Это было явное, открытое издевательство дворянско-буржуазного блока над интересами и жизнью трудящихся. Даже те немногие представители рабочего класса, которым удалось прорваться в Государственную думу, скоро были выданы этим милым учреждением в руки полиции.

В это время окончательно исчезли самые слабые за-

пахи европейского парламентаризма, даже Родичевы притихли, политическими фигурами России сделались Пуришкевичи и Марковы, Родзянки и Гучковы, да и то последние были предметом ненависти Романовых, ослепление и идиотизм которых достигли действительно пределов патологических: царица Александра Федоровна более всего ненавидела Гучкова: «своя своих не познаша».

Вся эта «выборная» политика не только была направлена против трудящихся, но и сопровождалась откровенной ненавистью правящих классов, злопыхательством правительственных, правых и октябристских, газет. Дворянство и буржуазия хотели править русским народом, хотели до последней нитки грабить его, хотели держать его в нищете и темноте, но неспособны были сделать хотя бы приличное лицо перед народом, хотя бы минимальную заботу проявить о нем. Рабочий и крестьянин, подавая свой голос, окружен был бандитскими, грабительскими мордами, протянутыми жадными руками эксплуататоров. Никакой Европы, — русские господа никак не могли отвыкнуть от крепостных привычек.

И не считаясь уже ни с какими европейскими этикетами, не считаясь даже с мошеннически составленным третьеиюньским парламентом, царское правительство продолжало свое темное и дикое дело. Если в 1905 году в тюрьмах находилось 86 тысяч человек, то в 1912 году их было 182 тысячи. На каторге в 1905 году было 6 тысяч, а в 1913 году 32 тысячи. Можно сказать, — так росло участие трудящихся в «общественной» деятельности.

В таком же отношении к успеху парламентаризма стояло и благосостояние рабочего класса. Из года в год все более расходились кривые: заработная плата понижалась, цена на хлеб повышалась. По отношению к 1900 году та и другая кривые расходились в разные стороны на величину до 40 процентов. Наконец, 1912 год «подарил» русской истории ленский расстрел.

В деревне Столыпин приступил к разорению крестьянства. Закон 9 ноября должен был привести к полному и решительному разделению его на кулачество и на деревенский пролетариат — необходимое условие расцвета промышленного и земельного капитала.

Это утонченное европейское приличие, этот демократический костюм хищнического империализма в особенности привлекал меньшевиков и эсеров. Недаром после свержения самодержавия они затеяли такой нежный флирт с Антантой. Великая Октябрьская социалистическая революция спасла советский народ от этого утонченного, наиболее ханжеского, наиболее развращенного вида эксплуатации.

Стоит почитать историю любой европейской демократии, чтобы увидеть всю безнадежную глубину того мошенничества, которое называется на Западе до сих пор всеобщим и равным избирательным правом. Не нужно при этом перечислять все отдельные уловки и исключения, которые делают это право и не всеобщим и не равным. Политическая жизнь, парламентская борьба партий так построены на Западе, что невозможным становится никакое революционное законодательство, никакие кардинальные социальные реформы...

И поэтому до сих пор самые демократические в буржуазных государствах выборы не могут прекратить тот сложный и хитрый политический пасьянс, который называется парламентской борьбой. В своей классовой власти, в руководстве классовым государством буржуазия выработала необычайно сложные и тонкие приемы борьбы. Среди этих приемов главное место занимает одурачивание избирателей программами и обещаниями, агитация, доходящая до авантюризма, хитрые системы блоков и компромиссов, игра на ближайших, сегодняшних интересах, разжигание сегодняшней злобы дня, подачки, подкупы, наконец, сенсационные взрывы и повороты.

Великая социалистическая революция избавила нашу страну от утонченной системы мошенничества и обмана трудящихся, избавила от разлагающей политики примирения и компромисса, избавила от трусливого следования поговорке: «Не обещай мне журавля в небе, дай синицу в руки».

Русское царское правительство и против синицы возражало решительно, в самых воинственных выражениях: «Патронов не жалеть!»

И поэтому при царе в руках трудящихся действитель-

Но ничего не было, но зато эти рабочие руки в нужный момент оказались свободными для того, чтобы взять винтовки.

4

И вот сейчас мы, советский народ, советские народы, держим в руках действительно избирательное право, действительно всеобщее, действительно равно, тайное и прямое. Наше выборное право есть действительно всеобщее, всесоюзное волеизъявление трудящихся.

Советский избирательный закон, советская избирательная кампания совершенно не сравнимы с чем-нибудь подобным в другом обществе и в какое угодно время. Нет никакой плоскости, лежащей выше трудящихся, нет никаких сфер, обладающих непонятной для меня психикой, неизвестными мне планами и тактикой. Вокруг меня на всем пространстве СССР трудящиеся, путь каждого из них ясен, ясны его способности, его заслуги, его стремления. Я вижу их всех привычным глазом товарища, в привычном разрезе нашей двадцатилетней солидарности. Никто не встанет против меня в чужом для меня фраке или мундире, никто не будет лгать, никто не покажет мне углышек авантюры, уверяя меня, что это реформа. Нельзя обмануть гражданина СССР, прошедшего не только двадцатилетний опыт свободы от эксплуататоров, но и двадцатилетний опыт невиданного в мире строительства, невиданного в истории народного творчества. В этом грандиозном опыте молодого советского народа больше гарантии его прав, чем в любом писаном законе. Наше избирательное право — это прежде всего наша фактическая сила, коллективный результат наших народных побед.

Как бы ни говорили о нашем избирательном законе, как бы ни старались представить его как собрание правил, мы не способны отрешиться от нашей советской истории. Любого кандидата, который встретится на нашем избирательном пути, мы обязательно спросим, — а какое участие он принял в социалистическом строительстве, какую энергию он отдал советскому народу, как он проявил свою личность в исторической нашей борьбе? И

когда мы получим ответы на эти вопросы, для нас будет совершенно ясно, достоин ли этот человек быть избранным в Верховный Совет СССР. Мы не зададим, может быть, ни одного вопроса, касающегося будущего.

Это, разумеется, звучит очень странно для западного уха, но наше будущее — это та категория, в которой мы меньше всего сомневаемся. У всего советского народа есть одна программа, один план будущего, одна единая готовность продолжать строительство социализма в нашей стране, продолжать дело Ленина—Сталина во всем мире.

В этом совершенно исключительном явлении программного единства заключаются все гарантии и всеобщности и равенства нашего избирательного права. Эти качества нашего закона и нашего права естественно вытекают из фактических отношений в Стране Советов. Выборное право трудящихся — это форма участия трудящихся в руководстве своей страной.

Прасковья Никитична Пичугина

По Пролетарскому округу города Москвы в Верховный Совет СССР выставлена кандидатура Прасковьи Никитичны Пичугиной. Единогласное решение общих собраний рабочих и служащих, коммунистов, комсомольцев и беспартийных 1-го подшипникового завода имени Л. М. Кагановича и автомобильного завода имени И. В. Сталина, а также собрания других предприятий округа остановились на кандидатуре т. Пичугиной, подтверждая общую нашу уверенность в том, что в Верховный Совет Союза ССР будут избраны лучшие люди нашей страны, люди, преданные делу коммунистической партии, делу Ленина—Сталина, люди, показавшие себя стойкими, непреклонными борцами за революцию, за строительство социализма.

Жизненный путь Прасковьи Никитичны Пичугиной, увенчанной сейчас доверием десятков тысяч избирателей Пролетарского столичного округа, путь чрезвычайно показательный для нашего времени, но это путь не исключительный. Заслуги Прасковьи Никитичны очень трудно от-

делить от заслуг, успехов и побед всей нашей революции. Ее человеческий рост, рост гражданина и работника, то расстояние, которое она прошла от захолустного и бедственного, беспросветного прозябания до наполненной борьбой и общественной деятельностью, широкой советской жизни, до положения знатного человека нашей страны, есть тот самый светлый человеческий путь, возможность которого завоевана Октябрьской революцией. Этот путь ни в какой степени не напоминает «карьеру» — обычного пути удачливого человека в буржуазном обществе. Мы очень хорошо знаем, что «карьеру» — это значит посильное участие в эксплуатации трудящихся, это участие в безнравственном и отвратительном процессе распределения награбленного. И поэтому «карьеру» так необходимо должна быть обставлена приемами приспособленчества, лакейства, угодничества — с одной стороны, и приемами жесткой хватки, беспринципного цинизма, неразборчивого накопления — с другой. Путь карьериста — это извилистый и хитрый путь пресмыкания и хищничества.

Путь советского знатного человека — это путь творческого труда, путь напряженной борьбы, путь, проходящий через великие пятилетки социализма, путь, указанный и направленный великой мыслью великих наших вождей.

Прасковья Никитична Пичугина начала этот путь не так давно. Ей пришлось в жизни испытать на себе все проклятья прошлого, пришлось пережить ужас безысходной нищеты, одиночества, отчаяния... Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»:

«...Свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество».

Эта мерзость старого общества тяжелым, невыносимым игом лежала на трудящихся, она делала их жизнь чередой бессильных и беспомощных страданий, когда уже гнев и отчаяние не способны бороться с настоящим врагом, а пышут в любом направлении, куда попало, не узнавая своих и чужих, не зная, кого нужно сокрушить, и сокрушая все, что попадает под руку, в том числе и свою собственную радость и радость своих родных и близких людей.

Вырваться человек не мог в одиночку. Только великое

освобождение, принесенное Октябрем, позволило трудящимся СССР сбросить с себя этот груз прошлого, но и это не могло быть сделано сразу. Когда уже полки Красной Армии выгнали последние остатки эксплуататоров за море, когда уже на свободе расправил мускулы и душу трудящийся человек бывшей царской России, и тогда еще на нем самом, на всей его психике, на его хозяйстве, на его привычках много оставалось старого. Только великие победы социалистических пятилеток, только уничтожение кулачества как класса, только грандиозное строительство колхозов, только эти победы очистили наш воздух, нашу землю, наших людей от вековых налетов прошлого.

Жизнь Прасковьи Никитичны Пичугиной — это жизнь, наполненная длинной и трудной борьбой с прошлыми проклятиями, это жизнь, действительно вырванная Октябрем из состояния подавленности и безнадежности. Ее жизнь может служить примером десятков миллионов жизней нашего крестьянства; ее путь — это путь от старой крестьянской доли до свободного творческого бытия в бесклассовом обществе. Ее кандидатура в Верховный Совет — это действительная реализация свободы трудящихся, это яркий исторический акт справедливости, той самой высшей справедливости, которая называется социализмом. И то обстоятельство, что таких, как она, в Верховном Совете будет много, сотни людей, является лучшей гарантией наших будущих побед и успехов, ибо такие люди каждым своим жизненным шагом делали революцию, они должны делать и наши будущие дни.

Но Прасковья Никитична Пичугина представляет в наших глазах не только освобожденную крестьянскую долю. Эта крестьянка в прошлом идет в Верховный Совет на гребне доверия рабочих лучших наших столичных заводов, идет именно потому, что самое активное, творческое и горячее участие она приняла в их работе. Своими руками, рядом с тысячами трудящихся СССР, по мысли и указаниям товарища Сталина, она построила один из великолепнейших заводов мира — первый шарикоподшипниковый имени Л. М. Кагановича; своими руками, своей рабочей и человеческой заботой она вместе с другими тысячами лучших людей наладила работу этого завода, добилась невиданных и неожиданных рекордов его производительности; она одна из тех, которые шли впереди

победных маршей нашей социалистической индустриализации; одна из тех, мастерские руки которых создали и продолжают создавать нашу великолепную тяжелую промышленность, основу нашего богатства и нашего военного могущества. Пичугина — это «крестьянка» одной из захолустных деревень России — в то же время есть и представительница стахановской мысли и воли рабочего класса нашей страны, носительница всей энергии и настойчивости советских трудящихся масс.

И поэтому ее жизнь может служить примером лучших биографий деятелей нашей революции и лучшим укором для тех, кто в течение веков угнетал трудящихся, кто и теперь самыми подлыми и низкими путями пытается восстановить старый строй классового ограбления. Укор этот заключается не только в пережитых страданиях человека, но и в том светлом его освобождении, которое было невозможно до Октября, которое в миллионах подобных же биографий было подавлено и уничтожено в самом корне.

Прасковья Никитична Пичугина родилась в 1903 году в бывшей Рязанской губернии, в Спасском уезде, в селе Половском. Село это было старым местом человеческого страдания. Как указывает самое его название, оно подвергалось набегам половцев, которые, как известно, были не меньшими мастерами на рабство, чем наши российские дворяне.

Отец Прасковьи Никитичны был типичным бедняком-крестьянином. Крестьянствовать ему, собственно говоря, было не на чем, не с чем было и выделиться из небольшой семьи своего отца, дедушки Паши. У дедушки под началом была семья, построенная чрезвычайно неосмотрительно: детей было 12 человек, а земли было... одни слезы, да одна корова да лошадка.

В 1904 году Никита Макушин призван был «защитить русскую землю от японцев», а Паша с матерью-солдаткой остались в семье деда. К общему удивлению, отец возвратился с японской войны целым и невредимым, но никто не поблагодарил его за то, что в угоду интересам Николая II и Безобразовых он носил в Манчжурию свою крестьянскую жизнь. В Половском делать ему было нечего. В 1907 году он махнул рукой на крестьянское хозяйство и уехал с женой и единственной дочерью в Пе-

тербург, где и нанялся дворником к одному богатому домовладельцу.

Паша Пичугина в Петербурге и начала свою трудовую жизнь, помогая матери прислуживать в богатом доме. Труд отца-дворника, матери-прислуги и дочери, тоже прислуги, все-таки был трудом недостаточным для того, чтобы обеспечить сносную жизнь. Паша хорошо запомнила, как часто в это время мать ее плакала, минутами отдыхая от целодневных трудов. Отец начал уже подумывать о возвращении в Половское, но в это время пришло письмо от бабушки, в котором он сообщал:

«Дорогой сын Никита. Я тебе все отдал, жену ты взял с собою, больше твоего здесь ничего не осталось. Если приедешь, жить будешь в овчарне...»

Родители Паши и обижались на старика и соглашались с его решением; они хорошо знали, что и в самом деле деду нечего было дать сыну. Отец очень скорбел, но никаких выходов из положения не было.

Петербургский хозяин Макушиных был очень крутой, скупой и жесткий человек. Он сам выбился из низов каким-то темным путем и, может быть, потому не мог сочувствовать трудящейся семье, отданной судьбой в его распоряжение. Паша даже через двор боялась перейти, так как хозяин и это запрещал, видя в каждом человеке, проходящем по двору, нарушение его собственнических прав.

В 1914 году отец Паши снова был призван на фронт, призван был защищать то самое отечество, которое с таким пренебрежением относилось к его трудовой жизни. Он уехал осенью, а мать и Паша остались в самом тяжелом положении. Хозяин, потеряв дворника, считал себя свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению к его семье и потребовал, чтобы она очистила квартиру.

В ту пору многие болтуны и шарлатаны немало денег заработали на выражении «народных» чувств, описывая их со слезами и высокими фразами. Мать Паши, в полном отчаянии не зная, куда деваться, не зная, кого винить в своих несчастьях, подумала-подумала — и все же нашла виновника: она выколола глаза на портрете Николая II, висевшем в дворницкой. Только полная ее неграмотность и явная безопасность для царского самодер-

жавия спасли ее от слишком больших неприятностей:— полиция предложила ей немедленно оставить царскую столицу и отправиться в деревню. С большим трудом достав денег на дорогу, Паша с матерью отправились в то самое Половское, где с таким трудом одиннадцать пашиных дядей и тетей боролись за существование под руководством дедушки, обладая для этой борьбы все той же одной коровой и одной лошадью. Паше в это время было 11 лет. К этому возрасту она уже испробовала всю тяжесть жизни у богатых людей в прислугах, всю «сладость» подневольного существования людей последнего сорта, над которыми мог куражиться даже темный проходимец, мог куражиться, несмотря на то, что Никита Макушин вторично в своей жизни отправился умирать за интересы таких же проходимцев и самодуров.

В Половском мать Паши не решилась обратиться за помощью к деду Макушину, а поселилась в семье своей матери — Ларьковой. В Половском Ларьковы не были самой бедной семьей; своего хлеба они, правда, не имели, но покупали хлеб у еще более бедных людей, — кусочки у нищих. В старой деревне даже нищие были богаче некоторых обыкновенных трудящихся, — совершенно непонятная гримаса экономики.

Село Половское было вообще очень бедным селом; вся земля кругом принадлежала помещикам князьям Кропоткиным. Их усадьба стояла в самом селе; Паша слабо помнит, а больше вспоминает по рассказам старших, как горела княжеская усадьба в 1905 году. Эта революционная иллюминация, однако, ничему не научила князей. Дом их, стоявший в самом селе, и в дальнейшем стоял особой, враждебной крепостью дворянского чванства. Паша помнит, что даже проходить мимо господского дома было опасно — таких злых собак держали господа для защиты себя от окружающего населения. Господский лес, окружавший деревню, был так же недоступен для крестьян и охранялся вооруженными черкесами. Один из пашиных дядей, Андрей Макушин, насмерть был зарублен черкесом за то, что без разрешения зашел в лес.

Рядом с паучьим гнездом князей Кропоткиных стояла церковь казанской божьей матери. Ограбленное, ошеломленное нуждой и горем население Половского последние гроши относило в эту церковь в надежде получить там

хотя бы кажущееся утешение. Как и все другие жители Половского, Паша тоже надеяться могла только на бога, и она ходила в эту церковь и молилась... о чем? Ни бог, ни люди не обещали ей никакой радости. Она росла девочкой боязливой, застенчивой, у которой была надежда только на далекого бога да на свой труд, в лучшем случае способный спасти ее от голодной смерти.

Жизнь ее и матери у стариков Ларьковых была тяжелой, нищей жизнью. Пока надеялись на возвращение отца, можно было хоть помечтать о лучшей будущей жизни, но скоро и от отца перестали приходить письма: он пропал без вести на войне, — так официально сообщалось о многих героях империалистической бойни. Кое-какой заработок Паша нашла на ремонте полотна у проходящей близко железной дороги. Для четырнадцатилетней девушки это был очень тяжелый, непосильный труд — подсыпка пути, подбивка шпал, но ей платили 80 копеек в день, и это помогало жить не только ей, но и ее матери и дедушке с бабушкой.

Революция пришла неожиданно. Теперь уже кропоткинский княжеский дом сгорел основательно, и помещики исчезли из села Половского. А тут неожиданно в 1918 году возвратился из плена отец, Никита Макушин. Он поступил работать штатным ремонтным рабочим на железной дороге. В это время Паша вышла замуж за своего односельчанина, Сергея Ивановича Пичугина. Что-то начало проясняться в ее жизни, но случилась катастрофа... естественное следствие бедности и соломенной, примитивной культуры: сгорело полсела, и в огне погибли отец и мать Паши.

Паша осталась сиротой наедине с мужем, молодым человеком, тоже потерявшим в пожаре свою избу. Началась жизнь в семье свекра, бедственная жизнь снохи, от оскорбительной тяжести которой даже Октябрьская революция не так скоро могла освободить русскую деревенскую женщину.

Муж Паши — Сергей Иванович Пичугин — пошел в Красную Армию, а Паша осталась в полном распоряжении свекра. Это было самое тяжелое время в ее жизни. Революция почти не коснулась быта и нравов села Половского. Для того, чтобы перестроить их, понадобилось

решительное вмешательство революции и в самую экономику русской деревни.

Свекор в семье Пичугиных был царь, бог, деспот; его власть была не ограничена и усилена нищетой и озлоблением. Семья свекра была еще беднее, чем семья старого Макушина: у него даже лошади не было, своего хлеба еле-еле хватало до «рождества», а потом приходилось перебиваться мелкими заработками да своеобразным деревенским кредитом: у богатого мужика можно было одолжить до урожая пуд хлеба, за этот пуд отработать один день на жнивье, но работа эта была только уплатой процентов: пуд хлеба все равно нужно было отдавать, — кредит страшно дорогой, приблизительно около 200 процентов годовых.

Сноха в семье свекра — это прежде всего — и во-вторых, и в-третьих — рабочая сила. Женщина в селе Полковском вообще не пользовалась уважением: тот же свекор Пичугин категорически запрещал своей жене держать его белье в одном месте с женским бельем, такое соседство могло осквернить какую-то его особенную мужскую сущность. В семье не было обуви, а единственные валенки позволялось надевать только мужчинам, женщина не могла к ним прикасаться; считали, что валенки — предмет дорогой, а женщина и так может работать. Женщина и работала за всех. В некоторых областях даже свекла, которая готовилась для коровы, считалась дорогой пищей для женщины, она могла получать ее только украдкой.

К счастью Паши, свекровь оказалась хорошим, добрым человеком, одинаково страдающим вместе с нею и в этом страдании увидевшим начало солидарности. Поддержка свекрови несколько скрасила страдную жизнь Паши, несколько, конечно, не обратив ее в жизнь человеческую. Только возвращение с фронта мужа в 1924 году несколько скрасило жизнь Паши, но на очень короткое время. Мужу в селе нечего было делать, и он уехал в Москву, где и пережил все неприятности безработицы и квартирного кризиса. Село в это время попало в руки кулачья, главным из которых был Горичов. Горичов сделался и вдохновителем борьбы за старый быт, так настойчиво проводимый людьми, подобными свекру.

Паша снова в одиночку продолжала жизненную борь-

бу, но в это время уже успел сказаться приток свежего воздуха революции. В 1925 году Паша была избрана жен-делегаткой в своем селе. Она еще очень боялась быть активной, боялась даже войти в помещение сельсовета, так как, по старым правилам, женщине зазорно было заниматься мужскими делами. Свекор весьма неодобрительно отнесся к ее общественной деятельности, упрекал ее всегда в безнравственном поведении, не пускал ее ночевать в хату, и даже помощь милиционера, вызванного из района, мало помогла делу: милиционер у свекра не имел никакого авторитета. Несмотря на это, деятельность Паши в селе развивалась. Она пользовалась большим авторитетом среди женского населения села, так как знала грамоту — ей выучилась еще в Петербурге, отличалась спокойным характером, не принимала участия в деревенских сплетнях. Никаких других особых талантов Паша тогда не проявляла, — она сама отличалась робостью, жизнь еще не научила ее быть смелой.

С горячей благодарностью вспоминала Паша ту поддержку, которую оказал ей единственный коммунист в селе, товарищ Андрей, начальник железнодорожного разъезда. Он помог ей преодолеть привычную женскую робость. Под его влиянием стал сбиваться в селе женский актив, стал подымать голос за первые идеи коллективизации. Сначала это имело очень невинный вид: дело шло об очистке меж от сорняков, о протравлении посевного зерна, его сортировке. Все это встречало сопротивление убежденных единоличников, но находило и поддержку наиболее передовой части села. Авторитет Паши все возрастал. В 1926 году она была избрана членом сельсовета и осталась на этом посту до 1929 года.

В 1926 году умер от паралича свекор, и жизнь Паши и ее друга, свекрови, хоть и продолжала оставаться бедной, все же была избавлена от самодурства старика. В это именно время Паша и другие женщины поняли, что улучшение женской доли, улучшение жизни крестьян может притти только через мероприятия советской власти. Совет по-настоящему сделался живой частью сельской жизни и центром ее передовых элементов.

Скоро Паша была избрана на первый делегатский съезд. Он проходил в городе Спасске. Паша и в это время еще не вполне избавилась от своей робости: она еще

стеснялась находиться в большом обществе мужчин, стеснялась сесть за общий стол, протянуть руку к куску колбасы на тарелке, но — все равно: вопрос о направлении ее жизни был решен окончательно. Она сделалась активным борцом за новую деревню; недаром про нее говорили земляки: — Паша... она все знает.

В 1929 году муж Паши Пичугиной основательно устроился на работе в Москве, на заводе «Парострой», получив комнату. Распрощавшись с селом, в котором она так много перестрадала и в котором все же нашла новую женскую долю, Паша отправилась к мужу, в столицу. Здесь они поселились на Шаболовке, в доме № 72.

Паша мечтала о производственной работе, но в первое время ей не удавалось получить работу. Свою молодую советскую энергию она перенесла сначала на работу по дому в качестве председателя топливной тройки. Муж ее был членом партии с 1928 года, и Паша давно мечтала о вступлении в партию. Сейчас ей казалось, что наступило время для этого. Помог ей устроиться на работу литейщик старого завода подшипников Семенов, земляк по селу Половскому. Он сказал ей:

— Вот новый завод будет строиться. Иди работать на стройку. Из тебя человек выйдет.

Паша с замиранием сердца вышла на новый рабочий путь. Трамвай № 51 довез ее до Сукина болота, через городские свалки, через заросли репейника. Паша выбралась на заводскую площадку. В отделе кадров ей предложили работу чернорабочей, на 45 рублей в месяц. Она с радостью взялась за эту работу, главным образом по подноске строительных материалов. Ее энергия и строительский энтузиазм обратили внимание руководителей стройки, и скоро она была командирована на подготовку для работы на будущем заводе на второй шарикоподшипниковый завод, в сборный цех. Здесь ей надлежало пройти четырехмесячный курс сборки. В первое время и здесь ее старались использовать как подсобную силу; со стороны мастеров и рабочих она не всегда встречала сознательное отношение: то пошлют ее на склад, то на упаковку и только через два месяца поставили ее учиться сборке шарикоподшипников. Попала она под руководство глухонемого товарища Тимоши, который сначала написал ей записочки с поручением принести ту или иную

деталь. Но когда она стала помогать ему в самой сборке, он сразу понял, что Паша обладает большими способностями, и его заработок сильно увеличился благодаря ее помощи. Решилось дело все-таки правильно: ее поставили на самостоятельную сборку.

Скоро Паша возвратилась на стройку, и, так как завод был еще не готов, ей пришлось снова стать на черную работу. Расстанавливали станки, и так приятно было убирать ящики, в которых они приходили на место своего постоянного жительства. Работу по очистке своего цеха Паша производила уже бригадиром целой бригады в 11 человек. В это время ей пришлось столкнуться и с первыми в ее жизни на заводе вылазками классового врага. Были мастера на строительстве, которые нечеловечески относились к рабочим, которые издевались над ними и старались нагрузить такой непосильной работой, чтобы люди бросали ее и уходили со стройки. Паша смело подняла против них голос. Партийная организация своевременно помогла, и Паша одержала полную победу.

Наконец, завод был открыт, и 19-го марта 1932 года Прасковья Никитична Пичугина собрала первый шарикоподшипник. Это была большая политическая и моральная победа всех организаторов завода и победа Паши Пичугиной. Тогда собирали одну тысячу подшипников в месяц, и это казалось большой и решительной победой.

Дальнейшая жизнь Прасковьи Никитичны Пичугиной не отделима от жизни и развития завода имени Л. М. Кагановича. Весь путь от первой тысячи подшипников до сегодняшней производительности завода в четыре с половиной миллиона подшипников в месяц — это путь Прасковьи Никитичны. В том же 1932 году она вступила в коммунистическую партию, а с 1933 года она уже мастер сборного цеха, самый популярный человек на заводе и признанный всем заводским обществом авторитет. Не осталось и следа былой деревенской робости. В настоящее время для всякого молодого рабочего на заводе, в особенности для каждой женщины, Прасковья Никитична служит примером настоящего смелого борца за дело советского строительства, за повышение производительности труда, за качество. И она воспитала много новых людей: из ее рук вышли настоящие мастера и теперешние руководители цехов и бригад: и Филатова, и

Ефимова, и Смирнова, и Григорьева, — все народ приезжий, переживший, может быть, такую же неприглядную и страшную женскую долю в старом селе. Прасковья Никитична с 1934 года состоит членом Моссовета, а в этом году избрана председателем районного Совета Таганского района. Прасковье Никитичне только 34 года. Она полна сил и энергии, той самой энергии, которая с такой внешней робостью провела ее по славному пути — от забитой и голодной снохи в нищей крестьянской семье до самых ответственных и важных постов в советской столице, до высокого доверия трудящихся, выраженного в выдвижении ее кандидатуры в Верховный Совет СССР.

Советские летчицы

Перелет В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой, как событие авиационной истории, как еще один шаг вперед в деле завоевания власти человека над природой, сам по себе отличается той величественной красотой, которая присуща человеческому подвигу. В нашей стране подвиг сделался необходимым признаком этической нормы советского гражданина, и мы встречаем каждый подвиг не только благодарной мыслью о герое, но и уверенностью, что всякий гражданин СССР не обнаружит малодушия, если наша советская жизнь, если наша борьба с природой и врагами призовут его к подвигу. Гордясь каждым подвигом, каждым проявлением героизма в нашей стране, мы возвращаемся мыслью к основным причинам нашего нового социального самочувствия — к Октябрьской революции. Только в социалистических условиях общественной жизни у человека вырастают настоящие крылья, и вырастают они у всего народа, обрадованного возможностью развернуть и расправить плечи.

Но в подвиге В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой есть еще и особенная высота чрезвычайно большого, мирового значения, — это высота освобождения женщины.

В нашей стране с первого дня революции женщина реально стала рядом с мужчиной, она получила право и полную возможность быть человеком и гражданином.

Эта возможность заключалась и заключается не только в общественной уверенности в человеческой высоте женщины, но и в настойчивой, повседневной заботе советского правительства о путях женщины. Советская действительность предоставила женщине не только права, но и обязанности, она предоставила ей все арены деятельности и все формы почина и ответственности. И только благодаря этому мы начинаем уже забывать о том, что между мужчиной и женщиной когда-то лежала непроходимая грань. Подвиг В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой — не простое усилие личности, не каприз богатых спортсменов. Это результат большой, терпеливой и высококвалифицированной работы целого коллектива, в котором женские и мужские роли уже не разграничены. Мы читаем в дневнике капитана П. Д. Осипенко:

«Со мной занялся инженер Воскресенский. Он предложил схему доски приборов. Мне важно было сконцентрировать приборы для слепого полета так, чтобы их расположение не обременяло моего внимания в полете. Приборы, контролирующие работу моторов, собрали в одно место, электроприборы также вместе. Валентина размещала приборы по-своему».

Таково творческое вмешательство советского человека в область техники и его уверенность в своем праве на такое вмешательство. Никто не способен точно подсчитать, когда и в каких деталях родилось и воспиталось у нас это творческое свободное самочувствие, — оно родилось в порядке большого и счастливого, общего для мужчины и женщины человеческого опыта нашей двадцатилетней жизни. И самый полет — это не только сверхмерное, выпирающее из жизни явление, — это уже порядок большого человеческого и гражданского значения, и это порядок, находящийся в глубокой и органической связи со всей советской жизнью. В этом порядке и высота души, и женская судьба, и техника, и человеческая защищенность, — все это как следствие строгих законов нового общества, как естественный результат великого нашего роста.

РАССКАЗЫ
И
ОЧЕРКИ

О человеческих чувствах

Сегодня такой хороший день! День авиации! Как и все граждане СССР, я горжусь советской авиацией, этим героическим чудом, созданным моею революцией.

Но я имею еще и особенные, так сказать, личные права испытывать эту гордость.

Я хотел бы сегодня пожать руки десяткам моих воспитанников, выбравшим для себя славную дорогу летчика. Но это невозможно сделать: они разлетелись по всему Союзу, пространство для этого народа, как известно, не составляет препятствия.

Но в памяти своей я восстанавливаю лица, характер, повадку и историю каждого из них, вспоминаю их трудный, но бодрый и радостный путь от беспризорности до штурвала воздушного корабля, от дикого и голодного уличного одиночества до уверенного и прекрасного самочувствия советского гражданина.

Я мог бы завидовать им, если бы у нас вообще возможно было завидовать.

Для многих мальчиков путь летчика представляется самым высоким счастьем, самым совершенным путем человека, самым благородным его назначением. Он только несбыточным не представляется. Нужно только одно: нужно захотеть. Я вспоминаю Шуру Чевелия, Митю Анисимова, Васю Дорошенко и многих других. Когда им было по двенадцати лет, их летная душа уже карабкалась на аэроплан. Реально это выражалось в причудливых выражах бумажных моделей, у которых мотор состоит из резинки и постройку которых «лимитировала» эта самая резинка. Когда ребята подросли, бумажные аэропланы перестали удовлетворять их летную душу. В пятнадцать

лет они требовали от меня командировки в авиашколу, сердились на меня за отказ, надувались и по часам не разговаривали со мной.

С большим трудом я собрал деньги, — колония была далеко не богата, — и купил для ребят планер, пригласил инструктора. Они с горячей гордостью завозились вокруг планера, целыми днями прыгали на нем в поле и бросали в лицо и без того ошеломленных товарищей убийственно-специальное слово: «амортизатор»!

Но проходили дни, и планер перестал их радовать. Они снова настойчиво закружились вокруг меня и загладели о летной школе. Теперь препятствий было гораздо меньше. Математика и русский язык в наших руках. Возраст?

— Антон Семенович! Ну, что стоит вам написать: родился в 1910 году, все равно никто не знает, когда я родился. А может я родился в 1909 году?

— Постой. Ты ведь сам сказал, когда привели тебя в колонию, что год рождения 1912-й?

— Какой вы странный, Антон Семенович! Я сказал. Вы придаете значение? Мало ли чего я сказал! Был, понимаете, несознательный, и все!

С их точки зрения это не было препятствием. Страшило их только одно:

— Там, понимаете, так: посадят тебя за стол и говорят: а ну, напиши какой-нибудь стишок! Ты себе пишешь, а они сзади из нагана бац! И смотрят: если ты хлопнул глазами или кляксу сделал, какой же из тебя летчик? Видите?

Вот этот вымышленный выстрел из нагана их только и пугал. И снова они на меня сердились:

— Ну, что вам стоит, Антон Семенович? Вы сами стреляйте. А мы будем смотреть: хлопает глазами или не хлопает.

— Да ведь нужно неожиданно.

— А вы и сделайте неожиданно. Зайдите в класс, как будто проверяете и... бац!

И хотя я решительно отказывал в организации такого эксперимента, они настороженно следили за мной, когда я заходил в класс во время урока, и их глаза налаживались, чтобы не хлопнуть, если вдруг бацну из револьвера.

Но я не торопился «бахать». Я и без того видел, что

они будут летчиками. Каким-то чудом они перезнакомились со всеми летчиками соседней части, принимали их в колонии, облепив жаркими своими телами, водили их по цехам и показывали свои станки с сложным выражением гордости и негодования: гордость потому, что это наши станки, а негодование потому, что это все-таки станки, а не самолеты.

И вот свершилось. В один прекрасный день они уехали со страхом и радостью, жали руки товарищам и целовались, а Шурка, бледнея, говорил:

— Вот чувствует мое сердце: сбракуют! Честное слово, сбракуют!

Они приехали в колонию через полгода в отпуск в голубых петлицах, младшие ребята взирали на них с благоговением, а вечером приходили ко мне поговорить по делу:

— Антон Семенович, там у меня неправильность: я родился вовсе в 1911 году, а там написано: в 1913 году. Это неправильно.

И вот сейчас мои летчики давно уже летают. Они приезжают ко мне с капитанскими петлицами и рассказывают о настоящих технических и человеческих чудесах их жизни.

Они не сомневаются в своем высоком счастье, но они не знают настоящей его грандиозной величины. А я, глядя на них, вспоминаю один случай из моей жизни. В этом случае дело идет тоже о летчиках и о мальчиках, но это было в 1912 году.

Я тогда работал учителем на небольшой узловой станции на Херсонщине. Нас окружала степь, до ближайшего города было 70 верст. На станции школа была организована для детей линейных служащих, дорожных сторожей, стрелочников с полустанков. При школе было и общежитие. Всего у меня под началом было около двухсот ребят, мальчиков и девочек.

Жизнь наша протекала более чем скромно: какие приключения могли произойти в херсонской степи в 1912 году?

И вдруг первого декабря в морозный бесснежный день над станцией закружил аэроплан. Не только мои ребята, но и учителя аэроплан видели впервые в жизни. Ко-

нечно, мы бросили уроки и выбежали на широкую площадь перед зданием школы. Аэроплан сделал несколько кругов над нами и вдруг пошел на посадку, — прямо на нашей площади. Обрадованные, ошеломленные и даже перепуганные мы бросились к нему. К нам спустился человек в кожаной куртке, а на куртке блестели золотые погоны поручика. За ним вылез другой — солдат, потом оказалось, что это механик.

Мои ребята пораженными взглядами рассматривали и диковинную машину и самого поручика. Мы пригласили его в школу.

Выяснилось, что военный самолет, по какому-то особенному заданию совершает небывалый в истории перелет Киев—Севастополь. В моторе испортилась какая-то часть. Вечером того же дня механик уехал в Киев получить новую часть, а поручик остался жить у нас. И я и ребята близко с ним познакомились, да ему и делать было нечего, только и оставалось пребывать с нами. Сначала нас смущало небывалое общество. С одной стороны, кожаная куртка гостя роднила его с нами, было в нем что-то похожее на паровозного машиниста, с другой стороны, золотые погоны проводили между нами и им какую-то черту отчужденности, мы не привыкли к таким знатым людям. Видели иногда на станции приезжавшего по делам жандармского ротмистра, но даже старались и не смотреть на него, так это было для нас далеко.

Но поручик оказался настоящим человеком: простым, веселым, добродушным. Мои ребята сдружились с ним очень быстро, и нельзя было не полюбить его: так необычно было видение человека, летящего в воздухе. Для нас не было сомнений в том, что это человек страшной, невиданной еще в мире смелости, человек крайней отваги и человеческой доблести. И вероятно это было близко к истине. Мы знали героические имена некоторых погибших летчиков, следили за гибельными подробностями тогдашних первых перелетов. А теперь среди нас находился живой, симпатичный человек, только что совершивший героический прыжок в воздухе. Завтра он получит какую-то там часть и снова подыметесь в воздух, чтобы долететь до Севастополя или погибнуть в пути. И то обстоятельство, что поручик не гордился перед нами своим героизмом, что он умел пошутить, поговорить с ребятами, что

он запросто разделял с нами наш скромный обед, ещё больше увеличивало его человеческую прелесть.

Когда механик привез запасную часть, мы целый день провели у аэроплана. Поручик с механиком целый день провозились у мотора, измазались, утомились, обедать не пошли. Поручик во что бы то ни стало решил вылететь четвертого, чтобы успеть к параду 6 декабря в Севастополе. Но что-то у него не ладилось, он и четвертого работал над мотором.

Было уже после полудня, когда он кончил ремонт. Мы уговаривали его отложить полет на завтра, скоро должен был наступить вечер. Но он не внял нашим уговорам, очень ласково пожал всем руки, потрепал по щекам двух-трех малышей и обещал из Николаева прислать нам телеграмму о благополучной посадке.

Он улетел почти в сумерках. Мы с притихшим сердцем проводили глазами исчезающую в небе точку и всей толпой отправились к зданию станции ожидать телеграммы. Сначала делились впечатлениями, потом примолкли, а часов в семь многие девочки начали уже плакать. Около полуночи стало ясно, что с поручиком случилось несчастье. Натирали глаза уже не только девочки. С большим трудом я успокоил ребят и отправил спать.

Но телеграмму мы все-таки получили, только не от поручика, а от его механика. Точного текста я не помню, механик сообщал, что аэроплан сбился с пути, совершил посадку в поле, попал в ров, аэроплан разбит, поручик с переломанными ногами находится в николаевском госпитале, механик здоров.

Конечно, ни о каких занятиях не могло быть и речи. В школе было настоящее глубочайшее горе. Многие буквально не находили себе места. Настроение несколько улеглось, когда один из старших учеников предложил сложиться по копейке и послать поручику приветственную телеграмму. Так и сделали. У кого нашлась копейка, у кого две, тот уплатил за товарища. В общем мне пришлось доложить не очень много. Телеграмму написали большую, горячую, полную любви. Послали, а к вечеру получили и ответ: «Спасибо, тронут».

А на другой день меня вызвал к себе на соседнюю узловую станцию жандармский ротмистр. Я стоял в его

большом кабинете, а он стучал кулаком по столу и шипел:

— Сегодня поручику коллективная телеграмма, а завтра кому? Сбирать копейки, подписи, собрания?

— Но, ротмистр, военный летчик! Поручик? Как же...

— Не ваше дело, военный или не военный. Я не позволю вам заниматься не вашим делом.

Я был уволен со службы. Оказывается, это не мое было дело и не дело моих учеников выражать какие бы то ни было чувства по адресу даже военного летчика.

Потом мне удалось найти защиту. Я был восстановлен. Но это и не важно. Я не испытывал жалости ни по отношению к себе, ни по отношению к моим ученикам. Мне было жаль поручика, поломавшего ноги под Николаевом и тем не менее не заслужившего права на человеческую симпатию.

А теперь я вспоминаю и другой случай такого же рода. Он отмечен в газетах так:

«3 сентября 1915 года возвратился в столицу начальник полярной экспедиции флигель-адъютант Б. А. Вилькицкий. Выйдя из Владивостока 24 июня 1914 года на «Таймыре» в сопровождении «Вайгача», экспедиция к сентябрю достигла мыса Челюскина, где и зазимовала, пережив сто суток полярной ночи. С большими усилиями преодолев все ужасы полярной зимы с 50-градусными морозами, Вилькицкий привел оба судна целыми и невредимыми в Архангельский порт.

Прибытие отважного путешественника в столицу прошло незаметно».

Итак, незаметно! А ведь Вилькицкий был флигель-адъютант, адъютант самого царя!

Нет, товарищи советские летчики, вы гораздо счастливее, чем вы думаете, а мы... мы не менее счастливы, чем вы.

В ваших героических взлетах нет этого проклятия прошлого. Вас никто не оскорбит зверской холодностью встречи, никто не остановит на пути к вам горячего чувства восхищения и любви. Это потому, что ваш подвиг не одинок, потому, что он создан усилиями всей страны, ее лучших людей, ее вождей.

Из истории героизма

Это случилось в декабре 1913 года.

Я тогда работал учителем железнодорожного училища на небольшой узловой станции на Херсонщине. Станцию и поселок при ней можно было охватить одним взглядом. Нас окружала степь, однообразная, ровная, молчаливая. А что там было в степи? Два кургана на горизонте, да скрытое в балке село, да на большой дороге столбы и пыльные вихри.

На станции было маленькое депо, так называемое «оборотное»; работало в нем народу несколько десятков человек, и на самой станции еще меньше, — тихое было место, пыльное и бедное.

И школа наша богатством не отличалась. Она была предназначена для детей линейных служащих: путевых и барьерных сторожей, стрелочников с маленьких станций и полустанков. Было у нас много и сирот. Большинство моих учеников жили в общежитии при школе. Все это было организовано в «приютском» стиле — бедно, казенно, угрюмо и неподвижно.

Мы, учителя, — а нас было человек восемь, — все свое время проводили с ребятами, впрочем, у нас другого выбора и не было. По старой учительской традиции мы, конечно, предавались прекрасным мечтам: сеяли разумное, доброе, вечное, из года в год делали выпуски и радовались, провожая хлопчиков и девочек в жизнь. А радоваться, собственно говоря, было и нечего: ни в какую особенную жизнь не было путей для наших учеников. Все поголовно они уезжали на маленькие станции и полустанки продолжать ту же степную страду своих отцов.

А мы продолжали свою — учительскую.

Где-то там, далеко, далеко за степями и курганами, на каких-то недоступных концах дорог и проводов, протекала все-таки какая-то жизнь, взбудораженная тысяча девятьсот пятым годом. Она доходила до нас в сборниках «Знания», в изданиях «Донской речи», в «Журнале для всех» и, разумеется, в газетах. И в своем захолустье мы видели серую, свинцовую «обложную» тучу реакции, видели и редкие вспышки молний рабочего движения, кре-

стьянских волнений, подпольной работы революционеров. Не видели, а чувствовали и дыхание новой техники, напряженную борьбу человечества с природой. Все это было дорого и важно для нас, но мы никогда не были свободны от тяжелого ощущения заброшенности и беспросветности.

Слышали мы и читали о первых полетах людей, знали имена летчиков, их удачи и трагические дни катастроф. В их победах много было настоящего человеческого подвига, но даже этот подвиг какими-то чуждыми силами был обращен в далекое для нас и «не наше» дело.

В окнах проходящих поездов мы иногда видели важных господ, с выражением дорожной скуки рассматривающих наши захудалые фигуры. Иногда на их плечах блесло золото, одинаково для нас непостижимое, был ли это генерал или подпоручик. На самой нашей станции появлялся изредка начальник жандармского отделения, уса-тый, обтянутый рейтузами и мундиром щеголь; один раз он зашел даже в школу, брезгливо заглянул в класс, на полсекунды задержался в дверях учительской и сказал:

— Учителя? Дэ... Ну, прекрасно...

И ушел, сопровождаемый станционным жандармом, до деревянной твердости набитым почтением и фрунтовой выправкой.

В нашем представлении было даже не совсем понятно, как могут эти вылощенные господа летать на аэропланах, слишком уж велико было противоречие между их блеском и скромной настойчивостью летного подвига.

И вот первого декабря, в морозный бесснежный день в тишину наших классных занятий ворвался непривычный и непонятный звук мотора. Он с напористым и настойчивым усилием шел на нас все заполняющей волной и, наконец, поглотил все, звенящим грохотом упал у самых дверей школы и вдруг замер. Мы бросились наружу. По широкой площади перед школой катился прямо на нас крылатый легкий аппарат. Ребята бросились в стороны, а потом испуганными глазами загляделись на невиданное чудо. Аэроплан остановился у самого крыльца здания. Сбоку мы увидели две головы в шлемах, торчащих из крохотной кабины. Мы побежали к ним.

На землю прыгнул ловкий человек и помахал нам

рукой. На его плечах ярко выделялись на черной коже куртки золотые погоны: одна дорожка и три звездочки.

Офицер присел и заглянул на колеса. Потом поднялся и сказал мне весело:

— Фу, чорт! Счастливо отделались!

Веселый его звонкий тенор все-таки не мог скрыть страшной бледности лица и тонкого вздрагивания побелевших губ. Даже узкие усики над губами вибрировали еле заметно. Меня захватила волна горячей симпатии к этому небесному гостю, мне хотелось и торжественно славить его и пожалеть.

Он прожил у нас три дня, пока его механик съездил в Киев за какой-то частью для мотора. Поручик Яблонский совершал засекреченный перелет из Киева в Севастополь. Посадка полагалась в Николаеве, но пришлось сесть на нашей станции, так как в бензопроводе случилась какая-то авария.

Поручик оказался очень простым и милым человеком. На нашей станции все-таки была кое-какая аристократия: начальник участка, начальник станции, следовательно. Они устроили в честь его пребывания банкет, но поручик не пил ни вина, ни водки, и устроители банкета были очень разочарованы и с горя напились сами до той степени, какая обычно принята была на нашей станции даже по менее важным поводам. А поручик предпочитал общество моих учеников.

Целый день он проводил в нашей школе, а вечером устраивался в бедном нашем общежитии и рассказывал ребятам жуткие истории о первых полетах аэропланов, о будущих днях авиации, о погибших летчиках. Ни в нем самом, ни в его рассказах не блестели офицерские погоны, он ни разу не назвал ни одного чина, да и свою тужурку повесил у меня и полюбил мой меховой полушубок, более приспособленный для степных ветреных морозов.

Занятия в школе проводились кое-как: ребятам было не до занятий, слишком поразил их воображение этот заветный, простой и веселый гость. Больше всего вертежился возле него Алешка Сидорин, четырнадцатилетний серьезный мальчик, сирота, потерявший отца-машиниста в железнодорожном крушении. Яблонский и сам обратил вни-

мание на Алешку и дошел в беседах с ним до таких тонкостей, что уже и карандаш появился в его руках, и на ученической тетрадке начертил он для Алешки схему аэропланнх рулей и еще каких-то хитростей.

Четвертого декабря перед вечером Яблонский закончил ремонт своего мотора. С самого утра провозились он и его механик в аэроплане, а мои ребята и в школу не пошли, а обступили машину тесной толпой, и Яблонский кричал им сверху:

— Ничего, ничего, ребята, полетим!

Он поднялся в воздух очень поздно, уже начало темнеть. Мы уговаривали его отложить полет на завтра, но у Яблонского были свои соображения. Он пожал руки почти всем двумстам моим ученикам, потрепал кое-кого по грустной мордочке и обещал обязательно дать телеграмму о благополучном прибытии в Николаев, куда он должен был прилететь через час.

Мы грустно следили за тем, как еле заметная точка самолета исчезла в декабрьском вечернем небе, а потом всей толпой отправились на станцию ожидать телеграммы.

Телеграмму мы ожидали долго. Сначала оживленно обсуждали яркие подробности последних дней, потом тревожно молчали, а потом девочки начали плакать. Было двенадцать часов ночи, когда я увел грустных ребят спать. Алешка Сидорин выпросил у меня разрешение остаться на станции, он все-таки продолжал верить в телеграмму.

Она пришла к вечеру следующего дня и была подписана механиком. Он сообщал, что Яблонский сбился с пути и сел в поле, сел неудачно, в ров, разбил вконец машину и сам расшибся: находится в Николаеве в военном госпитале с переломанными руками и ногами.

Редко можно видеть такое широкое и горячее горе, какое захватило моих учеников. Они засели в классах за партами и громко открыто рыдали, не стесняясь друг друга и не оглядываясь. Я очень хорошо понимал их страдания, потому что и у самого щемило в сердце от сознания обидной и глупой несправедливости, от наглого хулиганства жизни, оскорбляющего прежде всего самых лучших, самых смелых и новых людей.

Алешка Сидорин не плакал. Он бродил по школе молчаливый и суровый и все о чем-то думал. Только к ночи он оживился и пришел ко мне с листком бумаги:

— Хлопцы согласны. Вот тут написали, у кого есть, а у кого нет, и так хорошо.

На листке бумаги были в колонку выписаны фамилии и против каждой стояла сумма: три копейки, пять копеек, одна копейка. Алешка объяснил, что это собрано четыре рубля пятьдесят девять копеек, чтобы послать Яблонскому большую телеграмму, в телеграмме все написать.

Я ничего не сказал Алеше, и мы сели писать телеграмму. Она вышла действительно очень большой и подробной. В ней мы не столько обращались к Яблонскому, сколько к глупой судьбе и требовали, чтобы она с большим уважением относилась к человеческому подвигу. Телеграмма эта обошлась нам в десять рублей, сложились и учителя. Ее отправка успокоила ребят: грустные, но уже без рыданий отправились они спать. А на другой день мы получили и ответ от Яблонского, в котором он благодарил нас и обещал поправиться и когда-нибудь снова к нам прилететь.

Через неделю мы видели на платформе обломки аэроплана Яблонского, которые проследовали через нашу станцию в Киев. А еще через неделю меня вызвал на соседнюю узловую станцию жандармский штаб-ротмистр. Он сидел за большим столом и рычал на меня:

— Сегодня сбор денег на телеграмму, а завтра для чего? Сегодня Яблонскому, а завтра кому?

— Господин ротмистр, но ведь...

— Что вы там еще говорите...

— Но ведь... военный летчик! Поручик!

Ротмистр дико глянул на меня:

— Вдолбите себе раз навсегда в голову: военный он или не военный, это вас не касается. Понимаете? Если не понимаете, смотрите, чтобы я не объяснил вам как следует.

— Я понимаю, — тихо сказал я.

Он посмотрел на меня подозрительно и отвернулся:

— Можете идти. На этот раз мы ограничимся увольнением.

Я ушел. Я действительно все понял. Действительно подвиги военных летчиков моей страны не имели ко мне никакого отношения. Пусть, это в конце концов и раньше было ясно. Я не страдал и не жалел себя, но мне до рыданий стало жалко поручика Яблонского. В таком случае, для кого приносит он свою жизнь в жертву? Неужели для жандармского штаб-ротмистра?

Возвратясь домой, я нашел на столе распоряжение немедленно уволить из школы Алексея Сидорина.

* * *

Яблонский погиб во время войны с немцами.

Я сейчас часто вспоминаю этого веселого простого поручика. Его жизнь так характерна для последних лет царской реакции. Так холодно и так неуютно было героям в нашем отечестве, и поэтому так мало знали люди, что у них есть отечество. Большому человеческому чувству, чувству любви к родине, чувству гордости и радости за нее так мало было простора. И сейчас, когда невозможно различить, где кончается героизм отдельного человека и начинается героизм моего народа, когда каждое движение сердца и каждое движение советских самолетов так душевно и так родственно связаны, я благодарю судьбу, что она позволила и мне жить в наше прекрасное, горячее и искреннее время.

Гришка

1

Городишко Мирополье стоял на горе. Из окна вагона он казался живописным: на зеленых склонах кое-где пробивались светлоголубые, светлозеленые и темноглубые маковки церквей, а выше всего подымалось из зеленой стройное белое здание.

Из окна вагона казалось, что в тени этой зелени рядом с притихшими древними храмами люди живут уютно и мирно, там пахнут ландыши, там свежесть листы, одетые крапивой и цветами дорожки.

А осенью городок был похож на оперную декорацию: золото, парча и торжественные багряные закаты.

Железная дорога проходила от города в шести километрах; по железной дороге проносилась мимо города жизнь. Но редко, редко кто-нибудь направлялся от станции в его таинственные рощи. Чаще всего проезжал на своей линейке Илья Иванович Пивоваров.

Линейка у Пивоварова новая, ее крылья окрашены в розовый цвет, красил линейку Гришка. Гришка всегда держит в руках темнокрасные вожжи и управляет золотистым, могучим жеребцом, только потому не взятым на войну, что засекается.

В прошлом году Илья Иванович ездил в губернский центр по делам и привозил оттуда целые ящики товаров, за которыми выезжал на подводе Гаврюшка. Кое-что укладывали и на линейке, — галантерею. А в этом году Пивоваров ездит неизвестно за чем, из всех карманов у него торчат газеты, а портфельчик каким тощим уезжает, таким и приезжает.

Пивоварову сорок лет, Гришке шестнадцать.

2

Ранней весной, когда только что оделись вербы, Гришка выехал на станцию за хозяином. Это было гораздо приятнее, чем возиться в конюшне или перекладывать в магазине ящики. Кроме того, Пивоваров был приятный и разговорчивый хозяин, а Гришке только и приходилось с ним поговорить, что по дороге.

Гришка учился в школе и умеет довольно ловко читать, Илья Иванович несколько раз хвалил его. В школе Гришка привык к мировому устройству, даже война не очень нарушила эту привычку. Была, например, японская война, тогда и убили гришкиного отца. А теперь тоже война, и убили на ней гаврюшкиного отца, всякому своя очередь. А в Мирополье люди жили без войны, сеяли жито, гречку и коноплю. Одни были победнее, другие побогаче, но все они в представлении Гришки были миропольцами. А уже от Мирополя во все стороны расходился белый свет. Где-то там были города, текли реки, волновались моря, Гришка о них никогда не думал. Высоко

где-то царствовал царь, а еще дальше, за лесами, за ветрами и тучами жили разные боги и святые угодники. И о царе и о боге Гришка тоже никогда не думал, во всяком случае всем своим нутром чувствовал, что бог и царь Гришкой совершенно не интересуются. Гришка тихонько жил в таком именно мировом устройстве, работал у Пивоварова, получал три рубля на всем готовом. Но вот месяца полтора-два назад царя, говорят, скинули. И в мировом устройстве что-то такое сдвинулось. Гришке, собственно говоря, и дела нет никакого к этому случаю, а все-таки как-то интересно. И хозяин об этом часто разговаривает.

На станции Гришка недолго ждал Илью Ивановича. Он вышел на площадь веселый, румяный, даже подпрыгивал чуточку. Сел на линейку и сказал:

— Поехали.

Гришка чмокнул на жеребца, натянул вожжи, жеребец любил ходить на натянутых.

— Погоняй, погоняй, Гришук, — сказал хозяин. — Теперь некогда молоко возить. Раньше мы с тобой были обыватели, а теперь — граждане. Дела другие пошли, молоко некогда возить.

В город ведет старенькая мостовая. Она называется «замостьем». На замостье булыжник от булыжника на аршин, а между ними разная дрянь и ямы. Кованое колесо провалится в яму — даже жеребец с рыси сбивается, а хозяин хватается за Гришку:

— Ишь ты, дорога называется, чорт бы ее забрал. Правила, сволочи, дворцы строили да эполеты цепляли, а дорога хоть завались. Постой, Гришук, вот мы дорогу построим, дай с немцами управиться! Я тебя тогда на такой фаэтон посажу, во! Перышко в шапочку, а в руках не две вожжи, а четыре, пара совсем другое дело!

Гришка представляет себе и парный фаэтон, и красивую шапку, и двух жеребцов в запряжке, а хорошую мостовую не может представить, — не видал никогда и вообще предпочитает мягкую, раздольную накатанную ширину полтавского шляха, который выходит из города с другой стороны и по которому ездят в Завирье.

— Пара, конечно, лучше, — говорит он. — А кто теперь будет заместо царя?

— Народ будет, вот кто!

— А народу много.

— Ну, вот и хорошо, что много. Из двух человек один дурак, а другой с роду так. А со всего народу умного легче сыскать. Найдется кому.

Илья Иванович кивает на просторно размещившиеся хаты, стоящие внизу по сторонам высокого замостья, прикрытые вербами.

— Ишь живут! Соломенная жизнь! Привыкли и живут. На крыше солома, на воротах солома, на плетнях солома, на соломе спит, и в голове, кроме соломы, ничего нету. Другие государства все тебе делают: и часы, и очки, и коверкот разный, и манчестер, а у нас только солону умеют. А здесь построить нужно фабрику, например, сукно делать. Сколько людей кормиться будет! Дело можно какое развернуть! Вот тогда мы с тобой и автомобиль купим!

— Это какой же? — спрашивает Гришка, немного пугаясь такой будущей сложности.

— О! Это, брат, чудо такое: без лошадей едет!

— Как поезд?

— Куда там поезд годится!

Гришка дальше не спрашивает. Ему все равно, на чем ездить, главное, чтоб харчи были хорошие, а то в последнее время с харчами плохо стало, и хозяин говорит: довели Россию.

3

Уже яблоки и арбузы поспели, когда снова выехал Гришка за хозяином на станцию. Илья Иванович вышел на площадь сердитый и даже «здравствуй» не ответил. Сел на линейку и сразу в зубах заковырял спичкой. И так до самого моста возился с зубами. И только когда переехали мост, спросил неласково:

— Ну, пролетарий, был на этом собрании? Как там эти... выздоравливающие?

Гришке почему-то не хочется рассказывать о собрании, он вежливо чмокает на коня и отвечает между чмоканьем:

— Был.

— Солдаты разорялись?

— Как вы говорите?

— Солдаты были... Ораторы?

Гришка начинает вспоминать подробности собрания, и к нему приходит охота говорить:

— Солдаты больше говорили, а еще один из Благодухова, здорово так говорил...

— Хе! Здорово, говоришь?

— Здорово говорил!

— А солдатня радовалась?

— Там не только солдаты. Всем понравилось.

— Понравилось? И тебе, значит, понравилось?

Гришка повернул к хозяину улыбающееся лицо. Из-под растрепанного козырька глянули на Пивоварова довольные, ясные глаза:

— Понравилось, а как же? Здорово понравилось!

— Хе! А что ж тебе, например, понравилось?

— Да все.

Гришка оперся черной ладонью на подушку линейки, и жеребец сразу понял, что можно идти шагом.

— И как это, чтобы войну кончать, потому что, говорит, довольно кровь проливали за их, сволочей.

— За сволочей?

— Так и сказал: за сволочей, за буржуев, значит. Довольно кровь проливать. И власть советам!

— О!

— Ага. Советы, сказал, должны быть для трудящихся. Кто трудится и работает. А кто не работает, того, говорит, к чертовой матери выкинуть.

— Действительно! Выкинуть! Разумный народ!

— Да, он разумный, — подтвердил весело Гришка.— Такой разумный! Прямо все хлопали и хлопали!

— А солдаты что?

— Солдаты больше всех хлопали. А он еще про одного говорил: Ленин, есть такой, и тогда здорово хлопали.

— И ты хлопал?

— Ага.

— А чего ж тебе хлопать, спросить?

— А как же? А я что ж? Тоже... что ж... работаю.

— Да ведь ты Ленина не видел? Какой это такой, скажи пожалуйста, Ленин, тебе какое дело?

Гришка похлопал рукой по подушке, а на лице все то же довольное выражение.

— Ленин за всех трудящихся.

— Дурак ты, Гришка! Он за тебя беспокоится? Где он за тебя беспокоится? За тебя я беспокоюсь. Вон башмаки тебе купил? Купил. Деньги тебе плачу? Плачу. Кормлю тебя? Кормлю. А ты говоришь Ленин! Где ж? Пускай он тебе картуз купит, скажем...

Гришка поднял глаза на Пивоварова. В серых его зрачках отразились вербы, небо, какая-то радость и какое-то удивление.

— Спасибо вам, это я не говорю. А только он за всех.

— Вот тебе и спасибо. А ему за что спасибо сказать?

— А тот у Благодухова все объяснил: вся власть советам! Буржуев по шапке, сами будете жить, без буржуев. А там в Петрограде сидит самый главный, Керенский по фамилии, ой и вредный. Ему все воевать и воевать... Кровь проливать.

— Значит, ты мой магазин заберешь? Хозяином станешь?

Гришка удивленно воззрился на хозяина:

— Да что вы, Илья Иванович! Зачем ваш магазин. Это против буржуев. Где Ленин, а где магазин.

Гришкины глаза погасли, он сердито глянул на жеребца: с какой стати шагом плетется и голову даже повесил!

— Но! Задумался!

Ехали молча до второго моста. И тут Гришка спросил:

— А вы видали большевиков? Хоть одного видали?

Пивоваров ответил неохотно:

— Вот добра нашел смотреть! Большевики!

— Интересно посмотреть, какие.

— Подумаешь!

Гришка почуял что-то неприятное в ответах Пивоварова. И вообще с некоторого времени хозяин ему меньше нравился: не такой веселый и все больше спрашивает, а сам мало говорит. Но сегодня, пожалуй, он и повеселится. У Гришки приготовлены для него городские новости. Может, это и не такие важные вещи, как политика, а все-таки интересно.

— А вчера Воротиловка горела! Куда тебе зарево! Ни одной звезды не видно!

— Воротиловка? — быстро спросил Пивоваров.

— Всю ночь горела! Ой, и здорово ж горела!

— Воротиловка?
— Ага. Мы с Гаврюшкой бегали.
— Много хат сгорело?
— Зачем хаты? Хаты все целые. Панский дом горел.
— Подожди. Шагом. Как ты говоришь?
— Я говорю: панский дом. Хорошо горел!
— Да что такое?
— И солома, и конюшня, и клуни. Все начисто!
— Ай-ай-ай! — задохнулся Пивоваров. — Лошади там такие замечательные! Сгорели?

— Нет! Зачем? Лошади нет! Лошадей мужики развели. Лошади у мужиков теперь. И машины. И так еще... Организованно! Все в порядке. Ха! Наша пожарная приехала, а они говорят: чего приехали? Пускай горит!

— Ай-ай-ай!

— А чего? — оглянулся Гришка. — Мужики сказали: удрали в город, пускай там и сидят, и им спокойнее, и нам без хлопот. Так они и поехали обратно. Не тушили.

— Куда ж они поехали?

— А в свою пожарную и поехали. Куда ж?

— Да нет! Лосковы!

— А, господа? Господа в город поехали. Куда ж им ехать? Ха! Да они и не поехали вовсе...

— Что ты говоришь?

— Куда там ехать? Сам Лосков, говорят, в одной рубашке удрал. Ребята воротиловские говорят: он всегда без подштанников спать ложился, у панов, будто, всегда так. Правда это?

— Что?

— Да вот, что паны без подштанников спать идут? Другое бы дело от бедности, а то чего?

— Да брось ты... подштанники... А Ирина Павловна?

— Это барыня? Все целы! Они, как выскочили, так прямо в жито. А потом и пошли. Пешком.

Пивоваров почему-то до самого дома не сказал больше ни слова. Гришка чмокал, чмокал на жеребца, то натягивал вожжи, то отпускал, несколько раз оглянулся, непривычно для него было это молчание. Расстроился хозяин, видно, а может что-нибудь другое.

— А лошади не сгорели, — сказал Гришка, рассматривая придорожные плетни. — Все в порядке. Коровы, лошади, все, как следует...

Но Пивоваров и на это ничего не сказал. Гришка тоже заскучал. А потом сказал нехотя:

— И барыня, и дочка. Все в порядке!

4

На вербах уже ничего не осталось, а на замостье серая жижа закрыла и булыжники и ямы. Жеребец шел злой, шатался на ямах, спотыкался.

В городе возле управы стояла полусотня солдат. Откуда они взялись и для чего торчали в городе, никто не знал. Говорили, что из этой полусотни будет сделан новый какой-то полк. Правда или неправда это, никто не знал, а казаки гуляли по улицам, ухаживали за девушками, о войне у них и разговору не было. Едучи на станцию, Гришка думал о казаках, он не прочь был тоже сесть на коня и надеть черкеску. Но это было не самое главное.

Самое главное было другое: в Петрограде Ленин так выгнал Керенского, довольно ему воевать. Пивоваров, как услышал об этом, так и полетел в губернию. А чего ему лететь, если и так все напечатано в газетах подробно?

На станционной площади насчитал человек двадцать из команды выздоравливающих. Они гуляли по площади, заглядывали на пути, собирались по три, по четыре, болтали. С ними было несколько своих парней, — мирнопольских. Гришка часа четыре ожидал хозяина, привязал жеребца к столбику, прислушивался и присматривался к солдатам. Все понимали, что сейчас должны приехать большевики.

Самый знакомый Власов. Подбородок у него маленький, тонкий, а скулы широкие, усики. Власов гуляет в старенькой шинельке, руки греет в карманах и посматривает на город:

— Вот постой, привезут мне сейчас того сего. Хоть и не мой город, а поддам кой кому коленом.

— А чего привезут? Чего привезут? — пристал к нему Гришка.

Власов задвинул руки в карманы по самые локти и смеется:

— Чего привезут? Пуки-туки-буки! Образца девяносто пятого года.

— Это ружья?

— Не ружья, деточка, не ружья, — винтовки! Да ты помалкивай.

— Большевики привезут?

— Вот любопытный! Ну, а кто ж, меньшевики, что ли? Догадываться надо.

— А скоро привезут?

— Чего?

— Да эти...

— Ох, и дурной же ты? Чего? Несознательный какой!

— Да чего я несознательный?

— Дубина просто! Ты ж видишь, что я с голыми руками. И другие. Чего ты орешь? Погулять выйти нельзя на станцию, так сейчас и пристанут.

Подошел пассажирский. Солдаты бросились к вагонам, но оказалось, что большевики не приехали. Гришке так стало досадно, как никогда в жизни не было. Солдаты собирались у входа и тихонько скучали. Но прибежал Власов, зашептал:

— Идет следом поезд! На Благодухов. И трехдюймовка с ними. Минут через двадцать будет. А ты чего здесь, ох, и парень же любопытный!

— Какой это?

— Да вот этот, пивоваровский! Вон, бери своего хозяина!

Пивоваров вышел сам не свой, на Гришку и не посмотрел. Подошел к линейке и не садится, а стоит и смотрит куда-то, руку положил на крыло и пальцами постукивает. Гришка сидит на линейке, ожидает.

Хозяин вздохнул и полез-таки на линейку. Поехали.

— Что в городе?

— А что в городе?

— Не понимаешь, что ли?

— Да и не понимаю...

— Казаки в городе?

— Большое дело — казаки! Пока в городе.

— Как это ты разговариваешь?

Гришка опустил глаза, потрогал кнутовищем сапог, промолчал.

— Большевики, говорят, приезжают?

— А что ж?

— Что ж, что ж! Погоняй, чего плетешься?

Гришка ничего не сказал, и погонять не стал, куда там погонять? Все равно ямы.

Так и ехали молча до самого моста. А только вздернулись на мост, как оглушительно гакнуло сзади и пошло громом по свету.

Пивоваров ухватил Гришку за плечи:

— Что такое? Господи!

Гришка не успел ответить: оглушительно зазвенело впереди и вспыхнуло в небе белым облачком. Хозяин соскочил с линейки и смотрит на Гришку, а губы дрожат. И жеребец дрожит, ткнулся мордой в перила.

— Гриша! Что такое?

А всмотрелся в Гришу, еще больше испугался: в серых глазах Гришки не отражается сейчас небо, они холодно смотрят на хозяина и улыбаются без шутки.

— Приехали, хозяин!

— Куда приехали? — в суматохе оглянулся Пивоваров.

— К нам, в город, большевики приехали!

И в подтверждение этих слов снова взорвался мир, и снова белым облачком резкий звон разошелся над городом.

Пивоваров бросился к линейке, споткнулся, на четвереньках взлез на сиденье.

— Гони! Гриша, гони! Господи!

Взволнованный жеребец загремел по мосту.

— Да куда ж мы едем? На смерть, что ли? Сворачивай сюда. Сворачивай в этот двор...

Гришка потянул правую, линейка чуть не опрокинулась. Круто скатились с замостья и влетели в безворотный двор. В дверях хаты стоял мужик, и возле него бабка крестилась часто.

— Трехдюймовкой бьют...

— Я у вас подожду.

— Ну, а как же!

По дороге два солдата. Они быстро шли под плетнями и всматривались вперед. Гришка выбежал из двора.

— Куда ты, чорт! — закричал Пивоваров.

Гришка глянул: под плетнями шли все двадцать: у каждого винтовка, а у некоторых и две.

— Власов!

— А! Любопытный! Возьми вон у него!

— Кого?

— Кого, дурень! Кого! Пуки-туки возьми!

— Да ну!? — Гришка присел, может быть, от удивления, может быть, для того, чтобы лучше прыгнуть к винтовке.

— Ты что, сдурел?

— Дай ему, дай! Свой человек.

Гришка ухватил винтовку, сжал в руках перед собой. Его глаза теперь пылали серым, но страшно горячим огнем.

— Власов, а где большевики?

— Ну, и глупый ты парень, просто непостижимо! Где большевики! Да ты ж и есть большевик, дурья твоя башка. Да довольно тебе болтать, в бой идем!

Гришка только один раз ошеломленно хлопнул глазами и взял винтовку в правую руку, как и все.

— Гришка! Куда ж ты, сукин сын! Куда?

Гришка оглянулся. Как это он забыл про хозяина?

— Илья Иваныч! Да ты ж и есть самый буржуй!

Но Власов в этот момент треснул его между лопатками:

— Долго я тебя учить буду? Баран деревенский! Вперед!

Гришка громко и радостно вздохнул и... пошел вперед.

Случай в походе

Несколько лет назад, закончив полугодовой план на своем заводе, коммуна отправилась в поход. В этом году был большой поход, к нему готовились с самой осени. Поход — дело сложное.

В начале июля четыреста коммунарков маршем прошли к вокзалу, взволновали город звоном своего могучего оркестра. За последним взводом малышей шумели три грузовика обоза. На грузовиках сложено все наше имущество: провизия, корзинки с костюмами, чемоданы, даже мелкие вещи, в строю ведь не полагается нести что-либо в руках. Однако в первом взводе все-таки несут чемодан.

А в чемодане деньги. За зиму каждый коммунары накопил из заработка несколько десятков рублей чистых сбережений, а некоторые и больше сотни. Деньги эти еще не были выданы коммунарам, а общее собрание так и решило: не нужно их сейчас раздавать, а то растратим, а на Кавказ приедем без денег. Поэтому деньги находились на моей ответственности. Я сложил их в чемодан среднего размера, и они насилу-насилу в нем поместились — пятьдесят пять тысяч рублей и все пятерками и тройками. С большим трудом закрыл я крышку чемодана, а потом посмотрел на него с грустью:

— Что же это выходит: я должен весь поход носить этот чемодан?

Председатель Совета шестнадцатилетний Шурка Неварий попробовал чемодан на вес и завертел головой:

— Действительно: тут пуда полтора. А как же быть?

И другие ребята задумались. Кто-то сказал:

— Пятьдесят пять тысяч рублей — не шутка. А у нас народ разный есть.

Народ в коммуне был и в самом деле разный. Почти все пришли в коммуну из беспризорности, некоторые и тюрьмы попробовали. А здесь большие деньги — большой соблазн.

Думали старшие и решили: отдать чемодан с деньгами на хранение первому комсомольскому взводу, пускай как хотят, так и управляются с ним.

Первый взвод не уклонился от ответственного поручения, и поэтому в их рядах всегда болтался у кого-нибудь в руках черный чемодан среднего размера.

Поход был большой. Девятьсот километров проехали поездом до города Горького, в Горьком дня четыре гуляли, побывали в Баяхне, на автомобильном заводе, по городу сделали маршей не меньше, как километров на сорок. И всегда в первом взводе немного портил строй этот самый чемодан.

Потом мы заарендовали пароход и поплыли вниз по Волге. Плыли долго, не спешили, останавливались в каждом городе. На пароходе я начал ребятам выдавать деньги. Выдавал понемножку, чтобы и на Кавказ осталось, но все же за десять дней плавания роздал восемнадцать тысяч пятьсот сорок один рубль двадцать пять копеек. При каждой раздаче составлялся список, и в нем ребята

расписывались. Списки эти я складывал в другой чемодан, в котором находилась наша походная канцелярия. Этот чемодан тоже находился при первом взводе, только его не носили в строю, а сдавали в обоз.

В Сталинграде мы распрощались с пароходом и сели в поезд, чтобы ехать в Новороссийск. Поезд нам дали плохой и почему-то без освещения. Я поместился в вагоне первого взвода. Проверив караулы в каждом вагоне, я заснул. А разбудили меня рано утром общее волнение и крики в вагоне. Меня тормозили, и я еще не успел проснуться, как мне все хором закричали: только что, когда поезд отошел от какой-то станции, один человек вскочил в вагон, закричал что-то, пробежал к другому выходу, по дороге схватил чемодан и выпрыгнул вместе с ним на ходу.

— Чемодан?

— Да, чемодан. Только не тот. Он хотел, видно, с деньгами, а ухватил другой... с канцелярией.

— А где это ребята?

— Да почти все попрыгали.

— Куда попрыгали?

— А за ним. За вором попрыгали.

Поезд шел на последнем перегоне к Новороссийску. В этом городе мы стояли два дня, собирались сесть на пароход. И два дня с нетерпением ждали возвращения первого взвода. Ребята пришли только к вечеру второго дня, голодные, уставшие и подавленные неудачей. Вор, как только спрыгнул с поезда, бросился в лесок и как сквозь землю провалился. Коммунары исследовали все окрестности Новороссийска, сделали не меньше сотни километров, но ничего не нашли.

Собственно говоря, грустить было мало основания. В чемодане ничего особенно ценного не было. Но вдруг я вспомнил, что в нем лежали списки на полученные ребятами деньги. Выходило так, что я не мог отчитаться в расходе восемнадцати тысяч рублей.

Я собрал совет и объяснил ребятам затруднительность моего положения. Ребята задумались. Шурка сказал:

— Да. Дело скверное. Надо новые расписки взять... только много есть таких... неправильно напишут... как будто меньше получили... напишут.

Но у меня другого способа и не было. На общем собрании я просил ребят, чтобы каждый написал на отдельном листке бумаги расписку на все деньги, полученные в дороге.

Поздно вечером в совете стали приводить эти расписки в порядок. Все-таки их было четыреста.

Расписки разложили в маленькие папки по взводам и отдельно подсчитывали каждый взвод. Шурка сидел как на иголках и шептал:

— От интересно... все ж таки... советские люди.. а накроют, честное слово, накроют.

Помолчит немного и опять волнуется:

— Я так думаю, рублей на пятьсот накроют вас, Антон Семенович.

Кто-то возразил ему:

— Нет.. рублей на сто, больше не накроют.

Перед Шуркой на столе лежит чистая тетрадь, и на ней огромными цифрами написано: 18541 р. 25 коп.

Эта цифра была взята из моей записной книжки, где я записывал все расходы по походу.

Скоро взводные итоги были проверены и записаны. Шурка взял карандаш, чтобы подсчитать общий итог, раза два просчитал цифры копеек и вдруг бросил карандаш:

— Не могу, честное слово, не могу. Считаю ты, Колька!

Колька взгромоздился на стул и начал вслух:

— Три да четыре — семь, да пять — двенадцать, да девять — двадцать один...

Он записал первую цифру итога: 5

— Правильно! — заорал кто-то. Все промолчали.

Через две минуты рядом с пятеркой появилась новая цифра 2.

— Здорово, — закричал тот же голос.

— Да чего ты орешь? — рассердился Шурка. — Подумаешь, здорово! В копейках никто не наврет. Считаю дальше!

Колька просчитал и прошептал чуть слышно:

— Шесть.

— Сколько?

— Шесть.

— Не может быть, считай сначала, да считай правиль-

но! Чего ты с ногами на стуле сидишь? Сядь, как человек!

Колька сел, как человек, и осторожно, нажимая на каждом итоге, просчитал цифру единиц.

— Шесть.

— От жулики! — сказал Шурка. — Ну, черт с ними, пиши шесть.

Колька написал рядом с копейками: 6.

— Ну, и народ же какой поганый! — произнес со злостью Шурка и глянул за окно. Там стояла толпа коммунаров, и один поднял к Шурке напряженно лицо:

— Шура, ну что? Правильно?

— Где там правильно? У вас разве может быть правильно. Сказано, беспризорники!

За окном затихли.

У Кольки вдруг рядом с шестеркой появился дикий и неожиданный ноль.

— Что такое? — Шурка бледнел все больше и больше. — Считай еще раз.

Но и проверка не изменила ужасной картины: ноль. Шурка махнул рукой и поднялся из-за стола:

— Я не могу. Я ухожу.

Я удержал его за руку. Он стал в безразличной позе за спиной Кольки и боком следил за его карандашом. Карандаш вдруг медленно и слабо начертил в столбике сотен 2.

Колька вспотел и откинулся на спинку стула:

— Два. Двести, значит.

— Еще раз! — громовым голосом заорал Шурка.

Колька стремглав бросился к бумаге, но считал основательно, медленно, громко:

— Три да семь — десять, да еще четыре — четырнадцать, да девять — двадцать три, да четыре — двадцать семь, да пять — двадцать девять.

Шурка быстро поднял руку и стукнул Кольку по голове:

— Да что же ты со мной делаешь? Каких девять, каких девять? Два.

Никто не возразил против расправы. Колька встряхнул головой и пошел дальше. Под цифрой сотен стала пятерка.

— Фу! — вздохнул Шурка. Все улыбнулись.

Все остальное было правильно. Общая цифра вышла: 18506 р. 25 к.

Все устало замолчали. Кто-то сказал:

— Значит, тридцать пять рублей. Ну, это еще ничего.

Грустно все-таки задумались. Колька мечтательно смотрел на свой итог и как будто про себя сказал:

— А все отдали бумажки?

Шурка скучно посмотрел на него:

— Все.

И вдруг открыл глаза и хлопнул себя по лбу:

— Ах, я, старый дурак, растяпа! На!

Из бокового кармана он выхватил бумажку и бросил Кольке. На ней была написана расписка в том, что Александр Неварий получил в счет заработка тридцать пять рублей.

Все громко и радостно засмеялись. Шурка подбежал к окну и заорал:

— Правильно! Тютелька в тютельку! Копейка в копейку!

За окном дико заверещали «ура!».

Шурка сидел и улыбался, а потом сказал спокойно и уверенно:

— Собственно говоря, иначе и быть не могло.

Симфония Шуберта

Ужин, как обычно, был в шесть часов.

За ужином секретарь совета бригадиров Виктор Торский прочитал приказ:

«Несмотря на героическую штурмовую работу колонистских бригад, остается еще много дела. Поэтому совет бригадиров постановил: сегодня время с восьми часов вечера до трех часов ночи считается как рабочий день с перерывом на обед в одиннадцать часов. Рапорты бригадиров — в три часа пятнадцать минут, спать — в три двадцать. Завтра встать в девять, построиться к первомайскому параду в десять часов.

Заведующий колонией — Захаров,
ССК — Торский».

Производственный корпус, новенький, двухэтажный, с балконом... На свежеекрашенном полу ничего нет, кроме блеска, у порога распростертый мешок приглашает вытирать ноги. Под левой стеной выровнялись в длинной шеренге токарные «красные пролетарии», а справа, во всю длину цеха, протянулись солидные фрезерные «цинциннати» и «вандереры», перемежаемые высокими худыми сверлильными станками. А между этими рядами разместились сложная семья зуборезных и долбежных станков. Четыре ряда фонарей, еще без абажуров, заливают ровным светом стены, потолок и станки. Колонисты по одному, по два пробираются на балкон и любуется этим великолепным итогом многолетних своих трудов — новым советским заводом, настоящим заводом, который завтра будет торжественно открыт.

Зато в самой колонии не управились. И в главном здании и в литере «А», где расположились спальни, успели побелить, но не успели устроиться. В колонии сейчас точно после погрома. По всем комнатам, по коридорам разбросана мебель, валяются клочки бумаги, куски фанеры, стоят у стены рамы, лестницы, щетки...

Торский — в кабинете Захарова. В кабинете, как в боевой рубке. Против Торского сидит садовник и просит:

— Это ничего, что ночь, вы же все равно будете работать... А цветы кто приготовит? Вы же мне обещали давать по десять человек, а давали по пять.

Торский смотрит на садовника и бурчит:

— Днем вам дали сорок человек, днем мы решили все кончить, а ночь оставили для себя. А теперь вы опять просите. Это же ночь, поймите, это — наше время!

— Товарищи, так и розы ваши и гвоздики ваши... Я же не успею...

— Сколько вам?

— Десять человек.

— Три. Похожай, дашь из твоей бригады троих?

— Виктор... Да откуда же я возьму? У меня театр!

— У тебя все комсомольцы. Управишься. Давай.

— Ну, есть, — недовольно тянет Похожай и вытаскивает из кармана блокнот, чтобы выбрать для садовника самый слабый рабочий комплект. Садовник все же облизывается от удовольствия. Торский напоминает ему:

— Только с восьми! Алексей Степанович сказал: до восьми — полный отдых.

Дирижер оркестра, толстый, краснолицый Лошаков, прослушал этот драматический отрывок и исчез потихоньку. Через пять минут откуда-то донесся слабый сигнал. Заведующий колонией Захаров, подняв голову от бумаг, спросил удивленно:

— Почему сигнал?

Дежурный бригадир маленький Руднев сорвался со стула:

— Да кто же это играет?.. Сигналка — вон лежит!

На маленьком столике лежала длинная труба с белой лентой. Никто в колонии не имел права давать сигнал, кроме дежурного трубача по приказу дежурного бригадира.

— Это они сами... сами играют... Нахально играют «сбор оркестра»!

Руднев смеется и вопросительно смотрит на Захарова:

— Разогнать?

— Жаль... Знаешь что... пусть они... поиграют, ведь у них завтра концерт.

* * *

Захаров вышел в коридор. У окна стоял главный инженер Василевский, сухой, строгий, прямой, как всегда. Еще осенью он не верил ни в колонию, ни в колонистов... По коридору пробегали озабоченные малыши: они спешили закончить личные дела к восьми часам. Увидев Захарова, Василевский отошел от окна:

— Пойдемте послушаем музыкантов, они разучивают прекрасную вещь, я уже два раза слушал: симфонию Шуберта.

В будущей физической аудитории, где уже стоят стеклянные шкафы, за столами музыканты. Кажется, что их страшно много. Дирижер отделяет симфонию Шуберта. Захаров и Василевский присели в сторонке.

Захаров устал, но нужно приготовиться к еще большей усталости, и поэтому хорошо прислониться головой к холодной стене и слушать. Он различает в сложном течении звуков то улыбки, то капризы, то восторженную

песнь, то заразительный хохот, то торжественный звон. Пять лет назад он создавал этот замечательный оркестр, который считается теперь одним из лучших в стране.

Сорок мальчиков, сорок бывших бродяжек, играют Шуберта. Они поглядывают на Захарова и, вероятно, волнуются...

Дирижер кривится и бессильно опускает руки и голову — музыка нестройно обрывается.

Дирижер смотрит на Головина — большой барабан. Захаров еле заметно улыбнулся: он знает, сколько мучений испытал дирижер, пока нашел охотника на этот инструмент.

— Сколько у тебя пауза? — страдальчески-вяло спрашивает дирижер.

— Семь, — отвечает Головин.

— Семь! Понимаешь, семь? Это значит шесть плюс один, или пять плюс два, но не три, не три, понимаешь, не три! Надо считать!

— Я считаю.

— Наконец, надо на меня смотреть.

— И на вас смотреть и в ноты смотреть... — говорит Головин недовольным баском.

— Чего тебе в ноты смотреть? Написано семь, сколько ни смотри, так и останется семь.

— Вам хорошо говорить, а мне делать нужно.

Мальчики хохочут, смеется дирижер, смеется и Головин.

— Чем вы его накормили сегодня? Сначала!

* * *

В восемь часов вышел на площадку лестницы Володька Бегунок и проиграл сигнал на работу. С лестницы спускаются девочки в красных косынках. Сегодня у них геройская задача — навести блеск на все окна, на все стекла шкафов, на все ручки.

Первая бригада Зырянского развешивает по аудиториям, спальням и залам портреты и зеркала — этой работы хватит на всю ночь. Не меньше работы досталось и третьей бригаде: на всех дверях надо прикрепить стеклянные голубые таблички, на которых золотом написаны названия комнат. Шестнадцатая бригада девочек приво-

дит в порядок столовую. Шестая натирает паркет. У каждой бригады своя задача, — и задача большая.

По всем коридорам и залам рассыпала свою агентуру четвертая комсомольская бригада, пользующаяся сегодня монопольным правом переносить мебель из помещения в помещение. Уже в начале вечера бригаду назвали «Союзтранс». «Союзтранс» доставляет грузы по указанию дежурного бригадира и об их дальнейшей участи не заботится. Вот принесли из столярной огромные шкафы для химической лаборатории, вот притащили из подвала несколько зеркал, доставили в классы десятки столов... И вот уже весь «Союзтранс» отдыхает в кабинете, и бригадир Скребнев говорит, усмехаясь:

— Биржа труда!..

В кабинете же сидят пять-шесть малышей, несущих службу связи. Этим сегодня придется побегать. Для связи малыши незаменимы.

— Володька, — говорит Захаров, — срочно Зырянского!

Володька очень хорошо знает, насколько было бы неприличным спросить, где может находиться Зырянский. Володька дрыгает рукой (это значит салют), шепчет «есть» и вырывается в коридор. В коридоре он нюхает воздух и бросается к дверям тихого клуба, потом останавливается и вдруг летит в противоположную сторону, перескакивает по ступенькам лестницы, проносится по коридору второго этажа, перелетает через мостик, съезжает на перилах, и вот он уже в спальне № 39 дергает за рукав Зырянского:

— Алешка, в кабинет!

Алеша спешит в кабинет, а Володя не спеша бредет за ним, и по дороге его зоркие, памятьливые глаза замечают, где расположились бригадиры и другие нужные люди.

В тихом клубе сосредоточены главные силы малышей. Здесь они под руководством учителя Маленького устраивают три уголка: Ленина, Сталина и 1 Мая.

Ах, сколько здесь дела, сколько дела! Сколько метров материи, сколько картин, рамок, портретов, букв, гвоздей, кнопок, картона, золотой, серебряной и красной бумаги! Весь тихий клуб в обрезках бумаги, везде стоят банки с

клеем, стучат молотки и стрекочут ножницы. Малыши то сосредоточенно работают, то щебечут и спорят, то в мире с Маленьким, то в конфликте, но дело все же подвигается.

Здесь же работают и два пацана из Кролевца: Волончук и Коленко. Они прибыли в наш город неделю назад, специально в колонию имени 1 Мая. В совете бригадиров они заявили, что желают жить в колонии. Совет бригадиров долго расспрашивал их о разных семейных обстоятельствах, но мест в колонии все равно нет. Дежурный накормил кролевцевких парнишек обедом, а после обеда они поплакали и куда-то исчезли. На другой день малыши снова явились, сидят на крыльце и ждут. Захаров увидел их и сказал Торскому:

— Чего сидят? Отведите их в приемник.

— Они уже там были.

— И что же?

— Да вот опять пришли...

— Идите в приемник, вас в колонию не приняли.

Они скрылись, а сегодня к вечеру снова пришли, улыбнулись Торскому и отправились прямо на работу в тихий клуб. Один из них курносый, круглоголовый, с умными серыми глазами, второй — дурашливее и похитрее. В тихом клубе они что-то прибавают маленькими молоточками и рассказывают:

— Батьки и мамы давно нету... Ни... Мы городяны. Та у мене бабка есть, а у Волончука никого, так вин пас... коровы. Там коровы у городян у каждого... Про колонию давно прочулы, наши плотныки тут робылы... Чого бабки жалко? Бабка не пропадэ, ей люды помохуть...

Малыши к этой паре относятся сочувственно, иначе не дали бы молотков в руки.

К обеду много работы было уже сделано, и Захаров с Торским пошли проверять. Зашли и в тихий клуб. Уголки почти готовы, остались последние мазки, по полу уже прыгают члены шестой бригады: натирают полы. Кролевцевкие парнишки что-то вырезают ножницами.

— А эти чего здесь?

Кролевцевкие задрали головы и молчат. Только у Коленко в одном глазу задрожала маленькая слеза. Торский взял Захарова за пуговицу:

— Да пусть они уже остаются... для праздника.

Захаров положил руку на круглую голову мальчугана:

— Добре. Тащи их к доктору.

— Да доктор спит, наверное.

— Ничего не спит. Колька в больничке пол натирает.

В коридоре заиграли сигнал на обед. Колонисты потянулись в столовую. «Союзтранс» пронес на плечах несколько спящих малышей...

* * *

В десять часов утра отдохнувшие, розовые, в парадном блеске, с вензелями на рукавах, колонисты выстроились против цветников. За цветниками сверкали вымытые окна их колонии. Площадка перед новым заводом была посыпана песком.

— Под знамя, смирно!

Вытянулись, подняли руки в салюте.

Оркестр загремел знаменный марш. Взволнованные и строгие вышли из главного входа знаменщики. Еще через минуту пятьсот членов колонии имени 1 Мая, по восьми в ряд, играя на солнце всеми красками радости и молодости, маршем поцели в город. Сейчас у них нет никаких долгов перед людьми: все сделано, все поставлено на место.

Вышли на шоссе. Справа строятся к параду рабочие машиностроительного завода. Люди уступают дорогу колонистам. Между рядами мужчин и женщин, разрывая воздух вздохами оркестра, гордо проходят пятьсот юношей.

— Машиностроительному заводу салют!

Пятьсот рук вспорхнули над головами. Лица у рабочих розовеют под солнцем. Они смеются и аплодируют.

Премия

1

За городом через реку переброшен железный мост, а потом прямая, как стрела, устремилась к лесам на горизонте новая асфальтированная дорога. Леса на горизон-

тѣ вѣсье и не леса, а небольшие посадки по сторонам дороги. За ними снова степь, а в степи совхоз имени X Октября. В совхозе много построек, и все каменные, а самая лучшая постройка — свинарня, в которой работает Евдокия Петровна Погорелко. Есть еще в совхозе маленький флигель, обсаженный кустами акации. Там в одной из комнат сидит новый директор Семен Иванович, о деятельности которого разные люди в совхозе выражаются по-разному. Главный бухгалтер говорит:

— Это вам не старый директор! Этот покажет работу!

Кладовщик вертит головой и произносит с восхищением:

— Ох, и жмет! Ох, и жмет!

А старый сторож Василий Нестерович и раньше никогда не восхищался, и теперь спокоен:

— Новые начальники, они всегда хорошие. Я то причѣм? Пускай себе новый, пускай себе старый.

Евдокии Петровне Погорелко некогда выражать свое мнение о директоре. Она стоит перед его столом и вытирает глаза уголком старенького фартука. Нельзя сказать, что она плачет, просто слезы сами собой появляются в глазах. А глаза у нее тоже не молодые, они внимательно и доверчиво смотрят на нового директора Семена Ивановича, они ожидают от директора справедливости:

— Пришли и взяли, говорят: недоразумение. Разве ж может быть такое недоразумение? А потом говорят: директор приказал.

Семен Иванович, молодой, с ежиком на голове, неумело морщит лоб и старается отвернуться.

— Говорят: директор сказал, а я им говорю: врете, не может быть такого закона — премировали, а потом отнимать. И не отдаю. А они схватили и давай тащить. А я говорю: бандиты вы, а не товарищи. Так еще, говорят, ответишь за оскорбление. Есть такой закон, товарищ директор?

Семен Иванович — новый директор, и поэтому на его плечах лежит тяжелое бремя ликвидировать все несправедливости и беззакония, бывшие при старом директоре. И он говорит Евдокии Петровне спокойным, рассудительным голосом:

— В том-то и дело: закон! Вы присвоили государственного поросенка, это по-вашему — закон?

— Да не присвоила я, что вы, батюшка? Премировали меня, под самое Первое мая премировали! Три месяца у меня поросенок живет, и кормила его, и все знали про это.

— Кто знал?

— Все знали, весь совхоз знал.

— А документы где? Написано где-нибудь, что вас премировали?

— Да где-нибудь, может, и написано! Разве я знаю?

— Приказ где? В приказе сказано, что вас премировали? Не сказано, и не знает никто.

— Был приказ, батюшка, при мне, на моих глазах приказано. Приехали они, директор Николай Александрович и начальник городской... тот... как его... Никитин товарищ, приехали, посмотрели все, и так им понравилось, так понравилось, чистота какая, и поросята какие! Никитин товарищ и сказали: премировать этого работника за его образцовую работу этим поросенком. И показали на поросенка. А директор, Николай Иванович, засмеялись даже и меня так по плечу, говорят: «она у нас лучшая ударница».

Евдокия Ивановна даже улыбнулась директору, рассказывая об этом случае накануне Первого мая. Но директор не улыбнулся. Директор снова наморщил лоб, помолчал и крикнул в другую комнату:

— Товарищ Ракитин!

Евдокия Ивановна доверчиво оглянулась. Вошел Ракитин, главный бухгалтер, толстый, с глазами подслеповатыми, недовольными. Он сразу догадался, в чем дело:

— Это насчет поросенка?

— Что здесь у вас делалось? — возмущенным голосом сказал директор и с укоризной посмотрел на Ракитина. — Вы знали, что она премирована поросенком?

— Боже сохрани! — сказал главный бухгалтер. — Никто ничего не знал. Когда вы были премированы?

— Да под самое Первое мая. Помните, еще как на митинг собирались, вы меня еще поздравляли, сказали: «Видишь, при советской власти ударную работу награждают!»

— Я вас поздравлял? Бред, совершеннейший бред!

— Как вы сказали, батюшка?

— Бред, говорю, сон приснился!

Чего-то не поняла Евдокия Ивановна в этих словах, опять засмотрелась на директора, ожидая от него справедливости.

— Все, — сказал директор, — идите.

— А поросенка забрать можно?

Директор пожал плечами, главный бухгалтер сочувственно просиял улыбкой, товарищеским голосом сказал Евдокии Ивановне:

— Товарищ Погорелко! Не может быть такого премирования. Нужно акт составить было, в приказе написать.

— Так вы напишите, товарищи, написать всегда можно: так и так, за ударную работу...

Главный бухгалтер все свои зубы показал директору, и директор ответил ему вежливой гримасой, которая обозначала только одно: как мало понимает Евдокия Ивановна в деле бухгалтерской законности.

А в это время открылась дверь, и целая тройка деловых, оживленных мужчин ввалилась в кабинет директора. Евдокия Ивановна отступила к холодной печке, долго стояла, думала, и слез у нее теперь уже не было. Никто не заметил, как она вышла из кабинета и побрела через двор к своей свинарне.

2

Евдокия Ивановна живет в старенькой избе у самого въезда в совхоз. А рядом с избой крытый соломой сарайчик, и в нем осиротевшая загородка, где еще так недавно жил веселый, чистенький поросенок. Зовут поросенка Шалуном. Он и теперь живет на свете, только эта жизнь протекает в большой, теплой и светлой свинарне совхоза. Он и теперь отзывается на свое имя, и теперь считает, что имеет к Евдокии Ивановне особое отношение. Когда она подходит к станку, он небрежно расталкивает толпу своих сожителей, таких же четырехмесячных красавцев, как и он, и задирает к ней оживленную благодарную мордочку. Его маленькие глазки способны выразить очень многое, и понимать их умеет только Евдокия Ивановна. Она читает в глазах Шалуна и любовь, и ребячью шутку, и память о разных деликатесах, которыми иногда балова-

ла его Евдокия Ивановна. Он напоминает ей те счастливые четыре месяца, когда Шалун был не простым поросенком, а премией за ударную работу, когда она могла с гордостью рассказывать всем о случае накануне Первого мая, когда люди слушали этот рассказ с интересом, а если и завидовали немного, то зависть у них была хорошая. Все хорошо знали, какая замечательная работница Евдокия Ивановна, как она знает и любит свое дело, какие образцовые поросята из месяца в месяц выходят из ее питомника. Все знали еще и другое: Шалун никогда не станет обыкновенной свиньей, которую можно зарезать и съесть, он всегда будет другом Евдокии Ивановны и всегда будет первомайской премией за ее ударную работу. И так было потому, что и сама Евдокия Ивановна не могла иначе смотреть на Шалуна.

Теперь стало иначе. Скоро Шалун перейдет в отделение для взрослых свиней, а премией он перестал быть две недели назад. И вставало перед ней трудным вопросом: были ли в ее недавней жизни эти четыре месяца, когда она считалась премированной ударницей и когда ей все немного завидовали, когда живым доказательством ее успеха был веселый, чистенький Шалун?

Евдокия Ивановна работала попрежнему. В ее отделении и теперь было что показать: и белорозовые животики поросят, и сухой пол в проходе, и свежую солому в станках, и тишину, и даже приятный запах во всем отделении. И наверное в бумагах было написано, а если не в бумагах, то в памяти людей, что не было у Евдокии Ивановны никаких скандалов, ни повальных смертей, ни голода, ни холода. Все шло попрежнему, только глаза у Евдокии Ивановны стали грустными, да иногда посмеивались над ней мужчины:

— Премировали, значит, тебя! Ха!

В этих словах, может быть, было и сочувствие. Не было сочувствия только у разных начальников. Кладовщик — тот прямо говорил:

— Нахально премию себе приспособила. А Семен Иванович — человек такой: прижал моментально.

И завхоз чего-то радовался:

— Не каждый может вообразить себя ударником. Для этого постановление нужно.

Директор Семен Иванович часто заходил в отделение,

Одобрительно посматривал на поросят, разговаривал вежливо и даже хвалил иногда Евдокию Ивановну, а один раз сказал с досадой:

— Эх, Евдокия Ивановна! Как же так можно: получить премию и не оформить. И никто ничего не знает: ни бухгалтер, ни завхоз, ни кладовщик, разве так можно?

Евдокия Ивановна ничего на это не ответила, пожалуй, лучше было забыть обо всем этом.

3

В конце августа приехал в совхоз новый городской начальник, товарищ Голубченко. Другие здорово волновались, когда узнали о его приезде, а Евдокия Ивановна была спокойна, все у нее в порядке, придраться не к чему. В отделение зашли целой кучей: и Голубченко, и Семен Иванович, и главный бухгалтер, и завхоз с кладовщиком. Голубченко сказал весело:

— Ну, здравствуй, хозяйшюка! Как дела?

Евдокия Ивановна скромно ответила:

— Обыкновенно дела, живем.

Голубченко хорошо осматривал, зашел в каждый станок, многих поросят просто руками попробовал, за ушами посмотрел, за хвостики подергал. Сначала молчал, а потом улыбался, а когда дошел до конца, обернулся ко всем и засмеялся даже:

— Прямо скажу: класс! Настоящая работа, квалифицированная! Гордиться можете таким поросятником. Как вас зовут?

— Погорелко.

— Имя и отчество! Для таких работников мало Погорелко. Имя и отчество, все должны знать, весь совхоз!

Завхоз зашел сбоку и ответил убежденно:

— Так и делаем, так и делаем: Евдокия Ивановна зовут!

— Евдокия Ивановна? Давно работаете, Евдокия Ивановна?

— А девять лет.

— Сколько раз премированы?

Испугалась Евдокия Ивановна, даже побледнела, кося глянула на главного бухгалтера. Но главный бухгалтер

дрыгнул одобрительно головой, и глаза у него сделались довольными:

— Недавно была премирована за ударную работу поросенком.

— Это работа образцово ударная. Единственное отделение в совхозе. Продолжайте, Евдокия Ивановна, продолжайте. Я пришлю к вам из других совхозов посмотреть. Покажите им...

Уходя, Голубченко пожал руку Евдокии Ивановне и пожелал ей дальнейших успехов. А когда он уехал, директор Семен Иванович молча посмотрел на главного бухгалтера и ушел к себе.

4

— Ну, — строго произнес Семен Иванович, — как вы смели врать, что она не была премирована! Бред, говорили, сон! Немедленно составьте акт!

Главный бухгалтер пожевал сухими губами и сказал:

— Акт вот у меня. Можете получить.

Евдокия Ивановна взяла в руки бумажку, посмотрела на директора внимательно и доверчиво улыбнулась:

— Спасибо.

— И поросенка можете сегодня взять. Сейчас же.

5

Через неделю Семен Иванович, когда зашел в поросятник, спросил:

— Взяли вашего поросенка?

— Да... пускай здесь живет. Ему и здесь хорошо.

— Не годится, Евдокия Ивановна, не годится. Раз премировали, нужно получить.

— А у меня бумажка есть, Семен Иванович. Называется «грамота». А он пускай здесь живет. И подрост к тому же, уже перевели его.

— Так как же... надо же получить премию.

— Я бы вот этого маленького взяла, Семен Иванович. Вот этого.

Семен Иванович посмотрел на копошащееся в соломе розовое существо, пожал плечом:

— Хорошо... Я скажу.

Главный бухгалтер стоял перед столом директора и застенчиво говорил:

— Как же она может взять маленького, если акт составлен маем месяцем, а сейчас август месяц? Это невозможно будет провести.

Директор встал за столом, приблизил свой ежик к подслеповатым глазам главного бухгалтера и прошипел:

— Знаете что? Чорт бы вас побрал! Переделайте май на август! Поняли?

Главный бухгалтер прошептал, удаляясь:

— Попробуем.

Доктор

Давно-давно, еще в начале нэпа, его, — Ваську Корнеева, — привел в колонию милиционер. Васька шествовал рядом с милиционером, засунув руки в карманы, с пренебрежением оглядывался на придорожные бурьяны. С таким же пренебрежением он потом стоял перед моим столом и руки все держал в карманах. Я в то время был еще неопытен и в глубине души побаивался васькиного хмурого недружелюбия. Начал с формального вопроса:

— Сколько тебе лет?

Васька прохрипел в сторону:

— Шишнадцать...

Все же меня обижало его обращение, и я спросил:

— Чего ты задаешься, Корнеев? Чего ты куражишься?

Васька повел плечом, но его голубой глаз осторожнис наладился, чтобы рассмотреть меня. Рассмотрел и снова в сторону:

— Ничего я не задаюсь...

— Ты знаешь, куда пришел?

— Пришел! Не пришел, а привели. Ну, и пусть!

— А ты куда хочешь?

— Хочешь? Я три года с Красной Армией ходил...

— Врешь!

Он вдруг подарил меня настоящим, активным вниманием, даже одну руку из кармана вынул:

— Не вру! Врешь! Ну, не три года, а все равно... В Перекопе был. Били буржуев...

— А ты, выходит, трудящийся?

— А чего я буду трудящийся? С какой такой стати? Досадно... конечно...

— Ты это... с досады в магазин залез?

Васька не ответил на вопрос, последний раз махнул пренебрежительно рукой и засунул ее в карман. Я из последних сил зарядил себя «педагогическим подходом»:

— Оставайся у нас в колонии. Сделаешься настоящим трудящимся... образование получишь.

— Слышал, — перебил меня Васька. В его речи было не столько голоса, сколько блатного профессионального ларингита. — Слышал. Все уговаривают: трудися, трудися. А почему буржуев никто не уговаривает?

Он отворачивался, надувался, вообще «обмануть» его было трудно. Я тоже «надулся»:

— Тоже — философ! Посидишь в допре несколько раз — опомнишься. Никто тебе не позволит по магазинам...

Он неожиданно размяк, грустно задумался.

— Это, конечно, в допре не мед, и на воле не мед, а только зло берет, товарищ заведующий: не успел, понимаешь, родиться, на тебе — несчастная судьба!

Васька жалостливо морщил лицо и колотил грязным кулаком по груди, прикрытой полуистлевшей, некогда розовой тканью. Я смотрел на него без особенного восхищения, — привык уже к таким романтическим декламациям. Все-таки я повторил приглашение:

— Оставайся в колонии, Корнеев.

— Оставайся! А чего я здесь буду оставаться? До чего вы меня доведете, товарищ заведующий? Вы меня доведете: — буду я сапожником. Или, к примеру, кузнецом... Это тоже не мед, товарищ заведующий!

Собственно говоря, этот Корнеев попадал не в бровь, а прямо в глаз. В колонии действительно не было никакого меда, это обстоятельство меня самого давно удручало. И, кроме того, совершенно верно: я мог предложить только сапожную мастерскую и кузницу. Но неприлично было уступить первому философу с улицы:

— Советская власть буржуям ходу не даст. А до чего я тебя доведу? Образование получишь.

— И что с того, товарищ заведующий? Что с того образования? Бумажки переписывать?

Я ответил несмело, отражая в словах мою легкомысленную педагогическую мечту:

— Доктором будешь!

Васька доверчиво захохотал, размахивая руками, вообще веселился.

— Доктором! Эх, и сказанули, товарищ заведующий! Вы еще скажете: ученым будешь! Думаете: он дурак, поверит, красть перестанет.

Он ушел от меня с веселым, оживленным лицом, высокомерно посмеиваясь над моей простодушной наивностью.

* * *

Прожил он в колонии недолго, всего около двух месяцев. Работал плохо, лениво. Лопата или топор в его руках казались сиротливыми, оскорбленными вещами, и с началом рабочего усилия всегда рождалось в его лице скучное отвращение. К воспитателям он относился с холодным презрением, а ко мне с презрением веселым:

— Здравствуйте, товарищ заведующий. Вот смотрите: на доктора выхожу! А, чтоб вас...

А потом наступило утро, когда он исчез и вместе с ним исчезло почти все инструментальное оборудование кузницы: молотки, гладилки, метчики, клуппы. Так обидно нам было за нашу и без того бедную кузницу, что не оставалось у нас свободной души пожалеть о пропавшем человеке — Ваське Корнееве. Старший инструктор пришел ко мне, серый и похудевший, дергал закопченный ус:

— Увольнения прошу. Если бы он знал, подлец, как эти метчики добываются...

Это было в июле. А в августе снова привели Ваську Корнеева. Когда ушел милиционер, Васька стал перед столом и уже приготовил обиженно-пренебрежительную рожу, но он ошибся: теперь в моей душе и капельки не осталось «педагогического подхода», и не боялся я Васькиной хмурости:

— Можешь уходить на все четыре стороны. Пожалуйста!

Я широко открыл дверь кабинета, выводящую прямо во двор.

Его голубые глаза трепетно ожили, он глянул на меня с испуганным удивлением.

— Уходи, — повторил я, — уходи!

Он протянул вперед подставленную ковшиком просительную руку:

— Товарищ заведующий! Куда же я пойду?

— Куда хочешь!

На его лице, как и тогда, заиграли блатняцкие жалобные мускулы, кулак приблизился к груди.

— Как же это можно... человека... на все четыре стороны? Пропадать, значит? Да? Пропадать.

У меня не было к нему никакой жалости:

— Пропадай! Какой ты человек? Распелся тогда: буржуи его обидели! А потом взял и обокрал товарищей! Какой ты человек? Нечего жалобную рожу корчить, иди к чертям! На волю! Пожалуйста!

Он вышел на высокое крылечко, но не спустился вниз по ступеням, а прислонился к перилам, задумался. Я закрыл дверь. Через полчаса она потихоньку открылась, и Васька влез в кабинет. Так же тихо Васька прикрыл ее и остался там, у двери. Я спросил его минут через десять:

— Чего тебе нужно?

Он решительно шагнул к столу:

— Товарищ заведующий! Помните, говорили, — доктором будешь? Помните?

— Нет.

— Товарищ заведующий. Будь я гад, на части разорвусь... что хотите! Я понимаю: вам, конечно, не мед, если вот такие, как я... с кузницей! А только... землю буду есть, а доктором буду! Вот увидите!

Я прислушался. В его голосе ничего не было блатного, никакой романтики. На меня смотрели страстные и жадные, — человеческие глаза.

— Ступай в спальню, — сказал я, и он поспешно, с деловой озабоченностью метнулся к дверям.

* * *

С тех пор прошло много лет. Васька Корнеев давно окончил медицинский институт и... исчез с моего поля зрения. В то время, когда другие колонисты, уйдя из коло-

нии, совершая и первые, и вторые, и последующие свои жизненные марши, — то в вузах, то в Красной Армии, то на фабриках и заводах, — всегда вспоминали и меня, и колонию, писали письма, приезжали на свидания, — Корнеев просто потерялся в просторных границах СССР, и даже слухов о нем доходило мало. Глухо, с промежутками в два-три года, из десятых уст доносились неясные отрывки Васькиной биографии, назывались города, поезда, пароходы, где Ваську встречали, — это все.

Я имел право обижаться на него, но в то же время всегда помнил, что и в колонии Васька не отличался нежностью. Свое обещание сделаться доктором он выполнял с великим, совершенно героическим напряжением. И в грамотности и в развитии он далеко отстал от сверстников, каждый абзац каждого учебника он брал медленной, непосильной осадой, — в поте лица, в бесконечном повторе, на границе изнеможения. И улича, и бродяжничество, и «воля», и недоверие к людям, рецидив дикого, хмурого одиночества всегда тянули Ваську куда-то назад. Я видел, с каким отчаянным, молчаливым упорством Васька совершал работу преодоления. И за исключением только одного случая, он никогда «не пищал», не просил снижения, не склонялся на чей-нибудь жилет. Но очень вероятно, что он ненавидел меня втихомолку, ненавидел за тяжесть собственного обязательства, выданного на мое имя. И, может быть, поэтому он никогда не приближался ко мне душевно, никогда дружески не захотел раскрыться, да и к товарищам относился с хмурой сдержанностью, точно обозначая между дисциплиной и дружбой. И только один раз он откровенно упал духом, когда уже был на первом курсе медицинского института. Он пришел ко мне подавленный и смущенный и сказал, не глядя в глаза:

— Не могу. Не хватает силы. Все равно не выдержу. Придется бросить.

Я молча смотрел на него. Он слабо улыбнулся и произнес со стесненным юмором:

— Это... учеба эта... не мед, — кожа болит, так тяжело. Это совсем не мед.

Я долго молчал, раздумывая. А потом ответил ему коротко:

— Нет. Институт ты закончишь.

Он ушел от меня грустный и подавленный, и я не был уверен в том, что не совершил преступления.

А закончив институт, он исчез. Профессора института отзывались о нем горячо: очень талантливый врач, будет хорошим хирургом, человек мыслящий, совсем не ремесленник. И я успокоился. А что забыл меня и товарищей,— тоже бывает, у всякого своя ухватка.

Да я и сам начал о нем забывать, и вдруг, после многолетнего отчуждения, я получил от него письмо:

«Я не писал Вам никогда, не знаю почему, а сейчас душа просит. Это потому, что я — победитель. Вот когда и мне довелось одержать настоящую победу. Ничего, что я врач, трудно у нас разграничить, кто сделал больше, кто меньше. Я участвовал в защите Хасана как хирург, но все равно — я участвовал в этой великолепной организации, и я сейчас торжествую, — я победитель. Когда они полезли на нас, — япошки, — я, понимаете, как-то так оглянулся и увидел, что это они лезут на весь наш двадцатилетний путь, на мой тяжелый путь освобождения. Признаюсь Вам, одному Вам: мне показалось, — если они нас побьют, они отнимут у меня мое человеческое достоинство. Они лезли на нас пьяные, и у них неплохая артиллерия. Но что мы с ними сделали! С каким прахом мы их смешали! И так это прекрасно: у нас был не только энтузиазм, у нас был хороший расчет. В общем, — это далеко не мед, — встретиться с нашей Красной Армией на боевом поле!

Я торжествую, дорогой, и я должен Вам об этом написать. И, конечно, я так благодарен Вам за то, что Вы дали первый толчок. А теперь я победитель, и мне очень весело, хочется много жить, хорошо жить. И говорят, знаете что? Говорят, что я хороший хирург. Крепко жму Вашу руку и поздравляю с победой.

Ваш Василий».

Домой хочу

(Рассказ бывшего колониста)

!

Вот вы говорите: характер. Характеры бывают разные, а какой лучший, какой худший, это вопрос. Расскажу вам, например, о Сеньке Дружнове.

К нам в колонию он даже собственно не пришел, а его привели... привела старенькая-старенькая бабушка. Что это за такое дело, когда человека приводят разные родственники: маменьки, бабушки, тетеньки?

Человеку тринадцать лет, а он, как теленок, бредет, его бабушка подгоняет! И поэтому, когда пришел Сенька, колонисты посмотрели на него с осуждением и каждый подумал: «известный тип, — маменькин сынок!»

Сенька стоял посреди кабинета заведующего и молчал. Но Сенька молчал как-то по-своему. И физиономия у него была ничего, можно сказать, даже приличная: глаза черные, а сам румяный, щекастый. Только волосы в беспорядке, видимо, Сенька и понятия не имел, что такое парикмахер: деревня! А на ногах лапотки, это уж действительно мода, кто же теперь лапти носит? Бедный, может, очень, тогда, конечно, ничего не поделаешь.

Нас, колонистов, помню, порядочно набралось в кабинет, молчим, рассматриваем и Сеньку и бабушку. Бабушка старая, худая, высокая, говорит не спеша, останавливается, слезы вытирает, как же ее не слушать?

— Привела... внучка, — говорит она заведующему, — возьми к себе, родной, пускай у тебя живет. А то, видишь, стара стала, сколько я там проживу, а ему куда деваться? А тебя господь наградит, пускай у тебя живет. И я умру... спокойно...

Бабушка подвинулась ближе к внуку, тронула его за плечо, подтолкнула к заведующему. Прodelала все это, отступила, успокоилась, поправила платок на голове; смотрит и ждет, не решения ждет, а просто: должен же и заведующий что-нибудь сказать по такому важному случаю. И колонисты все обратили лица к заведующему, что он скажет? Заведующий встал, поклонился и сказал серьезно:

— Спасибо вам, товарищ. Внука оставляйте. Будет у нас жить. Вы не беспокойтесь, человеком станет. А вы тоже живите, зачем вам умирать, умереть всегда успеем, живите себе на здоровье и приезжайте к нам в гости...

Колонисты нашли такой разговор вполне правильным. И бабушка была довольна, даже улыбнулась.

— Военные, что ли, у тебя люди выходят?

И на нас кивнула, — это мы, значит, военные.

Заведующий ответил:

— И военные и разные: и доктора, и рабочие, и летчики. Кто куда хочет...

— Бабушка вдруг загрустила, руку — к глазам, слезы у нее:

— Он... Сенюшка-то, все говорит... летчиком буду...

И тут стало видно, что бабушке трудно с Сенькой расставаться.

И нам это видно и заведующему, и всем жалко бабушку, а Сенька как будто неживой. Стоит, чуть-чуть склонился, смотрит, кто его знает куда, — на пустую стену, — глазом не моргнет, лицо красное. Разбери, чего ему нужно. Давно у нас не было такого неповоротливого человека!

Заведующий у него спрашивает:

— Ты грамотный?

А он даже и не отвечает. Хоть бы моргнул или пошевелился как-нибудь. Бабушка за него ответила:

— Грамотный, как же! В пятый класс ходил...

Заведующий не стал больше расспрашивать, распорядился бабушку накормить обедом и отправить на нашей линейке на станцию, а когда уедет, Сеньку к нему привести.

Девчата и хлопцы окружили старуху, — понравилась она всем, — потащили в столовую, а Сеньку пришлось за локоть поворачивать — побрел за ней. И пока бабушка обедала, Сенька сидел на стуле боком и смотрел куда попало, ни одного слова не сказал; не могли даже понять, есть ли у него какой-нибудь голос.

Потом бабушку усадили на линейку и повезли на станцию. А Сенька совсем как деревянный, насилу поставили его перед заведующим как следует. Смешно было на него смотреть, хлопец с виду правильный, даже кра-

сивенький, а души никаких признаков. И заведующему на вопросы не отвечает, только на один вопрос и ответил.

Заведующий спросил:

— Так летчиком... хочешь... Семен?

Вот тут он и ответил:

— Угу!

Заведующий и говорит:

— Ну, он потом обойдется. Дежурный, веди его, куда следует.

Дежурил в тот день Виталий Горленко. Подошел Виталий к Сеньке, заметил что-то, просунул руку за воротник и вытащил... крестик, маленький, черненький какой-то, на черном шнурке. Виталий рванул, оборвал всю эту святыню, швырнул куда-то в угол дивана, да как заорет:

— Что это!.. Предрассудки такие на шее носишь!

Мы даже ахнуть не успели. А Виталий покраснел весь, прямо дрожит от злости.

— Летчиком он будет! Никакой самолет не выдержит, если крестов навешать!

Сенька пришел в себя. Повернулся всем телом градусов так на 35, не больше, глянул в то место, куда крест полетел, и вдруг как заревет. То молчал, молчал, а тут — на тебе — такой голосина, да звонко так, с захлебом. Стоит, как и раньше, без движения и воет. Мы засмотрелись на него с удивлением: до чего человек дикий! Заведующий напал на Виталия, почему, говорит, так нетактично, оборвал, бросил, объяснить нужно... А Сенька все стоит и ревет. Даже Виталий испугался, до каких же он пор будет кричать. Заведующий начал было:

— Дружнов, успокойся! Послушай...

А Сенька еще выше на полтона взял.

— Ну, и характер, — сказал тогда Виталий. — Но все равно, креста не отдам! Колонист, и с крестом!

Тут, наконец, Сенька заговорил. Не то, что заговорил, а тоже по-своему: повернулся обратно на 35 градусов к заведующему и заладил, — с растяжкой, с рыданием:

— Домой хочу!

— Домой хочу!

И еще раз, и еще раз, да все одинаково, на особый лад, по-деревенскому, на «а»:

— Дамой хачу!

Заведующий выставил нас из кабинета, а сам его ублажать.

А мы вышли в коридор и долго еще слышали, доносилось до нас сквозь дверь:

— Дамой хачу!

Народ у нас был боевой. Много видели на своем веку, удивляться не умели. А тут, честное слово, стоим в коридоре и глазами друг на друга хлопаем. Виталий говорит:

— Фу, ты, дьявол! Даже перепугал меня! Вы видали когда-нибудь такое?

— Какой вредный пацан! — сказал Шурка Просянников. — Это он все из-за креста!

А Владимир Скопин, он у нас очень умный был человек, не согласился:

— На чертей ему крест! В лаптях ходит! Ты думаешь, это он из-за религии?

— А как же?

— Да нет! Характер такой! Самостоятельный. С виду тихоня, а глотка: «Да-мой ха-чу!»

2

Что вы думаете о таком характере? Можно сказать, вредный действительно, и с таким человеком жить, ну его? А у нас у всех, сколько ни есть колонистов по свету, нет лучшего друга, как Сенька. Вот вам и характер.

С тех пор десять лет прошло, а может, немного меньше. Вспомнить то время, десять лет назад! Дикости у нас тогда куда больше было. Если сравнить, скажем, сегодняшнюю культуру и как тогда было. А все-таки Володька Скопин был прав: в Сеньке никакой дикости не было, хоть по какой-то там глупости крест и висел у него на шее. Этот крест, наверное, бабушка повесила. Думала: раз в колонию ехать, надо как можно лучше. На ноги лапотки, на шею крест, вроде как парадный костюм.

Заведующий с Сенькой долго тогда разговаривал глаз на глаз. О чем они говорили, так мы и не узнали, а только потом ни заведующий, ни Виталий Горленко, да и никто вообще про тот крест не вспоминали. Так, будто его и не было.

Мы прожили с Сенькой в колонии пять лет, а после разъехались, кто в вуз, кто в командиры, кто в летчики. Только у нас принято: всегда встречаемся, письма пишем, друзьями остались, а лучший друг у всех Сенька Дружнов.

Характер у него всегда был одинаковый, молчаливый. Можно по пальцам пересчитать, сколько Сенька за нашу совместную жизнь слов сказал.

Но не думайте, он не уединялся, не прятался, бирюком никогда не был. Где компания, там и он. А ребята, знаете, какие болтуны бывают: говорит, говорит, трещит, вертится туда-сюда и смеется, и зубы скалит, и хвостом, и крыльями, — сорока, настоящая сорока. Другие, допустим, поменьше разговаривают, а все-таки... А Сенька как-то умел без слов. Стоит, слушает, к тому чуть-чуть повернется, к другому. С лица он всегда был румяный, брови густые, черные. Как-нибудь там егозить или суетиться он никогда не умел. И смеяться, как будто не смеялся, а все-таки смотришь на него и видишь: улыбается человек, а почему видишь, ни за что не разберешь, по краскам что ли, по румянцу, а кроме того, и губы у него иногда морщились. Думаешь, сейчас что-нибудь скажет, но только это редко бывало, чтобы он в самом деле сказал.

Мы любили ходить слушать, как Сенька перед заведующим «отдувается». Приходилось все-таки.

Заведующий говорит:

— Это ты неправильно сделал, результаты нехорошие получились.

А Сенька?

А Сенька молчит.

Заведующий присмотрится к нему и снова начинает:

— Надо лучше разбираться, товарищ Дружнов, нельзя так... Надо точнее, гораздо точнее, понимаешь?

Молчание.

— Понимаешь?

И вот Сенька, наконец, отвечает:

— Да.

И заведующий на него смотрит, и мы смотрим, и видим, что в этом одном слове Семен больше сказал, чем другой в целой речи наговорит. Видно, что Семен дей-

ствительно согласен, что он все понимает. Не такой он человек, чтобы зря свое «да» потратить.

Учился Семен на «отлично» и работал по-стахановски. А если приходилось ему где-нибудь старшим быть или бригадиром, так уже кругом никаких разговоров не было. Хватка у него была железная: посмотрит только удивленно, поднимет одну бровь, и каждый понимает, что разговоры кончены.

В этом году он приехал в Москву, а нас здесь целая колония — бывших колонистов. И вдруг узнаем, едет Семен Дружнов получать орден. Конечно, чествовать. Встретили, обнимались, целовались и спрашиваем, за что орден. А он молчит.

— Да говори, это же ни на что не похоже!

Пришлось ему все-таки разговориться:

— Да... за боевую подготовку.

— Ну?

— Я же сказал.

— Ничего ты не сказал... Какая боевая подготовка? Что ты сделал? Летаешь? На чем летаешь?

— Эсбэ.

— Скоростной, бомбардировщик?

— Угу.

— И что?

А он поднял руку, повертел пальцем в воздухе, пойми, что это значит: мертвая петля или штопор, или какое-нибудь там скольжение. Так ничего и не добились. Не за один день, постепенно все-таки кое-что выяснили: отпуск у него на два месяца; бабушка его еще жива и живет с ним при каком-то аэродроме; хочет Семен побродить по музеям, по Москве. Мы вообразили, что он нуждается в нашей помощи. Но однажды он остановился против одной церкви на Ордынке, посмотрел, помолчал и вдруг говорит:

— Шестнадцатый век, вторая половина.

Мы прямо в восторг пришли, хором потребовали объяснений, кричали, просили, но добились только одного слова:

— Шатровая.

Показал рукой и пошел дальше.

Больше всего приставал к нему Виталий Горленко. Виталий теперь авиаконструктор, до зарезу ему нужно

было узнать мнение Семена насчет новой конструкции самолета. На разные лады расспрашивал:

— А может, так удобнее? А если отсюда залезть? А с этой стороны неудобно? А если такое приспособление?

Семен внимательно выслушал все его вопросы, потом молча достал карандаш и бумагу, оглянулся, дернул Виталия за рукав и потащил его в самый дальний угол. А ведь мы его друзья уже десять лет. С Виталием он, представьте себе, разговаривал долго, доносились до нас отдельные непонятные слова: «угол перемещения», «инерция будет мешать». Кончили они совещание, мы и говорим:

— Что ж ты нам не доверяешь?

— Доверяю, — говорит.

— Так почему?

Подумал немного, улыбнулся даже, сказал:

— Доверяю, что из любопытства спрашивать не будете.

Видите, какая речь!

Однажды мы его поддразнили. Фашисты, говорим, теперь вооружаются, как ты на это смотришь? Настроят бомбардировщиков, плохо нам придется.

Тогда он целую речь сказал, первую, может быть, речь, какую мы от него слышали.

— Понастроить они могут... Только... люди у них какие. Можно послать сто бомбардировщиков, и ни одна бомба в цель не попадет. А рассеивание... знаете какое? До десяти километров.

— Ну, так что? А у нас?

Семен неохотно хмыкнул, даже отвернулся, из скромности, конечно.

— Да говори!

— У нас... другое. Можно... двенадцать бомб посадить в одну точку. Точность прицеливания — очень важное дело.

— И что?

— Ничего... ничего не останется.

Вот тут только мы начали догадываться, за что он получил орден. Мы представили себе Семена в деле, на высоте семи или восьми километров в тот момент, когда

он прицеливается, когда он собирается спустить на врага двенадцать, или сколько там, бомб. Мы представили себе его добродушно-румяное лицо, его спокойно-уверенную точность, его прищуренный глаз. Мы хорошо знали, что, уничтожив врага, он ничего не изменит в этом лице, он не захочет и тогда сказать ни одного слова. А может быть, он тогда и позволит себе сказать свое любимое «угу». Во всяком случае, это будет хорошо сказано.

Семен прожил у нас только двенадцать дней. Получил какое-то письмо и собрался на вокзал. Мы спросили, в чем дело. И неожиданно для нас он ответил:

— Дамой хачу.

Мы узнали старые нотки, это самое деревенское «а», стало как-то тепло на душе.

— Домой? Где же это?

— Там... Аэродром... Поведем наше звено на первое место. Поеду... домой.

И уехал.

У нас на Украине о некоторых характерах говорят: «Комуś кыслыци сняться». Это значит: кому-то плохо придется. Если фашисты вздумают полезть на нашего «дамой хачу», пускай им лучше заранее снятся кыслыци.

Вот какие интересные бывают на свете характеры!

Преподаватель словесности

С юношеских наших дней отдельная, какая-то особенная, светлая и тревожная память осталась о «Слове». Существовал некий «законный» Парнас: русская литература в нашем представлении начиналась с конца XVII в., а до того — многовековое однообразное протяжение несчастья, нищеты и косноязычия. И вдруг вспоминали о «Слове», вспоминали с неожиданным, непонятым удивлением, с необъяснимой теплотой и благодарностью неведомому, чудесному поэту, полному страсти и очарования, искренности и красоты, мужества и торжественности.

Собственно говоря, в то время мы не могли различить, объясняется наше впечатление могучей силой самого

«Слова» или силою души Мефодия Васильевича Нестерова, нашего преподавателя словесности.

Был это преклонных лет человек, блеснул лысиной и серебром в бороде, и борода у него была спутанная, милая, стариковская. Но отличался он от всех преподавателей удивительным выражением достоинства и человеческой простоты, и мы любили в нем это выражение и прощали старику и строгий взгляд поверх очков и суровость требований.

Доходили до нас слухи о тяжелой и неудачной его карьере, об одиноком его учительском демократизме, но сам он никогда о себе не говорил. Мы в то время еще не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины, — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Старик читал всегда стоя за кафедрой, предпочитал простую, точную речь, в которой редко встречалось открытое горячее слово. Но зато в его мимике было столько эмоций и правды, столько ума, то восхищенного, то осуждающего, то сомневающегося, столько сдерживаемой силы души, что мы неспособны были оторваться от его лица. Читая нам, он сам жил горячо и глубоко, хотя и не хотел показывать нам эту свою настоящую человеческую жизнь. Не хотел почему-то показывать и сдерживался, может быть, еще и потому, что уже сорок лет читал он литературу юношам, и уже неловко было ему волноваться перед ними.

Но все-таки мы два раза видели, как он плакал во время лекции. Первый раз это было, когда он говорил о «Песне про купца Калашникова», но тогда он плакал скромно и старался показать, будто у него глаз засорился. А передавая «Слово о полку Игореве», он плакал свободно и доверчиво, и мы одновременно преклонились и перед его стариковской слезой, и перед силой «Слова». Он умел так рассказывать о нем, что его слезы глубоко волновали нас.

Начинал говорить о «Слове» Мефодий Васильевич неожиданными словами:

— Мы с вами уважаем гражданскую литературу, такую литературу, когда к нам обращается не только поэт, но и гражданин, когда он зовет нас, волнует, побуждает к действию... Представьте себе, такой поэт, ве-

ликий поэт, страстный, настойчивый, жил в XII в. и оставил нам свой горячий призыв, призыв гражданина! Юноши, если кто-нибудь, когда-нибудь перед вами начнет поносить гражданскую поэзию, напомните ему «Слово о полку Игореве». Впрочем, давайте читать.

Он поправлял очки, подносил книгу к близоруким глазам и, уже волнуясь, приступал к чтению. Читал он просто, без приемов декламаторских, но он умел незаметно вложить в каждое слово столько чувства, такую убежденность, что древнее слово неожиданно хватало за сердце.

«А мои ведь куряне опытные витязи: под трубами повиты, под шлемами укачаны, концом копья вскормлены; дороги им известны, овраги им знакомы; луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли отточены...».

Мефодий Васильевич опускал книжку, смотрел на нас строго поверх очков и говорил глухо, сберегая старые силы:

— Видите, были люди, доблестные люди, сильные, воспитанные для борьбы... Юноши, эти люди были мужественны, и они знали, что за ними стоит русская земля. Знали, семь веков назад знали, знали, может быть, не хуже, чем мы с вами. Смотрите, как они умирали.

Он читал дальше:

«С утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья харалужные...»

..На третий день к полудню пали стяги Игоревы!»

Читая это, старик уже плакал, плакал странно: в его голосе не было слышно слез, они сбегали из-под очков и терялись в спутанной седой бороде.

Он снова опускал книгу, снова смотрел на нас, и мы не могли оторваться от его лица. Он спрашивал у нас сурово, как будто и мы виноваты в чем-то:

— Отчего? Отчего погибли эти доблестные сильные люди, любящие свою русскую землю?

Так же сурово, с неотразимым осуждением, он читал дальше:

«...ибо говорил брату: «Это мое и то мое же».

«Не победоносным ли брежем себе волости вы расхитили? К чему ващи золотые шлемы и копья польские и щиты?!»

Старик уставал от горя и сдержанности, он опускал голову и говорил тихо:

— Юноши! Много страдания у этого поэта. Это было трудно видеть, как погибает русская земля, как погибают доблестные люди от эгоизма, от жадности, от разделения: «Это мое и то мое же». Так погибала красивая, богатая, мужественная Русь. Может быть, и сам поэт погиб где-нибудь в Половецких степях.

Он отдыхал снова, потом говорил сухо и спокойно последние слова:

— Видите: более семисот лет тому назад так сильно, с убеждением, с чувством поэты призывали русских людей к единодушию, к защите родины. А против них стояли не только половцы, стояли и свои хищники, грабители, насильники — Гориславичи и другие. Видите? Ну вот. Вы все поняли? Вы поняли, как это было?

Мы отвечали ему, преодолевая волнение:

— Поняли, Мефодий Васильевич! Спасибо вам.

Тогда он улыбался просто, по-домашнему:

— Ну и хорошо. Я так и думал, что вы поймете, юноши!

Новые годы

Большую жизнь прожил Илья Павлович — пятьдесят пять лет. Правда, и дальше жить охота, и сил еще много, а все-таки длинная жизнь осталась позади. Было когда-то и детство, мальчишки, девчонки, — все это вспоминалось в тонком дрожащем тумане, было или не было, — далеко-далеко что-то неясное мерещится. После революции двадцать один год, а ведь еще и до революции была какая-то жизнь. Странно было теперь вспоминать эту жизнь до революции, иногда она сама бередила память, но ничего приятного не нагадывала, да и тяжелое забывалось, а вспоминались почему-то извозчики. Никак нельзя объяснить, почему они приходили на ум: Илья Павлович никогда на извозчиках не ездил, а тем не менее как вспомнится старая Россия, так обязательно извозчики на первом плане. У одних колеса черные, у других красные. Они то стоят целыми вереницами в переулках.

то грохочут по улицам. Шума от них много, а темпы слабые: все кажется, будто он на одном месте едет.

В жизни Ильи Павловича много было и перемен и событий, и радости и горя, как будто все видел и все испытал, а все-таки сейчас Илья Павлович внутренне смущался и посмеивался: такого, как сегодня, кажется, еще никогда не было. С одной стороны, как будто это и шутка, а с другой стороны, на душе непривычно хорошо. Илья Павлович тайком поглядывал на старуху Марину Семеновну. Да какая же она старуха! Она вовсе не смущается, хлопочет, перебегает из комнаты в комнату, каждый раз спотыкается на коврике, положенном на пороге, и каждый раз улыбается виновато: это она случайно зацепилась, а вообще она может прыгать из комнаты в комнату сколько угодно.

Собственно говоря, ей и бегать нечего. Все сделано, все приготовлено, а если что и осталось сделать, так это такая легкая, завершительная работа, что даже приятно ее отложить. Например, нужно открыть бутылку кагора и бутылку портвейна, Илья Павлович давно разыскал пробочник, — замечательный пробочник, никелированный, павловской работы, сделанный очень хитро: он потихоньку вытаскивает пробку из горлышка, можно остановить ее в любом положении, а когда нужно, — в самый хороший момент, просто рукой бери и открывай.

За накрытым столом сидит и все приглаживает лысину дядя Нечипор. Дядя Нечипор никогда не работал на заводе, а все больше по разным делам: и бухгалтером был, и корректором, и статьи писал о куроводстве, вообще был человеком деловым и боевым, и все-таки всегда назывался дядей Нечипором, потому что он и действительно есть дядя Марины Семеновны. Когда-то он жил на Украине, с тех пор так уж и называли его по-украински — Нечипор. Сейчас дядя Нечипор на пенсии, но бодрости у него еще много, язык, как и раньше, острый, а если выпить и закусить, всегда на первой линии огня.

Сейчас дядя Нечипор сидит за столом, но на пузатый графинчик даже и не смотрит, а смотрит на елку, и хотя все понимает, старый, а все-таки спрашивает:

— Какими же причинами следует объяснить такое противоестественное зрелище: люди мы подтоптаные, порох из нас сыплется, можно сказать, целыми килограм-

мами, а тут тебе говорят: скидай, детка, пиджак и танцуй кругом елки?

Илья Павлович запустил пальцы в грудной карман праздничного пиджака, а Марина Семеновна, маленькая, шустрая, веселая, вдруг прекращает свое буйное движение из комнаты в комнату и замирает, подняв глаза к стеклянной верхушке елки. Илья Павлович с молчаливой иронической торжественностью протягивает дяде Нечипору телеграмму:

— А-а! — говорит дядя Нечипор, проводит пальцем по усам и берет телеграмму другой рукой. — Документ на этот случай имеется?

Он далеко отводит руку с телеграммой и читает громко:

— Получил отпуск три дня приеду тридцать первого вечером с Варей Панченко целую Митя.

Прочитав телеграмму, дядя Нечипор, или, скорее, дед Нечипор, долго еще смотрит на нее с мудрой, стариковской насмешкой, медленно наклоняет голову то вправо, то влево и говорит, играючи:

— Если я правильно разбираюсь в действительности, то сейчас должен ввалиться в хату этот самый Митя, — тяжелый бомбардировщик. Так. Но здесь упоминается предмет более нежный — Варя Панченко. Хе! В моей номенклатуре сей предмет не значится.

Марина Семеновна смотрит на дядю Нечипора сложным взглядом: действительно, Варя Панченко — предмет удивительный и неизвестный, но как раз для этого предмета и елка поставлена и притаилась в ее ветвях белый и пухлый дед Мороз, и лежит в комодке шелковая красная косынка, — первый подарок митиной избраннице. По всем этим причинам Марине Семеновне ни в чем не хочется сомневаться и хочется радоваться.

— Ничего, дядя Нечипор, если Митя выбрал, значит, и для нас хороша будет.

Илья Павлович стоит боком к дяде Нечипору, заложил руки за спину. Сутулые его плечи в праздничном пиджаке думают неподвижно, глаза засмотрелись на стеклянного петушка с двумя перьями вместо хвоста и тоже думают. Дядя Нечипор резко повернулся, локтем описывая дугу над столовым прибором, потом положил локоть на стол и свесил седую голову. Может быть, так

удобнее думать дяде Нечипору. Он пошатывает одной ногой, положенной на другую, из-под штанины выглядывает старенький, мягкий ботинок, и по ботинку этому видно, как много дядя Нечипор истоптал дорог на своем веку.

— Новый год! Новые годы, — задумчиво произносит дядя Нечипор. — А чорт его знает, действительно новые. Вот он тебя депешей информирует: Варя Панченко, и никаких гвоздей! Как вспомнишь наше время, а, Илья Павлович? Сколько я дипломатии истратил, пока женился на покойнице Наталке, сколько дипломатии! Теперь вспомнить приятно, конечно, а если подумать, что я такое был? Писарчук в волостном правлении. А интересно, чи есть теперь такие писарчуки, чи, может, нет. Наверное нету таких. Наталчины родители, можно сказать, ответили мне в вызывающем тоне: не видать тебе Наталки и... никаких гвоздей!

Дядя Нечипор подымает голову и смеется, смеется радостно, очень возможно, что ему и в самом деле приятно вспомнить, как отказали ему наталкины родители. Дядя Нечипор смеется, разводит руками.

— Новые годы! Митька! Что такое Митька? Господи, боже мой, дело ясное: неразумная молодость, молокосос, если прямо говорить, куда ему против нас... А потом «посмотришь с холодным вниманьем вокруг», — тяжелый бомбардировщик и...

Илья Павлович быстро обернулся к старику, хохочет:

— И никаких гвоздей!

Дядя Нечипор панически поднял руки:

— Да! — руки дяди Нечипора бессильно упали вниз. — О каких гвоздях может быть разговор? Никаких гвоздей! Ежели он на тебя сверху прицелится, этот молокососный молодой человек, какие же могут быть возражения против Вари?

Дед встал со стула, он сейчас в ударе. Смотрит он в одну точку, куда-то на нижние ветки елочного дерева, но в его глазах кудрявится искрящийся умный восторг:

— Насчет Вари Панченко вопрос исчерпан, ежели они, молодые люди, шныряют прямо в небесах, кувыркаются, мертвые петли... а захочется ему — на Северный полюс, на Дальний Восток... При такой ситуации чувствую, что родительское благословение остается втуне...

Марина Семеновна любовно наблюдает игру дяди Нечипора. Она спокойно в каком-то богатом отдыхе любит и дядей Нечипором, и нарядной елкой, и накрытым столом, а ее душа поместилась где-то поближе к уху и прислушивается, не закричал ли звонок в передней, не пора ли бежать, открывать Мите, целовать Митю и... Варю Панченко, неожиданную, неизвестную, но такую уже родную и долгожданную.

Илья Павлович левой рукой зачесал правый висок, — сложные дела делаются на свете, — приятно посмотреть на игру дяди Нечипора, но где-то в глубине души надоедливо токует маленькая, маленькая тоска: что это за Варя, и почему в таком пожарном порядке она возникла в его жизни?

Дядя Нечипор в последний раз взмахнул рукой и закончил игру. Он снова сидит у стола, и снова низко склоняется его седая голова. Видно, не так легко дяде Нечипору отказаться от прошлого.

— А все-таки скажу я вам, молодые люди. Было и в старом кое-что доброе. Вот хоть бы и в такой вечер, — новый год! Парубки, девчата, на небе, конечно, звезды и над звездами... чорт его знает, что-то в роде бога, ну, да это неважно. А щедрилки¹ какие, ой, какие щедрилки!

Дед помолчал, помолчал, собрался с силами и запел потихоньку, но правильно запел, душевно:

Щоб и хлиб родывся,
Щоб и скот плодывся,
А щоб ты ж, наш пан хозяин,
Та ни в чим не журывся...

— Да... щоб не журывся, значит, — сказал дед как будто про себя.

— Это кто же такой, пан хозяин, — спросил Илья Павлович.

Дядя Нечипор словно не расслышал вопроса, сидел, думал и про себя, наверное, пел щедрилку дальше. Но неожиданно сказал негромко, задумчиво:

— Пан хозяин кто? В том-то и дело, что пан хозяин — это первейшая сволочь. К бедному мужику щедровать не ходили...

¹ Щедрилки — колядки.

— А как же звезды и тот самый... вроде бога?

— А звезды сами по себе, ну... и чорт с ними!

Дядя Нечипор вдруг затосковал. Встал со стула, подошел к елке вплотную, погрузил неслышный, стариковский взгляд в переплет ее затихших ветвей, коронованных сейчас наивно-очаровательным блеском золотой и серебряной мишуры.

— А все-таки... это мы, старики, придумали елку. Значит, хотелось людям радости, если придумали. Нельзя без радости жить.

Марина Семеновна подошла ближе, сложила руки на фартуке:

— И я так подумала, дядя Нечипор. Для Мити, само собой, елка ни к чему... он мужчина... теперь мужчины серьезные, не любят пустяков. А я подумала: для Вари будет приятно, да и мне хорошо, в детстве я не видела елок. Хоть на старости новый год по-настоящему встретить.

Дядя Нечипор аккуратно выслушал Марину Семеновну и вдруг энергично заинтересовался:

— Да какая же она есть, эта самая Варя Панченко? Анкетные данные... хоть самые минимальные...

Марина Семеновна не ответила, не хотелось ей ничем разбавлять сегодняшнюю радость. Посмотрела на мужа, а Илья Павлович нарочно занялся бутылкой кагора и ответил в другом тоне:

— Хороший штопор. На нашем заводе тоже такие штопоры будут делать. Ширпотреб...

Дед не унимается:

— Штопор — нужная вещь для широких масс, это правильно, а все-таки Варя Панченко в смысле елки может и не подойти. Потому, что ваш брат, прекрасный пол, тоже летает, и довольно далеко. Какая же у них нежность?

Илья Павлович осторожно ввинчивал штопор, сердито следил за его работой и с штопором разговаривал:

— Летает... А что ж ты думаешь. Еще и не так полетит. А нежность... само собой, при них останется. Нежность — это специальное дело. Ох, и штопор же замечательный! И женщины другие, и все другое. А елка... может, и лишняя.

Дядя Нечипор обернулся к елке с таким видом, слов-

по попроситься хотел с этим чудесным старинным изобретением. Обернулся и так засмотрелся, что не обратил даже внимания на сильный, веселый звонок в передней. Марина Семеновна, как ребенок, вылетела из комнаты. Илья Павлович нацелился было острием штопора в горлышко портвейна, да в таком положении и задержался несколько секунд. Потом неспеша поставил бутылку на стол, а штопор, — мелкая вещь, — запутался между пальцами и долго вертелся между ними, когда Илья Павлович стоял уже в передней.

Митя швырнул фуражку на сундучок и бросился к матери.

— Ой, родной мой, здравствуй, да какой же ты холодный, — мать улыбалась, чтобы не плакать. Страстно хотелось ей все смотреть и смотреть на румяное, совсем еще детское лицо сына, на ясные глаза и темный пушок на верхней губе, а в то же время не могла она оторваться от фигуры, торчащей у самых дверей. Суматошливая, напуганная радостью мысль никак не могла понять, что такое неладное происходит у дверей. Митя вспомнил:

— Мама! Привез, смотри, самый лучший друг! Самый лучший!

Улыбаясь приветливо, мать пошла к гостю, Митя обнял отца. В дверях комнаты стоял дядя Нечипор и разглаживал усы, приготавливаясь к лобзаниям. И только тогда мать спросила:

— Митя, а где же эта... где Варя?

Не опомнившись еще от тепла и ласки, сын спросил с механическим удивлением, как эхо:

— Варя?

— Ну да, Варя Панченко? В телеграмме же написано...

Митя обалдел на короткое время, округлил глаза, взмахнул рукой. Захохотал и гость, вытаскивая руку из рукава.

— Мама! Ваня Панченко! Ваня, а не Варя! Вот это ж он и есть — Ваня Панченко, — старший лейтенант и танкист.

— А в телеграмме?

— Наплевать на телеграмму. Он же живой — Ванька, вы же видите, что это ни в коем случае не может называться Варей.

В таких случаях и смеются, и удивляются, и торжествуют долго. И дядя Нечипор никак не мог притти в себя и все замахивался рукой из-за уха и приседал от веселья. Илья Павлович моментально вспомнил, что в руках у него штопор, и нужно рано или поздно открыть бутылку портвейна. Марина Семеновна смеялась меньше всех, потому что в ее душу налезли всякие мелочи: елка, дед Мороз, петушок, шарики, свечи и... косынка, ну, что ты скажешь, шелковая красная косынка в комод! Слабым, слабым светлячком промелькнула мысль: может быть, о косынке не вспомнят. Глянула на Илью Павловича: хитро вздрагивает седеющий, стриженный ус. Но в этот момент произошло снова неожиданное: Митя с разгону налетел на елку, замер и рот открыл. А потом завертелся по комнате, подхватил мать на руки, и не разберешь, обнимает ее или на руках носит.

— Мамка! Это для меня елка? Батько! Красавцы мои! Да как же вас благодарить! Ванька, ты понимаешь, до чего это... ах, ты чорт, до чего это шикарно!

Ванька стоял неподвижно перед елкой и радовался, совершенно забыв, что он танкист и старший лейтенант. Серые ванькины глаза с откровенной негой переходили от деда Мороза к черной обезьянке, к желтенькому попугаю, скользили по золоту цепей, искали новое, неожиданно милое среди нарядной тишины ветвей.

И дядя Нечипор на свет народился: теперь нужно было видеть все: и елку, и Митю, и Ваню Панченко, нужно было говорить, говорить, вылить чувство, размахнуться молодой душой. Заходил дед, затопал по комнате, ухватил Митю за пояс:

— Так это твой друг такой?

— Друг, дядя Нечипор, — ответил Митя, просовывая голову к самому стволу елочного дерева, — настоящий, понимаешь, друг. Мне даже сны ванькины снятся.

— Да что ты!

— А как же? Ты послушай только, дядя Нечипор: вдруг на тебе! Приснился мне танк. Почему? На каком основании танк? Здоровый такой, с пушками. А потом догадался: это ванькин сон приснился.

Дед хохотал, ходил вокруг Вани Панченко, дергал ус:

— Танкист! Это значит... стреляет?

— Ого!

— Ты на небе, а он на земле?

— Во, во!

— И в человецех благоволение?

— Кому благоволение, а кому — лучше не лезь.

Дядя Нечипор вдруг опомнился, с досадой оглянулся на хозяина:

— Илья! От... смотри ж ты! Мы с тобой говорили, говорили, а про фашистов и не вспомнили!

Илья Павлович уже наклонял графинчик над рюмками и добродушно посмеивался:

— Это ты, дядя Нечипор, развел канитель: щедривки, звезды разные, нежности, а я про них, проклятых, фашистов этих, всегда помню. У меня и сын, видишь, и гость... в одном направлении. Ну, хлопцы! Без пяти двенадцать.

Встретили новый год, да и как же его не встретить, если он без подделки, по-настоящему новый, как сказал дядя Нечипор после энной рюмки. Он много еще хороших умных мыслей высказал, потому что понимал, в чем дело: — Елка... это хорошо придумано, а впрочем... допустим, мелочь. Ну, а если мелочь, отдавать ее фашистам или не отдавать?

Бомбардировщик и танкист посмотрели внимательно на елку. Она в эту минуту словно из скромности притаилась в углу комнаты, тихо мерцали свечи, и тихонько поблескивали ее праздничные глаза. Ваня Панченко посмотрел Мите в глаза и засмеялся. Митя положил деду руку на плечо:

— Дедушка, милый! Слышал? Ни одного вершка, а не то, что целую елку! А эту елку к тому же мать организовала, к ней, брат ...пусть лучше не лезут!

Дед замолчал, долго пристально-ласково смотрел на Марину Семеновну, потом сказал ей в утешение:

— А косынка? Косынка... она потом пригодится... бывает так, что телеграммы... они не всегда врут, телеграммы.

В библиотеке

Библиотека у Вали не очень бедная, но в ней тесно, темно, а снаружи у дверей нет ни одной витрины, ни одного рекомендательного списка. Валя работает в биб-

библиотеке всего вторую неделю, за это время даже самый опытный библиотекарь ничего бы не успел сделать.

Кое-какие книги Валя раскладывает на столах. Они лежат в хороших ярких переплетах с красивыми заглавными надписями, с золотым и серебряным тиснением. Иногда их берут в руки и перелистывают, но затихают со склоненной головой вовсе не над ними, а над тоненькими тетрадками журналов «Наука и техника», «За рулем», «Радио». Валя знает, что это необходимые признаки первого читательского этапа. Когда она ближе познакомится с посетителями библиотеки, дело пойдет быстрее. Уже вчера к ней подошел юноша с черными глазами, хорошенький, как девушка, и несмело спросил:

— Товарищ Осипова, честное слово... я не запачкаю и верну, в полной исправности верну, знаешь когда? Я верну пятнадцатого числа. Хорошо?

В руках у него серый томик «Петра I».

— Так нельзя, — сказала Валя, — не разрешается на дом.

Юноша в смущении раскрыл «Петра I» и сказал так же нерешительно:

— Вот увидите, товарищ Осипова! Я никому не скажу, никто не узнает.

— Узнают. Вот вы понесете книжку домой, и все увидят, обязательно ко мне прибегут, скажут: Нестерову дали, и мне дайте.

Юноша обрадовался: опасность была не такой большой, как оценивала Валя:

— Я, знаете? Я под поясом спрячу. Никто не узнает.

— Вот видите! Книгу под пояс! Разве можно?

— Ну, не под пояс... а знаете... я за пазуху положу, там чисто, честное слово, чисто.

И юноша через бортник гимнастерки показывает действительно чистый край сорочки.

А сегодня пришел из инструментального цеха Давид Резник, пересмотрел все книги на столах, потом стал против столика Вали:

— Скажите, есть такие книги, которые о любви?

Он не покраснел, а только посерьезнел и объяснил, чтобы не было недоразумений:

— Это я знаю: есть романы, так в них просто все описывается про людей, как будто были такие люди. Так

Что я знаю. А может, у вас есть такие книги, чтобы не романы, а чтобы так... чтоб серьезно.

У Давида Резника длинное худое лицо, а нос полный, мясистый. Он не торчит вперед, как у других людей, а как будто привешан на лице. Скулы у Давида насилу помещаются под кожей, такие они острые и выпирающие. Вообще Давид только с большой натяжкой может быть назван красивым юношей. Но он стоит серьезный перед Валею и требует серьезную книгу о любви. По Давиду видно, что такая книга ему действительно нужна до зарезу, и Валя чувствует, что она обязана дать ее ему.

— Давид, что же вам предложить? А вы читали «Анну Каренину» Льва Толстого? Вы, кажется, брали у меня.

— Нет, «Анна Каренина» что! Там ничего нет определенного. Это роман, я не хочу роман.

Валя морщит лоб. Нет, в ее библиотеке нет такой книги. С неприятным чувством вины она вспоминает, что такой книги она вообще не знает.

— Стойте, Давид! Как же это я забыла «Викторию» Гамсуна. Вы не читали?

— «Викторию»? Не читал. Гамсуна? А это кто такой Гамсун? Это не наш? Так это не роман?

— Нет роман. Но это ничего, Давид. Это ничего. Вы прочитайте.

— Нет, я не хочу роман. Роман меня не устраивает. И там наверное все плохо кончается. Печально кончается.

Он с грустным вопросом смотрит в глаза Валею. Валя разочарованно кивает. В самом деле у Гамсуна все грустно кончается.

• — Нет. Вы посудите, товарищ Осипова! Для чего мне такая книга. Если нужно, чтоб печально кончилось, так это каждый сумеет. А если нужно, чтобы хорошо кончилось, так надо научиться. Странно, почему никто не напишет такую книгу? Такую книгу в первую очередь нужно написать.

Валя согласилась с Давидом, и Валя частично отвечает за отсутствие такой книги, но расстроенное лицо Давида начинает интересоваться ее и с другой стороны:

— А для чего вам такая книга?

— Мало ли для чего? Надо же прочитать! Я не по-

нимаю: о технике написали, о звездах написали, о разных животных, которых давно нет, тоже написали! А о любви почему-то не написали.

Давид улыбается и моментально хорошеет.

— Надо же сказать по этому вопросу что-нибудь определенное!

Он все-таки смотрит на Валю с надеждой, и Валя склоняет на бок голову.

— Давид, я поищу в городе такую книгу. Но насколько я помню, нет такой книги, Давид!

— Спасибо, — говорит Давид Резник, — очень буду благодарен.

Он ушел последним, и Валя занялась приведением библиотеки в порядок. Она распределяла книги по полкам, складывала на столе газеты и журналы, и все ей казалось, что она сейчас вспомнит книгу о любви.

Потом вдруг она вспомнила другое. Как странно. И она любила, и другие люди кругом любили и любят, почему ни разу никому в голову не пришло издать серьезную книгу о любви, чтобы было все написано «определенно», как говорит Давид Резник. Валя прыгала с лестнички и на лестничку, и быстрыми молниями пронеслись у нее все какие-то интересные и в общем приятные мысли: хорошо было, что Давид Резник ищет такую книгу, хорошо было, с другой стороны, что другие люди не искали такой книги и в душевной простоте считали себя специалистами в этой области. И может быть, замечательнее всего было то, что книга о любви еще не написана, но скоро ее кто-нибудь напишет. Она выйдет в советском издании, и Валя получит ее, свежую, чистую, свою, и никто не скажет о книге, что она отображает буржуазную мораль. В самом деле, что общего между Давидом Резником и Анной Карениной, и зачем ему учиться страдать у Гамсуна? Вале даже показалось на одну только секундочку, что в мире все хорошо устроено, потому что, допустим, такую книгу о любви кто-нибудь написал...

Валя остановилась с пачкой книг в руках и мечтательно улыбнулась: воображаю, какая получилась бы гадость. Разве можно написать книгу о любви, вообще о любви? Чудак этот Давид! Ему все хочется знать, чтобы все было определено, тогда и жить не нужно.

Зачем жизнь, если все написано. Прочитал и... и все как по нотам!

Валя даже вздрогнула от отвращения. Она нахмурила бровки и, подымая книги к полке, закусил губу. Пускай. В ее жизни любовь тоже получилась... очень, очень неудачно. Ну и пускай. Все-таки это лучше, чем по книге. И кроме того, а кто знает, как будет завтра? Никто не знает. Какая завтра придет любовь? Может быть, такая придет, что Гамсуну не снилась.

Несколько часов на канале

Впечатления

128 километров трассы канала, и на этом протяжении чего только нет: шлюзы, насосные станции, плотины и дамбы, мосты, гидростанции, электростанции, подстанции, аванпорты, пристани, гавани, водосбросы и водоспады, туннели...

Все это грандиозное дело совершено в четыре года.

Вдумайтесь в этот срок, и для вас станет ясной величина напряжения человеческого гения и человеческого труда.

Вспомните, сколько десятилетий строился Панамский канал и с какими неприличными скандалами, не даром его именем называют сейчас всякое мошенничество больших масштабов.

Канал Волга—Москва — дело колоссального размаха и колоссального успеха, дело нескольких тысяч инженеров и целой армии строителей.

Бедный журналист стоит перед этим величием и пытается охватить его взглядом, — затея самая безнадежная... Тогда журналист берет за пуговицу какого-нибудь доброго местного деятеля и просит:

— Расскажи!

А рука уже судорожно сжимает блокнот.

Многие «собственные корреспонденты» живут в Дмитрове по целым неделям, ходят, смотрят и пишут.

Мельком я слышал:

— Говорят, на теплоходах десять журналистов из Горького едут!

Мы проехали вдоль канала на машине от Дмитрова до шестого шлюза и дальше. Это, вероятно, немного, всего километров пятнадцать.

Но канал уходил вдаль в ту и в другую сторону, в далекую даль уходит за ним и первая эмоция.

В первый момент поразил меня даже не сам канал. Поразило меня лицо природы.

Здесь природа представляется в чрезвычайно жалком виде.

Она глядит на вас вскопанным, взорванным, исковерканным и вывернутым лицом.

На десятках и сотнях квадратных километров вы видите следы и последние судороги страшной схватки.

Десять минут назад вы видели знакомое и даже милое улыбающееся солнечное спокойствие, зеленую улыбку природы, уютные щетинки рощ, повороты оврагов и нетронутую березовую чистоту.

Ранней весной все это сильно пахнет Нестеровым, примирением, чуточку небесами, немного слезой.

Правда же, вам знаком этот милый комплекс. Мы, старики, очень хорошо разбираемся в нем.

И вдруг... нет комплекса!

Перед вами обнаженное мясо земли, яркорыжие навалы глины, взъерошенные остатки рощ. Все это покрыто бесконечным в пространстве прибоем строительной волны.

Подальше высятся еще в лесах башни и кубы сооружений канала.

Но пройти к ним невозможно: целые штабели металла и дерева, балок, рельс, прутьев, огромные площадки, заваленные самым разнообразным добром, от аккуратных крытых цементных баз до бесформенных нагромождений обрезков, опилок, остатков, каких-то ведер, каких-то мешков.

Бой с природой еще не окончен, еще в этих полях кипит работа, копошатся люди, с трудом поворачиваются лошади, по неожиданным, кривым и ухабистым дорожкам снуют сотни пыльных уставших грузовиков.

Но над бетонной башней насосной станции уже реет знамя победы — красный флаг СССР.

Наш газик выскакивает из строительного хаоса, поднимается по шоссе на вздыбленный над равниной новенький чугунный мост и... перед нами до самого горизонта живая, полная дыхания, наша родная, величественная Волга. Она уходит от нас аккуратной веселой лентой, вовсе не такой узкой, как казалось по газетным фото.

Действительно, ее ширина в канале — 85 метров по зеркалу. Это не так мало. Кто понимает в метрах, тот сразу себе представит.

* * *

Да, это Волга... Конечно, она здесь очень смиренная, здесь невозможны никакие шутки и капризы, никакие перекаты и «Телячьи броды», здесь никто не позволит ей вихлять из стороны в сторону и закручивать петли в 200 километров, как это она позволила себе сделать под Самарой.

Человек, положивший природу на обе лопатки, пригласил Волгу пожаловать к городу Дмитрову и дальше к Москве.

Всякие отговорки ее и уверения, что на такую-то и такую-то горку она взобраться не может, не возымели действия. Мы ей предложили:

«Мы можем «подсадить»... Пожалуйста! На восемь метров!»

И «подсадили». Потом еще на восемь. А всего к шлюзу № 6 «подсадили» на 45 метров — легко сказать — Волгу. От шлюза № 6 до шлюза № 7, на протяжении больше чем 50 километров, Волга держится на такой высоте.

А потом мы помогаем ей осторожно спуститься к Москва-реке. Собственно говоря, у нее нет оснований для недовольства. Она мирно покоится в уютных берегах канала. По ее поверхности под весенним ветром уже побежали тоненькие волны и уже успели нарядиться веселыми гребешками.

* * *

Но мы проезжаем три-четыре километра, и перед нами снова хаос борьбы, снова развороченные мускулы земли, снова склады, краны, насыпи, обрывы, откосы и

отбросы, снова в центре хаоса высятся бетонные башни «узлов», снова видим над ними победные флаги.

Иногда в этом хаосе дрожат и прижимаются к случайному сараю две-три уцелевших березки.

Но во многих местах мы видим советских людей за новой работой.

Бой с природой окончен, побежденная земля уступила поле битвы, побежденная Волга пошла туда, куда приказал ей человек. И победитель приступил к украшению природы.

На многих площадках уже протянулись новые древесные насаждения, берега канала почти везде обложены дерном и не как-нибудь, а «в решетку».

Древние овраги и поля смотрят на эту красоту с удивлением, никогда природа не способна была на такие узоры.

Сотни грузовиков вывозят с полей битв ненужные вещи: трупы павших грунтов, изломанное в бою оружие, рассыпанные кругом залежи праха.

У Дмитрова, на канале — пароход «Плеханов». Это буксир, которому поручили протралить канал. Он неуклюже поворачивается в канале, и эта неуклюжесть кажется неестественной: в канале так просторно...

Мы обгоняем пароход на белоголубом катере «Чекист».

Высаживаемся, чтобы с берега посмотреть шлюзование.

«Плеханов» как раз входит в «камеру» шлюза.

Тысячи людей со всей строительной площадки бросились к камере. Побежали и мы.

Впереди закричали «Ура!». Взбираться на еще не отделанную глинистую горку довольно трудно.

Нас обгоняет пожилой бородатый рабочий и говорит сам себе, задыхаясь от бега:

«Дождались! Эх... смотри, дождались!»

В день Первого Мая...

Этот, в капитанской фуражке, только что пробил головой заслон из Петьки и появился на переднем плане. Собственно говоря, он стремился поближе рассмотреть проходящие по улице танки, но глаза сами собой поднялись к небу. А на небе творится невероятно чудесное, нестерпимо притягательное для хорошей мальчишеской души! Будущий капитан северного морского пути очень недалек от мысли: не переменить ли морской путь на славу советского летчика? Слишком уж сильно впечатление, упавшее на его голову, прикрытую капитанской фуражкой!

Вот у Петьки, у того никаких нет вопросов. Он должен быть только летчиком, и как можно скорее. Мертвые петли, штопоры и скольжения вызывают у него в настоящую минуту отнюдь не восхищение. Нет, они вызывают только зависть. Это чувство так сильно у Петьки, что он

не заметил даже агрессивно-нахального проникновения на первый план этого самого фронта в капитанской фуражке. Легкая досада, конечно, где-то царапает сердце, но некогда заниматься этой досадой. Так недоступны для Петьки небо и стальные ловкие птицы, самой природой назначенные для петькиной деятельности. Ничего, Петька добьется своего, никакие соблазны не отвлекут Петьку от летного пути. Еще несколько лет, всего несколько лет!

В кепке, спокойный, довольный жизнью Володя посмотрелся этих аэропланов и дома — он живет рядом с аэродромом. Танки тоже прекрасная вещь, но и танки Володю сейчас не увлекают. Ему просто хорошо. Он занял лучшее место на улице, и в жизни место у него не плохое — он советский школьник. Приятно жить на свете и приятно спокойно ожидать завтрашних дней. К тому же Володя мечтатель, только мечты у него все разные, сегодня одни, завтра — другие. Пусть танки с грохочущими взрывами проходят мимо. Они хороши, но не менее хороша была и кавалерия, только что скрывшаяся за углом.

Надя прищурила глазенки на сверкающую стаю самолетов, — наших советских самолетов, приветствующих трудящихся в день пролетарского праздника. У Нади радостно на душе, нет у нее ни зависти, ни мечты, чистая свободная радость.

Второй этаж предается, главным образом, восторгам. У Вани разгона нет настоящего, а то прыгнул бы он прямо в середину эскадрильи, прыгнул бы без всякой цели, от одного только восторга. Ваня сейчас забыл даже об утренних неприятностях, когда возражал и грубил матери, отказываясь от пальто, отмахиваясь от уговоров, от указаний на холодную погоду...

Коля, — тот удрал из дому без пальто, успел обойти все улицы, площади и переулки, устал страшно и от ходьбы и от впечатлений, но сейчас все забыл, забыл даже, что ему холодно. Слишком реально связана его душа с душой того летчика, который идет впереди эскадрильи. Коля уже не различает его крыльев на фоне туманного неба и все следит за ним и мечтает о чем-то неясном и радостном, о какой-то высоте, о каком-то человеческом полете.

Другое дело — Севка. Он никогда не мечтает и не будет мечтать. Он реалист и техник. Его увлекают сложные пути самолетов, и он радуется их удаче, как конструктор находке товарища.

А вся семерка праздничным ярким букетом глядит в лицо Первому Мая, в лицо нашему надежному будущему. Не красочные одежды творят эту яркость. Посмотрите, какая радость сверкает перед вами в лицах этих детей, сколько уверенной горячей радости в их движении, сколько новой человеческой свободы в их улыбках!

О ТВОРЧЕСКОМ
ТРУДЕ
ПИСАТЕЛЕЙ

Радость творческого труда

С талинская Конституция закрепляет 20-летний опыт освобожденного советского народа и в первых своих статьях утверждает новое отношение человека к труду. В обществе, основанном на эксплуатации, труд реально мотивируется как тяжелая необходимость, как реализация библейского приговора: «В поте лица будешь добывать хлеб свой». Этому закону подчиняется не только труд простой, но и труд высококвалифицированный, в том числе и труд интеллигенции. Только очень немногие лица, стоящие в оппозиции к буржуазному строю, могут иногда дать простор своему творческому почину. Как правило, творческая инициатива может принадлежать исключительно буржуазии, и настоящая логика этой инициативы, этого творчества скрывается от трудящихся масс самым хитроумным и тщательным образом, хотя далеко не всегда успешно. Последние события во Франции показывают, что эта «творческая логика» хорошо известна трудящимся и вызывает у них открытое отвращение, символически выражаемое во всеобщей забастовке, т. е. в демонстративном отказе от труда.

В нашей стране труд является и правом и обязанностью гражданина. Об этом коротко говорят статьи нашей Конституции, но в ее коротких формулировках отражаются чрезвычайно многообразные и счастливые особенности политического и морального самочувствия советского гражданина. Право на труд в нашем обществе — это не только право на заработок, это прежде всего — право на творчество, право на участие в социалистическом строительстве, в решении государственных задач. Стахановское движение, захватившее миллионы

трудящихся, есть не только движение за новые нормы и за новую технику, это вместе с тем есть движение и за новые творческие позиции человечества. В стахановском движении право на труд перерастает из экономической категории в категорию моральную и эстетическую. Трудно даже перечислить те изменения, которые на наших глазах внесены в человеческую психику и которые к сегодняшнему дню так далеко продвинули развитие наших человеческих характеров, в особенности по сравнению с буржуазным миром. В своем труде советский гражданин живет в сфере постоянного ощущения не только всей нашей страны, но и всего мира, он уже не может замкнуться в узких границах своего рабочего места, своего цеха, даже своего завода. Его труд стал творческим трудом и в рабочем, и в производственном, и в политическом, и в моральном отношениях. Расширяясь до очень широких политических синтезов, этот труд сделался основным началом его политического роста, — одно из самых замечательных явлений нашей эпохи, породившее новые границы между старым и новым представлениями о труде и о различии между трудом умственным и физическим. Работа советского гражданина, на каких бы участках она ни происходила, — это очень сложный комплекс и физических и интеллектуальных переживаний, а в последнем своем итоге — это переживание полноценности жизни, — это ощущение человеческого достоинства и человеческой защищенности, ощущение единства трудящихся и могущества социалистического государства. Этот комплекс перерастает обычное понятие долга — он вплотную подходит к цели жизни — радости существования.

Но труд у нас не только — право, но и обязанность. В порядке того же социального возрождения, наше понимание обязанности неизмеримо шире обычного понимания обязанности в буржуазном обществе. В нашей стране трудовая обязанность перестала быть негативной стороной жизни. Наша обязанность — это уже не холодная категория связанности человека. У нас это прежде всего программа роста и развития личности, крепко связанная с радостными перспективами жизни. Поэтому переживание обязанности у советского гражданина есть переживание активное, не ограниченное рамками договора, а вытекающее из самых глубоких потенций расту-

щей, идущей вперед личности. Именно поэтому мы не только обязаны пассивно выполнять зарегистрированные в трудовом договоре функции, но обязаны и самостоятельно, творчески смело определять их. В какой мере сказанное относится ко всем трудящимся, в такой же строгой мере оно относится и к работникам искусств. И для работника искусства право на труд открывает широчайшие просторы роста и радости, оно предоставляет нам замечательные творческие возможности. И обязанности наши богаты такими же счастливыми требованиями. Наш долг заключается не только в добросовестности выполнения. Мы обязаны быть такими же инициативными и смелыми, как стахановцы, так же упорно и героически создавать новые слова, краски и звуки, отражая то многообразное новое, чем так богата наша жизнь и наша борьба.

В меру той же свободной и радостной обязанности мы должны не бояться риска. В каждом новом утверждении, в каждой новой детали чувства и мысли всегда есть риск ошибиться, риск увлечения и неточного ракурса. Если мы в самом своем существе, в самой сущности нашего политического самочувствия преданы интересам социалистического общества, если наши помышления и дела искренно и чисто идут за коммунистической партией, направляются марксистско-ленинской мыслью и сталинским руководством, — мы не можем ошибиться трагически, в нашей ошибке будет и гарантия ее исправления. И поэтому в нашей стране можно не бояться риска в новом начинании, в смелой пробе и в творческом воображении. А кроме того, в нашей художественной работе есть еще и риск уже совершенно благородного наполнения: мы должны участвовать в борьбе с пережитками пошлости, регресса, с припадками глупости, подхалимства и шкурничества, угодливости и формального благочестия. Очень может быть, что в отдельных случаях этой борьбы нам придется переживать и временные поражения и так называемые неприятности. Но только борьба и может дать нам настоящую радость творчества, ибо в этом случае мы всегда будем находиться в фарватере великого строительства нового человеческого мира, всегда нами будет руководить коммунистическая партия, всегда мы будем членами единого фронта человеческого освобождения.

Право автора

Хочется сказать несколько слов по вопросу об авторском праве.

Проф. В. Сементовский в сущности вопроса увидел только тему справедливости, но упустил из виду тему практической целесообразности. Конечно, было бы справедливо и удобно оплачивать авторский труд единовременно, в тот момент, когда он поступает в распоряжение издательств. Возражение т. В. Финка против этого касается второстепенного обстоятельства: многие писатели тоже получают зарплату в том или ином учреждении как постоянные сотрудники. Наконец, едва ли полезно для писателя уединяться в своей писательской профессии.

Мне кажется, что писателям можно рекомендовать не отрываться от обыкновенной жизни, обязательно участвовать в ее буднях, переживать их удачи и неудачи и отвечать за них.

Меня смущает другая деталь в проекте проф. В. Сементовского.

«Вакханалия переизданий» происходит от того, что вопрос о ценности произведения решается небольшим числом лиц в кабинете издательства. При таком способе всегда возможны ошибки, кумовство, переоценка и недооценка. Но как раз такой способ проф. В. Сементовский предлагает сделать единственным и окончательным приговором над произведением.

Художественное произведение — не техническое изобретение. Оно не так легко поддается оценке, его качество не может быть измерено математически. Доверить это измерение небольшой группе лиц будет нецелесообразно. Суд над художественным произведением может быть вынесен только обществом, всей массой читателей, печатью.

«Вакханалия переизданий» именно потому и происходит, что общественная оценка произведения не принималась в расчет никакими издательствами, которые не имели привычки прислушиваться к читательскому мнению и к читательскому требованию.

Проф. В. Сементовский предлагает совершенно и с к л ю ч и т ь голосование читателя. Пьеса, покоящаяся на полке, и пьеса, волнующая миллионы зрителей, будут

приблизительно одинаково оплачены. Плохой роман, которого никто не читает, может быть так же высоко оплачен, как и высокохудожественное произведение. Эта уравниловка может повести к тому, что авторский труд потеряет стремление к высокому качеству.

Мне кажется, что вопрос об авторском праве совершенно ясен.

«Правда» поставила вопрос об авторских гонорарах не в форме протеста против высокого заработка писателя, а в форме требования качества. Если качество — главное, о чем нужно беспокоиться, то желательны следующие коррективы в издательской практике:

1. Переиздание той или иной вещи должно сопровождаться записанной мотивировкой с указанием общественных и критических отзывов о книгах, показаний книжной торговли и библиотек.

2. Авторский гонорар при первом издании книги должен быть низок, равняясь по среднему заработку интеллигентного труженика, при переиздании он должен повышаться, отмечая более высокое качество произведения и стимулируя дальнейшую работу наиболее талантливых авторов.

Писатели—активные деятели советской демократии

С глубокой и живой радостью хочется светло и открыто приветствовать новое решение пленума ЦК ВКП(б).

С особенной яркой гордостью хочется всем сказать, еще раз сказать, еще раз повторить: я — гражданин Советского Союза.

В этом утверждении, таком как будто обычном и привычном, с каждым новым днем нашей жизни находишь новое, радостное содержание.

Мне хочется в каком-то коротком движении мысли, и воли, и чувства обратиться к нашему будущему, страшно хочется войти в него скорее, увлечь за собой других, хочется работать, творить, жадно хочется реализовать небывало прекрасные наши возможности.

Ощущение моей связи с партией, ощущение моего

гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затушевало и нивелировало звучание слова «беспартийный». И поэтому решения, подобные решению последнего пленума, принимаешь как решения моей партии, моего коллектива, моей страны. И я глубоко горжусь тем, что в его подготовке есть и моя доля, есть участие и моей работы, и моей страсти, и моей мысли.

В такие дни, как сегодня, в особенности ревниво стремишься пересмотреть обстановку своего ближайшего дела, стремишься проверить, не плетемся ли мы позади других. Союз советских писателей, к сожалению, не может похвалиться хорошим местом в ряду советских боевых организаций.

Крайне необходимо, срочно необходимо что-то изменить в стиле нашей работы. Последнее решение пленума должно стать крепким основанием для каких-то принципиальных сдвигов.

Мы совершаем в нашей чудесной социалистической стране великого значения дело — мы, писатели, а между тем в нашем союзе, призванном объединить и направить художественное творчество целых поколений, так мало еще отразились достижения советской демократии, так много еще наш союз походит на «департамент» литературы, и масса писательская так слабо втянута в его работу.

В этом виноваты, конечно, прежде всего сами писатели, но я думаю, что руководство союза обязано помочь нам «осознать» свою вину, расшевелиться, ближе стать друг к другу, лучше и острее почувствовать нашу коллективную ответственность перед страной, горячее и энергичнее, искреннее и откровеннее сказать о наших ошибках, о нашей неповоротливости, уединенности, иногда излишней гордости, иногда малодушии.

Мы должны стать настоящими, активными деятелями советской демократии и, прежде всего, в нашем собственном, таком большом, исключительно важном деле.

В практике такой демократии страшно нужно и важно, чтобы партийные организации союза ближе стали к беспартийным массам писателей, чтобы марксистско-ленинская философия, так необходимая в нашей работе, через партийные ряды наших товарищей сделалась пред-

Мётом особенного нашего внимания, нашей работы над собой.

При этом я убежден, что в среде писателей — нечленов партии найдется очень много активных и энергичных людей, способных принять полезное участие в руководящих органах нашего союза, и их участие еще больше сблизило бы наши ряды, обеспечило бы развитие у нас настоящей демократии.

Больше коллективности

Товарищи, я в московской организации человек новый и деталей московской писательской жизни не знаю. Вообще в писательской среде я новый человек и пришел к вам, если так можно выразиться, из «потустороннего» мира — из мира беспризорных.

(С м е с т а. — Откуда?)

Кто читал мою книгу — тому это ясно. Моя фамилия Мака́ренко. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Так вот, товарищи, ваш писательский коллектив мною принимается как явление для меня совершенно новое. И, простите меня, по тем впечатлениям, которые есть у меня за эти четыре дня, по сравнению с коллективом беспризорных — у вас есть очень много минусов. (*Смех, аплодисменты.*)

Для меня это представляет большой интерес, так как я хочу остаток своей жизни посвятить писательской работе.

Что меня поражает? По привычке читательской, по привычке учительской, а учителя всегда были большими поклонниками литературы и всегда были немного влюблены в писателей, — когда я получил такое высокое звание писателя и членский билет, я не смог с себя стряхнуть мое читательское и учительское благоговение перед писателями и не мог поверить, что я писатель. Я и теперь себя чувствую больше читателем, чем писателем.

Я, естественно, стремился к этой организации, мне так хотелось побывать, посмотреть, повидать, послушать этих великих людей, действительных корифеев, я это слово произношу без кавычек.

Позволю себе говорить не об отдельных недостатках, а о чем-то таком, что для меня является главным.

Это главное звучит в ваших словах на каждом шагу.

Смотрите, сколько раз здесь употреблено слово «помощь». Все требуют помощи. Как-то странно подумать даже — союз советских писателей величайшей социалистической страны, можно сказать — первая не только в мире, но в мировой истории писательская организация — говорит почему-то о помощи.

Все хотят, чтобы союз помогал отдельным членам. Разве это социалистическая постановка вопроса? Надо говорить не о помощи писателям, а об организации работы писателя. Наша работа должна быть успешной не потому, что союз писателей помогает, а потому, что союз прекрасно организован.

А наш коллектив? Едва ли даже он может быть назван коллективом. Нет, пожалуй, сейчас в Советском Союзе таких принципиальных единоличников, как мы. Мы прежде всего единоличники. Эта наша единоличность уже начинает перерастать в одиночество. Но есть перерастание и другое, более опасное. Как во всякой сфере единоличного хозяйства, так и у нас, возникают такие явления, которых нужно страшно бояться. На единоличном хозяйстве росли кулацкие настроения.

Вчера в выступлении тов. Прута я почувствовал вот этот самый, простите меня, кулацкий запах. Мне показалось, что у нас не драматургическая секция, а драматургический хутор. *(Смех, аплодисменты.)*

Вчера здесь были возгласы отдельных товарищей о каких-то миллионах, о каких-то сотнях тысяч. Вообще, надо сказать, запах очень нехороший. Единоличное хозяйство наше не потому опасно, что отражается на нашем производстве, а потому опасно, что отражается прежде всего на нас самих, на нашей нравственной личности. Разве нравственно-политическая личность в Советском Союзе может вырасти в одиночной работе? Это даже не кустарная работа. Вчера кто-то говорил, что можно работать и в советской комнате. Товарищи, не всякая комната на территории Советского Союза обязательно советская. Кто знает, какая получится комната, если человек живет только своей особой, только своей славой, только своим личным устремлением. Тов. Мсти-

славский предупредил меня и сказал о коллективе. Я ему очень благодарен. Я боялся остаться у вас в одиночестве, — так мало говорят у вас о коллективе.

Нравственное и политическое одичание может наступить незаметно. Уже сейчас о нашем коллективе можно писать сатирические романы. Мы можем даже не заметить, а все общество будет иметь от нас неприятное впечатление, такое неприятное впечатление, что нам будет стыдно.

Согласитесь, что инженер человеческих душ — это большая нагрузка, это — задача воспитания. Что значит быть инженером душ? Это значит — воспитывать людей. Наша общая государственная социалистическая задача: воспитывать коллективиста, воспитывать человека новой эпохи. Как мы можем это сделать, если мы сами не коллективисты, если мы сами одиночки? Если мы не сумеем вовремя заметить эту печальную и, может быть, роковую для нас неприятность, то тогда заметит народ, заметит партия и обратит на это самое серьезное внимание.

В тех наших надеждах, которые здесь высказываются, я не чувствую гарантии, что мы от этого скоро избавимся. У нас идиллические разговоры. Сегодня кто-то рисовал тов. Ставского в таких красках, которые нельзя назвать иначе, как идиллическими. Этот товарищ мечтает, что не только можно будет ходить к тов. Ставскому, но секретарь тов. Ставского сам будет звонить — не нужно ли вам поговорить с тов. Ставским? А разве это не идиллия? Тов. Ставскому надо только приклеить крылышки, сделать длинные ресницы, дать розу в руку. Разве можно рассчитывать на это?

Я не знаю, почему здесь ругают тов. Ставского. У меня такое впечатление, что это единственный человек, не убежавший из нашего правления, — может быть, впечатление неправильное.

Я думаю, что нам нужно рассчитывать не на тов. Ставского как на лицо. Нам нужно рассчитывать на какой-то новый принцип нашей организации, и я настаиваю на том, что этот принцип должен быть коллективным принципом, о чем говорил тов. Мстиславский.

Я не позволю себе рекомендовать вам какие-то определенные формы, которые казались бы мне нужными.

Но разрешите мне помечтать в вашем присутствии, потому что очень часто с мечты начинается организация.

Я мечтаю сегодня, мечтал вчера, позавчера (*смех*) вот о чем.

Я бы хотел быть членом какой-то постоянной писательской бригады, не группки и не группочки и не артели, а специальной зарегистрированной у вас писательской бригады, бригады имени Горького. Я мечтаю о том, чтобы в этой бригаде было 10—15—20 человек. Кто? Прежде всего те, кто захотел бы подчинить свой интерес, свою славу, свою известность бригаде. Пускай бригада имеет славу, я свою славу уступаю.

Я бы хотел, чтобы все мои произведения и произведения моих товарищей по бригаде так бы и печатались — бригада имени Горького и потом маленькими буквами — Макаренко. Пусть бригада выступает перед союзом, пусть она отвечает за работу каждого члена.

На что я надеюсь? Я надеюсь, что в работе такой бригады, не случайной группки или группочки, не при случайном сочетании людей, а в настоящей писательской бригаде мы сможем не только помогать друг другу в порядке какой-то благотворительной помощи, а мы сможем работать организованно: просматривать темы, просматривать наши возможности, мы сможем помогать друг другу своевременной и правильной критикой. Мы сможем помогать друг другу и в том, в чем теперь особенно затрудняемся, это — пойти поговорить в союз писателей. Мы сможем иметь какое-то общественное лицо, мы сможем иметь и более совершенное качество, чем имеем сейчас, работая в одиночку, а самое главное — мы избавимся, наконец, от нашей одинокой гордости и от нашей одинокой тоски (*аплодисменты*), потому что то чванство, та спесь, о которых здесь говорилось, это особая форма одиночества.

Это не спесь коллективиста, это спесь человека, который в своей уединенной комнате не знает, что ему о себе думать.

Второе, что я считаю необходимым, это не хвастать творческим характером нашей работы. Теперь не только мы творим, теперь каждый стахановец — творец, каждая стахановская бригада — творческая бригада.

А раз так, нам нужно скромно и законно посмотреть на наше производство, прямо нужно говорить, — наше литературное производство. Наше руководство должно организовать это производство. Уже в ваших речах я слышал эти производственные нотки. Ведь что такое вопрос о том, кто бракует произведение — редактор или союз писателей? Ведь это вопрос о техническом контроле и не больше. Так и нужно нам ставить вопрос. Нам нужен хороший производственно-технический контроль, — брак — долой, условный брак — переделывать, хорошую продукцию — печатать.

У нас нет учета. Мы рассчитываем на то, что все наши нужды, все наши достоинства и недостатки отражаются в душе тов. Ставского. Но может ли все отразиться в одной душе? Конечно, нет. Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный учет нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учет. На таком учете должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учет, такой совершенный учет по последнему слову техники должен быть в президиуме правления, чтобы тов. Ставский, тов. Фадеев или кто-нибудь другой мог в любой момент иметь точную фотографию на данный момент каждого писателя, не только его произведений, но и всей его личности.

Третье, что я считаю необходимым: нам нужен центр. Очень возможно, что полезно иметь самостоятельное московское отделение, но это будет полезно только в том случае, если у нас будут не фанерные коридоры, а настоящий центр писательской общественности. К сожалению, Дом советских писателей не является у нас таким центром. Туда ходят больше дети, чем писатели, и там больше служебных кабинетов, чем таких мест, в которых имелось бы основание сойтись и поговорить. Организовать этот центр, организовать его так, чтобы писательские личности и писательские бригады, которые, надеюсь, у нас будут созданы если не в формальном порядке, то в самотечном порядке, могли там находить ту атмосферу, в которой можно работать. Без такого настоящего материального центра, организованного так, как я сказал, у нас никакого особенного коллективизма быть не может. *(Аплодисменты.)*

Товарищеская лаборатория

О Доме советского писателя

Никто в нашем союзе не представляет себе улучшения писательской работы без участия Дома советского писателя. Об этом достаточно убедительно говорили на общемосковском собрании писателей, об этом сказано и в передовой «Литературной газеты» от 20 апреля.

В настоящее время наш ДСП, по крайней мере в Москве, организован по типу рабочих клубов, представляя собой центр так называемой культурно-массовой работы и развлечений.

Сами писатели культурно-массовой работой в клубе не интересуются ни в качестве субъектов, ни в качестве объектов, уступая эту честь членам своих семейств и знакомым. Довольны ли последние зрелищами и концертами, происходящими в клубе, — вопрос мало исследованный. Можно, впрочем, предположить, что и они недовольны, ибо ДСП не обладает ни сценой, ни хорошим залом. Таким образом, и качество культурно-массовой работы в ДСП можно поставить под знак сомнения.

Вопрос о культурном обслуживании членов семьи писателей — вопрос особый. Несмотря на всю его важность, решение его целиком можно передать Литературному фонду, — пусть там над ним задумаются.

Если же говорить о ДСП с точки зрения интересов чисто писательской организации, то прежде всего необходимо решительно заявить, что никакой параллели между клубом писателей и обычным рабочим клубом быть не может. Каждый рабочий клуб рассчитан именно на свободное время работника, на его внепроизводственное бытие. Наш клуб должен быть прежде всего нашим производственным центром.

Я уверен, что большинство писателей именно в таком «производственном» разрезе мечтает о новой работе ДСП, но в то же время как раз со стороны этого большинства слышатся и скептические голоса. Говорят, что индивидуальный характер писательской работы нельзя ни игнорировать, ни, тем более, ликвидировать.

В буржуазном обществе великие таланты не выдвигаются единодушным усилием общества, а пробиваются

сквозь толщу классовых перегородок, сквозь будничную беспросветность эксплуатации, сквозь клоаку конкуренции и рекламы, сквозь непроходимые болота мещанской косности и всеобщей, хотя бы и прилизанной, деморализации.

Совершенно неудивительно, что их появление, их звучание кажется историческим феноменом, счастливой случайностью, редким драгоценным даром природы.

Традиционная уединенность писателя должна быть решительно разоблачена, с ней мы должны бороться как с самым худшим пережитком старого мира, как с самым грозным признаком творческой нашей немощи.

И действительно, счастливый писатель, до конца сохранивший чистоту и свежесть личности и таланта, до последнего дня богатеющий знанием и культурой, — Алексей Максимович Горький, разве не был великим коллективистом, разве не помогал направо и налево — всем: молодым и начинающим, уставшим, остановившимся и зазнавшимся, — всему писательскому коллективу?

Прозаическая параллель нашей творческой работы с «производством» некоторых даже оскорбляет, — так приятно верить в свою личную исключительность и в исключительность таланта.

Я уверен, что через самый небольшой ряд лет усилиями нашей советской науки, нашей действительности, наших педагогических исканий будет доказано, что талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благотворным влияниям общества, работы, культуры и знания. В этой цепочке оснований, в каждом ее звене всегда присутствует свободный человеческий коллектив, всегда чувствуется дружеский локоть, великое творческое движение масс.

Для вопросов тематики нам уже нужна лаборатория, нужна скрупулезная разработка, аналитика тем, диалектика писательского подхода к жизни, нужна — это самое главное — основательно, широко усвоенная марксистская философия.

Еще больше нам нужно лабораторных проработок в вопросах писательской техники. Если говорить по существу, техника наша находится на очень низком уровне. Даже у самых маститых наших товарищей на каждом

шагу можно натолкнуться на совершенно дикие недоработанности, пробелы, грубые мазки, манерность, неиспользование материала.

Вопрос о технике — это не простой вопрос о форме. Самое содержание нашей жизни сделалось таким многообразным, таким сложным, что приемы старой техники, которые годились для семейного романа или психологической драмы, нас удовлетворить уже не могут.

Мы иногда устраиваем так называемые диспуты, на которых дело организуется по очень смешной схеме. Ставится на «кон» автор, а мы все — кто как умеет, но обязательно по очереди, в порядке записи, — каждый по своему, к нему приближаемся и «реагируем» либо при помощи кадила, либо при помощи дубины.

Автор с такого диспута уходит с единственным результатом — с растрепанными нервами, а все остальные ничего иного с собой не уносят, кроме тех же кадил и дубин.

Никакого технического прогресса от таких диспутов произойти не может. И в данном случае решающей является наша привычка все решать в общем и целом, наша непривычка к лабораторному анализу, который только и может привести к новым техническим и творческим находкам. И поэтому мы все малограмотны во многих вопросах той работы, которая составляет нашу специальность. Мы мало знаем и мало говорим о композиции произведения, о первом и втором плане, о различном освещении деталей, о натюрморте, о диалоге, об отношении содержания и формы, о стиле, о значении пейзажа, портрета и так далее и так далее.

По вопросам техники нам тоже настоятельно нужна хорошо организованная товарищеская лаборатория.

Такой большой, серьезно поставленной, активно работающей лабораторией и должен сделаться наш писательский клуб.

План этой лабораторной организации не может быть выработан в малой статье.

Этот план сам по себе составляет большую и важную задачу, он сам требует коллективной мысли и творчества. Но я уверен в следующем:

Первое. Реализация этого плана не должна рассчитывать на один энтузиазм писательского актива. Как во

всякой серьезной работе, здесь должны присутствовать и «презренные» материальные ценности. Работа такой лаборатории не может быть сделана по-дешевке, не может быть рассчитана только на добрые души и намерения.

Второе. В настоящее время трудно себе представить, в какие формы и с какой шириной захвата выльется наш клуб. Но — «лиха беда начало». Если мы найдем принципиальные установки для товарищеской коллективной работы по всем вопросам нашего дела, если эти установки будут правильны, они с первых дней будут являться и толчками для дальнейших находок и дальнейшего усовершенствования.

Сила советского гуманизма

Величественные пространства СССР окружены мраком фашистской злобы и первыми вспышками войны.

Новое истребление человечества среди бела дня открыто готовится вокруг нас.

Невиданное в истории мира совершилось: после многих десятилетий классовой борьбы... вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного поколения людей, гением их руководителей Ленина и Сталина.

С каждым новым днем он все выше и выше вздымает к небу дворцы нового человеческого счастья, он поражает мир величавым спокойствием нового человеческого достоинства, новой культуры, нового искусства.

Советская литература — художественное отражение мысли этого нового человечества.

Жизнь Советского Союза, каждое его деяние есть дело всего человечества, это дело в самых своих корнях насыщено глубочайшей уверенностью в своей правоте, это дело освобождения, дело гуманизма.

И одна из величайших и прекрасных особенностей советской литературы — постоянное неиссякаемое звучание гуманизма, пленительная красота лучших человеческих стремлений, о которых на протяжении всей истории мечтали самые совершенные люди.

В 1916 г., в самое мрачное время мировой войны, Маяковский сказал:

И он
свободный,
ору о ком я,
человек —
придет он,
верьте мне,
верьте!

И он пришел — человек!

Гуманизм нашей литературы, развернувшийся перед всем миром в эпоху последних катастрофических схваток, когда-нибудь будет признан одним из самых поразительных явлений революции. В чем сила, в чем уверенность нашей великой гуманистической проповеди?

Мы окружены буйным безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чащах дымящих труб Рура, на нищих полях Италии, в тесноте японских ограбленных городов последние капиталисты истории жаждут войны. Они протягивают жадные руки во все стороны к железу, к углю, к машинам, к нефти, к хлебу.

В смертельном отчаянии конца каждый фашистский лагерь бредит о завоевании мира. И Гитлер, и Муссолини, и японские генералишки — порождение этого общего бреда.

Против этой мировой шайки сумасшедших мы подняли и высоко держим наши гуманистические знамена.

В этом лишний раз сказывается наше историческое здоровье — здоровье побеждающего молодого социализма.

Присмотримся только к одной нашей литературной теме, к той теме, в которой особенно разительно нарисована пропасть между нами и ими.

В советской литературе на страницах очень многих романов, повестей и рассказов проходит тема строительства и индустриализации. Заводские цехи — вот те самые громады, те самые машины, краны, экскаваторы, которые на Западе встают в воображении писателя, как символы подавления и истощения человечества, как представители жадного, бесчувственного и беспринципного Молоха, — у нас возносятся, как храмы, оваянные радостной симпатией нового человека. Там от них рождается захватниче-

ская жадность, располагающаяся вширь энергия эксплуататоров, у нас от них родится только энергия побед над природой, возносящаяся вверх энергия общечеловеческого богатства. Там между машинами бродит закованный в нормы квалифицированный раб, у нас над ними стоит свободный хозяин — человек. И так естественно: там машины и богатство ролят войну, у нас от них исходит мысль о едином счастливом человечестве — социалистический гуманизм.

Гуманизм нашей литературы не заключен в скобки формальных пожеланий, он не литературная поза, он заключен в самых наших темах, в самом тоне писателя, в его социалистическом самочувствии. Социалистический реализм может с полным правом быть назван гуманистическим реализмом, ибо наш реализм построен на оптимистической убежденности, на мажоре всей нашей жизни и на предвидении освобождения человечества.

И поэтому наш гуманизм читается в каждой нашей строчке и дополнительно между всеми строчками. О чем бы ни рассказывала наша литература, о «дне втором» нашего строительства, о будущей войне «на Востоке», об одноэтажной Америке, о жизни замечательных пионеров, о перевоспитании беспризорных, о любви, о ревности, о завоевании Северного полюса и о детстве Пушкина, — с каждой страницы смотрит на читателя лицо свободного человечества, будущее лицо мира. И это лицо и его уверенная радость могущественнее и убедительнее оскаленных зубов фашизма! Знамя гуманизма — это знамя не благодной мечты, это — знамя непобедимой силы.

И поэтому в нашем гуманизме совершенно не присутствует мысль о примирении, — он не пахнет бездеятельным словесным пацифизмом.

И если вспыхнет война, наш гражданин и гражданин мира под знаменем гуманизма спокойно свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории. Она будет той победой, о которой мечтал Гейне:

В драке со скотами буду
Драться я за человека,
За исконное, святое
Человеческое право!

О темах для писателей

В нашей литературной среде меня больше всего удивляет растерянность некоторых писателей; они ждут тем, они сидят без тем, они без тем страдают.

А в то же время тем так много, что я мог бы декламировать их список без передышки в течение нескольких часов. Их так много, что об отдельной теме нельзя даже и говорить. Можно говорить только о целых узлах тем, о тематических кустах и группах.

Лично мне самой значительной и требующей срочной разработки представляется та группа тем, которая касается самочувствия гражданина нашего социалистического отечества. В особенности сейчас, когда не забыто еще дореволюционное время, эти темы должны быть разработаны, мы должны использовать метод сравнения. Ведь следующее поколение будет иметь такую возможность в более ограниченных размерах.

Это самочувствие нового гражданина, вот это ощущение новой эпохи, нового общества, новой свободы, нового человечества, новых психологических ходов и представлений, — в конечном счете есть тот советский патриотизм, который делает наш Союз таким уверенно сильным и уверенно счастливым.

Но это самочувствие в то же время не так просто и примитивно, чтобы о нем можно было говорить поверхностно, в форме простой констатации его существования. Эта группа тем требует глубокой и очень тонкой разработки, которая должна проникнуть до самых интимных и таинственных глубин человеческой психики. Это важно еще и потому, что в новом человеке мы не встретим ничего стандартного, остановившегося, мы должны изображать его «на походе», — в процессе самого бурного, невиданного в мире развития.

Художественная разработка этого тематического узла должна отразить в литературе тот мировой сдвиг в сущности человеческой жизни, который выражен в Сталинской Конституции.

Беседа с начинающими писателями

Товарищи! Я себя причисляю к начинающим писателям, и поэтому вам будет особенно полезно обменяться со мной опытом. Называя себя начинающим, я говорю совершенно искренно. Успех «Педагогической поэмы» дела не меняет. В этой книге заключен богатый жизненный материал; очень часто этот материал и делает погоду, а вовсе не мое писательское мастерство. С другой стороны, я и скромничать не хочу: я очень много над собой работал и, собственно говоря, всю жизнь готовился к писательской работе.

Давно, в 1915 году, написал я свой первый рассказ, который назывался «Глупый день». Мне тогда было 27 лет, но я имел очень слабое понятие о писательском мастерстве и вообще о законах художественного творчества. Я взял интересный случай из жизни и просто о нем рассказал. Отправил рассказ к А. М. Горькому, который тогда издавал «Летопись». Через две недели получил от Алексея Максимовича письмо, которое помню дословно:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо: не написан фон, диалог не интересен, драматизм переживаний главного героя не выяснен. Попробуйте написать что-либо другое».

Из этого письма я очень хорошо понял, что я писать не умею и что нужно учиться. Очень может быть, что в глубине души остался неприятный след, но учился я основательно и долго. Тринадцать лет я не повторял писательских попыток, даже старался не думать о них, но все-таки завел себе записную книжку, в которую заносил все, что казалось мне достойным. В первое время в этой записной книжке преобладали афоризмы и сентенции, а потом я привык записывать детали жизни, пейзажи, сравнения, диалоги, портреты, темы, словечки. К концу 1927 года у меня собрался богатейший материал, но я все не решался приступить к книге, все мне казалось, что я не готов быть писателем. Очень часто вспоминал письмо Алексея Максимовича. Фона я не боялся, но интересный диалог и теперь казался мне недоступным. Интересно вот что: я работал в трудовой колонии имени Горького, мимо меня проходила сложная

и напряженная жизнь нескольких сот молодых людей, но я считал, что эта жизнь настолько обыкновенна и проста, что она не может быть предметом художественного изображения. В моих записных книжках ничего не было записано именно об этой жизни, которую я лучше всего знал. Мне все казалось, что если я когда-нибудь напишу роман, то он будет на самую важную тему — о человеке, о любви, о великих революционных событиях. А беспризорщина — это обыкновенная жизнь, о которой и писать нечего, которую все знают.

В 1928 году у меня в колонии три дня гостил Алексей Максимович. Ему очень понравилась и сама колония, и тот стройный комплект педагогических приемов, который в ней выработался. Я очень много беседовал с Алексеем Максимовичем о колонии и о своих педагогических находках, о принципах воспитания. Темы нашей беседы совершенно не касались вопросов художественного творчества. Мои старые мечты быть писателем я старался не шевелить, я не напомнил Алексею Максимовичу о посланном ему в 1915 году рассказе «Глупый день», а он, конечно, забыл о нем.

Беседуя с Алексеем Максимовичем, я чувствовал себя только педагогом, чувствовал тем более остро, что в эти дни меня занимали довольно трагические переживания, связанные с моей педагогической борьбой, с настойчивыми атаками наркомпросовских бюрократов на мою колонию.

И Алексей Максимович моей колонией интересовался исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины. Алексей Максимович сказал:

— Вы должны писать обо всем этом. Нельзя молчать. Нельзя скрывать то, к чему вы пришли в вашей трудной работе. Пишите книгу.

Я этот завет Алексея Максимовича принял как директиву и немедленно, как только он уехал, начал писать: Первую часть «Педагогической поэмы» я написал очень быстро, в два месяца, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы в колонии, несмотря на то, что мои враги выгнали-таки меня из колонии. Работая над первой

частью поэмы, я все же был уверен, что пишу педагогический памфлет, что никакого отношения эта работа к художественному творчеству не имеет. Тем не менее я придал ей беллетристическую форму, руководствуясь при этом исключительно таким соображением: для чего мне доказывать правильность моих педагогических принципов, если жизнь лучше всего их доказывает, буду просто описывать жизнь. В то время еще очень сильна была педология, выступавшая под знаменем «марксистской» науки. Я боялся педологии и ненавидел ее. Но прямо напасть на все ее положения было все-таки страшно. Мне казалось, что в беллетристической форме удобнее будет если не развенчать, то хотя бы начать атаку на неё.

Когда первая часть была написана, я продолжал паходиться в уверенности, что это не художественное произведение, а книга по педагогике, только написанная в форме воспоминаний. Книга мне не понравилась. По-прежнему я был убежден, что жизнь колонии беспризорных никого особенно занимать не может, что о беспризорных уже много написано, и написано неплохо. Поэтому я не послал книгу Алексею Максимовичу, а подержал ее несколько месяцев в ящике стола, потом еще раз прочитал, печально улыбнулся и отправил на чердак, где у меня лежали разные ненужные вещи, чтобы они не загромождали мою тесную комнату.

Через четыре года, когда я не только забыл об этой книге, но забывать начал и о своей мечте сделаться писателем, когда цвела и славилась на весь мир во всех отношениях замечательная коммуна имени Дзержинского, где я работал, и когда меня в наибольшей степени увлекали проблемы производства «ФЭДов», — один из моих приятелей, начальник финансовой части коммуны, в какой-то служебной папке нашел несколько страниц «Педагогической поэмы», прочитал их и заинтересовался. Он настойчиво потребовал от меня, чтобы я дал ему почитать книгу, которая в то время не имела даже названия. Я не особенно сопротивлялся, в самом деле, — пусть читает! Я был очень удивлен его читательскими восторгами, но они не вскружили мне головы. Я думал: провинциальный читатель, да еще бухгалтер, что он там понимает в литературе. Неожиданно я получил письмо,

а потом и телеграмму от Алексея Максимовича с требованием немедленно представить книгу. Делать было нечего, я собрался в Москву и повез с собой названную уже «Педагогическую поэму».

Алексей Максимович прочитал книгу в течение одного дня и немедленно отдал ее в печать.

Я очень благодарен своему терпению и своей неторопливости. Моя книга вышла в 1933 году, когда мне было уже сорок пять лет. За сорок пять лет я накопил богатый опыт жизни и борьбы, я сделался специалистом в области воспитания, я создал две колонии и выпустил из них более тысячи человек, которые сейчас работают как настоящие честные граждане страны трудящихся. И самое интересное, я научился писать о жизни. Тот самый диалог, который в первом моем рассказе был просто неинтересен и которого я всю свою жизнь больше всего боялся, благодаря моей упорной работе над собой составляет в настоящее время наиболее доступную для меня форму письма.

Незаметно для себя, в течение всех тринадцати лет моего писательского молчания, я работал над диалогом. В этом деле огромную роль сыграли мои записные книжки.

Я и сейчас веду их очень аккуратно и считаю, что это очень важная часть писательской работы. К сегодняшнему дню в записных книжках у меня собралось около 4000 заметок. Каждому писателю и в особенности начинающему я очень рекомендую записную книжку.

На записной книжке я остановлюсь подробнее. При этом я не думаю, что нашел какой-нибудь секрет. Наверное, все писатели ведут такие книжки, и каждый делает это по-разному. Мой опыт — только незначительная часть общего опыта.

Записная книжка писателя не должна быть дневником. Собственно говоря, в ней не нужно записывать ничего такого, что составляет основание жизни, ее главный ход. Записывать нужно только то, что способно держаться в памяти очень короткий миг, а потом может исчезнуть. Что я записываю? Чье-нибудь интересное слово, чей-нибудь рассказ, детали пейзажа, детали портрета, характеристики, маленькие спешные мысли, соображения, кусочки темы, сюжетные ходы, обстановку жили-

ща, фамилии, споры, диалоги, прочие разнообразные мелочи.

Записная книжка важна даже не в качестве поправки к памяти. В сущности, когда пишешь роман, в записную книжку почти не заглядываешь. Книжка эта важна как арена, на которой обостряется внимание к мелочам жизни, воспитывается умение видеть и замечать, способность не зевать, не проходить мимо мелких, но выразительных и всегда важных деталей. Поэтому такая книжка приносит пользу только в том случае, если она ведется регулярно, если вы ни по лени, ни по занятости, ни по забывчивости не пропускаете ни одного дня в работе над записной книжкой.

Разумеется, неудобно и часто невозможно пользоваться такой записной книжкой в присутствии многих людей, пожалуй, и некрасиво и неделикатно при всяком случае ее вынимать и записывать. Поэтому свою записную книжку я держу дома и при посторонних никогда в ней ничего не записываю. Но при мне всегда есть миниатюрный блокнот, в котором я очень коротко, одним словом, отмечаю то, что потом более подробно вношу в записную книжку.

Работа с такой книжкой интересна еще вот в каком отношении. В процессе самой записи рождаются дополнительные, созданные воображением ходы, образы, усложнения. Это та черновая работа, которая не связана еще ни договором, ни строгим планом романа, ни боязнью критики. Это совершенно интимная лаборатория, в которой ваше воображение имеет полный простор и в которой вы можете упражнять свои силы, как в гимнастическом зале.

Такую книжку вести довольно трудно. Очень часто устаешь, хочется отложить на завтра. В первое время нет навыка работать с книжкой продуктивно. Нужно заставлять себя производить эту работу. Потом она становится совершенно необходимой потребностью, образуется привычка к такой работе, умение выбирать самое интересное и нужное.

Записная книжка вплотную подводит нас к вопросу об отношении материала и литературного изображения. Приходится встречать молодых людей, которые во что бы то ни стало хотят изображать революцию 1905 года,

или гражданскую войну, или старый режим. Недавно я прочитал роман одного начинающего писателя. Он изображает поповскую семью. Мальчик, сын попа, спит на диване. Почему-то автору, вероятно, для создания определенного колорита, захотелось укрыть мальчика не одеялом, а ризой. И автор серьезно, даже красочно, описывает, как перекопился накладной крест на ризе, повторяя изгибы тела мальчика. Тот же автор пишет: «гнусавое пение дьячков перемежалось дробным чтением евангелия» — это во время обедни. Этого автора можно упрекнуть только в том, что он выбрал материал, совершенно ему неведомый. Только поэтому он свободно представляет себе, что в поповском доме мальчишки укрываются ризами, что церковная служба состояла в чтении евангелия. Если бы автор наблюдал поповскую жизнь, он хорошо знал бы, что ризы никогда не находились в поповской квартире и что евангелие читается во время обедни только один раз, и при этом никогда не читается «дробно», а всегда торжественно, протяжно, с особыми, специально для этого дела придуманными завываниями.

Записная книжка помогает организовать знания жизни, но она никогда не заменит их. Не может быть писателем тот человек, который не знает хорошо никакой реальной жизненной среды, который не знает никакой работы, никакого быта. В особенности в нашей советской литературе это очень важно. Тургенев мог описывать охоту, чувства людей, привыкших к безделию, их разговоры, мечты, судьбы. В нашей стране нет таких людей. Каждый гражданин Советской страны обязательно что-нибудь делает, непременно участвует в производительности труда. И его характер, и его личность не могут быть описаны, если отбросить те черты характера, которые возникают и развиваются в процессе работы, в процессе трудового общения с другими людьми.

Кажется, у нас все хорошо понимают этот закон, но иногда делают из него неправильные выводы. Полагают, что можно просто со стороны присмотреться к трудовой жизни и увидеть все ее детали. Находятся люди, которые прямо утверждают, обращаясь к писателям:

— Не сидите на месте, путешествуйте, наблюдайте, смотрите.

Многие так и делают. Путешествуют, наблюдают,

смотрят и при этом глубоко убеждены, что они изучают жизнь, собирают материалы для литературного произведения. Мне хочется всегда возразить на подобные призывы, хочется сказать:

— Наоборот: не передвигайтесь, не путешествуйте, сидите именно на месте.

Представьте себе, что вы решили описать коллектив завода. Вы жили рядом с заводом месяц или два месяца, вы беседуете с рабочими или с инженерами, вы запоминаете или записываете их портреты, события на заводе, рассказы, ситуации. Вам кажется, что вы узнали все, что вам нужно, — вы собрали материал.

Я утверждаю, что ничего вы не собрали и что никакого материала в вашем распоряжении нет. Только тогда, когда вы сами участвуете в работе завода, когда вы переживаете все его удачи и неудачи, когда вы отвечаете за них перед советским обществом, только тогда вы по-настоящему узнаете то, что вам нужно, узнаете не в качестве холодного, хотя и пристального наблюдателя, а в качестве участника. Вы можете сколько угодно беседовать с рабочим, но пока вы не поспорите с ним, пока вы не порадуетесь вместе, не помиритесь на чем-нибудь, — до тех пор вы не узнаете ни его характера, ни характера тех идей, которые им руководят. В то же время только в качестве участника вы можете приобрести тот эмоциональный накал, который совершенно необходим для художественного произведения.

Мои слова вовсе не обозначают, что необходимо писателю обязательно работать в каком-нибудь предприятии или учреждении. Может наступить момент, когда воспитанный в работе жизненный опыт позволит писателю более или менее свободно разбираться в человеческом коллективе соседнего ряда, но накопить такой человеческий опыт все же необходимо. Я лично убежден, что советский писатель должен пройти какой-то рабочий жизненный стаж перед тем, как начать писать. Прелесть «Танкера «Дербента» Юрия Крымова заключается в глубоким знанием не только людей на каспийском пароходстве, но и вещей, техники этого пароходства. Не зная техники, нельзя представить себе силу того сопротивления, которое испытывает каждый трудящийся со стороны природы, со стороны вещей и предметов, со стороны

технических условий труда, в таком случае нельзя представить и психику этого человека.

Кто хочет быть хорошим советским писателем, тот должен начинать с вопроса о своем отношении к жизни. Он должен активно участвовать в этой жизни, активно ее изучать.

Только правильно разрешив вопрос о материале, можно приступить к разговорам и о писательской технике.

К сожалению, у нас нет свода этой техники. В особенности плохо обстоит дело с прозой. Каждый писатель только по мере прохождения своего авторского пути постепенно разбирается в таинствах этой техники. Даже терминологии, в той или иной мере определяющей эту технику прозы, у нас нет.

В своей работе я до сих пор часто испытываю технические затруднения, и мне приходится их заново преодолевать.

Наиболее трудными отделами этой техники я считаю следующие:

Композиция.

Диалог.

Портрет.

Тон.

В настоящей беседе я не имею в виду изложить свои технические выводы или мысли. Я только касаюсь для примера некоторых вопросов, чтобы показать, какие затруднения встречает писатель в своей работе и как с этими затруднениями нужно бороться.

В композиции меня больше всего затрудняет вопрос о плотности рассказа. Под плотностью я понимаю количество содержания на единицу текста, например, на страницу или на главу. Всякий читатель знает, что на немногих страницах описываются иногда события чрезвычайно подробно, с перечислением самых мелких деталей, самых неуловимых движений, не только внешних, но и внутренних — психических. Этот случай и будет случаем наибольшей плотности. С другой стороны, сплошь и рядом автор описывает на странице целый период, характеризуя его приблизительно такими словами: «В течение двух месяцев Иван Иванович познакомился с товарищами и увидел...» Такие места мне хочется назвать местами наименьшей плотности.

Нет никаких законов, позволяющих притти в этом вопросе к каким-либо выводам. Мы знаем писателей, которые не любят большой плотности и почти все повествование ведут большими, крупными мазками, их произведения от этого не делаются менее ценными. В известной мере к таким писателям относится Эренбург. С другой стороны, мы знаем писателей — мастеров наибольшей плотности, — например, Леонов. Обычно же у каждого писателя свои законы композиции и свое индивидуальное отношение к вопросу о плотности. В каждой книге вы можете встретить различные типы чередования мест большой плотности и малой, иногда это получается удачно, иногда менее удачно. Наибольшим недостатком повести Первенцева «Кочубей» я считаю нелогичное распределение плотности.

Каждый автор должен серьезно учиться этому, должен найти свои законы композиции, достаточно стройно и прямо соответствующие содержанию и общему стилю. Во всяком случае я пришел к таким правилам для себя:

а) нельзя показывать второстепенные лица в прозе большой плотности;

б) нельзя держать читателя более или менее долго на плотности одного и того же напряжения;

в) нельзя разнообразить плотность в пределах одного эпизода;

г) в пределах одной главы желательно наибольшую плотность иметь в конце главы.

Можно еще много и более пространно сказать о плотности, но я думаю, что это не следует делать в такой короткой статье.

Диалог — один из самых трудных отделов прозы. Нужно знать диалог в жизни. Выдумать интересный диалог почти невозможно. У наших молодых писателей слабее всего выходит именно диалог.

Диалог должен быть очень динамичным, он должен показывать не только духовные движения, но и характер человека. Он никогда не должен обращаться в болтовню, в простое зубоскальство, и он никогда не должен заменять авторского текста. Многие у нас так и думают: то, что хочет сказать автор, пускай говорят герои, будет интересней. Это ошибка. То, что должен сказать автор, ни-

кому из героев поручать нельзя. В таком случае герои перестают жить и обращаются в авторский рупор. И наоборот, те слова, которые уместно произносить героям, автор не должен брать на себя и говорить от третьего лица.

Портрет я считаю самым трудным отделом прозы, так как этот отдел меньше всего разработан в русской литературе. В нашей литературе, безусловно, лучше всего разработан пейзаж. Движения же лица, глаз, рук, описание всех движений тела у нас еще не достигли настоящей культуры, и поэтому нам очень трудно хорошо описывать все это.

В области тона автор должен находиться в постоянном напряжении. Очень важно для определенной вещи найти соответствующий тон и держаться в этом тоне до конца произведения или по крайней мере до конца главы. Что такое тон? Это определенное количество таких явлений, как юмор, ирония, сарказм, торжественность, холодность, точность, грусть, печаль, радость, пессимизм, оптимизм. В пределах одной главы, а еще лучше целой вещи, нельзя произвольно менять соотношения этих элементов в языке. Если, например, в определенных печальных обстоятельствах, отраженных в стиле, происходит перелом, совершается радостное событие, лучше на нем и оборвать главу, чтобы следующую начать в другом тоне. Следить за тоном очень трудное дело, но без умения руководить своим тоном не может быть хорошего прозаика.

Я коснулся нескольких отделов техники прозы, чтобы показать, что эта техника требует напряженной работы, требует раздумья, анализа. Все это очень важная работа, которую каждый должен проделать.

В заключение скажу следующее: решающим в писательской работе является все-таки не материал, не техника, а культура собственной личности писателя. Только повышение этой культуры может привести к повышению качества писательской продукции. Чтение книг, и не только художественных, учеба, знание, — знание по возможности разностороннее, чтение научных книг, развитие слуха, глаза, осязания, музыкальное развитие и развитие техническое — все это совершенно необходимо писателю. Не может быть хорошего прозаика, если человек не

знает на память лучших наших поэтов, если он не слышит, как звучит слово, как чередуются в нем звуки.

Во всем этом лучшим образцом для нас всегда был и будет Максим Горький.

Книги, которых я жду

Я люблю большие психологические романы. Чувства, страсти людей меня всегда очень интересовали и в жизни и в литературе. Мне кажется, что писатели слишком мало пишут о переживаниях своих героев, описывая главным образом факты, события, т. е. то, что происходит вокруг людей, а не в людях.

В книге описывается разворот потрясающих событий, с кинематографической быстротой сменяющих друг друга.

...Вступает в строй новый цех завода. Герой влюбляется и тут же женится, совершает героический поступок и получает орден, раскрывает вредительство и спасает завод от аварии, у него рождается ребенок и т. д.

Все это события огромной важности! Каждое из них может потрясти человека. Но в книге вы не ощущаете даже волнения героя.

Очень хочется прочесть книгу, где были бы настоящие переживания, которыми наполнена жизнь каждого из нас.

Очень хочется прочесть роман о современной семье, о нашей советской женщине, которая глядела бы со страниц книги живым лицом обыкновенного хорошего человека, а не штампованным образом «дежурной героини», наделенной всеми добродетелями.

Я люблю городскую тематику. Меня интересует жизнь людей большого города.

Жаль, что Шолохов пишет только о деревне. Именно от этого писателя, который с необычайной глубиной и яркостью анализирует переживания своих героев, можно ждать той книги, о которой я мечтаю.

Но наша действительность хороша именно тем, что она опережает мечтания и с каждым днем выявляет

все новые таланты среди советских людей всех профессий.

И моя литературная мечта, высказанная в этот новогодний день, очевидно, сбудется, осуществленная, быть может, неизвестным еще писателем, который сейчас водит самолет, учится в вузе, работает где-либо в учреждении, или, быть может, на Урале исследует горные залежи.

Предстоит большая работа над собой

Трудно найти точные слова, чтобы в полной мере оценить великое значение нашей эпохи. Мы находимся на переходе к коммунистическому обществу, мы приближаемся к таким целям, о которых человечество еще так недавно могло только мечтать.

Но величина наших побед равна величине наших напряжений. В тезисах доклада товарища Молотова обращается наше серьезное внимание на трудность стоящей перед нами задачи. И, может быть, самая главная трудность расположена на том участке, который в известной мере поручается нашему писательскому отряду, — в деле коммунистического воспитания трудящихся, в деле борьбы с пережитками капитализма. Именно на этом участке предстоит грандиозная работа для «инженеров человеческих душ». Те души, которые должны вырасти, расцвести, действовать и побеждать, которые сверх всего обязаны быть не только прекрасными творческими душами, но и душами красивых, счастливых людей, — это будут души нового человечества, человечества коммунистического.

Я не уверен, что мы, писатели, готовы к выполнению стоящей перед нами задачи. Я убежден, что нам предстоит большая работа над собой и над законами нашего творчества, и мы сознательно обязаны дать себе отчет в размерах и трудностях этой работы.

Во-первых, нам нужно больше знать, невозможно дальше рассчитывать на созидающую тишину наших кабинетов. Как это сделать, я не знаю, но я чувствую, что союз советских писателей должен поставить перед собой вопрос о серьезных познавательных процессах, которые

необходимо предложить товарищам писателям. Может быть, основную массу средств Литфонда нужно направить именно на это дело.

Во-вторых, мы, писатели, должны ближе стать к вопросам коммунистического поведения, должны приблизиться к ним практически, не только наблюдая образцы коммунистического поведения граждан Советской земли, но и предъявляя к себе серьезные требования коммунистической этики. Новый человек должен быть коллективистом в каждом своем поступке, в каждом своем помышлении. Я не представляю себе, что описывать и создавать этого человека в нашем воображении можно, оставаясь самому по-старинке индивидуалистом.

В-третьих, мы должны пересмотреть самые законы художественного творчества. То, что годилось для общества, построенного на эксплуатации, те причудливые орнаменты личной судьбы и личной борьбы, личного счастья и личного страдания, которые составляли тематику старой литературы, — все это требует пересмотра и анализа. Новое общество, новый характер должного, новый характер борьбы и преодоления, новые условия для счастья, новая этика и новые связи между людьми — требуют и новой эстетики. Можно и нужно любить классиков, учиться у них, преклоняться перед ними, но нельзя в наши дни слепо подчиняться их эстетическим канонам, их определению прекрасного.

В-четвертых, нужна совершенно особенная маневренная и талантливая организация нашего производства. Больше нельзя терпеть такого положения, когда судьба художественного произведения, его доброе имя, его значение для миллионных масс читателей находятся в распоряжении одного или двух товарищей в аппарате издательства. Читательская масса — истинный ценитель, потребитель и объект нашей художественной работы — должна иметь не только пассивные, но и активные функции в литературном деле. Издательство должно быть народным учреждением, отражающим требования, запросы, мнения и решения читающего советского народа.

В-пятых, и это особенно важно, необходимо создание сильного и влиятельного литературного контроля — критики. То, что происходит сейчас на этом участке, способно вызывать только удивление. Перед лицом важнейших

задач, стоящих перед нашей литературой, бесталанная, невежественная и зачастую нечестная болтовня некоторых «критиков» кажется просто анекдотом.

Прежде всего поразительно полное отсутствие вкуса в некоторых критических писаниях наших дней. Получается такое впечатление, что первым основанием для критической деятельности является потеря вкуса. Те немногочисленные кадры настоящих, творческих, ответственных, мыслящих критиков, которые у нас имеются, должны поставить перед собой самую серьезную задачу оздоровления и организации этого важнейшего участка.

Полнота советской жизни рождает красочные новеллы

Свой первый рассказ я написал в 1915 году. Тогда я был школьным учителем, и сюжет рассказа не имел никакого отношения к моей работе. Писать меня побудило желание освободиться от профессии учителя, стать писателем. Рассказ, однако, получился слабый, как мне об этом довольно откровенно написал Алексей Максимович Горький, которому я послал рукопись. Правда, Горький в своем письме советовал мне попробовать свои силы еще раз, но другой попытки я не сделал и вернулся к преподаванию.

После первой мировой войны и войны гражданской осталось много детей-сирот, без средств к существованию. Я стал работать в колонии имени Максима Горького под Полтавой. Хотя колония предназначалась для малолетних правонарушителей, в ней воспитывались мальчики и девочки в возрасте от 12 до 18 лет. Все это были характеры по меньшей мере оригинальные. Тут были не только воришки; некоторые из этих молодых людей обвинялись в изнасиловании, проституции, подделке документов, в бродяжничестве — в общем темная невежественная компания, проникнутая духом анархизма в его самых примитивных формах.

В колонии Горького я работал восемь лет, в течение которых мне удалось создать интересное и весьма полез-

ное учреждение. В 1928 году в моей колонии было 400 колонистов; она располагала мастерскими, свинофермой и молочным хозяйством. Наша колония представляла собой свободное объединение людей — здесь никого не заставляли жить насильно. Более того, одним из моих основных педагогических принципов было уничтожение всяких стен и заборов. Наш участок был открыт со всех сторон, и покинуть колонию не составляло никакой трудности.

Это был хорошо дисциплинированный одухотворенный коллектив, связанный тесными узами дружбы. Воспитанники выполняли свои обязанности охотно, так как они были убеждены, что это необходимо не только для их собственного блага, но и для блага всей страны. Они учились в школе до 19- или 20-летнего возраста, после чего уходили из колонии, чтобы работать на каком-нибудь заводе или продолжать свое образование. Мы старались, как только могли, сделать их жизнь в колонии наполненной и прекрасной. Они имели свой театр, свой оркестр, в колонии всегда было изобилие цветов, молодежь была красиво одета. Они стали наиболее передовыми людьми во всей округе и оказывали очень благотворное влияние на окружающее население, которое уважало их за общительность, изобретательность, за веселый нрав и вежливое обращение.

Педагогический принцип

Моим основным правилом в этой работе было: «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требования к нему». Я требовал от моих воспитанников энергии, целеустремленности, общественной активности, уважения к коллективу и интересам коллектива. Вполне понятно, что с такой точки зрения грань между уважением и требовательностью фактически стирается. Самый тот факт, что вы много требуете от человека, показывает, что вы его уважаете, а уважение само по себе заставляет быть требовательным.

Невозможно в короткой статье дать подробное описание метода советского воспитания в общем и моего метода — в частности. Я не ограничивал свой метод какой-нибудь короткой формулой, которая была бы применима

в любом случае. Необходимо было выработать очень детализированную и далеко идущую систему правил и законов и, что особенно важно, установить традиции. Создание традиций в воспитании требует времени, так как традиции приобретаются путем длительного опыта и практики в напряженной и усердной работы.

Иногда случается, что дедуктивная логика подсказывает метод, который в дальнейшем на практике обнаруживает себя мало полезным или даже вредным. Между тем этот метод уже мог вызвать к жизни традицию, которую нельзя уничтожить просто приказом, а она должна быть вытеснена новой традицией, более сильной и более полезной. Такая работа требует большого терпения и глубокой мысли.

Наша колония почти с самого начала своего существования состояла в переписке с Максимом Горьким. Его заботили наши трудности, он радовался нашим успехам. В 1928 году Алексей Максимович провел с нами три дня. Мы с ним подробно обсудили логику нашей новой педагогической работы.

Алексей Максимович предложил мне написать книгу о колонии и о новых людях, которых она воспитала. Во время разговора об этой книге ни он, ни я не упомянули о рассказе, который я написал в 1915 году. Ни одному из нас и в голову не пришло, что мне надо отказаться от педагогической работы и стать писателем. Нас прежде всего интересовали новые люди, новые методы воспитания и новые принципы отношения людей в нашем обществе.

Я начал книгу в 1928 году. Она была быстро написана, и первая ее часть сразу же опубликована. Советский читатель встретил книгу с большим интересом, и я получил много писем от читателей, которые благодарили меня за книгу. Отзывы критики на книгу были положительные. Нечего и говорить, что гонорар за книгу значительно превышал получаемое мною в колонии жалованье (литературный труд оплачивается выше педагогического). Однако я не отказывался от моей педагогической работы. Если я впоследствии, через девять лет, оставил преподавательскую деятельность, то был вынужден к этому лишь плохим состоянием здоровья. Впоследствии я написал дру-

гую книгу под названием «Книга для родителей», посвященную вопросам воспитания в советской семье.

Ни «Педагогическая поэма», ни «Книга для родителей» не написаны в форме сухих учебников. Я полагал, что художественная форма будет более привлекательной для читателя и окажет более сильное и более длительное влияние.

Выбирая повествовательную форму, я, возможно, следовал своим склонностям. Хотя моя первая попытка была неудачной, вероятно, мои литературные способности оставались скрытыми до тех пор, пока я не попробовал описать собственную работу и столь близкий мне мир.

Есть и другие советские писатели, которые вошли в литературу таким же образом — через большой жизненный опыт, накопленный в результате работы по своей специальности. Ближайшим, последним по времени примером является горный инженер Юрий Крымов, написавший «Танкер «Дербент». В этой повести автор описывает работу небольшой группы людей на нефтеналивном судне в Каспийском море. Может показаться, что нет ничего интересного, любопытного, а тем более исключительного в жизни команды танкера, обреченного на монотонность плавания между двумя портами в таком скучном море, как Каспийское.

Н и к а к и х « х у д о ж е с т в е н н ы х п р и к р а с »

Если бы в нашей старой литературе автор захотел осветить такую тему, то он должен был бы сочинить сюжет или какую-нибудь интригующую ситуацию, известную как «художественный домysel». Ничего подобного нет в книге Крымова. Изображение жизни танкера он не пытался украсить приключениями, «сильными» характеристиками, драматическими положениями. Тем не менее книга поистине захватывающая.

Это не только потому, что Крымов — одаренный писатель, но и потому, что он знает своих героев, работал с ними и прошел весь тот путь, который он описывает в своей книге. И наконец, есть еще одна причина успеха таких книг, как «Танкер «Дербент», «Педагогическая

поэма» и других книг такого же рода. Она состоит в том, что советский читатель способен оценить и понять такие книги. Нет человека в нашей стране, кто бы не работал, для кого труд был бы лишь источником существования, не являлся бы прежде всего основой его политического и нравственного сознания.

Работая коллективно, советский человек служит своей Родине и социализму. От советского рабочего и работницы общество ждет не только простого выполнения своих прямых обязанностей. Оно ждет полного обнаружения его личности и творческих способностей. Вот почему в советском обществе личность проявляется так полно и глубоко, что дает богатый материал для художественного изображения.

Советская жизнь вдохновляет

Нашим писателям не приходится возбуждать интерес читателя при помощи искусственных интриг или экзотики. Сама наша повседневная жизнь и работа заключают в себе так много волнующих событий и, главное, дают так много свободы для выявления личности, что художественное отражение даже обыденного опыта самого малого коллектива советских людей доставляет читателю величайшую моральную и интеллектуальную радость. Но для этого писатель должен обладать настоящим и исчерпывающим знанием жизни, которую он описывает. Тут нельзя ограничиться наблюдением или поверхностным знанием предмета. Необходимо самому испытать все радости и трудности работы, необходимо самому быть членом коллектива, интересы которого являются собственными интересами автора.

Богатство советской жизни приходит на помощь такому писателю. Перспективы советского гражданина исключительно широки, его интересует все, что происходит как в его стране, так и во всем остальном мире, он обладает исключительно широким умственным горизонтом, он располагает богатой литературой, печатью, театром и кино, он постоянно занят общественной работой. Поэтому, какую бы малую работу он ни выполнял, он способен делать самые широкие обобщения, а это — существенный для писателя фактор.

Так у нас на глазах возникает новый тип писателя. И нет сомнения, что в ближайшем будущем этот тип писателя станет преобладающим. Коренное различие между умственным и физическим трудом, которое существует в буржуазном мире, у нас изживается. Противоположность между различными функциями в обществе тоже исчезает. В нашей стране писатель не может претендовать на большее «уважение», нежели любой инженер, школьный учитель, сталевар, шахтер или механик.

Опубликовав свою прекрасную книгу, Крымов не оставил работу на нефтяных промыслах. Он пишет вторую книгу, точно так же близкую к правде жизни, такую же глубокую и интересную, как первая книга.

Многие рабочие в Советском Союзе напишут не одну книгу о людях и коллективах, в которых советский человек проявляет свою индивидуальность.

Литература и общество

Не правда ли, какое мирное заглавие? Не так уже и давно под ним ясно прощупывался знаменитый подтекст: «Писатель пописывает, а читатель почитывает». На самом деле было не совсем так. Русская литература всегда была активным участником общественной борьбы, а читатель не только почитывал, но и учился и умел глубоко чувствовать.

И все же какое глубокое различие лежит между старым и новым. Мы не только новые, мы и принципиально отличные.

Советское общество — это общество на великом походе. Мы живем в то замечательное время, когда человечество закончило какой-то тысячелетний период предварительной жизни и впервые в истории подняло знамя человеческой организации. Мы вооружены стратегией марксизма-ленинизма, мы ведем бой за новое счастье, за новый разум, новую жизнь.

В первые годы революции могло казаться, что линия борьбы очень проста: есть четыре стороны света, и на

эти четыре стороны обращен был наш фронт — четыре фронта: север, восток, юг, запад. Так оптимистически мы представляли себе события тогда, когда победа была очень далеко. А сейчас, когда наше могущество определилось так убедительно, когда в нашем языке почти исчезло слово «поражение», именно сейчас мы хорошо знаем, что фронтов у нас бесчисленное множество. Нет никакой статики в нашей жизни. Каждую минуту мы живем в среде сильнейшего, целеустремленного, боевого движения. И если в некоторых областях наша победа звенит уже по всему свету, вызывая ужас и предсмертные судороги у наших врагов, то в других областях победа еще прячется в процессе борьбы, а в третьих и вовсе еще нет победы, а бой идет на последних напряжениях перед концом, перед победой.

Советская литература должна не только отражать то, что происходит. В каждом ее слове должна заключаться проекция завтрашнего дня, призыв к нему, доказательство его рождения. На боевом пути советского общества литература вовсе не играет роли фронтового информатора, она — разведчик будущего. Она должна обладать могущественным напряжением, чтобы в динамике нашей жизни предчувствовать формы напряжения и победы.

На-днях я награжден орденом, и вместе со мной награждены многие писатели. В этом акте партии и правительства, следовательно, в этом выражении народного одобрения, я хочу видеть не только награду. В этом я вижу прежде всего утверждение, что в общей линии борьбы мне поручен определенный участок, за который я отвечаю перед народом, утверждение того, что я не художник-партизан, выражающий свои чувства, а художник-организатор, уполномоченный народом выражать стремления и перспективные профили нашей жизни.

Орден, полученный мною, прежде всего подчеркивает идею моей ответственности, и поэтому прежде всего я должен знать, в чем я отвечаю.

Я отвечаю за то, чтобы в моей работе было прямое, политическое, боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование.

Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моем художественном слове не было искажения перспектив и обмана. Там, где я вижу победу,

я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен.

Советская литература — это орган художественного народного зрения, умеющий видеть дальше и проникать глубже, в самую сущность событий, отношений и поступков. Советская литература должна обладать эстетикой нового общества.

Работа писателя поэтому вовсе не мирная работа, и место его деятельности — весь фронт социалистического наступления.

Литературный боевой участок, порученный нам советским народом, еще не вполне оборудован боевой техникой. Надо прямо сказать — о многом мы еще не успели подумать. Вопросы тематики, стиля, тона, вопросы классификации литературы, вопросы нового вкуса требуют большой и новой разработки. Ни в чем мы сейчас так не нуждаемся, как в организации нашего планового хозяйства, ибо основным коррективом нашего плана должен быть прекрасный, политически насыщенный и требовательный вкус, свободный от старомодных канонов успокоенной эстетики.

СТАТЬИ
О ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Воспитательное значение детской литературы

Каждая книга для детей прежде всего должна преследовать воспитательные цели. К сожалению, мы еще не имеем исследований о воспитательном влиянии литературы, и в каждом отдельном случае нам приходится опираться главным образом на наш опыт — педагогический и литературный.

В жизни очень трудно бывает определить, какие поступки детей являются следствием чтения. Мне приходилось очень часто наблюдать неожиданный воспитательный результат чтения — совершенно не тот, на какой можно было надеяться, судя по содержанию книги. Непытному человеку очень трудно предсказать, какое положительное или отрицательное влияние она произведет на молодого читателя. Вообще, надо прямо сказать: для такого заключения требуется очень тонкая педагогическая логика. И, конечно, такая логика должна быть и у тех людей, которые руководят изданием детских книг, и у тех, которые пишут для детей.

Нашей целью, целью советской детской литературы, должно быть воспитание цельной коммунистической личности.

Художественная литература не должна развивать в ребенке только воображение или ставить перед собой узко-познавательные задачи.

Точно так же нельзя выделять и какую-нибудь специальную политическую цель, потому что каждая наша книга должна быть книгой политической. Но как раз в области политического воспитания у нас часто грешат «толстой» логикой, не замечая всей ее неповоротливости и вредности.

Я знаю, что в пионерских звеньях у нас иногда занимаются соревнованием в составлении альбомов, посвященных событиям в Испании. Руководители при этом уверены, что делается дело очень полезное для политического воспитания. Пионеры разыскивают во всех иллюстрированных журналах картинки, вырезают их, наклеивают в альбомы, снабжают надписями и с гордостью посматривают на своих менее удачливых соперников.

Испанская борьба, ее напряжение, ее ужасы, мужество, героизм очень близки нам, они непреложно утверждают для каждого советского гражданина единство фронта трудящихся, и именно поэтому нужно со всей серьезностью подойти к интернациональному воспитанию ребенка. Поручая составление альбомов детям, не воспитываем ли мы в них хладнокровных наблюдателей, способных с ножницами в руках «препарировать» какое угодно общественное явление.

Конечно, это вовсе не значит, что каждая книга или каждая строчка должны ставить перед собою такую грандиозную цель, как воспитание цельной личности, и достигать немедленно этой цели. Воспитательный процесс — процесс очень длительный и сложный, одна литература вообще не способна справиться с этой задачей. Но каждая книга должна видеть перед собой эту цельную советскую личность как общую нашу цель, к которой следует стремиться.

«Рассеянный с улицы Бассейной», на первый взгляд, просто веселое детское стихотворение, но в нем содержится синтетический образ молодого советского читателя, который не просто зубоскалит, а смеется здоровым смехом.

Мы находимся в исключительно благоприятных условиях, потому что настоящая художественная литература всегда была литературой гуманистической, всегда отстаивала лучшие идеи человечества. Поэтому мы можем давать нашим детям и Марка Твэна и Жюль Верна и других. На первый взгляд, что особенно ценного заключается в «Томе Сойере»? И взрослые плохие, и дети шалуны, а иногда даже хулиганы. Но в книге так много человечески цельного, проникнутого радостным и деятельным чувством бытия, что она принципиально созвучна с нашей эпохой.

Только книги, преследующие цель создания и воспитания цельной человеческой личности, несомненно полезны для наших детей. И не всякая книга, написанная на прекрасную тему, сама по себе прекрасна. Трудно представить себе, например, книгу о товарище Кирове, если в ней не будут ярко изображены его характер, его воля в политической борьбе.

Этому основному требованию, которое нужно предъявить к каждой детской книжке, больше всего противоречит очень распространенная у нас добродетельная манера наших авторов. Часто писатели хотят быть «лучше», чем это требуется для наших детей. Источниками этой добродетели являются не советские идеи и не идеи гуманизма, а идеи христианской морали. Это скучная, серенькая, бездеятельная, прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества. Очень живучи эти силы, они еще находят себе место и на страницах нашей книги, и в работе некоторых педагогов.

В нашей книге должно быть очень много энергии, смеха, проказливости, — все это прекрасные детские черты, определяющие силу характера, его мажорность, его устойчивость и коллективизм. Наша детская книга должна быть ярко жизнерадостной.

Несколько слов о стиле нашей детской книги.

Критики любят вопить: «Детская книга должна быть высокохудожественной книгой!» Подобные заявления кажутся настолько похвальными, что никому в голову не приходит возражать.

В самом деле, как можно возражать против высокой художественности? Но что вкладывается в эти слова? Честное слово, ничего. Никакого конкретного значения такие заявления не имеют. Мы хорошо знаем, что все дети раньше или позже начинают читать Толстого и Горького. У одних это происходит в пятнадцать лет, у других в тринадцать. В известном возрасте детям становится доступной настоящая «взрослая» литература, высокохудожественная. Но до тех пор детям нужна специальная детская литература.

В чем отличие ее стиля, ее письма? Этой литературе должна быть присуща художественность в особом смысле. Простота рассказа, его строгая логическая последо-

вательность, отсутствие каких бы то ни было словесных изощрений — это еще не все. В детской литературе должны быть особая яркость и полнокровность красок, совершенно явный реализм, точное разделение светлого и темного. Здесь неуместен никакой импрессионизм, не должно быть никаких эстетических оттенков. Та прямая борьба светлого и темного, какая есть в сказке, должна быть и в каждой детской книжке, в ней не нужны тонкая психологическая игра, слишком детальный анализ. Еще менее уместны в ней пассивно созерцательная лирика, старческие, грустные размышления над природой.

Общее различие стиля детской литературы по сравнению с литературой «взрослой», мне кажется, должно определяться некоторым, самым незначительным (повторяю, самым незначительным!), приближением ее к лубку. Такое приближение есть и у Купера, и у Жюль Верна, и у многих других. В нашей литературе наблюдалось всегда сопротивление такой тенденции, и прямо нужно сказать, — это не принесло особенной пользы. В лубке есть тоже своя необходимая эстетика, которую нельзя просто игнорировать. Такое приближение к лубку требует от авторов и таланта, и изобретательности, и, самое главное, яркости чувства.

Стиль детской литературы

Мы привыкли к мысли, что понятие художественной литературы есть нечто совершенно определенное. Во всяком случае, с представлением о художественной литературе у нас связывается мысль о настоящем, высоком искусстве.

Когда мы говорим о литературе для детей, мы одновременно чувствуем два определения: во-первых, мы утверждаем, что эта литература тоже должна быть художественной, во-вторых, мы утверждаем, что она обладает какими-то особенностями, которые делают ее именно литературой для детей.

Что это за особенности, которые заключаются в художественной литературе для детей, и не заключаются ли

эти особенности в изменении самого понятия «художественный»?

Этот вопрос становится особенно острым, когда мы вспоминаем, что слова «детская литература» объединяют целый ряд возрастных критериев: одно дело литература для детей 8 лет, другое дело — для детей 16 лет.

С первого взгляда может показаться, что и возрастные разделы в самой детской литературе и отличие художественной детской литературы от литературы для взрослых заключаются главным образом в тематике, в номенклатуре идей, в содержании. Однако трудно представить себе такую тему, которая не могла бы быть предложена детям. Даже любовь, обыкновенная полая любовь, не может быть исключена из сферы «детской» тематики, во всяком случае, можно представить себе книгу для детей, в которой будет написано: «Он женился на ней, и они любили друг друга».

Если бы кто-нибудь указал такую тему, которая возможна в литературе для взрослых и кажется противопоказанной в литературе для детей, то это значило бы только, что проблема такой детской тематики еще не разрешена и следует над этой проблемой потрудиться. В самом деле, возьмем наши сегодняшние темы, наиболее для нас важные и захватывающие: защита страны, подготовка кадров, патриотизм, социалистическое строительство, дружба народов, счастье трудящихся, бдительность и борьба с врагами, стахановское движение, советская демократия.

Все эти темы не только могут быть, но и должны быть предложены нашему молодому читателю. Сколько-нибудь серьезных и принципиальных ограничений «детской» тематики указать нельзя.

Интересно рассмотреть тематический вопрос с другой стороны: нет ли таких комплектов тем, которые уместны только в детской литературе и для взрослого читателя не годятся?

Если бы такие темы нашлись, они могли бы в известной мере характеризовать особенности детской литературы и ее отличия от литературы для взрослых. Однако при самых тщательных поисках ультрадетских тем нет никаких оснований утверждать, что такие темы

могут быть найдены. Даже такие до конца беззубые новеллы, в которых рассказывается о том, как птичка прыгает на ветке, или изображается безмятежная вневременная и внепространственная идиллия, даже такие «детские» идеи свободно могут быть предложены и взрослым, среди которых есть немало охотников достать налима рукой и вообще насладиться природой без каких бы то ни было дополнительных приспособлений или соображений. Может быть, трудно найти в литературе для взрослых целые книги, посвященные подобным наслаждениям, но отдельные страницы и вставки попадают часто.

Особенности, которые отличают «детскую» литературу от «взрослой», заключаются не в том, о чем рассказывается, а в том, как рассказывается.

Писателям, работающим в большой литературе, мы предоставляем обычно полную свободу стиля. Больше того, — мы требуем, чтобы у каждого писателя был свой стиль, отличающий его от всех остальных писателей. Мы не требуем от писателя, чтобы у него обязательно был разработанный пейзаж, чтобы у него практиковались лирические отступления. Мы не обязываем его непременно показывать диалог, и можно назвать много авторов, у которых диалог почти отсутствует. Мы предоставляем писателю полную свободу в выборе метафор и не возражаем, если у него метафоры просто отсутствуют. Собственно говоря, очень трудно назвать или перечислить те стилевые каноны, которые считались бы общепринятыми и могли бы составить какой-нибудь свод художественных правил. Проза Пушкина и проза Л. Леонова стоят на разных концах стилевой линейки, оставаясь каждая в отдельности высокохудожественной прозой. То, что мы требуем от писателя в обязательном порядке, лежит за пределами стиля как такового: реалистическая наполненность темы, яркость и выразительность образов и характеров, эмоциональная взволнованность текста или подтекста — вот то, чего мы во всяком случае ожидаем от художественного произведения, предоставляя автору какими угодно средствами идти навстречу нашим ожиданиям.

И если писатель беден в самой своей реалистической правде, невыразителен и неразборчив в образах, сер и скуп в своих явных или скрытых эмоциях, мы осу-

дим его произведение, независимо от того, какие им употреблены художественные приемы и средства, лаконичен он или многословен, употребляет метафоры или избегает их, живописует природу или обходится без природы.

Художественный минимум, невыполнение которого выбрасывает произведение из художественной литературы, обязателен и для произведений, предназначенных для молодого читателя. И в этом случае мы должны требовать реалистической полнокровной правды, яркости, впечатляемости образа и эмоционального подъема. При наличии всех этих качеств мы признаем художественную ценность произведения достаточной. Но теперь мы уже не можем предоставить художнику такую же свободу в выборе изобразительных средств, иначе говоря, мы ограничиваем его в стилевом отношении. Если такое ограничение не выполняется, мы угрожаем автору... в лучшем случае мы угрожаем ему тем, что отнесем его произведение к разряду «взрослых». Фактически такая угроза никогда не существует, ибо обычно дело обстоит хуже: удовлетворяя нашим стилевым требованиям в одном приеме, автор не выполняет их в другом. Произведение останавливается где-то посередине, между детским и взрослым читателем.

По отношению к детской литературе можно, стало быть, говорить о некотором своде стилевых ограничений или правил.

В своей сущности они представляют педагогические акты, вполне естественные всегда, когда дело касается ребенка или подростка. Их происхождение заключается в самой природе ребенка, описывать которую в настоящей статье нет надобности отчасти потому, что она более или менее синтетически известна, отчасти потому, что эта природа отражается и в самых законах наших стилевых требований.

Размеры настоящей статьи не позволяют развернуть широкую логическую картину, не позволяют связать стилевые особенности детской книги с тем или другим признаком детства. В большинстве случаев бывает полезно выводить эту связь не из педагогической логики, а из прямого опыта, достаточно у нас известного и широкого. Вообще в области детского чтения наиболее уместной остается индуктивная логика. В нашей советской действи-

тельности она должна направляться марксистским представлением о личности и коллективе, диалектическими законами развития. Именно поэтому мы прежде всего должны отказаться от какой бы то ни было идеи «остановившегося детства» (обычный порок педагогической дедукции). Ребенок растет с каждым своим днем. Книга, прочитанная им сегодня, и та же книга, прочитанная им через несколько дней, встречает, в сущности, разных читателей и разный читательский прием. Наша книга не должна поэтому строго следовать за возрастным комплексом психики, она должна быть всегда впереди этого комплекса, должна вести ребенка вперед, к тем пунктам, на которых он еще не был. Поэтому в нашей детской литературе важны не стилевые законы формы, а стилевые законы движения. Нужно говорить не о канонах стиля, а о тенденциях стиля, принимающих самые разнообразные выражения в зависимости от того, какой ребенок, с какой подготовкой, с какими устремлениями берет в руки нашу книгу. Наше детство настолько многообразно, что, в сущности, становятся совершенно условными наши возрастные представления. Одну и ту же книгу читают с одинаковым интересом и ребята 11 лет, и юноши 17 лет, и даже многие взрослые. Таких книг много, и это самые лучшие книги. Та книга, которая интересна только для определенного, точного возраста, — всегда слабая книга: в ней слишком ограничен комплекс идей и представлений.

Переходя непосредственно к описанию стилевых требований к детской литературе, мы должны еще раз об этом напомнить: речь идет не о правилах формы, а о тенденциях стиля.

Нам представляется удобным вести разговор о стилевых особенностях детской книги по определенным разделам.

С ю ж е т и ф а б у л а

Мы находим возможным по отношению к сюжету и фабуле предложить такую формулу: сюжет должен по возможности стремиться к простоте, фабула — к сложности. Сюжет — это схема развития идей и отношений. В детском возрасте опыт идейной жизни и опыт человеческих отношений еще весьма незначителен, почти не

знаёт синтеза и обобщения, не знаком с исключениями и искривлениями. Сюжет «Преступления и наказания» или «Анны Карениной» — сюжеты слишком сложные для молодого опыта. Эти сюжеты предполагают большее знание у читателя в области духовной жизни. Для молодого читателя необходимы простые (более или менее простые), совершенно доступные пониманию и воображению схемы духовной борьбы. Какого бы то ни было «психологического» расцвечивания сюжета не должно быть в детской книге. Дети должны иметь перед собой совершенно ясные и совершенно здоровые картины отношений. Даже тематика внутренних конфликтов, колебаний, соблазнов, то, что в литературе для взрослых может послужить основанием для очень сложных драматических сюжетов, в детской книге должна выражаться в виде простых и коротких моментов. Тем более неуместны для молодого читателя сложные и изощренные сюжетные ходы по линиям духовного разложения, духовного страдания или наслаждения.

Фабула, то-есть схема событий, внешних столкновений и борьбы, наоборот, может быть как угодно сложна и действительна. Ребенок любит движение, любит события, он горячими глазами ищет в жизни перемен и происшествий, его воля требует движения и перемены мест, и поэтому в детской книге не нужно бояться самой сложной фабулы, самой изощренной сетки событий. Если сюжет прост, книга не боится в таком случае никаких фабульных ходов, никакой таинственности, прерванных движений, таинственных остановок. Нужно с сожалением констатировать, что в нашей (русской) литературе мало мастеров фабулы, и поэтому до сих пор остаются у нас на первом плане такие авторы, как Марк Твен, Жюль Верн, Вальтер Скотт, привлекающие читателей напряженным и многообразным действием.

Из этого требования к фабуле вытекает, между прочим, и еще одно требование, которое может показаться на первый взгляд даже странным. Дети не любят коротких книг. В небольшой книге трудно развернуться действию. Не успев начаться, действие в них заканчивается. Даже при самой драматической и сложной завязке действие это количественно незначительно, оно не может втянуть в себя достаточное количество лиц, оно все-таки не

сложно, оно не способно впитать значительную территорию.

Детское требование к сложности фабулы очень устойчиво: это не только любовь к сильным движениям, это и любовь к многообразию лиц, мест, времен, обстановок, напряжений. Именно поэтому дети больше любят «Детей капитана Гранта», чем «Таинственный остров». Остающийся на одном месте Робинзон, несмотря на свою старую славу, на самом деле не пользуется особенной любовью ребят. Робинзон относится к тем книгам, относительно которых взрослые самостоятельно решили, что они обязательно должны нравиться детям.

Точно так же дети не особенно любят читать «Дон-Кихота», особенно в полном издании. Сюжет этой книги, та настоящая поэзия человеческого духа, которая так привлекает взрослых, детьми почти не воспринимается, фабула же этой книги, при всей ее действенности, очень однообразна.

Х а р а к т е р

Законы изображения характера в детской книге вытекают из соображений, высказанных выше. Простой сюжет и сложная фабула возможны только при очень экономной подаче характера. Психологический анализ обязательно усложнит сюжет и остановит движение действия. Поэтому нужно требовать, чтобы в детской книге действовали ясные, определившиеся и прямые люди. Описывать какое-либо становление образа, его постепенное формирование довольно безнадежно в книге для детей. Айртон Жюль Верна проходит путь от пирата и разбойника до в общем хорошего человека в очень скрытых формах, дети готовы принять на веру, что в душе он что-то, может быть, и длительно переживал.

Такое расположение духовных сил человека имеет и свое педагогическое оправдание. Наши дети должны вырастать цельными личностями, не нужно очень рано знакомить их с неясностью и неопределенностью человеческого типа. Герои детской книги должны быть цельными людьми, и между ними должна идти такая же цельная и напряженная борьба. Симпатии читателя должны без всяких колебаний становиться на сторону положительного героя.

Все это вовсе не значит, что все люди в детской книге не должны иметь характерных особенностей или характерного языка. Читатель должен различать своих героев и узнавать их с первого взгляда. Эти герои должны вызывать положительное или отрицательное чувство, но обязательно с разными оттенками. Одни должны вызывать преклонение, другие уважение, третьи любование, четвертые радостную улыбку, пятые заботу и нежность и т. д. Но все эти характерные извилины чувства должны быть только типичными извилинами и никогда не индивидуалистическими. Только очень квалифицированный читатель способен наслаждаться редкими индивидуальными особенностями, усложняющими картину личности и делающими ее неповторимой. Дети еще не способны на такое эстетическое наслаждение. Личность героя для них важна не сама по себе, не в своей личной неповторимости, а исключительно как носитель действия, как участник борьбы. Какой бы занятой ни представлялась та или другая фигура в книге, ребенок принимает ее только по измерителям действия. Все личные особенности для него пропадают и мешают чтению, если они статичны, если они не отражаются на действии. Молодой читатель с радостью принимает юмор, насмешку, иронию, сарказм, если все эти выражения относятся к действию, а не назначены только живописать красоту личности.

Для автора в этом вопросе очень много и трудного и интересного. Он должен организовать в книге большое сложное действие, для этого необходимо как можно больше действующих, активных лиц. Они должны резко отличаться друг от друга, их лица должны быть разнообразны. И в то же время эти отличия не должны закрывать действие, не должны существовать сами для себя, и поэтому они должны быть по возможности ясны и действенны.

Ж и в о п и с ь

Пейзаж, портрет, натюрморт, многие другие отделы живописи в детской книге должны иметь свое место, но в особом выражении. Безнадежно было бы рекомендовать для детского чтения пейзаж Бунина или портреты Чехова. Изощренность письма всегда соответствует изощренности сюжета. Пейзаж всегда отражает простую или гур-

манскую подачу героя. В простом сюжете детской книги неуместны никакие нюансировки пейзажа и невозможен никакой, даже самый слабый импрессионизм. «Стеклышко разбитой бутылки» в детской книге не сделает лунной ночи. Должна быть названа луна, и должно быть сказано, что она освещает.

Это вовсе не значит, что в детской книге не должно быть описания красивого вида, но в таком случае кто-нибудь должен этим видом обязательно любоваться. В портрете необходимы только такие черты, которые позволяют представить себе внешность человека и которые прямо вызывают к нему симпатию или антипатию.

Вот приблизительно все, что хотелось сказать о стиле детской книги. Было бы очень печально, если бы мои слова были приняты как призыв к опрощению. Выше я уже сказал, что детская книга способна выдержать любую тематику, и я поддерживаю эту мысль настойчиво. Понятие действия вовсе не ограничено темой приключения и войны, то-есть прямых схваток на поле. Детский интерес очень многообразен. Даже научные открытия, самые сложные детали техники, самые глубокие проблемы морали могут быть предложены детскому вниманию. И это внимание всегда встретит писатель, если он расскажет обо всем этом в простом по сюжету и сложном по действию произведении, если у него будут действовать яркие и ясные герои, привлекающие любовь читателя и стремление следовать за собой.

Ответ товарищу А. Бойму

Очень возможно, что мои высказывания в статье «Стиль детской литературы» в журнале «Детская литература» № 17 могут и должны вызывать возражения. Это совершенно естественно, если вспомнить, что у нас чрезвычайно мало работ по теории детской литературы, и даже ее специфика как следует нигде не разработана. В своей статье я опираюсь исключительно на свой учительский опыт, на педагогические мои представления о том, как дети читают книги и что они от детской книги требуют. Чрезвычайно интересны и требуют внимания те

обстоятельства, которые сопровождают переход читателя от детской литературы к литературе общей. Нигде не исследовано, как совершается этот переход, что дети принимают, чего не принимают, что читают с увлечением, что с трудом, что их особенно увлекает, что вызывает особенную скуку. Вообще в этой области очень много всяких вопросов, которые, вероятно, просто невозможно разрешить, если отказаться от наблюдения за детским чтением, от регистрации массовых явлений в этой области.

Весь смысл выступления т. А. Бойма в том и заключается, что в своей статье «Откровения А. Макаренко» в номере «Комсомольской правды» от 2-го декабря он не хочет признавать никаких вопросов, никакой проблемности в области детской литературы. По совести говоря, из его статьи можно сделать только одно заключение: никакой детской литературы просто не нужно, тем более, не нужно никаких статей, посвященных вопросам стиля детской литературы. Тов. А. Бойм склонен ограничиться в этом деле довольно коротким и с внешней стороны убедительным лозунгом: литература должна быть высокохудожественной! Но такой лозунг, в справедливости которого, разумеется, нельзя сомневаться, приложим ко всякой литературе, но и совершенно не определяет, чем же все-таки отличается стиль детской литературы от литературы общей, и должно ли иметь место такое различие.

Допустим, в своей статье я высказал несколько спорные положения. Почему бы т. А. Бойму не возразить мне с той серьезностью, которая вполне уместна в такой важной теме. Почему т. А. Бойм прежде всего заподозрил наличие у меня столь же добрых намерений, какие есть у него? Вместо всяких возражений, т. А. Бойм зажимает мне уста довольно неприветливым кляпом: «Детская литература должна быть высокохудожественной... и прекратите разговоры!»

Правильно ли это? Достаточно ли одного лозунга о высокой художественности, совершенно, впрочем, справедливого и делающего честь добрым намерениям и эстетической выдержанности т. А. Бойма? Совершенно очевидно, что одного такого лозунга недостаточно и что разработка вопросов теории детской литературы должна иметь место на страницах нашей печати. Протест

т. А. Бойма против самых попыток такой разработки имеет вид довольно странный и... несовременный. При этом протест не сопровождается никакой аргументацией, — нельзя же считать аргументом указание на то, что дети читают «Ромео и Джульетту», Тургенева, Чехова и Л. Толстого. Совершенно верно, — в известном возрасте дети начинают читать этих авторов и вообще переходят к общей литературе. Что же отсюда следует? Следует только то, что дети становятся более взрослыми, но вовсе не следует, что «Ромео и Джульетта» или «Дворянское гнездо» или «Скучная история» относятся к детской литературе. Вопрос об особенностях этой литературы все же остается вопросом, и я думаю, что позволительно людям иногда по этому вопросу высказываться.

Стоя все на той же высокохудожественной позиции, т. А. Бойм обвиняет меня в том, что я призываю: «нельзя ли попроще». Поскольку в таком призыве нет еще ничего предосудительного, т. А. Бойм делает нарочно страшное лицо и усиливает обвинение фразеологически: «призывы к упрощенчеству и к обеднению детской литературы». Это уже звучит, это низвергает меня, так сказать, в пучину преступления, а т. А. Бойма характеризует, напротив, с лучшей стороны, как защитника высокохудожественной детской литературы.

Позволяю себе высказать предположение, что эти ужасы несколько излишни. Дети вырастут и начнут читать Тургенева и Чехова. Некоторые сделают это раньше, некоторые позже, и все же детская литература остается детской литературой. Чтение двенадцатилетнего мальчика или тринадцатилетней девочки должно все же чем-то отличаться от чтения взрослого. Высокая художественность детской книги должна быть высокой, но выражаться она должна в своеобразных формах, особенных, свойственных именно детской книге. Старшие дети могут увлекаться пейзажем Тургенева, но это вовсе не значит, что специфические детские писатели должны повторять «пейзажные» приемы Тургенева. Почему нельзя допустить, что в пейзаже детской книги должны быть свои методические особенности, несколько, однако, не уменьшающие художественной высоты изображения. Лично я, например, считаю художественное выполнение

детской книги настолько трудным и требующим такой высокой писательской квалификации, что сам не решаюсь написать книгу для детей.

То же самое можно сказать и о других приемах, которых я касался в своей статье. Я указал на желательность более быстрого становления образа. Тов. А. Бойм вместо того, чтобы обсудить мое предложение, просто поднял крик... караул!

Вопросы стиля детской книги заслуживают серьезного и спокойного внимания, и нельзя от них отделяться простым и довольно оскорбительным окриком. Нельзя встречать авторов, высказывающихся по этим вопросам, обидно намекающими ужимками, подобными тем, которые позволил себе т. А. Бойм по поводу моего утверждения, что детям можно предлагать любые темы, даже темы о «половой любви». Тов. А. Бойм заливается краской и стыдливо отворачивается: «Ромео и Джульетту» читать можно, а половая любовь... какой пассаж! Неужели т. А. Бойму до сих пор неизвестно, что «Ромео и Джульетта» рассказывает именно о половой любви, что этим двум героям платоническая любовь отнюдь не импонирует. Ведь я не призывал разрабатывать тему о половом соитии, а именно о любви. Если в детской книге говорится, что герои любили друг друга и сочетались законным браком, то здесь тоже идет речь о половой любви, и вовсе не нужно представлять это дело так, чтобы дети ни о чем не догадались. Безусловно, в своей чопорности т. А. Бойм перегнул палку, а это доказывает, что он тоже может ошибаться. А мои ошибки, пока еще не доказанные, а только возможные, т. А. Бойм встретил совершенно необъяснимой и высокомерной враждебностью. Он расправляется со мной при помощи убийственно остроумных словечек: «законотворчество», «глубокомысленный», «поучает». Наконец, т. А. Бойм без всякой уже связи с вопросом о детской литературе утверждает, что я «возомнил себя монополистом в толковании основ марксистской педагогики». Откуда он знает, чем я себя возомнил? И почему «монополистом»? Каким образом я могу помешать т. А. Бойму или кому угодно другому выступать с изложением их педагогических взглядов? Ведь я не руковожу никаким педагогическим журналом, не работаю ни в каком научном учреждении,

не имею ни одного труда с претензией на курс или на учебник.

Тон т. А. Бойма невольно заставляет меня думать, что в своей статье т. А. Бойм не столько заинтересовался вопросами детской литературы, сколько хотел надо мной учинить ничем не мотивированную расправу.

Великая награда

Советское правительство наградило орденами писателей, в том числе и детских.

Эта великая награда — новый пример заботы правительства и лично товарища Сталина о вас, ребята. Воодушевленные наградой, писатели напишут много замечательных, интересных книг для вас.

Мы получили письмо от деткоров из деревни Никулино. Ребята просили передать привет и поздравления награжденным писателям.

Печатаем здесь письмо никулинских ребят и ответы писателей-орденоносцев.

Горячо благодарим дорогих наших читателей и обещаем: будем писать для вас больше и лучше, а кроме того, постараемся и других писателей привлечь к вашему журналу. До сих пор многие писатели побаиваются вас: они думают, что вы очень строгие критики. Это, конечно, верно: критики вы строгие, но без критики тоже не проживешь.

Пр и в е т!

А. Макаренко.

ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ и РЕЦЕНЗИИ

Героическая борьба

Хорошую книгу написал Аркадий Первенцев о борьбе, о победах, о страданиях красного казачества Кубани, о том, с каким величавым и вместе с тем простым героизмом отдали казаки свои жизни за дело Ленина—Сталина, за дело нового человечества. Будут читать эту книгу граждане Советского Союза, будут читать ее молодежь, и комсомольцы, и пионеры, многих она научит горячей страсти борьбы; а ведь борьба у каждого из нас впереди, борьба с жестоким врагом, вооруженным предсмертной яростью.

Такие книги, как раз такие, воспитывают людей, они умеют показать самую глубокую красоту человека в борьбе за освобождение, они умеют привлечь человеческую личность к этой красоте подвига, сделать подвиг полным нового содержания. У Первенцева подвиг — не личная эстетическая поза, здесь он совершенно необходимое и совершенно естественное движение, вызванное крепкой связанностью масс, удивительным чувством единства коллектива.

Специалисты-критики найдут в книге Первенцева много недостатков, обязательно упрекнут его в подражании Гоголю, в переключке со многими местами «Тараса Бульбы». Но ведь влияние Гоголя вовсе не такое уж плохое влияние, и читатель только поблагодарит Первенцева за восстановление страстной гоголевской эпической приподнятости.

Гоголевский тон очень часто открыто прорывается у Первенцева:

«Впереди сотни гарцевал Николай Батышев, рядом

с ним, перегнувшись, играя клинком, нагнетая руку для страшного удара, скакал Наливайко.

Может, чуял Наливайко, что на этой земле сегодня последний раз прозвенят подковы его вороного коня..., но скакал опальный казак Наливайко, заморозив на красивом лице какую-то страдальческую и одновременно зловещую улыбку».

А вот концовка рассказа о конфликте комбрига Кочубея со штабом, когда довелось его казакам вытаскивать батька через окно штабного вагона:

«— Да не пошкарябали мы тебя, батько, як тащили с первого класса? Кажись стекло хрустнуло.

— Нет, хлопцы, не пошкарябали, только тащили вы меня за плечи, а те за ноги, и хрустнула у меня нога, а не стекло. Надо испытать, — может, ошибся я с перепугу. Давай гопака...

Плясал Кочубей, приговаривая:

— Не, ничего. Мабудь, стекло хрустнуло. Не, ничего».

Или еще:

«А тут, полюбуйтесь! Даже сам Пелипенко, считай уже почти полковник, выволоч седло из клуни, кинул на Апостола, и чорт его знает, когда он успел подтянуть подпруги. Может на скаку? Так бывает, но только при очень уж большой спешке, как, к примеру, под Воронсколесской, против Покровского, когда сам командующий носился по боевому полю в одних исподних штанах и ночной рубашке».

В самом подборе имен, в отдельных сюжетных ходах Первенцев помнит о Гоголе. Необходимо признать, что очень часто читатель чувствует недостаток стилистической техники, часто звуковое движение фразы слишком царапает слух и нарушает впечатление величавой эпической торжественности. Бывает и так, что, запутавшись в синтаксической прелести рассказа, автор теряет точность мысли, и читатель в некотором недоумении принужден даже возвратиться назад и перечитать прочитанное.

Но этот, надеемся, временный у автора недостаток искупается большим запасом действительного знания боевой жизни, умелой подачей самых разнообразных подробностей: читатель видит не только массы бойцов, но и пейзаж, и оружие, и тачанки, и всякие бытовые аксессуары, множество вещей, которые, однако, и остаются

только вещами, не снижая и не закрывая настоящую большую сущность событий. В описании этих вещей автор очень экономен и умеет расположить их просто и убедительно:

«У треногих пулеметов острели башлыки. Пелипенко увидел, как от пулеметов отлетали черные гильзы, моментально заметаемые снегом».

«Кочубей последним оставлял штаб — горницу куркульского дома. По пути приказал Левшакову захватить попавшуюся ему на глаза большую сковороду. Адъютант пучком соломы смахнул жир, оглядевшись, сорвал с печки пеструю занавеску и завернул в нее сковороду... На ней застыл белый жир и кусочки недоеденной колбасы.

— Все одно ж бросите сковородку, — сетовала хозяйка.

— Вернем, ей-бо, вернем, — уверял Левшаков. — Ожидай днями обратно. Какая же у меня будет кухня без сковородки!»

Но за сеткой вещей и подробностей все время в романе видишь массы людей. Между другими, не заслоняя их, выситя монументальная фигура самого Кочубея.

Этот «простой кубанский казак поразил его буйным размахом неукротимого атамана вольницы, безыскусственностью поступков, каким-то неугасимым огнем его беспокойной и целомудренной души, верующей в великое дело вождя партии — Ленина».

В Кочубее есть нечто не только от Тараса Бульбы, есть кое-что и от Чапаева, но в то же время он по-своему колоритен и по-новому убедителен. То обстоятельство, что в Кочубее много партизанского, что он не разбирается во многих деталях политики и даже военного дела, что ему трудно читать обычную военную карту — все это не снижает его облик. Главное в Кочубее — это искренняя сила души, поднявшейся против отвратительного старого мира. Таковы и все его казаки и, в особенности, его ближайшие помощники: Батышев, Михайлов, Левшаков, Наливайко. В романе они мало отличаются друг от друга, но это не вызывает у читателя ощущения однообразности. Это потому, что то общее, что дается в романе, что присуще им всем, — оно неотрывно прекрасно.

За исключением немногих мест, роман написан хоро-

шим языком, но в своей конструкции несет большое количество неувязок и неудобных мест. Последнее, вероятно, пристает из неопытности автора.

Попадают довольно часто грубые конструктивные ошибки. Живому бойцу Айса уделено всего несколько строчек, но его похороны описываются на нескольких страницах, и это сделано, вероятно, только потому, что автор не мог победить искушения описать сложный ритуал черкесского отпевания. Освобождение взятых в плен разведчиков Пелипенко и Володи происходит с совершенно излишним эффектом неожиданности. Увлечшись здесь чисто фабульным достижением, автор не соразмерил величину этой неожиданности с величиной убедительности. Этот эпизод так и остается не разъясненным, автор так и не показал читателю, почему это вдруг сам Кочубей с целой сотней оказался чуть не в центре неприятельского расположения. И в других местах можно заметить наклонность автора к некоторому гиперболизму, несколько сходному с гиперболой Гоголя, но, к сожалению, не обладающему столь же гипнотизирующей силой. Читатель верит, что Старцев, полевой комиссар, мог пронести на плечах раненого товарища пятнадцать верст в пустыне, но никогда не поверит, что тот же Старцев нарочно возвращается, чтобы взять на плечи и перенести в Астрахань труп умершего.

В романе много уделено внимания попытке освобождения из тюрьмы матери Балаханова, но самая попытка почти не изображена. Такое неумелое распределение действия в романе встречается довольно часто. Вдруг откуда вынырнул Щербина, лицо во всех отношениях третьестепенное, но ему начинает уделять автор целые страницы и даже сообщает, что лошадь его называется «Кукла». Подробно изображается, как Щербина удирает от разгневанных казаков, приговоривших его к смерти за измену:

«Поверху двигались всадники. Щербина ясно видел их четкие силуэты. Кукла раздула ноздри, приготовясь заржать. Он схватил ее морду обеими руками, целовал: — Кукла, Куклочка, молчи, молчи, Кукла...

Таманцы исчезли. По сухой терноватой балке продирался Щербина, ведя в поводу качающуюся, обессиленную лошадь».

Прочитав этот абзац, читатель обязательно предположит, что Щербина, с таким трудом спасшийся от казаков, еще не вышел из действия, что он автору еще нужен и нужны его переживания. В противном случае зачем же было так подробно его изображать.

Оказывается, нет. Буквально в следующей же строчке автор просто говорит: скоро Щербина был опознан и зарублен как предатель бойцами IX армии.

Все эти недостатки очень легко исправить, и это обязательно нужно сделать в отдельном издании книги. Тем более нужно сделать, что Первенцев написал очень волнующую и нужную книгу. Она в особенности хороша для юношества. Люди здесь показаны во весь рост, показана и идея, вдохновляющая этих людей. Недаром Первенцев заканчивает роман волнующим образом Володьки-знаменосца:

«Плывут знамена в горячем степном воздухе, колышались. Вот подул от Каспия ветер, слышится команда товарища Хмеликова: «Рысью!» Разматывает Володька штандарт во всю ширину алых полотнищ, разметанная полощется грива, и кажется — ныряет в увалах и лощинах порывистая лодка под бархатным парусом.

Мальчишка же Володька, и все детское ему свойственно. А потому, оглянувшись, точно думая, что и это стыдно перед усатым товариществом, украдкой целует краешек дорогого полотнища партизанский сын, мчитя вперед, смеется, и солнце играет золотыми махрами».

Происшествие в „Звезде“

Известно, что критики нередко грешат невоздержанностью в похвалах: едва допишет писатель первую свою вещь, вокруг нее уже клубятся туманные облака критического ладана. Только через год обнаруживается истина: вещь чрезвычайно слабая! Книга стоит на полках всеми своими переизданиями.

Нечто подобное происходит с романом Ф. Олесова «Возвращение», напечатанным в журнале «Звезда» в невиданном еще парадном антураже. Роман появился в сопровождении двух статей его «покровителей» —

Б. Лавренева и А. Амстердама, — случай, заслуживающий особого внимания.

Из статей А. Амстердама и Б. Лавренева видно, о чем мечтали критики, что хотели они найти в романе: правдивость, типический образ человека, отражение силы советского строя. Видно, куда критики ехали. А теперь посмотрим, куда приехали.

И с автором романа и его редакторами-покровителями, к сожалению, произошло то же, что произошло с беспризорником Валеткой из романа «Возвращение».

Валетка выезжает из Ленинграда сева­стопольским поездом, забравшись «в ящик под вагоном прямого сообщения». Однако читатель скоро начинает недоумевать: в каком же направлении поехал Валетка?

«За Ростовом-на-Дону, в канавах... переливалась вода». Ясно, Валетка едет на Кавказ. Поезд едет дальше.

...«Суровая русская речь смешалась с гортанными выкриками грузин; здесь можно было услышать напевные голоса казачек и однотонную песню армянина».

И вдруг...

«На утро четвертого дня Валетка приехал к веселому морю, в теплый солнечный Севастополь».

Ехали на Кавказ, а приехали в Крым. Может быть, Крым и не хуже Кавказа, но все же приключение это — необычное.

А при дальнейшем чтении обнаруживается, что вообще вся «поездка» задумана не туда, куда хотелось бы отправиться редакторам романа. Читатели жаждут «возвращения», но и на него в романе нет надежды. А. Амстердам в своей хвалебной статье заверяет, что роман «отражает силу советского строя». Это — прекрасная цель путешествия, но в романе, в сущности, нет советского строя. Если говорить обыкновенной прозой, то необходимо признать «Возвращение» вещь совершенно аполитичной. Приключения Валетки проходят в стороне от советской действительности. Валетка живет в блажном мире, решительно обособленном от «советского строя». Представители последнего, если верить Олесову, встречают Валетку довольно бестактно. На просьбу Валетки сделать из него моряка ему отвечают:

«— Мы тебя заставим пока картошку на кухне чистить...»

Как раз эта угроза и побуждает Валетку отказаться от помощи!

Среди немногих советских людей, выведенных в романе, есть некий корабельный доктор. Автор рассказывает, будто бы этот добрый доктор ни с того, ни с сего, решительно без всякой цели, пригласил двенадцатилетнего Валетку к себе в каюту и оказал ему такую «помощь»:

«— Вот тебе сигара! Гаванна. В Алжире покупал... Валетка сел в кресло и закурил.»

Доктор угостил его каким-то необыкновенным иностранным вином...»

И все. Больше доктор в романе не встречается. Не правда ли, странный советский доктор?

Мальчика встречают и другие «советские люди»:

«Валетка протянул руку.

Вахтенный прижег ему ладонь папиросой...»

«Они долго издевались над Валеткой. Они посылали его на берег в ларек. Они просили его купить полбутылки гальюна да покрепче и килограмм свежего камбуза. Они задавали ему всякие каверзные вопросы, а Валетка стоял перед ними серьезный, бледный и смотрел им в глаза доверчиво и печально».

Неужели это советская картина? Советские люди издеваются над голодным мальчиком, а голодный мальчик смотрит им в глаза доверчиво и печально?

Нет, с «советским строем» в романе неблагополучно. Эта цель «путешествия» явно не достигнута. Мы приехали вместе с Валеткой не в наш Севастополь, а в Севастополь времен Александра III. Но, может быть, правильны другие наблюдения редакторов? Может быть, в романе действительно показаны «человек и его судьба»?

Пожалуй, в советской литературе нет другой вещи с таким сильным привкусом блатной экзотики. На нескольких страницах описывается встреча Валетки с «теткой Музой». Муза, оказавшаяся садисткой, заинтересовалась одиннадцатилетним мужчиной и привела его к себе в комнату. Автор со вкусом готовится читателя к исключительным событиям и задерживает занавес только после таких слов:

«Женщина с какой-то особой медлительностью подошла к зеркалу и начала раздеваться».

Центральный эпизод романа — воровская «хазза» Арфея и Калистры — изображен в исключительно экзотических красках. Это — целая организация, обладающая традициями, прекрасным оборудованием, военной муштровкой и дисциплиной, даже своей философией. От этой «хаззы» несет пинкертоновщиной и беспросветной выдумкой.

Характеров в романе нет. Сам Валетка представляет собой набор трудно объяснимых противоречий. Даже возраст Валетки уловить невозможно. Судя по развитию событий, в конце романа ему не должно быть больше двенадцати лет. Но на 120-й странице Валетку любит женщина, у которой он проводит пять суток. Автор вдобавок сообщает, что Валетка, возвращаясь домой, «шагал спокойно, ощущая в себе незнакомую раньше силу». А в финале Валетка поступает как ребенок: идет наниматься штурманом на пароход, хотя не имеет никакого понятия о том, что такое штурман. В этой детской неопытности и заключаются все мотивы «возвращения».

Литературная слабость и недоработанность романа бросаются в глаза. Роман переполнен немотивированными положениями. Почти на каждой странице у читателя возникают вопросы: почему для Валетки слово «мама» — непривычно? Для чего изображается костер на улице? Почему на трех страницах подробно описан пьяный грузчик? Зачем вспоминается Христос, ходящий по водам? Откуда у Валетки кулацкие мечты о прелестях деревенской жизни, если он никогда не был в деревне?

Автор «Возвращения» Ф. Олесов — начинающий писатель, сам когда-то бывший беспризорный. Он заслуживает помощи и внимания; он несомненно литературно способный человек. Но в редакции «Звезды» не сумели помочь начинающему писателю.

Критические статьи Б. Лавренева и А. Амстердама показывают, что над романом слишком много «поработали». Б. Лавренев рассказывает о своем разговоре с автором, когда тот принес ему рукопись:

«Два года тому назад, когда Олесов впервые принес мне рукопись своего романа, это был пухлый том, в котором наряду с хорошими кусками была масса воды, ненужных повторений, растянутости, зоологического натурализма в изображении «ужасов» беспризорничества и

прочих дефектов, свойственных неопытной писательской руке.

Получив крепкий ледяной душ, Олесов не растерялся, не обиделся»...

Хорошо, что Олесов не растерялся, но... он, несомненно, простудился от «ледяного душа»: в романе на каждом шагу слышен нехороший литературный кашель. Редакционные доктора выпустили на сцену простуженного, хрипящего, кашляющего автора и радуются на весь мир:

— Смотрите, какой у него замечательный голос!

Г_____

Детство и литература

Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека. Коллективизация нашего села есть, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества.

Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они сейчас растут в нашей семье и в нашей школе.

Как же отражает советская литература важнейшие явления в области воспитания будущего гражданина?

В этой статье мы не будем касаться литературы, предназначенной для детского возраста. У нее свои способы освещения жизни. Точно так же мы оставляем в стороне работы советских писателей, касающиеся дореволюционного времени. Нас здесь интересует художественная литература, изображающая советские дни.

Можно назвать очень немного произведений художественной литературы, посвященных вопросам воспитания советских детей, но все эти книги говорят о детях-«правонарушителях». Правда, и в этой узкой теме можно всколыхнуть вопросы общего воспитания. Но этого не случи-

лось. В нашей литературе о правонарушителях больше романтики беспризорности, чем педагогики.

Отношение нашего общества к преступнику и беспризорнику ярко отличается от отношения буржуазного общества. Уже одно это — большая и особая тема. Между тем у некоторых авторов описание жизни беспризорников принимает форму любования ими. Здесь — большой простор для дурного вкуса, для дешевого и бездеятельного романтизма, для дешевой сентиментальности. Некоторые наши авторы интересуются не вопросом о формировании характера человека, а только тем, насколько необычайна, остроумна и привлекательна анархическая поза беспризорного.

Разумеется, преступник — явление отрицательное. Никакого удовольствия фигура беспризорника живому и культурному человеку доставить не может. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической.

Но как раз педагогический момент в нашей литературе отражен очень неудачно. Первой ласточкой этой литературы были «Правонарушители» Сейфуллиной. Педагогическое действие представлено здесь педагогом-чудаком Мартыновым, о котором даже беспризорник Гришка отзывается с осуждением: «Обезьяну эдакую беспокойную в зверинце видал»... Этот Мартынов, на каждом шагу дергающийся и кривляющийся, проповедующий своеобразный пантеизм и отрицание семьи, мог, конечно, поразить на некоторое время десятков-другой ошеломленных жизнью беспризорных, но серьезного воспитательного дела поручить ему нельзя, а тем более нельзя видеть в нем какой-либо «прообраз» социалистической педагогики.

Из «правонарушительских» книг невозможно ни представить себе картину советского воспитания, ни тем более прикоснуться к спорным вопросам нашей педагогики. Одна книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи». Воспитательный метод руководителя и его помощников совершенно ясен. Это — карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие

педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «легких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятные трюки одичавших воспитанников.

В другой книге есть попытки остановиться на некоторых воспитательных принципах, но слишком много внимания уделяется блатному великолепию беспризорного мира. Герои доходят до такого парада, что отказываются даже спать на чистых постелях и есть хорошо приготовленный обед. Здесь любование беспризорной «красотой» доходит до степени восторга...

Что же имеется в нашей литературе о школе и семье, как факторах воспитания?

Почти ничего.

Особняком стоит «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева. Можно спорить о верности нарисованной здесь картины нашей школы в первые годы нэпа, но нельзя отказать этой книге в живом и здоровом остроумии, в удачно схваченном колорите юношеского общества. В книге педагогика еще беспомощна, школа еще слабо организована и часто вызывает ироническую улыбку.

Дети в произведениях наших писателей, как правило, отсутствуют. Герои наших романов и повестей принципиально бездетны, наше советское общество имеет чрезвычайно взрослый вид.

Между тем дети составляют самую красивую, самую звучную и радостную часть этого общества. Изображая советскую жизнь в искусственно созданной тишине бездетности, не рискуем ли мы получить сильно искаженную картину? Взрослые без детского окружения не будут ли просто «ненастоящими» взрослыми?

Детские фигурки только изредка мелькают на страницах наших книг, но роль этим фигуркам назначена чисто служебная. В самом лучшем случае ребенок выступает как украшающая подробность, его значение не превышает значения других предметов авторского натюр-морта: платья, мебели.

В книге Юрия Германа «Наши знакомые» есть такой симпатичный мальчик Федя, сынок главной героини Антонины. Он необходим как усложнение и без того сложной жизни героини, он придает некоторым страницам характер непритязательной и милой лирики, но присутствие его

не несет с собой никаких проблем, ни воспитательных, ни человеческих. Федя — это эстетический орнамент. Недаром автор заставляет его выражаться интересным и симпатичным слогом. В самые трудные минуты жизни матери Федя больше всего интересуется игрушкой-зайцем, и этот заяц играет в романе роль, пожалуй, не менее значительную, чем сам Федя. Круг приключений Антонины кончен, кончен и роман, — ни автор, ни читатель не интересуются, что будет дальше с Федей.

Такую же служебную роль играет и Зямка в «Дороге на океан» Леонова. Как и Федя, Зямка просто «хороший» ребенок, специально приготовленный автором для духовного отдыха умирающего Курилова. И этот ребенок, как и все прочие литературные ребятки, говорит специальным украшающим языком: «Она бюлье вешает на чурдаке»; но Леонов не довольствуется такой сравнительно пассивной формой детского действия. В предсмертной тревоге Курилова такие разговоры были бы слишком пресны. Поэтому Зямке поручается гораздо более ответственный диалог. Зямка прямо спрашивает Курилова:

«— Ты шмерть боишься?»

И в конце романа Зямка утешает Курилова:

«— Может, еще выждоровеешь...»

На этом роль Зямки кончена.

Некоторые авторы пользуются детскими фигурками для своих эгоистических целей, пожалуй, даже чересчур безжалостно. В рассказе Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» изображается только что родившая мать, комиссар батальона Вавилова. Красные оставляют город, в него с минуты на минуту должны вступить поляки. Мать примиряется с тем, что ей придется остаться, пока красные снова возьмут город. Но вступают не поляки, а красные курсанты. Их боевая песня на улицах города решает судьбу новорожденного.

«...Видели, как по улице вслед курсантам бежала женщина в папахе и шинели, на ходу закладывая обойму в большой тусклый маузер».

А «проснувшийся Алеша плакал и бил ножками, стараясь развернуть пеленки».

Мать оставила только что рожденного ребенка в случайной еврейской семье. В рассказе не изображается

никаких переживаний матери по такому случаю, может быть, потому, что ребенка этого родил не комиссар батальона Вавилова, а сам автор Василий Гроссман.

Гораздо лучше поступил тот же автор в рассказе «Муж и жена». Рассказ изображает семейную драму, измены и прочее. Автор вполне правильно решил, что раз есть семья, должны быть и дети. Но чтобы не возиться с ними на страницах книги, он остроумно вписал в первые же абзацы рассказа:

«Верочку Ариша увезла с утра к бабушке».

В дальнейшем о Верочке не вспоминают ни автор, ни ее родители.

Эта Верочка Гроссмана может служить моделью бедных советских детей. Авторы отправляют их к бабушке, чтобы они не мешали взрослым жить, совершать подвиги, иногда совершать и гадости.

Можно еще вспомнить несколько детских фигурок в нашей литературе, но искать в ней воспитательных проблем или хотя бы детских характеров было бы совершенно бесполезно. Даже в вещах, специально посвященных детской личности, дети выступают обязательно в искусственной роли. Такова «Таня» Сейфуллиной, двенадцатилетняя девочка, существо ходульное, резонерствующее, воспринимающее мир «по-взрослому».

Нет, дети, роль которых не идет дальше сюжетного орнамента, это не наши дети. И детские «словечки», книжное детское остроумие, сделанное специально для того, чтобы щекотать чей-нибудь испорченный вкус, нам не нужны. А любовь к таким словечкам у авторов иногда доходит до размеров, абсолютно неприличных. В рассказе Сейфуллиной «Молодость» умирает девушка.

«...Мать спросила:

— Что дать тебе, доченька, что?

Нина взглянула на мать совершенно сознательно и ответила строго:

— Откуда я знаю? Я умираю в первый раз».

Ведь правда же трудно не улыбнуться этому остроумию не то умирающей девушки, не то здравствующего автора.

Все эти дети — случайные фигуры в нашей литературе. Мы не верим в этих однообразно хороших детей потому, что не видим их жизни и их индивидуальности.

И совершенно уже мы не видим в наших книгах советской школы, советских воспитательных проблем и тех трудных педагогических положений, которые на деле так часто занимают и нашу семью и наше общество. Еще меньше мы видим, как в детстве воспитывались действующие в романах герои.

Ни в какой мере мы пока еще не можем выдержать сравнение с нашими классиками, которые так много уделяли внимания детству своих героев. Вспомним картины детства Обломова, Евгения Онегина, Наташи Ростово́й, детей из «Пошехонской старины», из романов Тургенева, «Детство» и «Отрочество» Л. Толстого, «Детство» М. Горького и др.

Это печально в особенности потому, что детская жизнь — органическая часть всей нашей жизни. Мы не имеем права забывать о детстве, ибо это значит игнорировать требование художественной правды.

Наша художественная литература должна уделить детям большее творческое внимание. В ее изображении советские люди не должны выступать как бы обреченно-бездетными. Дети — это живая сила общества. Без них оно представляется бескровным и холодным. Изображая наше общество без детей, советская литература обедняет его, дает картину, лишенную богатства красок и подлинной жизненности.

Вредная повесть

У меня есть знакомый мальчуган, который умеет замечательно мило спрашивать:

— Зя что?

В этой форме объединяются у него все виды пытливости. «Зя что» обозначает и «почему», и «отчего», и «для чего», и «с какой стати».

Вот и мне хочется спросить редакцию «Литературного современника»: «Зя что?»

Повесть «Шестьдесят восьмая параллель», напечатанная в четвертой и пятой книгах журнала, вызывает у меня тяжелое недоумение и лишний раз возвращает к старому, давно надоевшему вопросу: до

каких пор мы будем печатать что попало, до каких степеней может доходить у нас редакторская небрежность, литературная и художественная всеядность?

Только при очень большой безответственности можно печатать в журнале любую вещь, если она написана достаточно грамотно и если формально она касается темы более или менее актуальной. Как будто редакторы не обязаны задумываться над вопросом: как подается тема, какие мысли и чувства вызывает ее разработка у читателя, насколько художественно и интересно она сделана, наконец, для чего книга написана?!

Дело происходит на строительстве нового города на севере, у залежей апатитов. Но ни новый город, ни строительство, ни апатиты не интересуют автора, отношение к ним по меньшей мере бесстрастное, если не хуже. Картины строительства нет, а его детали, разрозненные и беспорядочные, участвуют постольку, поскольку затрагивают кулацких героев повести. Картина стройки вызывает у читателя, пожалуй, даже неприятный осадок:

«...два больших серо-зеленых трансформатора. Около трансформаторов, в низких сквозных ящиках, как черепахи в зарослях, притаились черные, все в округлых линиях, моторы. Толстые провода клубками сытых ужей свернулись на солнце».

Для меня, как читателя, это неприятно. Для чего вызываются у меня эти образы черепахи и ужей, вообще образы гадов, если я хочу видеть моторы и провода? Почему автор не рисует передо мной ту радостную картину, которую я и без него чувствую в самой теме: моторы на шестьдесят восьмой параллели? Почему ужи?

Почему сама природа смотрит на меня из повести с явно недружелюбной миной:

«Над посиневшим вздувшимся льдом не слышалось ни птичьего гама, ни хлопанья птичьих крыльев. Хибинская весна удивляла Оксану своей беззвучностью».

«Кругом серо-розовые валуны, шуплые, изуродованные ветром ели с ветвями, растущими в одну сторону. Каменистая земля. Поодаль лысые тусклые горы».

«Тлела зеленватая, как недозрелая морошка, земля».

«Болезненный рыжий пух на горах».

«Рощи уродливой карликовой березы».

«Внизу медленно мертвело озеро».

Вот только такие пейзажи настойчиво «залезают в душу» читателя. А читатель не хочет верить, будто этот край уж так несимпатичен. Ведь в природе можно видеть разное: один видит замерзающее озеро, а другой — «мертвеющее», один чувствует весну, а другой только ее беззвучность. Пожалуй, и к московской городской весне можно придаться: нет хлопанья птичьих крыльев!

На строительстве нового города используются раскулаченные и уголовные преступники. На фоне этой толпы автор хочет показать врага и дать картину «перековки». Враг в книге показан, я сказал бы, в избыточном количестве. В образах куркульского «паныча» Шовковшитного, молодого инженера-электрика Гордиенко, немца Ганса Лютиха враг преподносится читателю в лошадиной дозе. Что это за враг, насколько он опасен, к чему он стремится?

Действий врага автор почти не показывает; главная роль, которая уготована врагу, — это произнесение речей. На протяжении полутораста страниц читателю преподносятся петлюровские и фашистские речи, кулацкие стенания, страдания, мечты, бандитские сарказмы и гримасы бандитской любви. В этом и заключается все содержание книги, это и остается в памяти, и именно от этого становится тошно и не хочется дочитывать книгу до конца.

Фигура Шовковшитного создана, кажется, специально для произнесения речей и словечек. В конце повести он «перековывается», но это происходит так неубедительно и так неожиданно, что о его перековке не стоило бы и говорить. На странице 76-й Шовковшитный находится на верхней точке своего петлюровского «взлета», а на странице 93-й он уже «перековался» и изменяет своему «вдохновителю» Гордиенко, которому только недавно, семнадцать страниц назад, давал горячую и преданную клятву.

Если поверить автору и признать «перековку» Шовковшитного действительно происшедшей, то все-таки останется тайной, куда же девался настоящий Шовковшитный, этот озлобленный, наглый, разложившийся и морально отвратительный человек. Чудо его «перековки» тем более невероятно, что в повести, собственно говоря, никто и не занимался его перековкой.

Шовковшитный в повести развернуто показан до «перековки». Сначала изображается его неудачная юность, смерть его отца, его жажда мести и самая месть: покушение на убийство председателя сельсовета, а потом ссылка в «несимпатичную» хибинскую природу. Здесь Шовковшитный становится организатором всякого сопротивления труду и представителем петлюровского цинизма.

Веньке Салых, одному из самых «порядочных» кулацких сынов, добившемуся бригадирства на стройке и мечтающему о хорошей комнате и женитьбе, принадлежит авторство довольно сомнительной символической линии, проведенной через повесть.

«Горноста́й — царский зверь. Раньше царям на шубы шел, теперь на экспорт бьют. Очень дорогой зверь, поймать его трудно, а в клетку засадить прямо невозможно. Я пробовал. Не берет еду, только глядит жалобно так и злобно».

Таким «царским горностаем», не выносящим неволи, и выступает в повести Шовковшитный. Венька Салых всегда называет его «горностаюшкой», подчеркивая длящееся и очевидно значительное сравнение. А ближе к концу повести тот же Венька раскрывает идею сравнения до конца. У него для этого есть газетная заметка:

«Впервые в истории звероводства в Восточносибирском питомнике самка царского горноста́я родила в неволе... Мы стоим перед разрешением проблемы научного планирования пушного хозяйства... Состояние зверей является лучшим опровержением оппортунистических теорий о невозможности культивирования царского горноста́я в питомнике».

Поневоле напрашивается мысль, что вся идея книги и заключается в этом расширенном сравнении. Для Шовковшитного новое общество есть не больше, как принудительный питомник.

Шовковшитный уверен, что советской власти не удастся его переделать, но повесть показывает, что он ошибся. Его все-таки переделали, не истратив на это большой энергии.

Кто, какими путями?

Пути перековки мало показаны в повести. Здесь есть только один настоящий большевик, да и настоящий ли он, кто его знает? Кажется, взгляды отсекра Геничева на

процесс перековки не многим отличаются от взглядов Веньки и Шовковшитного. Первое слово, которое слышит от него Шовковшитный, такое:

«— Об камень споткнешься, голову проломить себе можешь».

Геничев единолично руководит стройкой. На одной из страниц книги попадает директор, но автор так мало им интересуется, что даже не называет ни его имени, ни фамилии. И поселенцы говорят о Геничеве так:

— Никитка, он ничего — хозяйственный паренек!

И это правильно: ответственный секретарь парткома, единственный представитель советской власти и партии на стройке, Геничев есть не больше, чем хозяйственный паренек. Описывается он по старинному штампованному способу описания таких пареньков. Его соприкосновение с действительностью редко выходит за границы таких проявлений:

«— В три смены работать станем.

— Ладно, обмозгуем. Поговорю с профоргом.

— Надо подумать, как к нему подойти».

Не удивительно, что на всем протяжении повести мы не встречаем ни политической страсти, ни человеческой теплоты, ни яркого, зовущего слова. И поэтому вся стройка читателю не кажется большевицкой, не представляется большим и значительным делом.

И вот этому самому Шовковшитному, переполнившему книгу безобразными фашистскими и петлюровскими речами, автор позволяет любоваться лицом Кирова, видеть в нем «не только изображение вождя, но и карточку любимого старшего товарища». Между тем, читатель расстается с Шовковшитным с неприятным чувством настоженности, он слишком хорошо запомнил его ненависть, слишком хорошо видит его хищную фигуру.

Другой «горноста́й», Гордиенко, изображен не менее злобным и решительным врагом. Но Гордиенко не «перековывается». Автор неожиданно приканчивает его. Гордиенко погибает в перестрелке после неожиданного молниеносного вредительства. И от этого образа остаются почти одни разговоры и призывы.

То, что написано на ста пятидесяти страницах этой повести, оставляет у читателя впечатление тяжелое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всем моем желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным.

Закономерная неудача

«Закономерность» Н. Вирты берешь в руки с большим интересом. Вызывают его и предыдущая удача автора, и тема нового романа.

Действительно, тема чрезвычайно важная: пути врагов, их зарождение, приемы действий врага и закономерность его гибели. Тема важная, чрезвычайно важная. Художественное произведение, написанное на такую тему, должно обогащать наши познания, воспитывать нашу бдительность, заострять нашу ненависть.

Н. Вирта с этой темой не справился. Он подошел к ней без достаточных знаний, без уважения к теме, без уважения к читателю. Необходимой серьезности не нашлось и у его редакторов.

На протяжении 30 печатных листов изображается захолустье, а на его фоне — история группы детей из контрреволюционного стана. История эта переплетается с работой троцкистских групп, диверсантов, кулаков.

Как все это изображается?

Дело происходит в городе Верхнереченске, в наше советское время. Город находится недалеко от Тамбова.

«Губернский город Верхнереченск, если верить летописцу, был заложен на берегу реки Кны в семнадцатом столетии и в течение многих лет служил сторожевым пограничным пунктом великого княжества Московского».

Город, заложенный в семнадцатом столетии в бассейне Волги, не мог быть пограничным пунктом, да еще великого княжества Московского, а летописцы в это время вообще не выступают свидетелями.

Каков город, таковы и герои.

«Евгений Игнатъевич Ховань был большой фигурой при последнем Романове».

Через двенадцать строчек:

«Евгений Игнатъевич был неудачник. С карьерой ему не повезло, он дослужился лишь до полковничьих эполет, хотя был умнее многих генералов».

В особенности глубокомысленно здесь звучат слова насчет ума генералов. И таков стиль всей книги. Авторский произвол, безмятежная неряшливость, пренебрежение к читателю. И все это без злого умысла, нечаянно, как будто и автор и редактор заигрались, как дети. Иногда эта игра вызывает снисходительную улыбку, иногда раздражение, но серьезно относиться к ней невозможно. И все-таки: игра происходит на большой литературной советской дороге, место — для игры совершенно не подходящее. И поэтому на каждом шагу происходят несчастные случаи.

Вот Алексей Силыч — председатель ревкома, «небольшой, жилистый и пожилой уже человек». Он «несколько раз допрашивал Льва об отце. Лев упорно стоял на своем: он не знает, где скрывается Никита Петрович».

Председатель ревкома, да еще пожилой, казалось бы, достаточно солидный персонаж, но и его привлекли «играться». И он играет. На четырех страницах Алексей Силыч буквально исповедуется перед тем самым недорослем, которого он еще недавно допрашивал. Исповедуется в довольно «душевных» тонах.

«Смеяться разучился, ей-богу. И природу начал очень остро чувствовать. Сидел вот тут и мечтал о всяких, знаете, странных вещах. Например, хотел забраться на небо и посмотреть оттуда на людей. Веселое, должно быть, зрелище. Стареею, вот и мечты появились».

Этот стареющий, и мечтающий, и болтающий предревкома в романе вообще не нужен. Просто пришла автору блажь: пусть такой предревкома играет с нами.

Когда обнаруживается, что в окрестностях скрывается бандит-антоновец Сторожев, предревкома не принимает никаких мер, что-то бормочет, ему и в голову не приходит, что бандита мог спрятать тот самый Лев, которого он несколько раз допрашивал.

И после этого Алексей Силыч исчезает из романа. А в конце романа снова появляется, уже в роли началь-

ника ГПУ в Верхнереченске. Но этот новый Алексей Силыч никакого отношения не имеет к старому, это совершенно другой человек, с другим характером.

Есть группа героев, которые из игры не выходят. Это дети: Виктор Ховань, Андрей Компанеец, его сестра Лена, Женя Камнева, Джонни и Коля Зарьев. С ними игра затевается серьезная и по всем правилам литературы. Описываются родители, няни, дяди, условия воспитания. В этом описании автор не жалеет ни слов, ни бумаги, ни читателя. Неудачника царедворца мы уже видели. А вот Сергей Петрович Компанеец.

«Он думал об одном: как бы оторвать Украину от Москвы, и завести в ней европейские порядки. Когда товарищи резонно указывали ему, что украинский народ и сам может быть хозяином на своих полях и что не в отделении дело, Сергей Петрович лишь ругался, так как никаких твердых убеждений не имел».

Чем не портрет? И «думал только об одном», и «убеждений не имел». И все это ни к чему. Не имеет это значения ни для самого Компанейца, ни для его детей. Просто к слову пришлось. Через десять строчек сказано, что «мечты о вызволении Украины он тотчас забыл», но и этому не верьте; на следующей странице он снова мечтает.

Таких страничек, случайно подвернувшихся под руку, ненужных характеристик, лишних диалогов в романе очень много.

Но главные герои все-таки иногда появляются на поверхности. Читатель встречает их во втором классе гимназии. Но уже через несколько страниц они выступают как персонажи более взрослые. Читателю трудно разобраться в их личных характерах, так как автор любит поворачивать их по первому капризу, как придет в голову.

К примеру, Джонни:

«Казалось, не было в гимназии мальчишки острее и изворотливее». «С теми, кто его третировал, он расправлялся безжалостно. Он знал десять способов, любой из которых мог известить каждого...»

Все это напечатано черным по белому, но этому не нужно верить. В любой момент автор захочет и переделает, и даже сам этого не заметит: через несколько стра-

ниц Андрей отнимает у Джонни пистолет и... ничего не происходит.

«Джонни хотел было зареветь, но в разговор вмешалась Лена.

— Отдай, — сказала она Джонни, — он уже намок...».

И это пройдет бесследно, Джонни будет выступать с новыми чертами.

Главной сюжетной линией автор хочет сделать длительную игру, организуемую Опанасом. Опанас — неряшливый во всех отношениях человек, автор относится к нему также неряшливо. На протяжении всего романа все герои относятся к Опанасу презрительно, но это не мешает ему быть руководителем этой группы молодежи. Почему? Неизвестно почему. Никаких данных для этого у него нет.

На нескольких страницах в романе проносится восстание, руководимое «неудачным царедворцем» Хованем, — отголосок антоновщины.

Опанас водил по городу бандитов и указывал им квартиры коммунистов. Все об этом знают. Но дело оканчивается таким детским диалогом:

«— Опанаса выпустили, — сказал между прочим Джонни.

— Откуда? — изумился Виктор.

— Из тюрьмы. Кто-то донес, что он указывал бандитам дома коммунистов. Ох, и похудел же он!

— И вообще стал другим, — прибавила Лена».

Читатель, не верьте этому. Опанас и не похудел и не стал другим. Все это нарочно. Литературная игра.

Она продолжается:

«Повидимому, она (Лена) догадалась, что Виктор переживает внутреннюю борьбу между чувствами к ней и к Жене Камневой.

Николай Опанас, зная обо всем этом, решил предложить ребятам новое занятие».

В таких невинных словах начинается новая игра в «круг вольных людей». Автор делает вид, что это игра опасная, с политическим привкусом. Но игра нигде не описывается, автору некогда. Следует новый авторский каприз: вся группа ребят увлекается драмкружком, все оказываются талантливыми актерами, и советская власть отдает в их распоряжение городской театр. Быстро, деше-

во, увлекательно! Кто там ещё играет в театре — автору неинтересно, да и читатель уже приучен к тому, что судьба играет человеком.

Но вот выдвигаются новые силы, во-всю разворачиваются «подвиги» главного героя романа — Льва Кагардэ. Эта фигура — соединение всех пороков: мститель, развратник, бандит и вор. Как сформировался этот гнусный человек — в романе не показано, хотя Н. Вирта описывает множество эпизодов детства и юности Льва. А когда Лев начинает свою контрреволюционную работу — совсем уже законспирирован внутренний мир его. За Кагардэ стоит кто-то таинственный, не разберешь — кто. Лев пропадает несколько лет за границей, не разберешь — где. К нему приезжает роковой «одноглазый». Замогильными голосами они разговаривают. А разговор такой:

«— Вы сообщили, будто бы есть какие-то шансы в деревне?»

— Так точно! Мне кажется, в партии начинается борьба вокруг деревенских дел. Вероятно, будет принята очень суровая линия, — кулаки мешают Советам. Советы стараются убрать кулаков.

— Не перестреляют же они их?

— У них новый термин — коллективизация».

Не правда ли: любопытные враги, которые из-за границы прут через весь Союз, чтобы в Верхнереченске прослушать элементарную беседу о том, что Советы стараются убрать кулаков, и что есть такой термин «коллективизация»...

Показываются в романе и троцкисты. Их представляет, главным образом, начальник угрозыска Богданов. И Богданов и остальные троцкисты в романе очень глупы, комичны и болтливы. Богданов настолько глуп и нерасторопен, что, будучи начальником угрозыска, не может найти даже помещения для подпольного собрания троцкистов и доверчиво принимает совет Льва собраться в театре. Аргументы Льва, правда, очень убедительны: от трех до шести в театре никого не бывает. И «доверчивые», «наивные» — по представлению автора — троцкисты устраивают подпольное собрание в театре, на виду у актеров и всего города. Эти доверчиво-глупенькие троц-

кисты показаны, впрочем, и с другой стороны — как бандиты, но сделано это весьма наивно.

Неправильность показа сказывается и в деталях. Художественное произведение не имеет права оперировать заезженными средними понятиями, это право принадлежит только лубку. А вот, например, детали того же подпольного собрания троцкистов:

«— Не велено пускать, — сказал один из патрульных, здоровенный детина, похожий на грузчика».

«Около телефона сидел тип, столь же подозрительный, как и охранявшие вход в театр. Щека этого человека была подвязана грязной белой тряпкой».

Джонни подошел к телефону. Тип загородил аппарат.

— В чем дело? — спросил его Джонни.

— Позвонишь завтра, — ответил тип и сплюнул.

— У меня дома больные.

— Не сдохнут, — ответил тип и, взяв Джонни за шиворот, выставил его из канцелярии».

«Патрульные засучили рукава. Сергей Иванович посмотрел на их кулаки, в кулаках были зажаты свинчатки».

Что это такое? Подпольное собрание троцкистов в 1927 году? Кто же не узнает в этих подозрительных типах обыкновенных членов «Союза русского народа» — черносотенцев. Н. Вирта срисовал их с каррикатур 1906 года: и свинчатки и даже щека подвязана, да еще — грязной тряпкой.

Потом эти «дурачки» собираются в лесу, но группа подростков разгоняет их несколькими криками. Несмотря на это, «доверчивый» Богданов устраивает тайную типографию в помещении, предоставленном Л. Кагардэ. Впрочем, деятельность типографии оканчивается в опереточном жанре: печатается объявление «м о б и л и з а ц и я» — завтра представление в цирке! На базаре паника. Автор хохочет: такой веселый этот враг и диверсант Лев Кагардэ.

Конец романа наполнен громом событий. Здесь уже автор разыгрался во-всю. Ограбление кассира, покушение на убийство секретаря губкома, авария на электростанции, пожар поезда. Все это устраивается всемогущим Львом; впрочем, устраивается без особого напряжения.

Чтобы ограбить кассира, Лев Кагардэ пускает в дело

только что привезенного из деревни мальчика. Кассира ограбили, и мальчик — снова как мальчик — милый ребенок. Совсем удалить его со страниц романа тоже нельзя: он еще пригодится для покушения на убийство секретаря губкома. Такие тринадцатилетние мальчики для этого дела самый подходящий элемент, особенно если дожидаться, когда мальчик заболит и будет в бреду. Как это не похоже на подлинные дела троцкистских террористов!

Конечно, все происки Льва Кагардэ оканчиваются пустяками. Как только начали гореть вагоны, Сергей Иванович, секретарь губкома, крикнул:

— Немедленно вызвать пожарную команду!

И это — все. Настоящей борьбы партии с троцкистскими прохвостами в книге нет. Все устраивается само собой. И опять множество несообразностей. Начальник ГПУ знает, каким поездом уедет из города Лев, а вот о диверсии на электростанции и о предполагаемом поджоге поезда ничего не знает.

В конце романа, описывающем события 1928—29 гг., Лев Кагардэ показан как полностью разбитый и уничтоженный враг. Все его резервы исчерпаны, все «кадры» уничтожены. Похоже ли это на реальную действительность?

Всего не перескажешь. Пути верхнереченской жизни очень запутаны. Нет там только одного: нет закономерности и нет простого чувства меры.

На некоторых страницах, в особенности в картинах деревни, ясно виден энергичный талант молодого писателя; тем более незаконмерно с его стороны и со стороны его редакторов так небрежно и легкомысленно относиться к этому таланту.

На этот раз хочется только небрежностью объяснить весь этот несчастный случай. Объективно же мы должны понимать: иной молодой читатель пропустит все неувязки и несуразности текста, а вот эта бесконечная картина пустой игры в контрреволюцию, перемешанной с любовными приключениями, может и запомниться.

Еще опаснее та комически-пинкертоновская возня, которую автор хочет представить как работу троцкистов. Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты, с кем они связаны и на что они способны. В интересах повышения

нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и бестолкового чудака.

Легкомысленное отношение к важнейшим и ответственным темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьезную работу скороспелым лубком — вот что определило неудачу романа Вирты.

Рассказы о простой жизни

Владимир Козин рассказывает о жизни предельной простоты. В ее течении как будто так мало разнообразия, что автору приходится на каждом шагу возвращаться к одним и тем же предметам, к одним и тем же мизансценам, к одному и тому же ряду картин: пустыня, овцы, собаки, солнце, ишак, луна, снова овцы, снова луна и собаки. В таком простом мире живут и работают люди: директор овцеводческого совхоза Метелин, зоотехник Кулагин, старики-пастухи и пастухи молодые, студенты-практиканты Орешкин и Наташа.

В их жизни происходят события, сущность которых вовсе не так проста: трагическая смерть сына Метелина, раздавленного трактором, «трещинка» в личном счастье Наташи, полный героизма закат столетнего бродяги-пастуха Белудж-Хана, бежавшего из Ирана и только перед смертью нашедшего для себя и своего сына приют в стране Советов.

Но и об этих событиях Козин рассказывает с такой суровой, лаконичной простотой, что и самый их трагизм как-то уместно размещается среди аксессуаров пустыни, среди песчаных долин, жаркого солнца, овечьих стад и стерегущих стада собак.

Повесть Козина заканчиваешь с некоторым даже удивлением: что-то случилось, что-то такое важное сказал автор, что-то близкое.

В сдержанной, благородной манере автора много таланта. Я в особенности хочу подчеркнуть это утверждение. И этот талант не имеет вида сырой глыбы.

Козин умеет заставить читателя не только переселиться в будни пустыни, но и полюбить все, что там происходит.

Это умение у Козина свое, особенное, которое нельзя передать в простом пересказе, которое все заключено в сильные и строгие рамки его писательской индивидуальности. Его текст местами так прекрасно сделан, что у меня возникает большое желание цитировать большие отрывки, но и такой показ не достиг бы цели, потому что у Козина существует очень сильная сюжетная струя под текстом, в некоторых местах эта особенность его композиции настолько тонко выражается, что основная тема как бы прячется от глаз читателя, и требуется большой эстетический навык, чтобы ее увидеть.

Так изображен, например, образ Наташи. Ему посвящено всего шесть страниц.

Автор почти не касается душевного самочувствия Наташи. Читатель должен увидеть его в ее словах, поступках. Они изображаются на том же фоне жизни в песках, где все так просто и так понятно. Вот Наташа перевязывает руку подпaskу Кадыру, которого поранил плененный волк. Наташа горячо отзывается на несчастье Кадыра, шутит, улыбается. Автор умеет в замечательном ритме деталей показать девушку в обстановке пастушеского быта пустыни:

«Одиннадцать щенят побежали вслед...»

«Голос возник в темноте, удивленный и звонкий. Одиннадцать щенят торопливо слизывали с песка разбрызганную кровь».

«Три толстых щенка перелезли через порог землянки и, испугавшись, выкатились обратно».

«...Наташа улыбулась¹ Кадыру. «Не целуйся с волками!» — Она присела на песок и набрала в колени щенят».

Эти щенята как будто нарочно приглашены, чтобы самым милым образом подчеркнуть и умиротворить жизнь. И Наташа среди них, в несложных проявлениях этой жизни, кажется счастливой, радостной и прелестной в сво-

¹ Кстати, в журнале «Красная новь» напечатано: «Наташа улыбулся» — одна из опечаток, столь нередких в журнале «Красная новь». (Примечание А. С. Макаренко. — *Ред.*)

ей радости. Автор только мимоходом, в отдельной, как будто случайной строчке, приоткрывает какую-то истину, может быть, даже и не важную. Вот Наташа заигралась с ишаком и вспоминает Орешкина, своего мужа:

«Как они похожи, — прошептала Наташа...»

Читатель о чем-то начинает догадываться, но автор, как ни в чем не бывало, рассказывает дальше:

«Ишак круто повернулся и повлек Наташу за собой. Это ему понравилось. Он стал крутиться. Наташа, не выпуская платка, летала, откинувшись, вокруг упрямца. С ноги ее слетела туфля. Она смеялась и кричала.

На крик прибежали одиннадцать щенят...»

Прибежали эти самые щенята, и читатель снова спокоен. Все благополучно у хорошей, симпатичной, живой Наташи. Она начинает хлопотать, чтобы достать воды для подсосных овец. Это очень сложно. Никто не хочет ей помочь, она сама пытается достать воду из глубокого колодца, роняет тяжелое кожаное ведро и смущена, и деятельна, спускается на дно колодца, задыхается, ее вытаскивают в обмороке. Попытки других достать это ведро так же оканчиваются неудачей. Только прискакавший на белом коне красивый и удачливый Сафдар Али достал ведро.

«Сафдар Али выпрыгнул из колодца. Наташа обняла его и поцеловала. Пастухи засмеялись».

И этот случайный поцелуй проходит мимо читателя почти как шутка. Только постепенно автор показывает ничтожество Орешкина и дает основание читателю о чем-то догадываться. Но Наташа рассказывает пастухам сказку о рыбаке и рыбке, и читатель снова любит Наташей и не хочет думать о каких бы то ни было ее душевных ранах.

Рассказ Наташи о рыбаке и рыбке и отзывы слушателей сделаны Козиним в таком ярком плане, что читателю и в голову не приходит, что в это самое время Наташа страдает от неудовлетворенности своей личной жизнью, от тоски жизни рядом с ленивым, пустым Орешкиным. Только когда этот Орешкин говорит Наташе:

«Иди, стели постель, давно пора тебе спать. Все бродишь, блох набираешься», — читатель начинает ощущать

подземную сюжетную линию и понимает, почему Наташа обращается к ишаку с такими словами:

«Счастье бывает и с трещинкой».

Гораздо проще и доступнее рассказана история Белудж-Хана. Столетний пастух, только к концу жизни прибившийся к советскому берегу, нашедший здесь смысл жизни, покой и долг перед людьми, — тема незаурядной трудности, и Козин рассказывает о старике без усилий, просто и мудро, тем же лаконичным языком большой и скромной человеческой любви.

В повести Козина есть и небольшие срывы, может быть, только потому заметные, что они происходят на слишком хорошем фоне, автор сам заставляет читателя быть к нему очень требовательным. К таким срывам я отношу несколько фарсовую завязку истории с Кулагиным. Муж возвращается из поездки по степи, жена ожидает его с любовью, но он немедленно должен уезжать. Несколько часов, оставшихся в распоряжении супругов, заполняются досадными посетителями. Подбор этих посетителей, их разговоры и шутки автором сделаны небрежно.

Еще раз повторяю, все это бросается в глаза только на фоне литературной удачи автора.

Я не сомневаюсь, что в манере рассказа и мироощущении Владимира Козина заложены чрезвычайно большие возможности. Его «Рассказы о просторе» вызывают чувство настоящей литературной радости.

Но совершенно необходимо, чтобы автор перешел к темам более сложным и социально широким. В «Рассказах о просторе» больше хорошего зрения и хорошего слуха, чем мысли и анализа. Поэтому собаки, ишаки, ягнята часто выступают в таком же стильном антураже, как и человек, и автор встречает их с такой же большой симпатией. В описании пастушеской жизни это не вызывает особенной диспропорции, но хочется пожелать Козину, чтобы он не ограничивался только пастушеской жизнью.

Нельзя скрыть того, что в том виде, как эта жизнь описана у Козина, это все-таки примитивная жизнь, и даже Метелин и зоотехник Кулагин не избежали признаков примитивности. Надо, чтобы свой свежий талант Козин проверил на темах более сложных.

„Чапаев“ Д. Фурманова

Со времени выхода в свет «Чапаева» прошло почти полтора десятка лет. За это время мы несказанно разбогатели новыми ощущениями нашего советского могущества. При свете нашего сегодняшнего знания, в ощущении силы наших сегодняшних мускулов, в дисциплине и радости двадцатилетнего советского народа, мы имеем возможность видеть в книге Фурманова больше и дальше, чем видели мы в 1923 году, чем видел сам Фурманов. Но эта книга дает нам не только материал для сравнения.

«Чапаев» производит прежде всего впечатление добросовестности. Это документальный отчет комиссара дивизии. Отчет снабжен датами, точными именами людей и селений, копиями документов и писем. Текст Фурманова на каждой странице несет в себе деловые сентенции, примечания автора, поправки, оговорки, формулировки. Ни фантазия, ни художественное преувеличение у Фурманова невозможны. Казалось бы, современный читатель и должен принять эту книгу с таким же добросовестным, узко познавательным интересом, кое на чем поставить знак внимания, а вообще порадоваться тому, насколько далеко ушли мы от времен гражданской войны, насколько мы выросли, поумнели, разбогатели. Такое впечатление может произвести книга, написанная с холодной добросовестностью.

Но против воли автора при чтении «Чапаева» мы раньше всего другого воспринимаем у него нечто большее, чем добросовестность. Это «нечто» главным образом и захватывает читателя, волнует его, оставляет глубочайший след в его душе, заставляет отложить в сторону сравнения, заставляет находить в Чапаеве и его бойцах грандиозное могущество, личность неизмеримой высоты, которой страстно хочется следовать, у которой нужно честно и скромно учиться. У читателя представление о нашей технике, о нашем политическом и научном знании, о высокой ясности нашего народного духа не исчезает, не отстраняется рассказом Фурманова, не служит только данным для сравнения, а остается как непреходящий, необходимый, мажорный фон, на котором

только ярче рисуется прекрасная, родная для нас чапаевская сила. Это основная схема того большого художественного впечатления, которое производит «Чапаев» Дм. Фурманова.

Но сам Фурманов этого не знает. Он рассматривает Чапаева на слишком близком расстоянии и меньше всего задается целью произвести именно такое впечатление. Его добросовестный рассказ до краев наполнен осторожностью, щепетильным анализом, слишком понимающей трезвостью, слишком большим участием интеллекта. От первой до последней страницы открыто звучит авторское напряжение, преследующее одну цель: удержаться на линии реальности, не проявить чувства восхищения, избежать путей к легенде.

В сущности, эта авторская напряженность составляет основную стилевую линию.

На стр. 51—52 автор описывает разговор в пути. Гриша — возчик, доставляющий Федора Клычкова (Фурманова) и Андреева к фронту, — впервые в книге упоминает имя Чапаева. Гриша — участник чапаевских походов, оставивший отряд по причине ранения.

«— Из себя-то как? — жадно выпытывал Федор, и видно было по взволнованному лицу, как его забрал разговор, как он боится проронить каждое слово.

— Да ведь што же сказать? Однем словом — герой! — как бы про себя рассуждал Гриша. — Сидишь, положим, на возу, а ребята сдалька завидят: «Чапаев идет, Чапаев идет...» Так уж на дню его, кажись, десять раз видишь, а все охота посмотреть: такой, брат, человек! И поползешь это с возу-то, глядишь — словно будто на чудо какое. А он усы, идет, сюда да туда расправляет, — любил усы-то, все расчесывался.

— Сидишь? — говорит.

— Сижу, мол, товарищ Чапаев.

— Ну, седи, — и пройдет. Больше и слов от него никаких не надо, а сказал — и будто радость тебе делается новая. Вот што значит настоящий он человек!

— Ну, и герой... Действительно, герой? — щупал Федор.

— Так кто про это говорит, — значительно мотнул головою Гриша. — Он у нас ишо как спешил, к приме-

ру на Ивашенковский завод? Уж как же ему и охота была рабочих спасти: не удалось, не подоспел ко времени.

— Не успел? — вздрогнул Андреев.

— Не успел, — повторил со вздохом Гриша. — И не успел-то малость самую. А што уж крови за это рабочей там было — н-ну!..»

Гриша с первого слова называет Чапаева героем, настаивает на этом высоком определении и старается доказать его правильность. Но какие у него доказательства? Он сказал: «Сидишь?» У него была «охота рабочих спасти». И даже то обстоятельство, что Чапаев «не успел», в глазах Гриши ничего не изменяет. И в дальнейшей беседе Гриша не упоминает ни о каких подвигах Чапаева, а с наибольшей экспрессией рассказывает о случае, когда Чапаев за беспорядочную стрельбу на посту «двинул» Гришу прикладом в бок.

Фурманов приводит эту беседу с определенной целью. Это пролог к развертыванию образа Чапаева. В прологе Чапаев выступает как «герой» без достаточных оснований. Даже Гришкина вера в героизм Чапаева очень далека от мистического преклонения и легенды. Гриша — человек здравомыслящий и реальный, он даже не прочь дипломатически сыграть на героической исключительности Чапаева:

«— ...Да как двинет прикладом в бок! Молчу, чего ему сказать? Спыхватился, да поздно, а надо бы по-иному мне: как норовил это за винтовку, а мне бы отдернуть: не подходи, мол, застрелю — на карауле нельзя винтовку щупать. Он бы туда сюда, а не давать, да штык ему еще в живот нацелить: любил, все бы простил разом...

— Любил? — прищурился любопытный Федор.

— И как любил: чем его крепче огорошишь, тем ласковее».

Но Гриша все-таки убежден, что Чапаев — герой. Фурманов старается быть последовательнее: он не предъявляет доказательств героизма и в согласии с этим утверждает, что Чапаев даже и не герой. У Фурманова читатель не увидит Чапаева, летящего с занесенной шашкой на черные колонны врагов, не увидит воодушевленного отвагой лица. Только один раз на все 300 стра-

нид книги Фурманов изображает Чапаева в бою — это Сломихинский бой.

«Позади цепей носился Чапаев, кратко, быстро и властно отдавал приказанья, ловил ответы».

Но и в описаниях этого боя вы не столько видите боевого вождя, сколько хорошего военного распорядителя. Еще в одном месте, в картине Пилюгинского боя, Фурманов глухо упоминает:

«Здесь я встретился с Чапаевым, — он объезжал части. В той атаке, что была перед овином, он участвовал лично и оттуда же вошел в село».

И это все, а между тем Пилюгинскому бою было посвящено восемь страниц, только Чапаева в них нет.

Непосредственное участие Чапаева в бою под Уфой изображается так:

«Находясь при переправе, Чапаев каждые десять минут сносился телефоном то с Сизовым, то с командирами полков. Связь организована была на славу... Он нити движения ежеминутно держал в своих руках, и короткие советы его по телефону, распоряжения его, что посылал с гонцами, — все это показывало, как он отчетливо представлял себе обстановку в каждый отдельный момент».

В этом описании Чапаев выступает меньше всего как легендарный герой. Это добросовестный, внимательный, способный командир, — не больше.

Здесь приведены только те строки, в которых описывается непосредственное участие Чапаева в бою, конечно, в качестве командира. Но других строчек, сверх приведенных, в книге нет. Эта явная сдержанность в изображении Чапаева-героя в то же время ни в какой мере не похожа на намерение умалить военные успехи Чапаева. Фурманов добросовестно отмечает эти успехи:

«Чапаевская дивизия шла быстро вперед, так быстро, что другие части, отставая по важным и неважным причинам, своею медлительностью разрушали общий единый план комбинированного наступления».

«Чапаевская дивизия не знала поражений, и в этом немалая заслуга самого Чапаева».

Не скрывая от читателя действительных военных успехов Чапаева, Фурманов избегает показывать его на боевом поле. Посвятив Чапаеву большую книгу, подробно описывая его характер, привычки, мысли, встречи и

столкновения с людьми, выступления и речи, словечки и странности, Фурманов всегда делается лаконичным или молчаливым, когда дело касается участия Чапаева в сражении. Иногда эта тенденция решительно противоречит теме. Самое неудачное, композиционно скомканное место книги относится к самому важному стратегическому моменту на колчаковском фронте — моменту перелома под Бузулуком.

Фурманов начинает в свойственной ему напряженно-краткой форме:

«Колчак двигался широчайшим фронтом на Пермь, на Казань, на Самару, — по этим трем направлениям шло до полутораэта тысяч белой армии. Силы были почти равные — мы выставили армию, чуть меньшую колчаковской. Через Пермь и Вятку метил Колчак соединиться с интервентами, через Самару — с Деникиным; в этом замкнутом роковом кольце он и торопился похоронить Советскую Россию».

Но вслед за этими строчками автор спешит разрешить напряжение. Он ни одной минуты не задерживает читателя в состоянии беспокойства. Он немедленно говорит:

«Первые ощутительные удары он получил на путях к Самаре: здесь вырвана была у него инициатива, здесь были частью расколочены его дивизии и корпуса, здесь положено было начало деморализации среди его войск. Ни офицерские батальоны, ни дрессировка солдат, ни техника — ничто после первых полученных ударов не могло приостановить стихийного отката его войск до Уфы, за Уфу, в Сибирь до окончательной гибели. В боях под Белебеем участвовали полки каппелевского корпуса — цвет и надежда белой армии; они были биты красными войсками, как и другие белые полки. Красная волна катилась неудержимо, встречаемая торжественно измученным и разоренным населением».

Решающий момент на восточном фронте Фурманов «проходит» скороговоркой, не уделив ему ни одного живого, художественного штриха. Читателя поражает эта экономность автора, читатель возвращается к прочитанным страницам и спрашивает: может быть, так и нужно? может быть, дивизия Чапаева была в стороне от главного участка борьбы? может быть, на этом участке добывали победу другие части? Читатель, уже сроднившийся

с Чапаевым и его бойцами, жадно ищет ответов на эти вопросы, но автор не спешит отвечать. Только что в таких коротких словах описав переломный момент на фронте, отметив и такой финальный момент, как гибель колчаковцев в Сибири, автор вдруг возвращается к исходной точке, к дням величайшего напряжения, подробно изображает суматошную энергию военных поездов и останавливается снова на вершине военного перевала:

«Стоит готовая к бою, налитая энергией, переполненная решимостью Красная Армия... Ощетинилась штыками полков, бригад, дивизий... Ждет сигнала... По этому сигналу — грудь на грудь — кинется на Колчака весь фронт и в роковом единоборстве будет пытаться свою мощь...

28 апреля... незабываемый день, когда решалось начало серьезного дела: Красная Армия пошла в поход на Колчака».

И снова читатель в нетерпении ждет, чем разрешится это страшное напряжение, он хочет увидеть в художественных образах, что случилось в этот день, 28 апреля, какую боевую страду пережила в этот день чапаевская дивизия. В том, что ей была поручена самая ответственная часть фронта, читатель уже не сомневается, на предыдущей странице перед ним промелькнула короткая, но ясная строчка, указывающая, что бригады Чапаева сосредоточились под Бузулуком. Вторично поставленный автором на самом остром участке борьбы, читатель вправе ожидать ответов. Но их не будет. «Красная Армия пошла в поход на Колчака». На этом текст обрывается и начинается глава с довольно неожиданным и странным заглавием: «Перед боями».

Так читатель и не узнает, какое участие приняла чапаевская дивизия в переломных боях, какая роль в них принадлежала самому Чапаеву. Потом, через несколько страниц, Фурманов опишет Пилюгинский бой, удельное значение которого в общем развитии операции Фурманов нигде не определяет.

Эта «батальная» сдержанность автора находится в полном соответствии с его прямыми высказываниями о значении Чапаева. По всей книге разбросаны такие скептические строчки:

«Когда подумаешь, обладал ли он, Чапаев, какими-

либо особенными, «сверхчеловеческими» качествами, которые дали ему неувядаемую славу «героя», — видишь, что качества у него были самые обыкновенные, самые «человеческие».

«Чапаевскую славу родили не столько его героические дела, сколько сами окружающие его люди».

«Часто этих качеств было у него не больше, а даже меньше, чем у других, но так уж умел обставить он свои поступки, и так ему помогали это делать свои, близкие люди, что в результате от поступков его неизменно излучался аромат богатства и чудесности».

«...Где героичность Чапаева, где его подвиги, существуют ли они вообще, существуют ли сами герои?»

«Чапаев был хорошим и чутким организатором того времени, в тех обстоятельствах и для той среды, с которою имел он дело, которая его и породила, которая его и вознесла! Во время хотя бы несколько иное и с иными людьми — не знали бы героя народного, Василия Ивановича Чапаева! Его славу, как пух, разносили по степям и за степями те сотни и тысячи бойцов, которые тоже слышали от других, верили этому услышанному, восторгались им, разукрашивали и дополняли от себя и своим вымыслом, несли дальше. А спросите их, этих глашатаев чапаевской славы, — и большинство не знает никаких дел его, не знает его самого, ни одного не знает достоверного факта...

Так-то складываются легенды о героях. Так сложились легенды и о Чапаеве».

Дм. Фурманов, таким образом, выступает в своей книге как открытый противник легенды. С исключительной, придирчивой трезвостью он рисует образ Чапаева. Так скупко изображая его в обстановке боя, Фурманов не скупится на описание многочисленных его недостатков. Вспыльчивость, вздорная подозрительность, хвастливость, самодурство, вопиющая слабость политического развития, даже то, что Чапаев крестится, — все это гораздо обильнее и подробнее изображается автором, чем боевые дела комдива. Фурманов приводит очень много бесед Клычкова с Чапаевым. Последний почти всегда уступает его логике, его знанию и ясной воле. Некоторые критики именно в этих беседах увидели главное содержание книги и объявили, что в «Чапаеве» Фурманова нужно видеть

картину благотворного влияния партии на вышедшего из крестьянской среды самородка. По мнению этих критиков, тема «Чапаева» есть тема, так сказать, педагогическая. Партия при этом, в глазах критиков, представлена в книге в единственной фигуре Клычкова.

Действительно, в книге нет ни одного лица, разделяющего с Клычковым его воспитательную работу. Политические работники, окружающие Чапаева, не могут участвовать в его воспитании по разнообразным причинам. Все они находятся под тем же его могучим обаянием, под каким находится и вся масса его бойцов. Их имена проходят в книге без яркого следа. Сам Фурманов не преувеличивает роли отдельных политработников.

В книге, например, выступает весьма характерная фигура комиссара бригады Бурова, который блестяще руководит ответственной разведкой перед боем, но на вопрос Клычкова о политической работе в бригаде дает такой ответ:

«— Да што, — махнул комиссар, — скажу вам откровенно, товарищ Клычков, ничего не делаю, ей-богу, ничего. Ругайте — не ругайте, а некогда. Што бы делать? Или вот за реку ехать, или программу учить?.. За реку нужней.

— Верно, — сказал Федор. — Да я и не о том... Что обстановка нам диктует — кто скажет против того? Ну, а бывают же моменты, когда можно?

— Никогда! — отрубил уверенно Буров, скручивая на пальце цыгарку».

Клычков действительно остается единственным воспитателем Чапаева, но отсюда еще очень далеко до утверждения, что темой книги Фурманова является эта воспитательная работа Клычкова. В книге нет художественных оснований для такого утверждения. От начала до конца книги Чапаев остается одинаково характерной и колоритной фигурой. При всем желании, очень трудно установить настолько заметное и принципиальное изменение в его характере, которое позволяло бы говорить о каком-либо переломе, о чем-то настолько важном, что оно могло бы служить основной темой книги. В какой области критики видят этот яркий результат воспитательной работы Клычкова? В чисто военной сфере Чапаев

непогрешим от начала до конца, здесь, конечно, и не требуется никакого вмешательства. В области классового самочувствия, отношения к врагу, боевой страсти — Чапаев и в самом начале стоит на той же высоте, на которой и умирает. А что касается недостатков его характера, вспыльчивости, подозрительности и властного своеволия, то и здесь Клычков не может похвалиться особыми успехами в «перевоспитании». Если в начале книги мы встречаем обычные для Чапаева словечки о «центрах» и «штабах», то и в самом ее конце описывается известный случай, когда Чапаев потребовал от ветеринарного врача и комиссара, чтобы они экзаменовали знакомого коновала и выдали ему удостоверение в том, что он может быть «ветеринарным доктором», и кричал при этом:

«— Знаем, — говорит, — мы вас, сукиных детей, — ни одному мужику на доктора выйти не даете».

Закljučая этот эпизод (повторяем, — в конце книги), Фурманов снова говорит:

«Подобных курьезов у Чапаева было сколько угодно. Рассказывали, что в 1918 году он плеткой колотил одно довольно «высокопоставленное» лицо, другому отвечал «матом» по телеграфу, третьему — накладывал на распоряжении или на ходатайстве такую «резолюцию», что только уши вянут, как прочитаешь. Самобытная фигура! Многого он еще не понимал, многого не переваривал, но уже ко многому разумному и светлому тянулся сознательно, не только инстинктивно. Через два-три года в нем кой-что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать...»

В этих строках Фурманов серьезно и в окончательной форме утверждает сравнительную неизменяемость натуры Чапаева, медленный его рост — медленный по сравнению с мечтой указанных выше критиков. Фурманов в поведении Чапаева не видит большой разницы между 1918 и 1919 годами, он не отмечает никаких разительных результатов воспитывающего влияния Клычкова. Только через два-три года он допускает некоторые возможности, но и то в очень сдержанных выражениях: «кой-что отпало бы». Во всем приведенном отрывке обращают на себя внимание слова: «ко многому разумному и светлому тянулся сознательно». Может быть, это тя-

готение было создано Клычковым или в некоторой мере удовлетворено?

Нет. В первой же беседе с Клычковым Чапаев говорит ему, не побуждаемый к тому никаким «влиянием» только что прибывшего комиссара:

«— ...Скажу вам, товарищ Клычков, што почти неграмотный я вовсе. Только четыре года, как я писать-то научился, а мне ведь тридцать пять годов! Всю жизнь, можно сказать, в темноте ходил. Ну, да што уж — другой раз поговорим...»

Эту свою темноту Чапаев ощущал очень остро. И, конечно, никакое воспитание не могло бы начаться без ликвидации этой темноты. Клычков это понимает прекрасно:

«...Они перешли к самому больному для Чапаева вопросу: о его необразованности. И договорились, что Федор будет с ним заниматься, насколько позволят время и обстоятельства... Наивные люди: они хотели заниматься алгеброй в пороховом дыму! Не пришлось заняться, конечно, ни одного дня, а мысль, разговоры об этом много раз приходили и после; бывало, едут на позицию вдвоем, заговорят-заговорят и наткнутся на эту тему.

— А мы заниматься хотели, — скажет Федор.

— Мало ли што мы хотели, да не все наши хотенья выполнять-то можно... — скажет Чапаев с горечью, с сожалением».

Эта горечь боевого комдива, в момент разгрома колчаковских полков думающего о своей неграмотности, безнадежно мечтающего о знании, — это трагический мотив в книге. Он вызывает у читателя чувство большой и печальной симпатии к Чапаеву, но не вызывает ничего похожего на высокомерное пренебрежение к его темноте. Чапаев проходит перед читателем всего на протяжении нескольких месяцев, проходит в огне трудной и остервенелой борьбы как один из лучших вождей в этой борьбе, он идет от победы к победе, от победы к смерти. Нужно быть до самой возмутительной степени филистером, чтобы увидеть в этом Чапаеве объект педагогической работы и торжествовать: а все-таки Клычков его перевоспитал! Какой он раньше был темный, а какой потом стал!

Мы видели, что сам Фурманов не сбивается на этот пошлейший тон педагогического бахвальства, он не пре-

увеличивает значения своих воспитательных успехов. Истинная сущность отношений между Клычковым и Чапаевым прекрасно изображена в следующих строчках, рисующих момент непосредственно после отозвания Федора Клычкова из дивизии:

«Напрасно Чапаев посылал слезные телеграммы, просил командующего, чтобы не забирали от него Федора, — ничто не помогало, вопрос был предreshен заранее. Чапаев хорошо сознавал, что за друга лишился он с уходом Клычкова, который так его понимал, так любил, так защищал постоянно от чужих нападков, относился разумно и спокойно к вспышкам чапаевским и брани — часто по адресу «верхов», «проклятых штабов», «чрезвычайки», прощал ему и брань по адресу комиссаров, всякого «политического начальства», не кляузничал об этом в Ревсовет, не обижался сам, а понимал, что эти вспышки вспышками и останутся».

Здесь нет ни одного слова о каком-то особенном «учительском» влиянии Клычкова на Чапаева. Их отношения были отношениями глубокой, деловой и человеческой дружбы двух людей, горячо, до последней капли крови, преданных революции, идущих рядом во главе славной дивизии на разгром Колчака. Значение Клычкова не столько «учительское», сколько деловое. Во многих случаях Клычков выступает в качестве тормоза для неумеренно горячей природы Чапаева, но это выступление необходимо было не для воспитания Чапаева, а прежде всего для успеха дела, а кроме того, для сбережения в деле самого Чапаева, для защиты его от возможных последствий его собственной горячности. Именно в этом и заключается истинно политическая, комиссарская заслуга Клычкова.

С большой человеческой силой, с настоящим большевистским упорством он сумел понять, оценить и полюбить Чапаева во всей его цельности и силе, помочь ему и охранить его, наилучшим образом поддержать в трудной борьбе, стоять рядом с ним как друг и этим украсить его жизнь. И вся эта работа Клычкова имела только одну цель — победу над Колчаком. Попытка заменить эту политическую работу какой-то мнимой работой преподавателя политграмоты Чапаеву есть попытка ничемная. В книге нет заметного движения Чапаева от не-

которой точки несовершенства к точке совершенства, нет темы «становления» Чапаева, а попытка утвердить такую тему очень близка к желанию обесценить произведение Фурманова, к желанию лишить фигуру Чапаева той замечательной глубины и цельности, которую она обладает в книге.

Если можно говорить о теме развития у Фурманова, то это скорее будет развитие отношений самого Клычкова к Чапаеву. Крайние пункты этого развития могут быть представлены в следующих двух отрывках, взятых из начала и из конца книги.

Вот что Клычков говорит вначале, после первого знакомства с Чапаевым:

«Чапаев — герой, — рассуждал Федор с собою. — Он олицетворяет собою все неудержимое, стихийное, гневное и протестующее, что за долгое время накопилось в крестьянской среде. Но стихия... чорт ее знает, куда она может обернуться! Бывали у нас случаи (разве мало их было?), что такой же вот славный командир, вроде Чапаева, а вдруг и уколошит своего комиссара!.. А то, глядишь, и вовсе уйдет к белым со своим «стихийным» отрядом...»

А вот что Клычков говорит в конце:

«Было и у Федора время, когда он готов был ставить Чапаева на одну полку с Григорьевым и «батькой Махно», а потом разуверился, понял свою ошибку, понял, что мнение это скроил слишком поспешно, в раздражении, бессознательно... Чапаев никогда не мог изменить советской власти, но поведение его, горячечная брань по щекотливым вопросам — все это человека, мало знавшего, могло навести на сомнения».

Различие в отношениях Федора к Чапаеву за время их знакомства огромное, и сам Федор, как видим, не ставит это ни в какую зависимость от своей воспитательной работы.

Вся книга Фурманова есть не история воспитательно-го успеха Клычкова, а история раскрытия образа Чапаева в представлениях, сомнениях, мыслях и делах комиссара.

В этом раскрытии Клычков сознательно тормозит себя, сознательно избегает увлечения, придиричиво относится к каждому действию Чапаева, изо всех сил старается,

чтобы не получилось «героя», чтобы не было «легенды». В этом раскрытии, как мы только что видели, Клычков прошел большой путь, но не далеко зашел, крепко удержался на своем здоровом скепсисе. У него нет-нет да и сорвется с языка обвинение Чапаева в партизанщине, настойчивое подчеркивание того, что Чапаева выдвинула крестьянская масса. Клычков подчеркивает, что Чапаев «обладал качествами этой массы, особенно ею ценимыми и чтимыми — личным мужеством, удалью, отвагой и решимостью».

Фурманов крепко старается держаться сетки откровенного социологизирования, он на каждом шагу противопоставляет «чапаевцам», крестьянской массе — рабочий отряд иваново-вознесенских ткачей, он хочет уверить читателя, что иваново-вознесенцы не могли бы поднять Чапаева на такую высоту.

«Сегодня на заре по холодному туманному полю пусть ведет он цепи и колонны на приступ, в атаку, в бой, а вечером, под гармошку пусть отчеканивает с ними вместе «камаринского»... Знать по тем временам и вправду нужен, необходим был именно т а к о й командир, рожденный крестьянской этой массой, органически воплотивший все ее особенности... Уж и тогда не нужен был бы такой вот Чапаев, положим, полку иваново-вознесенских ткачей: там его примитивные речи не имели бы никакого успеха, там выше удали молодецкой ставилась спокойная сознательность, там на беседу и собрание шли охотнее, чем на «камаринского», там разговаривали с Чапаевым, как с равным, без восхищенного взора, без расплывшегося от счастья лица».

Едва ли можно признать удачным, справедливым и уместным этот явный социологизм. Будто уж так невосприимчивы иваново-вознесенские ткачи к «камаринскому», будто уж так предпочитают они собрания, в самом ли деле не способны они на восхищение?

Фурманов старается не признавать героизма. Изображая отдельные подвиги личности или массы, он избегает слов пафоса и восхищения. Самые героические моменты борьбы он старательно сопровождает бытовыми подробностями, прозаической улыбкой, трезвым рассуждением, рисунком психологической изнанки поступка. Он не только решительно отстраняет тему личного геройства, но и

вообще тему подвига. По его мнению, движение масс есть движение настолько законное и необходимое, что для личности остается только один исход: раствориться в движении до предела, почти до исчезновения.

«Вот они лежат, истомленные походами бойцы. А завтра, чуть забрезжит свет, пойдут они в бой и цепями и колоннами, колоннами и цепями, то залегая, то вскакивая вперебежку, то вновь и вновь западая ничком в зверковые ямки, нарытые в спешку крошечным заступом или просто отцарапанные мерзлыми пальцами рук... И многих не станет, навеки не станет: они, безмолвные и недвижимые, останутся лежать на пустынном поле... Каждый из них, оставшихся в поле на расклев воронью, — такой маленький и одинокий, так незаметно пришедший на фронт и так бесследно ушедший из боевых рядов, — каждый из них отдал все, что имел, и без остатка и молча, без барабанного боя, никем не узнанный, никем не прославленный, — выпал он неприметно, словно крошечный винтик из огнедышащего стального чудовища...»

Такое «винтикообразование» происходит у Фурманова исключительно вследствие искусственно созданной им концепции, утверждающей реальность движения масс и не видящей за этой реальностью живой личности, личного подвига, его значения и красоты. Очень возможно, что в этой концепции сказывается влияние Л. Толстого. Во всяком случае Фурманов старается нигде не изменять этой концепции. Отказывая даже Чапаеву в звании героя, он не ищет этого героя и в массе. Ни среди командиров, ни среди рядовых бойцов он никого не видит и не показывает нам в героическом подвиге. У читателя не остается в памяти ни одного имени, которое выделялось бы по своему боевому значению, по своей отваге. Правда, в одном месте он описывает действительно выдающийся по смелости рейд командира бригады в место расположения дивизионного штаба белых.

В этом отрицании личного подвига, личного героизма Фурманов не делает исключения и для любимого им отряда иваново-вознесенских ткачей, который был одной из лучших частей в чапаевской дивизии и который, может быть поэтому, обезличен автором в наиболее сильной степени, — там не называется автором ни одного имени, есть только «винтики».

Вероятно, в создании такой «безличной» линии немалую роль сыграла и скромность самого Фурманова, охотно показавшего в книге свой страх в первом бою, но замолчавшего свой орден Красного Знамени. Эта скромность, эта убежденная слитность с общим движением, эта уверенность в том, что все одинаковы, все герои, заставляет Фурманова с особенной симпатией, подробно описывать протест лиц, награжденных за боевые заслуги. Осуждая Чапаева за уравниловские представления о социальной революции, Фурманов не меньше Чапаева горит уравниловским пафосом. Отсюда исходит и его нигилизм по отношению к герою и его страх перед легендой.

И, несмотря на все это, именно книга Фурманова «Чапаев» является самым драгоценным памятником героизму гражданской войны, героизму масс и героизму отдельных бойцов. И как раз эта книга открывает путь для легенды, ибо оставляет у читателя чувство любви, восхищения, преклонения перед славным подвигом людей великой борьбы. И среди них встает в действительном ореоле героизма, человеческой широкой личности, горячей, самозабвенной, глубокой и в то же время скромной страсти — командир и боевой вождь Василий Иванович Чапаев. Уже сейчас, всего через восемнадцать лет после смерти, Чапаев — легендарен. Это не легенда высокого вранья, это не игра привольного воображения поэтов и рассказчиков, это не дань инстинктивной любви к чудесному. Легенда о Чапаеве — это память о реальных, но действительно титанических делах людей девятнадцатого и соседних с ним годов. Для измерения этих дел не годятся обычные масштабы и обычный бытовой реализм, как не годятся они и для измерения многих событий наших дней. Здесь нужен реализм большого исторического синтеза, социалистический реализм в его самых высоких формах. Фурманов оказался в русле этого социалистического реализма, и поэтому основанием для чапаевской легенды являются не рассказы болтунов, которых так боялся Фурманов, а повесть самого Фурманова, «трезвого аналитика», «противника героев и легенды».

Хочет того Фурманов или не хочет, а как раз в его книге мы видим Чапаева впереди полков, видим в воодушевленном, горячем движении, — да, верхом на коне,

да, с занесенной чудесной, чапаевской саблей. Фурманов избегает батального стандарта, но он забывает о том, что и стандарт перестает быть стандартом, когда наполняется богатым содержанием, искренним и глубоким человеческим движением. Эту самую чудесную чапаевскую саблю читатель восстанавливает из таких, к примеру, небатальных картин:

«В штаб бригады приехал Фрунзе, ознакомился быстро с обстановкой, расспросил об успешных последних боях Сизова — и тут же, в избушке, набросал благодарственный приказ.

Это еще выше подняло победный дух бойцов, а сам Сизов, подбодренный похвалою, поклялся новыми успехами, новыми победами.

— Ну, коли так, — сказал Чапаев, — клятву зря не давай. Видишь эти горы? — И он из окна указал Сизову куда-то неопределенно вперед, не называя ни места, ни речек, ни селений. — Бери их, и вот тебе честное мое слово: подарю свою серебряную шашку!

— Идет! — засмеялся радостный Сизов».

А через несколько страниц уже сам Сизов рассказывает:

«— На вот, бери, — говорит, — завоевал ты ее у меня.

Снял серебряную шашку, перекинул ко мне на плечо, стоит и молчит. А мне его, голого, даже жалко стало, — черную достал свою: на, мол, и меня помни! Ведь когда уж наобещает — слово сдержит, ты сам его знаешь...»

Чапаевская шашка, серебряная или черная, — не простой аксессуар военного быта, она не только для Сизова высокая награда, она и для нас дорогая реликвия чапаевских подвигов и побед. И то, что Чапаев отдает ее боевому товарищу, а после этого «стоит и молчит», «голый», нам рассказывает о Чапаеве больше, чем любая батальная сцена, рассказывает в каких-то особенных, новых словах.

Чапаев может хвастать, может гордиться своей славой, может буяннить и капризничать. Он, действительно, не «идеальный» герой, он живой и страстный человек, с ярким характером и с яркими недостатками. Чапаева можно анализировать, можно «разделить» на части: поступки, идеи, слова, странности, можно показать на то

или иное и сказать: вот видите, и это плохо, и это нехорошо, и это опасно, и это партизанщина. Но никогда этот анализ не уничтожит цельного, неделимого Чапаева, который ни в какой мере не является простой суммой качеств, сводимых в арифметическом порядке в какой-то итог не то со знаком плюс, не то со знаком минус. Чапаевский неделимый синтез — это воля борца, это неудержимая, все пополняющая, все объясняющая человеческая страсть к победе.

Приходится употребить это далеко неточное слово: «страсть». С ним зачастую связываются представления о чем-то стихийном и хаотическом, о чем-то безумном. Страсть Чапаева — страсть другого рода. Это полная мобилизация всех духовных сил человека в одном стремлении, но мобилизация целесообразная, светлая, ответственная в самой своей глубине. Фурманов замечательно изобразил эту мобилизацию, но его смутило одно: она происходит на фоне слабой образованности Чапаева, его «темноты». Всем было бы приятнее, если бы духовная сила Чапаева была соединена с большим политическим и общим знанием, — отсюда и вышло желание истолковать произведение Фурманова как картину дополнительного воспитания Чапаева, проведенного комиссаром Клычковым. Мы видели, что это истолкование не имеет достаточных оснований в тексте, но оно не имеет и смысла. Перевоспитывать Чапаева в момент полного творческого, героического напряжения его сил — какая это была бы нелепость. И Фурманов понимает это лучше всех: несмотря на весь свой трезвый скептицизм, несмотря на социологическую схему своих толкований, он бережно охраняет Чапаева, любовно-настойчиво поправляет его, спасает Чапаева для дела, которому и сам служит беззаветно-героически. Вот это, именно это делает Клычков от имени партии, и насколько это выше, насколько это труднее, насколько это «партийнее», чем какое-то действительно невыносимое перевоспитание.

Здесь уместно, наконец, поставить ребром вопрос, который давно напрашивается: на самом деле, какое воспитание или перевоспитание необходимо Чапаеву в таком срочном порядке, что его нельзя отложить, несмотря на боевую обстановку? Какие такие грехи или греховные наклонности Чапаева смутили критиков, не дают им по-

коя, вплотную ставят перед ними проблему его «перековки»? Разве читателю не бросается в глаза, что Чапаев во всей своей величине и цельности поднят большевистской революцией, воспитан, ошеломлен, восхищен, захвачен большевистской борьбой, отдался ей до конца? Разве он не настоящий большевик в каждом своем поступке, разве не отражено в каждом дне его жизни великое дело партии, и разве не за это дело он положил свою голову? Да, Чапаев малограмотен, он говорит «стратех», а Чичикова называет Чичкиным, — ну, так что? А какое образование было у Буденного? Разве это новость, что Великая Социалистическая революция сделана людьми, у которых она не потребовала предъявления дипломов о высшем образовании? И, наконец, разве Чапаев не рвался страстно к знанию, не скорбел о своей темноте, разве «темнота» ему органически свойственна?

И все-таки интересно: что это за грехи у Чапаева? Как раз Фурманов охотнее составляет список всех его грехов, чем список подвигов. Вот этот список, кажется, без существенных пропусков:

Стр. 88: Чапаев — партизан.

Стр. 92 и др.: Чапаев — противник «центров» и «штабов».

Стр. 93: Чапаев отрицает пользу военной академии.

Стр. 116: Чапаев произносит демагогические речи.

Стр. 125: Чапаев доверчив и вспыльчив.

Стр. 124: «Слава... кружила ему голову хмелем честолюбия».

Стр. 147: Чапаев воображает себя стратегом.

Стр. 161: Чапаев пляшет «камаринского».

Стр. 277: Чапаев приказал обратить «мужичка» в «ветеринарного доктора».

Начнем с первого. Утверждение Фурманова, что Чапаев имеет постоянную склонность к партизанским действиям, связано с настойчивым изображением Чапаева как крестьянского «героя». Художественно ни того, ни другого Фурманов не доказывает. В книге нет ни одной строчки, которая рисовала бы партизанскую недисциплинированность Чапаева. Он выполняет все приказы, он ведет свое наступление по точной диспозиции Фрунзе. Собственно, о партизанских действиях Чапаева можно бы и не говорить: ведь Чапаеву был поручен самый от-

ветственный участок фронта — центр наступления. Под его начальством три бригады — девять полков, организованных в строгом боевом порядке. Эти полки не имеют с Чапаевым никакого общего партизанского прошлого. За шесть месяцев, охваченных рассказом Фурманова, сам Чапаев дважды перебрасывается на новые участки фронта и беспрекословно подчиняется этим переброскам. Вообще, читатель не видит ни одного случая партизанского своеволия Чапаева. С другой стороны, и в пределах своей дивизии Чапаев не допускает никакого своеволия. Фурманов подробно описывает случай, когда тот же Сизов, получивший от Чапаева его шашку, был чуть не застрелен Чапаевым только за то, что вопреки приказу преследовал разбитого противника, когда это дело было поручено другой части. Вообще, все действия Чапаева как командира отличаются большой четкостью, продуманностью, организованностью. Доказывая, что Чапаев есть «герой» крестьянской массы, Фурманов не идет дальше такой формулы:

«Обладал качествами этой массы, особенно ею ценимыми и чтимыми, — личным мужеством, удачью, отвагой и решимостью».

Нужно, конечно, отметить, что эти качества отнюдь не являются принадлежащими только крестьянству. Вероятно, Фурманов приписывает их крестьянской массе в каких-нибудь избыточных, вредных количествах. Но как раз Чапаев не отличается такой безумной удачью. В книге нет ни одного эпизода, когда Чапаев сам бросился или послал бы других куда-нибудь, очертя голову, только для того, чтобы проявить свою удачу. Как раз наоборот, он отличается большой осмотрительностью и не скрывает этого от этой самой «крестьянской массы», вовсе не стремясь заслужить у нее славу удалца:

«— А я не генерал, — продолжал Чапаев, облизнувшись и щипнув себя за ус, — я с вами сам и навсегда впереди, а если грозит опасность, так первому она попадет мне самому... Первая-то пуля мне летит... А душа ведь жизни просит, умирать-то кому же охота?.. Я поэтому и выберу место, чтобы все вы были целы, да самому не погибнуть напрасно...»

«...Я на рожон никогда тебе не полезу, хоть ты кто хочешь будь».

А вот случай, когда всему дивизионному командованию пришлось под выстрелами пробираться к полку:

«Чапаев перебежал последним. Федор, чтобы наблюдать, спрятался и следил, как тот сначала рванулся и побежал, но вдруг повернулся обратно и юркнул снова за стог. Потом переждал и уже не пытался перебежать прямо к деревне, а взял в обратную сторону, окружным путем, и к штабу явился последним.

Федор любопытствовал:

— Что это ты, Василий Иванович, сдрейфил как будто? За овином-то, словно трус, мотался?

— Пулю шальную не люблю, — серьезно ответил Чапаев. — Ненавижу... Глупой смерти не хочу!.. В бою — давай, там можно... а тут... — И он сплюнул энергично и зло».

Таким образом, и это «качество», будто бы роднившее Чапаева с крестьянской массой, отпадает. Каких-либо иных «крестьянских» качеств Фурманов и сам не представляет. Необходимо признать, что настойчивое отнесение Чапаева обязательно к крестьянству выглядит у Фурманова чрезвычайно натянуто. При этом Чапаев в его изображении не несет в себе никаких крестьянских черт и никакого отношения не имеет к так называемой стихийности. Это прежде всего — командир Красной Армии, боевой комдив, за которым идут с равным успехом и рабочие и крестьянские полки. Он один из тех талантливых полководцев, которых выдвинула революция и которые вели за собой полки революции по директивам партии, но не по стихийному слепому размаху. Конечно, и Чапаев растет в революции, но ведь растет и сам Фурманов, и растут все остальные бойцы. Борьба с Колчаком — это не только славные дни напряжений и побед, но это и дни грандиозного роста масс, творящих революцию, дни роста каждой отдельной личности. Причины этого роста лежат во всей гениальнейшей работе партии, возглавляемой Лениным и его сподвижниками.

Конечно, в этом процессе роста и Фурманов делал свое большевистское дело, но это его влияние нельзя обособлять и выпячивать как особое «индивидуальное» дело.

Второй грех Чапаева — недоверие к штабам. На нем не нужно много останавливаться, хотя как раз на нем

Фурманов останавливается много. Чапаев не воевал для славы или для награды, или для переживания удали сильного движения. У него только одна цель — победа над врагом, победа революции. Только имея в виду эту цель, он не бросает свои полки «на рожон», из того же побуждения он не вполне доверяет штабам. Мы можем сказать только одно: Чапаев прав был в своей осторожности. Мы знаем, что в штабах было не мало друзей и ставленников Троцкого, было много и притаившихся белогвардейцев. У самого Чапаева перед решительными боями с Колчаком сбежал к белым командир бригады. Поэтому и недоверие Чапаева имело основания:

«Недоверие к центру было у него органическое, ненависть к офицерству была смертельная, и редко-редко где был приткнут по дивизии один-другой захудалый офицерик из «низших чинов». Впрочем, были и такие из офицеров (очень мало), которые зарекомендовали себя непосредственно в боях. Он их помнил, ценил, но... всегда остерегался».

И, конечно, только с удовлетворением мы читаем:

«Эта линия — выдвигать повсюду своих — была у него центральная. Поэтому и весь аппарат у него был такой гибкий и послушный: везде стояли и командовали только преданные, свои, больше того — высоко чтившие его командиры».

А если мы одновременно с этим вспомним, что Чапаев глубоко почитал т. Фрунзе и до конца ему верил, то вопрос об этом грехе чапаевском можно снять с обсуждения, тем более, что и сам Фурманов, так осудивший Чапаева за недоверие к штабам, очень часто слова «высокопоставленный» и «лицо» берет в кавычки.

Вот что Чапаев отрицал пользу военной академии, это плохо, но это можно простить победителю Колчака. Были в нем силы, которые на время гражданской войны прекрасно заменили высшее военное образование. И, разумеется, не прав Фурманов, когда с такой уверенной иронией отрицает право Чапаева называться стратегом и ухмыляется по поводу того, что Чапаев выговаривает «стратех».

Выполняя самую ответственную задачу на фронте против сильнейшего и лучше вооруженного противника, в массе своей — военного специалиста, руководимого вы-

сокообразованными военными, разве Чапаев мог не быть стратегом? А выполнить эту задачу без единого поражения — разве это не значит заслужить право на славу военного специалиста? В чем проявлялся военный талант Чапаева? Книга Фурманова дает на это самые исчерпывающие ответы:

«...Чапаев стал вымеривать по чертежу. Сначала мерил только по чертежу, а потом карту достал из кармана — по ней стал выклеивать. То и дело справлялся о расстояниях, о трудностях пути, о воде, об обозах, об утренней полутьме, о степных буранах.

Окружавшие молчали. Только изредка комбриг вставит в речь ему словечко или на вопрос ответит. Перед взором Чапаева по тонким линиям карты разворачивались снежные долины, сожженные поселки, идущие в сумраке цепями и колоннами войска, ползущие обозы, в ушах гудел-свистел холодный утренник-ветер, перед глазами мелькали бугры, колодцы, замерзшие синие реченки, поломанные серые мостики, чахлые кустарники.

Чапаев шел в наступление!»

Это в начале книги, а вот в конце:

«Все, решительно все прикидывал и выверял Чапаев, делал сразу три-четыре предположения и каждое обосновывал суммой наличных, сопутствующих и предшествующих ему фактов и обстоятельств... Из ряда предположительных оборотов дела выбирался самый вероятный, и на нем сосредоточивалось внимание, а про остальные советовал только не забывать и помнить, когда, что и как надо делать».

Как это свидетельство Фурманова противоречит тем словам, которые он сказал Чапаеву в лицо:

«— Ты хороший вояка, смелый боец, партизан отличный, но ведь и только!».

Читателя не может увлечь эта ненужная, недружеская попытка уменьшить веру Чапаева в свои силы. И читатель поэтому всегда на стороне Чапаева, когда слышит его ответ:

«— Я армию возьму и с армией справлюсь».

И читатель верит, что Чапаев справится, и читатель рад, что Чапаев верит в свои силы, верит в свою дивизию, верит в победу. Без этой веры не может быть силы, невозможна и самая победа.

Мы коснулись главных «недостатков» Чапаева, и теперь еще труднее видеть, что должен был «перековы-вать» Клычков? Несуществующую партизанщину, уверенность в своих силах, или еще что?

А ведь даже в этих недостатках видна все та же цельная и прекрасная сила Чапаева, его глубокая и светлая человечность, его неутомимая, мужественная страсть к победе, его широкая, щедрая личность. Чапаев не только шашку отдал за победу. Он отдал всего себя: покой, семью, детей, учебу, жизнь. Но он отдал это все не для красоты подвига, не для славы, не для нравственного совершенства. Он отдал все для победы революции, для практической грандиозной цели партии. И отдавал это не в виде подарка людям, отдавал и для себя, для своей жизни, ибо он всегда хотел жить.

Этот Чапаев волнующим, властным образом проходит через книгу Фурманова. На него сыплются обвинения, перечисляются его недостатки, с ним на каждом шагу спорят, его убеждают, исправляют, воспитывают, но он идет вперед, все тот же искренний, горячий, спокойный и неутомимый, доверчивый и подозревающий, мягкий и жестокий, но всегда видящий перед собой врага и победу, всегда знающий, что за ним идет дивизия таких же, как он, героев. Он идет вперед через Сломинский бой, через Бугуруслан, Белебей, Чишму, Уфу, Уральск, Лбищенск, через много других боев, через предательство, тиф, через недоверие и интриги людей, через собственную «темноту» и собственные «недостатки». И он идет все к той же цели — к победе. И он такой не потому, что его перевоспитал комиссар Клычков, а потому, что он рожден и воспламенен революцией, потому, что за ним, впереди него, справа от него и слева — идет революция, идет под знаменем Ленина поднявшийся трудовой народ.

И рядом с ним идет его поэт, комиссар и друг — Фурманов, такой же героический боец революции. Он видит всю величину и все величие Чапаева, всю мощь его дивизии, всю мощь революции, выраженную в людях, в личностях, он с большой художественной силой показывает их нам, но по скромности своей и по непривычке к реальным ценностям революции он сам себя сдерживает и как будто говорит нам: это все было так, но

вы не увлекайтесь. В Фурманове — больше логики, в Чапаеве — больше страсти и веры. Чапаев так хорош в следующем диалоге, в котором чувствуется и Фурманов:

«— Теперь Уфа не уйдет, — говорил Чапаев, — как бы только правая сторона не подкузьмила!

Он имел в виду дивизии, работавшие с правого фланга.

— Почему ты так уверен? — спрашивали его.

— А потому, что зацепиться ему, Колчаку, не за што — так и покатится в Сибирь.

— Да мы же вот зацепились под Самарой, — возражали Чапаеву. — А уж как бежали!

— Зацепились... ну, так што?.. — соглашался он и не знал, как это понять. Мялся, подыскивал, но объяснить так и не смог. Ответил: — Ничего, што мы зацепились... а он все-таки не зацепится... Уфу возьмем.»

— — —

Говоря о «Чапаеве», нельзя не сказать несколько слов о кинофильме «Чапаев» бр. Васильевых. Как раз в этом замечательном произведении дан настоящий Чапаев настоящего Фурманова, не отвлеченного схемой и скромностью. Авторы фильма смело восстановили Чапаева на коне, не испугались его занесенной шашки, потому что она занесена на врагов. В фильме Чапаев тоже не лишен «недостатков», но они не снижают его героический образ, а только оживляют его. И, что особенно важно, Чапаев показан в более полной параллели с противником. Как раз у Фурманова врага почти не видно. В фильме белогвардейцы тоже не лишены героизма, не лишены и культуры, но они бедны духом, бедны верой, бедны как раз в той области, в которой так богат Чапаев. И поэтому в фильме так ясна гармония между высотой и героизмом личности и народным движением, поднявшим личность. Как раз этой гармонии не увидел Фурманов, хотя и изобразил ее в собственной книге.

Значение и книги и фильма трудно переоценить. Никакая другая эпоха не оставила такого яркого художественного памятника, созданного участником и очевидцем. И предельная скромность и осторожность Фурманова только доказывают близость его к событиям, только вызывают неизмеримое доверие к автору.

И под защитой его осторожности мы не боимся признать легенду и с благодарной любовью всегда видим перед собой образ народного героя — Чапаева.

„Мальчик из Уржума“

«Мальчик из Уржума» — так называется книга А. Голубевой, изданная Детиздатом 50-тысячным тиражом. Эта простая и безискусственная повесть о детстве и юношестве Сергея Мироновича Кирова будет прочтена с глубоким интересом и волнением советскими детьми среднего и старшего возраста. От автора следовало бы ждать более ярких характеристик и красок, более подробного раскрытия многих интереснейших страниц из детства и юности пламенного трибуна революции Миронича. Так, например, не лучше ли было бы значительно короче изложить скучные речи, произнесенные на заседании педагогического совета Уржумского городского училища, и как можно больше и полнее рассказать о взаимоотношениях Сережи Кострикова и его товарищей по школе, любовно восстанавливая и по-писательски дополняя забытые и утерянные эпизоды первых лет жизни мальчика из Уржума?

Правда, чрезвычайная чуткость автора ко всему, что касается биографии Сергея Мироновича Кирова и описания его окружения — всех этих благодетелей, учителей, начальницы приюта, попа-отца Константина, оправдывает задачу честного и неприкрашенного рассказа о детских годах мальчика из Уржума. Читатель видит перед собой нищету и неприглядность жизни маленького Сережи, сироты, оставшегося вместе с двумя сестренками на попечении бабушки, получающей три рубля солдатской пенсии в месяц. Сережа живет, не стонет и не жалуется — смеется, шутит и играет, как всякий в этом возрасте.

Отказ Сережи переселиться в приют — это пока еще детская обида, а не протест. Но в то же время здесь первый выход мальчика из Уржума на борьбу против несправедливостей жизни.

Сережа в приюте переживает то, что являлось уде-

дом миллионов его маленьких сверстников, сирот и детей бедняков, трудящихся. И первые его радости в этой обстановке неприбранной нищеты — это свидетельства энергии и сил, которые живут в сироте из Уржума.

В Уржуме живут ссыльные, таинственная коммуна бедных, но необычных людей. И хотя мальчик тянется к ним, пока еще не осознавая причин такой тяги, они заложены уже в нем, эти причины, его первыми жизненными впечатлениями, горем, нищетой.

Серее «повезло». Благотворители милостиво отправляют его учиться в низшее казанское техническое училище, обставляя эту милость похабной расчетливостью, без которой в прошлом была невозможна никакая подачка. И Серее ютится на кухне, у него нет ни гроша для покупки самой дешевой книжки, самой простенькой говальни. Но он уже вступает в борьбу за знания, за право человеческого существования.

Он сталкивается с невероятно тяжелыми условиями работы на мыловаренном заводе, видит слабые попытки протестов студенчества. В этой борьбе мальчик из Уржума ощущает присутствие врагов, но не политическим знанием, а классовым чутьем. И когда во время каникул в Уржуме ссыльные дают Серее Кострикову почитать «Искру», одна ночь открывает перед ним истину, рождая будущего большевика-революционера.

Шестнадцатилетний мальчик лишен к этому времени даже благотворительной помощи. Он спит на полу в жалкой комнатенке товарищей, но без колебаний и сомнений начинает революционную работу.

Лучшие страницы в книге посвящены организации Сереей первой подпольной типографии и распространению прокламаций вокруг Уржума. Он участвует в студенческом бунте, подвергается увольнению из училища и восстанавливается в нем после бурного протеста товарищей.

В этих первых революционных событиях жизни Серее уже виден будущий непреклонный вождь трудящихся. Серее проявляет энергию, талант и страсть выдающегося борца. С поражающей смелостью он производит первую свою революционную операцию, оставаясь спокойным, заботясь, думая и веря в успех дела. Передача печатного станка из школьной мастерской в студенче-

скую революционную организацию — это уже дело большой человеческой решимости и доблести. И его совершает Сережа в такой момент, когда другой человек мог бы упасть духом, в момент своего увольнения из школы. Грани между личной жизнью и жизнью революционера — стерты.

В этой теме уже веет на читателя глубокой и спокойной страстью большевика. Уже видны начала большого служения делу человечества, начала героической и светлой жизни. И это чувствует читатель.

„Петр Первый“ А. Н. Толстого

1

«Петр Первый» А. Н. Толстого по своему художественному блеску, по писательскому мастерству, по яркости и выразительности языка принадлежит к самому первому ряду нашей литературы. Можно без конца приводить отрывки из этого романа, близкие к шедеврам или даже прямые шедевры. Уже первые страницы, где крестьянские дети Санька, Яшка, Гаврилка и Артамошка «вдруг все захотели пить и вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы» — сразу забирают читателя могучей силой рассказа, и до самого конца романа читатель не устает им наслаждаться. По захватывающему мастерству повествования «Петр Первый» не имеет себе соперников, исключая, может быть, только «Тихий Дон» Шолохова.

Традиции нашей литературы и вкусы советского читателя не признают ценным художественное произведение, если его внешний блеск не сопровождается таким же блеском и такой же высотой содержания. То обстоятельство, что «Петр Первый» является одной из самых любимых книг нашего читателя, что миллионные тиражи этой книги до сих пор не в состоянии удовлетворить читательский спрос на нее, есть лучшее доказательство не только ее литературной высоты, но и ее общественного значения.

Захватывающая увлекательность текста необходимо должна объясняться не только внешним совершенством, но важным для читателя строем авторской мысли, значительностью человеческих образов, близостью и родственностью изображенного в книге человеческого общества.

На все эти вопросы нужно ответить отрицательно, если отвечать на каждый отдельно. Историческая тема сама по себе не может определить увлекательность художественного произведения. Мы знаем много исторических романов, в которых добросовестно и художественно честно автор изображает историю, но которые все-таки читаются с трудом. К таким романам нужно, прежде всего, отнести «Гулящие люди» покойного Чапыгина.

Тема, избранная А. Н. Толстым, необычайно ответственна и трудна. Прежде всего она трудна потому, что касается эпохи переходной, эпохи переворота. Волею или неволею «Петр Первый» захватывает очень много, очень широко. По широте тематического захвата эта книга может быть поставлена только в одном ряду с «Войной и миром» Л. Н. Толстого и при этом впереди «Войны и мира». «Война и мир» изображает общество, находящееся в состоянии внутреннего покоя, локализации, в положении установившейся дворянской статике. Это общество приводится в движение внешним толчком войны, и движение, возбужденное этим толчком, есть движение общее, движение внешнего отталкивания. Внутри самого общества не происходит никаких особенных пертурбаций и изменений. Л. Н. Толстого интересуют только процессы психологические, нравственные, он, так сказать, художественным глазом исследует те скрепы, которыми общество связано, изучает, что это за скрепы, из чего они состоят, насколько они надежны в момент сильного военного толчка.

Л. Н. Толстой приходит к утешительным и оптимистическим выводам, и его оптимизм так же локализован в выводах, в превыспренних формулах народного здоровья. Толстовский оптимизм вытекает как следствие большой и тонкой анатомической работы, довольно придиричьей и даже злобно придиричьей, но для этой работы Л. Н. Толстому не нужны особенно широкие захваты общественных групп, для него достаточны концентриро-

ванные представления о русском обществе, а концентрация эта производится силою принципов и убеждений самого Л. Н. Толстого. Общественный организм России, подвергающийся анатомическому исследованию писателя, есть организм, специально выделенный для этой цели. В сущности, это высший круг общества, аристократия и верхнее дворянство, народные образы в романе немногочисленны и не играют первой роли.

В «Петре Первом» А. Н. Толстого тематический захват уже потому шире, что роман изображает Россию в момент напряженного внутреннего движения, в эпоху огромных сдвигов внутри самого общества. Тема старого и нового, тема контрастного разнообразия и борьбы всегда шире по захвату, и в этой теме уже нельзя выделить, как это сделано в «Войне и мире», определенный слой персонажей и поручить ему говорить от имени общества в целом. Единое представление о целом русском обществе в таком случае становится почти невозможным: общество явно раскалывается на борющиеся группы, и каждая из них должна быть показана в начальные, последующие и конечные моменты борьбы. А. Н. Толстой должен был захватить в своем анализе решительно все, начиная от крестьянской избы и кончая царским дворцом, начиная от бояр, которые решают государственные дела, «брады уставя», и кончая стремительным творческим буйством нового петровского правления.

С задачей этого широчайшего тематического охвата А. Н. Толстой справился с великолепным блеском. Трудно вспомнить другую книгу, в которой автор предложил бы читателю такую разнообразную, широкую и всегда красочную картину эпохи, в которой бы так искусственно автор владел глазом и вниманием читателя, так легко бесчисленное число раз переносил его в пространстве, не только не утомляя и не раздражая этим разнообразием, но, напротив, очаровывая новизной картин и острой характерной прелестью все-таки единого ритма показа. Москва во всем ее беспорядочном разнообразии, царские палаты, боярский дом, площади и улицы, кабаки и стрелецкие избы, подмосковные села и дворцы, немецкая слобода, потешные крепости, лавра и дороги к ней, дворян-

ские усадьбы, застенки,— всё это только незначительная часть грандиозной территории, захваченной художественным глазом А. Н. Толстого. С таким же удачным победным вниманием автор видит и показывает читателю все необозримое пространство России: южные степи, Дон и Волгу, Воронеж, северные леса и Северную Двину, дороги в Польшу и дороги в Швецию. Наконец, его глаз проникает далеко на запад — в Швецию, Голландию, Германию, Польшу. Территориальный захват книги совершенно рекордный, с ним не может сравниться никакая другая книга, особенно если принять во внимание сравнительно небольшой объем «Петра Первого».

И этот территориальный захват нигде не переходит в простой список мест, нигде не приобретает характер калейдоскопичности. Каждая сцена, каждая передвижка автора и читателя совершается с прекрасной убедительной естественностью, с полным и живым ощущением сочности и реальности обстановки. Все вместе эти ощущения складываются в одно синтетическое переживание, когда дочитываешь последнюю страницу, остается чрезвычайно ясный, близкий и родственный образ целой страны, ее просторов, ее неба. История у А. Н. Толстого не спрятана в тайниках человеческого жилища, она проходит именно под небом, и поэтому люди, участники этой истории, в нашем воображении неразрывно связываются с пространством, они представляются нам деятелями целой страны.

Территориальное разнообразие у А. Н. Толстого не подавляет и не скрывает человека. Человек на каждой странице остается его главным, в сущности, единственным героем. И этот человек, с одной стороны, так же разнообразен, богат возможностями и чувствами, с другой,— так же закономерно объединяется с другим человеком в напряженном участии в борьбе, в страсти и искренности, в общем движении. Богатство и естественность человеческих путей и «переплетов», сложность и размах человеческого движения у А. Н. Толстого страшно велики, запутаны и в то же время убедительны и логичны, принимаются читателем с первого слова автора, делаются знакомыми и понятными с первого взгляда, брошенного на человека. Поэтому А. Н. Толстой может разрешить себе такую роскошь, какую никогда не разрешит себе

другой писатель: он не боится случайных персонажей, он не боится вспоминать о них вторично через десятки страниц, все равно, один раз показанные, они живут в воображении читателя, занимают в нем свое собственное место, не смешиваются ни с кем другим, и в то же время не создают толпы, беспорядка и неразберихи, каждый несет отчетливую и простую художественную идею, а все вместе они представляют историю.

При такой громадной широте захвата исторического романа становится весьма важным вопрос о сюжете, о том каркасе личных движений и судеб, который только и может сделать повествование именно романом. Но как раз в смысле фабулы, в картине личных человеческих судеб, книга А. Н. Толстого не выражает особенных претензий. Очень часто страницы романа почти ничего не прибавляют к научно-исторической хронике, повторяя повествования того или другого историка. Так проходят картины стрелецких бунтов после смерти Федора Алексеевича, походов В. В. Голицына, троцкого сиденья Петра, азовского похода, движения четырех стрелецких полков на Москву и их столкновения с войском Шеина, дипломатического путешествия Украинцева в Константинополь на корабле «Крепость» и др. Еще чаще автор расцветчивает богатыми красками известную историческую схему событий, не прибавляя к ней никакой сюжетной нагрузки. К этому разделу нужно отнести большинство народных сцен, описание свадьбы Петра, описание его потешных дел и его путешествий в Голландию и в Архангельск, описание боярской думы, казни Кульмана, работ в Воронеже, смерти и похорон Лефорта, батальные подробности Нарвы и первых побед фельдмаршала Шереметева.

Во всех этих случаях перед нами проходит история России, рассказанная прекрасным рассказчиком, но история, лишенная того специфического авторского вмешательства, которое историю должно обратить в роман. Для сравнения еще раз позволяю себе возвратиться к «Войне и миру». В этом произведении роман присутствует везде, отодвигая историю на второй фабульный план. Бородинское сражение, например, проходит перед читателем в мыслях, переживаниях, впечатлениях одного из главных героев романа, Л. Н. Толстой не побоялся для этого глубоко штатскую фигуру Пьера притащить на са-

мые опасные места боя. В «Войне и мире» партизанская война, кавалерийская атака, бегство из Москвы, деревня, оставленная помещиками,— это прежде всего то, что видят и в чем живо участвуют герои романа. Даже там, где на сцене выступают действительно исторические лица, Наполеон, Александр или Кутузов, рядом с ними обязательно присутствует или один из героев или сам автор, а исторические лица честно служат им, подчеркивая те или иные предчувствия, мысли или переживания героев. Здесь роман — действительный распорядитель событиями и притом распорядитель тенденциозный.

У А. Н. Толстого в книге «Петр Первый» роман отодвинут на второй план, а на первом плане проходит история, проходит в ярких картинах, восстановленных могучим воображением писателя, в живых движениях участников, в красках, словах, шумах, но все же это история, а не роман.

Можно, пожалуй, утверждать, что сам автор не хотел этого. На глазах читателя роман часто делает попытки вмешаться в историю, но попытки эти оканчиваются неудачей. Сюжетные линии возникают то в том, то в другом месте, зачинаются личные человеческие струи, но их течение непродолжительно, иногда обрывается и исчезает, часто прерывается надолго, а потом возникает вновь без существенной связи с прошлым, возникает скорее как иллюстрация, чем в развитии сюжета. Чувствуется, что герои не подчиняются писателю, уклоняются от сюжетной работы, и писатель начинает расправляться с ними при помощи открытого насилия, заставляя их принять более активное участие в исторических событиях, а не прятаться где-то на далеких страницах. Только в порядке такого насилия, автор принуждает купца Ивана Артемьевича Бровкина, сломя голову и пугая народ, пролететь через Москву на своей тележке, ворваться в Казанский собор во время обедни, расталкивать бояр и сообщить боярину Ф. Ю. Ромодановскому, князю-кесарю:

«— Четырмя полки стрельцы на Москву идут. От Иерусалима днях в двух пути... Идут медленно с обозами... Уж прости, государь, потревожил тебя ради такой вести».

(Иван Артемьевич Бровкин — один из самых безра-

ботных героев романа, но это все же недостаточное основание для того, чтобы поручать ему роль вестника о передвижении стрелецких полков).

Такое авторское поручение ничего не прибавляет ни к купеческой биографии Бровкина, ни к его психологии, ни к картине самих событий, связанных с маршем четырех взбунтовавшихся стрелецких полков. В картину событий оно даже вносит некоторое искажение. Полки стрельцов взбунтовались на фронте у города Торопца — в этом месте происходили довольно выразительные разговоры их с другим Ромодановским — киевским воеводой Михаилом Григорьевичем, а 6 июня 1698 года они двинулись к Москве, к которой и подошли 17 июня. Такое движение с фронта к столице четырех взбунтовавшихся полков, разумеется, не могло произойти незамеченным ни для киевского воеводы, ни для московской полиции Ф. Ю. Ромодановского. Сам А. Н. Толстой, повторяя свидетельство историка С. М. Соловьева, говорит, что в Москве началось «великое смятение, бояре и великое купечество бегут». И поэтому понуждение купца Бровкина выступить в роли вестника сюжетно слабо оправдано.

И в других местах автор использует своих героев для случайных исторических поручений, для выполнения роли исторических статистов, ничего не прибавляя ни к их характеристике, ни к их биографии...

Роман начинается рассказом о приключениях дворян Василия Волкова и Михаила Тыртова и мальчиков Алексашки и Алешки Бровкина. До тридцатых-сороковых страниц читатель имеет право думать, что этим именно лицам и поручается важная сюжетная нагрузка, что они назначены быть тем зеркалом, в котором будет отражаться народная жизнь петровской эпохи. Но с тридцатых страниц эти герои начинают отставать от романа. Алешка буквально теряется на улице, отстав от своего товарища по беспризорной жизни — Алексашки Меньшикова. Алексашка потом обнаруживается в немецкой слободе, и ему, конечно, предстоит впереди большая историческая деятельность. Но Алешка, один из самых видных кандидатов в герои, утерян надолго. На странице 108 он вдруг обнаруживается в поле зрения читателя, но в образе довольно неожиданном и даже невероятном, ничем не связанном с образом раннего Алешки —

крестьянского мальчика, которого нужда и побои загнали в беспризорную жизнь: «Однажды он (Алексашка) привел к Петру степенного юношу, одетого в чистую рубашку, новые лапти, холщевые портяночки:.

— Мин херц,.. прикажи показать ему барабанную ловкость. Алеша, бери барабан...

Не спеша положил Алешка Бровкин шапку, принял со стола барабан, посмотрел на потолок скучным взором и ударил, раскатился горохом,— выбил сбор, зорю, походный марш, «бегом, коли, руби, ура», и чесанул плясовую,— ух ты! Стоял, как истукан, одни кисти рук да палочки летали — даже не видно.

Петр кинулся к нему, схватил за уши, удивясь, глядел в глаза, несколько раз поцеловал:

— В первую роту барабанщиком!..»

Откуда у Алешки степенный вид, чистая одежда, а самое главное, откуда высшая барабанная квалификация, где провел Алеша свою юность, читатель не узнает никогда... В дальнейшем Алеша опускается до положения среднего героя для поручений и иногда встречается на страницах романа в том или другом деле. Но в нем нет уже ничего характерного, ни крестьянского, ни бровкинского, ни барабанного.

Михайла Тыртов кончает также невыразительно.

На странице 39 более удачливый и богатый его сверстник Степка Одоевский оказывает Михайле такую протекцию: «Боярыню одну надо убогатворить... Есть одна боярыня знатная... Сидит на коробах с казной, а бес ее свербит... Понял, Мишка? Будешь ходить в повиновении,— тогда твое счастье... А заворуешься, велю кинуть в яму к медведям,— и костей не найдут».

Вероятно, Михайла Тыртов попал к этой боярыне и испытал счастье. Какое отношение имеет это счастье к истории Петра Первого, остается неизвестным. Сам Тыртов еще один раз показывается на страницах книги:

«Михаил Тыртов, осаживая жеребца, поправил шапку. Красив, наряден, воротник ферязи — выше головы, губы крашены, глаза подведены до висков. Кривая сабля звенит о персидское стремя...»

В таком великолепном оформлении Степка Одоевский посылает Тыртова агитировать в народе против Нарышкиных. На протяжении двух страниц Тыртов пробирается

сквозь толпу, и ему не удается сказать ни одного слова агитации. По поводу этой неудачи Шакловитый говорит Одоевскому:

«— Половчее к ним надо послать человека...»

На этом роль Михайлы Тыртова и заканчивается, по крайней мере, в границах напечатанных двух частей романа. И в этом случае занятно завязанная личная судьба дворянского сына, впавшего в отчаяние от нищеты и разорения, обрывается почти необъяснимо.

Такая же судьба сопровождает и других деятелей романа, намеченных, как будто, представлять личные судьбы. Более других развернута линия Саньки, дочери Бровкина, благодаря вмешательству и покровительству Петра прошедшей быстрый путь от крестьянской девушки до великолепной придворной дамы, красавицы и украшения двора Августа II и других. Но даже Санька едва ли выходит за границы иллюстрации, сама по себе не имеет значения и ни в какой интриге участия не принимает.

Очень слабо намечены в романе линии крестьянских и посадских протестантов: Цыгана, Иуды, Овдокима, Жемова. Изредка они бродят между страницами, произносят несколько протестующих слов, грозят и предсказывают. Наконец, на страницах 271—274 показывается настоящее разбойничье гнездо за Окой, организованное этими персонажами, читатель серьезно рассчитывает посмотреть, что из этой затеи выйдет, но... разбойничье гнездо ликвидируется, не успевши себя показать. Жемов потом встречается в качестве честного кузнеца и участвует в великолепной сцене работы над якорем, покрикивает на царя. Остальные влачат жалкое сюжетное существование. В лучшем случае они состоят в некотором «геройском» резерве, и автор изредка мобилизует то одного из них, то другого, чтобы поместить в каком-нибудь наблюдательном пункте,—оттуда рассматривать события. Это, конечно, оживляет картину событий, сообщает им беллетристический колорит, но в сущности представляет псевдосюжетный прием, ибо ничего не прибавляет к характеристике действующих лиц, обращает их в служебные пассивные фигуры. Автор довольно часто прибегает к такому приему. Того же Бровкина он помещает на улице, чтобы наблюдать свадебный поезд шута Тургенева. Суть изображаемого заключается в самом поез-

де, а Бровкин привлекается в качестве статиста для удобства повествования, а может быть, для того, чтобы читатель не забыл о его существовании. Бывают в таком положении и другие герои. Алексашка и Алешка наблюдают стрелецкий бунт у Красного Крыльца. Василий Волков рыщет на коне, разыскивая пропавшего молодого царя (мог быть на его месте любой стольник). Овлоким, Цыган и Иуда наблюдают казнь Кульмана. Алеша Бровкин набирает солдат на севере и наблюдает раскольничье самосожжение. Почти в порядке такого же наблюдения попадает Санька в усадьбу пана Малаховского и ко двору Августа II. В такой же позиции стоит Алеша, встречая Петра на привале у реки Луги.

Из сюжетных починов писателя почти не получается ничего. Работает в качестве сюжета личная история самого Петра и его ближайших помощников — лиц исторических. В эту историю автор не вносит вымысла, или вносит очень мало. Можно представить себе усиление сюжетного интереса в изображении психологии действующих лиц, в изображении тех противоречий и колебаний, которые переживает каждый герой. Но и с этой стороны роман «Петр Первый» беден элементами романа.

Автор не позволяет читателю проникнуть в глубину переживаний героев, он дает ему только возможность видеть и слышать. Читатель видит очень много: дома, улицы, пейзажи, лица, мимику, корабли, экипажи, пиры, попойки и оргии, движение войск, сражения. Все это он видит в замечательной, хочется сказать больше, — в восхитительной, великолепной картинности, здесь мастерство А. Н. Толстого достигает чрезвычайно высоких степеней. Даже в самых неважных, пустяковых случаях автор умеет широко открыть читательские глаза и сделать их острыми. В приведенных выше отрывках, касающихся самых незначительных мест романа, мы наблюдаем такую же «зрительную щедрость» писателя, его свободный, остроумный взгляд, его знание людей и жизни. Барабанщик «Алешка посмотрел на потолок скучным взором», Тыртов «осаживая жеребца, поправил шапку». На каждой странице мы встретим такое же великолепное мастерство видения, такие же экономно-выразительные, простые, убедительные и всегда неожиданно талантливые краски. Вот я открываю наугад первые

попавшиеся страницы и делаю это в полной уверенности, что на каждой найду несколько подобных прелестных строк:

Стр. 124. «Софья, вцепясь ногтями в подлокотники, перегнулась с трона,— у самой дрожали щеки». «Он (Ромодановский)... мотнул жабрами, закрученными усами, попятился, сел на лавку...»

Стр. 222. «Воробыха вошла истово, но бойко. Баба была чистая, в новых лаптях, под холщевой юбкой носила для аромату пучок шалфею. Губы мягкие, взор мышиный, лицо хоть старое, но румяное, и говорила — без умолку...»

Стр. 270. «В саду — черно и влажно. Сквозь раскрытую дверь — звезды. Иногда падал, в полосе света из комнаты, сухой лист».

Стр. 332. «Курфюрстина была худа, вся в морщинах, недостаток между нижними зубами залеплен воском, кружева на вырезе лилового платья прикрывали то, что не могло уже соблазнять».

Таких примеров можно привести столько, сколько абзацев в книге. Это зрительное богатство, прежде всего, воспринимает читатель, он действительно видит людей такими, какими хочет их представить ему автор. Затем он слышит их слова, смех, стоны. Наконец, вместе с ними он ощущает многое при помощи осязания, обоняния, вкуса.

«Падал тихий снежок, небо было снежное, на высоком тыну сидели галки, и здесь не так студено, как в сенях».

«Аннушкино платье шуршало, глаза ее просохли, как небо после дождя».

«Остро пахло весенней сыростью. Под большими звездами на чуть сереющей реке шуршали льдины».

«Сунув руки в карманы, тихо посвистывая, Петр шел по берегу у самой воды».

«Кенигсек сидел, подогнув ногу под стул, в левой руке — табакерка, правая — свободна для изящных движений... Его парик, надушенный мускусом, едва ли не был шире плеч».

Читатель не только видит, читатель слышит запахи, ощущает холод сеней и вместе с ребятами рад, что на дворе теплее, чем в сенях. Но все это он воспринимает

только своими внешними чувствами. Переживания героев, их размышления, надежды, их самые тайные духовные глубины не доступны внешним чувствам, автор же очень скупо помогает читателю проникнуть в психику героев. Можно буквально по пальцам перечислить те места в романе, где А. Н. Толстой изменяет этой своей скупости, где (приводим только из первой части) приоткрывается немного великолепная завеса внешнего ощущения, и читатель получает возможность заглянуть в глубину:

Стр. 40. — Софья в тереме — ее мысли о женской доле, о ее любви к Голицыну.

Стр. 112. — Мысли царицы Натальи Кирилловны об опасностях, угрожающих ее сыну Петру.

Стр. 144. — Переживания жены Петра Евдокии в одиночестве.

Стр. 191. — Размышления Василия Васильевича Голицына перед отправлением в Троицу.

Стр. 220. — Размышления и чувства Петра во время заседания Боярской думы.

Вот это и все на первую часть и то очень скупо и не глубоко. Для таких сравнительно бедных и понятных фигур, как Наталья Кирилловна или жена Петра Евдокия, этого незначительного проникновения в глубину психики, может быть, и достаточно. Но для лиц большого человеческого роста, для таких людей, как Петр, Меншиков, Карл, Голицын, Ромодановский, Лефорт, для ответственных деятелей эпохи переворота требуется, казалось бы, в художественном произведении совершенно ясная авторская гипотеза характеров, развернутая либо в более детальном показе действия, либо в более откровенном изображении духовной жизни героев. В особенности это требование может быть отнесено к образу Петра.

Несмотря на то, что Петру посвящено много страниц, что Петр в романе много действует, говорит, решает, отзывается на события, читатель не видит за портретом этого оригинального царя совершенно понятного для него человека. Вместе с автором читатель переходит от эпизода к эпизоду, любит Петром или возмущается, привыкает к его образу и даже готов полюбить его, чувствует ему или протестует. Наконец, он закрывает

книгу, и в памяти его остается все тот же исторический Петр, как стоял в памяти и до романа А. Н. Толстого, может быть, более доступный зрительному воображению, но, как и раньше, непонятный и противоречивый. Два любых читателя могут о нем заспорить и не прийти к единодушному мнению. В романе Петр проходит богатой, яркой и интересной личностью, но личностью более царской, чем человеческой. В его движениях, действиях и словах всегда виден правитель и деятель, но не всегда виден человек.

Так история Петра развивается с самого начала. Разберем более подробно несколько эпизодов.

На странице 90 рассказывается, как Петр снаряжает в Преображенском дворце потешное посольство бога Бахуса поздравлять именинника Лефорта в немецкой слободе. В царскую карету, подарок царя Алексея своей молодой жене, впрягают четверых свиней, в карету запикивают Зотова. Петр сам усаживается на козлы и погоняет свиней. Петр еще юноша и такой маскарад устраивает впервые. На празднике у Лефорта, куда он приезжает таким оригинальным образом:

«В первый раз Петр сидел за столом с женщинами. Лефорт поднес ему анисовой. В первый раз Петр попробовал хмельного».

Читатель видит свиней, золоченую карету, Петра на козлах, Петра за столом, впервые с женщинами и впервые пьющего вино. Но он не видит, откуда это пришло. Почему Петру именно в такой форме захотелось поздравить Лефорта, что он испытывал на козлах, погоняя свиней, как он сам представлял свое отношение к Лефорту, к Бахусу, к окружающим, к зрителям. Роман на эти вопросы ответов не дает.

Другой эпизод. В танц-зале англичанин Сидней с возмущением рассказывает Петру о закопанной у Покровских ворот женщине, казненной за убийство мужа. Рассказ взволновал Петра, и он спешит к Покровским воротам. Женщина еще жива, ее голова торчит над землей, женщина еще разговаривает, отвечает Петру на вопрос. Петр приказывает застрелить ее. Читатель ничего не видит в Петре: ни сострадания, ни возмущения, ни мысли, может быть, у Петра только и было, что некоторое смущение перед иностранцем? Может быть, а может

быть, и нет. Читатель должен догадываться, а для догадок никаких оснований нет, или очень много разнообразных оснований. В таких случаях Петр выступает в очень скупом, почти механическом реагировании на раздражение, а таких случаев очень много. Поэтому и весь образ Петра отдает некоторой механичностью, это впечатление усиливается и внешним характером его мимики, его резких движений, внутренний же мир Петра остается скрытым или только вероятным в двух-трех вариантах. После стрельцкого бунта Петр возвращается в Москву в страшном гневе, пытки и казни, ярость, выходящая из всяких берегов жестокость, даже изуверство, даже несправедливость — все это как будто понятно. Но в то же самое время Петр способен ласково принимать бояр и с добродушной иронией просить одолжить ему бороду «на радостях». И для читателя остается весьма темным вопрос о внутреннем состоянии Петра: какое место в его переживаниях на самом деле занимал неудержимый гнев, и сколько у Петра было сознательного решения, сколько было, может быть, страха, простого наслаждения силой и властью, вот этого самого привычного самодержавного буйства?

Если так сложно-непонятен Петр в гневе, то еще более остается непонятым он в веселом буйстве, во время праздников, во время довольно диких своих развлечений. В некоторых случаях читатель допускает, что в его разгуле выражается какой-то протест против старины, но совершенно непонятно, какое участие в этом протесте могло занимать явное хулиганство — тоже пахнувшее стариной.

Таким противоречивым и загадочным дошел к нам Петр на страницах истории, таким изображает его и А. Н. Толстой. У А. Н. Толстого к Петру нескрываемая большая симпатия, даже любовь, тем более можно было ожидать, что он предложит художественную гипотезу объяснения этой загадочности, что в его романе «тайна» Петра в большей или меньшей мере будет объяснена. Кажется, необходимо признать, что автор сам отказался от такого объяснения. Петр как человек, как личность и после выхода романа не стал для нас яснее и понятнее.

Так же чересчур объективно автор рисует и характе-

ры других персонажей. Меньшиков виден со стороны внешних движений: он смел, изобретателен, находчив, энергичен, свободен и в волевом и в моральном отношении. Но он ведь еще и умен. И вот спросите любого читателя, как относится Меньшиков к реформе Петра, заслуживает ли он его любовь, предан ли он ему в той мере, в какой это представляется Петру, есть ли в Меньшикове, кроме эгоизма и своекорыстия, еще и настоящая человеческая творческая страсть? По данным романа на эти вопросы ответить нельзя. И в отношении к сюжету психологическому А. Н. Толстой так же не хочет отойти от истории, как и в отношении к сюжету внешнему. Он не решается предложить определенное объяснение ни для одного характера исторического лица, сам принимает их так, как они поданы в истории, и читателю рекомендует это сделать.

2

Таким образом, «Петр Первый» является прежде всего историческим повествованием, элементы романа в нем очень незначительны, невыразительны. Эта историчность книги, ее особенная открытая и прямая эпохиальная установка, ее глубокий пространственный и социальный захват явились бы совершенно достаточным основанием для отвода каких бы то ни было попыток анализа книги с точки зрения требований к роману. Только сам автор дает основания для такого анализа, в некоторых местах изменяя своему историческому чистому заданию и вводя в книгу начала личных историй.

Но как историческая книга, «Петр Первый» должен быть признан совершенно исключительной книгой по своему успеху. Работа А. Н. Толстого не лишена некоторых ошибок, об этом скажем ниже. Но никому еще не удавалось в строгом историческом, почти свободном от вымысла изложении дать читателю такую оживленную, такую красочную, полнокровную и волнующую картину исторических событий. Да, в книге А. Н. Толстого проходит прежде всего история, читатель не успевает обратиться в спутника какой-либо отдельной личности, соучастника ее в личной ее судьбе, он не покидает широкого исторического фронта, он ни на одну минуту не забывает о целой

России,— но история проходит перед глазами читателя в таком восстановленном, воскресшем движении, с такой естественной и очаровательной экспрессией, в таком быстром и живом потоке, что читатель ни на одну минуту не испытывает тоски по личной истории того или иного героя. Необходимо отметить, что даже личная судьба самого Петра I не сделалась в романе главной сюжетной линией. Может быть, называя роман именем Петра, автор и хотел изобразить, прежде всего, этого царя, может быть, именно поэтому он уделил так много внимания его отношению к Анне Монс. Но получилось не так. История оживлена А. Н. Толстым настолько совершенно, что читатель не хочет выделять никого, в том числе и Петра из общего исторического движения. Петр в представлении читателя остается только главной фигурой в исторических событиях, именно потому интересной, что в этой фигуре отражается история. Петр начинает ряд многих таких же важных и таких же исторических фигур. Симпатии читателя к Петру возникают без связи с его личной судьбой, с его любовью, они возникают потому, что Петр вместе с другими делает великое историческое дело. И поэтому, может быть, хорошо, что автор не углубляется в психологические тайны Петра.

«Петр Первый» отличается активным и даже страстным тоном отношения автора к изображаемым событиям, и это придает роману прелесть взволнованной искренности и полнокровности настроений. Правда, А. Н. Толстой нигде не выступает от первого лица, нигде не навязывает читателю свое мнение, роман ни в какой мере не перегружен сентенцией, но сентенция все же имеется, она чувствуется и в самом тоне, и в расстановке действующих лиц, в их высказываниях, в системе исторических сил. В романе писатель старается вести за собой читателя. Стараясь быть более или менее объективным в описании отдельного действующего лица, не усложняя это действующее лицо излишним грузом авторского вымысла и создавая, таким образом, впечатление авторской беспристрастности, А. Н. Толстой далеко не беспристрастен к композиции романа. Очень возможно, что это есть самый правильный метод изображения исторических событий, правильный способ высказывания современника по поводу исторических эпох прошлого.

В художественном произведении, в отличие от строго научных исторических монографий, мы допускаем активное авторское толкование, но, разумеется, допускаем только до тех пор, пока нет противоречий между этим толкованием и наукой, пока автор не искажает историю...

А. Н. Толстой — писатель советский, и это также обязывает. От него мы требуем не только соответствия с наукой вообще, а соответствия с наукой марксистской, требуем применения методов исторического материализма. Нашей критикой уже отмечено было, что в своем последнем романе писатель сделал большие успехи в этом направлении, отказавшись от предлагаемой им раньше темы трагической уединенности Петра Первого. В разбираемом романе Петр изображен на фоне определенной национальной классовой жизни, и его пути представлены как пути участника классовой борьбы и выразителя определенных классовых стремлений. Это и сообщает роману настоящий советский стиль, делает роман увлекательным именно для советского читателя, уже привыкшего требовать от художественного произведения той истины, которая только и может притти от марксистской мысли.

Но удовлетворяя этому требованию в общей установке и методе, А. Н. Толстой далеко не выполняет его в смысле точности и строгости художественных показов и выводов. Отказавшись от трагического освещения фигуры Петра, от гипотезы его личной уединенности в эпохе, писатель захотел показать его как выразителя определенных классовых стремлений эпохи.

В показе этих классовых стремлений в книге не все удачно. Находясь, очевидно, под влиянием концепции Покровского, автор на самую первую линию выдвинул интересы торгового капитала, игнорируя интересы дворянства. Купец Бровкин по явно нарочитому замыслу должен изображать этот торговый капитал, рождающийся от петровской реформы. В романе Бровкин вышел очень колоритной фигурой, но авторский замысел все же выполнен не был. Правда, Бровкин говорит Петру после нарвского поражения:

«Связал нас бог одной веревочкой, Петр Алексеевич, куда ты, туда и мы».

В романе не доказывается право Бровкина говорить такие слова. Писатель изо всех сил старается убедить читателя, что Бровкин большой и способный купец, что он спасает Петра во многих обстоятельствах, что он близок ему и заинтересован особенно в успехе его царского дела,— старается убедить, но показать Бровкина в его важном купеческом деле не может.

В начале романа Бровкин на своем месте. Это забытый и истощавший крестьянин.

«На бате, Иване Артемьиче,— так звала его мать, а люди и сам он себя на людях — Ивашкой, по прозвищу Бровкиным,— высокий колпак надвинут на сердитые брови. Рыжая борода не чесана с самого Покрова... Рукaviцы торчали за пазухой сермяжного кафтана, подпоясанного низко лыком, лапти зло визжали по навозному снегу: у бати со сбруей не ладилось... Гнилая была сбруя, одни узлы. С досады он кричал на вороную лошаденку, такую же, как батя, коротконогую, с раздутым пузом».

Такой же он забытый и истощенный, когда привозит своему барину в Преображенское столовый оброк. В этом человеке никаких особенных купеческих способностей не проявляется, да, пожалуй, и никаких других способностей, никакой энергии, никаких стремлений. Но в этот момент он получает от сына в подарок три рубля, и с этого момента совершается чудесное превращение Ивашки Бровкина в знаменитого купца, которому царь верит больше всех и на которого больше всех надеется. Читатель обязан верить, что купец Бровкин где-то совершает торговые подвиги, доставляет царю фураж, полотно, сукно. Во время первого Азовского похода, обнаружив полный развал в деле снабжения действующей армии, Петр после расправы приказывает передать все дело снабжения именно Бровкину. Семья Бровкина делается первой по богатству и «культуре», сам царь принимает участие в жизни этой семьи и заезжает к Бровкину запросто.

Но уверяя читателя, что Бровкин так далеко пошел, автор не решается показать его в купеческом деле. В романе нет ни одной страницы, где бы Бровкин был изображен как торговый деятель. Какими способами, при помощи каких людей, приемов, захвата, клиентуры, как делает Бровкин свое купеческое дело, в книге не видно.

Точно так же не видно, какие особенные способности, личные качества, сметка, энергия выделили Бровкина из среды, что именно определило его исключительный торговый успех, поставило во главе московского купечества. Художник А. Н. Толстой не может изменить своему острому глазу, и вот как он изображает Бровкина на вершине его славы:

«Дом у Бровкиных был заведен по иноземному образцу... Все это завела Александра. Она следила и за отцом: чтобы одевался прилично, брился часто и менял парики. Иван Артемьич понимал, что нужно слушаться дочери в этих делах. Но, по совести, жил скучновато. Надуваться спесью теперь было почти и не перед кем,— за руку здоровался с самим царем. Иной раз хотелось посидеть на Варварке, в кабаке, с гостинодворцами, послушать занозистые речи, самому почесать язык. Не пойдешь,— невместно. Скучать надо...

Вечером, когда Саньки дома не было, Иван Артемьич снимал парик и кафтан гишпанского бархата, спускался в подклеть, на поварню,— ужинать с приказчиками, с мужиками. Хлебал щи, балагурил. Особенно любил, когда заезжали старинные односельчане, помнившие самого что ни на есть последнего на деревне Ивашку Бровкина...

...Положив сколько надо поклонов перед лампадой, почесав бока и живот, совал босые ноги в обрезки валенок, шел в холодный нужник. День кончен. Ложась на перино, Иван Артемьич каждый раз глубоко вздыхал: «День кончен». Осталось их не так много. А жалко,— в самый раз теперь жить да жить...»

Великолепные строчки, замечательная характеристика разбогатевшего холопа, который дорвался до сытной жизни, для которого главное наслаждение в том, чтобы покрасоваться перед односельчанами, но которому от сытости и от безделья скучно и некуда себя девать, который рад, что не голодает, но которому больше ничего, кроме сытости, и не нужно: «жить да жить».

Годится ли такая фигура для роли главы петровской буржуазии, для роли талантливого и оборотистого деятеля, главной опоры петровской реформы?

Еще менее выразительны другие купцы в романе. Писатель не мог найти в начале семнадцатого века до-

статочно выразительную и колоритную фигуру купца. То обстоятельство, что Петр воевал из-за моря, что Петр строил корабли, что Петр такое важное, определяющее значение придавал заграничной торговле, вовсе не означает, что его деятельность направлялась интересами купечества в первую очередь. Большая заграничная торговля того времени была почти целиком в руках казны, и такую оставалась и после Петра. Русское купечество XVII века — это купечество внутренней торговли, его интересы были действительно связаны с петровской реформой, но не они ее определяли и направляли. Петровский флот, за создание которого он воевал и боролся, это вовсе был не торговый флот, а флот военный, необходимый для владения морем и сообщения с заграницей...

В эпоху Петра торговые интересы были не столько интересами торгового оборота, сколько интересами сельскохозяйственного сбыта. Россия вывозила почти исключительно продукты сельского хозяйства, главным образом, животноводства, и, в первую очередь, в хороших условиях этого сбыта был заинтересован тот класс, который владел продуктами сельского хозяйства — дворянство. Если бы А. Н. Толстой захотел продолжить анализ деятельности того же Бровкина, если бы он захотел показать его в действии, он необходимо пришел бы к дворянской усадьбе, к дворянскому хозяйству. Писатель утверждает, что Бровкин разбогател на поставках фуража, льна, шерсти. Вот этот путь от производителя фуража, льна и шерсти к его главному потребителю и мог обслуживаться кем-либо, отчасти напоминаящим Бровкина, но это вовсе не путь к заграничной торговле и это не путь к торговому «капитализму». Все эти продукты производились крестьянином и холопом, но принадлежали дворянину, у него покупались, а продавались казне, главным образом, для военных нужд правительства, отчасти для перепродажи за границу. И сбыт этих продуктов и самые военные нужды вполне и до конца были определены интересами того класса, который именно в эпоху Петра был классом передовым и вступающим в пору своего расцвета и сил, но еще не победившим окончательно.

Но как раз дворянство пользуется вниманием А. Н. Толстого меньше всего. Это произошло не только

из-за влияния Покровского, но и по причине многих исторических традиций, от которых автор еще не вполне освободился. Он не освободился и от той старой официальной традиции, которая утверждала, что Петр был представителем идеи государственности, и которая противопоставляла его сторонникам местных центробежных интересов. Не свободен он и от такого старого утверждения, по которому Петр, прежде всего, западник, а против него стояли приверженцы идеи национального обособления.

Все эти заолуждения писатель легко отбросил бы, если бы обратил внимание на тот класс, который наиболее был заинтересован в петровском перевороте.

По другую сторону дворянства стояла аристократия, представительница тогдашней реакции, родового быта, феодального местного обособления, патриархальной жизни. Соппротивление аристократии еще не было сломлено окончательно, она показывала зубы и после Петра, в особенности при избрании на престол Анны Ивановны в 1730 году, но уже в годы, непосредственно предшествовавшие Петру, аристократия испытала несколько сильных ударов, между которыми уничтожение местничества было одним из главных. Впрочем, главный процесс обесценивания аристократии совершался не в процессе законодательства, а в процессах экономической жизни. Именно XVII век отличается постепенным, но быстрым сокращением боярского землевладения, исчезновением старых феодальных латифундий аристократии.

А. Н. Толстой проходит мимо этих процессов эпохи. В слишком сгущенных красках он отмечает дворянское оскудение, преувеличивает боярское богатство и его стремление к роскоши. Иногда он сам себе противоречит. Он подробно и красочно описывает оскудение дворянина Волкова, последнее отчаяние Михайлы Тыртова, но вот они едут в Москву на смотр.

«Михайла сидел, насупившись. Их обгоняло, крича и хлеща по лошадям, много дворян и детей боярских, в дедовских кольчугах и латах, в новопошитых ферязях, в терликах, в турецких кафтанах,— весь уезд съезжался на Лубянскую площадь, на смотр, на земельную верстку и переверстку. Люди, все до одного, смеялись глядя на михайлова древнего мерина: «Эй, ты — на воронье

кладбище ведешь? Гляди, не дойдет»... Перегоняя, жгли кнутами,— мерин приседал... Гогот, хохот, свист... Приходилось принимать сраму...»

Таким образом, не все дворяне так оскудели, как Тыртов и Волков. К сожалению, А. Н. Толстой ограничивает свои наблюдения исключительно старой Московской областью. Для конца XVII века было как раз характерно распространение дворянского и монастырского землевладения на восток и на юг России. Это было время построения многих новых городов на Волге и на юге. К концу века население востока, Приволжья и Прикамья составляло уже около 20% общего населения России, население юга 17½% и население запада 21%. Центральная Московская область сделалась объектом разгрузки. По старой традиции А. Н. Толстой видит эту разгрузку только в побегах крестьян на Дон, в разбойничьи шайки, существеннее было бы отметить организованный отлив населения на восток и юг, совершаемый под дворянским предводительством.

Но А. Н. Толстой вообще не интересуется дворянством. Он не замечает того интересного факта, что только дворянство организовано не выступало против Петра. Писатель не побывал в дворянской усадьбе, не показал ее читателю, ограничился только общим утверждением относительно оскудевшего дворянина и запоротого крестьянина. Он также не осветил отношение между дворянином и крестьянином, которое вовсе не было похоже на отношение после Екатерины II,— крепостное право еще не сделалось рабовладением, только развивалось в направлении к нему.

Не заметил А. Н. Толстой, что не только купечество, но и дворянство было опорой петровской реформы. Только поэтому Меньшиков начинает свою карьеру в романе с беспризорничества, а между тем есть все основания утверждать, что его биография ни в какой степени не начинается с деклассированного бродяжничества. Скорее всего и вероятнее всего прав С. М. Соловьев, который приводит данные, показывающие, что отец Александра Меньшикова был дворянином, что по обычаям того времени могло не мешать ему занимать должность придворного конюха. Во всяком случае, кажется, он был капралом Преображенского полка. Точно так же

и торговля пирожками (факт, достаточно установленный в биографии Меньшикова) не обязательно обращает его в беспризорного, это характерно для XX века, но не для XVII.

А. Н. Толстой пропустил в своем анализе самый состав Преображенского и Семеновского полков, он почти не изображает людей этих полков, не описывает настроение солдат, их отношение к Петру. А между тем, Преображенский и Семеновский полки были главными силами в петровских руках, они давали от себя ростки во все другие новые полки Петра, они доставляли для них командный состав, они не изменили ему ни разу и ни разу нигде не отступили. Под Нарвой только эти два полка не ударились в панику и отступили с оружием в руках и в полном порядке. Они пользовались со стороны Петра всегда неизменной любовью; преображенский мундир был его любимым платьем, преображенские майоры всегда были самыми доверенными лицами, которым поручалось расследование самых важных государственных преступлений. А Преображенский и Семеновский полки были полки дворянские по преимуществу. А. Н. Толстой послушно следует за презрительным прозвищем, которое присвоено было этим полкам их противниками, партией Софьи — «преображенские конюхи», а между тем, это прозвище удостоверяет только силу сарказма, которым партия Софьи несомненно обладала и которым в данном случае она пользовалась, чтобы подчеркнуть свое боярское презрение к петровским сподвижникам.

Не заметив дворянства как основной опоры Петра, А. Н. Толстой естественно не заметил и тех линий раздела, которые проходили между партией Нарышкиных и партией Милославских, возглавляемых Софьей. И в данном вопросе он пошел за исторической традицией, которая только одному Петру приписывала почин реформы, а его противников изображала как представителей застоя и реакции. Правда, он отмечает культурное западничество В. В. Голицына, но подчеркивает его нереальный, мечтательный характер. Софья же в его изображении выступает как тип старого времени, преданная исключительно своей женской любви, в ослеплении этой любовью, способная и на кровь и на жестокость. Увидев

Василия Васильевича во французском платье, она говорит: «Смешно вырядился... что же это на тебе — французское? Кабы не штаны, так совсем бабье платье...»

По отношению к Петру она проявляет только злобу, боярскую спесь, бабскую несправедливую клевету:

«Весело царица век прожила и с покойным батюшкой, и с Никоном-патриархом не мало шуток было шучено... Мы-то знаем, теремные... Братец Петруша, государь наш,— прямо — притча, чудо какое-то,— и лицом и повадкой, ну,— чистый Никон».

Все это исторически неверно. В этих словах клеветы на Петра и на Софью. Таких слов она говорить не могла. Никон отправился в ссылку в декабре 1666 года, а царь Алексей женился на Наталье Кирилловне в январе 1671 года. Петр же родился еще позже — 30 мая 1672 года, через пять с половиной лет после ссылки Никона. Если же принять во внимание, что Никон удалился с патриаршества и разорвал с царем Алексеем в 1658 году, то расстояние между удалением Никона и инкриминируемым ему преступлением увеличивается до 14 лет. Поэтому никаких шуток Наталья Кирилловна Нарышкина шутить с патриархом не имела возможности.

На самом деле Софья была замечательной женщиной и замечательным деятелем своего времени. Это был просвещенный человек, прогрессивно мыслящий, сумевший разбить теремные камни и выйти на свободу, способный управлять государством и управлявший им по-своему не плохо. Между прочим, Софье должна быть приписана честь уничтожения зверского закона, по которому женщина, убившая мужа, закапывалась живьем в землю, и Сидней и Петр уже не имели возможности говорить о такой жестокости. переворот 1689 года, передавший власть в руки Петра, вовсе не был переворотом в пользу реформы и не выступал под таким лозунгом. В то же время он едва ли был ответом на кровожадные планы Софьи и Шакловитого: пристрастный розыск в Троице и тот не мог подтвердить это до конца. Скорее можно предположить, что выступление Нарышкиных было агрессивным выступлением, направленным к захвату власти и не мотивированным никакими реформаторскими замыслами.

Софья и ее партия представляли тоже более или

менее передовые слои того же дворянства, но уже пробивавшиеся к положению аристократии и усваивающие традиции и взгляды последней. Поэтому реформизм этой верхушки был более спокойным, близким к позициям западного шляхетства, склонным именно у него заимствовать внешние формы быта и просвещения.

3

...Настоящая увлекательность, действительная прелесть и богатство книги у А. Н. Толстого на протяжении всего романа остается не функцией его социологической схемы, а следствием его острого взгляда, могучего воображения и замечательного языка. Эти силы художника позволяют ему легко преодолеть исторические традиции старой нашей науки, традиции официального патриотизма, традиции трагического демонизма в фигуре Петра. Бровкин не вышел показателем купеческого первенства, но он остался одним из русских людей своего времени, и в составе петровского окружения и он сказал свое нужное слово. В романе мы видим народ, видим живых людей, не всегда послушных авторским планам, но замечательно послушных по отношению к требованиям художественной правды. Поэтому и из Жемова не вышло разбойника, но вышел суровый кузнец, с честью принимающий участие в петровском деле.

Самое главное и самое прекрасное, что есть в книге, что в особенности увлекает читателя, это живое движение живых людей, это здоровое и всегда жизнерадостное движение русского народа, окружающего Петра. Несмотря на то, что в книге описывается много жестоких дел, много дикого варварства, много народного страдания, роман переполнен оптимизмом, в нем в каждой строчке дышат богатые силы народа, который еще сам своих сил не знает, но который верит в себя и верит в лучшую жизнь. Этот оптимизм составляет настоящий стиль «Петра Первого». Как на каждой странице можно найти великолепные зрительные, слуховые и другие образы, так же на каждой странице мы найдем и такой же великолепный авторский оптимизм. Уже на первых страницах он приятно поражает читателя. Даже бров-

кинская коняка, «коротконогая, с раздутым пузом», и та свои жалобы склонна выразить в такой форме:

«— Что ж, кормите впроголодь, уж поплю вдоволь».

И выбежавшие на двор дети тоже не слишком падают духом:

«— Ничаво, на печке отогреемся».

А. Н. Толстой отказался от механического противопоставления классовых групп, а прибегнул к способу расщепления каждого отдельного явления, и продукты этого расщепления предложил читателю как более или менее полнокровную картину классового общества.

Вот обедневший холоп Ивашка Бровкин приехал на помещичий двор. В дворницкой избе он встречает сына Алешку, отданного боярину в вечную кабалу.

«Мальчишка большеглазый, в мать. По вихрам видно — бьют его здесь.

Покосился Иван на сына, жалко стало, ничего не сказал. Алешка, молча, низко поклонился отцу.

Он поманил сына, спросил шопотом: — Ужинали?

— Ужинали.

— Эх, со двора я хлеба не захватил. (Слукавил, ломоть хлеба был у него за пазухой, в тряпице). Ты уж расстарайся как-нибудь...

Алешка степенно кивнул: «Хорошо, батя». Иван стал развлекаться и — бойкой скороговоркой, будто он веселый, сытый:

— Это, что же, каждый день, ребята, у вас такое веселье? Ай, легко живете, сладко пьете.

Один рослый холоп, бросив карты, обернулся:

— А ты кто тут, — в рот глядеть!

Иван, не дожидаясь, когда смажут по уху, полез на полати».

Даже у этого Ивашки, последнего в общественном ряду, находится и бодрость, и энергия, и человеческое достоинство, позволяющее ему не просто стонать, а вести какую-то политику. Он все-таки за что-то борется и, как умеет, сопротивляется.

Кузьма Жемов, преодолевая решительное сопротивление современников против... авиации, выражаемое в батогах, рассказывает:

«Троекуров... Говорю ему, — могу летать вроде журавля, — дайте мне рублей двадцать пять, слюды выдай-

те, и я через шесть недель полечу... Не верит... Говорю,— пошлите подъячего на мой двор, покажу малые крылья, только на них перед государем летать неприлично. Туда, сюда, податься ему некуда,— караул-то мой все слышали... Ругал он меня, за волосы хватил, велел евангелие целовать, что не обману. Выдал восемнадцать рублей...»

И этот же самый Кузьма Жемов, пережив крушение своих летных планов, разбойное одиночество в лесу, тюрьму и побои, попадает на каторгу в тульский завод, но даже в этом месте, даже в предвидении каторжного рабочего дня, в нем не сдается гордость мастера и человека:

«По дороге сторож сказал им вразумительно:

— То-то, ребята, с ним надо сторожко... Чуть упущение, проспал али поленился, он без пощады.

— Не рот разевать пришли!— сказал Жемов.— Мы еще и немца вашего поучим».

Даже в мрачные времена тупого боярского правления эта народная энергия вовсе не склонна была переключаться в энергию терпения и стоа.

«Мужик:

— ... Мужик — дурак, покуда сыт. А уж если вы так, из-под задницы последнее тянуть... (взялся за бородку, поклонился). Мужик лапти перебул и па-ашел, куда ему надо».

Вот эти самые крестьянские уходы,— это не только форма протеста и борьбы, но и форма активного жизненного мироощущения. Мужик идет, «куда ему надо», а не просто страдает.

Петр Первый этой бедной и истощенной людской жизни, не лишенной все же своего достоинства, сделал принудительную прививку энергии. В этом деле он столько же следовал своей натуре, сколько исторической необходимости. И только потому, что в русском народе бурлили большие силы, требующие выхода, только поэтому петровское дело увенчалось успехом. А. Н. Толстой в высокохудожественной форме показал, что этот успех нужно видеть не в готовом совершившемся счастье, которое, конечно, было еще невозможно, а в подъеме народной энергии, в пробуждении народных талантов, в зародившемся буйном движении разнообразных сил. Часто эти движения не были даже согласованы друг с дру-

гом, часто они сталкивались и мешали друг другу, часто они вообще не знали, куда себя девать. Да и сам возбудитель этого движения сплошь и рядом был беспорядочен и противоречив, отражая в себе всю беспорядочность и сложность происходящих народных сдвигов. В этом смысле Петр является фигурой большого философского обобщения. Вокруг него, возбужденные им, влюбленные в него или ему сопротивляющиеся, разворачиваются молодые силы русского народа, и, несмотря на всю хаотичность событий, все они чрезвычайно гармонично отражаются в личности Петра. Поэтому ни в одном месте роман не производит впечатление дисгармонии или трагического разрыва частей. Меньшиков, например, всегда стоит в фарватере темы А. Н. Толстого, и тогда, когда он со шпагой бросается на стены Шлиссельбурга, и тогда, когда он передает Петру любовницу, и тогда, когда берет взятки. С точки зрения обычной морали он недостаточно чистоплотен и высок. С точки зрения же нашего знания, окрашенного и оживленного рассказом А. Н. Толстого, иначе и не может быть: сила общественных сдвигов в молодом русском народе в то время была, конечно, гораздо больше силы какой бы то ни было нравственной традиции. Именно поэтому так правдиво и жизненно в романе Петр Первый не только требователен и жесток, но и великодушен.

И по этой же причине нельзя ценность героев романа А. Н. Толстого измерять только нравственными мерками. Или можно сказать иначе: великая нравственная сила заключается в самом факте человеческого пробуждения, в той замечательной экспрессии, с которой старая Русь расправила свои неожиданно могучие национальные крылья. Именно поэтому мы любуемся каждым событием.

«Девки сразу стали смелы, дерзки, придиричвы. Подай им того и этого. Вышивать не хотят». (Буйновсо-вы).

«Петр все больше жил в Воронеже или скакал на перекладных от южного моря к северному».

«Лапу! (Обернувшись к Петру, закричал Жемов диким голосом). Что ж ты! Давай!»

«— Петр Ликсеич, вы мне уж не мешайте для бога,— неласково говорил Федосей,— плохо получится мое креп-

ление,— отрубите голову, воля ваша, только не суйтесь под руку...

— Ладно, ладно, я помогу только...

— Идите помогайте вон Аладушкину, а то мы с вами только поругаемся».

Русские люди у А. Н. Толстого не боятся жизни и не уклоняются от борьбы, хотя и не всегда знают, на чьей стороне правда, и не всегда умеют за правду постоять...

Последние строчки второй книги такие:

«Федька Умойся Грязью, бросая волосы на воспаленный мокрый лоб, бил и бил дубовой кувалдой в свай...».

Между этой терпеливой и еще мучительной энергией Федьки и страстной, буйной, нетерпеливой силой Петра все-таки проведена в романе прямая и, в сущности, жизнерадостная дорога. Автор не скрывает многих темных сторон жизни русских людей, не скрывает он и темных сторон Петра, но он прекрасно умеет глядеть на это прищуренным ироническим взглядом, иногда даже и осуждающим, но всегда умным и жизнерадостным. Даже Буйносов, для которого дела царские вообще недоступны, и тот, обращенный в шута, оскорбленный как будто в лучших чувствах, и тот находит для себя место, пусть даже и шутовское: он сам изобрел и изготовил мочальные усы и при помощи их выполняет свое маленькое, но все же общественное дело, имеющее, очевидно, некоторое значение в том хаосе рождения, в том беспорядке творчества, которые сопровождали петровскую эпоху.

На этом фоне просыпающегося в борьбе народа фигура Петра, человека больших чувств, предельной искренности и высокого долга, становится фигурой почти символической, вырастает в фигуру большого философского обобщения. Он в особенности хорош и трогателен после нарвского поражения, когда действительно от него требуется высота духа и оптимизм вождя. Но и на каждой странице романа Петр стоит как выразитель самых мощных, самых живых сил русского народа, всегда готовый к действию, к учебе, к борьбе.

Недостатки сюжета, психологической неполноты, исторической неточности,— все это теряется в замечательно бодром и глубоко правдивом действительно прекрасном пафосе художественного видения и синтеза.

Художественный оптимизм автора, украшенный

ярким, красивым и немного ироническим словом, огромная сила воображения, буйная страстность в чередовании картин эпохи, стремительный бег мысли, полнокровное мощное движение — вот что делает книгу А. Н. Толстого неотразимо привлекательной. В ней реализм действительно является реализмом социалистическим в самом высоком и полном значении этого слова, ибо трудно себе представить описание исторических деятелей и событий, которое было бы так наполнено понятными и близкими нам ощущениями движения, веры, энергии и здоровья. Это редкая книга, которая в одинаково сильной степени и русская и советская.

Записки педагога

Г. Семушкин определил свою книгу «Чукотка» очень скромно — записки педагога. Еще скромнее эта книга сделана. Нельзя привести ни одного места, где автор соблазнился бы чисто словесной игрой, захотел бы украсить свой рассказ новым сравнением, стиливым приемом или лирическим отступлением. Трудно найти в книге Г. Семушкина и формальные признаки того, что мы обычно называем образом. Литературный критик, обладающий старомодным высокомерием, отнесет книгу Г. Семушкина к разряду очерков на этнографическую тему и забудет о ней, — она как бы выпадет из привычных рамок художественного произведения.

Однако, несмотря на резкую определенность темы и отсутствие формальных «художественных» претензий автора, «Чукотка» является художественным произведением с очень широким тематическим захватом, гораздо более широким, чем этнографический очерк.

В своей книге Г. Семушкин рассказывает о том, как небольшая группа русских, советских учителей прибыла в «Культбазу», расположенную в дикой тундре среди нетронутых никакой культурой чукотских стойбищ. Учителя начали работать в школе, впервые организованной в этих краях. Чукчи не знали, что такое школа, не знали они и русского языка. Учителя же не знали языка чукотского. Никакой письменности, никакого понятия не

только о книге, но даже о бумаге у чукчей не было. Таким образом предприятие советских учителей с самого начала представляется состоящим из сплошных противоречий довольно трагического свойства. Если бы «Чукотка» написана была не советским учителем, если бы она изображала некую «культурную» миссию в буржуазном обществе, она имела бы вид совершенно иной. Она изображала бы, с одной стороны, непобедимую отсталость «дикаря» и, с другой стороны, высокомерный героизм «просветителей».

Г. Семушкин ничего не прикрашивает в чукотском быту. «...В углу тикал будильник, повешенный за колечко на оленьих жилах. В обычное время этим будильником никто не пользовался. Люди отлично распределяли время и без часов. Будильник висел «для хорошего тона». Только перед приходом русских Ульхвургын брал его за «ухо» и накручивал. Теперь он исправно «тикалкал», и неудивительно поэтому, что время, показываемое будильником, ничего общего с настоящим не имело.

... Будильником этот представитель советской власти здесь пользоваться не мог. Он только все это видел в квартирах культбазы, на пароходах и теперь подражал, как умел. Настоящее, сознательное представление обо всех этих вещах Ульхвургын получил позже, на своем родном языке, от будущих школьников из его стойбища».

В этом отрывке замечательно поданы и тема, и стиль, и тон книги Г. Семушкина: чукчи очень отстали в культуре, для преодоления их отсталости требуются героические усилия, но во всем этом ни сам Семушкин, ни другие работники культбазы не видят ничего особенного.

Семушкин изображает чукчей с настоящей товарищеской симпатией. В его тексте всегда чувствуется глубокая уверенность в том, что их отсталость — категория исключительно историческая. На эту тему у нас достаточно писалось и говорилось, но редко кто это умеет делать с такой высоконравственной убедительностью и так просто, как это делает Семушкин.

Если в книге Семушкина нет разработанных индивидуальных образов, то в ней есть замечательно сделанный образ чукотского народа, веками заброшенного в холодной тундре, веками оскорбляемого и обижаемого и тем не менее сохранившего в чистоте умственную, нрав-

ственную и физическую энергию. Главное впечатление, какое получается из рассказа Семушкина,— это прекрасная, счастливая эпоха, когда от такого глубокого, векового сна так просто и с таким радужным спокойствием просыпается целый народ. Чукчи сопротивляются «вторжению» культуры, они еще цепляются за шаманов, они еще боятся злых духов, они недоверчиво, а иногда и панически относятся к школьному начинанию культбазы. Но Семушкин умеет с пленительной точностью изобразить характер этого сопротивления: в этом сопротивлении наряду с привычным подозрительным отношением так ясно видишь доверчивость к новому, большие человеческие способности, расправляющиеся плечи освобожденного народа. И хотя Семушкин не произносит никаких филиппик по адресу вековых угнетателей чукчей и им подобных, у читателя возникает неожиданное и гневное обращение к ним, к тем, кто виноват в отсталости этих народов и кто и сейчас продолжает эту темную линию мракобесов.

Это общее впечатление от книги Семушкина усиливается той совершенно исключительной скромностью, с которой он изображает советских работников. Нет ни одной строчки, ни одного слова, которые пытались бы изобразить их работу как нечто героическое. Скорее можно обвинить Семушкина в том, что работа этих людей представлена чересчур скупой — обыкновенная советская работа, ничего особенного. Никакого самомнения, никакой позы, ни одного слова хвастливого, ни одного штриха, говорящего об усталости, напряжении, колебании. С бытовой стороны в книге показаны ничем не выдающиеся, прекрасные советские будни, именно поэтому книга дышит такой светлой уверенностью, такой основательностью и так убедительна.

Для того, чтобы книга говорила так много и так впечатлительно, нужно иметь настоящее дарование художника. Семушкин достигает цели не словесными ухищрениями, не украшениями текста, а очень тонкой организацией материала; у него в книге главное — колорит: колорит природы, людей, настроений, идей и уверенности.

Г. А. Медынский „Бубенчики“

Мне кажется, что повесть Медынского можно печатать. Ее достоинства представляются мне в следующем комплексе:

1. Она правильно, без усиления и подкраски, изображает нашу современную школу. Общий колорит советской молодежи изображен в ней свободно и в общем оптимистично, вполне соответствуя нашей действительности. Типы юношей и девушек вышли у Медынского очень живыми и симпатичными, срывы и уклоны показаны так, что не внушают паники, а в то же время ставят серьезно воспитательные проблемы. Хорошо и художественно показаны те трудности, которые имеются в школе в деле создания классного коллектива.

2. Интересно затронуты вопросы отношения семьи и школы и правильно намечены некоторые типы родителей, безусловно существующие у нас.

3. В общих чертах показана инертность и неслаженность педагогического коллектива при одновременном наличии хороших педагогов.

4. Есть достаточно указаний на качества хорошего учителя, и правильно изображен тот цикл напряжений и состав мыслей, в области которых приходится учителю работать.

Принимая все это во внимание, думаю, что напечатание повести будет вообще полезно, несмотря на многие и существенные недостатки, которые, вероятно, будут указаны критикой и общей и специальной. В то же время думаю, что автор не в силах будет предварительно эти недостатки исправить, так как не обладает необходимой для этого педагогической культурой.

Недостатки эти следующие:

1. У автора нет никаких представлений о возможности улучшения школьной организации как целого. Он мыслит в тех рамках, в каких мыслит и его главная героиня Мария Митрофановна,— в пределах одного класса, а еще чаще в пределах индивидуальной истории отдельного ученика. Иначе говоря, у автора нет педагогически-философских (марксистских) обобщений, как нет их и у Марии Митрофановны. И автор и Мария Митро-

фановна проявляются злободневными житейскими соображениями, которые, будучи по существу правильными, не выходят все же за границы самой узкой эмпирики сегодняшнего дня.

2. Образ учительницы Марии Митрофановны вышел в общем слабым и, к сожалению, даже мало симпатичным. У нее всегда ощущается некоторый уклон в обыкновенную учительскую вульгарность: словечки, остроты, некоторая склочность по отношению к коллегам, самомнение, рассудочность и не всегда со вкусом сделанная и небогатая афористичность. Самая деятельность Марии Митрофановны, если не учитывать ее преподавание в классе, несмотря на усилия автора, представляется однако мало эффективной. Она ограничивается чисто словесным прикосновением к тому или другому «несчастному» случаю, возникающему в семье или в классе. Организующего влияния, настоящего воспитания, создающего характеры и предупреждающего «несчастные» случаи, у Марии Митрофановны нет. Нет никакой борьбы и за единство педагогического коллектива, напротив, Мария Митрофановна скорее имеет склонность порадоваться неудачам соседа-педагога.

3. Заметна в книге пренебрежительность педагога к родителям. Все родители представляются более или менее беспомощными... Положительной семьи не изображено.

4. Повесть нужно сократить. Выборы в Верховный Совет сюжетно слабо связаны с темой. Есть и другие длинноты.

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ
И ВЫСТУПЛЕНИЯ**

Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького

Тридцатого августа Полтавская труд. колония им. Горького отпраздновала пятилетие своей работы. В самом юбилее этом нет ничего, разумеется, особенно значащего: в конце восьмого года Советской власти любому учреждению не мудрено иметь за плечами пять лет. Особенное значение имеет в нашем юбилее то обстоятельство, что мы праздновали не только пятилетие учреждения, но и пятилетие работы основного кадра коллектива. С основания колонии в 1920 году этот основной кадр в составе заведующего и трех воспитателей только дополнялся новыми работниками, которые, в свою очередь, остаются в колонии до настоящего времени. Таким образом, мы имеем сейчас коллектив воспитателей в количестве 12 человек, из которых четверо с пятилетним стажем по колонии, один — с четырехлетним, трое с трехлетним, двое с двухлетним и только двое с одногодичным. Следовательно, средний стаж одного члена педколлектива — 3,25 года, цифра огромная для стационарного учреждения с правонарушителями.

Это весьма счастливое обстоятельство определило цельность развития педагогической линии колонии. У нас это очень редко бывает: переменные группы педагогов обычно не успевают продумывать и доводить до конца ясную систему организации. Наш Соцвос предоставляет достаточно простора для местного творчества, в результате которого каждое детское учреждение должно найти свой тон, систему и стиль, отражающие особенности местных условий и специальных целей. К сожалению, текучесть педколлективов и, в особенности, их негармонизированный состав, случайности соединения отдельных членов

почти не оставляют возможности для создания цельной системы в каждом учреждении. Колония Горького оказалась исключением. Плоха или хороша наша система, судить не нам, но зато мы имели возможность в течение пяти лет: во-первых, тщательно проверить и пересмотреть детали, во-вторых, приобрести почти механические навыки, позволяющие нам совершать довольно большую работу без особенного вреда для наших нервов. В настоящем очерке я не имею возможности подробно описывать работу колонии. Я могу только бегло коснуться отдельных проблем перевоспитания, поскольку в нашей практике заключались попытки того или иного решения их.

1. Краткая история

Колония открыта в 1920 году Полтавским Губнаробразом. Для нее отведено было старое имение колонии малолетних преступников, состоявшее из пяти требовавших ремонта каменных флигелей, расположенных на 12 десятинах сыпучего песку. В январе 1921 года в распоряжение колонии было передано разрушенное имение Трепке. Небольшие средства, отпущенные для ремонта Полтавским Губисполкомом, позволяли уже к концу лета 1921 года поселить в имении братьев Трепке 6 воспитанников. В течение пяти лет колония производила капитальный ремонт имения и закончила его только благодаря помощи Ц. К. П. Д.¹. По мере выполнения ремонта, колония постепенно перебрасывала из старого имения в новое своих воспитанников и, наконец, оставила старое имение в ноябре 1924 года. Общий рост числа воспитанников был такой: 1921 г. — 30; 1922 г. — 50; 1923 г. — 70; 1924—100; 1925—130. С 1922 года колония состоит на госбюжете как опытное учреждение Наркомпроса УССР.

2. Хозяйство

По мысли педколлектива, хозяйство должно было сделаться основным фоном педагогической работы колонии. Именно поэтому колония добивалась получить име-

¹ Центральная комиссия помощи детям. (Редакция.)

ние Трепке, так как при нем есть 40 десятин пахотной земли, луг и небольшой сад. В течение пяти лет колония развивала свое хозяйство, в последние годы взяв курс на животноводство. К юбилею мы имеем 8 лошадей, 5 коров, 7 штук молодняка, 30 овец, 80 свиней английской породы. В 1924 году колония получила в аренду на два года паровую мельницу Трепке, находящуюся в самой усадьбе колонии, и уже второй год вертит ее без особой прибыли, благодаря отсутствию оборотного капитала, тяжелым условиям аренды и другим причинам, заключающимся в самом факте краткосрочной аренды.

Если сравнить хозяйство колонии им. Горького с хозяйством других колоний, например, Рокавецкой или Будищанской, оно будет представляться почти жалким. Сколько-нибудь сносного чернозема у нас только 27 десятин, на которых разгуляться негде. В то же время мы можем похвастаться тем, что наше хозяйство развивается без всякой опеки: за пять лет колония ни разу не была предметом чьего-либо исключительного внимания.

Может быть, это обстоятельство было одним из самых полезных в воспитательном отношении. Мы имели возможность не зарыться в хозяйстве, не сделаться его рабами. Проблема хозяйства в детском учреждении весьма важная проблема, которую нельзя пока что считать решенной. Во всяком случае, хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще говоря, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узко-хозяйственные. Определить хозяйство как педагогическое условие легко только в короткой формуле. На деле нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности. Прева-лирование воспитательных задач ведь может иметь место только с точки зрения педагога-организатора. Воспитанник, да, пожалуй, и рядовой воспитатель, должны всерьез переживать хозяйственную заботу, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями. Сумма этих переживаний и составляет тот основной фон, на котором пишется чисто педагогический рисунок. Воспитание и пе-

ревспитание, если оно должно направляться параллельно общему движению нашего общества, не может принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны. Трудовой процесс, с нашей точки зрения, является процессом педагогически нейтральным... Только труд в условиях коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, что в нем в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие.

Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения, является элементарным объектом воспитания. Я не имею места и времени, чтобы в этом очерке развить эту мысль, она требует, конечно, солидных аргументов. Но и для общего взгляда ясно: только переживание хозяйственной заботы может дать мощный толчок, с одной стороны — для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой — для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели.

Вышеприведенные краткие формулы не составлялись педколлективом им. Горького предварительно: они выведены из пятилетнего опыта, из многих случаев наблюдения воспитательного эффекта. Как на самый яркий пример, укажу на различие между столярной и сапожной мастерскими. Столярная мастерская так у нас и не успела сделаться строго ремесленной, потому что всегда была завалена требованиями хозяйства; сапожная же давно замкнулась в узком трудовом кругу. И вот все воспитанники столярной мастерской всегда являются признанными руководителями колонийской верхушки, в то время как сапожники почти не поддаются влиянию колонии.

Это один из многих примеров, при помощи которых мы могли бы доказать правильность нашей точки зрения. Сделав хозяйственную заботу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования. Главные формы, о которых я успею упомянуть, — это хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организа-

ция хозяйственно-активных отрядов, точная дисциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узко-индивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру.

3. Воспитатель

Очень часто педагоги, посещающие колонию, задают мне убийственный вопрос: «Почему ваши воспитатели несут так много хозяйственных обязанностей, ведь у них не остается времени для воспитательной работы?» На вопрос этот мне отвечать очень трудно, потому что нужно начинать с Адама, но вопрос правильно характеризует работу нашего воспитателя.

Главная задача нашего воспитателя отнюдь не воспитывать. Просто противно здравому смыслу рассчитывать, что десяток интеллигентных людей, случайно собранных в колонии им. Горького, может воспитать 130 правонарушителей. Воспитатели — люди обыкновенные. Если они переженятся и народят детей, то я ручаюсь, что 50% их потомства будет плохо воспитано, не говоря уж о том, что в их воспитании не будет требуемого стиля. Честные работники-воспитатели это и сами прекрасно понимают. Воспитывает не сам воспитатель, а среда. Последняя в колонии, благодаря усилиям направляющего педколлектива, организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта — процесса хозяйствования, но эти усилия отнюдь не имеют сами по себе воспитательного характера. Воспитатель должен участвовать в хозяйстве наравне с воспитанником, и только в меру его знания, работоспособности и ответственности он может иметь некоторое преобладание в деле организации хозяйственных элементов...

Надзор и нравоучение, нравственный пример, волевое давление могут иметь место постольку, поскольку они оправдываются понятной для всякого хозяйственной логикой.

Разумеется, над хозяйством естественно надстраиваются многие явления жизни, в среде которых воспитатель может иметь некоторое значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться только как влияние человека на человека.

Говоря коротко, воспитатель только живой деятель, цель которого служить регулятором внешних по отношению к нему и к воспитаннику хозяйственных и бытовых явлений.

4. Воспитанник

В такой же точно мере мы старались выдержать чистоту логического подхода и к воспитаннику. Принимая его в нашу коммуны, мы прежде всего предъявляем к нему общинно-хозяйственные требования. Педагогическая поза даже в самой малой степени не должна, по нашему мнению, быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрятано в кабинете организатора. В живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновения точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предъявляются к нему со стороны нашего быта. Разумеется, сама воспитательная роль учреждения не может быть совершенно скрыта. Иногда в интимных вечерних разговорах колонисты говорят: «В колонии хлопцы страшно изменяются, а отчего — кто его знает...»

Часто и воспитатели, особенно из молодых, ищут объяснения этой быстрой перемене. Найти точное объяснение этому можно только после тщательного анализа всего уклада жизни, но я уверен, что в результате этого анализа мы получим элементы, вряд ли выраженные педагогическими терминами.

Свобода от педагогической нарочитости позволяет всему коллективу развиваться в одной плоскости вместо обычной системы параллельного развития, с одной стороны, детского коллектива, с другой — коллектива педагогов. Это двойное развитие обычно приводило в лучшем случае к обособлению коллективов, а иногда и расхождению их. В то же время эта свобода, как показал нам опыт, определяет свободу в самочувствии воспитанника, позволяет ему более просто и радостно переживать свое детство. Это обстоятельство особенно важно, ибо им обуславливаются часто совершенно неожиданные и интересные эффекты в области тона, дисциплины, работы.

В начале нашей работы мы сознательно и принципиально решили не интересоваться прошлым воспитанника

в его присутствии, не расспрашивать его о приключениях, и подвигах, но все же считали необходимым изучать «дело», приведшее воспитанника в колонию, составлять предварительную его характеристику. В дальнейшем мы убедились, что «дело» только сбивает нас с толку, устанавливает ненужную и предвзятую позу по отношению к новичку. В настоящее время мы совершенно искренне и без всяких усилий игнорируем «вчерашний день», не интересуемся «делами» и в итоге просто ничего не знаем о прошлом воспитанника. Если спросить любого из воспитателей, за что прислали такого-то или такого-то, он просто удивленно откроет глаза, настолько крепко мы привыкли не интересоваться этим вопросом.

Результаты этого метода огромны и прямо неожиданны для нас самих. Несмотря на то, что колония почти еженедельно выпускает «стариков» и принимает новых, в ней совершенно отсутствуют разговоры о прошлом. Не сказавши ни одного слова, молчаливо и просто, воспитатели и воспитанники как бы согласились, что прошлого нет и оно не стоит воспоминаний. К новичку никто не обращается с вопросом: «за что» или «почему». Зато с чисто деловым интересом поинтересуются «из какого он города, мать — отец живы?» Зато с чисто деловым интересом постараются проникнуть в тайны физиономии и мускулатуры, прощупать товарища и работника. Если новичок начнет хвастливо рассказывать о своих подвигах, его сурово остановят на третьем слове: «Брось чепуху **молоть**, здесь это никому не нужно!» Но новичок обычно и не начнет рассказывать. Общий хозяйственный рабочий тон, быстрый бег колонийской машины, общая занятость и общая гордость своей трудовой жизнью не позволяют ему даже рта раскрыть. Фигурально выражаясь, ему предложат, без лишних речей, вскочить на какую-нибудь подножку и принять участие в общем движении. Большинство новичков с радостью хватаются за первую попавшуюся рукоятку и через месяц уже чувствуют себя колонистами. Некоторые же не находят в себе сил забыть городские рынки и кинематографы и на другой день по прибытии в колонию убегают.

Колония не только никому не препятствует уходить, а, напротив, сама объявляет: «Кто не хочет работать и быть колонистом — проваливай из колонии».

Это необходимо как естественный результат хозяйственной организации колонии, но это необходимо и для уменьшения числа побегов. Бегут из тюрьмы, колония же — открытая детская коммуна, без заборов и сторожей. Напротив, колония всегда осаждается просьбами желающих вступить в нее, что еще больше удаляет колонию от тюрьмы.

5. Организация

Воспитатели и воспитанники (сейчас у нас серьезно ставится вопрос об уничтожении этих терминов и замене их другими; отчасти они уже заменяются званием колониста и старшего колониста) составляют одну коммуны, цель которой достижение большей или меньшей культурной высоты...

Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя, — все это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учетом центрального основного фактора — экономического прогресса всей страны. При нынешних условиях выдержать эту формулу в точности, разумеется, невозможно. Общие условия составления штатов, нормы зарплаты и финансирования, различные формы работы персонала, регламентированные союзом, неясное юридическое положение колонии как хозяйства — все это затрудняет развитие колонии в определенном направлении, вынуждает искать обходные пути. Этими причинами обуславливается необходимость сложной организации и чрезвычайно затрудняется хозяйственно-административная работа. Но и без этих причин организационная проблема в вопросе о коллективном воспитании всегда будет оставаться самой важной проблемой. Педагогическая литература до последнего дня почти не уделяет внимания вопросу организации воспитательного коллектива, и потому всем детским учреждениям приходится самостоятельно искать организационные формы. Нужно признаться, мы не можем похвастаться особым успехом в деле создания организационных форм детского учреждения. В последние годы наша беспомощность сказалась в проведении идеи «самоорганизации». Детский коллектив в этой проповеди представляется совершенно обособлен-

ным от воспитателя и в то же время способным в порядке инстинктивного... творчества найти организационные формы своей жизни. Это, конечно, ошибка. Детский коллектив, предоставленный самому себе, еще может в особо счастливом случае найти нечто, чтобы не погибнуть, но ведь нам нужно нечто большее. Нам нужны новые формы жизни детского общества, способные дать положительные искомые величины в области воспитания. Только большое напряжение педагогической мысли, только пристальный и стройный анализ, только изобретение и проверка могут привести нас к этим новым формам. До сих пор только в пионерском движении пришли к более или менее оригинальным и живым формам организации... Колония им. Горького в течение пяти лет напряженно искала нужные ей организационные формы жизни. В этих поисках мы не только полагались на изобретение, мы искали и среди существующих типов детских организаций... Но заимствования из чужой практики все же не имели большого значения в жизни колонии. Мало в ней было места и для изобретений (если под изобретением понимать наперед составленный готовый план). Дело было так.

В конце 1921 года колония не имела не только топлива, но и обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справиться с холодом. С этой целью из числа всех воспитанников (всего их было в то время 30) было выделено 10 человек. Им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню, каким образом, но в колонии привилось для этой группы название «отряд Калабалина».

Возможно, что в этом термине сказалось прошлое некоторых наших воспитанников. «Отряд» — термин чисто партизанский... Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы — для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на зиму 1921 года. К весне мы не расформировали отряд, а наоборот — остальных 20 воспитанников разбили на 2 отряда. Таким образом, у нас получилось

3 отряда. Старшие отрядов сначала пытались называться атаманами (очевидно происхождение и этого термина), но я настоял, чтобы они назывались командирами. Так образовалась у нас система отрядов. В течение 4-х лет она очень развилась и усложнилась и в настоящее время составляет основное явление среди организационных форм колонии.

Отрядов в колонии 15. Каждый из них состоит из командира, помкомандира и 8—12 рядовых членов отряда. Отряд представляет основную и главную единицу коллектива колонии. У него своя спальня, свой стол в столовой, свое платье. Только в очень редких случаях колония обращается к тому или другому воспитаннику. Если, например, нужен курьер в город, хотя бы и для ответственного поручения, то дается требование: «такому-то отряду дать курьера в город для серьезного поручения». Конечно, отряд выберет такого мальчика, которому можно довериться. Если в колонию приезжает гость, он зачисляется на довольствие в тот или иной отряд. Служащие колонии тоже довольствуются по отрядам, которые они выбирают по своему вкусу. Я, например, обедал раньше с...¹ отрядом, а потом меня перетянули в сторожевой отряд. Все командиры отрядов составляют совет командиров...

Совет командиров собирается каждую субботу в половине третьего дня. Но обычно он собирается чаще, как только возникает какой-нибудь важный вопрос. Трубаچی играют сигнал «сбор командиров», и через две минуты заседание уже открывается. Председательствует всегда заведующий колонией.

Главные функции совета командиров: распределение работ между отрядами, назначение командиров отрядов, назначение других должностных лиц (кладовщика, огородника, коменданта, завхоза и др.), разрешение отпусков, распределение одежды, организационные вопросы.

Распределение работ совершается на неделю вперед, по требованию заводов отдельными частями. Обычно работа поручается целому отряду, но очень часто приходится из остатков отрядов составлять сводные отряды только для работы с временным командиром. Система сводных

¹ В авторской машинописи стерто. (Редакция.)

отрядов позволяет нам пропускать через командные функции значительное число колонистов. Командир постоянного или сводного отряда работает наравне со всеми членами отряда, но сверх того на нем лежит забота об орудиях, семенах, порядок во время работы и ответственность за нее. К вечеру каждого дня командир готовит рапорт о дневной работе отряда, который докладывается общему собранию, а если его нет почему-либо, то заведующему колонией.

Общее управление работой колонии в течение дня принадлежит дежурным по колонии — одному воспитателю и одному воспитаннику. Пара эта постоянная и подбирается по взаимной симпатии. На дежурных лежит весь порядок дня, наблюдение за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свинарни и пр., а сверх того — учет дневного прихода колонии — денежного, материального и продуктового, а также и расхода. Как правило, у нас постановлено, что ни один документ не действителен без подписи одного из дежурных.

Другие воспитатели либо принимают участие в работе одного из отрядов, либо, в вечерние часы, участвуют в клубной работе. Все они подчиняются дежурным по колонии.

Такова в главных чертах организационная система колонии. По своей подвижности она позволяет легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течение 2—3 минут. В то же время, при помощи сводных отрядов, она позволяет наибольшему числу воспитанников проходить через хозяйственно-командные должности. Сводные же отряды дают возможность постоянным отрядам не замыкаться в своих границах. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии, как исполнительному органу, мы имеем возможность связывать все отряды в единый коллектив.

6. Д и с ц и п л и н а

Трудно определить понятие дисциплины в условиях коллективного воспитания и тем более трудно организовать дисциплину так, чтобы не было ненужных трений в работе. В нашем обществе к вопросу о дисциплине весьма

двойственное отношение. С одной стороны, дисциплина есть один из девизов нашего общества: дисциплинированный человек представляется всем манной небесной. С другой стороны, эта же самая дисциплина, по мнению очень многих, должна быть результатом какого-то вдохновения, коллективного пафоса и доброй воли. В особенности эта добровольная дисциплина, долженствующая все покорить, пленяет представителей нашего соцвоста. В нашей педагогической литературе и в наших торжественных речах еще до сих пор можно услышать страшно увлекательные слова о самодисциплине. Жажда строгого и точного распоряжения и быстрого действия без уговоров и речей — это жажда всеобщая. Но проблема дисциплины в воспитательном учреждении обычно принимает непозволительно упрощенные формы. Вопрос ставится так: должно быть приказание и исполнение, это и будет дисциплина. Приказать вообще не трудно, но как добиться исполнения и что делать, если исполнения не будет? Нужно найти ту силу, которая делает исполнение необходимым и которая определяет невыгодные последствия нарушения дисциплины.

Обычно эту определяющую силу приказания ищут там, где ее нет, либо в общественном мнении, во всеобщей воле, либо в воле одного лица. Всеобщая воля не так легко проявляется. Если собрать 120 детей на одно общее собрание, они могут принять любое решение, смотря по тому, кто будет влиять на них. Наши педагоги очень часто производят этот фокус: после горячей убедительной речи воспитателя дети принимают то или иное решение. Присутствует ли здесь общая воля? Конечно, нет. Всеобщая воля есть нечто среднее из разумных стремлений всех членов коллектива, воля же толпы есть только среднее из настроений данного момента. Никакое общество, государство, партия не может опираться на волю толпы; всякая здоровая дисциплина строится исключительно по системе полномочий, передаваемых более широкими организациями более узким. Очевидно, так должна быть построена и дисциплина детского учреждения.

В колонии им. Горького мы пытаемся провести этот принцип. Прежде всего мы затратили много энергии на создание конституции колонии, т. е. ряда твердо установ-

лённых положений, которые обязательны для всех воспитанников и воспитателей, для всех учреждений колонии. Во-вторых, мы затратили не меньшую энергию на установление таких форм дисциплины, которые меньше всего допускали бы произвол одного лица. В-третьих, наконец, мы старались достигнуть точного соответствия между приказанием и исполнением. Все эти цели достигаются системой полномочий, передаваемых по такой схеме, которая будет приложена (здесь нет места для этого). Всякое полномочие имеет две хорошие стороны: оно может быть легко ограничено и оно дает уполномоченному лицу право действия. К примеру: отпуск дает заведующий колонией, но право получать отпуск устанавливает совет командиров, а фактическая возможность отпуска устанавливается дежурным по колонии. Поэтому у нас правило: пока отпуск не подписан секретарем совета командиров и дежурным по колонии, заведующий подписать отпуск не может. В данном случае полномочие заведующего ограничено. Но в то же время всякий воспитанник, ушедший из колонии без моего отпуска, может быть мною же наказан, хотя право отпуска было ему вообще предоставлено. Я здесь не имею возможности описать всю нашу систему полномочий более или менее подробно.

Нужно было бы детальнее поговорить о наказании. В колонии нам удалось найти кое-что новое в проблеме наказания. Обыкновенно наказание страдает тем, что, разрешая один конфликт, оно в себе самом содержит новый конфликт, в свою очередь требующий разрешения. Нужно было найти такие формы наказания, которые содержали бы в себе окончательное разрешение конфликта. К сожалению, мы не довели еще до конца своего опыта и поэтому воздерживаемся от выводов, но я должен сказать, что есть все основания полагать, что результаты опыта будут хорошие. По крайней мере в колонии с успехом применяется наша система уже в течение 2-х лет. В заключение о дисциплине нужно сказать, что она, как и все в колонии, направляется логикой хозяйствования. Поэтому, например, распоряжение воспитателя, если он не дежурный по колонии, не должно исполняться: каждый воспитатель подчиняется командиру отряда, в котором он работает, по всякое распоряжение

дежурного по колонии и командира отряда должно быть исполнено беспрекословно и немедленно. Воспитатели, как и воспитанники, одинаково подчиняются дисциплине.

З а к л ю ч е н и е

Я коснулся главных сторон работы колонии в самых кратких чертах. К этому можно много еще прибавить. Трудовые и образовательные процессы, внутренние и внешние затруднения жизни колонии — все это может составить темы для большой работы. Я не считал нужным касаться их в этом очерке, так как принципиально здесь колония не занимает особой позиции.

Удачна ли работа колонии?

Об окончательных результатах говорить сейчас трудно. Мы еще не наблюдали наших выпускников в жизни в достаточном числе случаев. Но те немногие десятки юношей, которые вышли в жизнь из колонии, пока что не огорчают нас. В самой же колонии мы имеем все основания особенно духом не падать: все же наши правонарушители, присланные в колонию принудительно, очень часто действительно трудные дети, живут в колонии весело и дружно, гордятся тем, что они колонисты, прекрасно работают и активно и сознательно стремятся к лучшему будущему.

Такова наша история

В 1927 году на заседании коллегии ГПУ УССР было решено увековечить память тов. Ф. Э. Дзержинского открытием в Харьковском лесопарке детской коммуны его имени.

В октябре назначили обслуживающий персонал. Штат работников был невелик: заведующим коммуной стал я, воспитателем Т. Д. Татаринов, завхозом Опришко из Ахтырки, повар был тоже оттуда. В декабре в коммуну прибывает первая партия беспризорных из колонии им. Горького, среди которых было 50 мальчиков и 10 девочек.

В январе 1928 года в коммуну прибывают еще 40 новых беспризорных, подобранных с улицы. В настоящее

время они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь.

В это же время организуется первый духовой оркестр, составивший первое музыкальное богатство коммунаров. Руководить оркестром пришлось В. Т. Левшакову, который у нас в коммуне с тех пор является несменным капельмейстером.

В сентябре в коммуну с улицы и из детских домов приняли снова 50 новых коммунаров. В коммуне стало гораздо теснее и веселее.

В декабре 1929 года в коммуне организован пошивочный цех и расширены деревообделочные цехи. Вскоре приобретены 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Введение зарплаты для коммунаров повысило ответственность за работу и производительность труда. С этого времени коммуна переходит на полную самоокупаемость. В результате производительного труда в коммуне появляются денежные накопления, что дало возможность значительно расширить цехи деревообделочной мастерской. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи стульев, чертежных столов и др. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы 3 000 руб.

В сентябре 1930 года состоялось торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед, который открывал большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

В этом же году в коммуне были уничтожены должности воспитателей, так как коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну.

В мае 1931 года состоялась закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов.

В ноябре снова состоялся массовый набор беспризорных с вокзала. Взвод беспризорников, вместе с коммунарами, с маршем, был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение одежды беспризорников, которые с этого дня стали равноправными членами коммуны.

В январе 1932 года при участии всеукраинского ста-

росты Григория Ивановича Петровского был пущен пер-
вый в Союзе завод электросверлилок коммуны им. Фе-
ликса Дзержинского. И какой радостью была для комму-
наров выпущенная первая электросверлилка! С этого
дня началась организованная борьба коллектива комму-
наров за освоение годовой программы в 7 тысяч элек-
тросверлилок. 28 мая в первый раз за все время комму-
наровцы достигли наивысшей производительности, вы-
пустив 50 электросверлилок в день.

Немного позже, в июне месяце, коммунаровцы задумали производство фотоаппаратов типа «Лейка» (ФЭД). Было организовано специальное экспериментальное бюро по разработке пленочного аппарата. И только в октябре были выпущены первые 3 таких аппарата. Экспертизой профессоров и специалистов фотоаппарат «ФЭД» признан хорошим аппаратом, не уступающим заграничному, с некоторым преимуществом в оптической части.

В ноябре приступили к изготовлению технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью в 30 тысяч аппаратов в год, и уже в декабре была выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов.

Огромная работа проведена по жилищно-культурно-бытовому строительству. Новые корпуса спален, бани, прачечной, домов ИТР выросли за это время.

Развиваясь в течение семи лет, коммуна прошла большой интересный жизненный путь. В настоящее время она представляет из себя одно из ведущих педагогических учреждений и далеко известна не только в СССР, но и в Европе, Америке. До 214 делегаций посетили коммуны, из которых две трети были делегациями Германии, Франции, Англии, Америки, Китая, Австралии и многих других стран.

Сосредоточивая в себе контингент ребят возрастом от 11 до 20 лет, коммуна в то же время настойчиво утверждает принципы совместного воспитания мальчиков и девочек. В настоящее время из 400 коммунаров в ней около 100 девушек.

Все последующие годы коммунаровцы энергично боролись за освоение программы выпуска электросверл, пленочных аппаратов, добившись к первому августа выполнения программы по электросверлам в 20 тысяч штук.

Огромное внимание уделено учебе. Коммуна давно уже в собственных стенах имеет рабфак Харьковского машиностроительного института. Почти половина коммунаров, учащихся рабфака, ушло на учебу в вузы и втузы. В этом году рабфак коммуны преобразовывается в техникум с двумя отделениями: электромеханическим и оптико-механическим.

Имея годовой промфинплан на двух своих заводах, достигающий 20 миллионов рублей в год, коммунары производят чрезвычайно важную в общей экономике страны продукцию, одновременно готовя стране грамотные высококвалифицированные кадры.

О лесной школе

Письмо в Совет жен писателей

В «Литературной газете» от 15 июля я прочитал об организации Совета жен писателей. От души хочется приветствовать это замечательное дело, тем более, что в списке его целей значится: улучшение быта детей писателей. По последнему вопросу мне хочется сделать одно предложение... организовать под Москвой лесную школу, или трудовую колонию, или можно назвать еще как-нибудь удобнее и оригинальнее. В этом учреждении должна быть полная, хорошо оборудованная десятилетка с общежитием для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию (это обязательно). Рабочий день на производстве — два часа, труд детей должен оплачиваться, как и труд всякого производственного рабочего. Особенно меня интересует такое устройство этого учреждения, при котором не было бы никакого разрыва между семьей и школой.

Питание, одежда, культурные услуги, книги и все прочее должны предоставляться детям учреждением, семья может кое-что добавлять только с разрешения школы. Я при этом думаю, что полное обеспечение детей не должно иметь характера какого бы то ни было баловства или, тем более, излишнего удовлетворения потребностей или преждевременного их удовлетворения. Наряду с во-

просами образования, должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания. Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно.

Пишу в Совет жен писателей потому, что, мне думается, это дело должно быть сделано матерями, а дело это, уверяю вас, очень хорошее и достойное.

Привет. А. Макаренко.

Доклад в педагогическом училище

Прежде всего маленькое замечание. Я очень плохой докладчик и не умею говорить так, как полагается оратору. У нас будет не доклад, а беседа. Заглавие — «Основы политического воспитания» не вполне будет соответствовать моему докладу, потому что основы политического воспитания заключаются в самой политической науке, которую вы хорошо проходите, изучаете в известной мере марксизм-ленинизм, изучаете другие науки этой области. Вот там и заключаются основы политического воспитания. Я буду рассказывать только о небольших практических выводах, какие у меня, практического работника, остались после моей педагогической работы.

Второе замечание — я ни в коей мере не ученый, тем более не ученый педагог... Это просто такой же опыт, какой вы будете иметь в своей работе. К сожалению, вы начинаете, а я кончаю, но все-таки я с большой радостью согласился бы быть на вашем месте — начинать педагогическую работу.

Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе... Последние 16 лет я работал в колониях им. Горького и им. Дзержинского НКВД УССР.

Трудно говорить о политическом воспитании в старой школе. Там был «закон божий», батюшка, который его преподавал. Того, что он делал, никто не знал, не интересовались ни ученики, ни учителя, и этот предмет не отразился на воспитании.

Известно, что из духовных семинарий, где готовились будущие священники, сами дети священников, где все

внимание обращалось на то, чтобы воспитать религиозных детей, выходили людьми неверующими. Я видел много попов, но верующего не видел ни одного. Вот вам политическое воспитание в старой школе. Оно было очень напряженное, ему уделяли много времени, но толку было мало.

Из моих учеников без всякой антирелигиозной пропаганды выходили неверующие люди.

В старой школе нет ничего, что можно было бы уподобить нашему политическому воспитанию. Были попытки, осужденные рабочим обществом, воспитать людей, преданных царю и отечеству.

Опыт настоящего политического воспитания мы имеем в советское время, и о нем можно говорить.

У меня опыт исключительный, и я не вполне уверен, что вы его можете использовать.

У вас будут дети из семьи, к вам они придут в 8-летнем возрасте. Вы будете вести работу рядом с семьей, а я получал мальчиков и девочек, обычно в возрасте старше 13-ти лет, побывавших на улице, в тюрьме, в суде, часто неграмотных, запущенных и, конечно, этот контингент, по сравнению с тем, который вы будете иметь, был совершенно иным.

Но все же советское воспитание остается советским, и те основы, какие были у меня, могут и должны быть у вас.

Я хочу сделать еще маленькое замечание. В своей практике я различал и различаю теперь политическое образование и политическое воспитание, и думаю, что большую ошибку делают педагоги, которые ставят перед собой только вопрос политического образования. Есть много таких педагогов, комсомольцев, пионервожатых, которые считают, если мальчик или девочка знает политграмоту, если знает историю Октябрьской революции, историю гражданской войны, знает последние победы индустриализации, коллективизации, знает историю последних лет построения социализма, наше могущество военное и промышленное, то эти дети, по их мнению, политически воспитаны.

К сожалению, мне приходилось и в своей и в чужой практике наблюдать, что эти знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным. Бывали

случаи, когда мальчик прекрасно знает, что полагается ему знать по школьной программе, читает газеты, может делать доклады и выражаться в своих речах весьма приятно, а по своему поведению, по своему отношению к коллективу, коллективу колонии или коммуны, коллективу всего государства проявляет лицо несоветское. Мне приходилось это наблюдать.

Конечно, приходилось наблюдать и противоположные случаи, когда юноши или девушки, казалось бы, отстали в деле политического образования, путают даты Съездов, не разбираются часто в легких вопросах политической истории, а по своему характеру, по своей душе, по своей личности они явно для меня были «нашими». Вот такие случаи первого и второго рода мне приходилось наблюдать и, естественно, я задумался над этим, в чем дело, почему мальчик не только знает все, что ему нужно знать, но и других учит, а по своему характеру и поведению меня не удовлетворяет.

Я помню, как однажды одно событие остановило мое внимание. Событие было пустяковое, может быть, вам не стоит о нем рассказывать, но, чтобы вы поверили, как иногда маленькое событие может много показать, я вам расскажу.

Событие заключалось в том, что у нас, в коммуне им. Дзержинского, вечером был киносеанс (у нас было свое кино). Сидело коммунаров 500 человек и педагоги. И вот на картине трудно было разобрать (картина изображала военное событие), что за войска приближаются с горизонта, и тут все в зале начали спорить (музыки у нас не было). Спорили не так — белые или красные, а спорили — белые или наши. И вот эта терминология «наши», а не красные для меня много показала. Когда люди в горячем споре, где они не выбирают слов, не беспокоятся о точности выражения, а говорят, как душа подсказывает, когда говорят «наши», значит, действительно видна родственная связь с людьми, которые приближаются с горизонта, и людьми, которые сидят в зале.

С этого случая я поставил целью — проводить такое политическое воспитание, чтобы в душе моего воспитанника, в его личности и разуме это слово «наши» возникало без борьбы, без напряжения, без дипломатии, без хит-

рости, чтобы оно шло от самой души. И воспитать такую способность человека быть преданным нашему обществу, нашей революционной истории, нашему делу — я поставил себе целью.

Сегодня я буду говорить только о политическом воспитании, считая, что вопрос политического образования остается вопросом первейшей важности, считая, что без политического образования не может быть политического воспитания, но думаю, что этот вопрос для вас более или менее известен, поскольку он в вашем училище разбирается детально, а я в своей часовой беседе буду говорить о том, что я называю политическим воспитанием, отдельно взятым.

Я буду говорить об очень узкой области, которую скорее можно назвать воспитанием политического характера человека, имеющего политическую ценность. В особенности в моей практике меня этот вопрос занимал больше, чем занимает педагогов нормальной школы. В школу приходят дети получать образование. Ко мне приходили дети, которые настолько были уже испорчены, что не могли жить в нормальном обществе, и передо мной ставился вопрос о таком воспитании, чтобы они могли жить в нормальном человеческом обществе. Для меня это был главнейший вопрос. Человека, моего воспитанника, у которого я не мог преодолеть характер, у которого политически характер не был воспитан, — я не имел права выпустить из колонии. Я мог выпустить такого, который явно для моей чести и ответственности был советским гражданином.

Я поставил себе целью выпускать комсомольцев, и в последние семь лет выпускал комсомольцев. Но этого было для меня мало. Я должен был выпускать таких людей, чтобы их характер был политически воспитан.

Что такое политически воспитать характер? Как раз этот вопрос в нашей теперешней школе находится в заgone. Вопросу воспитания характера не уделяется внимания ни Наркомпросом, ни педагогической литературой. Я считаю, что это самый важный вопрос. Воспитать настоящий большевистский характер — значит воспитать человеческое чувство. Я уверен, что если мы не воспитаем человеческого чувства, как нужно, то значит, мы ничего не воспитаем. А чувство и воспитание чувства ле-

жит в известном вопросе, который можно назвать «личность — коллектив».

Вот этому вопросу — личности и коллективу — тоже почти никакого внимания не уделяет педагогическая литература.

Каждый человек стремится к лучшей жизни. Каждому хочется жить лучше, богаче, красивее и веселее. Совершенно естественное стремление.

Это стремление есть и в нашем советском обществе и в буржуазном обществе. Но как это желание и стремление удовлетворить?

В нашем обществе это стремление удовлетворяется совсем не так, как в буржуазном. Это различие, как удовлетворить стремление к лучшей жизни, должно вызвать и различие в воспитательном процессе.

В буржуазном обществе говорят: «ты свободен, т. е. ты можешь какими угодно способами бороться, ты можешь сталкивать своих противников, ты можешь добиваться такой силы, чтобы получить способность эксплуатировать других людей и за счет их труда улучшать свою жизнь, ты можешь сваливать в кучу и эксплуатировать десятки и сотни тысяч и наживаться на них, ты не имеешь никаких обязательств перед этими людьми, кроме самого необходимого приличия. Но ты имеешь право бороться не только с эксплуатируемыми, ты имеешь право валить на землю и своих конкурентов, таких же буржуев, как и ты».

Вот закон капиталистического общества. Закон беспощадной борьбы за благополучие со всеми остальными людьми.

Надо сказать, что и в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, приходится наблюдать такие инстинкты — силой пробить дорогу себе. Если воспитать такую энергию, это значит воспитать пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит воспитать хитрого, сильно вооруженного эгоиста. Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, такого сверхчеловека, жадного, сильного животного, мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитать слюняев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются,

Христианское воспитание тоже не в нашем духе. Мы должны воспитать борцов, а не слюнтяев.

Вот цель воспитания у нас и может быть так формулирована — воспитать борца-коллективиста.

Это слова старые, и в педагогике давно говорились, но как воспитать этого борца, об этом не говорили. И теперь вы можете услышать еще среди некоторых педагогов такие слова, что нужно воспитать советского героя, способного на героизм. Трудно ли это? Привезите им в школу Папанина, Кренкеля, устройте беседу, уже вы кое-что сделали. Почитайте о папанинцах, о челюскинцах — тоже воспитали. Прочитайте о гражданской войне — тоже пример. Вот на таких примерах советского героизма, говорят, можно воспитать таких борцов. Правда здесь есть, но не вся.

Представьте себе, что в нашем советском обществе, в самой нашей революции, в деятельности коммунистической партии, в деятельности таких гениев нашей революции, как Ленин и Сталин, конечно, можно найти блестящие образцы героизма, гениального творчества, больших исторических действий. И поэтому среди нашей молодежи есть порыв к героизму, любовь к героическому поступку. Никто из этих детей никогда не скажет, что им не нравится героический поступок, и каждый мечтает, что он будет героем. Я уверен, что если бы вдруг неожиданно пришлось нашим детям сегодня проявить свою любовь к Советскому Союзу, пожертвовать жизнью, то они пожертвовали бы.

К такому служению нашей Родине наша молодежь всегда готова. Нельзя сказать, что это мы, педагоги, воспитываем. Их воспитывает вся наша история, и, конечно, Папанин и его четверка должны быть признаны самыми выдающимися педагогами Советской страны, настолько они много принесли пользы нашему школьному делу.

Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. Для такой работы наш характер не очень воспитан, а между тем, если бы в тех же Папанине, Кренкеле увидели не только людей, живущих на льдине, а обратили внимание на всю

их биографию, то увидели бы, что раньше, чем совершить подвиг, они прошли дополнительный путь неизвестных, терпеливых, молчаливых и тем не менее героических усилий. Они не могли бы взойти на высший гребень героизма, если бы вся их биография, весь их труд не был тоже по существу героичным.

Такой героичности, мало заметной, терпеливой, настойчивой, протекающей медленно, незаметно для всех, которая потом увенчается всемирной известностью, в Советском Союзе много, и мы должны воспитывать ее в наших детях.

Это воспитание заключается в правильной организации коллектива, дисциплине, порядке, в организации ежедневного быта и т. д. На эту сторону я обращал главнейшее внимание в своей работе. Вы об этом читали в «Педагогической поэме».

Окончательно мой детский коллектив был организован в коммуне им. Дзержинского, где я работал 8 лет, но эта коммуна не явилась новым учреждением.

Из-за несогласия с украинским Наркомпросом, мне пришлось уйти из колонии им. Горького.

Дальнейшие события заключались в том, что когда я перешел в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники колонии им. Горького.

Делали они это незаметно, приходили утром 10—15 человек и даже не говорили, что они перебежали. Вечером, когда все ложились спать, они меня спрашивали: «Можно у вас переночевать?» — «А почему вы не в колонии?» — «Видите ли, мы из колонии ушли совсем». — «Куда же вы ушли?» — «Не знаем. Конечно, если бы вы нас приняли, мы бы остались». После этого я говорю: «Довольно болтать, идите спать». На другой день прибежали опять и т. д. Кончилось тем, что прокурор Харьковского округа привлек меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А. М. Горького защитило меня от уголовной ответственности. Я, собственно, колонию совсем не развалил, там осталось все помещение, комнаты... только перешли живые люди ко мне. Вот эти люди составили коммуну им. Дзержинского.

Первые годы они с трудом называли себя дзержинцами, никак не могли привыкнуть.

Вот этот коллектив в коммуне им. Дзержинского —

продолжение коллектива, описанного в «Педагогической поэме», составил основную цель моего организационного внимания.

Желаю вам, когда вы поработаете 5—6 лет в школе, чтобы вы добились таких успехов и чтобы у вас был такой коллектив. Стоит только захотеть. Хитрости никакой нет, только большая работа, любовь к этому делу принесет успех.

Вы идете в начальную школу, это ваше счастье. Начальная школа тем хороша, что там маленький коллектив, можно всех знать в лицо. Каждый виден не только насквозь, но даже глубже, как говорят коммунары. Легче, чем в большой школе, где не знаешь, где Петя, а где Ваня. Вам можно позавидовать, настолько у вас счастливые условия работы.

Я не буду утомлять разными советами, а расскажу, как был организован коллектив коммуны им. Дзержинского, причем чести моей не так много. Большое значение имела комсомольская организация. На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали.

Внешний каркас моего коллектива — это дисциплина. Я очень недоволен дисциплиной в школе. Это дисциплина — «не кричи, не кури, не пей водки, не оскорбляй педагога», вообще «не, не, не». Это мораль, утверждающая, чего не нужно делать. Я называю такую дисциплину — дисциплиной воздержания или торможения. Я считаю, что дисциплина в советском детском коллективе должна иметь один характер — стремление вперед. Это дисциплина победы, дисциплина преодоления. Такой дисциплиной, которая говорит только о том, чего нельзя делать, гордиться нельзя. Гордиться можно такой дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание. Это цель. Такая дисциплина существует в коммунистической партии. Коммунист должен добиваться победы, а не только воздержания от чего-то неприятного. Такая дисциплина должна быть в школе. Такая дисциплина будет тогда, когда вы перед каждым мальчиком поставите определенные требования, причем вы будете требовать не от вашей

го личного имени, а от имени всего коллектива, от имени коллектива вашей школы, вашего города, всего советского общества.

Я не знаю, может быть, вы обвините меня в некоторой жестокости по отношению к детям. Я никогда себя в этом не обвинял, но, например, я поднимал своих ребят в 6 часов утра, я не позволял задерживаться в постели ни на одну минуту, я не позволял опаздывать на завтрак, на завод или в школу. Я предъявлял к своим ребятам самые строгие требования. Я мог так делать потому, что эти требования предъявлял весь коллектив, потому, что все дети были убеждены, что так нужно. Этого не могло быть, если бы у детей не было коллектива, если бы они не считали, что интересы коллектива выше их личных интересов, или интересы коллектива есть их личные интересы.

Конечно, такой дисциплины, такой преданности нельзя добиться в течение нескольких месяцев. Это нужно делать постепенно, и вы сами не заметите, как будет рождаться успех за успехом.

Я заметил это только тогда, когда общее собрание однажды постановило — «Антон Семенович, вы имеете право наказывать, но мы отрицаем ваше право прощать, потому что вы накажете, а через час прощаете».

Это сказано по-большевистски. И последние 5 лет, если мне приходилось наказывать на 5 часов ареста, то я только через 5 часов мог прощать. Никакая сила не могла уменьшить эти 5 часов.

Когда я увидел, что общее собрание потребовало законности, я понял, что комсомольское собрание уважает наказание не меньше, чем удовольствие.

А потом увидел, что каждый новенький, как только он вошел в коллектив, ходит и мечтает, когда его, наконец, так накажут. Он считает, что с этой минуты, как я наказал его в первый раз, он свой: я не смотрю на него, как на чужеродного. Раз я его наказал, и он ответил «есть!», то мы с ним друзья на всю жизнь. Я в их глазах был представителем интересов их коллектива — и в этом наказании они видели признание, что коллектив считает его настоящим членом коммуны.

Был у нас один случай. У нас был плохой литейный цех, и заведующий производством не хотел ставить вен-

тиляцию, а в цехе был медный дым. Мой доктор Вершнев прочитал в словаре Брокгауза и Эфрона, что литейный дым очень вреден и может возбудить литейную лихорадку. Он прибежал ко мне с книгой и говорит: «Что это такое! Не позволю отравлять пацанов». Раз доктор не позволяет, я обратился в совет бригадиров. И совет бригадиров постановил — снять с работы всех шишельников. Прибежал завпроизводством: «Что вы делаете, не будет литья, станут сборочный и никелировочный цехи» и т. д.

Завпроизводством Соломон Борисович Блюм вечером поймал пацанов и говорит: «Что вы обращаете внимание на приказ, пойдем, сделаем шишки, ведь сейчас нет дыма, никто не узнает, закроем двери и ставни». Они согласились и пошли. Но через полчаса в литейной открылись двери, и мой связист (который все знал и слышал), лейтенант 12 лет, сказал: «Заведующий требует вас немедленно». Пришлось пацанам идти под арест. Сняли с них пояса и посадили на диван на общем собрании. Они очень испугались, потому что не я их арестую, а общее собрание, а оно строже меня. Среди этих пацанов было четыре старых колониста со значками, а один был новенький Ваня. Когда на общем собрании их вывели на середину, кто-то сказал: «Зачем Ваня стоит, ведь он новенький». Тогда он возмутился: «Как это я не отвечаю?» Пришел случай наказать, а тут отвод. Он в слезы: «Как вы меня оскорбляете, почему хотите отпустить?» И собрание решило, так как он хлопец хороший и ничем плохим себя не проявил, — прощать нельзя, нужно наказать.

...Когда собрание постановило, прошли у Вани слезы, и он очень виноватым голосом оправдывался, что у него нет никакой литейной лихорадки, что он беспокоился об общих интересах. А против них выступали, что их нужно взгреть, и даже предложили снять звание коммунаров и значки. Ограничились тем, что постановили 1-го мая, когда построятся идти на парад, перед строем, при знамени прочитать им выговор. Для них это было большое преступление — неподчинение приказу, и потом ходили разговоры по колонии, что их слишком строго наказали, но оскорбиться из-за наказания считалось большим позором.

Вот такая ответственность перед коллективом, когда она приобретает такой характер спаянности, что освобождение от ответственности кажется освобождением от коллектива, вот такого рода дисциплина показывает сбитость коллектива.

Конечно, бывали случаи очень жестоких наказаний, которые я никак не мог одобрить, но не отрицаю того, что эта жестокость наполняла коллектив единством, глубокой гордостью, что человек принадлежит коллективу...

Это жестокость, с которой нужно бороться, и я с ней боролся по мере сил, но эта жестокость говорит о том, что здесь есть коллективный интерес, коллективный характер. Ведь эти 500 человек так наладили каждый свой характер, что получился общий характер. Разумеется, есть разница, пока он в коллективе — у него один характер, наедине у него другой характер, но по мере развития колонии личный характер делается все ближе к общекоммунарскому идеалу. Этот характер проявлялся в некоторых коммунарских законах. Я перечислю некоторые законы.

Никогда коммунары не просят прощения. Пока ты не наказан — ты можешь доказывать, что ты прав, но как только тебя наказали, считается неприличным доказывать, что ты прав. Считалось, например, что коммунару обязаны верить на слово. Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну, носящий значок, и у такого коммунара были привилегии, ему обязаны были верить на слово. Также неприлично было проверять рапорт. Дело доходило до чортиков в области чистоты. Проверка чистоты происходила каждое утро, и постепенно чистота улучшалась и, наконец, дошло до того, что дежурному члену Санкома выдавался платок — смотреть, нет ли пыли. Он вытирал портреты, стулья, и если на спинке стула оказывался волосок, то отмечалось, что в такой-то спальне грязь. Сказать — не верим, нельзя было, за это полагалось 3 часа ареста за возражение рапорту, и если бы я не налагал ареста, то мне сказали бы, что я распускаю коммуну. Считалось, что в этот момент человек соврать не может, и пускай 10 свидетелей говорят, что дежурный неправ, но раз он сказал во время дежурства, значит он соврать

не мог. Вот эта убежденность, что человек соврать не может, уже называется этикой.

Вообще в коммуне также бывали Хлестаковы, но когда он делает то, что фактически делает не он, а уполномоченный коллектива — он соврать не может, и это действительно было так.

Вот так надо поднять значение уполномоченных коллектива и у вас. Если вы добьетесь такого положения, что ваш староста или уполномоченный в глазах коллектива не может врать, значит вы добились коллективного рефлекса, уважения к своим собственным магистратам. Это возникает после длительного коллективного воспитания — это дружба и даже не просто дружба, а обычай дружбы...

Для того, чтобы это было, необходимо воспитать особое чувство, без которого не может жить настоящий большевик, и это чувство называется ориентировкой. В нашей теоретической педагогике не пояснено, что такое способность ориентировки. Вы должны чувствовать, кто стоит позади вас — друг или враг. У нас это в школе не воспитывается, и учащиеся не чувствуют того, что их окружает. Нет умения знать, где ты находишься, как нужно вести себя в данный момент. Я придавал этому огромное значение и потом об этом не жалел. Мы совершили восемь походов по всему Советскому Союзу — Кавказу, Волге, Крыму и т. д., и там эта способность ориентировки очень пригодилась. Умение ориентировки — умение найтись и знать, что делать в любой обстановке

Это важно воспитать в наших юношах. Ориентировка может быть воспитана только тогда, когда человек знает, что он член коллектива, что каждое движение в коллективе для него дорого, дороже своего личного интереса. Вот это я называю настоящим большевистским воспитанием характера.

Чрезвычайно важный вопрос — это уметь приказать товарищу и уметь товарищу подчиниться. Это та трудность, которую меньше всего умеют воспитывать и никогда нельзя было бы воспитать, если бы не создали коммунистического коллектива, а в коммунистической этике на этом все построено. У нас полное равенство, и поэтому у нас начальство — товарищ и подчиненный — товарищ.

Воспитать умение приказать и подчиниться товарищу — большое достижение в области политического воспитания.

Я для этого дела не жалел никаких трудов и опытов, и помогали мне в этом комсомольцы и старшие коммунары. Мы иногда выбирали командиром 12-летнего мальчишку. Мы понимали, что он командир слабый, но он из всех сил старался быть командиром хорошим. Дежурный по коммуне имел большую власть. Утром он обходил все спальни, и когда подавалась команда отряду: «Смирно!» — он говорил: «Здравствуйте, товарищи!» Он являлся начальником на сегодняшний день. Представьте себе, что этот пацан имел право встретить члена бюро комсомольской ячейки и сказать: «Видишь, тряпка лежит, надо ее убрать», и ему отвечали: «Есть, товарищ командир!» И если ему не отвечали, как следует, он писал рапорт. Конечно, этот командир принимал все это всерьез. И в дальнейшем мы этому придавали огромное значение — уметь подчиниться товарищу не потому, что он сильнее физически, не потому, что он умнее, а потому, что его уполномочил коллектив и потому, что он за коллектив отвечает. Это явление советского порядка.

Точно так же очень многое можно воспитать в характере по отношению к труду. У очень многих среди молодежи есть такое представление: это труд плохой, это чистый труд, это грязный труд.

Последние годы в коммуне было правило (уборщиц там не было): убирали коммуны авральной работой. Кто натирал паркет, кто мыл стекла, кто мыл пол, убирал уборную и т. д. На всю уборку выкраивалось 15 минут. Сначала за месяц спорили, кому какая уборка: кто будет убирать театр, кто клуб, кто мой кабинет, а кто будет уборную мыть. Конечно, самой противной уборкой была уборная, и давалась эта уборка самому худшему отряду. Потом решили, что это большая морока, каждый раз вытягивать номерки, и решили тянуть жребий, потом тянули жребий на полгода. Потом как-то случилось так, что такой-то отряд выделился в июне месяце. Говорят: «Это героический отряд, давайте им дадим мыть уборную». — «А что же вы думаете, не возьмем?» И стал, как правило, лучший отряд мыть уборную, и это считалось его привилегией, и он этим гордился: «Вы что, пол натираете, а вот попробуйте заработать уборную убирать».

Вот такое отношение к труду должно быть воспитано...

Такой человек, который живет интересами коллектива, — если он еще политически образован, подкован марксистско-ленински, то это есть настоящий большевистский характер. Без такой закалки, без воспитания чувства преданности к коллективу и простого ясного понимания внутриколлективных отношений политическое воспитание невозможно.

Дети в стране социализма

Я работал учителем начальной школы до революции и продолжаю работать с детьми по сей день. Великие перемены произошли за последние двадцать лет в жизни народа, населяющего территорию бывшей Российской империи. Когда начинаешь, в частности, изучать положение детей, то, естественно, возникает желание сравнить цифровые показатели прошлого и настоящего. Но разница между старым и новым так велика, что рассудок теряет способность постигать эти статистические сравнения. Если, например, мы скажем, что количество средних школ в сельских местностях за последние двадцать лет возросло на 19.000 процентов — девятнадцать тысяч! — то такое статистическое сравнение превосходит возможности нашей фантазии.

Всему миру известно, что царский режим создавал каторгу для маленьких детей. Если в культурном отношении наша страна тогда отставала от других стран, то в отношении детской смертности она не имела себе равных. Причинами этой большой смертности были низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, жестокая эксплуатация рабочих в городах, страшная бедность крестьян в сельских местностях и использование малолетних на непосильной для них работе.

Положение резко изменилось в настоящее время. По сравнению с 1913 г. национальный доход Советского Союза возрос в пять раз. В результате ликвидации эксплуататорских классов весь национальный доход стал достоянием народа, уровень жизни которого повышается из го-

да в год. Несмотря на огромный рост промышленного производства и большой спрос на рабочую силу, советский закон запрещает использование труда детей моложе 14 лет. В шахтах и на других вредных для здоровья производствах он запрещает также труд подростков моложе 17 лет. Дети в возрасте от 14 до 16 лет допускаются к работе только с разрешения инспектора труда. Они работают четыре часа в день под руководством опытных инструкторов. Вот почему вы никогда не увидите советского подростка, даже в малейшей степени страдающего от усталости. Вы никогда не увидите детей, заморенных непосильным трудом.

Это, конечно, не значит, что в Советском Союзе дети воспитываются безответственными людьми и лодырями. Наоборот, мы предъявляем большие требования нашим детям: мы требуем, чтобы они хорошо учились в школе, мы требуем, чтобы они развивались физически, чтобы они выросли достойными гражданами СССР, чтобы они знали, что происходит в стране, к чему стремится наше общество, в каких областях жизни преуспевает, а в каких еще отстает. Мы даем детям общее и политическое развитие, помогаем им стать активными и сознательно дисциплинированными людьми. Но у нас нет ни малейшей причины применять к ним физическое наказание или причинять им малейшее страдание. Наши дети, чувствуя, какой любовью, вниманием и заботой мы окружаем их на каждом шагу, осознают свои обязанности и, морально убежденные, выполняют эти обязанности, не томясь, а охотно.

Наши дети видят: все, что они делают, необходимо не для удовольствия старших, а для них самих и для всей будущности нашей Родины. Советским детям чуждо всякое чувство лести и угодливости. Им не приходится унижаться перед начальством, от которого зависит их судьба.

В нашей стране чувство зависимости от другого лица, от хозяина, нанимателя, мастера чуждо не только детям, но и взрослым, — оно у нас давно забыто, отошло в прошлое. Наши дети лучше, чем кто-либо другой, чувствуют свежесть воздуха своего социалистического отечества. Вот почему они могут свободно учиться, развиваться и готовиться к будущему. Вот почему они уверены в

своём будущем, любят свою Родину и стремятся стать достойными гражданами, патриотами СССР.

На примере своих родителей и всех окружающих они видят, что перед ними открыто любое поприще, все пути, что успех целиком зависит от их прилежания и честного усердия в школьных занятиях.

Перед советскими юношами и девушками, кончающими начальную или среднюю школу, открыто столько путей, сколько есть профессий и специальностей, они имеют право и возможность выбрать любую из них. Не существует никаких непреодолимых трудностей, которые препятствовали бы их выбору. Юноши и девушки, желающие поступить в вуз, знают, что они могут поехать в другой город, если нужно, не беспокоясь о жилье и питании, так как каждый вуз имеет общежития, и каждый студент имеет право на стипендию от государства, независимо от того, есть у него родители или нет.

Однако, свобода — не единственное достижение, каким пользуются наши дети, благодаря условиям, присутствующим советскому общественному строю. Эти условия стимулируют целеустремленную работу в школе и дают уверенность в будущем.

Уже в первые годы Советской власти Рабоче-Крестьянское правительство мужественно взяло на себя заботу о миллионах беспризорных, появившихся в результате первой мировой войны 1914 года и вооруженной интервенции 1918—1921 гг. Это бремя молодое советское государство взяло на себя в тот период, когда оно вело войну на всех рубежах и боролось с экономической разрухой и голодом, охватившим большие районы. Несмотря на все это, советское правительство уделяло большое внимание детям. В нашей стране было много бездомных беспризорных детей, которые лишились родителей, не имели родственников или опекунов, — детей, шатающихся по улицам городов и деревень.

Но и эти дети выросли квалифицированными рабочими и хорошими гражданами. Советское общество дало каждому из них не только кров и пропитание, но и обучило их и подготовило к честной трудовой жизни. Много лет прошло уже с тех пор, как наша страна покончила с бродяжничеством детей. На наших фабриках и в учреждениях вы часто встретите бывших беспризорных, кото-

рые в настоящее время занимают ответственные посты и пользуются уважением своих сотрудников и всего общества.

История борьбы с бродяжничеством детей, которое вызвало столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности. Только этим можно объяснить тот замечательный факт, что, несмотря на большие трудности, какие иногда возникали в процессе нашей борьбы на этом фронте, советское правительство ни разу не прибегло к помощи физических наказаний или детской тюрьмы. Оно предпочитало полагаться на обучение и выбор труда по склонности, этим помогая беспризорным стать достойными гражданами своей страны.

Однако борьба по ликвидации детской беспризорности составляет только небольшую часть той огромной работы с детьми, которую советское общество провело в течение 21 года. Подавляющее большинство населения России в царское время было безграмотным. Считалось само собой разумеющимся, что правящие классы и государственная власть не проявляют никакой заботы о народе, тем более о детях. Детские площадки, детские сады, ясли были неизвестны широкому большинству народа даже по наименованию. Советское общество должно было создавать все это буквально из ничего.

В настоящее время даже в самых отдаленных районах Советского Союза население на своем собственном опыте видит, что первейшей заботой социалистического государства рабочих и крестьян является воспитание детей. Построены тысячи школ, созданы алфавиты языков многих народностей, появились новые писатели, подготовлены новые кадры учителей для обучения тех народов, которые до революции не имели письменности и часто не знали даже назначения бумаги. Ясли, детские сады, детские клубы сделались необходимыми элементами советской жизни, и никто в СССР не может себе представить жизни без этих учреждений.

Ко Второму Пятилетнему плану (1933—1937) для детей было построено 864 Дворца и клуба, 170 детских парков и скверов, 174 детских театра и кино, 760 цент-

ров для технического и художественного образования детей. Эти центры посещают более 10 миллионов детей. С 1933 по 1938 гг. было построено 20.607 новых школ. В СССР уже введено всеобщее начальное обучение, а по Третьему Пятилетнему плану (1938—1942) будет введено всеобщее среднее обучение в городах и всеобщее семилетнее обучение в сельских местностях. Эти цифры показывают, какие большие усилия прилагаются, чтобы дать советским детям счастье и цель в жизни.

Поразительным примером являются детские лагеря и разные мероприятия по организации отдыха детей в летние каникулы. По окончании учебного года большинство детей направляется на отдых за город. Детские лагеря организуются государством, профессиональными союзами и промышленными предприятиями. Каждый завод и каждое учреждение в СССР имеют для этого соответствующие возможности и ассигнования. Лагеря организуются в окрестностях каждого города; особенно их много в южных районах Советского Союза — в Крыму и на Кавказе. В 1939 г. в летних лагерях будет отдыхать — 1.400.000 детей. Кроме лагерей стационарного типа, существуют и подвижные лагеря.

Я сам, например, со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР. Располагая палатками, лагерным оборудованием и продуктами, моя коммуна покрыла тысячи километров по железной дороге, по воде и пешком. Мы совершили походы в Крым и на Кавказ, на берег Азовского моря, прошли через Донбасс. Мы плавали по Черному морю и по Волге. Мы разбили свои палатки в Сочи, Ялте, Севастополе и на берегу Донца. Всюду нас тепло принимало местное население, люди показывали нам свои заводы, детские учреждения, клубы. Нет лучшего метода развития и образования молодежи, как эти летние походы.

По окончании обучения в средней школе советские юноши и девушки не только приобрели знания, но и обогатили себя впечатлениями от встреч с людьми, от знакомств с их трудом и психологией.

Но и в зимнее время развитие советских детей не ограничивается стенами школы. После занятий в школе они идут в пионерские клубы, которые с каждым годом совершенствуются и превращаются в первоклассные дет-

ские учреждения исследовательского типа, центры художественного воспитания детей. Здесь каждый школьник может получить консультацию и найти полезное занятие, если в нем жива искра любознательности и самостоятельности.

У советских детей удивительная тяга к механике. Среди детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет почти невозможно найти кого-либо, кто не заинтересовался бы вопросами техники или не был бы знаком с основными законами наиболее простых машин. Этот жадный интерес к механике и технике удовлетворяют не только клубы, специально организованные для этой цели, но и большое количество технических журналов и книг для детей. Эти ценные пособия служат подготовке технических кадров для молодой промышленности СССР.

В армии и на флоте, в искусстве, литературе и политике молодое советское поколение доказывает на каждом шагу, что внимание, которое уделяется детям в СССР с самого раннего возраста, дает уже богатые плоды.

Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги

Дорогие товарищи!

Ваше сегодняшнее торжество волнует меня в нескольких, так сказать, разрезах. Прежде всего я сам сын железнодорожника, сам окончил железнодорожное училище и сам девять лет работал учителем в железнодорожном училище. У меня поэтому достаточные основания для сравнения. На южных дорогах, а это были самые солидные дороги в старой России, — они протянулись от Харькова до Одессы и от Харькова до Севастополя, — тогда было полтора десятка школ и не было среди них ни одной средней и ни одной неполной средней, а учеников было в этих школах всего около двух тысяч человек. И хотя вместе со мной работало очень много старых и заслуженных учителей, за девять лет моей службы я не помню ни одного чествования, ни одного юбилея, вооб-

ще ни одного собрания такого радостного, такого торжественного и такого волнующего.

На Вашем сегодняшнем празднике меня волнует еще одно обстоятельство. Я вижу Ваши лица, слышу Ваши слова, слышу высказывания многих общественных сил, создававших Вашу школу. Здесь собрались не только учителя, здесь собралось советское общество. Приятно, что в Ваших лицах я не вижу ничего «шкрабьего», я узнаю в Вас настоящих больших деятелей советской школы. И школа Ваша прекрасная. Для этого заключения достаточно общего впечатления. Я не сомневаюсь, что Ваша школа — одна из лучших московских школ. Многие сегодня говорили слова благодарности и восхищения по адресу отдельных лиц и прежде всего по адресу директора т. Рыжковца. Как будто совершенно уместно было подумать: хвалят, ничего не поделаешь, юбилей, всегда уместно похвалить. Сегодня так подумать нельзя. У меня наметанный глаз, я хорошо вижу т. Рыжковца, я знаю его по походке и по полету — это настоящий большой мастер своего дела. Я знаю, какое большое дело создать этот дворец, повесить вот эти гардины, я знаю, что это такое отдать одной школе двадцать лет. Это значит отдать жизнь. Я знаю, сколько таланта, сколько крупных начинаний, сколько мелочных забот нужно пережить, чтобы создать дружный коллектив, — главнейшее условие для настоящей творческой учительской работы.

Среди Вас я вижу и моего учителя — Александра Константиновича Волнина. После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно Вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович. Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда на-

стоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа.

У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему.

Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нем вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нем в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться. И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким искренним горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича, премируют его, подносят ему подарки и с каким искренним и надежным желанием все ожидают от него и впереди такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистического воспитания.

У Вас сегодня грандиозное торжество. Оно гораздо значительнее, чем Вам кажется. Это торжество новой школы, торжество революции, торжество новой культуры. Сейчас, после тезисов доклада товарища Молотова, наше учительство стоит перед самой почетной и самой трудной задачей: на него возлагаются надежды всей страны, это мы должны готовить людей для коммунистического общества, это на наших плечах должен подняться новый человек и поднять перед всем миром совершенное коммунистическое общество, — в творчестве новой культуры нам принадлежит самое почетное и самое видное место.

Мы можем гордиться и нашим прошлым и нашим будущим, мы можем радостно продолжать нашу работу.

Поздравляю Вас с праздником и желаю Вам таких же больших побед впереди.

Да здравствует советский учитель!

А.М.ГОРЬКИЙ
И
А.С.МАКАРЕНКО

Раздел
«А. М. Горький и А. С. Макаренко»
подготовил к печати
Н. А. Сундуков

*Предисловие к альбому
„Наши жизни—Горькому—горьковцы“*

На общем собрании колонистов-горьковцев я спросил:

— Что мы подарим Алексею Максимовичу?

Было высказано много предложений, но все сразу остановилось на предложении колониста Пегра Дроздюка:

— Напишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями.

Я также поддержал эту мысль. В самом деле, великому Горькому, как писателю и человеку, может быть, всего приятнее будет иметь у себя небольшой человеческий документ — собрание биографий трехсот беспризорных. Мне казалось, что такой сборник будет иметь значение почти исключительно статистическое, поэтому, когда ребята стали подавать мне свои листики для печатания, я требовал от них большей обстоятельности в изложении фактов их жизни.

Но по мере того, как продолжалась моя работа по собиранию материалов, я начал понимать, что значение записок моих колонистов несколько иное. Часто как раз их непосредственность, забывчивость о разных фактах казались мне наиболее характерными. В немудрых строках я находил отражение их мироощущения, части целой философии, той философии, какая может и должна появиться в такой определенной группе, как беспризорные. И я ясно почувствовал, как между лохматыми, напряженно грамотными строчками пробивается настоящий запах нашей эпохи, очень сложный запах, изобразить который и для великих талантов не всегда будет под силу.

Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это — концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для беспризорных здесь нет трагедии — для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права. А те, что дают себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем.

Вот эту суровую тягостную мысль мне не стыдно сказать Вам, дорогой Алексей Максимович. Вы не из тех людей, которые в вату хотят спрятать человека, «чтобы он не кричал».

А. Макаренко.

Мой первый учитель

В моей жизни, в моей первой работе значение Алексея Максимовича Горького исключительно велико.

Старый учитель, я принадлежал к тем кругам, которые назывались рабочей интеллигенцией. Когда я перелистываю страницы моей жизни, в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 года. Для нас имя Горького было маяком. В его произведениях нас особенно покоряла исключительная жажда жизни, неисчерпаемый оптимизм, вера в человека, непреклонная убежденность в прекрасном будущем.

После Октябрьской революции я начинал искать пути для создания новой, советской педагогики, и первым моим учителем, к которому обращались мысли и чувства, снова был Горький.

Утверждение человека, освобождение его от грязи, оставленной капиталистическим строем, выпрямление человека — всему этому учило горьковское творчество с его неисчерпаемым запасом мудрых наблюдений, доскональным знанием жизни, глубоким пониманием Человека, творчество, проникнутое любовью к Человеку и ненавистью ко всему, что препятствует свободному развитию Человека.

Передо мной всегда был образ того, кто сам вышел из недр народных. Так, когда я должен был указать моим «босьякам» образец человека, который, пройдя через «дно», поднялся до высот культуры, я всегда говорил:

Горький! Вот образец, вот у кого учиться!

Великий мастер мировой культуры! Огромные знания Алексея Максимовича не имели ничего общего с тем, что обозначалось понятием «западно-европейская цивилизация».

Горький впитал квинт-эссенцию того наилучшего, что создали самые светлые головы человечества. И не только в литературе.

Алексей Максимович заинтересовался работой моей и моих друзей. Мы были поражены его умением проникать в сущность дела, выделять важнейшее, а потом в

такой простой, доступной форме делать глубокие философские обобщения.

Алексей Максимович пробыл в колонии им. Горького три дня. Должен признаться, что за это время он успел заметить много такого нового, характерного, очень важного, чего я не замечал на протяжении года. Он сблизился со многими из 400 воспитанников, и большинство новых друзей уже не порывало с ним связи. Горький переписывался с ними, помогал советами.

Алексей Максимович освятил мою писательскую жизнь. Вряд ли я написал бы «Педагогическую поэму» или какое-нибудь другое произведение без чуткой, но неуклонной настойчивости Алексея Максимовича. Четыре года я сопротивлялся, отказывался писать, четыре года длилась эта «борьба» между нами. Я всегда считал, что у меня иная дорога — педагогическая работа; к тому же и времени для серьезного литературного труда у меня не было. Собственно, последнее обстоятельство и было тем поводом, на который я ссылался, отказываясь писать.

Тогда Алексей Максимович прислал мне перевод на пять тысяч рублей с требованием немедленно идти в отпуск и засесть за книгу. В отпуск я не пошел (оставить работу я не мог), однако, настойчивость Горького взяла, наконец, свое: педагог стал писателем.

С великим моим учителем я встречался много раз. Горький очень мало говорил со мной о литературных делах; он расспрашивал, как живут хлопцы. Очень интересовали Алексея Максимовича вопросы семьи, отношения семьи к детям, что по-моему нужно сделать, чтобы укрепить семью. Во время этих бесед Алексей Максимович как будто мимоходом бросал по поводу той или иной области моей работы одно-два слова. Они значили больше, чем пространственные советы.

Последнее время Алексея Максимовича волновал вопрос о школе. Как-то мы ехали вместе из Москвы. По дороге он все время говорил о том, какой должна быть наша школа, говорил, что школьная дисциплина не должна стеснять молодую инициативу, что в школе нужно создать такие условия, чтобы можно было объединить одно и другое.

Безграничная любовь к жизни, огромный философ-

ский ум и полный мудрости взгляд, который проникает во все мелочи жизни, отыскивает в них основное зерно и умеет поднять их до философских обобщений — это характерно для Горького.

В примере со мной, как в фокусе, отражается значение Горького и некоторые стороны великой души этого еще не до конца оцененного человека.

Мы обязаны глубже и ответственней относиться к великим проблемам воспитания человека, поставленным творчеством великого писателя.

Близкий, родной, незабываемый!

Максим Горький — это имя уже более четырех десятилетий назад стало для всего мира символом новой позиции человека на земле. Мы — те, кто вступили в трудовую жизнь в 1905 году, воспитывали нашу мысль и волю в учении марксизма, в борьбе Ленина и партии большевиков. Чувства наши, образы и картины внутренней сущности человека формировались благодаря творчеству Максима Горького.

Это имя знаменовало для нас и высокую убежденность в победе человека, и полнокровное человеческое достоинство, и полноценность человеческой культуры, которая освобождается от проклятия капиталистической «цивилизации».

И поэтому, когда Октябрьская революция внезапно открыла передо мной невиданные просторы для развития свободной человеческой личности, открыла богатейшие возможности в моей воспитательной работе, я принял за образец страсть и веру Максима Горького.

Его утверждение ценности Человека, его любовь и его ненависть, его постоянное движение вперед и борьба объединялись в человеческом оптимизме художника. Он умел видеть в каждом человеке, — несмотря на самые ужасные жизненные катастрофы, несмотря на грязь в задавленном капитализмом мире, — прекрасные

черты Человека, духовные силы, заслуживающие лучшей участи, лучшего общественного строя.

В этом были для меня самые богатые педагогические позиции и, разумеется, такими они были не только для меня.

И потому, что на мою долю выпали дети, наиболее пострадавшие от «цивилизации», я мог предъявить им всю горьковскую программу человечности.

И в особенно прекрасном гармоническом сочетании с богатым светом горьковского творчества возник перед нами сам А. М. Горький, возникла его личность.

Своим примером он доказывал свою писательскую правду, он каждым своим личным движением подтверждал возможности и силы развития Человека.

Когда в 1928 году он приехал в колонию и просто, с шуткой вошел в ряды бывших беспризорных, заинтересовался их судьбой, их заботами, воспитанием, как свой брат, который вместе с ними несет на своих плечах высокое звание Человека, — я особенно глубоко мог проникнуть в тайны и секреты новой советской педагогики. Тогда я прекрасно понял, что эта педагогика вся находится в горьковском русле оптимистического реализма; он был потом назван правильнее и точнее социалистическим реализмом.

Но великий Горький не разрешил мне успокоиться на этом. Бесконечно мягко и бесконечно настойчиво он заставил меня взяться за перо и написать книгу, одну из тех книг, которые стали возможны только благодаря ему. Хороша она или плоха, но она говорит о наших днях, нашем опыте, наших ошибках. А. М. Горький так высоко ценил такой еще молодой опыт свободной рабочей страны, что всякое слово об этом опыте он считал нужным. Так в моей жизни, в моей работе прикоснулся ко мне гениальный пролетарский писатель Максим Горький, и благодаря этому моя жизнь стала более нужной, более полезной, более достойной.

Но разве он прикоснулся только к моей жизни? Сколько жизненных путей, путей борьбы и побед обозначил А. М. Горький?

Его смерть — скорбное начало для нашей подлинной благодарности, для грандиозной картины его исторического значения.

Максим Горький в моей жизни

В удушливые годы перед японской войной в том захолустье, где прошла моя молодость, литературные явления замечались с большим опозданием. В городской библиотеке мы доставали истрепанных, без последних страниц Тургенева и Засодимского, а если и попадалось нам что-нибудь поновее, то это обязательно были или граф Салиас или князь Волконский.

И тем ярче и ослепительнее прорезало нашу мглу непривычно простое и задорное имя: М а к с и м Г о р ь к и й.

Мы с трудом добывали его книги. Горький приходил к нам только изредка и вдруг огненной стрелой резал наше серое небо, а после этого становилось еще темнее. Но нам уже было ясно, что Максим Горький не просто писатель, который написал рассказ для нашего развлечения, пусть и больше: для нашего развития, как тогда любили говорить. Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию. Особенно после 1905 года его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделали источником наших размышлений и работы над собой.

Ни с чем не сравнимым по своему значению стало «На дне». Я и теперь считаю это произведение величайшим из всего творческого богатства Горького, и меня не поколебали в этом убеждении известные недавние высказывания Алексея Максимовича о своей пьесе. То, что Лука врет и утешает, разумеется, не может служить образцом поведения для нашего времени, но ведь никто никогда Луку и не принимал как пример; сила этого образа вовсе не в нравственной его величине. Едва ли было бы убедительней, если бы Лука излагал программу социал-демократов большевиков и призывал обитателей ночлежки... к чему, собственно говоря, можно было их призывать? Я продолжаю думать, что «На дне» — совершеннейшая пьеса нового времени во всей мировой литературе. Я воспринял ее как трагедию и до сих пор так ее ощущаю, хотя на сцене ее трагические моменты, вероятно, по недоразумению, затушеваны. Лукавый старец Лука с его водянистым бальзамом, именно потому, что он ласков и бессилен, страшным образом подчеркивает

обреченность, безнадежность всего ночлежного мира и сознательно ощущает ужас этой безнадежности. Лука — образ высокого напряжения, выраженный в исключительной силе противоречия между его мудрым безжалостным знанием и его не менее мудрой жалостной ласковостью. Это противоречие трагическое и само по себе способно оправдать пьесу. Но в пьесе звучит и другая, более трагическая линия, линия разрыва между той же безжалостной обреченностью и душевной человеческой прелестью забытых «в обществе» людей. Великий талант Максима Горького сказался в этой пьесе в нескольких разрезах и везде одинаково великолепен. Он блещет буквально в каждом слове, каждое слово здесь — произведение большого искусства, каждое вызывает и мысль и эмоцию. Я вспоминаю руки Бубнова, руки, которые кажутся такими прекрасными в прошлом, когда они были грязными от работы, и такими жалкими теперь, когда они «просто грязные». Вспоминаю бессильный вопль Клеща: «Пристанища нету!» и всегда ощущаю этот вопль как мой собственный протест против безобразного, преступного «общества». И то, что Горький показал ночлежку в полном уединении от прочего мира, у меня лично всегда вызывало представление как раз об этом «мире». Я всегда чувствовал за стенами ночлежки этот самый, так называемый «мир», слышал шум торговли, видел разряженных бар, болтающих интеллигентов, видел их дворцы и «квартиры» и тем больше ненавидел все это, чем меньше об этом «мире» говорили жители ночлежки.

Мой товарищ Орлов, народный учитель, с которым я был на спектакле, выходя из театра, сказал мне:

— Надо этого старичка уложить в постель, напоить чаем, укрыть хорошенько, пускай отдыхает, а самому пойти громить всю эту... сволочь...

— Какую сволочь? — спросил я.

— Да вот всех, кто за это отвечает.

«На дне» прежде всего вызывает мысль об ответственности, иначе говоря, мысль о революции. «Сволочи» ощущаются в пьесе как живые образы. Вероятно, для меня это яснее, чем для многих людей, потому что вся моя последующая жизнь была посвящена тем людям, которые в старом мире обязательно кончали бы в ночлежке. А в новом мире... здесь невозможно никакое срав-

нение. В новом мире лучшие деятели страны, за которыми идут миллионы, приезжают в коммуну Дзержинского, бывшие кандидаты в ночлежку показывают им производственные дворцы, пронизанные солнцем и счастьем спальни, гектары цветников и оранжереи, плутовато дружески щурят глаза в улыбке и говорят:

— А знаете что, Павел Петрович? Мы эту хризантему вам в машину поставим, честное слово, поставим. А только дома вы ее поливайте.

— Убирайтесь вы с вашей хризантемой, есть у меня время поливать...

— Э, нет, — возмущается уже несколько голосов, — раз вы к нам приехали, так слушайтесь. Понимаете, дисциплина...

Но так получается теперь, когда ответственность «общества» реализована в приговоре революции. А тогда получалось иначе. Предреволюционное мещанство хотело видеть в пьесе только босяков, бытовую картинку, транспарант для умиления и точку отправления для житейской мудрости и для молитвы: «Благодарю тебя, господи, что я не такой, как они». Самое слово «босяки» сделалось удобным щитом для закрывания глаз на истинную сущность горьковской трагедии, ибо в этом слове заключается некоторое целительное средство, в нем чувствуется осуждение и ограничение.

Максим Горький сделался для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем», и в моей работе нельзя было обойтись без Максима Горького. В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков.

И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря».

Человеческий и писательский путь Горького был для нас еще и образцом поведения. В Горьком мы видели какие-то кусочки самих себя, может быть, даже бессознательно мы видели в нем прорыв нашего брата в недоступную для нас до сих пор большую культуру. За ним нужно было броситься всем, чтобы закрепить и расширить победу. И многие бросились и многие помогли Горькому.

Бросился, конечно, и я. Мне казалось некоторое время, что это можно сделать только в форме литературной работы. В 1914 году я написал рассказ под названием «Глупый день» и послал Горькому. В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность, и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением. Горький прислал мне собственноручное письмо, которое я и теперь помню слово в слово:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний попа неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое.

М. Горький».

Меня мало утешило признание, что тема интересна. Я увидел, что и для писателя нужна большая техника, нужно что-то знать о фоне, нужно предъявлять какие-то требования к диалогу. И нужен еще талант; очевидно, с талантом у меня слабовато. Но сам Горький научил меня человеческой гордости, и я эту гордость пустил немедленно в дело. Я подумал, что можно, разумеется, «написать что-нибудь другое», но совершенно уже доказано, что ничего путного в этом другом заключаться не будет. Я без особенного страдания отбросил писательские мечты, тем более, что и свою учительскую деятельность ставил очень высоко. Борьба в прорыве на культурном фронте можно было и в роли учителя. Горький даже порадовал меня своей товарищеской прямоотой, которой тоже ведь надо было учиться.

Учительская моя деятельность была более или менее

удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях. К счастью, в двадцатом году мне дали колонию для правонарушителей. Задача, стоявшая передо мной, была так трудна и так неотложна, что путать было некогда. Но и прямых нитей в моих руках не было. Старый опыт колоний малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным.

Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я нужен был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому. Мне, собственно говоря, не нужно было перечитывать его книг, я их хорошо знал, но я снова перечитал все от начала до конца. И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут большое знание о человеке в огромном диапазоне возможностей и при этом дадут человека не натуралистического, не списанного с натуры, а дадут человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском.

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален, и, если он страдает или несчастен, всегда можно сказать, кто в этом виноват. Но не эти страдания главное. Можно, пожалуй, утверждать, что горьковские герои неохотно страдают,— и для нас, педагогов, это чрезвычайно важно. Я затрудняюсь это объяснить подробно, для этого необходимо специальное исследование. В этом случае решающим является горьковский оптимизм. Ведь он оптимист не только в том смысле, что видит впереди счастливое человечество, не только потому, что в буре находит счастье, но еще и потому, что каждый человек у него хорош. Хорош не в моральном и не в социальном смысле, а в смысле красоты и силы. Даже герои враждебного лагеря, даже самые настоящие «враги» Горьким так показаны, что ясно видны их человеческие силы и лучшие человеческие потенциалы. Горький прекрасно доказал, что капитали-

стическое общество губительно не только для пролетариев, но и для людей других классов, оно губительно для всех, для всего человечества. В Артамоновых, в Вассе Железновой, в Фоме Гордееве, в Егоре Булычеве ясно видны все проклятья капитализма и прекрасные человеческие характеры, развращенные и исковерканные в наживе, в несправедливом властвовании, в неоправданной социальной силе, в нетрудовом опыте.

Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому уменью проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Особенно важно, что у Горького это умение далеко не так просто реализуется. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское. Наш социализм, такой еще молодой, лучше всего доказывает это. Уже не подлежит сомнению, что средний моральный и политический уровень гражданина Советского Союза несравненно выше уровня подданного царской России и выше уровня среднего западноевропейского человека. Не подлежит сомнению, что причины этих изменений лежат в самой структуре общества и его деятельности, тем более, что какой-нибудь специальной педагогической техники, специальных приемов у нас не выработалось. Переход к советскому строю сопровождался категорическим перенесением внимания личности на вопросы широкого государственного значения. Примеров искать не нужно, достаточно вспомнить японскую агрессию или стахановское движение. Личность в Советском Союзе не растрчивает свои силы в будничных текущих столкновениях, и поэтому виднее ее лучшие человеческие черты. Суть в том, что легче и свободнее реализуются

положительные человеческие потенциалы, которые раньше не реализовались. В этом величайшее значение нашей революции и величайшая заслуга Коммунистической партии.

Но сейчас все это понятно и очевидно, а тогда, в 1920 году, это знание у меня только начинало складываться, и так как элементы социалистической педагогики еще не видны были в жизни, я находил их в мудрости и проникновенности Горького.

Я очень много передумал тогда над Горьким. Это раздумье только в редких случаях приводило меня к формулировкам, я ничего не записывал и ничего не определял. Я просто смотрел и видел.

Я видел, что в сочетании горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни», я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке героическое и как он любит скромность человеческого героизма и как вырастает по-новому героическое в человечестве («Мать»). Я видел, как не трудно человеку помочь, если подходить к нему без позы и «вплотную», и сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека».

Я обратился к своим первым воспитанникам и постарался посмотреть на них глазами Горького. Признаюсь откровенно, это мне не сразу удалось; я еще не умел обобщать живые движения, я еще не научился видеть в человеческом поведении основные оси и пружины. В своих поступках и действиях я еще не был «горьковцем», я был им только в своих стремлениях.

Но я уже добивался, чтобы моей колонии дали имя Горького, и добился этого. В этом моменте меня увлекала не только методика горьковского отношения к человеку, меня захватывала больше историческая параллель: революция поручила мне работу «на дне», и, естественно, вспоминалось «дно» Горького. Параллель эта, впрочем, ощущалась недолго. «Дно» принципиально было невозможно в Советской стране, и мои «горьковцы» очень скоро возымели настойчивое намерение не ограничиться простым всплыванием наверх, их соблазняли вершины гор, из горьковских героев больше других импонировал им Сокол. Дна, конечно, не было, но остался личный пример Горького, осталось его «Детство», осталась глу-

бокая пролетарская родственность великого писателя и бывших правонарушителей.

В 1925 году мы написали первое письмо в Сорренто, написали с очень малой надеждой на ответ, — мало ли Горькому пишут. Но Горький ответил немедленно, предложил свою помощь, просил передать ребятам:

«Скажите, что они живут во дни великого исторического значения».

Началась регулярная наша переписка. Она продолжалась непрерывно до июля 1928 года, когда Горький приехал в Союз и немедленно посетил колонию.

За эти три года колония выросла в крепкий боевой коллектив, сильно повысилась и его культура и его общественное значение. Успехи колонии живо радовали Алексея Максимовича. Письма колонистов регулярно отправлялись в Италию в огромных конвертах, потому что Горькому каждый отряд писал отдельно, у каждого отряда были особенные дела, а отрядов было до тридцати. В своих ответах Алексей Максимович касался многих деталей отрядных писем и писал мне:

«Очень волнуют меня милые письма колонистов...»

В это время колония добивалась перевода на новое место. Алексей Максимович горячо отзывался на наши планы и всегда предлагал свою помощь. Мы от этой помощи отказывались, так как по-горьковски не хотели обращаться к Максиму Горькому в ходатайство по нашим маленьким делам, да и колонистам необходимо было надеяться на силы своего коллектива. Наш переезд в Куряж был делом очень трудным и опасным, и Алексей Максимович вместе с нами радовался его благополучному завершению. Я привожу полностью его письмо, написанное через 20 дней после «завоевания Куряжа».

«Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и

немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые начинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

Сорренто, 3.VI—26.

М. Горький.

Это письмо, как и многие другие письма этого периода, имело для меня как педагога совершенно особое значение. Оно поддерживало меня в неравной борьбе, которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии имени Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт. А так как опыт протекал в обстановке повседневной «каторги», то не легко было проверить собственные синтезы. С присущей ему щедростью Горький подсказывал мне широкие социалистические обобщения. После его писем у меня удесятерились и энергия и вера. Я уже не говорю о том, что письма эти, прочитанные колонистам, делали буквально чудеса, ведь не так просто человеку увидеть в себе самом «мудрые силы строителя».

Великий писатель Максим Горький становился в нашей колонии активным участником нашей борьбы, становился живым человеком в наши ряды. Только в это время я многое до конца понял и до конца сформулировал в своем педагогическом кредо. Но мое глубочайшее уважение и любовь к Горькому, моя тревога о его здоровье не позволяли мне решительно втянуть Алексея Максимовича в мою педагогическую возню с врагами. Я все больше и больше старался, чтобы эта возня, по возможности, проходила мимо его нервов. Алексей Максимович каким-то чудом заметил линию моего поведения по отношению к нему. В письме от 17 марта 1927 года он писал:

«Это напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим многие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Манчжурию — пианино, другой спрашивает, какая фабрика в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т. д. и т. д.»

И в письме от 9 мая 1928 года:

«Позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи».

Когда Алексей Максимович приехал в июле 1928 года в колонию и прожил в ней три дня, когда уже был решен вопрос о моем уходе и, следовательно, и вопрос о «педагогических» реформах в колонии, я не сказал об этом моему гостю. При нем приехал в колонию один из видных деятелей Наркомпроса и предложил мне сделать «минимальные» уступки в моей системе. Я познакомил его с Алексеем Максимовичем. Они мирно поговорили о ребятах, посидели за стаканом чаю, и посетитель уехал. Провожая его, я просил принять уверения, что никаких, даже минимальных уступок быть не может.

Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни и в жизни ребят. Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, жизни все-таки трудной и довольно бедной. Он понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом.

Горький уехал, а на другой день я оставил колонию. Эта катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества. И ведь Горький был не один. Мою беспризорную педагогику немедленно «подобрали» смелые и педологически неуязвимые чекисты и не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца, предоставив ей участие в блестящей организации коммуны имени Дзержинского.

В эти дни я начал свою «Педагогическую поэму». Я несмело сказал о своей литературной затее Алексею Максимовичу. Он деликатно одобрил мое начинание. Поэма была написана в 1928 году и... пять лет пролежала в ящике стола, так я боялся представить ее на суд Максима Горького. Во-первых, я помнил свой «Глупый день» и «не написан фон», во-вторых, я не хотел превращаться в глазах Алексея Максимовича из порядочного педагога в неудачного писателя. За эти пять лет я написал небольшую книжонку о коммуне Дзержинского и... тоже побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Она два с лишним года пролежала в редакции, и вдруг, даже неожиданно для меня, ее напечатали. Я не встретил ее ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах или газетах, я не видел ее в руках читателя, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие. Поэтому я был несказанно удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 года получил из Сорренто письмо, начинающееся так:

«Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года». Читал с волнением и радостью...»

После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня. Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал:

«Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу...»

В теплые места я не поехал, — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1933 года я привез ему свою книгу — первую часть. Через день я получил полное одобрение, и книга была сдана в очередной номер альманаха «Год XVII». Все остальные части тоже прошли через руки Алексея Максимовича. Второй частью он остался менее доволен, ругал меня за некоторые места и настойчиво требовал, чтобы все линии моих педагогических споров были выяснены до конца, а я все еще продолжал побаиваться педологов, даже это слово старался не употреблять в книге. Отправляя к нему в Крым третью часть, я даже просил его выбросить главу «У подошвы Олимпа», но он ответил коротко по этому вопросу:

«У подошвы Олимпа» нельзя исключить...»

Это уже было написано осенью 1935 года.

Так до самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем; и как ни долго я учился у него, — до последних дней у него было чему учиться. Его культурная и человеческая высота, его непримиримость в борьбе, его гениальное чутье ко всякой фальши, ко всему дешевому, мелкому, чуждому, карикатурному, его ненависть к старому миру, его любовь к человеку — «мудрому строителю жизни» — для многих миллионов живущих и будущих людей должны всегда быть неисчерпаемым образцом.

К сожалению, у нас еще нет настоящего анализа всего творческого богатства Максима Горького. Когда этот анализ будет произведен, человечество поразится глубиной и захватом горьковского исследования о человеке. Его имя будет поставлено в самом первом ряду великих писателей мира, тем более в первом, что он единственный, взявший тему человека в момент его освобождения, в момент становления его человеком социалистическим.

Мы должны быть глубоко благодарны нашей эпохе, нашей революции и нашей Коммунистической партии, создавшим Максима Горького, вынесшим его на ту высоту, без которой его голос не мог быть услышанным в мире трудящихся и в мире врагов.

„Чудо“, созданное советской жизнью

Я как-то рискнул написать рассказ еще в 1914 году, задолго до работы в колонии им. Горького. Послал Алексею Максимовичу и получил короткий ответ — тема рассказа интересная, но написано слабо. Это отбило у меня временно охоту писать, но заставило с большей энергией отнестись к работе по специальности. Когда я второй раз попробовал, кое-что получилось. Так и у всех. Если свое советское дело и свою личность, которая вложена в это дело, описать точно и детально, получится интересно. Я не хочу себя чувствовать писателем и в дальнейшем. Я хочу остаться педагогом и очень благодарен вам, что сегодня вы говорили о самом важном, о самом существенном для меня — о педагогической работе, о людях, которые подвергаются педагогическому воздействию.

Посчастливилось мне больше, чем многим другим, посчастливилось потому, что я 8 лет был в колонии им. Горького несменяемым заведующим и 8 лет у меня была в руках коммуна им. Дзержинского, коммуна, созданная не мной, а чекистами. Кроме этих двух коммун, очень много таких же учреждений, не менее удачных. Я могу назвать Болшевскую коммуну, Люберецкую коммуну, Томскую — коммуны Наркомвнудела. Я видел много чудес в детских колониях, перед которыми поблекнет опыт горьковской коммуны.

Когда я писал «Педагогическую поэму», я хотел показать, что в Советском Союзе из людей «последнего сорта», из тех, что за рубежом считают «отбросами», можно создать великолепные коллективы. Я хотел это так описать, чтобы было видно, что не я это создаю и не кучка педагогов, но создает это «чудо» вся атмосфера советской жизни.

Я взял темой «Педагогическую поэму», но, работая над ней, я, по совести, не считал себя писателем. «Поэму» я написал в 1928 году, сразу после оставления колонии им. Горького, и считал ее настолько плохой книгой, что не показывал даже ближайшим друзьям. Пять лет она лежала у меня в чемодане, я ее даже в письменном столе не хотел держать.

И только настойчивость Алексея Максимовича заста-

вила меня, наконец, с большим страхом отвезти ему первую часть и ждать с трепетом приговора. Приговор был не очень строгий, и книга увидела свет. Теперь я не думаю быть писателем. Я не скромничаю, но говорю это потому, что считаю — в нашей стране происходят сейчас такие события, на которые надо откликаться всяческими способами. Сейчас я работаю над книгой, которую я считаю нужной практически.

Сейчас назрела необходимость выпустить книгу для родителей. Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть.

Спрашивают меня о моей биографии. Она очень проста. С 1905 года я — народный учитель. Мне повезло учительствовать в народной школе до самой революции. А после революции дали колонию им. Горького.

Я написал в 1930 году «Марш тридцатого года» — о коммуне им. Дзержинского. Эта книга понравилась Горькому, но прошла в литературе незамеченной. Она слабее последней книги, но события там не менее яркие. В 1933 году я написал пьесу «Мажор», под фамилией Гальченко, о коммуне им. Дзержинского и представил ее на всесоюзный конкурс. На этом конкурсе она была рекомендована к изданию, была издана и тоже прошла незамеченной.

Незабываемая встреча

Воспоминания

В шести километрах от Харькова был когда-то Куряжский монастырь. В 1920 году монахи разбрелись кто куда, и в помещении монастыря была открыта колония для беспризорных ребят. О том, как жили и работали ребята в колонии имени Горького, я подробно написал в своей книге «Педагогическая поэма». В 1928 году у нас в колонии была уже своя школа-семилетка, и в ней училось триста мальчиков и сто девочек.

За восемь лет дружной совместной работы горьковцы выработали много интересных способов коллективного

самоуправления. Руководили всем коллективом выросшие вместе с колонией комсомольцы. Все горьковцы разделялись на отряды по десять-пятнадцать человек. Отряды выбирали своим командиром самого лучшего, дельного парня или девушку. Распоряжение своего отрядного командира ребята выполняли по-военному, беспрекословно. Все командиры собирались на совет командиров, и совет, вместе со старшими, решал все главные жизненные вопросы.

Бывшие беспризорники с увлечением обрабатывали сто гектаров монастырской земли, прекрасно вели сельское хозяйство, разводили свиней, коров и лошадей.

Для тех, кто имел охоту заняться ремеслом, налажены были разные мастерские: столярная, сапожная, швейная.

Став настоящими советскими ребятами, горьковцы высоко держали честь своей коммуны. Они гордились ею и любили ее так же крепко, как своего шефа — Алексея Максимовича Горького. Алексей Максимович жил в Италии, когда мы написали ему первое письмо, и так как адреса мы хорошо не знали, на конверте написали коротко:

«Италия. Максиму Горькому».

Ответ получили через месяц, и после этого мы написали уже письмо настоящее. В колонии было 28 отрядов, у каждого отряда были свои дела и особенности, каждый отряд захотел написать отдельно. И до самого приезда Алексея Максимовича в Союз, в 1928 году, колонисты придерживались такого способа переписки. Всегда получался очень большой пакет. Я не протестовал против такого обилия, хотя и думал, что Алексею Максимовичу некогда будет читать все отрядные письма. Алексей Максимович обыкновенно присылал также не одно письмо в конверте, а два: одно для меня, другое для ребят, но в этих письмах отвечал так подробно, что и в самом деле выходило: все отрядные дела ему известны.

Наша дружба с великим писателем крепла с каждым месяцем, и когда в начале 1928 года стало известно, что Алексей Максимович едет в СССР, никто в колонии не сомневался, что он обязательно побывает и у нас.

Не сомневался в этом и Алексей Максимович. Он писал нам, что в Союз он прибудет в июне, а к нам приедет в июле. Так и вышло.

В начале июля, в самый разгар жатвы, почетный караул горьковцев с оркестром и знаменем выстроился на перроне харьковского вокзала. Алексея Максимовича встречали тысячи людей. Выглянув из окна вагона, он сразу узнал нас и приветливо протянул к нам руки.

На другой день он приехал в колонию. Ребята встретились с ним как родственники, с глубочайшей теплотой дружбы, и как читатели, и как граждане Советской страны. Алексей Максимович прожил у нас три дня. В здании школы ребята приготовили для него большую комнату, любовно украсив ее зеленью и цветами.

Алексей Максимович вставал вместе с нами — в шесть часов утра. Ему не пришлось тратить время на ознакомление с нашими делами: все было ему известно; многочисленные письма наших двадцати восьми отрядов, все до одного, были им прочитаны, и он ничего не забыл из того, что было там написано.

Он знал не только фамилии, но имена всех командиров, а также и других ребят, о которых ему писали.

Он знал, как ведется наше хозяйство.

Ему хорошо были известны дела свиарни — главного нашего богатства. В колонии была замечательная свиарня, устроенная по последнему слову техники. В ней воспитывалось триста чистокровных английских свиней.

Даже расположение наших построек было ему знакомо. В первое же утро, зайдя в его комнату, я уже не застал в ней нашего дорогого гостя. Я увидел его только за завтраком в общей столовой. Он сидел, тесно окруженный ребятами одиннадцатого отряда, и деревянной ложкой ел гречневую кашу. За его спиной стояла в белоснежном халате «дежурная хозяйка» — одна из девушек-воспитанниц — и чуть не плакала:

— Алексей Максимович, как же это так: для вас завтрак готовили, а вы взяли и пришли сюда, в отряд. А мы там хороший завтрак...

Он лукаво поглядывал на ребят, пригласивших его завтракать, и оправдывался:

— Послушай... чего ты пристала? Это же каша... такая замечательная...

Ребята были в большом затруднении: с одной стороны, им хотелось, чтобы Алексей Максимович завтракал за их столом, с другой стороны, выходило как-то нелов-

ко — они лишили Алексея Максимовича какого-то лучшего завтрака, приготовленного для него дежурной хозяйкой. Петька Романченко нашел выход из положения:

— Алексей Максимович сначала у нас позавтракает, а потом съест твой завтрак, Варя, хорошо?

Горькому этот выход очень понравился. Он оглянулся на хозяйку и добродушно развел руками:

— Ну, вот, видишь. Чего же ты волнуешься? А твоего завтрака на нас хватит?

— На кого — на вас?

— На меня и на них... Вот... на одиннадцатый отряд.

— Так они... Вот еще новости! Их же пятнадцать человек!

— Не хватит, значит?

Дежурная хозяйка в панике бросилась на кухню. По дороге налетела на меня и с возмущением забормотала:

— Эти... одиннадцатый... все напутали... все испортили.

Я ей посоветовал подать «горьковский» завтрак на стол одиннадцатого отряда. Там началось пиршество, и Горький смеялся больше всех, глядя на кусок зажаренной свинины, одиноко лежавший на тарелке. Одиннадцатый отряд, конечно, краснел и отказывался от встречного угощения. Так ничего и не вышло из отдельной кухни, организованной для гостя заботами наших юных хозяек.

После завтрака Алексей Максимович ходил между командирами и договаривался, куда ему отправляться на работу. На самых далеких полях убиралось яровое, но туда нужно было ехать, а Горький ни за что не хотел ехать на линейке, так как откуда-то узнал, что для этого нужно снять с работы лошадь. Но и в этом случае выход был найден. Алексея Максимовича усадили на жатвенную машину. Держаться на железном сиденье жатки было довольно трудно, но жатку окружил целый отряд, и упасть Алексею Максимовичу было некуда.

Он шутил: — На чем только я не ездил, а на таком экипаже еще ни разу не доводилось.

В поле он отказался от косы:

— Какой я косарь? Ну вас, смеяться будете!

— Нет, не будем смеяться, Алексей Максимович! Вот острая коса, это для вас приготовили.

— Я лучше вот эту штуку возьму.

Он взял вилы и помогал ребятам подгрести колосья. Ребята окружили его и, рассуждая о разных хитростях работы вилами, успевали подбирать за него все колосья. Алексей Максимович обиделся:

— Что же ты... Слушай, оставь же и мне что-нибудь...

Прибежал дежурный командир:

— Это для чего Алексею Максимовичу вилы дали? Он гость, а вы его... работать! Алексей Максимович, там вас столяры ожидают. У них сейчас сдача ульев.

Алексей Максимович понимал, что нельзя никого обижать. Поэтому в течение рабочего дня он успевал побывать на всех работах.

В бывшей зимней церкви он рассказал колонистам, как много лет тому назад он пришел в этот самый монастырь, чтобы поспорить со знаменитым святошей.

В свинарне он обеспокоенными глазами наблюдал, как поросится «Венера», и принял на свои руки первого великолепного английского поросенка.

После работы и ужина все колонисты собирались вокруг Горького. Один вечер был посвящен постановке «На дне» силами ребят. Горького посадили посредине зала и во время действия на сцене рассказывали ему разные подробности об актерах. Больше всего понравилась Алексею Максимовичу игра колониста Шершнева, изображавшего Сатина. На другой вечер был концерт.

А потом пришел третий день, и Алексей Максимович должен был уезжать. Глаза колонистов с утра сделались удивленными: как это так — уезжает Горький!

Казалось, что он не три дня был среди нас, а с самого основания колонии жил с нами. И это было вполне естественно: колония имени Горького не только носила это имя, — горьковцы любили и чтили Алексея Максимовича, как отца.

Ребята выстроились на дворе. Развернули знамя, подали команду. Но не было уже в этом строю никакой торжественности, было только одно стремление: как-нибудь удержать прощальные слезы. Алексей Максимович проходил по рядам, пожимал всем ребятам руки и ласково-грустно улыбался.

Большой, нарядный автомобиль был прислан за ним из Харькова, и шофер заботливо распахнул блестящую лаком дверцу.

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким

Полтава, Колония им. М. Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Трудно поверить, но я второй год не могу получить Ваш точный адрес. Писал в редакции всех журналов, в которых Вы участвуете, но ответа не получал. Наши воспитатели писали кое-кому из людей, побывавших у Вас в гостях, но тоже ответом нас никто не порадовал. В общем мы знали, что Вы в Сорренто, но ведь нужно знать и что-то большее. Наконец в «Огоньке» мы нашли статью о Вас и в ней Вашу литературную фамилию, написанную по-итальянски. Так и посылаем. В статье «Огонька» написано, что в Сорренто все знают Ваш адрес.

Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 года была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого ее основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который работает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменений в составе. Благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам наша колония все время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России. Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году, и теперь гордимся, что носим его с честью. Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый,

Горькому
Полковнику из М. Горького
8 июля 1908

Дорогой Александр Александрович!

Будучи полюбивший и в первом году и полюбивший Вас
милый друг. Книга и рассказы Вы читали и которые Вы
узнали, но вышло и полюбил. Ясная выразительная
ваша как книга и любви, побуждают у Вас в сознании и
тоже мыслями. Как писать и познакомиться. Вадим же
уже, так же и Сергей, но без нужды писать и
что же. Больше. Я думаю и "Огонь" не писали отчасти
и Вас и в то время выразительные рассказы, но вы
еще не читали. Тогда и писали к отцу
"Огонь" и писали, что и Сергей. Все равно Вам
лучше.

Что же такое? В Николае Александровиче это тоже
открытия писали для неопределенности предположений.
Я совсем раздумывал этой весной с вами и выслушал
и вы много же узнали о жизни и предельно выслушал
отца, который работал и писали вот еще Саша,
почти вы слышали в сознании Александровича, что и
только друзья и знакомые писали писали все время
прежде здоровья писали и, не выслушал в предположении
и писали писали писали в России. Это писали

Морские рисунки

Знаешь у Василья подруга - отдам до берега и берега
нею мимолетно поймаешь взгляды из контр-религиозной и
богословской. На нем, как же фаворитизм, возмущены все
Вас этой жести взгляды последнему.

Вот и те. Но как раз, простота и непосредственность
Человек этой природы особенно преданным. Катки
Котки, если ~~кто~~ приобщил к тебе идущим, то ~~вдвину-~~
вдвину говорят - Это было до инициации" или "носите
лишним"

Возвращаясь в театре или же тв. Чего-то слышали "Ма
ди": "Сказано, что возмущены фаворитизм. Милу или жести пойма
ноя пашаю"

И начинаю в этой же или в соседней стороне истреб
ва, что вы и наши когда инициации предидеи. Частно слышал
нас инициацию - инициации, что вы снова предидеи в слесову.
Или иногда слышу рисунки себе картинку: что было бы, если бы
ты приехал в инициации инициации, инициации.

Или начавшая, что вы инициации инициации по что слышал
Ваш или вы Вас начавшая инициации и инициации инициации
ауде, или приехал. Воды инициации инициации инициации.
Или приехал инициации инициации и инициации инициации. Или
враща или враща инициации о инициации инициации. Или
видеть Вас или инициации инициации и инициации инициации.
Ты или инициации, что Воды инициации инициации инициации

Сделавшись

Питтсбург
Вашингтон или М. Бурган
Дни и 43
А. С. Милославский

веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да еще горьковцы. Я бы сказал — пожалуй, чересчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии 1 год, также и каждый служащий получают от Педагогического Совета почетное звание колониста.

Разрешите более подробно описать нашу колонию. Сейчас мы помещаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 году в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 года ремонтировали его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников, верстах в трех. Истратили мы на ремонт 14 000 рублей и около 20 000 детских рабочих часов.

Колония стоит на реке Коломаке. При ней 40 десятин пахотной земли, 3 десятины луга, парк и сад.

В настоящее время в колонии живет 130 хлопцев и 10 девочек (возраст от 14 до 18 лет). Воспитателей 8.

К нашему счастью, нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали. Только с 1923 года, когда мы стали опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР, нам стало легче, и мы даже начали обрастать всяким добром. Сейчас мы уже арендуем паровую мельницу, имеем 7 лошадей, 4 коровы, 7 штук молодняка, 30 овец и 80 свиней английской породы. Имеем свой театр, в котором еженедельно ставим пьесы для селян — бесплатно. Театр собирает до 500 человек зрителей.

Живем мы в общем хорошо. Правда, у нас всегда бывает до 30% новеньких, еще не привыкших к дисциплине и труду, которые всегда привносят в нашу общину беспорядочный дух городской улицы, рынка, вокзалов и притонов. Под влиянием дружной семьи более старых колонистов этот дух очень быстро исчезает и только в редких случаях нам приходится приходить в отчаяние.

Колония организована, как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить. В то же время мы завоевали право общим собранием принимать в колонию тех детей, кто к нам непосредственно обращается с улицы.

Все хозяйство колонии находится в руках колонистов. Они владеют всеми кладовыми, амбарами, вообще всеми ключами. Разделены колонисты на 16 отрядов, во главе каждого отряда командир. Совет командиров — высший хозяйственный орган колонии.

Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, могущие понадобиться и взрослым.

В течение года мы выпускаем в жизнь до 40 юношей. Часть из них идет на производство, часть в армию, наиболее способные в рабфаки. Рабфаковцы — это наша гордость. По ним равняются, за ними тянутся все живые силы...

Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники. «День первого снопа», когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и день «Первого хлеба», когда выпекается первый хлеб из собственного зерна. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26 марта, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя и вся колония до единого человека усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

Обед заканчивается множеством сладостей — это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Зная у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоминают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне». Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память.

И наконец в этот день мы с особенной страстью мечтаем, что Вы к нам когда-нибудь приедете. Часто газеты нас обманывают — пишут, что Вы скоро приедете в Москву. Мы иногда вслух рисуем себе картину: что было бы, если бы Вы приехали к нам на целый месяц.

Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе. Надежду видеть Вас мы не решаемся претворить в просьбу приехать, так как знаем, что Вам не позволяет приехать здоровье.

А. Макаренко.

Полтава
Колония им. М. Горького
ящ. № 43
А. С. Макаренко

Гр. А. С. Макаренко.

Примите сердечную мою благодарность за Ваше письмо, очень обрадовавшее меня, а также и за обещание прислать снимки с колонии и колонистов. Может быть, пришлете и отчет о работе, если отчет имеется?

Мой адрес: Italia. Sorrento. M. Gorki. Италия. Сорренто. М. Горькому.

Есть ли в колонии библиотека? Если есть — не могу ли я пополнить ее? Буде Вы нуждаетесь в этом — пошлите список необходимых Вам книг в Москву, Кузнецкий мост, 12. «Международная книга», Ивану Павловичу Ладыжникову.

Мне очень хотелось бы быть полезным колонии. Передайте мой сердечный привет всем колонистам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтоб построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь.

Привет работникам, это всегда — самые великие герои в истории человечества, в деле, цель которого — свобода и счастье!

19.VII—25

М. Горький.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера мы получили Ваше письмо. Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, — все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет. Сегодня с утра заждило — бросили молотьбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам — сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15 — число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно, если писаря не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча: все же ему стыдно признаться, что молотьба выше всех писем.

Все же я серьезно боюсь, что и письма хлопцев и мое собственное составят для Вас слишком тяжелое бремя, а ничего не поделаешь, — слишком большой зуд рассказать Вам все и как-нибудь описать Ваше великое для нас значение. Вы вот написали: «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии». А мне эту строку Вашу даже неудобно читать как-то. Если Вы станете для нас полезным в каком-либо материальном отношении, то это будет профанацией всего нашего чувства к Вам. Я очень

хорошо знаю, что это общее наше настроение. Разрешите мне несколько подробнее на этом остановиться.

Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью, короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время самым искренним образом не интересуемся прошлым. Мне удалось добиться того, что нам даже дел и характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, а что он там натворил, украл или ограбил, просто никому неинтересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись разговоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрыл все отражения ушедших бед.

Но вне колонии мы не в состоянии бороться со всеобщей бестактностью. Представьте себе: у нас праздник, мы встречаем гостей, мы рады, мы оживлены, мы украшаем гостей колосьями и цветами, показываем свою работу, хозяйство, демонстрируем свое улыбающееся здоровье и гордо задираем носы, когда выносят наше «наркомпросовское» знамя. Гости приветствуют нас речами. Такими:

«Вот видите. Вы совершали преступления и не знали труда. А теперь вы исправляетесь и обещаете...»

А был и такой случай:

— Бандиты на вас не нападают?

— Нет, не нападают.

— Хе-хе! Бандиты своих не трогают?

Я не умею описать ту трагическую картину, которая после таких речей и разговоров наступает. Видим ее только мы, воспитатели. Суровая сдержанность, крепкое задумчивое молчание надолго. Никто из колонистов не будет делиться с другим своим оскорблением, но до вечера Вы не услышите смеха, а обычно у нас половина слов произносится с улыбкой.

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название «Колония для несовершеннолетних правонарушителей». Но сбросили для себя только. Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что начинаются они так (по-украински): «Вчора в колонії малолітніх злочинців...»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц и мошенников, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т. е. определяют их внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т. е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к тем людям, которые к нам относятся, как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам...

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев наше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи:

— ...вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то значит не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для нас для всех лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького». А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы услы-

шали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам. Сейчас у нас серьезно ставится вопрос о переводе колонии в новое имение с 1000 десятин и об увеличении ее населения до 1000 детей. Мы ставим единственное условие, чтобы колония осталась горьковской.

Простите, что так много написал.

Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Маро. В ней на стр. 61—77 описание колонии, правда, немного устаревшее. В конце августа празднуем 5-летний юбилей и готовим юбилейный сборник. Тогда Вам пришлем. На днях вышлю Вам большие снимки, а пока посылаю несколько последних любительских.

Теперь мы будем писать Вам часто. За подарок (книги) благодарим Вас крепко, но Вам не нужно думать ни о какой материальной помощи. Вы для нас дороги и страшно «полезны» только тем, что живете на свете. Хлопцы просили у Вас портрет. У нас действительно нет хорошего портрета и достать негде — есть только маленькие. Большой я сам нарисовал углем по репинскому портрету. Сейчас снимаем копию с портрета в «Огоньке». Но у Вас ведь тоже большого портрета нет.

Если Вы будете в России, Вы когда-нибудь подарите нам знамя. Может быть, Вы не согласитесь со мной, что это будет страшно хорошо. И «полезно». Простите за шутку.

Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно еще пять лет поработать в колонии.

А. Макаренко.

[1925 г. август]

Дорогой А. С.,

я очень тронут письмами колонистов и, вот, отвечаю им, как умею. В самом деле, жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею.

Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его и содержанием. То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден.

Сейчас я не могу писать больше, у меня сидит куча иностранцев, неловко заставляя их ждать. А Вам хочется ответить хоть и немного, но сейчас же, чтоб выразить Вам искреннейшее мое уважение за Ваш умный, прекрасный труд.

Крепко жму руку.

М. Горький.

17.VIII—25.

Sorrento

Полтава, Колония им. М. Горького.
8 сентября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять пересылаю целую кучу писем. Они во всех отношениях неудачны, наши хлопцы не умеют в письме выразить то, что они чувствуют, да это ведь часто и наши взрослые не умеют. К тому же вся наша верхушка в числе 19 человек уехала на рабфаки.

А чувствуем мы много. Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае делают работу нескольких воспитателей. Простите за такой «рабочий» взгляд на Вас, но ведь Вы сами этого хотели. Нужно быть художником, чтобы изобразить наши настроения после Ваших писем. С внешней стороны как будто нечего протоколировать. Сидит за столом председатель и возглашает: «Слушается предложение Максима Горького!» А в это время зал никак не может настроиться на деловой лад. Глаза у всех прыгают, чувства тоже прыгают, и все это хочет допрыгнуть до Вашего портрета и что-нибудь сделать такое... Ночью в куренях мечтают о том, как будут Вас встречать, когда Вы приедете, какую Вам дадут комнату, чем будут кормить. Наши хлопцы ведь всегда были одиноки: отцы, матери, дедушки, бабушки — все это рас-

теряно давно, мало кто помнит о них. А любовь у них требует выхода и вот теперь такое неожиданное и великое счастье — можно любить Вас. Раньше у нас был шеф великий писатель Максим Горький, ведь из хлопцев больше половины не могли Вас ощущать, как писателя. А теперь у них шеф живой человек, великий тоже, но не писатель, а человек, большой и расточительно ласковый по отношению к нам, на зло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» обещает сделаться чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни. Патронирование выпущенников налаживается с трудом, в особенности в таком захолустьи, как Полтава.

Хлопцы писали Вам под впечатлением юбилейного праздника, но едва ли из их писем Вы этот праздник представите себе. Нас чествовали, как следует. Были гости из Харькова. 8 сотрудников, работающих в колонии с самого начала, Полтавский окрисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командирует меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца, на какое дело ассигновали 200 рублей. К сожалению, едва ли я этой командировкой воспользуюсь: не умею осторожно тратить деньги, а поэтому мне нехватит, самое же главное, не сумею на такое долгое время бросить колонию — за пять лет я не оставлял ее больше, как на 2—3 дня. Сейчас же у нас обычный осенний кризис. Старики-колонисты ушли учиться, а на их место присылают новых. Переварить два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев трудно. По опыту я знаю, что нужно не меньше 4-х месяцев, чтобы увидеть на их мордах первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками. Пережившие всякие ужасы, вступившие на путь проституции, озлобленные, вульгарные, они очень нескоро начинают нас радовать. С ними не с чего начать, у них нет совсем уважения к себе и нет никаких надежд.

По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно присылки девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивала во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива; но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишних слов и сентиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно.

Простите, что я разболтался. Вы теперь страшно заняты, мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу, а мы надоедаем Вам своими письмами и своими буднями. Все мы очень хорошо знаем, что поступаем эгоистично, но ничего с собой поделывать не можем. Мы эгоистичны, как дети, а Вы такой родной и наш «собственный». Один из наших пацанов так и говорит:

— Когда Горький приедет, так он уже у нас будет жить?

А другой отвечает:

— Вот, если он приедет, так такое будет! Он никуда и не захочет ехать. Он тогда уже будет совсем нашим.

Посылаю Вам снимки нашего юбилея. Получили ли Вы посылку с снимками и книжкой?

Не чересчур ли мы надоедаем Вам? Если будете нам писать, то одну-две строчки, не обращайтесь внимания на наши аппетиты.

Будьте здоровы и радостны.

А. Макаренко.

Полтава

почт. ящ. № 43

Получил письма колонистов и Ваше, очень радуюсь тому, что отношения между мною и колонией принимают правильный характер. Я прошу и Вас, и колонистов писать мне всякий раз, когда это окажется желаемым, — а тем более, — нужным.

Я послал колонии снимки Неаполя и Сорренто, получили Вы их? И написал в Москву, чтоб колонии выслали все мои книги.

Мне хотелось бы, чтоб осенними вечерами колонисты прочитали мое «Детство», из него они увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Веровал, что действительно: «учение и труд все перетрут».

Очень обрадован тем, что мой совет устроить общество взаимопомощи понравился Вам и колонистам. Надо бы обратить особенное внимание на помощь тем из них, которые пошли в рабфаки, — рабфаковцам живется особенно трудно, не так ли?

Скажите колонистам, приславшим мне письма, что я сердечно благодарю их, но ответить им сейчас же не имею возможности, очень занят. Желаю им всего доброго и бодрости духа. Вам — тоже.

Будьте здоровы.

М. Горький.

[Начало 1925 г.]

Полтава, Колония им. М. Горького.
24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я на время прекратил поток наших писем к Вам. Мы чересчур злоупотребляли Вашим расположением к нам и, вне всякого сомнения, много отнимали у Вас дорогого времени. Хлопцы немного дулись на меня за то, что я решительно запротестовал против целых ворохов бумаги, которые они опять наладили в Сорренто. Я считаю, что только изредка мы имеем право беспокоить Вас и то должны чувствовать угрызения совести.

В колонии сейчас хорошо. Наша злоба дня — переезд в Запорожье. Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление. По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т. е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В Управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на фронте кое-как волею, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился...

Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвоса, но на деле уже с 20-го года мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане... Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными. В Харьковском институте народного образования, где наш опыт особенно пристально рассматривался, есть группа наших противников, которая меня иначе не называет, как «атаманом шайки».

Тем не менее я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект. Главной его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов... Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины. Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в

Центральную для Украины. Предлагают нам имение Попова в 30 верстах от Александровска. В имении 1200 десятин пахотной, какой-то прекрасный дом — замок. Имение сейчас занято коммуной «Незаможник», но коммуна страшно задолжалась, дом развален, в итоге мы принимаем наследство чаеоторговца. В субботу выезжает наша комиссия для осмотра имения. Вы не сможете себе представить, какой у нас подъем. Хлопцы на собраниях встречают меня аплодисментами. Интересно: нам было предоставлено на выбор: либо имение Попова либо князя Голицына под Харьковом (500 десят.). Голицынское вполне исправно. Голосование общего собрания дало за Запорожье 111 голосов, за Голицына 27. Мотивы такие: дальше от центра, больше земли, близко Днепр.

Дело поднимаем трудное. Я не сентиментальный человек, но меня до слез трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь. Наполовину зимою ходили босые и раздетые. Теперь у нас все в порядке, чистота и уют, свое электричество и даже прибыль — 120 английских свиней и прочее. А вот-вот все же бросают это и едут на новые места в разваленный дворец, в опустошенную степь.

Но зато 1200 десятин. Какой там размах будет, дорогой Алексей Максимович! Хлопцы знают, что будет трудно. Для того, чтобы обработать 1200 десятин с нашими 120 хлопцами, нужны тракторы, сноповязалки, паровые гарнитуры, много всего прочего. Дворец стоит без окон и дверей (незаможники жили в конюшне). Один посев будет стоить больше 10 000 рублей. Наркомпрос, конечно, нам денег не даст, какой ему смысл давать, да и нет их у него в таком количестве. Единственный выход — кредитная операция и труд. Значит, нам в первые годы предстоят солидные лишения, и хлопцы об этом хорошо знают. И все же они все как будто начинены ракетами и выстрелами, и нас, «педагогов», увлекают за собой.

Простите, что пишу о таких вещах, которые, может быть, только для нас интересны, но так хочется, чтобы и Вы представили наши радости и поняли нас. Ведь для нас так важно, страшно важно, что на месте вольницы запорожской мы поставим флаг с Вашим именем. У нас

уже и сейчас решено, что мы будем хлопотать о переименовании ст. Попово в станцию «Колония им. М. Горького».

Занимаемся усиленно и довольно интересно. Рабфактовцы все идут хорошо. Спасибо, что Вы беспокоитесь о них. Мы им помогаем деньгами и вещами. Живут они хорошо. Писали нам о том, что писали Вам.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

А. Макаренко.

Колония им. М. Горького.
10 февраля 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы меня так расхвалили в Вашем письме от 13 декабря, что я постеснялся даже показать письмо Ваше хлопцам, сказал им только, что Вы переехали в Неаполь, что Вы нездоровы и что Вы передаете им привет. От частых и обильных писем я продолжаю хлопцев удерживать. Сейчас у нас такой порядок, что письма Вам будут посылаться только по постановлению Совета Командиров. Иногда мне кажется, что когда Вы получаете наши листы, то должны хвататься за голову, а потом принимать валерьянку. У Вас такая большая напряженная работа, Вам так мешают всякие посетители, а тут вдруг почтальон приносит письмо Ваших провинциальных родственников. Мы искренно сочувствуем Вам, дорогой Алексей Максимович, и удивляемся, что Вы так терпеливо и так ласково нам отвечаете, но в то же время мы ничего не можем сделать с собой, от природы, как и всякие провинциалы, мы эгоисты и должны писать Вам о поросятах и о бешеных собаках. Мы прекрасно знаем, насколько мы большие эгоисты, ибо мы сознательно пользуемся своим исключительным правом любить Вас. Вы нам раз навсегда простите нашу надоедливость и считайте в числе крестов, выпавших на Вашу долю, Полтавскую колонию. Вы же знаете, что мы уверены, что Вы когда-нибудь к нам приедете. Как видите, мы и до этого ходим.

Живем мы «средне». С Запорожьем заминка, кажется, просто волокита. Коммуна незаможников, сидящая

в имении Попова, просто не спешит ликвидироваться. До тепла досидит, а с теплом поцарапает буккерами десятин сорок. Ее не может особенно беспокоить, что сотни десятин останутся не возделанными. Мы не имеем никаких рук и связей и можем давить только нашим делом... Если нынешняя волокита окончится ничем, нам остается только два пути: или обратиться к Петровскому с деловой истерикой или занять Запорожье явочным порядком. Последний план вовсе не шутка и, представьте, он вероятно принесет и наибольшую пользу. Просто доставим где-нибудь две тысячи, погрузимся в вагоны и выгрузимся в Запорожье. Замок Попова стоит пустой, значит поселиться будет где, а за лето что-нибудь сделаем. Обращение к Петровскому может помочь только в том случае, если мы сумеем уверить его, что наш план достоин внимания. А у нас план огромный и с первого взгляда может показаться химерой...

Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5½ лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье. Там экономическая мощь и общий размах помогут нам посадить бухгалтеров на их место.

То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении.

Альбомы Сорренто и Неаполя мы получили. Вы нас балуете своим вниманием. В одном только хлопцы разочарованы — видно только крышу Вашего дома, а у нас огромный интерес к Вашей частной жизни, виноваты, каемся.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» еще не имеет устава. Не хочется его делать здесь. Все кажется, что Запорожье нам откроет невиданные просторы в этом деле. Фактически несколько пунктов прово-

дятся в жизнь. Мы уже разыскали около четверти бывших воспитанников, некоторым оказывают помощь. Рабфаковцы все поддерживаются.

Простите большое письмо. Чисто провинциальная манера, ничего с собой поделывать не можем.

Желаем Вам полного выздоровления и всякой радости.

А. Макаренко.

Ваша похвала мне может меня заставить действительно взять Запорожье штурмом. Никогда в жизни мне никто таких слов не говорил. А все-таки хвалить человека особенно крепко не стоит. Он от этого начинает «воображать».

Полтава, Колония им. М. Горького.
25 марта 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за заботу о нас. Возможно, что объективно мы не заслужили такого внимания. Ваше предложение... вызвало у нас целую дискуссию, которая заняла целую неделю. На первом общем собрании голоса поделились. 69 высказалось за то, что мы имеем право воспользоваться Вашей помощью, 66 за то, что так поступить мы не должны. Я отказался руководиться мнением такого незначительного большинства и предложил хорошенько продумать вопрос прежде, чем голосовать. После этого в течение 4-х дней мы вели горячие споры. Представители большинства доказывали, что наше стремление в Запорожье есть здоровое стремление, которое пойдет на пользу всего государства, а поэтому мы должны воспользоваться помощью Вашей. Представители противоположной точки зрения, по моему мнению, были все-таки правы. Они говорили:

— Хотите иметь помощь, так выбирайте шефом Госбанк или Совнархоз, а если вы имеете шефом Горького, то не воображайте, что вы можете надоедать ему своими делишками. Не хитрая штука, что Горький напишет письмо и вам поднесут Запорожье. Зачем нам тогда работать, было б с самого начала обратиться к Горькому и нам бы все дали. Мы добиваемся Запорожья потому, что мы его заслужили.

— В какое положение вы ставите Горького. Почему он будет просить за нас? Потому что мы носим его имя? А если мы оскандалимся с Запорожьем?..

А откуда Горький знает, какие мы? Из наших писем? Какое мы имеем право ставить Горького в такое положение.

Я любовался своими хлопцами...

В колонии мне всегда приходилось доказывать, что мы не можем профанировать Ваше имя в нашем собственном представлении принятием от Вас материальной помощи. Это означало бы, что мы чересчур носимся с собой, это значит, что мы себя недостаточно уважаем.

В данном споре я и воспитатели держались совершенно таинственно, хотя мою точку зрения многие чувствовали. На втором собрании картина получилась иная. За Вашу помощь 27, против 101.

Двадцать семь пробовали продолжить войну.

— Ну, как теперь написать Горькому. Он нам предлагает помощь, а мы важничаем!

Вы нас должны понять, Алексей Максимович. Как раз Вы, одни во всей мировой литературе, сумели сказать, что человек — это прекрасно. И другие пробовали говорить это, но у них человек получался или вроде петуха, или вроде сумасшедшего, только у Вас человек сумел свою гордость совместить с любовью к людям и с трепетным уважением к чему-то высшему. Может быть, в моих словах эта экскурсия в литературу звучит дико, но ведь Вы меня между строк поймете.

А для нас так хорошо ощущать Вашу близость к нам во всей ее чистоте. Ну в самом деле, разве можно Вам кого-то просить о каком-то Запорожьи. Для таких дел есть другие люди. Вы нам могли оказать эту помощь потому, что Вы многим помогаете, мы это хорошо знаем, но нам, имеющим честь носить Ваше имя и честь быть с Вами в общении, нужно избавить Вас от всякой заботы.

Может быть, и впереди нам придется описывать Вам свои нужды, это так естественно, но никогда Вы не читайте в наших письмах необходимости нам помогать. С нашей стороны было бы просто гадко смотреть на Вас, как на человека, который может нам принести пользу.

От Запорожья мы отказались (даже телеграфно). Запорожский Окрисполком не желает нас пускать на свою территорию, боится, что колонисты «терроризируют население». Поэтому он значительные куски уже роздал кое-кому. У нас была еще возможность надеяться — мы передали дело в Совнарком Украины, но и Совнарком отказал нам — слишком дорогой ремонт требуется. Совнарком (какая-то комиссия Совнаркома) уверен, что мы с ремонтом не справимся. Дальше идти уже некуда. Теперь мы требуем себе место под Харьковом. Нам предлагают имение б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В имении этом сейчас детская колония, в педагогическом отношении яма, ужаснее которой я не видел в жизни. Мы соглашаемся переехать туда со всем имуществом с условием, чтобы нам оставили из тамошних колонистов не более 200 и убрали куда-нибудь весь персонал. Наш Наркомпрос приходит в ужас — боится, что мы не только ничего не сделаем с этими двумястами, но и сами потеряем свою стройность и дисциплину. Посмотрим. Дело, кажется, выгорит. Задача страшно трудная, но у нас есть еще пафос.

Сегодня мы чистимся, моемся, штукатурим, красим. Сейчас 10 часов вечера, а все в колонии работает и поет. Зарезали целое стадо гусей. К сожалению, не можем поставить пьесу, так как окружены на своей горе со всех сторон водой. Страшно досадно. У нас уже приготовлены «Враги». Завтра в 2 часа «обед со знаменем», речи, декламации, а вечером моя лекция о детских типах в Ваших произведениях. К сожалению, некогда написать даже хороший конспект, а подумать пришлось много. У меня есть способность разбираться в художественных данных, но в условиях моей жизни разобраться в целом море Ваших детских лиц страшно трудно. Поэтому я, вероятно, буду нести ересь. Но ведь меня будут слушать только наши хлопцы и воспитатели.

Простите за такое длинное письмо.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой. Как Вас благодарить за ласку. В марте в нашей школе были разработаны комплексы для младших: «Где живет Горький», для старших «Италия».

Альбомы эти мы изучили вдоль и поперек. Но... только крыша Вашего дома в Сорренто говорит прямо о Вас...

А. М.

Полтава, ящик 43.
Колония им. М. Горького.

Полтава, 8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская Комиссия Помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия соглашалась дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония попрежнему называлась «Куряжской колонией им. 7 ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился, и пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше зная,

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются. 200 детей, какие там имеются, представляют из себя огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно, значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задираць носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более, что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам А. Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон — 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе большую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от

всякого подобия работы и дисциплины. Но дети в общем хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. Послезавтра они уже грузятся в вагоны и числа 27-го, вероятно, будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероятно, еще долго жить во временной обстановке, т. к. здания все крайне запущены, требуют большого ремонта.

Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потребить? Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще и не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство — пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву представителя РКИ для обследования. Это очень понизило было наше настроение — просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и большая половина персонала?

Теперь к этой обиде привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед.

Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви.

К нам вчера вечером приехали гости Софья Владимировна Короленко и заведывающий Полтавской колонией им. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими наследниками — занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы сторговались, что посевы мы уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей. За это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами»,

Но люди они страшно хорошие и так приятно, что они навели нас в нашей яме.

Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского Окрисполкома... Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдержав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей.

Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы.

Преданные Вам горьковцы.
*А. Макаренко **

Наш новый адрес: Харьков, Песочин. Почтов. Отделение. Колония им. М. Горького.

[1926 г., май]

А. Макаренко.

Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избородили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полужвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

М. Горький.

Sorrento
3.VI.26.

* Далее следуют подписи педагогов и воспитанников. (Ред.)

Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас. Мне посчастливилось быть в ударе. Ребята в течение 2½ часов были захвачены рассказом о Вашей жизни. Очень помогли выдержки из «Детства» и «В людях», которые были мною прочитаны. Страшно Вы понравились куряжанам. Много задавали вопросов, и каждый захотел подержать в собственных руках Ваше письмо. Потом целый день толпились возле Вашего портрета, который мы выставили только утром.

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать.

Вечером все писали Вам письма. Интересны письма куряжских отрядов, если у Вас найдется время, может быть, Вы их прочитаете. (Это отряды 9, 16, 17, 18, 19, 20, 22). Многие хотели писать отдельно от отряда, но им не позволили. Только письмо Котова я посылаю, ибо он ни за что не хотел помириться с запрещением и представил мне письмо в запечатанном конверте, спросил, сколько нужно марок, и ходил целый вечер по колонии, упрашивал всех воспитателей позаимствовать ему 28 копеек на марки.

В понедельник все мы поражались величиною радости и энергии, с которой ребята работали и жили. Впервые здесь мы вздохнули с облегчением. Нужно при этом отметить, что куряжане взялись за работу даже охотнее полтавцев, хотя, конечно, далеко уступают им по выдержке и умению работать. Благодаря «горьковскому»

дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой. Сейчас мы живем уже хорошо. Начали бороться с грязью, красим, штукатурим, моем. К сожалению, куряжское голое состояние совершенно растворило наши запасы одежды, и вид мы имеем крошечный. Очень много страдаем от паразитов. Окончательно очиститься успеем, вероятно, только осенью, т. к. сейчас каждую лишнюю копейку ухлопываем на ремонт. Хочется кое-что сделать и в организации мастерских, а в особенности свинарни, молочной фермы и оранжереи. Зато цветники мы уже разбили везде, где успели убрать сор. Монастырские стены, которым 212 лет, развалили. От этого стало больше света и воздуха, расширился двор, открылись прекрасные виды на всю долину. По секрету Вам, как родному, признаемся, что думаем блеснуть на празднике Первого Снопа и после этого выцыганить что-нибудь.

Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное — хорошо строить — Вы ударили нас по самому человеческому месту.

По Вас прямо скучают. Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой, говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы, затруднился определить. Мечтают все о Вашем приезде. В тех шершавых письмах, которые хлопцы Вам шлют (плоды обучения на «родном» языке), они пишут правду. 15-й отряд (они гордятся тем, что ближе всего к Вам — работают в пекарне) прекрасно, хоть и глупо, выражает общие чувства: «В эту минуту готовы обнять Вас в своих молодых, но крепких объятиях и крепко расцеловать». Если Вы к нам приедете, то Вам придется плохо, потому что некоторые обладатели молодых, но крепких объятий производят очень внушительное впечатление. Но что же делать, дорогой Алексей Максимович? Я сам, кажется, забыл свою давнюю любовь к Вам, как к писателю, а люблю сейчас Вас, как мальчишка.

Мы все очень тронуты Вашим письмом к Г., у нас у всех тепло на душе, как будто нашли крепкую любя-

щую руку отца, которая нам поможет и защитит и приласкает. Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах). Я боюсь личной известности, страшно боюсь и, кроме того, совершенно не заслуживаю особенного внимания Вашего. Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично — лучший способ рассчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам — вот тот великий максимум, о котором я только мечтал...

Простите, что я о себе. Мое желание, чтобы Вы меня поняли, конечно же, никуда не годится — мы не имеем права затруднять Вас такими пустяками. То, что наша жизнь так крепко связана с Вашим именем — мы переживаем, как совершенно незаслуженную милость к нам кого-то — судьбы? Но мы Вас крепко любим, так крепко, что стесняемся Вам об этом говорить, а вдруг Вы этих сентиментов не любите.

Простите, что так много мы все написали. Спасибо Вам, что живет Ваша душа у нас, живая, родная, мы так ее прекрасно чувствуем.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Балуете Вы меня, Антон Семенович, похвалами Вашими. Ведь я знаю, что для колонии я не делаю ничего, что, хоть немного, облегчило бы жизнь и работу колонистов. Не делаю, да и не могу ничего делать. Вот, разве посылать Вам для библиотеки колонии книги, переводы с иностранных языков, прочитанные мною? Книг таких набралось бы не мало. Хотите? Буду посылать.

Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человечеще и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и между нами.

Будьте здоровы, дорогой дружище.

А. Пешков.

12.VII.26. Sorrento

Р. С. А что, как живет та диконькая девица, о которой Вы мне писали? Помните — недоверчивая, все молчала? Напишите о ней.

А. П.

Дорогой т. Макаренко —

обладая способностью «воображать», я, разумеется, представлял себе, как должно быть трудно Вам командовать тремя сотнями юношей, не очень склонных к дисциплине и организованному труду. Но — представляя это, — я, конечно, не могу *почувствовать* всю сложность Вашего положения.

А, вот, теперь я это чувствую и — понимаю. Научили меня почувствовать и понять, что такое Вы и как дьявольски трудна Ваша работа, — два бывших воришки, авторы интереснейшей книги «Республика Шкид». «Шкид» — сокращенное название «Школы имени Достоевского для трудно воспитуемых». Они — воспитанники этой школы — описали ее быт, свое в ней положение и изобразили совершенно монументальную фигуру заведующего школой, великомученика и подлинного героя Виктора Николаевича Сорина. Чтоб понять то, что мне от души хочется сказать Вам, — Вам следует самому читать эту удивительную книгу.

Я же хочу сказать Вам вот что: мне кажется, что Вы именно такой же большой человек, как Викниксор, если не больше его, именно такой же страстотерпец и подлинный друг детей, — примите мой почтительный поклон и мое удивление пред Вашей силой воли. Есть что-то особенно значительное в том, что почувствовать Вас, понять Вашу работу помогли мне такие же парни, как Ваши «воспитуемые», Ваши колонисты. Есть — не правда ли?

Ну, вот и все, что мне хотелось сказать Вам.

Прочтёте «Республику Шкид», — издано Госиздатом, — напишите мне Ваши мысли об этой книге и о главном ее герое Викниксоре.

Крепко жму руку.

М. Горький.

Р. С. Само собою разумеется, что Вы можете пользоваться для сборника моими письмами. Портрет будет выслан Вам из Москвы.

Колонистам — пишу, прилагаю письмо для них.

И еще раз — крепко жму Вашу руку.

А. П.

28.III.27.
Sorrento

Харьков, 25 февраля 1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас наше положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость.

Разрешите рассказать Вам все по порядку.

В июле и в августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колонии, которая не была бы отягчена актом прокуратуры или Р. К. И.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и прочее.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в

очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. Осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два. В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении. Кроме того, наш штат увеличили на 50 мальчиков (довели до 400), и мы буквально завалены новенькими. Они принесли к нам чесотку, вшей, разгильдяйство и особенную потребительскую философию детских домов.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападков. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие, опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать,

что подросток только потому, что попал в колонию, сразу делается паинькой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я в сущности не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменялось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадр воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость монастырских построек, их непригодность, наконец, страшно суровая зима, все это страшно усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, эти 400 жизней «второстепенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-ой отряд.

Рядом с горьковской колонией — коммуна Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища. И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я — заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так?»

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем; не одобрить — значит нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целостность дворца, души, ванн и пр.

Сижу и жду. В коммуне благодушная педагогика,

уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая рас-слабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «Горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Веселого горьковца», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждут весны и с весной того, чего ждут семь лет, с чем уже ушли многие из колонии, — ждут Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как пицать от восторга и радости, когда Вы приедете.

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас заехать к нам, но несколько строк в 18 томе о нашей колонии все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечатлением. Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их.

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко.

Уважаемый г. Макаренко —

очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! Сожалею, что вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием «беспокоить» меня. Это — напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим многие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Манчжу-

рию! — пианино, другой спрашивает, какая фабрика красок в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок созревают апельсины и т. д. и т. д.

А Вы, человек, делающий серьезнейшее дело, церемонитесь. Напрасно.

Чем я могу помочь Вам и колонии? Очень прошу Вас — напишите мне об этом. Я уже написал в «Известия», чтоб к Вам послали хорошего корреспондента, который толково осветил бы жизнь и работу колонии, но это, разумеется, не важно, а вот, чем бы я мог быть практически полезен Вам?

Прошу Вас передать ребятам мой сердечный привет и пожелания им всего доброго.

Могу прислать много книг различного содержания, но ненужных мне. Присылать?

На первый раз посылаю небольшой пакет.

Крепко жму Вашу руку. Ребятам скоро напишу длинное письмо, напишу и Вам, а сейчас прошу меня простить, — приехали иностранцы и я должен принимать их. Утомительное занятие!

17.III.28.
Sorrento

А. Пешков.

Дорогой т. Макаренко, —

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменецкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растапывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр. — «Всемирную литературу». Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но, ведь, дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т. Я осведомлен, что деньги эти Вы полу-

Георгиевичу. человеку

А. Шакоренко

17. III. 23.

М. Порфири

чите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые Пруды, Машков переул. 1, кв. 16.

Затем: мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите? Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево.

В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, — я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

9.V.28.
Sorrento

А. Пешков.

Харьков, 8 июня 1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть.

Мы все крепко уверены, что Вы у нас будете во второй половине июня. Но так как в этой половине 15 дней, то мы и не можем считать дни до Вашего приезда, а нам это страшно нужно.

Чтобы реальнее для нас сделался Ваш приезд, посылаю к Вам двух ребят. Один из них Шершнев — наш бывший воспитанник, теперь студент Харьковского Медицинского Института, очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних кривков и ис-

терик. Это одно из моих «достижений», которое далось мне довольно трудно. Другой Митька Чевелий — один из самых первых горьковцев, мой друг, теперь дзержинец, человек, не обладающий большими способностями, но сумевший из чисто воровской «психологии» сделать искреннюю, горячую и благородную натуру.

Они оба Вам не надоедят, так как оба по-горьковски лаконичны, сделают дело и уедут. В области выражения чувств они также умеют быть сдержанными.

Дорогой Алексей Максимович, не откажите им сказать, когда Вы приедете, сколько времени думаете у нас пробыть, кто еще приедет с Вами? Наши желания по всем этим вопросам мы даже не смеем высказывать, но, конечно, они у нас максимальны.

Я в страшном затруднении: Вы хотите подарить нам два оркестра и еще что-то для всех колонистов. Конечно, Ваша воля, дорогой Алексей Максимович, но, поверьте, нам страшно будет неловко вводить в такие расколы, ведь духовой оркестр стоит несколько тысяч. Может быть, совершенно невозможно, чтобы благодаря нашему существованию, Вы переживали материальную заботу, а для нас так трудно связать Ваше имя с материальной ценностью. С другой стороны, всякая вещь, связанная с Вашим именем, дорога для нас, независимо от того, сколько она стоит. И если Вы хотите доставить ребятам радость сверх той радости, какая заключается в Вашем приезде, то подарите им какую-нибудь небольшую вещь вроде ножика, чтобы она всегда могла остаться на память о Вашем приезде.

У Вас так много забот сейчас и Вы так заняты в Москве, что я позволяю себе не послушаться Вас и не посылаю списка книг.

В Москве так много Вам приходится видеть людей и говорить с ними, что мне страшно совестно затруднять Вас еще нашей делегацией. Вы простите.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

9.VI.28.

Сейчас получили перевод 20 000 рублей по Вашему приказу. Я даже не способен понять, что случилось. И я не способен ничего сказать, кроме слов удивления и пре-

клонения перед Вашей живой личностью. Но здесь есть недоразумение. Я просил у разных учреждений 20 000. Наконец, я получил 16 000 рублей в Харькове на ремонт. Вы, конечно, об этом не знали. Я очень виноват перед Вами, что не сообщил Вам об этом, и у Вас осталось преувеличенное знание о нашей нужде. Я очень боюсь, что сейчас дело непоправимо, но я буду ждать встречи с Вами, чтобы просить у Вас прощения и совета, как поступить.

Преданный Вам А. Макаренко.

Харьков
27 июня 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наши хлопцы, бывшие у Вас, рассказывали, сколько Вы писем получаете, и теперь прямо стыдно писать Вам длинное письмо.

Но и коротко нам так легко рассказать о себе. Мы ждем Вас, в этих словах вся наша жизнь. Ждем между пятым и десятым. Если Вы приедете в Харьков, мы на вокзале Вас потихоньку встретим так, что никто не будет знать. Вы обещали нам написать о дне и часе Вашего прибытия. Я этот день и час скрою даже от колонистов, чтобы действительно Вас никто не беспокоил. У нас в колонии мы также не будем Вас затруднять никакими речами. Вы у нас даже сможете отдохнуть.

Никаких подарков не нужно больше, дорогой Алексей Максимович, и так мы Вам уже чересчур дорого стоим.

Ждем.

Искренно преданный Вам

А. Макаренко.

Дорогой Антон Семенович —

Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. У меня было обещание в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И все-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Куряж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против Государства, вот как я смотрю на эту историю.

Антон Семенович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но — не падайте духом! Все наладится.

За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве... Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже.

Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!

6.XII.28.

А. Пешков.

Передайте привет мой колонистам Дзержинского. А своих видите? Они, ведь, наверное, знают, где Вы?

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что я Вас беспокою. Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издавать мою книгу не у «Народного Учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов. Такую солидную книгу мне самому не хочется издавать в «Народном Учителе».

Наконец мне просто хочется поступить так, как Вы советуете. Вы, вероятно, имеете для этого основания.

В связи со всем этим у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее.

Если Вы такую записку пошлете в ГИЗ, попросите мне об этом сообщить.

В моей книге 3 части. Первую я отправлю в ГИЗ немедленно после того, как получу письмо...

Преданный Вам и любящий Вас

А. Макаренко.

Харьков,
почтовый ящик № 309
А. С. Макаренко
[1929 г., сентябрь, октябрь]

Харьков, 5 октября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы, и наше приветствие было напечатано в «Правде» в номере, посвященном Вам. Заметили ли Вы его?

А сейчас у меня появилась надежда, что Ваш юбилей поможет возродиться идее горьковской колонии, правда, уже в другом месте. Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО решил открыть образцовую коммуну для беспризорных Вашего имени. Мне показалось, что я имею преимущественное право просить поручить эту коммуну мне. Кого просить? Может быть, в Москве меня мало знают. Я решился затруднить Вас напоминанием о себе.

Это письмо, вероятно, выйдет длинным, простите за это, но, мне думается, Вы не будете сердиться за мой рассказ, если вспомните, что мы с Вами долго переписывались.

После Вашего посещения колонии им. Горького, если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробило толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не

совсем понравилась. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это было плохо. Еще хуже было то, что наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макареновщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побеги, воровство, пьянство, об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы» и живущие в коммуне и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В Наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории.

Сообщение в московских газетах об открытии новой коммуны Вашего имени меня снова взволновало. Я предъявляю мое право на работу в колонии Вашего имени и считаю, что это право никто оспаривать не может: с двадцатого года я, кажется, один во всем Союзе стоял во главе коллектива горьковцев. Ведь нас объединяло не только официальное Ваше шефское имя, но и

реальное объединение наше вокруг Вашей личности, жизни и Вашей мысли. Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом. И вот мы, горьковцы, считаем, что организация новой коммуны горьковцев должна быть нашим делом. Нас интересует в данном случае не только желание снова работать в горьковской колонии, но и чисто деловые соображения: ни для кого не секрет, что детские дома и колонии у нас плохо живут, и работать в них до сих пор не умеют. А колония Вашего имени должна быть во всех отношениях образцовой. Мы чувствуем за собой и силу и опыт такую колонию создать. И есть какая-то красота в том, что новую Вашу колонию создадут не бюрократические деятели, а Ваши старые друзья — горьковцы.

Важно еще одно обстоятельство: в той же телеграмме из Москвы сказано, что создается и техникум им. М. Горького для подготовки работников внешкольного типа — педагогов. Прямо не пойму, почему именно внешкольного, когда у нас совершенно нет работников для детских домов, а готовить их наши педвузы не умеют. Я считаю, что при коммуне имени Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун. Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я, и, может быть, еще три-четыре человека в Союзе, ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорными, а у нас этого опыта редко кто выдерживал больше двух-трех лет. Для подготовки таких работников нужна совершенно особая программа. В глубине души я думаю, что эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания, но это пусть так и будет в глубине.

Я Вас прошу: помогите сделать это большое и нужное дело, помогите это дело сделать нам, горьковцам. Сколько их я смогу насобирать, я еще хорошо не знаю, но за успех я ручаюсь.

Никаких своекорыстных мотивов у меня, конечно, нет. В коммуне им. Дзержинского меня ценят и любят, хорошо платят, и дело способно удовлетворить работника, но здесь уже все сделано, осталось наводить последний лоск. Правда, и здесь не дают мне полной свободы твор-

чества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься...

Я знаю, что первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга, но к этому влечет по привычке, а ведь в Москве пахнет горьковской колонией — вот, даже странно как-то представить, что колония им. Горького и вдруг без меня.

Я наверно слишком многословен, а Вы и так уже увидели и почувствовали мою правду.

Я не знаю, как это сделать, мне кажется, что Вы имеете право выбирать заведующего Вашей коммуной. Мне бы хотелось участвовать в самом проектировании колонии, потому что тогда легче всего наделать всяких глупостей.

В МОНО меня когда-то знали, о коммуне им. Дзержинского знают наверняка. На днях выйдет в ГИХЛ'е моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного. Может быть, и это поможет.

Кстати, о моей литературной деятельности: в ГИХЛ'е принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать, а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма», изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии, полную не только пафоса, но и преступлений, между прочим моих собственных, книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью.

Все-таки простите за такое длинное письмо. Но если Вы его прочитали, я почему-то уверен, что колония им. Горького будет в моих руках, серьезно, иначе быть не может, это было бы просто недопустимо.

Преданный Вам

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского
А. С. Макаренко

А. Макаренко.

Дорогой Антон Семенович —

Вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице

чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески по-настоящему — относятся друг к другу.

17.XII.32.
Sorrento

М. Горький.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрывают, писать приходится все в том же «кабинете».

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛ'е лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г.». А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы», ли-

стов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть еще у меня и пьеса. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Куряже. В московских газетах было сообщение об открытии «образцовой колонии» им. М. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам, «горьковцам». На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Куряже, теперь педагоги, инженеры, врачи.

Куряжскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменялось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проходной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 года. Нехорошо. Коммуна Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие. Ребята постановили передать Куряжу помощь 10 000 рублей, но это чепуха. Там деньги не помогут. Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять.

Простите за длинное письмо. Ваши слова ребятам я передал на общем собрании. Они горды и сейчас Вам пишут.

Посылаю Вам наш юбилейный сборник.

Спасибо за Ваше внимание и поддержку, если можно за это благодарить.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Харьков, 54.
Коммуна Дзержинского
1.1.1933 г.

Дорогой Антон Семенович.

Я, стороною, узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые

вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтобы из Москвы Вам выслали денег.

Будьте здоровы, крепко жму руку. Всего доброго!

30.I.33 г.

М. Горький.

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен, как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии — не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?

[Конец 1933]

А. Пешков.

7 марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам. Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть и защите, моя «Педагогическая поэма» увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой.

Для меня выход «Поэмы» — важнейшее событие в жизни. Я не способен судить, насколько это важно или нужно для людей. Здесь, в своей харьковской каторге, я вообще слишком мало ощущаю из широкой литератур-

ной жизни и не могу даже следить за критическими статьями, не знаю даже, есть они или нет.

И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой? Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4-х печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места; мне, как, вероятно, и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет.

Писать ли вторую часть или не стоит?..

Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевание Куряжа и харьковскую борьбу — до самого Вашего приезда. Закончить хочу Вашим приездом в Куряж.

Вторая часть для меня труднее, чем первая. Я не представляю себе, как я справлюсь с такой трудной задачей: описывать целый коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не притушить их яркости. Одним словом, боюсь.

Не знаю также, уместно ли разбавлять повествование теоретическими отступлениями по вопросам воспитания, у меня есть такой зуд — хорошо ли это?

И еще одно затруднение. Ваш приезд — это кульминационный пункт развития коллектива горьковцев, но это и его конец. До Вашего еще приезда мне удалось спасти 60 человек в коммуне Дзержинского. Эти 60 человек и продолжают традиции горьковцев уже на новом месте. Я всегда думал, что история дзержинцев составит тему третьей части «Педагогической поэмы». На деле, однако, мне не удалось сохранить цельность развития коллектива. Здесь набежало много людей, они дружно растащили коллектив в разные стороны, и в настоящее время вместо одного цельного явления, я стою перед целой кучей проблем, получившихся исключительно благодаря неумению многих людей.

Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды,

врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что затрудняю Вас своими делами. Просто хочу поделиться с Вами. Если Вы только одним словом отзоветесь — стоит ли писать продолжение? — мне больше ничего и не нужно. А что выйдет, я все равно Вам покажу, тогда будет видно.

Страшное спасибо Вам за Ваше письмо Серафимовичу. Оно многим людям показывает дорогу.

Желаю Вам здоровья и радости.

Преданный Вам *А. Макаренко*.

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского
14 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно должен был написать Вам, но не хотел тревожить Вас моими делами во время таких горестных для Вас событий, которые и мы здесь встретили с глубокой и искренней печалью. Непереносимо тягостно было представить себе Ваше страдание, так это все не вяжется с Вашей личностью и с любовью к Вам. Нет ничего отвратительнее для меня знать, что и по отношению к Вам возможны подобные издевательства этих дурацких мировых неустройств. Так это возмутительно, и так себя неуютно чувствуешь в мире: ведь по справедливости и по здравому смыслу умирать должны только те люди, которые уже не нужны для жизни.

Я пишу вторую часть «Педагогической поэмы». Подвигается она чрезвычайно медленно, мешают коммунарские дела, напряженные, как всегда. К коммунарским делам прибавилось еще одно, увлекательное до высшей степени. Здесь в Харькове организован Комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек. И меня ввели в состав комитета. Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12 000 детей на бе-

регу Днепра недалеко от Черкасс или при впадении Сейма в Десну. Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле, и настоящих энтузиастов. План деловой и точный. Я прошу 33 миллиона выдать в течение 3-х лет. Обязуюсь потом возвратить эти деньги в течение десяти лет, а сверх того, ежегодно увеличивать коммуну на 2 000 человек. Вообще, начиная с четвертого года, коммуна должна быть на хозрасчете.

О деньгах никто не спорит. На борьбу с беспризорностью ежегодно расходуются гораздо большие деньги и без всяких материальных и педагогических последствий. И если открыть не одну, а двенадцать коммун на 12 000 человек, то это будет стоить не 33 миллиона, а больше ста.

Не денег жалеют, а просто боятся поднять серьезное большое дело, боятся тронуться с насиженного, хотя и дрянного места, на котором давно стоит беспризорный вопрос. Я уже многих убедил, но многие еще сомневаются и чего-то боятся.

Если бы дали в руки такое дело, да еще если бы назвали новую коммуну Вашим именем, я уже не мог бы ручаться за скорое окончание «Педагогической поэмы». Это, конечно, очень грустно, но отказаться от такой коммуны я все равно не в силах.

Первая часть «Педагогической поэмы» давно сдана в «Советскую литературу», но с изданием там не спешат, говорят, что до августа она в производство не пойдет. Почему так долго, не знаю, может быть, так и нужно. Вероятно, украинский перевод выйдет раньше, так как «Радянська література» спешит обогнать Москву, справедливо рассчитывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего.

Сдал я и «Мажор» в МХАТ товарищу В. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше, но бабы прибавить не сумел — я еще очень слабый техник. В. сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так

хорошо знают коммуны, — будут копировать, а это совсем не то: в «Мажоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях.

В конце июля коммунары уезжают в отпуск. Становимся лагерем в Сосновом лесу на берегу Днепра. Как и в прошлом году, ребята воображают, что это замечательная вещь — лагерь на Днепре, и собираются приглашать Вас. Главное, чем они собираются Вас завлечь, это маленький пароходик в распоряжении лагеря. Ездить на пароходике по Днепру и снимать берега собственной «Лейкой» — конечно, высшее блаженство.

Между прочим, «Лейки» (по нашему — «ФЭД» — «Федьки») нашего нового завода выходят не плохие. Остался еще недоступным секрет одного лака. Когда этот секрет будет осилен и «ФЭД» примет настоящий рядный вид — коммунары мечтают, что Вы примете от них образец — ведь это тоже «наши достижения».

Простите за длинное письмо.

Преданный Вам А. Макаренко.

В «Литературной газете» было напечатано, что в Союз писателей принят Макаренко. По некоторым данным это я. Но я так не верю в это счастье, что боюсь страшно разочарования. Недавно жена была в Москве, но я ей прямо запретил заходить в ССП, а вдруг скажут:

— Н-ет... это другой товарищ.

Дорогой мой друг Антон Семенович —

спасибо за письмо!

Очень обрадован намерением правительства широко организовать детские трудкоммуны, очень ясно сознаю необходимость Вашего участия в этом прекрасном деле, но — огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно».

Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб «Поэма» была кончена Вами и прочитана в момент организации новых коммун. Этим актом Вы поможете поставить дело правильно, как оно было

поставлено в Куряже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы». Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше.

Крепко жму руку, будьте здоровы и — за работу!

[1934]

М. Горький.

Дорогой Антон Семенович —

вторая часть «Поэмы» значительно менее «актуальна», чем первая; над работой с людьми и землей преобладают «разговоры». В них много юмора, они придают «Поэме» веселый тон, — это, конечно, еще не порок, если не снижает серьезнейшее тематическое, а также историческое значение социального опыта, проделанного колонией.

Мне кажется, что эта часть поэмы весьма выиграет, если Вы сократите ее. Сокращать надо незначительное, чтоб ярче оттенить значительнейшее. Длинновата сцена покупки лошади. Очень хороша свадьба...

Я «придираюсь», потому что глубоко убежден в серьезнейшем значении «Поэмы», в правде метода, в поучительности опыта. Но чтоб опыт был ясен читателю, — даже и тогда, когда он — профессионал-педагог, — Вам необходимо более четко изображать постепенность перерождения ребят. В этой части личная Ваша фигура и работа оставляет ребят несколько в тени. И это — потому что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов. Незаметно, как ребята пришли к необходимости учиться в рабфаках, решение это является неожиданным.

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и местами сократить, а кое-где дополнить рукопись.

Крайне важно дать эту Вашу работу в форме — по возможности — совершенной.

Крепко жму руку.

М. Горький.

10.IX.34 г.

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно знаю хорошо, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите.

О второй части у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, гораздо лучше первой, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей. Писал я ее в ужасных условиях, во время большой напряженной работы в коммуне, в летнем походе коммунаров: в вагоне, на улицах городов, в передышках между торжественными маршами.

И поэтому и по моей неопытности и слабости в ней, конечно, много недостатков, которые я в особенности ясно увидел после Вашего отзыва: много «разговоров», выпирает моя фигура, есть лишнее зубошальство.

Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза, всего вычеркнул больше двух печатных листов, но как-нибудь основательно переделать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой.

Я очень прошу Вашего внимания к следующему:

Моя педагогическая вера: педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным.

Единственно, что я хочу утверждать: в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить...

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой и

создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития.

Инструментовку коллектива я хотел изобразить в следующих главных чертах:

1. Пролетарская классовая направленность — отрицание индивидуального крестьянского хозяйства.
2. Превалирование интересов коллектива над интересами личности.
3. Дисциплина.
4. Бодрость.
5. Коллективный труд и хозяйство.
6. Образовательный и культурный процесс.
7. Настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Кондратьевна).
8. Стремление вперед, обязательное развитие.
9. Традиции, в том числе и внешние.
10. Эстетическое оформление жизни.

Может быть, это все мне плохо удалось, это другое дело.

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан. В третьей части у меня богатый материал для изображения такой переделки и доказательства того, что силами коллектива эта переделка легче и быстрее.

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы).

Это моя схема. Очень возможно, что я не умел и не

умею рассказать все так, чтобы и читателю было ясно. Страшно хорошо, что это обнаруживается сейчас: в третьей части я теперь постараюсь все прояснить, если хватит у меня способности.

Еще раз спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович. Ужасно тяжело, что я не увидел Вас, и еще тяжелей, что Вы хвораете.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Преданный Вам

Москва. 18.IX.34.

А. Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович.

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Мажором» и передал ее для печати в Гос. Изд. «Художественная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более, что эти попытки не отличались особенной энергией.

Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца» (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы», и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получилось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту

работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдется время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой.

Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтому постараюсь ее закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть, даже написать наново, если потребуется.

Простите, что письмо на машинке — уже две недели, как лежу в постели, немножко надорвался — нервы.

Преданный Вам А. Макаренко.

Харьков
Коммуна Дзержинского
26 января 1935.

[1935 г., февраль]

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Ньютоновы кольца» пьеса веселая и — если хотите — я могу передать ее в театр Корша или же Вахтангова.

Но — мне хочется ругать Вас. Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а — где третья? Очень прошу Вас: продолжайте эту работу! Я думаю, что 3-ю часть нужно довести до момента Вашего ухода и на нем — кончить.

Будьте здоровы! Работайте.

А. Пешков.

[1935 г., февраль]

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарно-

сти и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным». Я не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется, нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной. Я потом и буду про-

силь, чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать. Мне понадобится два года.

Видите, я не очень отравлен драматургией и помню Ваше указание — писать о педагогическом деле. Но сейчас мои мозги очень скомканы коммуной: ведь у нас 520 ребят, а я уже достаточно заморился.

Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Елочка. И не поэтому перевоспитывается, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые. Конечно, все это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет объектом работы режиссера или театрального коллектива, я с большим успехом смогу ее улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придется говорить о моей пьесе с режиссером, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет.

Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Преданный Вам *А. Макаренко.*

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского
А. С. Макаренко

Киев, 28 сентября 1935 г.
ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Київ, 28 септембра 1935.
Ш. Леонтовича, 6 кв 21

Дорогой Алексей Максимович!

Безусловно своеобразной была Ваша третья часть "Предисловия к Поэме". Не знаю, конечно, какой она Вам понравилась, но писал я с Вашими воодушевленными.

Как Вы пожелали с Вашими письмом по поводу этой части, я читал все теми предисловиями моего издательства Наркомпроса, это привело к основной теме моего перу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куржисе я не решился, это знало бы описывать Вас, для этого у меня не хватало совершенно необходимого для этого дела профессионального навыка. Как и мои коллегам, я люблю Вас с искренней застенчивостью.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев полтора месяца на Тяжельника Отдела трудовой колонии НКВД, ответственности переизда и новой работы мне плохие условия для писателя, в сутках оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души много не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, но поцелуй смерти страшно. Меня вырвали из коллукции и штыки, даже не погрозился с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Бывшая и непривычная для меня работа „Педагогическая Газета“ окончена. Не могу слов, и не соверю чужой. Хотел благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви и заботы. Без Вашего нажима и прямо невиданной жермы помощи, я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работы окончена, но остались еще пошлые и невыдуманные письма, но какая трудная, привлекательная к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время ^{всего} я вдруг опустошился, как будто всю свою до конца вымотал, не могу больше писать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как справиться написать мое писательские сочувствия, куда броситься, как справиться те элементы статьи, которые вероятно все только сестры в моей работе?

Искренне преданный Вам
А. М. Горький

Р. Второй экземпляр выслал в редакцию „Литературной Газеты“.

В Москве буду около 6-го—12-го. Если нужно, сообщите мне, телеграфом, а то так не пишется.

В случае надобности, я думаю, можно выдвинуть главы „У подножия Олимпа“ и „Помощь школе“.

АМ

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватало совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы — очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи, я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, все-таки есть в моей работе?

Искренно преданный Вам *А. Макаренко.*

Р. С. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го—12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику».

А. М.

Дорогой Антон Семенович —

Третья часть «Поэмы» кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» — нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву.

Вы спрашиваете, «как сохранить элементы стиля» и т. д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, «словечек». Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, чтобы впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над «Поэмой», но расширите его.

Напоминаю Вам сказанное в «Поэме» о «чекистах». Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого ряда. У нас писали о них мало и плохо и писали не от удивления пред героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от нее — давайте хлопотать. Я могу просить, чтоб Вас возвратили к ребятам.

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю.

М. Горький.

Р. С. Вы, конечно, использовали не весь материал — дайте десяток портретов беспризорников. Говорят, что теперь они — грамотнее, легче идут на работу, быстрее дисциплинируются. И, будто бы, причиной ухода из семьи на улицу служат: мачехи, вотчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься детьми, детям не о чем говорить с родителями.

М. Г.

8 октября 1935 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОРСКИЕ ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЫ

НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УХАБАХ

Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям.

Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался мало влиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш получался только в той мере, в какой работа отнимала время и вызывала некоторую полезную усталость. Как постоянное правило, при этом наблюдалось, что воспитанники наиболее работоспособные в то же время с большим трудом поддавались моральному влиянию. Хорошая работа сплошь и рядом соединялась с грубостью, с полным неуважением к чужой вещи и к другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, что исполненная работа освобождает от каких бы то ни было нравственных обязательств. Обычно такая трудолюбивость завершалась малым развитием, презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее.

Я обратил внимание на обстоятельство, что, вопреки первым моим впечатлениям, колонисты вовсе не ленивы. Большинство из них не имело никакого отвращения к мускульному усилию, очень часто ребята показывали себя как очень ловкие работники, в труде были веселы и заразительно оживлены. Городские воришки в особенности были удачливы во всех трудовых процессах, которые нам приходилось применять. Самые заядлые ленивцы, действительные лежебоки и обжоры, в то же время совершенно были неспособны ни к какому преступлению, были страшно неповоротливы и неинициативны. Один такой, Галатенко, прошел со мной всю историю колонии, никогда не крал и никого ничем не обидел, но пользы от него было всегда мало. Он был ленив классическим образом, мог заснуть с лопатой в руке, отличался поразительной изобретательностью в придумывании поводов и причин к отказу от работы, и даже в моменты больших коллективных подъемов, в часы напряженной авральной работы всегда ухитрялся отойти в сторону и незаметно удрать.

Нейтральность трудового процесса очень удивила наш педагогический коллектив. Мы слишком привыкли поклоняться трудовому принципу, становилась необходимой заботой более тщательная проверка нашего старого убеждения.

Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то подобным ходьбе или дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно.

Такой закон представился нам несомненным во всяком случае по отношению к неквалифицированному труду, какого тогда очень много было в колонии. В то время самообслуживание было очередной педагогической панацеей.

Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание. По своей бедности, правда, наша колония еще долго его практиковала, но наши педагогические взоры уже не обращались на него с надеждой. Мы тогда решили, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений мы обратились к мастерским. К концу первого года в колонии были кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою первоначальные кустарные примитивы.

Работа в мастерских оказалась более деятельным фактором в деле образования новых мотиваций поведения. Самый процесс труда в мастерских более ограничен: он состоит из последовательных моментов развития и, стало быть, имеет свою внутреннюю логику. Ремесленный труд, связанный с более заметной ответственностью, в то же время приводит к более очевидным явлениям ценности. В то же время ремесленный труд дает основания для возникновения группы мотиваций, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта в результате ремесленного обучения оказался очень невзрачным. Мы увидели, что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и к женщине и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию.

Зачатки всех этих качеств мы очень рано стали наблюдать у наших сапожников, столяров, кузнецов.

Как только мальчик начинал квалифицироваться, как только он основательно прикреплялся к своему верстаку, он уже делался и в меньшей мере коммунарком.

Интересно, что в очень многих колониях, строивших свой мотивационный баланс на ремесле, я всегда наблюдал один и тот же результат. Именно такие ребята, сапожники в душе, винопийцы, украшенные чубами и цыгарками, выходят из этих колоний и вносят мелкобуржуазные, вздорные и невежественные начала в жизнь нашей рабочей молодежи.

Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился в наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания. В начале второго года выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стоят впереди «мастеровых». Нужно небольшое усилие с нашей стороны, чтобы увидеть: улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством.

Однако вот это самое небольшое усилие было сделать не так легко. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддается анализу со стороны своего педагогического значения. Сначала в хозяйстве мы склонны были видеть сельское хозяйство и слепо подчинились тому старому положению, которое утверждает, что природа облагораживает.

Это положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое и вылощенное место для прогулок и тургеневских переживаний, писания стихов и размышлений о божьем величии.

Природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разобрать, поломанного воза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание.

Невольно мы обратили внимание на действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон во время таких событий.

Вечером в спальне, после всяких культурных и не очень культурных разговоров, нечаянно вспоминаешь:

— Сегодня в городе с колеса скатилась шина. Что это за история?

Разнообразные силы колонии немедленно начинают чувствовать обязанность отчитываться.

— Я воз осматривал в понедельник и говорив конюхам, чтоб подкатили воз к кузнице,— говорит Калина Иванович, и его трубка корчится в агонии в отставленной возмущенной рюке.

Гуд поднимается на цыпочки и через головы других горячится:

— Мы кузнецам сказали еще раньше,— в субботу сказали...

Где-то на горизонте виднеется весьма заинтересованная положение вытянутая физиономия Антона Братченко. Задоров старается предотвратить конфликт и весело бросает:

— Да сделаем...

Но его перебивает ищущий правды баритон Буруна:

— Ну, так что же, что сказали, а шинное железо где?

Братченко экстренно мобилизуется и задирает голову — Бурун гораздо выше его:

— А вы кому говорили, что у вас шинное железо вышло?

— Как кому говорили? Что ж, на всю колонию кричать?

Вот именно в этот момент вопрос можно снять с обсуждения, даже обязательно нужно снять. Я говорю Братченко:

— Антон, отчего это сегодня у тебя прическа такая сердитая?

Но Братченко грозит сложенным вдвое кнудом кому-то в пространство и демонстрирует прекрасного наполнения бас:

— Тут не в прическе дело.

Без всякого моего участия завтра и послезавтра в хозяйстве, в кузнице, в подкатном сарае произойдет целая куча разговоров, споров, вытаскивания возов, тыканья в нос старым шинным железом, шутивных укоров и серьезных шуток. Колесо, с шиной или без шины, в своем движении захватит множество вопросов, вплоть до самых общих:

— Вы тут сидите возле горна, как господа какие. Вам принеси да у вас спроси.

— А что? К вам ходить спрашивать: не нужно ли вам починить чего-нибудь. Мы не цыгане...

— Не цыгане. А кто?

— Кто? Колонисты...

— Колонисты. Вы не знаете, что у вас железа нет. Вам нужно няньку...

— Им не няньку, а барина. Барина с палкой...

— Кузнецам барина не нужно, это у конюхов барин бывает, у кузнецов не бывает барина...

— У таких, как вы, бывает.

— У каких, как мы?

— А вот не знают, есть ли у них железо. А может, у вас и молота нет, барин не купил.

Все рычаги, колесики, гайки и винты хозяйственной машины, каждый в меру своего значения, требуют точного и ясного поведения, точно определяемого интересами коллектива, его честью и красотой. Кузнецы, конечно, обиделись за «барина», но и конюхам в городе было стыдно за свою колонию, ибо по словам тех же кузнецов:

— Хозяева, тоже. Они себе катят, а шина сзади отдельно катится... А они, хозяева, на ободке фасон держат.

Смотришь на этих милых оборванных колонистов, настолько мало «облагороженных», что так и ждешь от них матерного слова, смотришь и думаешь:

«Нет, вы действительно хозяева: слабые, оборванные, бедные, нищие, но вы настоящие, без барина хозяева. Ничего, поживем, будет у нас шинное железо, и говорить научимся без матерного слова, будет у нас кое-что и большее».

Но как мучительно трудно было ухватить вот этот неуловимый завиток новой человеческой ценности. В особенности нам, педагогам, под бдительным оком педагогических ученых.

В то время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кошунство», чтобы решиться на исповедывание такого догмата:

— Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здорового хозяина-колониста, худосочный инспектор из наробраза ослепшими от чтения глазами водил по блокноту и, заикаясь, спрашивал колонистов:

— А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колонистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспоминать худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило. А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону. Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, т. е. без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать». Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступал к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колонистов, родились и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни; с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадежно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика — линию правильную и желательную — со стороны новых влияний вносились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она

уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и о коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались, как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчишка.

Найти деловую, настоящую советскую линию, реальную линию было очень трудно. Новая мотивационная природа нашего коллектива создавалась очень медленно, почти незаметно для глаза, а в это время нас разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной стороны, нас поработал старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания. С другой стороны, нас поедом ели проповеди свободного воспитания, полного непротivления и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представившие припадки крайнего индивидуализма, который мы так доверчиво пустили в советский педагогический огород.

Нет, я не мог уступить. Я еще не знал, я только отдаленно предчувствовал, что и дисциплинирование отдельной личности и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна.

Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны.

И только. Никакой мистики нет. И нет никакой хитрости. Все ясно, все доступно моему здравому смыслу.

Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной. В проступке для меня становилось важным не столько его содержание, сколько игнорирование требования коллектива. Проступок, самый плохой, если он никому неизвестен, в своем дальнейшем влиянии все равно умрет, задавленный новыми, общественными привычками и навыками. Но

проступок обнаруженный должен был вызвать мое сопротивление, должен был приучать коллектив к сопротивлению, это тоже был мой педагогический хлеб.

Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих преступлениях горьковцев, которые тогда оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к этим замечательным первым горьковцам за то, что они умели так хорошо замечать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива.

Нет, товарищ инспектор, история наша будет продолжаться в прежнем направлении. Будет продолжаться, может быть, мучительно и коряво, но это только оттого, что у нас нет еще педагогической техники. Остановка только за техникой.

О «ВЗРЫВЕ»

...Я никогда не придавал особенного веса эволюционным путям. В опыте своем я убедился, что как бы здорово, радостно и правильно ни жил коллектив, никогда нельзя полагаться только на спасительное значение одной эволюции, на постепенное становление человека. Во всяком случае, самые тяжелые характеры, самые убийственные комплексы привычек никогда эволюционно не разрешаются. В эволюционном порядке собираются, готовятся какие-то предрасположения, намечаются изменения в духовной структуре, но все равно, для реализации их нужны какие-то более острые моменты, взрывы, потрясения.

Я не имел никогда возможности нарочито организовать широкий опыт в этом направлении, я не имел права организовывать такие взрывы, но когда они происходили в естественном порядке, я видел и научился учитывать их великое значение. Я много, очень много думал по этому вопросу, потому что это один из центральных вопросов педагогики перевоспитания. К сожалению, я имел очень ограниченные возможности проверить свои предчувствия лабораторным порядком. Что такое взрыв? Я представляю себе технику этого явления так. Общая картина запущенного «дефективного» сознания не может быть определена в терминах одного какого-нибудь отдела жизни. И вообще, дефективность сознания — это, конечно, не техническая дефективность личности, это — дефективность каких-то социальных явлений, социальных отношений, одним словом, это прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества. Как эта дефективность отношений проектируется в самочувствии личности, разумеется, очень сложный вопрос, который здесь неуместно разрешать. Но в общем можно сказать, что это отражение в последнем счете принимает форму пониженного знания, пониженных представлений личности о человеческом обществе. Все это составляет очень глубокую, совершенно непроходимую толщу конфликтных соприкосновений личности и общества, которую почти невозможно раскопать эволюционно. Невозможно потому, что здесь две

стороны и обе стороны активные, следовательно, эволюция в сущности приводит к эволюции дефективной активности личности. Так это и бывает всегда, когда мы все надежды полагаем на эволюцию. Так как мы имеем дело всегда с отношением, так как именно отношение составляет истинный объект нашей педагогической работы, то перед нами всегда стоит двойной объект — личность и общество. Выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношения совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения. Но если отношение в самом начале уже дефективно, если оно в отправной точке уже испорчено, то всегда есть страшная опасность, что эволюционировать и развиваться будет именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, то-есть чем более активной стороной она является в общей картине конфликта. Единственным методом является в таком случае не оберегать это дефективное отношение, не позволять ему расти, а уничтожить его, взорвать. Взрывом я называю доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него. Последний предел, крайний конфликт, может выражаться в самых разнообразных формах: в формах решения коллектива, в формах коллективного гнева, осуждения, бойкота, отвращения, важно, чтобы все эти формы были выразительны, чтобы они создавали впечатление крайнего сопротивления общества. Вовсе не обязательно при этом, чтобы это были выражения всего коллектива или общих собраний. Вполне даже допустимо, чтобы это были выражения отдельных органов коллектива или даже уполномоченных лиц, если заранее известно, что они безоговорочно поддерживаются общественным мнением. Но чрезвычайно важно, чтобы эти выражения сопровождались проявлениями общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами. Выраженный в ярких, эмоционально насыщенных высказываниях решительный протест коллектива, неотступное его требование является тем самым «категорическим императивом», который так давно разыскивала идеалистическая философия.

Для меня в этой операции очень важным моментом является следующий: в составе коллектива никогда не бывает только одно дефективное отношение, их всегда бывает очень много, разных степеней конфликтности от близких к пределу противоречий до мелких трений и будничных отрывков [неразборчиво написано слово. — Ред.]. Было бы физически невозможным разрешить все эти конфликты, возиться с ними, изучать и доводить до взрывов. Конечно, в таком случае вся жизнь коллектива превратилась бы в сплошную трескотню, нервную горячку, и толку от этого было бы очень мало. Меньше всего коллектив нужно нервировать, колебать и утомлять. Но этого и не требуется. Я всегда выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самое его основание, коллективный протест делается такой мощ-

ной, такой все сметающей лавиной, что остаться в стороне от нее не может ни один человек. Обрушиваясь на голову одного лица, эта лавина захватывает очень многих компонентов других дефективных отношений. Эти компоненты в порядке детонации переживают одновременно собственные местные взрывы, гнев коллектива бьет и по ним, представляя их взору тот же образ полного разрыва с обществом, угрозу обособления, и перед ними ставит тот же «категорический императив». Уже потрясенные в самой сущности своих отношений к обществу, уже поставленные вплотную перед его силой, они не имеют, собственно говоря, никакого времени выбирать и решать, ибо они несутся в лавине, и лавина их несет без спроса о том, чего они хотят или чего не хотят. Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решить, они не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз копаться в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они, наконец, действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успеют обломки их взлететь на воздух, как на их место уже становятся новые образы, представления о могучей правоте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в коллективе, в его движении, первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы.

Тот же, кого в особенности имеет в виду весь взрывной момент, находится, конечно, в более тяжелом и опасном положении. Если большинство объектов взрывного влияния несется в лавине, если они имеют возможность пережить катастрофу внутри себя, главный объект стоит против лавины, его позиция действительно находится на «краю бездны», в которую он необходимо полетит при малейшем неловком движении. В этом обстоятельстве заключается формально-опасный момент всей взрывной операции, который должен оттолкнуть от нее всех сторонников эволюции. Но позиция этих сторонников не более удачна, чем позиция врача, отказывающегося от операции язвы желудка, в надежде на эволюцию болезни, ибо эволюция болезни есть смерть. Надо прямо сказать, что взрывной маневр — вещь очень болезненная и педагогически трудная...

ВОТ У ВАС РОДИЛСЯ РЕБЕНОК..

Вот у вас родился ребенок, допустим, девочка. Назвали вы ее Наташей. Пережили первые восторги и беспокойства: «младенческое», зубки, первые шаги и первые слова. Наигрались с Наташей, нарадовались, походили по магазинам, повозились с игрушками и бантиками. Вот Наташе пять лет, семь, десять, двенадцать...

В течение всего этого времени задумались ли вы хотя бы один раз над вопросом: какого человека вы хотите воспитать из вашей Наташи? Задумались? И не один раз?

В таком случае скажите, какого?

Почему же вы затрудняетесь ответом, больше помалкиваете и переглядываетесь с женой? Ведь оба вы коммунисты, казалось бы...

Да, вы хотите, чтобы ваша дочь выросла новым человеком, коммунистом, чтобы она была преданным большевиком... Чтобы она ненавидела эксплуатацию, была человеком образованным, знающим, квалифицированным...

Вы действительно хотите многого для вашей дочери. Какие же меры принимаются вами для того, чтобы все это было?

Нет, я не удовлетворен вашим ответом: я не склонен преувеличивать ваши заслуги...

Образование Наташе даст школа. Школа даст ей и квалификацию. Та же школа, комсомольская и пионерская организация дадут ей марксистское миросозерцание. Вы говорите, что Наташа активная пионерка. Прекрасно: ваша Наташа уже счастливый человек, все приносят ей, как новорожденной принцессе, богатые подарки: и школа, и комсомол, и пионеры. Кстати, а что вы подарили принцессе?

Нет, питание, одежду и игрушки пока отложим. Это тоже существенно, но все-таки отложим. Подумали ли вы хотя бы однажды о ее характере, о ее привычках, о ее натуре. Я уверен, что натуру можно воспитать, а это чрезвычайно важно. И характер, и привычки. Нет, вы ошибаетесь. Иногда так называемое миросозерцание и миропонимание может быть только словесное, а натура, характер, привычки будут старые. Не может быть?

Бывает. Вот обратите внимание: ваша дочь Наташа за обедом позвала:

— Даша!

Вошла Даша, ваша домработница, почти старушка, которой вы очень довольны и которая у вас живет и работает тринадцать лет. Вот этому самому человеку, вашему другу, как вы говорили, Наташа сказала несколько расслабленным и уставшим голосом:

— Даша, дайте соль, вы всегда забываете поставить соль...

Вы обратили внимание, как это капризно было сказано, сколько было барского высокомерия в лице и голосе вашей девчонки, из которой вы собираетесь воспитать коммунистку?

Вы не обратили на это внимания? А если бы в вашей столовой очутилось какое-нибудь такое «тургеневское» существо, нежное, голубокровное, позвонило бы в колокольчик и попросило бы горничную поднять носовой платок, вы обратили бы внимание?

Никакой нет разницы. Вы только потому не заметили ничего, что это ваша дочь. Ведь вы не заметили того, что Даша, не сходя с места, одной рукой отворила дверцу шкафа и через полсекунды другой рукой подала вашей барышне солонку.

И хотя ваша Наташа пионерка и, как вы говорите, будущая коммунистка, сегодня она вызвала у меня отвращение.

* * *

Наташа и ее родители живут в большом приволжском городе. Я иногда бываю там и у них останавливаюсь. Это очень хорошая большевистская семья, пользующаяся заслуженным уважением в

городе. Родители уделяют Наташе много любви и заботы, они с замиранием сердца следят за ее ростом и уверены, что из нее вырастет новый человек, полезный член общества.

И они не ошибаются: Наташа уже выросла, она в девятом классе, много читает, много знает, прекрасно разбирается в явлениях политической и общественной жизни.

Но я наблюдал Наташу в домашней обстановке и был ошеломлен и опечален тем тонким и глубоким цинизмом, который каким-то чудом родители воспитали в своей дочери.

Даже и по внешнему виду Наташа производит впечатление двойственной: у нее живые умные карие глазки, но они уже заплыли жидковатым жирком и иногда принимают то интеллектуально-сытое, чуточку умашенное выражение, которое бывало раньше у знаменитых присяжных поверенных. Лицо у Наташи настоящее юное, румяное, но и в румянце просвечивает непрочная розоватая излишне акварельная легкость, что-то такое комнатное или даже парниковое.

Наташа глубоко уверена, что она будет юристом.

Во время прогулки я спросил у Наташи:

— Все-таки... Почему вы допускаете, чтобы Даша чистила ваши ботинки, убирала утром вашу постель, даже мыла вашу зубную щетку? И я ни разу не слышал, чтобы вы ее поблагодарили.

Наташа удивленно подняла тонкие брови, глянула на меня уверенно иронически и засмеялась:

— Ой, какой вы старомодный, ужас! Для чего мне чистить ботинки, ну, скажите?

Я действительно потерялся: старая и новая «моды» вдруг закружились в такой стремительной паре, что и в самом деле трудно различить, где старая мода, а где новая. Я все же постарался оприветиться:

— Как для чего чистить ботинки? Для того, чтобы они были чистые, надеюсь...

— Вот чудак — сказала Наташа. — Так для этого же и есть домработница. А для чего домработница, по-вашему?

Я начинал нервничать:

— Собственно говоря, какое вы имеете отношение к домработнице? Какое? Какое право вы имеете на ее труд?

— Как «какое»? Она получает жалование. За что же она получает жалование, по-вашему?

— Ваши родители очень заняты, они много работают на большой общественной работе. Вполне заслуженно им помогает Даша. А вы причем? Чем вы заслужили эту помощь?

Наташа даже остановилась в изумлении и сказала мне целую речь:

— А я не работаю? Вы думаете, это легко учиться на отлично в девятом классе, и потом всякие нагрузки? И читать сколько нужно! Думаете, мало нужно читать? Если я хочу быть юристом, так я не должна читать, а должна чистить ботинки, да? А разве мне в жизни придется чистить ботинки или там застилать постели? Если бы я ничего не делала, другое дело, а то я целый день ра-

ботаю и так устаю, вы же не знаете! А что, мои родители не эа-служили, чтобы их дочь была юристом, что ли? По-вашему, все вместе: и учиться и ботинки чистить! А где разделение труда? Вот вы учитель, а другой для вас обед готовит. А почему вы сами не готовите себе обед, почему?

Правду нужно сказать, я даже опешил: в самом деле, почему я себе не готовлю обед? Железная логика!

Вечером Наташа лежала на широком диване и читала книжку. Мать вошла в комнату с чайным прибором.

— Наташа, я тебе принесла чаю.

Не отрываясь от книжки и даже не повернув головы к матери, Наташа сказала:

— Поставьте там.

— Тебе два или три куска?— спросила мать.

— Три,— ответила Наташа, перелистывая страницу и поднимая глаза к первой строчке.

Мать положила в стакан три куска и ушла. По дороге она поймала мой улыбающийся взгляд и отвернулась.

Я отвлекся от размышлений и сказал Наташе:

— Вы даже не поблагодарили мать. Даже не посмотрели на нее. Тоже разделение труда?

Наташа оторвалась от книжки и иронически прищурилась:

— Конечно, разделение: она — мать, а я — «ребенок». Она и должна обо мне заботиться. Что ж тут такого... Ей даже нравится.

— А я, после такого вашего... хамства, вылил бы чай в умы-вальник.

Наташа снова обратилась к книжке и сказала спокойно:

— Ну, что ж, подумаешь? Это было бы обыкновенное насилие... Это даже хуже хамства!

Еще полсекундочки она смотрела в книгу и прибавила:

— И хорошо, ...что я не ваша дочь.

На другой день утром я напал на родителей. И ботинки вспомнил, и зубную щетку, и чай. Отец спешил на работу, совал в портфель какие-то папки, искал какое-то письмо. Он пробурчал:

— Чорт его знает! У нас с этим действительно... что-то такое... не так. Некогда все, чорт его знает, из одного дня десять сделал бы. Побриться некогда!

Уже в дверях он обернулся к жене:

— А все-таки, Женя, с этим... действительно, подумать... чорт знает что! Нельзя же... понимаешь... барышня, понимаешь! Ох, опаздываю, чорт его знает!

Мать послала ему вдогонку сочувственную улыбку, потом посмотрела на меня внимательно, склонила на бок голову, поджала губы:

— Вы преувеличиваете. Это не так страшно. Наташа много работает, устает страшно. И потом... везде ведь так. Раз есть домработница, что ж...

Я вскочил в гнев:

— Как везде?! Везде вот такое открытое циничное барство? Рассказать вам, как в настоящей советской семье? Вы разве не видели?

О, нет, вопрос о домработнице, конечно, не отдельный вопрос. Этот вопрос бьет прежде всего по родителям и в особенности по матери. Именно матери убеждены, что это не так страшно, и матери потом горько расплачиваются за свою смелость. Это происходит потому, что в своей мысли родители не сильно шагают за горизонты сегодняшнего дня, что они не хотят ближе рассмотреть печальные уроки прошлого и сияющие перспективы будущего.

Великий здравый смысл нашей жизни должен быть здравым смыслом не житейского обихода, не здравым смыслом сегодняшнего дня, а регулятором и мерилем большой жизненной философии. «Довлеет дневи злоба его» — не наш лозунг. Все злобы, над чем бы они ни «довлели», над судьбой ли забытых детей, или над страдой матери,— одинаково нам противны. Работа и жизнь наших матерей должна направляться большим устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам счастливых прекрасных людей, и сами будут счастливы до конца.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

«ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ТРУДНОГО ДЕТСТВА»

1. В докладе вопрос будет разбираться исключительно по данным опыта колонии им. Горького. Трудность ребенка будет рассматриваться без всякого отношения к биологическим дефектам. В колонии им. Горького прошло более 700 детей, трудность которых более или менее установлена.

2. Типология трудного детства неудовлетворительна. Последние предложения Залкинда и Бельского при частом их остроумии мало пригодны для практической работы.

3. Вообще классификация возможна только после предварительного массового наблюдения и записи. В колонии мы наблюдали более 200 случаев действительно трудных.

4. Бельский сводит этически дефективных к учению Петражицкого. Вернее было бы взять за основание не этическую, а правовую эмоцию, ибо как раз в области правовых отношений проходит как содержание нашей работы, так и наши цели воспитания. Оставляя в стороне эмоции Петражицкого, можно все же обратить особенное внимание на правовую сферу.

5. Под таким углом мы склонны отрицать самое понятие дефективности в среде личности, а остановиться на дефективном отношении между личностью и обществом. Дефективность отношения заключается в отношении отпора борьбы за существование * как в сторону повышения, так и в сторону понижения тона. В итоге конфликт заключается в нарушении общественной дисциплины.

6. Причины конфликтов всегда лежат в обществе, но причины представляются относящимися к личности, поскольку общество не склонно ревизовать свои требования. Поэтому обычно дефектив-

* Так в авторской машинописи (Ред.).

ность выражается в мотивации, принимая под мотивацией общую картину побуждений (картину рефлексов).

7. Дефективные отношения проявляются в трех главных областях:

1. Мотивация присвоения: Непосредственное присвоение. Нужды. Попрошайничество. Посредственное присвоение.
2. Мотивация преобладания: Неорганизованное преобладание. Организованное преобладание.
3. Мотивация обособления: Мотивация первоначального эгоизма. Мотивация свободы личности. Мотивация эстетическая.

8. Задача воспитателя — восстановление нормального отношения между личностью и обществом. Возбуждение новой системы мотивации (рефлексов). Специальные условия детской коммуны позволяют (решать) положительные задачи уже не правового, а этического воспитания.

9. Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Все они должны как можно дальше стоять как от внешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы.

10. Реальная логика колонии — это логика хозяйства. Труд определяется хозяйством, которое должно отличаться развитием, мощностью, прибыльностью, веселым тоном.

11. Труд определяется хозяйством — знание, точность, учет, умение, хватка, план, отчет, ответственность. Квалификация не имеет существенного значения. Логика материала и инструмента.

12. Логика хозяйства и логика труда вместе дают железную логику коммуны. Она требует быстрого экономного совещания, короткого приказа и короткого исполнения. Но они же требуют и организации защиты личности.

13. Дисциплина опирается на волю и интерес коммуны. И отсюда право коммуны карать.

14. Проблема наказания: наказание должно разрешать конфликт. Отдельные формы: восстановление дисциплины, демонстрация силы коммуны, максимы обособления, выбрасывание из коллектива.

15. Наказание имеет в виду коллектив, а не личность. Демонстрация стихии коммунальной силы, создающая не только напряжение, но и покой.

16. Значение романтики. Огромное значение символов и игры. Пафос и гордость.

17. Необходимость здорового и красивого выхода из колонии.

18. Возможны большие достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических.

ПРОЕКТ
ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА
ХАРЬКОВСКОГО ОКРУГА (1927 г.)

1

Трудкорпус составляют все детские учреждения интернатного типа, получающие средства как по бюджетам Окрисполкома, так и Окрпомдета.

2

Своей целью трудкорпус ставит воспитание здорового, трудоспособного, дисциплинированного и политически-грамотного гражданина Советского Союза.

3

Каждое отдельное учреждение трудкорпуса организуется по системе колонии им. М. Горького, а именно (в главных чертах):

а) Все воспитанники делятся на производственные отряды, с общей нумерацией по всему корпусу.

б) Во главе каждого отряда стоит командир, назначаемый советом командиров.

в) Совет командиров является главным органом управления детучреждением.

г) Педагогически ответственным руководителем совета командиров является заведующий учреждением, кроме того ему принадлежит исполнительная власть и право наказания.

д) Хозяйственная работа каждого детколлектива организуется на началах единоличной ответственности командиров или отдельных воспитанников, которым поручается та или иная хозяйственная отрасль.

е) Педперсонал, кроме школьной работы, участвует во всех решительно функциях детколлектива, в том числе и в физическом труде.

4

Все детские учреждения округа переименовываются в колонии и нумеруются по корпусу.

5

Во главе трудкорпуса стоит начальник корпуса, назначаемый ОкрИНО, и его помощник, также назначаемый ОкрИНО по согласованию с начтрудкорпуса.

6

При начальнике корпуса может быть организовано управление трудкорпусом в таком составе:

Начальник корпуса

Помощник нач. корпуса

Заведующий производственной частью
Заведующий школьной частью
Политруководитель
Педагог для поручений
Заведующий общей частью
Бухгалтер
Секретарь съезда секретарей советов командиров.

7

Один раз в месяц собирается Корпусный Совет, в состав которого входят все секретари советов командиров. Собирается он под председательством начальника корпуса, и в него входят все должностные лица, перечисленные в п. 6.

8

Корпусный Совет рассматривает и утверждает план работы на месяц и более длительные периоды, выслушивает отчеты начкорпуса, заведующих отдельными частями, завколов и ССК отдельных колоний, распределяет средства, перераспределяет помещения, личный состав и движимое имущество.

9

Секретарь Корпусного Совета (СКС) избирается корпусным советом на неопределенное время и принимает постоянное участие в работе КУ.

10

Реализация постановлений КС и вообще управление ТК осуществляется приказами по трудкорпусу (обязательными на каждый месяц) и личными указаниями начкорпуса и отдельных членов управления.

11

Помощник начальника трудкорпуса принимает участие во всех случаях действия корпусного управления и кроме того является главным контролером работы по трудкорпусу.

12

Заведующий общей частью руководит всеми операциями по заготовкам предметов потребления и ведет общий учет всему инвентарю корпуса.

13

Педагог для поручений является главным инструктором организационно-отрядной части и внутреннего быта всех колоний.

Бухгалтерский учет ведется только по целому корпусу, а в отдельных колониях ведутся только кассовые книги.

Все средства, какие поступают в распоряжение КУ от ОкрИК'а или ОкрПД* или других органов выдаются под ответственность начальника корпуса без разделения по §§ и ст. ст. равными месячными долями, а при возможности и квартальными долями и вносятся на текущий счет ТК в один из банков города Харькова.

Общая сумма выдаваемых корпусу средств определяется без представления смет, на 1927—28 год по контрольной цифре на одного воспитанника, определяемой Окрисполкомом, а в последующие годы по представлении докладных записок о необходимости изменения контрольной цифры в ту или другую сторону.

Денежные суммы завколам выдаются или переводятся на каждый месяц в размерах, устанавливаемых Корпусным Советом под личную ответственность завколов в порядке авансов на один месяц.

Общая сумма ассигнований по контрольной цифре предполагает обслуживание всех решительно нужд ТК, в том числе и борьбу с беспризорностью, помощь выпущенникам, стипендии и т. п.

В согласии с этим все операции ОкрПД и других учреждений могут иметь только один смысл: добывание средств для передачи их корпусу.

Организации ДД* в своей помощи не должны обращаться к отдельным колониям, а иметь дело только с корпусным управлением.

Из всех учреждений корпуса выделяются три колонии специального назначения.

а) Первичная колония, принимающая детей с улицы или Комиссии по делам несовершеннолетних и подготовляющая их для отправки в другие колонии.

б) Выпускающая колония, из которой дети или подростки отправляются на производство или учебные заведения.

в) Реформаториум, в который помещаются дети, нуждающиеся в принудительном воспитании. Из реформаториума дети вновь по-

* Окр. ПД — «Окрпомдет» — Окружная комиссия по улучшению жизни детей; ДД — Добровольное общество «Друг детей».

ступают в первичную колонию и в исключительных только случаях в обычную колонию.

22

Сверх того ТК может организовать коммуно-жилком для бывших воспитанников, работающих на производстве.

23

Детское население ТК определяется точно до одного воспитанника, и только по мере выпуска закончивших воспитание КУ набирает новых воспитанников.

24

Подбор беспризорных с улицы, сопровождение несовершеннолетних и вообще обслуживание комиссии по делам несовершеннолетних поручается исключительно ТК, который может для этой цели организовать собственную детскую милицию, на обязанность которой возлагается и наблюдение за жизнью патронируемых подростков.

25

Хозяйственные права КУ определяются следующим образом: КУ имеет право открывать производственные и торговые предприятия, организовывать артели и коммуны, перебрасывать отдельные предприятия из колонии в колонию, подписывать векселя и кредитоваться в банках и торговых фирмах, арендовать имущество и продавать его.

26

Весь персонал ТК приглашается начкорпуса и назначается приказом по корпусу. Права сотрудников корпуса определяются существующими коллективными договорами, но жалованье каждому сотруднику устанавливается индивидуальным договором в каждом отдельном случае.

27

ТК не имеет твердых штатов. Штат каждой колонии и КУ корпуса определяется КУ на год вперед и изменяется в случае нужды.

28

Увольнение сотрудников и перевод их из одной колонии в другую совершается распоряжением начальника корпуса.

29

Надзор за работой ТК лежит на ИНО, которое во всех случаях проводит его через КУ. Переписка между ОкрИНО и отдельными колониями не должна иметь места. Доклады отдельных сотрудников ТК и завколов непосредственно перед ОкрИНО могут происходить только с разрешения начкорпуса.

30

Настоящее положение вступает в силу с 1 октября 1927 года.

ПИСЬМО
ЗАВЕДУЩЕМУ ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО
ВОСПИТАНИЯ НКП УССР

Я очень благодарен Вам за внимание, которое Вы оказали мне, приехав в колонию 11 июля. Наша беседа помогла и мне окончательно выяснить то, что от меня требуется и как мне нужно поступить. Независимо от того, какие меры могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. Я считаю и теперь, что в колонии им. М. Горького настоящий советский соцвос, основными моментами которого являются:

1. Организация первичных коллективов по производственному принципу.

2. Самоуправление, основанное не только на выборности, но и на назначении. К этому приводит наличие серьезно-делового трудового процесса, в котором должны принять участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы.

3. Это сложное выборно-назначенное самоуправление (назначенное не заведующим, а органом самоуправления) должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых (как в Ахтырке), а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: по линии действия коллективного органа и по линии действия, в качестве уполномоченных этого органа, отдельных организаторов-колонистов на пространстве первичного коллектива (командир).

4. Воспитание не только трудовых, но и организационных навыков, для чего все работы, не требующие специальной инструментальной квалификации, исполняются временными отрядами с временными командирами, меняющимися как можно чаще (система сводных отрядов).

5. Открытое признание права коллектива как общего, так и первичного, на принуждение, а как следствие этого, существование института наказаний. Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания.

6. Дисциплина, основанная на принуждении от имени коллектива, в то же время должна быть связана с уважением к воспитанику и к его работе. Это уважение должно быть проявляемо на каждом шагу и заключаться не только в явлениях личной вежливости, но и в создании специальных форм внутриколлективных отношений (особые формы назначения на работу, отчета и контроля, специальные выражения доверия и уполномочия).

7. Я считаю совершенно необходимым организационные оформления эстетического порядка, подчеркивающие значение общеколлективных движений, то, что по отношению к колонии им. Горького почему-то называется военизацией (салют, знамена, оркестр).

8. В работе самоуправления и всего коллектива мы опираемся на комсомол, как это естественно вытекает из более взрослого среднего возраста. Политическое воспитание (именно воспитание, а не политическое образование) заключается в организации постоян-

ных связей между колонией и окружающим миром. Эту связь можно представить в виде двух путей; связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительными и распределительными организациями.

9. Воспитание классового чувства я представляю себе исключительно как результат приведенных выше начальных моментов. Жизнь детской коммуны, пропитанная движениями хозяина и рабочего и освещенная экономической связью с производственной жизнью республики, и является единственным путем к воспитанию сознательного члена рабочего общества.

10. Переходная ступень преданности своему коллективу не вредна, если коллектив не обособлен в своем успехе и в своей стройности. Выпяченная гордость «горьковцев» имеет нездоровый вид только потому, что по крепости своей организации колония не имела сколько-нибудь заметных конкурентов между другими колониями. Но уже моявление коммуны Дзержинского, построенной по тому же плану и живущей с горьковцами в постоянном дружном общении, много внесло интересного и нового в жизнь колонии. За полгода одних общеколлективных визитов было около десяти, кроме того, чисто деловая связь между колониями проявляется почти ежедневно. Наблюдение многих деталей этой связи приводит меня к глубокому убеждению, что все детские колонии могут переживать гордость своей организацией на фоне общего развития. Я на это и рассчитывал в своем проекте «Трудового детского корпуса».

Все перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии им. М. Горького осуществлен настоящий советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом:

Все это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. Я понимаю, что в дальнейшем будет поставлен вопрос о снятии меня и в коммуне Дзержинского, находящейся в таком же цветущем состоянии, как и колония Горького. Все же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания.

А. Макаренко.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧЛЕНУ ПРАВЛЕНИЯ КОММУНЫ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Я Вас прошу считать этот доклад попыткой изложить мои взгляды человеку, который не хочет ограничиваться по отношению ко мне одним нажимом. Я сильно и глубоко убежден, что моя педагогическая работа всегда была и есть настоящая советская работа. Я при этом совершенно не склонен падать ниц перед многими утверждениями и положениями так называемой соцвосовской педагогики только потому, что они высказаны от имени советской доктрины.

Я позволяю себе затруднить Ваше внимание некоторыми общими педагогическими соображениями.

Я убежден (я так себе представляю, что я это ясно вижу, у меня никаких сомнений нет), что такая «педагогика» на самом деле есть в значительной мере безответственная выдумка интеллигентщины. К этому я приходил очень медленно, и сам в двадцатом году начинал работу, будучи убежденным ее сторонником. В настоящее время я не только в своем опыте нашел много доказательств правильности моих сомнений, но уже могу наблюдать, как и советское общество и в особенности партийная мысль начали разбираться в непроходимом клубке предрассудков, созданных педагогическими писателями и писаками...

Плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к советской власти, ни просто к здравому смыслу...

Отдельные интеллигентско-российские идеи настолько живучи, ...что сейчас многие люди, вопреки и фактам и действительной логике нашего развития, продолжают верить в смасительность большинства соцвосовских средств и продолжают настойчиво рекомендовать их употребление.

Интеллигентская педагогика как раз и характеризуется совершенно тупой верой в действительность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений. Так, например, среди интеллигентщины искони была вера в полезность и высокую моральную ценность бесплатного труда, в помощь бедному, в милостыню, в непротивление «злому», в спасительность душевных разговоров, в какое-то особенное значение «любимого» учителя, в сверхъестественное значение интереса и в так называемую «доминанту»...

Я с 1920 года организовал и заведывал колонией имени Горького сначала в Полтаве, затем под Харьковом, сделал ее известной всей Украине и РСФСР, а в значительной мере и за границей, результаты моей работы и работы подобранного педагогического коллектива были по меньшей мере удовлетворительны, и все-таки это не мешало в течение всех восьми лет порочить меня и нашу работу разным совершенно бездельным людям, которые занимались исключительно тем, что выигрывали на высказывании разных похвальных взглядов и педагогических премудростей.

Окончилось все это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения. Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблонные патентованные средства, и в последнем счете сейчас эта колония стоит на границе развала и безусловно через год или полтора будет расформирована.

Вся эта поучительная история имеет только потому значение, что я никогда не подыгрывался под педагогическую интеллигентщину и всегда открыто высказывался против нее и настойчиво и упорно проводил систему организации, с моей точки зрения более соответствующую нашей нужде и нашему идеологическому кредо.

Очень многое из того, что было мною сделано в области метода

и что было мишенью для возмущения и травли, потом в общесоветском масштабе было проведено как положительное средство.

К примеру могу указать на некоторые элементы военизационной игры, которые я предлагал еще с двадцатого года и за которые получал названия Аракчеева, жандарма и пр. Как известно, элементы такой игры даже в большей степени были введены в практику пионерработы, а в настоящее время признаются желательными в детских домах.

В педагогической области чиновники боятся каждого нового живого слова и, как только оно кем-нибудь сказано, начинают крыть его при помощи различных рацей, введенных в употребление безответственными педагогическими мудрецами...

В коммуну ГПУ я переходил с радостным ощущением того необходимого простора, который я буду иметь в области создания нового советского воспитательного метода. И действительно, у нас в коммуне мне такой простор предоставлен, и только поэтому наша коммуна может претендовать на одно из первых мест в Союзе. Но и здесь, в коммуне, на каждом шагу на дороге становится все та же логика «педагогической теории», сделавшаяся почему-то достоянием буквально каждого охочего человека.

Я меньше всего хочу сказать, что вот мне одному известны секреты работы, больше их никто не знает и поэтому никто не имеет права рассуждать о моей работе. Я только один из многих людей, находящих новые советские пути воспитания, и я, как и все остальные, собственно говоря, стоим еще в начале дороги. О нашей работе обязательно нужно высказывать суждение, иначе мы обязательно заблудимся. Но это высказывание ни в каком случае не должно принимать характера навязывания методов и средств, которые только «кажутся» хорошими и революционными, кажутся потому, что наскоро и совершенно по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий, а еще чаще даже не понятий, а слов и терминов. Например, сколько совсем пустых слов наговорено вокруг так называемой общественно-полезной работы детей. Только потому, что в словах «общественно-полезная работа» содержатся признаки положительного содержания, только поэтому с детскими коллективами производят манипуляции, которые ведут прямым путем к развалу коллектива и к полной неудаче воспитания.

Нисколько не претендуя на звание великого изобретателя, я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу.

Сейчас же получается такая картина: плох там я или хорош, но я работаю с беспризорными больше десяти лет. За это время я ни одного дня не болел и никогда не был в отпуску. Мой рабочий день не меньше 15 часов. Это — больше 50.000 рабочих часов работы непосредственно в детском коллективе. Я уже не считаю моей работы дореволюционной, которая тоже дала мне некоторый опыт, так как мне посчастливилось все время работать в рабочей школе. Работа моя была все время более или менее успешной. За это время, представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобрел навыков почти механических. За это время я научился очень многому, и сейчас я

отдаю это до конца искренно и воодушевленно советскому воспитанию.

Представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий, разумеется, просто неграмотно. Сказать, что вот в этом случае нужно поступить обязательно так, а в этом иначе, просто будет безобразием. Товарищ Б-н, например, без возмущения не может говорить о том, как это можно вычестить из зарплаты коммунара стоимость разбитой чашки — 15 копеек. И он глупо убежден в том, что он орудует с методической логикой, что взять из зарплаты вообще всегда недопустимо. Совершенно понятно, что вся его логика строится на некотором представлении некоторого идеала: ребенок, деньги, насилие. Разве может советская педагогика базироваться на таком идеальничанье, ведь это в идеологическом и методическом смысле позорно. Все подобные соображения идут от очень стареньких интеллигентско-буржуазных философских положений о свободе личности, от индивидуалистических убеждений в том, что ребенок безответственен, просто от положений дамского доброго сердца. А чаще всего они идут от случайно пришедшей в голову мысли, что так «дескать» нужно и так будет хорошо.

Вы должны войти в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывающегося ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытой. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня и коллектив воспитателей, потому что амортизация педагогического коллектива — самое ответственное дело, какое у нас есть, и вообще к этому вопросу нужно относиться чрезвычайно осторожно.

Кроме этих трех главных целей, в каждой операции присутствуют еще и второстепенные: сохранение материальных ценностей, удешевление воспитательного процесса, влияние на окружающую среду, доброе имя учреждения.

Конечно, идеально проведенной операцией будет считаться только такая, при которой все указанные цели достигаются в наиболее оптимальном виде. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того, чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить колоссальное напряжение. В таком случае задача требует от меня прямо какой-то сверхъестественной изворотливости и мудрости, требует широкого развертывания приема и иногда сложной игры с детским коллективом, настоящей сценической игры.

Если уж Вы пошли на то, чтобы истратить на чтение моего письма изрядное количество времени, то разрешите проанализировать случай с Ге-чем.

Кражи, подобные кражам Ге-ча, имеют особенное значение в жизни детского коллектива, и при этом очень сложное. Ге-ч мальчик очень гнилой. Тов. Б-н представил его как продукт несчастного влияния. На самом деле это не так. Ге-ч очень развит, умен, циничен, нахален, своекорыстен, смел и, самое главное, имеет возмутительный моральный опыт: он никого не уважает и ничего не уважает. Это представитель редкого типа, который я называю типом неоправданного действия! Такие люди ставят себя против общества совершенно сознательно, не пытаясь никакими признаками логики как-нибудь оправдать свою позицию.

Я знаю происхождение такого типа и знаю, что перевоспитание их дается очень тяжело. Оно вообще возможно только в том случае, если перед такими людьми поставлена сильная воля, которая на них регулярно давит, которая приучает их к сопротивлению общества. Манипуляции с убеждением приносят только вред, ибо только дают простор для упражнений в циничной логике, что же касается «влияния доброго сердца», то они производят прямо противоположный эффект по отношению к ожидаемому.

Ге-ч крал в коммуне регулярно. Удалось выяснить только кражу двух шинелей и часов, но с уверенностью можно сказать, что целый цикл краж, прошедший по коммуне в течение полутора месяцев, не обошелся без Ге-ча. В детском коллективе кражи эти страшны меньше всего благодаря своему материальному эффекту. Пропадают вещи, в коллективе бродят подозрительные соображения по адресу очень многих коммунаров, говорятся укоряющие и обвиняющие речи, заводятся ссоры, создаются целые стихии ненужных разговоров.

Когда обнаружился совершенно неожиданно виновник краж, общее негодование против него явилось естественной реакцией. Это негодование, конечно, не должно было определять характера мер против Ге-ча, но такую или иную уступку общественному мнению нужно было все-таки сделать. Нужно было вообще сделать так, чтобы воспитательное влияние всей этой истории на весь коллектив было наибольшим. С такой точки зрения истории, подобные кражам Ге-ча, бывают сплошь и рядом весьма полезными толчками в развитии всего коллектива, и если бы подобных историй не было, общий воспитательный процесс мог бы получаться более замедленным. Коллектив выковывается на явлениях, имеющих общественное значение, хотя бы даже и на таких, как кража. Это моложение представляется, разумеется, парадоксальным и, пожалуй, может послужить темой для шуток. Однако, тем не менее оно остается справедливым в такой степени, в какой здесь говорится о пользе для коллектива предпочтительно перед пользой для отдельной личности. Во всяком случае, гневное напряжение нашего коллектива, вызванное кражами, нужно было переключить в полезные комплексы переживаний для наибольшего числа членов коллектива.

Независимо от этого, отдельной задачей стоял вопрос о судьбе самого Ге-ча и о наиболее полезном влиянии наших мероприятий по отношению к нему. Я принужден был в этом вопросе не считаться, конечно, со своим представлением о Ге-че как о мальчике тяжелом и открыто поставленном против коллектива. Если бы я ударился в сторону наименьшего сопротивления, мне как раз не нужно было обращаться к совету командиров, а нужно было со-

братъ Педсовет, который по всем правилам педагогической науки мог бы определить возможность для Ге-ча оставаться в коммуне, явно для него мало приспособленной как тип учреждения. Ибо по педагогическим правилам для Ге-ча нужно учреждение с более суровым режимом.

Я обратился в Совет командиров и потому, что мне нужен был выход для коммунарского гнева, и потому, что только в таком случае можно было рассчитывать на оставление Ге-ча в коммуне. Первое постановление Совета командиров меня совершенно удовлетворило, так как после такого сурового постановления, с одной стороны, разрешались многие комплексы настроений в коммуне, с другой стороны, Ге-ч вводился в сферу осуждения детколлектива, и можно было рассчитывать после недолгого остывания на амнистию по отношению к Ге-чу.

Такая конъюнктура с моей точки зрения была одинаково полезна и для коллектива и для Ге-ча. Коллектив переживал свою «мощь», переживал волну негодования против кражи, должен был пережить и настроение снисхождения и ответственности за самого Ге-ча, все то, что для меня было как раз нужно во всех отношениях. Ге-ч же, так открыто поставивший себя против коллектива и так же нахально и пренебрежительно державшийся на Совете командиров, должен был испытать и ту же силу коллектива, и его негодование, и его амнистию. Таким образом, по моему плану, достигались обе цели. Подобные операции для меня были далеко не новыми. В моей практике, в особенности по колонии Горького, их было много приблизительно такого типа (с индивидуальными отклонениями в ту или другую сторону). При помощи таких приемов создается тот бодрый и дружный тон коллектива, который отличает и нашу коммуну и отличал колонию Горького и который пока что является нашим главным достижением.

И вот в такую сферу моих намерений вдруг вплетаются мысли и приемы, направленные исключительно представлениями о правах человека и гражданина, представлениями, разумеется, идеалистическими, никакого отношения не имеющими к педагогической технике. Тов. Б-н приехал в коммуну как защитник угнетаемого Ге-ча от коммунаров и этим сбил меня со всех позиций. Коммунары остались в положении виноватых, Ге-ч в положении несчастного страдальца, которого коммунары хотели незаслуженно выгнать, и только защита члена Правления позволила ему остаться. Его оставление в коммуне и в глазах коммунаров и в глазах самого Ге-ча не было актом коммуны, и даже не было суждения о Ге-че, а было суждение о неправильном постановлении Совета командиров.

Этот случай сам по себе незначителен. Никаких особенных бед у нас не произошло, несмотря на то, что мой план не был проведен. Хуже всего вышло для Ге-ча: он остался в коммуне на прежней позиции аморального стояния против коллектива и на этой позиции его укрепил приезд товарища Б-н, коллектив пережил неясную напряженность действия, а тов. Б-н попал в положение, невыгодное для члена Правления, — положение неожиданного тормоза.

Я этот случай разобрал только для того, чтобы характеризовать возможность ненужного и логически чуждого советской педагогике вмешательства случайных соображений и коротких формул.

Таких примеров можно из моей практики привести очень много,

даже из практики коммуны имени Дзержинского, в которой, как я говорил, мне предоставлен все же исключительный простор для педагогического действия по сравнению с другими детскими домами. И в коммуне Дзержинского не менее половины моей энергии уходит на преодоление ненужных трений и сопротивлений со стороны случайных мыслей и случайных формул.

И благодаря этому в работе нашей коммуны мы никак не можем достигнуть того, на что мы в самом деле способны. Это очень печально: мы не можем достигнуть наибольших успехов только потому, что все к этому успеху стремимся и все его жаждем. Но в нашей работе нет цельности системы и нет доверия к одному ответственному лицу, и, не будем греха таить, мы еще не освободились от педагогических предрассудков, раздирающих на части детские дома наробразовского соцвса.

Очень много соображений, высказанных выше, нужно было бы, конечно, развить и сделать достоянием всех практических работников, но у меня для этого нет времени.

Но я буду себя считать положительно счастливым, если этот мой доклад хоть в небольшой степени позволит мне познакомить Вас с некоторыми моими планами и мыслями, если благодаря этому Вы меня поддержите своим доверием и позволите произвести последние усилия в нашем опыте.

Те общие положения об условиях работы, которые описаны выше, касаются решительно всех областей работы, комкают всю нашу систему целиком и не позволяют нашей коммуне приобрести настоящее четкое лицо.

Я позволю себе в следующем изложении коснуться некоторых проблем, которые, по моему мнению, должны быть разрешены в скором времени и которые отчасти затрагивались на Правлении.

Общий вид коммуны

В наших условиях это тоже проблема. Как-то так получается, что общее представление о коммуне сложилось у многих почему-то неблагоприятное. Можно, пожалуй, доказывать, что раз такое представление сложилось, значит, что-то в самом существе коммуны организовано неверно, нужно это неверное искать и искоренить.

Никогда, ни одной минутки я не представлял себе, что перед этим общим представлением нужно обязательно преклониться.

Я затрудняюсь назвать ту тенденцию, которая приводит к подобным представлениям о нас, но я ее очень хорошо понимаю. Она ясна и показывает свое существо на каждом шагу. Откуда-то в нашем обществе взялось чисто романтическое отношение к идее детского дома, честное слово, недалеко ушедшее от темы о рождественском мальчике.

Если в коммуне более или менее счастливо живет полтора года ребят, если они получили от общества чистые постели и хороший дом, это кажется каким-то прорывом. Необходимо обязательно, чтобы эти дети были обязательно изъяты из приютов разврата и преступления, чтобы они предварительно немножко порезались финками. Во-вторых, необходимо, чтобы они жили в условиях перво-

бытной бедности, чтобы в коммуне не было паркета и хорошей мебели, чтобы таким путем они приучались к какой-то специально для них назначенной жизни. Сколько раз мне приходилось слышать упрек по моему адресу, заключающийся в том, что большинство наших детей не было на улице. Уличный стаж в данном случае требуется тоже в порядке романтической настроенности. Как это так? Мальчик не прожил на улице и месяца, а имеет дерзость воспитываться в нашей коммуне и этим самым лишает нас необходимых лавров, лишает нас возможности вокруг нашей работы иметь беспризорно-лирический ореол?

Многие идут еще дальше: ни разу не побывавши в коммуне и видев ребят только в клубе ГПУ на каком-нибудь празднике в чистом и хорошо сшитом платье, они все-таки довольно громко утверждают, что наши коммунары паньчи, белоручки, барчата. Само собою, они убеждены, что наши ребята страшно легкие, и их даже не нужно воспитывать, никакого труда не стоит с ними возиться, все это замечательно хорошие дети.

Ко всему этому присоединяется откуда-то идущее в нашу работу противопоставление нашей коммуны Прилуцкой, которая рисуется в самых радужных красках: и ребята там преступные, и живут проще наших, в Харьков приезжают в более или менее неуклюжей одежде, все не только были на улице, но побывали некоторые и в Соловках, а в то же время они все страшные труженики, и из них обязательно вырастут настоящие цветы беспризорного воспитания.

Я в Прилуках не был, но были не один раз мои помощники и коммунары, несколько раз были у меня воспитанники прилучане и очень искренно делились со мной своими жизненными впечатлениями. И поэтому романтические одежды Прилуцкой коммуны для меня мало действительны. По крайней мере до весны 30 года положение в Прилуках было таково, что о педагогических лаврах говорить было, пожалуй, преждевременно. Как теперь, не знаю, но знаю, что упорядочение детского коллектива дело очень сложное и довольно длительное. Кстати сказать, я решительно не верю утверждению, что из Прилуцкой коммуны за год убежало только сорок человек. У меня почему-то другие сведения.

Между прочим, я считаю педагогическим безобразием вот то культивирование отрывки прошлого, которое практикуется как в московских коммунах ГПУ, так и в Прилуцкой коммуне. Сколько я ни видел воспитанников той и другой коммуны, все они носятся со своим прошлым и кокетничают им без отдыха. В торжественных речах они обязательно скажут: вот мы были преступниками, ворами, бандитами, а вот из нас делают людей. Их руководители совершенно зачарованы этим самым прошлым и на каждом шагу о нем говорят и воспитанникам, и посетителям, и в литературе. Недавнее письмо ко мне воспитанников Болшевской коммуны с предложением организовать сборник произведений бывших беспризорных тоже говорит, что у них есть много материала, но все это материал из прошлого, преступного прошлого детей.

Прежде всего это бесчеловечно по отношению к ребятам. Что это за воспитание, которое берет такую дорогую плату с ребят: мы вас воспитываем, но помните, такие сякие, какие вы были скверные и какими становитесь под нашими руками. Во-вторых, это

в последнем счете технически просто безграмотно: зачем тратить человеческую энергию, в данном случае ребяческую, на все эти ненужные переживания, зачем лишать человека той свободы развития, которую на самом деле хочет предоставить ему Советская власть, зачем делать из мальчика надорванное существо, всегда сознающее свою ограниченную человеческую ценность? И именно благодаря этой работе, в таких случаях никогда не может получиться сколь-нибудь интересных результатов — продукты работы в лучшем случае будут только средними по ценности.

Идеологически это тоже безобразно. Мы давно отказались от представления о прирожденной преступности, и гордиться, что мы из преступника сделали человека, значит именно утверждать, что мы что-то в нем переделали. Этим гордиться не нужно. Само собой понятно, что одна перемена условий жизни подростка уже и значит, что он перестает быть преступником. Вся эта возня с прошлым воспитанника имеет целью показать в увеличенном виде так называемые достижения и оправдать некоторые недочеты в общем тоне коллектива и в его жизни.

Для того, чтобы успешно состязаться с Прилукской коммуной, мне нужно было бы тоже стать на такую же линию. Поверьте, что это сделать было бы совсем не трудно.

Но мы практикуем другую установку: в нашей коммуне никто никогда не вспоминает своего прошлого, в педколлективе положительно запрещено его касаться как в разговорах, так и в официальных вопросах. Мы совершенно сознательно отказались от всякого учета и всякой регистрации преступных элементов прошлого, и благодаря всему этому, оно у нас уничтожено до конца. Его просто нет.

Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И я этим горжусь. Я горжусь тем, что в коммуне никогда не произносится слово «беспризорный», и коммунары считают его обидным словом.

Значит ли это, что у наших воспитанников нет прошлого и что они так легки для воспитания?

Для красоты слова еще можно в литературном произведении раскрашивать детские преступления яркими красками.. Но зачем это делать перед такими реальными людьми, как Вы или, скажем, я? Зачем выдумывать легенды о поголовной преступности нашего беспризорного детства и его трудности? Ведь это значит как раз играть в тон тем западноевропейским болтунам, которые нашу беспризорницу тоже раскрашивают.

«Ужасы» нашей беспризорницы почему-то преувеличивают именно у нас. Не могу понять, для чего это делается.

Прилукская коммуна существует два года. Когда не было этой коммуны, кто воспитывал этих «ужасно преступных» детей? Как же тогда обходились без Прилукской коммуны?

Я восемь лет заведывал колонией имени Горького, специальной колонией для правонарушителей. В этой колонии собирался, собственно говоря, гораздо более трудный элемент, чем в Прилуках, потому что туда мог быть прислан только мальчик, на самом деле совершивший преступление, удостоверенное судебным актом.

И все-таки я скажу: ничего ужасного там не было, все же это были нормальные люди, с которыми работать было трудно по при-

чинам, пожалуй, от них менее всего зависящим, а зависящим исключительно от Наробраза.

И при таких условиях, да еще в условиях большой бедности, процент действительно тяжелых запущенных ребят едва ли был больше пяти.

И в Прилуках собрано обычное наше беспризорное общество: конечно, запущенное, конечно, состоящее из людей, усвоивших навыки и украсть, и нахальничать, и хулиганить. Но привести это общество в порядок при известном труде далеко не так сложно, как это рисуется. Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники беспризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива.

Наши ребята, побывавшие в Прилуках, также и наши педагоги, все говорят в один голос: ребята там хорошие. И это верно, в этом нет никакого сомнения. Я и сам видел этих ребят и говорил с ними. Такие же ребята и у нас. Откуда это взяли, что у нас ребята более легкие, чем, скажем, в Прилуках? Ведь такие точно дети собраны в других детских колониях (Буды, Валки, Волчанск).

Во всяком случае, у нас более сорока переведенных из колонии Горького, т. е. бывших правонарушителей, присланных туда по суду. Утверждение, что у нас легкие, совершенно легкие дети, делается только потому, что в нашем коллективе благополучно, — других оснований нет. А я говорю, что и в Прилуцкой коммуне может быть так же благополучно, и готов это доказать, и несколько раз предлагал это.

И в нашей коммуне есть очень солидное число достаточно трудных детей, с которыми справляться вообще не так просто. Ведь не даром же я работаю пятнадцать часов в сутки без выходных дней, и вот оканчивается третий год, а я не мог поехать в отпуск. И среди моей работы хозяйственные усилия занимают сравнительно незначительную часть времени. Таких ребят, с которыми менее опытный заведующий не справился бы, у нас человек 25—30, из них с некоторыми и я справляюсь с большим напряжением. Такие, как Ге-ч, могут в Прилуках составить довольно заметную точку.

Сказки о каких-то особенных трудностях в Прилуках и о каких-то особенных «легкостях» у нас — это именно сказки. Все дело в том, что у нас больше сделано в коллективе, и поэтому он в среднем благополучнее.

И получается действительно странно: то именно, что составляет результат нашей работы, вдруг делается основанием для какого-то почти упрека. В Прилуках занимались педерастией, значит это, что в Прилуках лучше? А я утверждаю, что занимались педерастией только потому, что ни к чорту не годны те педагоги, которые там были в то время. При правильной работе в детском доме мысль о педерастии никому и в голову не придет.

Такие же сказки рассказывают о наших ребятах, как о барчуках. Если считать рабочим человеком только того, кто небрежно одет или не умеет причесаться, или не умеет обращаться с носовым платком, или матерно выражается, тогда, пожалуй, и такая сказка к месту. Чисто внешняя культура — самое легкое, чего мож-

но достигнуть в детском доме, и она совершенно необходима. Она уже поднимает человека в собственных глазах и помогает ему держаться прямо на ногах. Привычка к чистоте, к аккуратности, к почищенным зубам, к вежливости — это то, с чего в крайнем случае даже можно начинать. Вот о чем приходится говорить. А костюм? Да, в коммуне есть суконные парадные хорошо пошитые костюмы, которые коммунары надевают четыре-пять раз в год. Ведь вот в течение трех лет мы их даже не износили, они еще проносятся года три, в таких костюмах нас видят в обществе и на этом основании заключают, что дзержинцы — паничи. А товарищ Э. до сих пор повторят старые утверждения: все для внешности. Нужно было привести в клуб ГПУ толпу полудиких, малокультурных ребят, тогда, очевидно, он был бы доволен. И здесь явно результаты нашей работы обращаются в основания для упрека.

И еще сказка: наши ребята только теперь начали работать. Простая выдумка, называемая иначе ложью. С первого дня существования коммуны ребята работали четыре часа в день, и никогда ни один коммунары не мог быть без работы. Совсем другой вопрос, к чему приводила эта работа: делали вручную шкафы и кассы. Вручную это делать долго и невыгодно, но все же делали, и половина квартир сотрудников ГПУ обставлена нашей мебелью. Самый клуб ГПУ оборудован работой коммунаров, оборудованы клубы союза металлистов в Харькове, союза химиков в Донбассе на 2000 мест, да и многие другие, менее заметные учреждения. Повторяю, все это делалось вручную при небольшом участии машин. Никогда я не мог упрекнуть коммунаров в лени или в плохой работе — они свои обязанности исполняли добросовестно, хотя и не получали платы.

А почему говорят, что коммунары дармоедами были? Просто потому, что не отвечают за свои слова, а говорить для чего-то представляется выгодным.

И еще одна сказочная мысль: у ребят малый уличный стаж. Вы даже представить себе не можете, до чего легко было бы для меня сделать этот уличный стаж более солидным: взять и написать, да еще в ярких красках, об уличных подвигах бывших беспризорных. Кто проверит и какими способами? И ведь так и делают: для доброго имени детского дома необходимо, чтобы его воспитанники обязательно имели уличный стаж.

Как будто уличный стаж что-то определяет. Семейные дети насколько не легче уличных, — то-есть совершенно такие же, как и на улице. Количество морально отсталых среди семейных детей вовсе не меньше, чем на улице. Вот наш Ге-ч из семьи. Возьмите статистику комиссий по делам несовершеннолетних, и Вы увидите, что количество преступлений семейных детей до конца подавляет преступления беспризорных, а ведь они живут в гораздо лучших условиях. Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети. Они тяжелее еще и потому, что меньше дорожат коммуной. Не бывает дня, чтобы в коммуны не приезжал или не приходил какой-нибудь товарищ и не просил как-нибудь устроить его сына или дочку в коммуны, потому что он крадет, хулиганит, пропадает на улице... Все это случаи, не зарегистрированные даже статистикой комиссий.

Наконец, что же делать, если количество уличных детей в СССР

не так велико, как это нужно для педагогического романтизма? Ведь не даром же столько денег тратится на борьбу с беспризорностью? Того мальчика или девочку, который, очутившись в нужде, был немедленно отдан в детский дом, не могу же считать бывшим на улице.

Все дети голода, которые и сейчас есть в коммуне, большую часть не были на улице. Все девочки не были на улице, это общее правило не только для нашей коммуны. Во всех детских домах, в том числе и в Прилуцкой коммуне, биографии большинства детей не заключают в себе уличного стажа, если не считать двух-трех недель. Обычное правило, что мальчик или девочка, оставшиеся без родителей, кем-либо пристраиваются в ближайший детский дом. В этом и заключается настоящая ценность нашей борьбы с беспризорностью. Если мальчик даже и попадет на улицу, для него представляется очень нетрудным попасть в детский дом, и только заядлые бегуны скоро убегают из детского дома, большинство же в нем остается.

Для меня никогда не представлялось нужным уменьшать значение этих мер в борьбе с беспризорностью и обесценивать в чьих-нибудь глазах нашу борьбу с беспризорностью.

Даже и для увеличения наших достижений это не выгодно делать... Постоянные переводы мальчика из одного детского дома в другой, постоянные расформирования и реформирования детских домов — это настоящее зло... Поэтому мальчик, прошедший через все мытарства педагогической премудрости, бывает несколько не меньше заучен, чем уличный, да еще снабжен специальной потребительской психологией, которую специально в детских домах воспитывают.

И наконец, о побегах. Три случая в год. Это для всякого понятливого человека — рекордная цифра. Я никогда не наблюдал подобной цифры и горжусь ею, тем более, что ни один коммунары не убежал на улицу. Нужно нарочно чрезвычайно несправедливо и возмутительно относиться к работе коммуны, чтобы три побега в год сделать базой для каких бы то ни было разговоров. Во всяком случае, это совершенно неприлично. Может быть, и не столь много моей заслуги в том, что у нас так мало побегов, но того, кто добился этого, весь наш коллективный труд, в том числе заботы и труд Правления, можно только отметить как заслуживающие положительного отношения.

Я совершенно не понимаю, как может член Правления, собственно говоря, так неосторожно и явно нарочито чернить работу собственного детского учреждения? Для меня нет никаких сомнений, что товарищ Э. враждебно относится к нашей коммуне, и пользы от такого отношения для коммуны не будет никогда.

По существу о побегах. В известной мере число побегов, конечно, определяет положение детского дома, но прямо связывать эти две вещи ни в коем случае нельзя. Я видел детские дома совершенно развалившиеся, в которых персонал потерял всякую власть над детьми, и из них мало бежали — привольно жить в таком доме, можно безнаказанно воровать и обкрадывать даже педагогов. Крепкий, дисциплинированный детский коллектив иногда отпугивает мальчиков, привыкших к полной анархической свободе, и если для такого мальчика представляется случай где-нибудь устроиться, он

уходит из дома, а чтобы можно было с собой унести одежду, он уходит тайно. Положение наших мастерских, дающих в известном числе случаев слабую квалификацию, свободно может повести к побегу тех мальчиков, которые уже имеют по 16 лет и имеют возможность пристроиться где-нибудь на работе.

При таких условиях три побега в год, даже для непросвещенно-го внимания, — настоящее чудо. В моей практике это рекордная цифра, и за бóльшие достижения я при настоящих условиях ни в каком случае ручаться на будущее не могу.

При этом я знаю, что нужно сделать в коммуне, чтобы уменьшить до последней степени возможность побегов, но пока что это не в моей власти.

Точно так же я совершенно не могу отвечать за возможные рецидивы среди выпущенных воспитанников. Есть ребята, которые могут нас всегда порадовать рецидивом через год или два после выпуска. Это обязательно народ умственно отсталый... С интеллектом вообще педагогика до сих пор не знает средства справиться. Если человек глуп, то это надолго. Слабый интеллект, соединенный со слабостью воли, — комплекс настолько ненадежный, что в известной среде рецидив почти неизбежен. Конечно, в редких случаях наш выпущенник попадает под дурное влияние, и поэтому в редких случаях возможен и рецидив, но вообще он возможен, и за него я отвечать не могу! И сейчас в коммуне есть несколько человек, судьба которых после выпуска их из коммуны не представляется обеспеченной морально.

А нужно еще заметить, что по отношению к нашим выпущенникам Правлением решительно ничего не сделано, чтобы сделать их жизнь хоть на первое время сносной. Вот те девочки, которые работают в Динамо и которых тов. Э. обвиняет в кражах, сколько времени они должны были жить на 30 рублей в месяц?

Правление совсем не знает, как мне трудно пришлось с выпущенниками без квартир и без каких бы то ни было ассигнований для первоначальной помощи выпускаемым.

При таком положении возможны рецидивы. Правда, что касается девочек с Динамо, то рецидивы тут едва ли установлены. Поскольку я был в силах проверить заявление тов. Э., в кражах этих можно основательно сомневаться. По рассказам коммунаров и бывших коммунаров, некоторых девочек подозревали в краже пальто у работницы... Подозрение на них упало только потому, что они раньше кончают работу и раньше уходят. Разумеется, сыграло роль и то обстоятельство, что они беспризорные. Девочки уверяют меня, что в краже они не участвовали, что из района их скоро выпустили, что пальто украдено уборщицей, которая за это и уволена. Проверить эти данные я не мог, так как местком, к которому я обратился с вопросом, ответил мне через бывшего коммунара, что с такими вопросами я должен обращаться в угрозыск. О других случаях никто ничего не знает.

Политвоспитание

Признаюсь Вам откровенно: в постановке этого вопроса тов. Б-ым я ничего не могу понять. Вопрос ставится в форме по меньшей мере странной. Никто не спрашивает, насколько политически

воспитаны наши коммунары, насколько они быстро идут вперед по пути политического развития. Спрашивают о другом: применяются ли вот такие-то и такие-то политические средства, якобы обеспечивающие политическое воспитание. Б-в глубоко убежден, что политическое воспитание проводит он, а так как он сравнительно мало бывает в коммуне и так как коммунары чрезвычайно заняты, чтобы лишний раз посидеть на заседании, то он и делает вывод, что политическое воспитание поставлено слабо. Но я имею дерзость думать, что политическое воспитание вовсе не проводится товарищем Б-ым, который, собственно говоря, и не умеет его проводить, ибо для этого тоже нужно иметь и специальные знания, и специальные способности, и подготовку. Я вовсе не склонен уступить товарищу Б-ву честь политического воспитания коммунаров до конца и безраздельно. И если учитывать не только работу товарища Б-ва, а учитывать работы и всего персонала и мою собственную, а самое главное — всю работу коммуны, весь цикл напряжения и тона, работу всех коммунарских органов, то даже с точки зрения «метода средств» политическое воспитание будет найдено.

По Б-ву выходит так: начались занятия в рабфаке, не стало хватать времени у коммунаров для заседаний — и исчезло политическое воспитание. Но ведь рабфак существует только с 1 октября? А до 1 октября что было? Ведь коммунары в течение двух месяцев вовсе не работали в школе, а в течение всей зимы работали гораздо с меньшей нагрузкой, чем в рабфаке.

И во все эти времена политическое воспитание проводилось, если не Б-ым, то кем-нибудь другим.

Главный процесс политического воспитания в коммуне организован мною, и я за него отвечаю, если судить по результатам, а не по применяемым средствам.

...Я совершенно не могу понять, как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что оно поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание где-то отсутствует. Каждый воспитательный шаг у нас должен быть проникнут политическим воспитанием, и если это не так, то такое воспитание просто вредительство и никуда не годится. Политическое воспитание — это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне говорят, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит.

В таком случае, спрашивается, о чем же говорят?

Если говорить о политическом образовании, то и сам Б-в признает, что коммунары очень быстро идут вперед в своем политическом развитии, для этого достаточно, впрочем, прочитать зачетные работы коммунаров на рабфаке. Если говорить о политическом настроении, то оно для всех явно и ясно.

При этом вовсе неправильно было бы думать, что коммунары слабо осведомлены о всех явлениях текущей политики. Они много читают газет и книг, они в курсе событий и очень активно их обсуждают и относятся ко всем вопросам с большой страстью. Если говорить о коммунарах как о будущих членах нашего общества, то я ручаюсь за них, ручаюсь за их первосортность.

О чем же тогда говорят?

Говорят о том, что такие-то и такие-то средства политического воспитания не применяются. Какие средства?

Вот одно из них: общественно-полезная работа... Самый термин «общественно-полезная» работа говорит много, и как будто называется им полезное дело. На практике работу эту сводят к тому, что воспитанники должны потерять огромное количество времени для разного хождения, должны принять участие в работе, которой они не знают, и при этом обязательно они должны что-то упустить в той работе, которую им на самом деле с большой (политической) пользой для себя нужно было сделать и можно было сделать.

Никаких методик «общественно-полезной работы» нет, технические получается дилетантство или головоуялство.

Мальчик должен ходить на Шишковку и ликвидировать неграмотность. Но он не умеет этого делать, для этого нужна хотя бы небольшая методическая подготовка, он не имеет времени этого делать, эта работа вызывает у него отвращение, потому что он с нею незнаком. При этом этот самый бедный мальчик и так загружен по горло, но он все-таки должен ходить только потому, что кому-то когда-то пришло в голову, что для него эта работа воспитательно полезна.

Или он должен читать лекции в совхозе. Читать он их не умеет, слушатели спят и расходятся, сам он раздражается, но кто-то сказал, что это очень хорошее воспитательное средство. А кто наблюдал результаты применения такого средства? Я сколько ни наблюдал, те результаты всегда получались плачевные. Хорошо еще, если тот же мальчик не научится пьянствовать на Шишковке или просто ухаживать за девицами.

Вся такая общественно-полезная работа основана почему-то на принципе благотворительности и почти не имеет именно общественного характера. Это обычные индивидуальные работы, только плохие. Общественное же усилие всей коммуны на таком фронте, конечно, мало возможно по причинам, от нас не зависящим.

Общественная работа политических организаций в коммуне несколько не страдала от присутствия рабфака. Я сказал бы даже, что здесь недостатки в работе происходили исключительно по причинам, не зависящим ни от коммунаров, ни от организации коммуны в целом. Дело в том, что в самой организации коммуны столько выходов общественной мысли, что они вполне удовлетворяют наше общественное время. Разве Совет командиров не политическая организация, а ведь у нас, кроме Совета командиров, есть еще много органов, направляемых комсомолом и состоящих из комсомольцев. Закрывать глаза на это обстоятельство значит видеть в общественной работе исключительно внешнюю сторону вопроса.

Если говорить о времени для собраний бюро или общих собраний комсомола, то они всегда возможны. Вот сейчас я организовал в коммуне литературный кружок, в который записалось так много членов, что пришлось разбить его на три секции и с каждой работать отдельно, и для всех находится время, и все хотят почаще собираться. Значит, при желании всегда можно собрать любое собрание и любой орган. Каких-либо непреодолимых препятствий для этого никогда не было и не может быть.

Вот я подсчитал работу общественных органов коммуны за последние десять дней. Было:

общих собраний коммунаров	1
совета командиров	4
собрание комсомольского актива	3
хозяйственное совещание	1
контрольная комиссия	2
клубных организаций	24
комиссия по празднику	4
спектакль	1
собрание с Краснофронт	1
поход в город	1
лекций общих	2
квартирная комиссия	1
штаб соцсоревнования	1
бюро	1
общее комсомольское	1
всего	49

В этом списке можно переставить любые цифры, и, следовательно, бюро или комсомольское собрание можно собрать сколько угодно раз. Во всяком случае общее собрание коммунаров мы собираем всегда, когда появляется хоть одна тема, и никогда из-за этого у нас не было недоразумений.

Общая стихия коммунарского коллектива и без того достаточно общественная. Если идет разговор о необходимых внешних формах, их функционирование всегда в наших руках.

Это вовсе не значит, что нам некуда дальше идти. Мы идем вперед, и мы будем развиваться.

Но заметный шаг вперед мы можем сделать только при том условии, если производство коммуны будет в руках коллектива. Так как с Вашим приходом в Правление, очевидно, вопрос о самокупаемости перестал быть актуальным, то собственно говоря, ничто не мешает этому переходу. Риск тут небольшой: все равно сейчас в производстве все связано веревками и еле держится. Пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства. Для будущих инженеров это совсем не плохо, а ребята наши для этого достаточно серьезны. Во всяком случае, строить воспитание на одном сдельном заработке далеко не завидно. А мы, кажется, к этому идем.

Только в таком случае можно будет говорить, что у нас не только настоящее политическое воспитание, но и настоящее диалектическое, так как развитие нашей индустриализации требует людей, привыкших к организационным усилиям. Разве мы можем сказать, что наш рабочий класс достаточно воспитан в этом отношении или что воспитано наше инженерство.

Отделяться от этого вопроса при помощи слова «делячество» нельзя. Мы вовсе не интересуемся прибылями, если ими не заинтересовано Правление!

Простите за длинное письмо. Я еще всего не сказал, у меня очень мало времени.

ОБРАЩЕНИЕ К КОММУНАРАМ-ВЫПУСКНИКАМ

Сегодня вы выходите в жизнь, 70 лучших коммунаров. Вы выходите комсомольцами, образованными и квалифицированными людьми.

В том, что наша коммуна делает выпуск, нет как будто ничего исключительного. И в буржуазных странах есть образовательные и воспитательные учреждения, и они ежегодно делают свои выпуски. Но недаром ваш начальник сказал, что наша коммуна есть одно из лучших воспитательных учреждений в Союзе. В работе нашей коммуны есть важные воспитательные особенности в деле коммунистического воспитания. Ведь не было никакой такой готовой коммуны, не было никакой такой коробочки, в которую поместили вас, проделали над вами какую-то работу и теперь выпускают. Вы не только воспитанники коммуны, вы и строители ее. И в этом ваша заслуга и честь, в этом ваше настоящее боевое воспитание.

Ваша жизнь в коммуне — это прежде всего участие в общей нашей борьбе, участие в нашей великой революции. Вместе со всем рабочим классом, под руководством Коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным, непосредственно направляемые коллективом чекистов, вы здесь, на своем участке, одерживали победу за победой в борьбе за технику, за школу, за экономическую независимость, за новый быт и новую культуру, за социализм. Именно в этой активной борьбе вы получили воспитание.

Теперь вы выходите в жизнь. Вам предстоит большой путь впереди. На этом пути вы всегда должны быть прежде всего большевиками (партийными и непартийными). Уже в нашей коммуне вы узнали, что такое большевистская дисциплина, что такое наше единство. Только благодаря им наша коммуна выросла в прекрасное учреждение.

Провожая вас в жизнь, я хочу вам передать только один завет, но хочу, чтобы вы помнили его всегда. Где бы вы ни были, будете ли вы рабочими, инженерами, летчиками, студентами, в какие бы условия вас ни бросила жизнь, будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии, прежде всего держите наше большевистское единство, держите крепко дисциплину, будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина.

Всегда помните, что железная дисциплина, полное единство нашей жизни, наших стремлений и усилий только и может привести к победе. И потом всегда увидите, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные «убеждения», неуважение интересов коллектива.

Ваш путь должен быть всегда прямым путем, и тогда ваша жизнь будет прекрасной и полезной жизнью. Прежде всего на каждом шагу быть гражданином нашей великой Родины! Всегда идя вперед по указаниям нашей партии, всегда будьте преданными, искренними и горячими большевиками.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА (1934 г.)

Есть у меня небольшая надежда, что Вы прочитаете эту записку, — более обстоятельный список аргументов, чем представленный проект. Тема сама по себе настолько важна, настолько и назрела, что требует внимания самых ответственных лиц.

Главной причиной всех происходящих недоразумений с этой темой я считаю ничем не объяснимое суживание вопроса. А суживается вопрос от простой причины, — от нашего закрывания глаз на действительное существо беспризорщины. И в Ваших многих словах это проскальзывало. Нам все кажется, что беспризорность — это явление случайное или пережиток прошлого, что она скоро, вот-вот через один-два года исчезнет.

Во всем Союзе я, кажется, единственный человек, который с начала Советской власти на Украине не изменил этому делу, не ушел от него, я, таким образом, могу себя считать самым высоким специалистом по беспризорным. И вот за 15 лет своей работы я регулярно наблюдаю одни и те же надежды: беспризорность вот-вот прекратится.

Если она не прекращается, мы это относим за счет специальных явлений, а не за счет органических процессов... За нашими надеждами мы не заметили очень многих вещей, мы не производили никакого анализа, не увидели явлений гораздо более широких, чем беспризорность. Эта ошибка уже принесла много вреда, и этот вред увеличивается...

А между тем нужно обратить внимание на следующее:

1. Беспризорные 1921—1924 годов уже давно исчезли. Писательская романтика еще до сих пор культивирует этот старый тип беспризорного анархиста, блатняка и в то же время гениально способного индивида. На самом деле сейчас ничего такого нет. И раньше беспризорный не был так ужасен, как рисовали его наши, а еще более западные писаки, но раньше он действительно был сыном уголовного общества в значительной мере, или по крайней мере воспитывался им. В лучшем случае он был выходцем из отвратительного мещанского моря городской кустарщины.

Сейчас у нас ни этого кустарного мещанства, ни тем более специального уголовного мира нет. Вор теперь больше руководится нуждой, чем какой-либо философией. И современный беспризорный это вовсе не то, что раньше. Даже если он вор, то все же он больше всего хочет перестать быть вором... Сейчас увлекает не романтика блатного индивидуализма, а зависть к металлистам, к футболистам, к летчикам, шоферам, морякам. Дайте вору в руки инструмент, и он доволен.

Наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью.

Причин этому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряженное движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий. А в то же время остались и действуют и ра-

нее существовавшие формы потери семьи: смерть одного из родителей, измены, махехи, болезни и инвалидность.

Если ребенок раньше был собственностью своего отца и до конца подчинялся не только его авторитету, но и его палке, то теперешний ребенок, в особенности мальчик, абсолютно не склонен к собственному обезличиванию. Он считает себя вправе отказаться от принадлежности к семье и уходит. Отцы и дети в наше время стоят почти на равноправных позициях, нет уже того, что раньше держало семью связанной — деспотической власти отца, освященной всей моралью общества... Отцы тоже не очень церемонятся с ребятами. Я знаю почти анекдотический случай такого типа: родители отправляют сына на два дня погостить к тете, а когда сын возвращается в отчий дом, он не находит ни родителей, ни вещей, никаких следов — семья выехала неизвестно куда.

Мы можем сколько угодно штрафовать родителей или принудительно возвращать детей к ним — это совершенно безнадежное и бесполезное занятие.

Сами дети это очень хорошо понимают. Понимают это и родители. В настоящее время я принимаю ежедневно несколько десятков просителей. Из них очень немного беспризорных. Большинство же дети из семьи или родители.

Я встречал очень мало ребят, для которых не являлось бы мечтой поступление в коммуну имени Дзержинского. Здесь привлекает отнюдь не хорошее обеспечение. Во-первых, коммунары не так уже и обеспечены, во всяком случае, они ходят еще в бумажных костюмах. Во-вторых, такое же явление я наблюдал и по отношению к колонии имени Горького, которою заведывал восемь лет, хотя колонисты всегда жили бедно. Ребят привлекает прежде всего интересная и богатая перспективами и содержанием жизнь коллектива. Ребята инстинктивно видят в жизни такого коллектива что-то настоящее.

Если проверить состав детей в детских домах, то прежде всего поражает то, что почти у всех детей есть или родители или родственники. Это происходит и от того, что детские дома в очень большой мере заполняются прямо из семьи при помощи разных просьб, протекций, ходатайств и пр. А также и оттого, что многие беспризорные скрывают свое семейное положение, оно выясняется только к концу пребывания мальчика в колонии.

2. Борьба с беспризорщиной, отданная во владение интеллигентщины, по совести говоря, не была по существу большевистской. Подходят к беспризорному с самым нежным сердцем и даже с разнообразными чувствами, вокруг беспризорного нагородили непроходимые ворохи всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до свободного воспитания и гармонической личности, не рассматривали его как гражданина и будущего работника, а как биологическую игрушку для нашего этого самого сердца или как хороший прибор для упражнений в разных логических трюках. Остатками старой российской интеллигентщины заражены многие... Мы и легкомысленны, как интеллигенты. Мы ничего не жалеем, отлаем на беспризорных огромные деньги, но за разными делами забываем проверить, как истрачены эти деньги и что получается.

А что получается? Этому самому ребенку на линиях политической грамотности рассказываем об индустриализации, о Днепро-

строе, об автомобильных заводах. Даем ему газету, в которой он читает о технике, о рационализации, о стройках. А работать заставляем его в сапожной мастерской или в столярной, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и строгать рубанком. А этот самый беспризорный прекрасно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках вовсе не так работают. Этого не знают только его педагоги. Он стремится на завод, он хочет быть металлистом, шофером, механиком, радистом, летчиком, станковым или электромонтером, а мы ему в руки даем архаическое сапожное шило или заставляем делать вручную табуретки, которых теперь уже никто вручную не делает.

И это в лучшем случае. А бывает гораздо хуже: мы заставляем его собирать лекарственные растения, или заниматься картонажным делом, или просто ничем не заниматься. В детских домах обвиняют беспризорного в лени, обвиняют только потому, что тот не хочет сучить дратву. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники могли по крайней мере заставить «мальчика», а мы и этого сделать не в состоянии. И тогда мы начинаем кричать о проблеме дисциплины, когда на самом деле у нас такой проблемы вовсе нет, а есть только одна проблема: здравого смысла по отношению к детям.

И поэтому стремление ребенка в детский дом оказывается стремлением неудовлетворенным. Если мальчишка бежит из детского дома, то вовсе не потому, что там плохо кормят, а потому, что такой детский дом ему просто не нужен, да вообще он и никому не нужен. Он бежит потому, что рассчитывает хоть на что-нибудь, на удачу, на новый дом, на случай, а здесь ему во всяком случае рассчитывать не на что.

С удивительной настойчивостью приняли меры, чтобы детские дома отвращали от себя. Их организовали в случайных местах, наименее социалистического типа: в старых монастырях и помещичьих гнездах, далеко от города, без водопровода, без канализации, без электричества. Их сделали карликовыми, то-есть обрели на кустарное или примитивное хозяйство, лишили общества техников и инженеров и всех признаков серьезного советского хозяйства: промфинплана, рентабельности, цельности, полезности, качества, хозрасчета. Такие детские дома — это форменные белые вороны в Советском Союзе. Это ничем не объяснимое утверждение кустарщины, уравниловки, мелкобуржуазного ханжества. И на эти по меньшей мере чуждые нам учреждения ежегодно тратим миллионы рублей.

3. Из таких детских домов должны бежать — это непреложный закон. Он вытекает из самых общих наблюдений. А если коснуться педагогической и организационной техники ближе, то мы найдем очень много причин... Возьмем наудачу одну техническую деталь. В детские дома дети идут не по собственному выбору, а по случайным обстоятельствам. И тем не менее мы предлагаем всем воспитанникам данного детского дома одну и ту же работу... Наробразы только и знают, что «реорганизуют детские дома», то-есть беззастенчиво перебрасывают из одного детского дома в другой по разным поводам и просто без поводов целые группы, закрывают, открывают, укрупняют, разукрупняют... У меня и сейчас есть воспитанники, которые ни разу ниоткуда не бежали, но которые тем не менее перешли через восемнадцать детских домов.

Беглецы из детских домов должны представлять для нас интерес не только потому, что их снова нужно «подбирать», а скорее по другой причине. Беспризорные на улице — это настоящая социальная зараза. Возле таких беспризорных на улицах обязательно начинает организовываться группа будущих беспризорных. Вопль всех родителей сейчас выражается буквально в одних и тех же выражениях:

— Мальчик от дому отбился, шляется с беспризорными..

4. И вот при такой конъюнктуре мы повторяем одну и ту же ошибку. Мы вдруг ассигнуем на подбор беспризорных большие суммы и действительно в течение трех-четырех дней очищаем улицы, запикиваем этих опытных беглецов из детских домов в эти же самые детские дома... Я участвовал не меньше, как в десятке таких массовых подборов, и давно пришел к такому заключению, что это самое большое зло, какое у нас есть.

Нет ничего вреднее такого массового подбора. Самый характер этого подбора определяет и его неудачу. Это очень не солидно, хотя и стоит солидных денег. Все эти ребята очень хорошо знают, чем кончаются такие подборы, а зная это, они и других научат — новеньких, первичных беспризорных.

Конечно, нужно убрать беспризорных с улицы и нужно их прежде всего накормить, но наконец, нужно же когда-нибудь задуматься: до каких же пор будет продолжаться эта игра? Не лучше ли организовать детские дома так, чтобы больше массовых подборов не было.

А для этого нужно:

1. Иметь все-таки какой-то план, исходящий из реальных данных, в том числе из данных о потере семьи или по крайней мере о числе физических сирот.

2. Организовать детские учреждения так, чтобы дети из них не бежали.

3. Поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей. Этот вопрос тоже запланировать, в том числе запланировать и вопрос о выпусках и о назначении выпусков. Совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить.

4. Принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно производительно.

5. И совершенно ясен путь правильной работы детских домов, это тот самый путь, который мы предлагаем. Путь следующий:

А. Детские колонии должны быть настолько крупными, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом достаточно квалифицированным.

Б. Подготовка кадров в колониях должна равняться не на ку-

старшую квалификацию для кустарной мастерской, а на квалификацию современного рабочего в большом производстве с разделением труда и со стандартной продукцией.

В. Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности. Беспорядочная масса дает очень разнообразный букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к квалификации только обычную грамотность не больше, как за четыре группы, другим грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации с установкой на вуз.

Это все чрезвычайно серьезные вещи, и все это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти наклонности и вкусы случайно собранных ребят. Это порождает не только побег, а гораздо более тяжелые последствия — конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство.

Г. Трезво глядя в глаза жизни, нужно подчеркнуть, что интерес к квалификации и к учебе сам по себе далеко не всегда определяет движение колониста вперед. Есть много слабых характеров, для которых необходимы более простые стимуляторы: дисциплина и в особенности материальная заинтересованность.

Впрочем, вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только стремление (материальной) заинтересованности. На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Кроме того, зарплата позволяет каждому колонисту к моменту выпуска иметь сбережения в сберкассе и выходить в жизнь довольно хорошо обеспеченным.

Д. И, наконец, самое главное. Пора детским колониям сделаться очагами коммунистического воспитания. А это значит, что мы должны воспитывать не только рабочих, но и ударников, знающих по опыту, что такое соцсоревнование, комсомольцев, людей, преданных своему классу и революции. А это мы можем сделать только в атмосфере серьезного советского производства.

Можно сказать: а как же наша школа? Неужели и для нее необходимо производство? Я давно говорю: да — совершенно необходимо, но в школе мальчик или девочка не так оторваны от общества. Отец или мать, братья, сестры, дяди и родственники — они очень много вносят в психику мальчика от того производства, на

котором они работают. А воспитанник детской колонии, если в колонии нет производства, оторван от советской жизни, он живет и воспитывается в искусственно созданных несоветских условиях.

6. Все это совершенно необходимо аргументирует крупную детскую колонию. Собственно говоря, я вовсе не настаиваю на этой логике — на 12 000 детей в одном месте. Достаточно, если в колонии будет тысяча детей. Важно, чтобы она была оборудована и организована правильно.

Мое предложение о единой колонии на 12 000 детей вытекает из других соображений.

Если нужно подобрать сейчас 12 000 детей, то собственно говоря, в воспитательном отношении безразлично, будет ли организовано 12 колоний на расстоянии нескольких сот верст одна от другой или будут эти самые 12 колоний, расположенные одна от другой на расстоянии полукилометра. Воспитательный успех будет решен не расстоянием между колониями, а их организацией. Конечно, в одном коллективе не должно быть больше тысячи детей. Здесь критерием является контактность коллектива: необходимо, чтобы члены одного коллектива друг друга знали, чтобы они могли вместе собраться на общее собрание, чтобы они знали своих руководителей и все свои дела. И поэтому, на каком бы расстоянии не были расположены колонии одна от другой, каждая из них должна быть самостоятельной единицей, управляемой в порядке единоначалия и в порядке единства коллектива и его интересов, на отдельном хозрасчете, с отдельным промфинпланом. Это совершенно необходимо.

Но очень много приносит пользы и общением между колониями и соревнованием между ними. Вот сейчас коммуна имени Дзержинского имеет постоянную живую связь с Прилукской коммуной, с Дергачевской и Гиевской колониями, с колонией имени Горького, с 82-й и 55-й школами, со школой слепых в Харькове и с другими детскими организациями.

Если эта связь и общение будут не случайно и сложно налажены, как теперь, а организованы в одном федеративном союзе на базе участия в одном производственном, бытовом и культурном комбинате, то от этого будет огромная и, пожалуй, даже невиданная до сих пор польза.

Ибо одним из недостатков детских домов и колоний является именно их все определяющая контактность. Своими дети считают только тех, кто с ними живет в одном доме и кого они знают в лицо. Необходимо, чтобы признак «свой» определялся не интернатом, а общим делом — единственно правильный классовый подход.

Но допустим даже, что все эти выгоды не существенны. В таком случае, какие могут быть названы воспитательные убытки? Я не знаю никаких.

Значит, можно считать, что в воспитательном отношении расстояние между колониями безразлично.

Но оно не безразлично во многих других отношениях. Прежде всего одна колония на 12 000 человек будет стоить раза в три дешевле, чем двенадцать колоний на тысячу человек каждая. Будет стоить и в строительстве и в функционировании.

Во-вторых, и это очень важно: для двенадцати колоний потре-

буется персонал в шесть тысяч человек, а для одной колонии, большой — в три тысячи человек. А самое главное: мы настолько бедны опытом удачных детских колоний, что в настоящее время можно сказать уверенно: для двенадцати колоний нет людей, нет их и для четырех. Поэтому выгоднее создать кулак организаторов в одном месте, чем разбрасывать кадры по всей республике.

В-третьих, все равно нужно центральное управление этими колониями как хозяйственно-производственным трестом. Но гораздо удобнее это управление иметь в самой колонии, чем заставить его разъезжать по всей Украине или ограничиваться бумажными директивами.

В-четвертых, наконец, наибольшая выгода заключается в солидности дела. Это во всех отношениях облегчит и получение фондов, и снабжение, и сбыт и предохранит колонию от каких бы то ни было партизанских наскоков случайных реорганизаторов на местах, от ненужных и вредных опытов.

Можно строить одну колонию, можно строить двенадцать или шесть, в последнем счете, если есть лишние деньги, отчего не строить.

Но не могу без глубочайшего оскорбления представить себе, что большие миллионы будут вложены на расширение и организацию существующих колоний. Сколько же есть таких колоний, которые не жалко развалить? Ведь в колонии Горького все здания давно нужно взорвать. И сколько уже совершали таких ошибок: найдем какой-нибудь трехсотлетний монастырь, которому прямо грош цена, облазимся его дырявыми крышами, начинаем организовывать там колонию. Постепенно вкладываем большие капиталы — миллионы. А потом сами себя ругаем: монастырь стоит десять тысяч, а вся колония двадцать миллионов, но благодаря тому, что привязались к монастырю, колония отстоит от железной дороги на 18 километров, на каждом шагу мешают все эти холодные и теплые церкви, и мы еще должны их бесконечно ремонтировать, ибо неосмотрительно расположили в них столовую или клуб. Далеко не нужно ходить — в подобном положении находится и Прилукская коммуна ГПУ УССР и вторая коммуна ОГПУ под Москвой в Николе-Угрешском монастыре. Здесь я привожу названия крупных единиц, а что уже говорить о мелких колониях, которые по своим материальным данным просто ничего не стоят.

РАЗГОВОР О ВОСПИТАНИИ¹

Вступительное слово А. С. Макаренко

У нас нет еще полноценной методики воспитания, и мы должны ее создать. Критики, разбиравшие «Педагогическую поэму», больше всего меня ругали за недооценку теории педагогики. Но когда я писал свою книгу, то меня занимала не классная жизнь, а проблема воспитания и перевоспитания правонарушителей. Мой опыт воспитательской работы привел меня к тому выводу, что нам нужно создать методику воспитания. Я получил высшее педагогическое

¹ Подготовил к печати Н. А. Сундуков.

образование, перечитал все, что есть в литературе по вопросам воспитания, и все это меня несколько не удовлетворило. Я не получил метода работы. Я полагаю, что в интересах дела нужно отличать школьную методику учебной классной работы от методики воспитания. Желательно у вас в институте создать специальную кафедру воспитания, которой у вас до сих пор нет.

В начале моей «Педагогической поэмы» я показал свою полную техническую беспомощность. В 20-м году, когда я приступал к перевоспитанию правонарушителей, я не имел ни инструмента, ни метода. Я оказался в лесу с пятилинейной лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощен, и тогда, при тех условиях, я назвал педагогику шарлатанством... Тогда я сделал большую ошибку, что ударил своего воспитанника Задорова. В этом было не только преступление, но и крушение моей педагогической личности. Я тяжело переживал эти минуты и как человек и как педагог.

Всегда я считал подобные факты большим педагогическим преступлением, и за это сам отдаю свих подчиненных под суд. Годы через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не оторванная от жизни, а связанная с ней и помогающая воспитателю в практической работе. Я уверен, что она будет, в этом меня убедил мой 16-летний опыт. Мне пришлось быть руководителем в трех колониях НКВД.

В нашей прекрасной действительности, способной породить такое величественное движение, как стахановское, в этой действительности есть все, чтобы создать новую науку — педагогику. Мы сейчас крепко бьемся за новую воспитательную технику. И можно быть уверенным, что новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра...

В журнале «Коммунистическое просвещение» (август, 1936 г.) дается совет, как бороться с недисциплинированностью учеников, с хулиганством и т. д. Этот вопрос задавался еще в 20 году, затем повторялся в 23, 25, 27, 29 гг. и сохранился до 36 года. Когда же, наконец, будет разрешен этот деловой и простой вопрос?

Чистая теория педагогики показала свою полную беспомощность, если до сих пор не смогла разрешить этого вопроса. В консультации журнала «Коммунистическое просвещение» дается совет учителям самим быть дисциплинированными, сплоченными, самим не опаздывать в школу и т. д. Это — отписка, а не совет. Такой «консультацией» ничего не сделаешь для воспитателя. Здесь хотели и совет дать и ничего «страшного» не насоветовать. В 7-м пункте рекомендуется учителю вести беседу с учеником, нарушающим правила внутреннего распорядка, занимающимся воровством и хулиганством, вести беседу спокойным, ровным голосом!.. Наша печать ежедневно сообщает о героических людях, о страстной работе, а учителям этот авторитетный журнал Наркомпроса рекомендует спокойный, ровный голос!

Со своими воспитанниками я могу говорить ласково и нежно, но могу и повысить голос, твердо сказать «брось!». Без этого нет воспитания.

Я не хочу сказать, что нужно кричать на воспитанников. Нет! Но нужны страсть, любовь, увлечение своим собственным делом в той мере, как это мы наблюдаем у стахановцев. Если я не умею волноваться, то я обязан этому научиться! При совершении воспи-

танником преступлений — воспитатель как представитель общества должен показать свое негодование.

Неудивительно, что в указанной консультации ничего не говорится о коллективе как воспитательном факторе. Учителю Позднякову рекомендуется только лично побеседовать с учеником, который занимался мелкими кражами и дошел до квартирных краж. Рекомендуется взять с ученика слово, что он больше не будет заниматься подобными делами. И только. Не рекомендуют выносить этот поступок на обсуждение коллектива, так как это нанесет ребенку «тяжелую внутреннюю рану», от чего пострадает учеба, а коллектив ничего не выиграет. Это — вредная установка.

Затем в данной консультации ничего не говорится о наказании. Боятся этого слова. А в постановлении ЦК нашей партии это слово называется с большевистской прямотой и наказание не вуалируется словами «мера воздействия». Я стою за наказание. Только надо уметь его применять, а этому нужно учиться.

Весь отдел консультации журнала «Коммунистическое просвещение» отдает установками левака Шульгина. Консультанты стремятся удивить мир фокусом.

Они подобны покойным педологам, которые любили такие вопросы изучать, изучать, изучать и записывать, чем и путали учителя в вопросе, как ему быть с наказанием. У нас еще не освоена система наказания. Из старой школы мы не можем взять систему наказаний, чуждую нам, с ее слезкой, кондуитами, привязываниями к каждому пустяку и т. д. Применению наказания я долго учился.

Сами коммунары боролись с нарушениями правил внутреннего распорядка и сами управляли всей жизнью коммуны. В коммуне им. Дзержинского наказания принципиально признаны, но именно поэтому на практике они почти не применяются. Такого положения мне удалось добиться при помощи использования всей воспитательной силы коллектива. Воспитание, а следовательно, и наказание должны проходить через крепкий коллектив.

Сознательный крепкий коллектив крайне необходимо создать в каждой школе как живой организм с действующими органами и общими интересами. Снимать ответственность преступника перед коллективом, как советуют в журнале «Коммунистическое просвещение», значит отказываться от новой педагогики.

Я настаиваю, что и в педагогике нужно изобретать. До последнего времени не занимались изобретением в педагогике, так как боялись педологии, которая отнимала это законное право у педагогики. Пусть вновь созданная кафедра воспитания разработает вопросы воспитательного значения коллектива, проблему наказания, стиля, тона и т. д.

Я уверен, что в ближайшие 10 лет мы создадим методику коммунистического воспитания.

Да здравствует коммунистическая педагогика!

Да здравствуют наши вожди, великие мыслители, помогающие нам создавать и осваивать новую педагогику!

Заключительное слово

Я не отрицаю науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у меня сложилось в рабочем понимании ее. Послезавтра я опять еду в Киев и буду руководить новой колонией НКВД, где

придется столкнуться с множеством практических вопросов. Придется опираться не на старую педагогическую систему, а на новую систему завтрашнего дня. Приходится ругаться не из-за отсутствия педагогических идей, а из-за отсутствия педагогической техники, которой нехватает. И сейчас остается спорным вопрос механизации воспитательской работы. Воспитать умение чувствовать себя в рядах с другими, ощущать товарища локтем. Нужна не только индивидуальная обработка, а и обработка при помощи коллектива, через организацию. Такие «детали» личности, как привычка к чистоте, к точности, как способность к быстрой ориентировке, нельзя воспитать при помощи индивидуальной обработки, нехватит сил и времени, а исключительно методом накопления коллективного опыта. Я выработал для себя рабочую схему, в которой разбираю 4 типа влияния (чистое и практическое, собственное и постороннее). Надо уметь организовать и подчинить себе эти влияния, чтобы создать технику и полезный пучок влияний. В социалистическом обществе владеть ими будет легче — без применения наказания. И, наконец, самое главное. Наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом.

Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции. Мирюсь с вами и по вопросу о наследстве. Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них. Но нам нужно продолжать дело создания воспитательской методики. Эта ответственная задача лежит на нас. Многому в воспитательской работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. Они ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни самоанализа, ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них. Я соглашаюсь, что педагогика должна быть единой наукой, но продолжаю настаивать, что необходимо разработать методику воспитания и уметь ее подчинить воспитательным целям школы.

Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО

1. Собрания сочинений

Сочинения. В 7 томах. Редакционная коллегия: И. А. Каиров (главный редактор), Г. С. Макаренко и Е. Н. Медынский. М., АПН РСФСР, 1950—1952.

(АПН РСФСР. Институт теории и истории педагогики.)

Избранные педагогические сочинения. В 4 книгах. Под редакцией И. А. Каирова и Г. С. Макаренко. [Подготовил к печати И. С. Петрухин.] М., АПН РСФСР, 1949. [Приложение к журн. «Советская педагогика».] [Предметные указатели составила Е. Альтшулер.]

(АПН РСФСР.)

Книга 1. *Лекции о воспитании детей.* 164 стр., с портретом.

В книге также даны доклады «Семья и воспитание детей», «Воспитание в семье и школе».

Предметный указатель, стр. 156—162.

Книга 2. *Книга для родителей.* 348 стр.

Предметный указатель, стр. 342—346.

Книга 3. *Флаги на башнях.* 476 стр.

В книге также даны: О повести «Флаги на башнях». Встреча А. С. Макаренко с читателями в Ленинградском дворце культуры имени С. М. Кирова. «Открытое письмо Ф. Левину». «Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Ф. Левину» (письмо воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского).

Предметный указатель, стр. 465—472.

Книга 4. *Педагогические произведения.* 592 стр. Содержание. — Стенограммы лекций, докладов и выступлений. Статьи по вопросам коммунистического воспитания. «Марш 30 года» и неопубликованные рукописи. Примечания (составитель не указан).

Предметный указатель, стр. 583—591.

2. Сборники

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действ. членов АПН РСФСР Е. Н. Медынского и И. Ф. Сवादковского. Составил доцент И. Ф. Козлов.

Составила М. Е. Бобровская.

[Введение действ. члена АПН РСФСР Е. Медынского, стр. 3—21.] М., Учпедгиз, 1946. 304 стр., с иллюстрациями и портретом.

(АПН РСФСР.)

Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Под редакцией действ. члена АПН РСФСР Е. Н. Медынского. [Составил ст. научн. сотр. Института теории и истории педагогики АПН РСФСР А. Г. Тер-Гевондян. Вступительная статья канд. пед. наук А. Г. Тер-Гевондяна, стр. 6—18.] М.-Л., АПН РСФСР, 1948. 304 стр., с портретом и автографом. Библиографию произведений А. С. Макаренко составила М. Бобровская, стр. 289—293. Предметный указатель составила Е. Альтшулер, стр. 294—301.

(АПН РСФСР. Институт теории и истории педагогики.)

Проблемы школьного советского воспитания. Под редакцией Г. С. Макаренко. [Подготовил к печати И. С. Петрухин. Вступительная статья: «Шире распространять передовой опыт А. С. Макаренко», стр. 3—21.] М., АПН РСФСР, 1949. 132 стр.

(АПН РСФСР. Институт теории и истории педагогики.)

Некоторые выводы из моего педагогического опыта. Под редакцией Г. С. Макаренко. [Примечания составил В. Е. Гмурман.] М., АПН РСФСР, 1950. 100 стр.

(АПН РСФСР. Институт теории и истории педагогики.)

О воспитании молодежи (сборник избранных педагогических произведений). Под общей редакцией Г. С. Макаренко. [Составила К. М. Лейченкова. Вступительная статья и примечания ст. научн. сотр. Института теории и истории педагогики АПН РСФСР В. Е. Гмурмана, стр. 3—17, 383—394. Биографический очерк М. Бобровской, стр. 370—382.] М., Трудрезервиздат, 1951. 396 стр.

О воспитании молодежи. Сборник избранных педагогических произведений. Второе издание. М., Трудрезервиздат, 1951. 396 стр.

3. Отдельные произведения

Марш 30 года. М., ГИХЛ, 1932. 164 стр.

Педагогическая поэма. Часть 1, Год XVII, М., «Советская литература», 1933, альманах третий, стр. 59—218. Часть 2, Год XVIII, М., Государственное издательство художественной литературы, 1935, альманах пятый, стр. 5—168. Часть 3, Год XVIII, М., Государственное издательство художественной литературы, 1935, альманах восьмой, стр. 130—337.

Педагогическая поэма. М., Государственное издательство художественной литературы, часть 1, 1934. 245 стр.; часть 2, 1935. 206 стр.; часть 3, 1936. 256 стр.

Педагогическая поэма. М., Государственное издательство художественной литературы, часть 1 и 2, 1935. 508 стр.; часть 3, 1937. 292 стр.

Педагогическая поэма. М., Государственное издательство художественной литературы, 1937. 631 стр.

Педагогическая поэма. Издание пятое, М., «Советский писатель», 1940. 564 стр., с иллюстрациями и портретом.

В книге также дано: М. Горький. По Союзу Советов (из статьи «По Союзу Советов», помещенной в журн. «Наши достиже-

ния», кн. 2, 1929). Стр. 5—11. «Из переписки А. М. Горького с А. С. Макаренко».— А. Макаренко. «Максим Горький в моей жизни».

Педагогическая поэма. Махачкала, Даггосиздат, 1941. 496 стр.

Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, 1944. 615 стр.

В книге также дано: М. Горький. По Союзу Советов. Стр. 3—8. «Из переписки А. М. Горького с А. С. Макаренко».— А. Макаренко. «Максим Горький в моей жизни».

Педагогическая поэма. М., Учпедгиз, 1946 (Для слепых. В 12 книгах.)

Педагогическая поэма. М., изд-во «Правда», 1947. 396 стр.

Педагогическая поэма. М., «Советский писатель», 1947. 644 стр., с портретом. (Библиотека избранных произведений советской литературы, 1917—1947.)

Педагогическая поэма. М., Гослитиздат, 1948. 656 стр., с иллюстрациями и портретом.

Педагогическая поэма. Рига, Латгосиздат, 1948, часть 1. 232 стр.; часть 2. 188 стр.; часть 3. 228 стр.

Педагогическая поэма. [Л.] Лениздат, 1949. 648 стр.

Педагогическая поэма. [Новосибирск.] Новосибирск. обл. гос. изд-во, 1950. 568 стр.

Педагогическая поэма. [Свердловск.] Свердловск. обл. гос. изд-во, 1950. 520 стр.

Педагогическая поэма. Симферополь, Крымиздат, 1950. 656 стр.

Педагогическая поэма. [Горький.] Горьковское обл. гос. изд-во, 1951. 640 стр.

Мажор. Пьеса. В 4 актах. [Псевдоним А. С. Макаренко: Андрей Гальченко.] Рекомендована к постановке жюри Всесоюзного конкурса. М., Государственное издательство художественной литературы, 1935. 117 стр.

Книга для родителей. «Красная новь», 1937, № VII, стр. 3—48; № VIII, стр. 3—64; № IX, стр. 86—131; № X, стр. 79—102.

Книга для родителей. М., Государственное издательство художественной литературы, 1937. 326 стр. [На обороте титульного листа: «Книга для родителей» написана мною в сотрудничестве с моей женою Галиной Стачневной Макаренко. А Макаренко.»]

Книга для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 5—25.] М., Учпедгиз, 1949. 340 стр., с портретом.

Книга для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—24.] Издание четвертое. М., Учпедгиз, 1950. 360 стр., с портретом.

Книга для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 5—26.] [Свердловск.] Свердловск. обл. гос. изд-во, 1950. 360 стр.

Книга для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—20.] [Минск.] Государственное учебно-педагогическое изд-во БССР, 1951. 300 стр., с портретом.

Честь. Повесть. «Октябрь», 1937, кн. XI, стр. 32—69; кн. XII, стр. 152—167; 1938, кн. 1, стр. 72—87; кн. V, стр. 93—137; кн. VI, стр. 10—45.

Флаги на башнях. «Красная новь», 1938, кн. VI, стр. 43—114; кн. VII, стр. 16—101; кн. VIII, стр. 54—130.

Флаги на башнях. Повесть в 3 частях. [От редактора—Ю. Лу-

кин, стр. 3—10.] М., Государственное издательство художественной литературы, 1939, 428 стр., с портретом.

Флаги на башнях. М., Учпедгиз, 1947. (Для слепых. В 8 книгах.)

Флаги на башнях. Симферополь, Крымиздат, 1949. 447 стр., с портретом.

В книге также дано: О повести «Флаги на башнях». Встреча А. С. Макаренко с читателями в Ленинградском дворце культуры им. С. М. Кирова 18 октября 1938 г.

Флаги на башнях. М., «Советский писатель», 1950. 484 стр.

В книге также дано: О повести «Флаги на башнях». — Открытое письмо Ф. Левину. — Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Ф. Левину (письмо воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского).

Флаги на башнях. [Свердловск,] Свердловское обл. гос. изд-во, 1950. 440 стр.

В книге также дано: О повести «Флаги на башнях». Встреча А. С. Макаренко с читателями в Ленинградском дворце культуры им. С. М. Кирова 18 октября 1938 г.

Флаги на башнях. [Ярославль,] Ярославское обл. гос. изд-во, 1950. 456 стр.

В книге также дано: О повести «Флаги на башнях». — Открытое письмо Ф. Левину. — Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Ф. Левину (письмо воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского).

Лекции для родителей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 5—15.] М., Учпедгиз, 1940. 120 стр., с портретом.

Лекции для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—17.] Махачкала, Даггиз, 1941. 168 стр.

*Беседы с родителями*¹. Сталинград, Обл. книгоиздательство, 1941. 92 стр.

Воспитание детей в семье и школе. [Чкалов,] Чкаловское обл. гос. изд-во, 1941. 148 стр.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—10.] М., Учпедгиз, 1947. 104 стр., с портретом.

Беседы с родителями. Сталинград, Обл. книгоиздательство, 1947. 108 стр.

Воспитание в семье. (Лекции для родителей). [Куйбышев,] Куйбышевское обл. гос. изд-во, 1949. 88 стр.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—10.] 3-е издание. М., Учпедгиз, 1950. 104 стр., с портретом.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—8.] 4-е издание, М., Учпедгиз, 1952. 96 стр., с портретом.

¹ В авторской рукописи нет общего заглавия лекций, прочитанных А. С. Макаренко по радио о воспитании детей в семье. Лекции издавались поэтому под разными названиями («Лекции для родителей», «Беседы с родителями», «Воспитание в семье»).

Методика организации воспитательного процесса. Редакция и предисловие Г. С. Макаренко [стр. 5—10]. М., Трудрезервиздат, 1947. 98 стр., с портретом.

Методика организации воспитательного процесса. Под редакцией Г. С. Макаренко. [Подготовил к печати И. С. Петрухин. Вступительная статья И. С. Петрухина, стр. 3—11.] М., АПН РСФСР, 1950. 108 стр.

(АПН РСФСР, Институт теории и истории педагогики.)

4. Рассказы, очерки, отрывки из художественных произведений

Педагогическая поэма. Главы из третьей книги. «Советская литература». Литературно-художественный журнал Союза советских писателей Украины. [Киев.] 1936. Книга первая: гл. 2 «Передовой сводный», стр. 115—31; книга вторая: гл. 7 «Триста семьдесят третий бис», гл. 8 «Гопак», стр. 11—34.

Несколько часов на канале. Впечатления. «Литературная газета», 1937, 1/V, № 23.

[Текст к фотоиллюстрации без названия. Подпись — Андрей Гальченко.] «Литературная газета», 1937, 1/V, № 23.

В семье Веткиных. Из «Книги для родителей», «Литературная газета», 1937, 20/VII, № 39.

Из «Книги для родителей». «Сталинский рабочий», 1937, 5/VIII, № 178.

Беседа с родителями. [Из материалов «Книги для родителей».] «Учительская газета», 1946, 27/III, № 16.

О человеческих чувствах. «Красная звезда», 1937, 18/VIII, № 190.

Случай из прошлого. «Ленинградская правда», 1937, 27/VIII, № 197.

Поручик Яблонский. «Смена», 1944, № 1—2, стр. 13—14.

Гришка. «Смена», 1937, № 9—10, стр. 20—22.

Случай в походе. «Колхозные ребята», 1937, № 10, стр. 12—15.

Симфония Шуберта. «Смена», 1938, № 5, стр. 8—9.

Премия. «Молодой колхозник», 1938, № 5, стр. 12—14.

Незабываемая встреча. «Дружные ребята», 1938, № 6, стр. 9—12.

Доктор. «Медицинский работник», 1938, 29/XI, № 87.

Домой хочу. «Дружные ребята», 1939, № 3, стр. 4—7.

Преподаватель словесности. «Литературная газета», 1940, 30/III, № 18.

Новые годы. «Московский комсомолец», 1941, 1/I, № 1.

Пути поколения. Отрывок из незаконченного романа. «Литературная газета», 1941, 6/IV, № 14.

Главы из неопубликованного романа «ФД-1». «Советская педагогика», 1944, № 5—6, стр. 12—16.

ФД-1. (Главы из романа.) В сборнике: А. С. Макаренко Статьи. Воспоминания. Неопубликованные произведения. Львовский госуниверситет им. Ивана Франко, 1949, стр. 165—199.

На всю жизнь. (Глава из повести «Флаги на башнях».) «Советская женщина», 1949, № 2, стр. 49—50.

Эволюция и взрыв. Из рукописи «Педагогической поэмы», «Учительская газета», 1949, 30/III, № 24.

«На педагогических ухабах». [Полный текст авторской машинописи 12-й главы 1-й части «Педагогической поэмы». В статье Н. А. Сундукова «Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы».] М., «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 38, 1952, стр. 178—182.

(«Известия АПН РСФСР», Труды Института теории и истории педагогики.)

5. Статьи, рецензии, стенограммы выступлений, письма

Такова наша история. «Комсомолец Донбасса», 1934, 24/VIII, № 192.

Наша история. «Сталинец», 1934, 26/VIII, № 11.

Прекрасный памятник. «Правда», 1936, 20/VII, № 198.

«Чудо», созданное советской жизнью. [Из выступления в Доме советского писателя.] «Литературная газета», 1936, 1/VIII, № 43.

Письмо в совет жен писателей. «Литературная газета», 1936, 5/VIII, № 44.

О личности и обществе. «Известия», 1936, 9/XII, № 286.

Максим Горький в моей жизни. Год XIX, М., Государственное издательство художественной литературы, 1936, альманах десятый, стр. 15—25.

Право автора. Отклик на письмо проф. В. Сементовского в редакцию «Правды» — «Важный вопрос». «Литературная газета», 1937, 15/I, № 3.

Писатели — активные деятели советской демократии. «Литературная газета», 1937, 10/III, № 13.

Героическая борьба. [О книге А. Первенцева «Кочубей».] «Литературная газета», 1937, 20/IV, № 21.

Товарищеская лаборатория. «Литературная газета», 1937, 26/IV, № 22.

Больше коллективности. (Стенограмма выступления на общем собрании писателей 2—5 апреля 1937 г. в Москве.) «Октябрь», 1937, № 5, стр. 189—191.

В эти дни... [К завоеванию Северного полюса советской экспедицией.] «Литературная газета», 1937, 26/V, № 28.

Происшествие в «Звезде». [О романе Ф. Олесова «Возвращение».] «Правда», 1937, 1/VII, № 179.

Детство и литература. «Правда», 1937, 4/VII, № 182.

Вредная повесть. «Литературная газета», 1937, 15/VII, № 38.

Сила советского гуманизма. «Литературная газета», 1937, 30/VII, № 41.

Закономерная неудача. [О книге Н. Вирты «Закономерность».] «Литературная газета», 1937, 10/VIII, № 43.

Рассказы о простой жизни. [О повести В. Козина «Рассказы о просторе».] «Литературная газета», 1937, 20/VIII, № 45.

Цель воспитания. «Известия», 1937, 28/VIII, № 201.

На пороге третьего десятилетия. «За коммунистическое просвещение», 1937, 1/IX, № 121.

О темах для писателей. «Книга и пролетарская революция», 1937, № 9, стр. 125.

- Радость нашей жизни.* «Правда», 1937, 13/X, № 283.
- Новая жизнь.* «Правда», 1937, 16/X, № 286.
- Наше знамя!* «Известия», 1937, 21/X, № 246.
- За дорогое будущее, к которому ведет Сталин.* «Литературная газета», 1937, 26/X, № 58.
- «Чапаев» Д. Фирманова.* «Литературный критик», 1937, № 10—11, стр. 102—119.
- Счастье.* «Известия», 1937, 7/XI, № 260.
- Я буду голосовать за товарищей Булганина и Гудова.* Из речи на собрании избирателей 8-го участка Ленинского избирательного округа. «Вечерняя Москва», 1937, 29/XI, № 273.
- «Мальчик из Уржума».* [Об одноименной повести А. Голубевой.] «Литературная газета», 1937, 1/XII, № 65.
- Прасковья Никитична Пичугина.* «Октябрь», 1937, № 12, стр. 41—46.
- Выборное право трудящихся.* «Красная новь», 1937, № 12, стр. 22—28.
- Выборное право трудящихся.* В сборнике очерков и рассказов, посвященных выборам в Верховный Совет: «И жизнь хороша и жить хорошо». М., Гослитиздат, 1937, стр. 5—20.
- Выборное право трудящихся.* [Сокращенный вариант статьи.] «Литературная газета», 1951, 16/I, № 6.
- Клевета на молодого писателя.* «Комсомольская правда», 1938, 12/II, № 35.
- Статья написана в соавторстве с А. Караваевой и А. Эрлихом.
- Проблемы воспитания в советской школе.* «Правда», 1938, 23/III, № 81.
- Против шаблона.* В порядке обсуждения. [Ответ на критику повести «Честь».] «Литературная газета», 1938, 30/VI, № 36.
- Разговор с читателем.* [О «Книге для родителей».] «Книга и пролетарская революция», 1938, № 4, стр. 158—160.
- Воспитание характера в школе.* «Правда», 1938, 7/V, № 124.
- Воспитательное значение детской литературы.* «Литературная газета», 1938, 15/V, № 27.
- Писатели — подписчики нового займа.* «Литературная газета», 1938, 5/VII, № 37.
- «В поисках героя».* [Рецензия.] «Известия», 1938, 29/VIII, № 202.
- Стиль детской литературы.* «Детская литература», 1938, № 17, стр. 8—12.
- Советские летчицы.* «Литературная газета», 1938, 10/X, № 56.
- Беседа с начинающими писателями.* «Литературная учеба», 1938, № 10, стр. 93—100.
- Литературные мечтания.* [Новогодние пожелания.] «Литературная газета», 1938, 30/XII, № 72.
- Записки педагога.* [О книге Т. Семушкина «Чукотка».] «Литературная газета», 1939, 26/I, № 5.
- Литература и общество.* «Литературная газета», 1939, 5/II, № 7.
- Великая награда.* «Дружные ребята», 1939, № 3, стр. 15.
- Открытое письмо тов. Ф. Левину.* «Литературная газета», 1939, 26/IV, № 23.
- Предстоит большая работа над собой.* В сборнике «Слово писателя». М., Гослитиздат, 1939, стр. 211—214.

Некоторые педагогические выводы из моего опыта. (Доклад на встрече с ленинградскими учителями в Областном доме учителя 16/X 1938 г.) «Учительская газета», 1940, 15/XII, № 159 и 18/XII, № 160.

Воспитание детей в школе и семье. (Сокращенная стенограмма доклада в Московском Доме учителя 8/II 1939 г.) «Учительская газета», 1940, 27/XII, № 164.

Стенограмма доклада А. С. Макаренко в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов НКП РСФСР 20/IV 1938 г. «Учебно-воспитательная работа в детских домах», Бюллетень, 1941, № 2—3, стр. 6—31.

Педагогижимают плечами. «За большевистские педкадры» (Ленинградский пединститут им. Герцена), 1941, 1/IV, № 13; 8/IV, № 14; 15/IV, № 15; 22/IV, № 16.

Семья и воспитание детей. (Стенограмма лекции, прочитанной на собрании родителей, созданном редакцией журнала «Общественница» 22/VII 1938 г.) «Учительская газета», 1944, 29/III, № 14.

Из переписки А. М. Горького. [1925—1935 гг.] «Учительская газета», 1946, 19/VI, № 30.

О «Книге для родителей». «Семья и школа», 1948, № 9, стр. 8—10; № 10, стр. 13—16; № 11, стр. 10—14.

Из неопубликованных рукописей А. С. Макаренко. Цели воспитания. Педагогическая логика. [Из материалов книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии.»] «Вопросы философии», 1948, № 2, стр. 405—411.

Из переписки А. С. Макаренко с Л. В. Конисевичем. [1937—1938 гг.] «Советская педагогика», 1949, № 3, стр. 50—53.

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким (тексты писем). [В статье Н. А. Сундукова «Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы.»] М., «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 38, 1952, стр. 230—268. («Известия АПН РСФСР», Труды Института теории и истории педагогики.)

«Разговор о воспитании». «Советская педагогика», № 4, стр. 65—68.

Лекции о воспитании детей, прочитанные по радио в 1937 г.: Воспитание в труде. «Учительская газета», 1940, 15/IX, № 121 и «Известия», 1940, 15/IX, № 215.

Воспитание в труде. «Семья и школа», 1946, № 12, стр. 7—12.

О родительском авторитете. «Известия», 1940, 19/IX, № 218.

Родительский авторитет. «Учительская газета», 1940, 9/X, № 131.

Дисциплина. «Учительская газета», 1940, 20/IX, № 123.

Половое воспитание. «Учительская газета», 1940, 22/IX, № 124.

Культурная работа в семье. «Учительская газета», 1940, 25/IX, № 125.

Игра. «Учительская газета», 1940, 29/IX, № 127.

Семейное хозяйство. «Учительская газета», 1940, 13/X, № 133.

Общие условия семейного воспитания. «Общественница», 1941, № 6, стр. 28—30.

Лекции, прочитанные для сотрудников НКП РСФСР в январе 1938 г.:

Дисциплина, режим, наказания и поощрения. «Учительская газета», 1941, 5/1, № 3 и 8/1, № 4.

Педагогика индивидуального действия. «Учительская газета», 1941, 12/1, № 6 и 17/1, № 8.

Отношения, стиль и тон в коллективе. «Учительская газета», 1941, 2/II, № 16.

Методы воспитания. «Советская педагогика», 1943, № 5—6, стр. 10—17.

Главы из книги «Методика организации воспитательного процесса»:

Новые воспитанники. «Производственное обучение», 1945, № 4, стр. 3—4.

Работа воспитателя. «Детские колонии», бюллетень № 1 Отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. 1945, стр. 33—37.

Дисциплина и режим. «Производственное обучение», 1946, № 1, стр. 7—8.

Наказания и меры воздействия. «Производственное обучение», 1946, № 3—4, стр. 33—34.

Методика организации воспитательного процесса. Главы из подготовленной к печати книги. [С некоторыми сокращениями.] «Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1946, № 6—7, стр. 39—59; 1947, № 8, стр. 20—33; 1948, № 9—10, стр. 45—57.

6. На языках народов СССР

На украинском языке

На гигантском фронте. [Книга написана в соавторстве с Н. Э. Фере.] Харьков, Гос. изд-во Украины, 1930. 68 стр. [Фамилии авторов на обложке не указаны. Даны инициалы: Н. Ф. — А. М.]

Педагогическая поэма. Части первая и вторая. Киев, Харьков, «Советская литература», 1935. 528 стр.

Педагогическая поэма. Издание второе. Части первая и вторая. [Харьков,] Гос. литературное изд-во, 1936. 538 стр.

(Библиотека художественной литературы.)

Педагогическая поэма. Авторизованный перевод. Часть третья. [Харьков,] Гос. литературное изд-во, 1936. 342 стр.

Наш театр (отрывок из «Педагогической поэмы»). «Известия Центрального Исполнительного Комитета УССР», 1936, 6/V, № 104.

Мой первый учитель. «Коммунист». Киев, 1936, 21/VI, № 141.

Близкий, родной, незабываемый. «Литературная газета», Киев, 1936, 30/VI, № 30.

Мы живем в самую счастливую эпоху. «Литературная газета», Киев, 1936, 12/VIII, № 37.

Всенародный приговор. «Литературная газета», Киев, 1936, 29/VIII, № 40.

Книга для родителей. Авторизованный перевод. [На 5-й странице: «Книга для родителей» написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахиевной Макаренко. А. Макаренко.»] Киев, Гос. литературное изд-во, 1940. 412 стр.

Книга для родителей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—23. На 2-й странице: «Книга для родителей» написана мною

в сотрудничестве с моей женою Галиной Стахивной Макаренко. А. Макаренко».] Киев, «Советская школа», 1949. 340 стр., с портретом.

Выступление А. С. Макаренко на вечере встречи его со студентами и преподавателями Харьковского государственного педагогического института. «Ученые записки Харьковского государственного педагогического института», 1941. т. VI, стр. 1—17.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. Киев, «Советская школа», 1941. 92 стр.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 5—11.] Киев, «Советская школа», 1948. 92 стр., с портретом.

(Библиотека для родителей.)

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действительных членов Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. Мельнико и И. Ф. Свядковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. [Предисловие действительного члена АПН РСФСР Е. Мельнико, стр. 3—20.] Киев, Харьков, «Советская школа», 1947. 283 стр., с иллюстрациями; 1 л. портрета.

(Академия педагогических наук РСФСР. Библиотека учителя.)

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действительных членов Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. Мельнико и И. Ф. Свядковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. Киев, Харьков, «Советская школа», 1950. 304 стр., с иллюстрациями; 1 л. портрета.

(Академия педагогических наук РСФСР. Библиотека учителя.)

Избранные произведения. В двух томах. [Предисловие: «Выдающийся советский писатель» — В. Т. Дмитрука, стр. V—XX.] Киев, Гос. изд-во художественной литературы, 1950.

Том 1. *Педагогическая поэма.* 535 стр., с иллюстрациями; 1 л. портрета с автографом.

Том 2. *Флаги на башнях. Книга для родителей. Речи, статьи.* [«Антон Семенович Макаренко» (биографическая справка), стр. 697—698.] 702 стр., с иллюстрациями; 1 л. портрета.

Методика организации воспитательного процесса. Под редакцией Г. С. Макаренко. Киев, «Советская школа», 1951. 100 стр.

(Академия педагогических наук РСФСР.)

На белорусском языке

Педагогическая поэма. Части первая и вторая. Минск, Гос. изд-во Белоруссии, Художественная литература, 1940. 336 стр.

На азербайджанском языке

О воспитательной работе. Статьи и выступления. [Предисловие действительного члена АПН РСФСР Е. Мельнико, стр. 3—23.] Баку, Азгосиздат, 1948. 176 стр.

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. [Вводная статья: «А. С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система», стр. 6—37.] Баку, журн. «Азербайджанская школа», 1950. 440 стр., с портретом.

(Библиотека учителя.)

На грузинском языке

Лекции для родителей о воспитании детей. Тбилиси, журн. «За коммунистическое воспитание», 1941. 96 стр.

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. [Предисловие В. Каджая, стр. I—XV.] Тбилиси, издательство Института педагогических наук, 1950. 391 стр., с иллюстрациями и портретом.

(Институт педагогических наук Министерства просвещения Грузинской ССР.)

На армянском языке

О родительском авторитете. Ереван, Просиздат, 1940. 32 стр.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. Ереван, Просиздат, 1941. 120 стр., с портретом. (Наркомпрос Армянской ССР. Родителям о воспитании.)

Педагогическая поэма. Ереван, Армгиз, 1947, 1 ч. 272 стр.; 2 ч. 220 стр.; 3 ч. 274 стр.

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действит. членов АПН РСФСР Е. Н. Медынского и И. Ф. Свядковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. Ереван, Армгиз, 1950. 448 стр., с илл.; 1 л. портрета.

На узбекском языке

Лекции о воспитании детей. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 7—14.] Ташкент, Учпедгиз УзССР, 1941. 100 стр., с портретом.

Некоторые педагогические выводы из моего опыта. Ташкент, Госиздат УзССР, 1948. 48 стр.

На казахском языке

Новые пути воспитания. Сборник. [Сокращенные стенограммы трех выступлений и четыре лекции из книги «Лекции для родителей».] Алма-Ата, Казахское объединенное гос. изд-во, 1942. 116 стр.

В книге также дано: М. Горький. «Об А. С. Макаренко», стр. 3—10; Т. Тажибаев. «О педагогическом наследии А. С. Макаренко», стр. 11—15; С. Ривес. «О педагогическом наследии А. С. Макаренко» (сокращенная стенограмма выступления на Всероссийской конференции по педагогическим наукам). Секция педагогики (26/IV 1941 г.), стр. 16—23.

(Народный комиссариат просвещения Казахской ССР, Научно-исследовательский институт школ.)

Избранные педагогические произведения. [Предисловие действ. члена АПН РСФСР Е. Медынского, стр. 3—21.] Алма-Ата, Казахское гос. учебно-педагог. изд-во, 1948. 208 стр., с портретом.

Педагогическая поэма. [Предисловие С. Жумагалиева, стр. 3—8.] Алма-Ата, 1951. 735 стр.

На литовском языке

Флаги на башнях. [Предисловие Ю. Лукина, стр. 5—16.] Каунас, Госиздат Литовской ССР, 1940. Книга 1-я: части 1 и 2—336 стр.; книга 2-я: конец 2-й части и 3-я часть—334 стр.

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. Каунас, Гос. изд-во педагог. литературы, 1949, 119 стр., с портретом.

(Родителям о воспитании.)

Педагогическая поэма. Вильнюс, Гос. изд-во художественной литературы, 1950. 624 стр. С иллюстрациями художника А. Короткина.

В книге также дано: М. Горький, «По Союзу Советов».— Из переписки А. М. Горького с А. С. Макаренко.— А. Макаренко. «Максим Горький в моей жизни».

Педагогическая поэма. Вильнюс, Гос. изд-во художественной литературы, 1951. 704 стр., с иллюстрациями; 1 лист портрета с автографом.

В книге также дано: М. Горький, «По Союзу Советов».— Из переписки А. М. Горького с А. С. Макаренко.— А. Макаренко. «Максим Горький в моей жизни».

Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. [Составитель и автор вступительной статьи А. Г. Тер-Гевондян, стр. 4—13.] Каунас, Учпедгиз, 1951. 248 стр.; 1 лист портрета с автографом.

В книге также дана библиография произведений А. С. Макаренко, составленная М. Бобровской, стр. 237—241 и предметный указатель, составленный Е. Альтшулер, стр. 242—247.

На латышском языке

Педагогическая поэма. Рига, Книгоиздательство ВАПП, 1945. 819 стр.

Избранные педагогические сочинения. Рига, Латвийское гос. изд-во, 1950. 327 стр.; 1 лист портрета с автографом.

В книге также дана: Биография А. С. Макаренко, стр. 3—22.

Книга для родителей. [Перевод с 4-го издания Учпедгиза. Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 5—22.] Рига, Латвийское гос. изд-во, 1950. 312 стр.

Флаги на башнях. [Перевод с издания Академии педагогических наук РСФСР 1949 г.] Рига, Латвийское гос. изд-во, 1951. 403 стр., с иллюстрациями.

На эстонском языке

Книга для родителей. [Предисловие проф. А. Коорт, стр. 7—12.] Тарту, «Научная литература», 1940. 442 стр.

Книга для родителей (2-е издание). Тарту, «Научная литература», 1947. 410 стр.

Лекции для родителей. Под редакцией Г. Макаренко и В. Колбановского. Таллин, «Пед. литература», 1941. 106 стр.

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действ. членов АПН РСФСР Е. Н. Медынского и И. Ф. Свадковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. Таллин, «Пед. литература», 1948. 436 стр.; 1 лист портрета.

Педагогическая поэма. Таллин, «Художественная литература и искусство», 1949. 484 стр.

На якутском языке

Лекции для родителей. Якутск, Гос. изд-во Якутской АССР, 1944. 172 стр.

(Родителям о воспитании.)

На татарском языке

Лекции о воспитании детей. Под редакцией Г. С. Макаренко и В. Н. Колбаковского. Перевод со 2-го издания. [Предисловие проф. В. Колбановского, стр. 3—11.] Казань, Татгосиздат, 1949. 112 стр., с портретом.

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Под общей редакцией действ. членов АПН РСФСР Е. Н. Медынского и И. Ф. Свадковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. [Предисловие Е. Н. Медынского, стр. 3—24.] Казань, Татгосиздат, Сектор учебно-педагогической литературы, 1950. 268 стр., с портретом.

(Академия педагогических наук РСФСР.)

7. Издания в СССР на иностранных языках

На английском языке

Полнота советской жизни рождает красочные новеллы. Газ. «Московские новости», 1938, 7/XI, № 45.

Дети в стране социализма. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1939. 23 стр., с иллюстрациями.

Педагогическая поэма. [Предисловие действ. члена АПН РСФСР проф. Е. Медынского, стр. IX—XXI.] М., Издательство литературы на иностранных языках, 1951, с иллюстрациями и портретом, в 3 книгах: кн. 1-я — 416 стр.; кн. 2-я — 342 стр.; кн. 3-я — 424 стр.

На венгерском языке

Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. Перевод с украинского. Под общей редакцией действ. членов АПН РСФСР Е. Н. Медынского и И. Ф. Свадковского. Составил доцент И. Ф. Козлов. [Предисловие действ. члена АПН РСФСР Е. Медынского, стр. 3—24.] Киев — Ужгород, «Советская школа», 1951. 336 стр., с иллюстрациями и портретом.

(Академия педагогических наук РСФСР. Библиотека учителя.)

**ОПИСЬ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ А. С. МАКАРЕНКО
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
АРХИВА СССР**

Опись № 1

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА А. С. МАКАРЕНКО

I. Произведения и стенограммы выступлений А. С. Макаренко

1. Художественные произведения

1. «На боевых участках». Две главы незаконченного романа «ФД-1». Монтаж текста Г. С. Макаренко. Машинопись¹. [1931 г.] 10 лл.
2. «Мажор». Пьеса в 4 актах. (Под псевдонимом Андрей Гальченко). Машинопись. [1933 г.] 96 лл.
3. «Педагогическая поэма». I часть. Гранки, подписанные А. С. Макаренко, с авторской правкой². 1934 г. 105 лл.
4. «Педагогическая поэма». I и II части. Гранки, верстка и обложка. 1935 г. 3 док., 97 лл.
5. «Педагогическая поэма». III часть. Машинопись с авторской и редакторской правкой. Экземпляр, подписанный в набор 15 ноября 1935 г. 340 лл.
6. «Педагогическая поэма». I и II части. Машинопись. Текст, подготовленный для переиздания. 1936 г. 206 лл.
7. «Педагогическая поэма». III часть. Гранки. 1936 г. 106 лл.
8. «Педагогическая поэма». III часть. Макет. 1936 г. 256 лл.
9. «Педагогическая поэма». II часть. Машинопись с [авторскими] пометками. Б. д. 238 лл.
10. «Педагогическая поэма». III часть. Машинопись с [авторскими] пометками. Б. д. 290 лл.
11. Оглавление к III части «Педагогической поэмы». Автограф. Б. д. 5 лл.
12. Иллюстрации и подписи к иллюстрациям «Педагогической поэмы». 1935—1939 гг. 6 док., 17 лл.
13. «Случай в походе». Рассказ. Машинопись. [1937 г.] 10 лл.
14. «Честь». Отрывки романа. Машинопись. 1937—1938 гг. 2 лл.
15. «Флаги на башнях». Роман. Часть первая. Машинопись. [1938 г.] 143 лл.
16. «Флаги на башнях». Роман. Часть вторая. (Неполный экземпляр.) Глава «Не может быть» имеет два варианта. Машинопись с авторской правкой. 1938 г. 231 лл.
17. «Флаги на башнях». Роман. Часть третья. Машинопись с авторской правкой. 1938 г. 108 лл.
18. «Настоящий характер». Киносценарий. Машинопись. [1938 г.] 51 лл.

¹ Здесь и в последующих единицах хранения (ед. хр. 1—26) речь идет об авторской машинописи.

² Здесь и в последующих единицах хранения (ед. хр. 3—11) имеется в виду текст издания Государственного издательства художественной литературы.

2. Статьи

19. «Беседы с родителями» («Общие условия семейного воспитания», «О родительском авторитете», «Дисциплина», «Игра» и др.). Машинопись. [1937 г.] 8 док., 116 лл.

20. «Петр Первый». Литературно-критическая статья о романе А. Н. Толстого. Машинопись с авторской и редакторской правкой. [1937—1938 гг.] 43 лл.

21. «Проблемы школьного советского воспитания». Тезисы к лекциям. Машинопись. 1938 г. 8 лл.

22. О коммунистической этике. Статья. Машинопись. [Февраль 1939 г.] 32 лл.

23. «Воля, мужество, целеустремленность». Статья. Машинопись с пометками Г. С. Макаренко. Март 1939 г. 17 лл.

24. «Что значит воспитать ребенка?...» Фрагменты. Машинопись [Март 1939 г.] 2 лл.

25. «Открытое письмо Ф. Левину». [По поводу антипатриотической статьи Ф. Левина «Четвертая повесть А. Макаренко».] Машинопись, заверенная редакцией «Литературной газеты». 29 апреля 1939 г. 4 лл.

26. «Вроде методического плана клубной работы». [Наброски статьи о формах клубной работы.] Машинопись. Б. д. 3 лл.

3. Стенограммы выступлений

27. Стенограмма лекции о воспитании детей, прочитанной в редакции журнала «Общественница». Машинопись. 22 июля 1938 г. 33 лл.

28. Стенографический отчет о беседе А. С. Макаренко с учителями начальных и средних школ г. Ленинграда и Ленинградской области по вопросам воспитания в школе и семье. Машинопись. 16 октября 1938 г. 52 лл.

29. Стенограмма доклада «Воспитание в семье и школе», прочитанного в Ленинградском Доме учителя. Машинопись. 8 февраля 1939 г. 105 лл.

30. Стенограмма лекции «О коммунистическом воспитании и поведении», прочитанной в лектории Московского университета. Машинопись с правкой Г. С. Макаренко. 1 марта 1939 г. 52 лл.

31. Стенограмма выступления на совещании учителей Ярославской железной дороги. Машинопись. 29 марта 1939 г. 24 лл.

II. Письма А. С. Макаренко

32. Авдеенко Александру Остаповичу. Телеграмма. 17 апреля 1929 г. 1 л.

33. Невечере Елене (воспитаннице коммуны имени Ф. Э. Дзержинского). 18 марта 1935 г. 1 л.

III. Письма к А. С. Макаренко

34. Родителей, читателей, начинающих писателей. 16 декабря 1932—21 марта 1939 гг. 124 пп., 130 лл.

35. Жилищного строительства «Советский писатель». 22 сентября 1936—5 ноября 1937 гг. 5 пп., 8 лл.

36. Трудкоммуны имени Ф. Э. Дзержинского. 15 января 1937 г. 2 лл.
37. Института имени академика И. П. Павлова. 26 августа, 12 ноября 1937 г. 2 пп., 2 лл.
38. Учительских, студенческих и рабочих коллективов с приглашениями выступить на педагогические темы. 23 сентября 1937—26 марта 1939 гг. и б. д. 16 пп., 16 лл.
39. Одесской киностудии. 14 ноября 1937—15 марта 1939 г. и б. д. 6 пп., 6 лл.
40. Воспитанников А. С. Макаренко. 28 декабря 1937—5 февраля 1939 гг. 6 пп., 8 лл.
41. Украинского литературного издательства [Харьков—Киев]. 25 февраля—4 марта 1938 г. 2 лл.
42. Издательств «Советский писатель», Детгиздат, «Крестьянская газета», журналов «Под знаменем марксизма», «Молодая гвардия» и других московских редакций газет, журналов и издательств с просьбой о присылке материала. 25 мая 1938—28 марта 1939 гг. и б. д. 14 пп., 15 лл.
43. Ленинградского государственного театра юных зрителей. 3 августа 1938—21 марта 1939 гг. 3 пп., 3 лл.
44. Краснодарской краевой библиотеки имени А. С. Пушкина. 4 декабря 1938 г. 1 л.
45. Шестакова И. А., преподавателя Ульяновского библиотечного техникума. 12, 20 декабря 1938 г. 2 пп., 6 лл.
46. Дома литературного воспитания школьников (в Ленинграде). Б. д. 1 л.

IV. Материалы служебной и общественно-литературной деятельности А. С. Макаренко

1. Личные документы, материалы работы в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского и в Союзе советских писателей

47. Выписка из трудового списка А. С. Макаренко с 1905 по 1932 гг.—«Данные о прохождении службы», копия; рекомендация, данная А. С. Макаренко для вступления в члены Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) бывшим воспитанником колонии имени М. Горького И. П. Сопиным. 11 марта 1939 г. 2 док., 2 лл.
48. Записки А. С. Макаренко о заданиях воспитанникам. Автограф. 12 октября 1929—6 апреля 1935 гг. 3 док., 3 лл.
49. Договоры и соглашения А. С. Макаренко с издательствами, театрами и другими учреждениями на право издания его произведений и постановку его пьес. Копии. 25 апреля 1934—5 марта 1939 гг. 24 док., 27 лл.
50. Удостоверение, выданное А. С. Макаренко трудкоммуной имени Ф. Э. Дзержинского о служебной командировке в г. Киев; медицинская справка—протокол рентгенологического обследования; повестки на заседания в издательства и Союз советских писателей. 26 июня 1935—26 февраля 1939 гг. 9 док., 12 лл.
51. Докладная записка А. С. Макаренко в правление Союза со-

ветских писателей о составе секции прозаиков, протокол заседаний секции, списки актива секции и др. Автограф и машинопись. 1938 г. 5 док., 10 лл.

2. Материалы различных детских учреждений [в период работы А. С. Макаренко в отделе трудовых колоний НКВД УССР]

52. Материалы Полтавской трудовой колонии им. М. Горького: отчеты и доклады заведующего колонией А. С. Макаренко, переписка колонии, отчетные ведомости, акты, сметы и др. материалы. Копии. 1921—1930 гг. 85 док., 120 лл.

53. Выписки из протокола Педагогического Совета колонии имени Октябрьской революции [Винницкой области] по вопросу о переростках и поднятии дисциплины, с препроводительной запиской в Управление детскими домами. 17—18 января 1928 г. 2 док., 3 лл.

54. Приговор Харьковского окружного суда по делу заведующего детской колонией имени III Интернационала [Харьковской области]. На украинском языке. Копия. 1928 г. 4 лл.

55. Материалы трудовой колонии имени М. Горького в Куряже [Харьковской области]: краткая история создания колонии, бюджет, списки, письма, стихотворения, автобиографии воспитанников. [1930 г.] и б. д. 13 док., 21 лл.

56. Материалы Таганчанской трудовой колонии [Киевской области] НКВД УССР: протоколы технической комиссии, сводные таблицы, переписка. Копии. Декабрь 1935 г. 10 док., 23 лл.

57. Материалы приемника-распределителя НКВД УССР [в Запорожье]: письма родственников, переписка воспитанников, письма педагогам. 1935—1936 гг. 34 док., 42 лл.

58. Статистические данные о возрасте, национальности, социальном положении, судимости воспитанников колонии [имени М. Горького]. Б. д. 2 лл.

V. Материалы об Антоне Семеновиче Макаренко

1. Воспоминания, статьи, выступления и переписка о педагогической и литературной деятельности А. С. Макаренко

59. Выписка из книги Л. Вильсона «Новая школа в новой России» («New Schools in new Russia») о колонии имени М. Горького. Рукописный текст. На английском языке. 1928 г. 3 лл.

60. М. Горький «О колонии имени Горького». (Из очерков «По Союзу Советов»). Машинописная копия. [1929 г.] 11 лл.

61. Воспоминания об А. С. Макаренко его сотрудников и воспитанников. Автограф и машинопись. 1938—1940 гг. 13 док., 59 лл.

62. Письма разных лиц к Салько Льву Михайловичу (приемному сыну А. С. Макаренко) по вопросам литературно-педагогического наследства А. С. Макаренко. 1939—1940 гг. и б. д. 12 пп., 12 лл.

63. Стенограмма выступлений на Харьковской научно-педагогической сессии, посвященной педагогическому наследству А. С. Макаренко. Машинопись. 28—30 ноября 1940 г. 31 лл.

64. Статья Когана С. Б. (бывшего заведующего производством коммуну имени Ф. Э. Дзержинского) «К научной сессии, посвященной педагогическому наследию А. С. Макаренко». Черновик. Автограф. [1940 г.] 2 док., 4 лл.

65. Библиографические списки произведений А. С. Макаренко. Машинопись. [1940—1941 гг.] 7 док., 46 лл.

66. План лекции Смигельского В. в Государственном педагогическом институте имени К. Либкнехта на тему «Педагогическая деятельность А. С. Макаренко». Автограф и машинопись. 29 мая 1941 г. 3 лл.

67. Письмо Юрченко Елены Захарьевны в редакцию газеты «Правда» по поводу опубликования в «Красной нови» очерков И. Чумака, ложно освещающих факты, касающиеся деятельности А. С. Макаренко. 31 мая 1941 г. 2 экз., 2 лл.

68. Беседа по радио из цикла «Жизнь замечательных людей»: «Писатель-педагог Антон Семенович Макаренко». (Автор не установлен). Машинопись. 1941 г. 12 лл.

69. Статьи об А. С. Макаренко: Козлова И. Ф., Лукина Ю. Б., Четунновой Н. И. Машинопись. Б. д. 3 док., 42 лл.

2. Отзывы читателей о произведениях А. С. Макаренко

70. Отзывы читателей (индивидуальные и коллективные) о «Педагогической поэме». Списки читателей, приславших свои отзывы о «Педагогической поэме» и других произведениях А. С. Макаренко. 8 ноября 1935—9 марта 1939 г. 193 док., 200 лл.

71. Отзывы читателей (коллективные и индивидуальные) о «Книге для родителей», отклики на награждение А. С. Макаренко орденом Трудового Красного Знамени. 25 января 1937—15 мая 1939 г. 69 док., 132 лл.

72. Отзывы читателей о статье «Проблемы воспитания в советской школе». 25 марта—6 апреля 1938 г. 97 док., 150 лл.

73. Отзывы читателей о статье «Воспитание характера в школе». 7—22 мая 1938 г. 21 док., 76 лл.

74. Отзывы читателей о книге «Флаги на башнях». Б. д. 6 док., 11 лл.

3. Материалы комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко

75. Письма читателей в комиссию по увековечению памяти А. С. Макаренко. 5—8 апреля 1939 г. 5 док., 8 лл.

76. Протоколы, выписки из протоколов, стенограммы заседаний комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко. 5 апреля 1939—14 марта 1941 гг. Копии. 9 док., 92 лл.

77. Переписка комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко с отдельными лицами и учреждениями (архивными органами УССР, редакциями, издательствами) по вопросам сбора архивных материалов, связанных с литературной и педагогической деятельностью А. С. Макаренко и организацией музея его имени. Среди них: выписка из приказа Народного комиссара внутренних дел УССР за 1937 г. об объявлении благодарности А. С. Макаренко

за активное участие в создании и руководстве коммуной имени Ф. Э. Дзержинского. 12 октября 1940—14 июля 1941 гг. и б. д. 71 док., 78 лл.

78. Письма комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко разным лицам в связи с двухлетней годовщиной со дня смерти писателя. 29 апреля 1941 г. и б. д. 9 док., 9 лл.

79. Списки архивных материалов А. С. Макаренко и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, переданных в комиссию по увековечению памяти А. С. Макаренко. Машинопись. 1941 г. 4 док., 10 лл.

VI. Изобразительные материалы

80. Фото бывших воспитанников А. С. Макаренко с дарственными надписями А. С. и Г. С. Макаренко. 6 ноября 1926—15 марта 1940 гг. и б. д. 12 фото.

81. Фотопортрет М. Горького с дарственной надписью А. С. Макаренко. Фотокопия. 17 марта 1928 г.

82. Фотопортреты А. С. Макаренко, его отца и матери — С. Г. и Т. М. Макаренко. Б. д. 5 фото.

Опись № 2

МАТЕРИАЛЫ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

I. Административно-организаторская часть

1. Записи в книгу посетителей коммуны, положения, приказы по коммуне

1. Записи в книгу посетителей коммуны, в том числе иностранных делегаций в переводе на русский язык. Среди них — записи чехословацкой рабочей делегации во главе с Ю. Фучиком, американской рабочей делегации и др. Копия. Декабрь 1927 г. — январь 1937 г.

2. Проект договора между заведующим коммуной А. С. Макаренко и студентами — бывшими воспитанниками колонии имени М. Горького об их работе в коммуне. 12 ноября 1928 г. 5 лл.

3. Проект положения о Совете трудовых коммун ГПУ УССР, представленный на утверждение Председателя ГПУ УССР. 4 сентября 1933 г. 2 док., 5 лл.

4. Приказы по коммуне. На русском и украинском языках. Подлинники и копии. 27 мая 1933—20 апреля 1934 гг. 3 книги. 307 лл.

5. Приказы по коммуне. На русском и украинском языках. Копии. 1 января—1 июля 1934 г. 144 док., 152 лл.

6. Проект реорганизации труддомов в детские трудовые колонии по типу трудкоммуны имени Ф. Э. Дзержинского, препровождаемый коммуне при служебной записке транспортного отдела НКВД УССР. Декабрь 1934 г. 2 док., 5 лл.

7. Приказы и распоряжения по коммуне. Подлинники и копии. 10 мая 1934—31 декабря 1935 гг. и б. д. 72 док., 110 лл.

8. Приказы по учебно-воспитательной части коммуны. Копии. 8 октября 1935—10 июня 1938 гг. 172 док., 182 лл.

9. Приказы по коммуне с № 5 по № 129. Копии. 13 января 31 августа 1936 г. 125 док., 260 лл.

10. Приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 27 мая 1936 г. о трудовых колониях для несовершеннолетних. Печатный. 27 мая 1936 г. 18 лл.

11. Приказы по Харьковскому комбинату НКВД УССР имени Ф. Э. Дзержинского. Копии. 24 апреля—10 мая 1933 гг. 6 док., 6 лл.

2. Личный состав коммуны

12. Списки коммунаров и воспитанников коммуны. Копии 1931—1936 гг. 10 док., 152 лл.

13. Личные и учетные карточки воспитанников коммуны. 1934—1936 гг. 73 док., 73 лл.

14. Декадные сводки о движении воспитанников коммуны. Сентябрь 1935—август 1936 гг. 75 док., 75 лл.

15. Списки коммунаров, работающих в производственных объединениях коммуны (электрозавод, завод фотоаппаратуры и др.). 1935—1938 гг. 2 док., 156 лл.

16. Списки воспитанников и коммунаров по взводам, ротам и отрядам. 1936 г. и б. д. 142 док., 223 лл.

17. Списки коммунаров, направленных коммуной для работы на различные заводы. Копии. Б. д. 15 док., 49 лл.

18. Список воспитанников коммуны, имеющих родных. Б. д. 11 лл.

3. Переписка

19. Приветствия коллективу коммуны имени Ф. Э. Дзержинского в связи с 7 годовщиной коммуны — от Народного комиссара внутренних дел УССР, коллектива детприемника № 1 в г. Дербенте. 24 декабря 1934—3 января 1935 гг. 2 док., 7 лл.

20. Переписка коммуны с отдельными лицами и учреждениями о приеме воспитанников в коммуну, справки и характеристики коммунаров. На русском и украинском языках. Подлинники и копии. 18 августа 1927—9 сентября 1936 гг. 220 док., 250 лл.

21. Переписка коммуны с отдельными лицами и учреждениями о приеме воспитанников в коммуну, справки и характеристики коммунаров. На русском и украинском языках. Подлинники и копии. 11 марта 1935—17 июля 1937 гг. 216 док., 225 лл.

22. Письмо бывшего воспитанника коммуны А. П. Медведова воспитателю коммуны Юрченко Елене Захаровне. 2 сентября 1935 г. 1 л.

23. Переписка коммуны с отделом трудовых колоний НКВД УССР о приеме в коммуну воспитанников по нарядам отдела. 3 декабря 1935—14 августа 1936 гг. 58 док., 60 лл.

24. Переписка коммуны с различными организациями и учреждениями об откомандировании воспитанников коммуны в высшие учебные заведения, о культурно-воспитательной работе в коммуне и по другим вопросам. Подлинники и копии. 9 декабря 1935—26 мая 1936 гг. 170 док., 185 лл.

25. Переписка коммуны с различными учреждениями по хозяйственным и производственным вопросам: расписки, доверенности, справки и др. Подлинники и копии. 1935 г. 215 док., 230 лл.

26. Письмо воспитанника [Острова] своему другу — беспризорнику. 16 февраля 1936 г. 1 л.

27. Переписка с различными лицами и учреждениями о розыске детей, по вопросам личного состава воспитанников коммуны и участия коммунаров во Всесоюзной олимпиаде художественной самодельности. 22 декабря 1935—август 1936 гг. 66 док., 80 лл.

28. Отношение коммуны в Московское экскурсионное бюро с просьбой предоставить возможность коммунарам-художникам, премированным поездкой в Москву, ознакомиться с музеями столицы. Копия. 2 января 1937 г. 1 л.

II. Учебно-воспитательная часть

29. Доклад А. С. Макаренко о состоянии воспитательной работы в коммуне за 1930 год и резолюция правления коммуны по докладу. Копии. 1931 г. 2 док., 22 лл.

30. Протоколы заседаний Педагогического Совета рабфака коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. (Запротоколированы также выступления А. С. Макаренко). Копии. 26 сентября 1933—3 июля 1934 гг. 21 док., 70 лл.

31. Ведомости успеваемости и поведения, характеристики воспитанников. 3 января 1934 г. и б. д. 3 док., 10 лл.

32. Ответы коммунаров (анкетные) по вопросам дальнейшей учебы и специализации. 19 ноября 1934 г. 131 док., 131 лл.

33. Списки неуспевающих воспитанников, переданные Педагогическим Советом коммуны на рассмотрение Совета командиров; рапорты и списки дежурных членов Совета командиров. 1934—1936 гг. и б. д. 9 док., 10 лл.

34. Протокол общего собрания преподавателей учебного школьного комбината и выписки из протоколов заседаний Педагогического Совета коммуны неполной средней школы коммуны. 17 сентября 1935—7 июня 1936 гг. 3 док., 9 лл.

35. Докладная записка заведующего учебной частью школьного комбината коммуны о состоянии учебы в комбинате; сведения и отчеты о работе рабфака и неполной средней школы комбината. Подлинники и копии. 1935—1936 гг. 5 док., 6 лл.

36. Письма бывшего воспитателя А. Дилоренко и воспитанников коммуны заведующему учебно-воспитательной частью Т. Д. Таталину. 23 апреля 1936—24 мая 1937 гг. и б. д. 5 док., 5 лл.

37. Отчеты командиров отрядов коммуны об их воспитательной работе в отряде. Май 1936 г. 27 док., 40 лл.

38. Постановление Педагогического Совета об успеваемости учеников неполной средней школы коммуны от 16 июня 1936 г. 8 лл.

39. Автобиографии коммунаров, представленные в учебно-воспитательную часть коммуны. 1936 г. 301 док., 326 лл.

40. Рапорты, донесения, докладные записки заведующего учебной частью и старост групп начальнику педагогической части коммуны о нарушениях учебной дисциплины воспитанниками коммуны, учащимися рабфака. 1936 г. 120 док., 166 лл.

41. Краткие автобиографии воспитанников коммуны, связанные с жизнью в коммуне. 19 марта 1937 г. и б. д. 26 док., 66 лл.

42. Выписки из сочинений по литературе, содержащих стилистические и смысловые ошибки [воспитанников коммуны]. Рукописный текст. Б. д. 1 л.

43. Записки коммунара Корнеева о заграничном путешествии на пароходе «Трансбалт». Б. д. 9 лл.

44. Отрывок рукописи о роли воспитателя и записная книжка заведующего учебно-воспитательной частью коммуны Т. Д. Татарина. Б. д. 2 док., 5 лл.

III. Производственно-техническая часть

45. Докладная записка инженера А. И. Парусова заместителю начальника коммуны по производственной части о своей командировке в Ленинград для разрешения ряда производственно-технических вопросов. 21 ноября 1933 г. 4 лл.

46. Сводки производственных показателей по заводу фотоаппаратуры о выполнении плана коммунарами. Копии. 1939 г. 20 док., 28 лл.

47. Заявления коммунаров о повышении им рабочих разрядов и справки начальников цехов о выполнении коммунарами производственных планов. 22 декабря 1934—13 января 1935 гг. и б. д. 5 док., 5 лл.

48. Расчетная книжка коммунара В. И. Безикова. Июнь — ноябрь 1936 г. 15 лл.

49. Списки коммунаров-стахановцев по отдельным цехам завода фотоаппаратуры и сведения о росте их заработной платы. 1936 г. 8 док., 8 лл.

50. Программы занятий кружков техминимума для отдельных цехов завода фотоаппаратуры. Б. д. 21 док., 54 лл.

51. Статья Чернова Д. «За лучшую в мире пленочную камеру. Завод советских «Леек» в Харькове». (О заводе фотоаппаратуры коммуны имени Ф. Э. Дзержинского). Машинопись. Б. д. 2 лл.

IV. Финансовая часть

52. Списки воспитанников-выпускников коммуны с приложением сметы расходов, связанных с выпуском 1936 г. Копии. 1932—1936 гг. и б. д. 24 док., 43 лл.

53. Служебная записка планово-производственного отдела коммуны начальнику педагогической части с предложением представить штатное расписание и смету на 1937 г. 1 ноября 1936 г. 1 л.

54. Инструкции финансового отдела НКВД СССР о порядке бухгалтерского учета операций, связанных с содержанием воспитанников коммуны. Копии. 1936 г. 2 док., 6 лл.

55. Сметы расходов по коммуне на 1936 г. Копии. 6 док., 6 лл.

56. Бухгалтерские ведомости коммуны. Копии. Б. д. 4 док., 18 лл.

V. Общественные организации: профсоюзная, комсомольская и пионерская; культмассовые мероприятия коммуны

57. «Шарошка» — стенная газета Совета командиров коммуны 2 марта—3 апреля 1930 г. и б. д. 7 выпусков.

58. Стенные газеты «Дзержинец» и «Пионер-Дзержинец» с приложениями отдельных выпусков «Дзержинец-молния». 26 июня 1933—20 ноября 1936 гг. 15 док., 18 лл.

59. Списки членов профсоюза коммуны, ведомости уплаты членских взносов, списки по коллективному страхованию жизни. 1933—1939 гг. и б. д. 39 док., 80 лл.

60. Материалы для стенной газеты коммуны «Дзержинец»: заметки воспитательницы Е. З. Юрченко и других авторов. 1933—1939 гг. и б. д. 5 док., 5 лл.

61. Списки комсомольцев и пионеров коммуны. Копии. 25 декабря 1934 г. и б. д. 4 док., 13 лл.

62. Списки коммунаров, не внесших деньги за газеты, утеревших книги. 1934 г. и б. д. 13 док., 13 лл.

63. Протоколы заседаний Совета командиров коммуны. 4 января 1935—13 августа 1936 гг. и б. д. 18 док., 24 лл.

64. Протокол собрания «легкой кавалерии» и итоги обследования «легкой кавалерией» завода фотоаппаратуры, протоколы производственных совещаний. Черновики. 9 марта 1935 г. и б. д. 4 док., 9 лл.

65. Цифровые таблицы-показатели социалистического соревнования между взводами коммуны. 6 декабря 1935—1 февраля 1936 гг. и б. д. 4 док., 4 лл.

66. Сведения о спортивной работе и работе военных кружков коммуны за 1935 г. Без конца. 1 л.

67. Материалы коммуны, связанные с участием во Всесоюзной олимпиаде художественной самодеятельности трудовых коммун и колоний НКВД СССР; распоряжения и инструкции по подготовке к олимпиаде, программы просмотров художественной самодеятельности. Приказ Народного комиссара внутренних дел с объявлением благодарности и о премировании А. С. Макаренко за подготовку к олимпиаде, списки коммунаров-участников олимпиады, итоги смотра и др. Февраль—октябрь 1936 г. 18 док., 40 лл.

68. Протоколы заседаний конфликтной комиссии коммуны. 1936 г. 58 док., 67 лл.

69. Дневники учета социалистического соревнования среди воспитанников коммуны. 1936 г. и б. д. 7 дневников, 220 лл.

70. Отчет и отрывок доклада о культмассовых мероприятиях, проводимых в коммуне. Копии. Б. д. 2 док., 7 лл.

71. План проведения двухнедельника оборонной работы в коммуне. Копии. Б. д. 2 лл.

VI. Изобразительные материалы

72. Фото воспитанников, воспитателей (индивидуальные и групповые). 1928—1939 гг. 212 фото.

73. Рисунки воспитанников коммуны с дарственными надписями Е. З. Юрченко. 1933—1934 гг. и б. д. 6 док., 6 лл.

74. Фото воспитанников коммуны и воспитателей (в том числе и А. С. Макаренко) с автографами коммунаров. Б. д. 273 фото.

75. Альбомы с фотографиями воспитанников коммуны. Б. д. 2 альбома. 95 фото.

VII. Печатные материалы

76. Вырезка из журнала «Пламя» со статьей, посвященной М. Горькому. (Подпись автора — Петр Ю.). Апрель 1919 г. 4 лл.

77. Программы вечеров художественной самодеятельности коммуны, пригласительные билеты на вечера, спектакли и др мероприятия коммуны. 30 октября 1933—18 января 1937 гг. и б. д. 30 док., 30 лл.

78. Пьеса Олеса Донченко «Країна Фед». Без конца. На украинском языке. Детское издательство Украины. 1935 г. 19 лл.

•

КОММЕНТАРИИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ

.

Комментарии и примечания составили
В. Е. Гмурман и Н. А. Сундуков.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ВСЕНАРОДНЫЙ ПРИГОВОР

Статью «Всенародный приговор» напечатала на украинском языке «Літературна газета», № 40, 29 августа 1936 г., г. Киев. Авторская рукопись не сохранилась. В переводе на русский язык публикуется впервые.

О ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВЕ

Написана в связи с принятием Сталинской Конституции Чрезвычайным VIII Съездом Советов. Опубликовано в газете «Известия», № 286, 9 декабря 1936 г.

Стр. 16, строка 4 св. *«Каких трюков, каких фокусов, каких затей не показывали нам...»*

Далее речь идет о следующих этических воззрениях: этике христианства («любовь к ближнему»), нищезанятости (идеи «сверхчеловека», «человека-зверя»), толстовстве («не противься злему»), моральном нигилизме («скашивай на нет»), пессимистическом индивидуализме («спасайся, кто может»).

Мистические формулы «любовь к дальнему», «любовь к вещам и призракам» предвестник фашистской философии Ницше (1814—1900) использовал для того, чтобы высмеять благородные чувства любви к человеку. Подлинную заботу о «дальнем» воплощает труд на благо народа (см. об этом В. И. Ленин, т. I, стр. 394).

Стр. 16, строка 21 св. *«В речи товарища Молотова это замечательно показано».*

Имеется в виду речь В. М. Молотова на VIII Всесоюзном Съезде Советов 29 ноября 1936 г. (см. В. М. Молотов «Конституция социализма», Партиздат, 1936).

Стр. 16, строка 2 сн. *«Коллектив — это социальный организм в здоровом человеческом обществе. Такой организм невозможно представить в мешанине буржуазного мира».*

Приведенное определение коллектива не является вполне точным. Нужно подчеркнуть, что «в мешанине буржуазного мира» также есть коллективы. Это революционные организации, которые, отстаивая интересы трудящихся, ведут с буржуазным миром борьбу.

В ЭТИ ДНИ

Статья «В эти дни» (к завоеванию Северного полюса советской экспедицией) была опубликована в «Литературной газете», № 28 26 мая 1937 г.

Стр. 20, строка 20 сн. *«Нельзя представить ничего более скромного, чем пришедшие к нам радиogramмы О. Ю. Шмидта».*

А. С. Макаренко цитирует радиogramму О. Ю. Шмидта от 22 мая 1937 г., «Правда», № 140, 23 мая 1937 г. («Первые сутки на полюсе»).

Стр. 21, строка 6 св. *«Но когда перечитываешь предсмертные записки и письма капитана Скотта, поражает одиночество...»*

Эти записки и письма опубликованы в книге «Дневник капитана Скотта», Л., изд. Всесоюзного арктического института, 1934.

РАДОСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Эта заметка о митинге на заводе «Шарикоподшипник», посвященном выборам в Верховный Совет СССР, была опубликована в газете «Правда», № 283, 13 октября 1937 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Заметка «Новая жизнь» была опубликована в газете «Правда», № 286, 16 октября 1937 г.

НАШЕ ЗНАМЯ!

Статья «Наше знамя!» была опубликована в газете «Известия», № 246, 21 октября 1937 г.

ЗА ДОРОГОЕ БУДУЩЕЕ, К КОТОРОМУ ВЕДЕТ СТАЛИН

Опубликовано в «Литературной газете», № 58, 26 октября 1937 г.

СЧАСТЬЕ

Статья «Счастье» была опубликована в день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1937 г. в газете «Известия», № 260.

Я БУДУ ГОЛОСОВАТЬ ЗА НАШИХ КАНДИДАТОВ

Этот отрывок из речи А. С. Макаренко на собрании избирателей 8-го участка Ленинского избирательного округа Москвы был опубликован в газете «Вечерняя Москва», № 273, 29 ноября 1937 г.

ВЫБОРНОЕ ПРАВО ТРУДЯЩИХСЯ

Статья «Выборное право трудящихся» была впервые опубликована в сборнике статей, очерков и рассказов, посвященном выборам в Верховный Совет СССР «И жизнь хороша и жить хорошо», М., Гослитиздат, 1937.

Сокращенный вариант статьи перепечатан в «Литературной газете», № 6, 16 января 1951 г.

Стр. 39, строка 4 сн. *«...хорошо в свое время было сказано Лермонтовым...»*

Далее Макаренко цитирует стихотворение Лермонтова «Дума».

Стр. 45, строка 1 св. *«...даже Родичевы притихли, политиче-*

скими фигурами России сделали Пуришкевичи и Марковы, Родзянки и Гучковы...»

Ф. И. Родичев — один из организаторов партии кадетов, представлявшей интересы либеральной буржуазии. В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков (Марков второй) — крайние правые, вожаки черносотенных помещиков-крепостников. Приобрели известность своими погромно-хулиганскими выступлениями. М. В. Родзянко, А. И. Гучков — активные деятели партии октябристов. От крайних правых октябристы отличались словесным признанием манифеста 17 октября 1905 г.

ПРАСКОВЬЯ НИКИТИЧНА ПИЧУГИНА

Статья была опубликована в журнале «Октябрь», 1937, № 12.

Стр. 51, строка 5 сл. *«...в угоду интересам Николая II и Безобразовых он носил в Манчжурию свою крестьянскую жизнь».*

А. М. Безобразов — один из инициаторов авантюристской политики царского правительства на Дальнем Востоке в период с 1896 г. по 1904 г.

СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИЦЫ

В сентябре 1938 г. советские летчицы В. С. Гризодубова, П. Д. Осипенко и М. М. Раскова совершили рекордный перелет из Москвы на Дальний Восток.

Статья «Советские летчицы» была опубликована в «Литературной газете», № 56, 10 октября 1938 г.

Стр. 60, строка 15 сл. *«Мы читаем в дневнике капитана П. Д. Осипенко...»*

Далее А. С. Макаренко цитирует статью П. Осипенко «Как мы готовились», опубликованную в газете «Правда», № 265, 25 сентября 1938 г.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВАХ

Рассказ был опубликован с некоторыми сокращениями в газете «Красная звезда», № 190, 18 августа 1937 г. В настоящем томе воспроизводится по авторской машинописи. Незначительная стилистическая правка сделана в соответствии с текстом, опубликованным в «Красной звезде».

ИЗ ИСТОРИИ ГЕРОИЗМА

Рассказ «Из истории героизма» написан А. С. Макаренко на сюжет, который был использован писателем в рассказе «О человеческих чувствах». Однако в этих двух рассказах автор решает свою задачу с помощью различных художественных средств. Текстуальных совпадений в рассказах «Из истории героизма» и «О человеческих чувствах» почти нет. Писатель рассматривал их, видимо, как самостоятельные произведения и опубликовал их одновременно.

Рассказ «Из истории героизма» впервые опубликован в газете «Ленинградская правда», № 197, 27 августа 1937 г. под названием

«Случай из прошлого». После смерти писателя этот рассказ был перепечатан под названием «Поручик Яблонский» в журнале «Смена», 1944, № 1—2.

ГРИШКА

Рассказ был напечатан в журнале «Смена», 1937, № 9—10. Публикуется по авторской машинописи.

СЛУЧАЙ В ПОХОДЕ

Рассказ «Случай в походе» написан в 1937 г., опубликован в том же году в № 10 журнала «Колхозные ребята». Случай, о котором идет речь в рассказе, имел место во время летнего похода коммунаров-дзержинцев в 1933 г.

Рассказ «Случай в походе» публикуется по авторской рукописи.

СИМФОНΙΑ ШУБЕРТА

Рассказ «Симфония Шуберта» был опубликован в журнале «Смена», 1938, № 5. «Симфония Шуберта» первоначально была задумана как глава книги «ФД-1».

Редакция журнала «Смена» сопроводила рассказ следующим пояснением: «Мы помещаем главу из нового романа писателя А. Макаренко о трудкоммуне имени 1 Мая..»

В этой главе рассказывается о ночном аврале в колонии накануне 1 Мая, перед пуском завода, построенного колонистами».

ПРЕМИЯ

Рассказ «Премия» был опубликован в журнале «Молодой колхозник», М., изд. «Молодая гвардия», 1938, № 5.

ДОКТОР

Рассказ был опубликован в газете «Медицинский работник», № 87, 29 ноября 1938 г.

Прототипом Васьки Корнеева был Н. Шершнев — воспитанник А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького.

Авторская рукопись рассказа «Доктор» не сохранилась. Здесь воспроизводится текст, опубликованный в газете.

ДОМОЙ ХОЧУ

Рассказ был опубликован с некоторыми сокращениями в журнале «Дружные ребята», 1939, № 3.

Воспроизводится по авторской машинописи. Незначительная правка внесена в соответствии с текстом, напечатанным в журнале.

Стр. 115, строка 24 св. «Вот какие интересные бывают на свете характеры!»

В авторской машинописи рассказ заканчивается словами: «Разные бывают характеры, а если они все в одну точку, каждый по своему, конечно, тогда, значит, все характеры хорошие».

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Авторская рукопись очерка «Преподаватель словесности» не датирована. Есть основания полагать, что он был написан в апреле или мае 1938 г. в связи с 750-летием «Слова о полку Игореве». Впервые опубликован в «Литературной газете», № 18, 30 марта 1940 г.

НОВЫЕ ГОДЫ

Рассказ «Новые годы» был опубликован в газете «Московский комсомолец», № 1, 1 января 1941 г.

В БИБЛИОТЕКЕ

Настоящий отрывок из незаконченного романа «Пути поколения» представляет собой фрагмент подготовленной автором к печати рукописи. Он был впервые опубликован в «Литературной газете», № 14, 6 апреля 1941 г.

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ НА КАНАЛЕ

Очерк был напечатан в «Литературной газете», № 23, 1 мая 1937 г.

В ДЕНЬ ПЕРВОГО МАЯ

Напечатано в «Литературной газете», № 23, 1 мая 1937 г. в качестве текста к фотографии (без названия). Текст опубликован под псевдонимом—«Андрей Гальченко». Название «В день Первого Мая» дано редакцией тома.

О ТВОРЧЕСКОМ ТРУДЕ ПИСАТЕЛЕЙ

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Статья написана в декабре 1936 г. или январе 1937 г., т. е. вскоре после утверждения Конституции Чрезвычайным VIII Съездом Советов СССР. Впервые опубликована в сборнике А. С. Макаренко «Педагогические сочинения», АПН РСФСР, 1948.

ПРАВО АВТОРА

Газетой «Правда», № 344, 15 декабря 1936 г. была напечатана статья И. Лежнева «Вакханалия переизданий». В качестве отклика на статью «Правда» опубликовала письмо проф. В. Сементовского «Важный вопрос» («Правда», № 358, 29 декабря 1936 г.). Здесь предлагалось оплачивать творческий труд писателей «по его количеству и качеству один раз, независимо от переизданий». В заметке «Право автора» А. С. Макаренко полемизирует с этим предложением. Заметка была напечатана в «Литературной газете», № 3, 15 января 1937 г.

ПИСАТЕЛИ — АКТИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Это выступление А. С. Макаренко является откликом на резолюцию пленума ЦК ВКП(б) «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы». Резолюция была принята пленумом ЦК ВКП(б) по докладу А. А. Жданова 27 февраля 1937 г.

Заметка «Писатели — активные деятели советской демократии» опубликована в «Литературной газете», № 13, 10 марта 1937 г.

БОЛЬШЕ КОЛЛЕКТИВНОСТИ

Здесь воспроизводится стенограмма выступления А. С. Макаренко на общем собрании московских писателей 2—5 апреля 1937 г. Это выступление было впервые опубликовано в журнале «Октябрь» за 1937 г., № 5.

Стр. 145, строка 10 св. «...я в московской организации человек новый...»

А. С. Макаренко был принят в члены Союза писателей СССР 1 июня 1934 г. В Москву он переехал в феврале 1937 г.

Стр. 147, строка 20 сн. «Сегодня кто-то рисовал тов. Ставского в таких красках, которые нельзя назвать иначе, как идиллическими».

В. П. Ставский — писатель, автор романа «Разбег» и др. произведений. В 1937 г. был ответственным секретарем правления Союза советских писателей СССР.

ТОВАРИЩЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Статья «Товарищеская лаборатория» была напечатана в порядке обсуждения «Литературной газетой», № 22, 26 апреля 1937 г.

СИЛА СОВЕТСКОГО ГУМАНИЗМА

Статья «Сила советского гуманизма» была опубликована в «Литературной газете», № 41, 30 июля 1937 г.

Стр. 154, строка 1 св. «В 1916 г., в самое мрачное время мировой войны, Маяковский сказал...»

Далее приводятся заключительные строки поэмы В. В. Маяковского «Война и мир».

Стр. 155, строка 6 сн. «Она будет той победой, о которой мечтал Гейне».

А. С. Макаренко цитирует произведение Гейне «Атта-Троль» (перевод Л. Пеньковского).

О ТЕМАХ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья впервые опубликована в журнале «Книга и пролетарская революция», М., 1937, № 9.

Стр. 156, строка 8 св. «Можно говорить только о целых узлах тем, о тематических кустах и группах».

В Архиве А. С. Макаренко сохранились многочисленные темники, которые свидетельствуют об исключительно широком круге творческих интересов писателя. Так, например, темник «Книги для родителей» содержит более 200 тем. Многие из них объединены в тематические «кусты» и «группы».

Темник, начатый 12 января 1939 г., включает 21 тему («Дружба», «Ошибка школьников», «Образцы поведения», «Порочность и чистота», «Борьба с собой», «Вожатый», «Честность», «Профессор педагогики», «Доласкали», «Хлюпик», «Воспитательная тяжба», «Солидарность у детей», «Двуликий», «Выбор профессии», «Нервы», «Любовь» и др.). Эти темы в свою очередь расчленены на подтемы. Так, к теме «Любовь» дано более 100 подтем.

БЕСЕДА С НАЧИНАЮЩИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Беседа состоялась 11 июля 1938 г. Обработанная автором стенограмма доклада А. С. Макаренко была опубликована в журнале «Литературная учеба», 1938, № 10.

История создания «Педагогической поэмы», рассказанная ее автором в настоящей беседе, не во всем подтверждается документальными данными. В частности, не подлежит сомнению, что в 1928 г., когда А. С. Макаренко заканчивал работу над первой частью «Педагогической поэмы», он использовал литературный материал, написанный им раньше.

Стр. 157, строка 12 св. *«Давно, в 1915 году, написал я свой первый рассказ...»*

В некоторых других выступлениях А. С. Макаренко датировал этот рассказ 1914 годом. Точная дата написания рассказа не известна.

КНИГИ, КОТОРЫХ Я ЖДУ

В «Литературной газете», № 72, 30 декабря 1938 г. была напечатана подборка материалов к новому году на тему «Литературные мечтания». В их числе опубликовано и новое пожелание А. С. Макаренко (без заглавия). Заглавие «Книги, которых я жду» дано редакцией настоящего издания.

ПРЕДСТОИТ БОЛЬШАЯ РАБОТА НАД СОБОЙ

Статья была опубликована в сборнике «Слово писателя», М., Гослитиздат, 1939. Судя по содержанию, она написана непосредственно после опубликования тезисов доклада В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), т. е. в начале февраля 1939 г.

ПОЛНОТА СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ РОЖДАЕТ КРАСОЧНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Статья была напечатана 7 ноября 1938 г. газетой «Московские новости», которая издавалась на английском языке. Авторская рукопись не сохранилась. В переводе на русский язык статья публикуется впервые.

ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

1 февраля 1939 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. «О награждении советских писателей». А. С. Макаренко награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Статья «Литература и общество» — ответ писателя на высокую награду. Статья была напечатана в «Литературной газете», № 7, 5 февраля 1939 г.

СТАТЬИ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья была опубликована в «Литературной газете», № 27, 15 мая 1938 г.

Стр. 183, строка 10 сл. «Мы хорошо знаем, что все дети раньше или позже начинают читать Толстого и Горького».

Соображения А. С. Макаренко о детском чтении см. также в ответах на вопросы по докладу «Мои педагогические воззрения», Сочинения, т. 5, стр. 297—298.

СТИЛЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья была опубликована в журнале «Детская литература» за 1938 г., № 17. Статья сопровождается примечанием: «Редакция приглашает гг. писателей, критиков, работников детской книги высказаться по вопросам, затронутым в статье тов. Макаренко».

Стр. 190, строка 13 сл. «Айртон Жюль Верна...»

Айртон — персонаж книги «Таинственный остров».

Стр. 192, строка 3 сл. «стеклышко разбитой бутылки».

А. П. Чехов советовал брату: «...У тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки, и покатила шаром черная тень собаки или волка и т. д.» (письмо Александру Чехову от 10 мая 1886 г.). «Стеклышко разбитой бутылки» упоминается также в пьесе «Чайка» (действие IV).

ОТВЕТ ТОВАРИЦУ А. БОЙМУ

Выступление А. Бойма «Откровения А. Макаренко» было напечатано в газете «Комсомольская правда» 2 декабря 1938 г. «Ответ товарищу А. Бойму» публикуется впервые. А. С. Макаренко сопроводил этот «Ответ» следующим письмом:

«Ответственному редактору «Комсомольской правды».

Прилагаю статью «Ответ т. Бойму», прошу не отказать в напечатании ее в «Комсомольской правде».

Одновременно прошу Вашего внимания к следующему моему предложению. В статье «Откровения А. Макаренко» т. Бойм мимоходом высказался в том смысле, что мои педагогические положе-

ния вызывают серьезные возражения. Не имею возможности судить, разделяются ли эти возражения редакцией «Комсомольской правды», но вообще позволяю себе утверждать, что нигде ни разу мне не пришлось высказать свои педагогические взгляды с той полнотой и определенностью, с какими мне хотелось бы это сделать. Вам хорошо известно, в каком печальном положении в настоящее время находится тот отдел педагогики, который говорит о воспитании. Я, конечно, не претендую на звание монополиста в деле толкования основ марксистской педагогики и вообще весьма скромно оцениваю свои силы как теоретика, но мне удалось в своей жизни испытать очень тяжелый и длительный педагогический искуc, и вполне естественно, я хочу, чтобы мой опыт не пропал бесследно и чтобы его выводы сделались общественным достоянием. Я уверен даже, что я не имею права молчать и скрывать свои мысли только потому, что они могут вызвать раздражение у кого-либо. Тем не менее до сих пор я ограничивался случайными высказываниями, главным образом во время встреч с читателями, от которых я не имел права отказаться.

Убежден я в следующем: если даже некоторые мои положения ошибочны, а это, разумеется, возможно, все же они могут принести пользу в порядке постановки новых вопросов и в порядке общего возбуждения педагогической мысли. А многие положения окажутся и вовсе не ошибочными, а очень полезными: я сам не могу быть своим собственным судьей.

Я предлагаю следующее: не согласитесь ли Вы предоставить мне страницы Вашей газеты для цикла статей (подвалов) по вопросам школьного воспитания. Темы этих статей следующие:

Воспитательные задачи школы.

Воспитательный и образовательный процессы.

Политическое воспитание.

Организация школьного коллектива.

Организация педагогического коллектива.

Педагогическое мастерство или педагогический талант.

Дисциплина и дисциплинирование.

Стиль советской школы.

Школьное самоуправление.

Меры воздействия.

Школа и семья.

Совместное воспитание.

Трудовой принцип.

Успеваемость.

Выбор профессии.

Клубная работа.

Физкультура в школе и летний отдых.

Я уверен, что мои положения в этих статьях в подавляющем большинстве не встретят возражений со стороны редакции, но уверен также и в том, что предварительная критика со стороны редакции будет полезна и для меня и для дела.

Как часто можно будет давать эти статьи, зависит всецело от Вас, я могу давать их не чаще, как один раз в шестидневку.

Прошу Вас не отказать в ответе по адресу: Москва, 17, Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14, А. С. Макаренко.

ВЕЛИКАЯ НАГРАДА

В № 3 журнала «Дружные ребята» за 1939 г. было опубликовано следующее письмо деткоров журнала из деревни Никулино Московской области:

«Дорогая редакция! Мы прочитали в газетах, что советское правительство наградило орденами наших любимых писателей. Пожалуйста, если можно, передайте тем писателям, которые в журнале пишут, что мы поздравляем и очень за них рады, а если можете передать привет и другим писателям, которые еще у вас в журнале не пишут, то передайте и им наш пионерский привет. Пусть они тоже пишут нам в журнал интересные рассказы и стихи.

Дорогие писатели! Поздравляем вас с великой наградой!»

В том же номере были напечатаны ответы писателей на письмо деткоров, в частности ответ А. С. Макаренко.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Роман А. Первенцева «Кочубей» был впервые напечатан в журнале «Октябрь», кн. 1 и 2 за 1937 г.

Рецензия «Героическая борьба» опубликована в «Литературной газете», № 21, 20 апреля 1937 г.

ПРОИСШЕСТВИЕ В «ЗВЕЗДЕ»

Роман Ф. Олесова «Возвращение» был напечатан в журнале «Звезда», 1937, № 2. Рецензию «Происшествие в «Звезде» опубликовала «Правда», № 179, 1 июля 1937 г.

ДЕТСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Статья «Детство и литература» была опубликована в газете «Правда», № 182, 4 июля 1937 г.

Стр. 208, строка 20 св. «Первой ласточкой этой литературы были «Правонарушители» Сейфуллиной».

Рассказ «Правонарушители» был впервые опубликован в 1922 г. А. С. Макаренко дал более подробную характеристику этого произведения в лекции «Художественная литература о воспитании детей», прочитанной в апреле 1937 г. (См. Сочинения, т. 5, стр. 345—348.)

ВРЕДНАЯ ПОВЕСТЬ

Рецензия «Вредная повесть» была опубликована в «Литературной газете», № 38, 15 июля 1937 г.

ЗАКОНОМЕРНАЯ НЕУДАЧА

Повесть Н. Вирты «Закономерность» была опубликована в журнале «Знамя», № 2, 3, 4 за 1937 г. Рецензия «Закономерная неудача» напечатана в «Литературной газете», № 43, 10 августа 1937 г.

РАССКАЗЫ О ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

Произведение В. Козина «Рассказы о просторе» было опубликовано в журнале «Красная новь», № 6 за 1937 г. Рецензия А. С. Макаренко — в «Литературной газете», № 45, 20 августа 1937 г.

«ЧАПАЕВ» Д. ФУРМАНОВА

Статья была опубликована в журнале «Литературный критик», 1937, № 10—11. Воспроизводится по тексту журнала. Цитаты из книги «Чапаев» даны по Сочинениям Д. А. Фурманова (том I, М., Гослитиздат, 1951).

Стр. 234, строка 3 сн. *«Некоторые критики именно в этих беседах увидели главное содержание...»*

А. С. Макаренко первый выступил против тех литературоведов, которые ошибочно видят в Чапаеве «стихийного бунтаря» и сводят воспитательное воздействие партии на Чапаева только к деятельности комиссара Клычкова. В этом заслуга А. С. Макаренко. Необходимо отметить, однако, что политического влияния Клычкова на Чапаева А. С. Макаренко почти не показал. В этом — недостаток статьи.

«МАЛЬЧИК ИЗ УРЖУМА»

Рецензия А. С. Макаренко на книгу А. Голубевой «Мальчик из Уржума» была опубликована в «Литературной газете», № 65, 1 декабря 1937 г. В этом номере отмечалось трехлетие со дня злодейского убийства С. М. Кирова.

«ПЕТР ПЕРВЫЙ» А. Н. ТОЛСТОГО

Статья написана в конце 1937 г. Публикуется впервые по авторской машинописи. При подготовке текста для данного тома учтена авторская правка. Машинопись с этой правкой сохранилась в архиве журнала «Литературный критик» и включена в фонд А. С. Макаренко (ЦГЛА ГАУ МВД СССР, фонд № 332, опись № I, ед. хр. № 20).

Цитаты из романа даны по изданию: А. Толстой «Петр Первый», Л., «Художественная литература», 1936. Статью подготовила к печати Г. С. Макаренко.

Стр. 270, строка 10 сн. *«...автор на самую первую линию выдвинул интересы торгового капитала...»*

В 1944 г. А. Н. Толстой приступил к редакционной правке романа, но успел довести ее только до пятой главы первой книги. В процессе правки писатель стремился, в частности, изменить те

места текста, где чрезмерно подчеркивалась роль купечества в Петровскую эпоху (см. об этом Алексей Толстой «Полное собрание сочинений», том девятый, 1946, Гос. изд. художественной литературы, стр. 795).

Стр. 275, строка 6 сл. «Скорее всего и вероятнее всего прав С. М. Соловьев...»

Здесь А. С. Макаренко ссылается на труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», кн. 3, т. XIV, гл. III (СПб., изд-во «Общественная польза»).

ЗАПИСКИ ПЕДАГОГА

Произведение Т. Семушкина «Чукотка» («Записки педагога») было опубликовано в журнале «Октябрь», 1938, №№ 11 и 12 за подписью «Г. Семушкин».

Рецензия А. С. Макаренко была опубликована в «Литературной газете», № 5, 26 января 1939 г.

Г. А. МЕДЫНСКИЙ «БУБЕНЧИКИ»

По свидетельству Г. А. Медынского, рецензия была написана для редакции журнала «Октябрь» в начале 1939 г. Писатель Григорий Александрович Медынский продолжил свою работу над рецензированным произведением. Оно было напечатано под названием «Девятый «А» в журнале «Октябрь», 1939, № 5—6 и 7. Рецензия публикуется впервые.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ОЧЕРК РАБОТЫ ПОЛТАВСКОЙ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

Настоящий очерк написан в 1925 г. Это одно из наиболее ранних, известных нам произведений А. С. Макаренко. Отдельные высказанные здесь положения А. С. Макаренко впоследствии уточнил и развил. Воспроизводится по копии авторской машинописи, предоставленной Лаборатории по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко Н. Ф. Остроменцкой. Очерк публикуется впервые.

Стр. 294, строка 5 сл. «...мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования». Эта формулировка неправильна; она не раскрывает всей сложности поставленного здесь вопроса. Экономика определяет, в конечном счете, все сферы деятельности общества, но связь между экономикой и воспитанием носят сложный, во многом опосредствованный характер.

ТАКОВА НАША ИСТОРИЯ

Статья «Такова наша история» была опубликована в газете «Комсомолец Донбасса», № 192, 24 августа 1934 г. Под названием «Наша история» статья была напечатана в газете «Сталинец», № 11, 26 августа 1934 г.

О ЛЕСНОЙ ШКОЛЕ

Вопрос о создании лесной школы для детей, имеющих родителей, А. С. Макаренко считал очень важным. Еще в 1928 г. он писал в одном из писем к Г. С. Макаренко: «Меня очень сейчас занимает вопрос о создании лесной школы для «семейных» детей... Я уверен, что это была бы замечательная школа. Считаю, что «ребенок» должен в ней находиться 10 лет: семилетка и общий рабфак, после такой школы прямо в вуз. Небольшое хозяйство (десяток коров, 30—40 десятин), мастерская для двух часов работы. Воспитанников 400...

Постройка и оборудование такой школы будет стоить тысяч 800—900, одним словом, до миллиона. Содержание такой школы в год будет стоить 160.000—180.000 рублей, из этой суммы производство возвратит 50—60 тысяч рублей (по самому скромному расчету). Значит, родителям придется платить за ребенка 25 рублей в месяц. Возможно, что в первый год производство не даст такого эффекта, и поэтому содержание ребенка может стоить дороже.

Против такой школы будут возражать из тех соображений, что вот де опять кадетский корпус для дворян. Это чепуха. В такую школу любой квалифицированный рабочий отдаст сына или дочку, если все его содержание, с одеждой, со всем будет стоить только 25 рублей. (Если даже производство ничего не будет давать, то и то содержание одного ребенка обойдется в месяц 37 рублей, но из этой суммы Наркомпрос должен покрыть часть, ибо он дает же деньги на содержание всех остальных школ...).

Самое трудное достать миллион рублей и построить школу, но если в общество «Лесной школы», состоящее из родителей, войдут влиятельные товарищи, такую сумму можно достать с рассрочкой на 40 лет. В нашей коммуне сейчас на таких началах строится дом для мастерских — получили 35.000 на 40 лет. Если миллион дадут на 40 лет, и в обществе будет 400 членов, то каждому придется в месяц уплачивать на покрытие капитала 5 рублей.

Но можно достать деньги и не в виде ссуды...»

В 1936 г. А. С. Макаренко вновь выдвинул идею создания лесной школы, обратившись с письмом в Совет жен писателей.

Письмо было опубликовано в «Литературной газете», № 44, 5 августа 1936 г. со следующим примечанием от редакции:

«Письмо т. Макаренко нашло горячий отклик в среде жен писателей. Совет полностью согласился с его предложением и обратился в секретариат Союза писателей с просьбой поддержать это начинание. Секретариат одобрил предложение об организации лесной школы и поручил т. Макаренко разработать подробную докладную записку».

ДОКЛАД В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ

А. С. Макаренко прочел настоящий доклад в Московском педагогическом училище № 1 в конце 1938 г. или начале 1939 г. Доклад печатается с некоторыми сокращениями по стенограмме, предоставленной Лаборатории по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко М. А. Жидкоблиновым. Публикуется впервые.

ДЕТИ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Работа «Дети в стране социализма» была написана А. С. Макаренко в начале 1939 г. для советского раздела международной выставки в Нью-Йорке. Издана в том же году на английском языке отдельной брошюрой. В переводе на русский язык публикуется впервые.

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ ШКОЛЫ № 1 ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Речь была произнесена А. С. Макаренко 18 февраля 1939 г. на праздновании двадцатилетия школы № 1 Ярославской жел. дороги в Москве. Текст этого выступления был опубликован в значительно сокращенном виде в статье А. К. Волнина «А. С. Макаренко в учительском институте». См. Бюллетень «Учебно-воспитательная работа в детских домах», № 2—3, 1941. Публикуется полностью впервые.

А. М. ГОРЬКИЙ И А. С. МАКАРЕНКО

ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬБОМУ «НАШИ ЖИЗНИ — ГОРЬКОМУ — ГОРЬКОВЦЫ»

Предисловие следует датировать 1928 годом, так как колонисты готовили альбом, ожидая встречи с А. М. Горьким, и подарили его Алексею Максимовичу 8 июля 1928 г. — в день его приезда в колонию.

Переписанные А. С. Макаренко на машинке биографии воспитанников были переплетены в темнокрасный дермати́н. Золотыми буквами сделан заголовок «Наши жизни — Горькому — горьковцы». Альбом-книга хранится в Архиве А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР им. А. М. Горького (ДПГ — 20—75—1).

В альбоме 264 автобиографии воспитанников (148 листов 20×35 мм формата) и статья одного из воспитателей. Некоторые биографии колонистов написаны на украинском языке, в ряде биографий приводятся стихи колонистов. В альбоме 32 фотоснимка, на втором листе нарисованы акварелью А. М. Горький и колонист с горном.

А. М. Горький в статье «По Союзу Советов» («Наши достижения», 1929, кн. 2-я) приводит отрывки из альбома и пишет: «Колонисты сделали мне прекрасный подарок, — 250 человек написали и подарили мне свои автобиографии».

В той же статье А. М. Горький, характеризуя А. С. Макаренко, говорит: «А о нем, на мой взгляд, прекрасно рассказывает вот эта выдержка из написанного им маленького предисловия к биографиям воспитанных им колонистов». Далее Горький цитирует публикуемое предисловие Макаренко от слов: «Когда я печатал сотую биографию, я...», кончая словами: «...прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем».

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Статья была напечатана на украинском языке в газете «Комуніст», № 141, 21 июня 1936 г., Киев. Авторская рукопись не разыскана. В настоящем томе публикуется в переводе с газетного текста.

БЛИЗКИЙ, РОДНОЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Статью напечатала на украинском языке «Літературна газета», № 30, 30 июня 1936 г. Авторская рукопись не разыскана. В настоящем томе публикуется в переводе с газетного текста.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Статья написана в 1936 г. непосредственно после смерти великого русского писателя. Впервые напечатана в альманахе «Год XIX», кн. 10, Гослитиздат, 1936.

Стр. 337, строка 4 св. «В городской библиотеке мы доставали...»

Далее упоминаются П. В. Засодимский (1843—1912) — писатель-народник. Е. А. Салиас-де-Турнемир (1842—1908) — беллетрист, написал большое количество посредственных повестей на исторические сюжеты. М. Н. Волконский, князь — беллетрист конца XIX в.— начала XX в., автор многочисленных исторических романов, не представляющих художественной или научной ценности.

«ЧУДО», СОЗДАННОЕ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНЬЮ

В конце июля 1936 г. в Доме советского писателя в Москве состоялось обсуждение «Педагогической поэмы» с участием автора. Отчет об этом обсуждении опубликовала «Литературная газета», № 43, 1 августа 1936 г. Под названием «Чудо», созданное советской жизнью» в указанном номере газеты приведена часть выступления А. С. Макаренко. Здесь воспроизводится этот опубликованный «Литературной газетой» текст.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

«Незабываемая встреча» была опубликована в журнале «Дружные ребята», № 6, 1938.

ПЕРЕПИСКА А. С. МАКАРЕНКО С А. М. ГОРЬКИМ

Антон Семенович Макаренко переписывался с великим русским писателем Алексеем Максимовичем Горьким в течение десяти лет (1925—1935).

В этой переписке раскрываются истоки вдохновляющего влияния Горького на педагогическую и литературную деятельность Макаренко, прозорливость великого писателя, сумевшего разглядеть в начинаниях А. С. Макаренко замечательную педагогическую систему, основанную на учении Ленина—Сталина. Письма показывают, как высоко ценил Макаренко совет и помощь Горького — гениаль-

ного писателя-гуманиста, как высоко оценивал Горький творчество выдающегося советского педагога.

А. С. Макаренко рассказывал в письмах Алексею Максимовичу о больших и малых событиях в жизни колонии, обращался за советом и сообщал о своих литературных замыслах. Каждое письмо А. С. Макаренко — это кусок живой истории колонии имени М. Горького.

В письмах идет речь о многих событиях из жизни колонии им. М. Горького, которые были более подробно описаны в «Педагогической поэме». Так, например, в первом письме упоминаются последний марш из старой колонии в новую и связанные с этим работы; в «Педагогической поэме» им уделено большое место (см. Сочинения, т. 1, стр. 51—53; 134—135; 203—212; 232—234). О поисках адреса Горького рассказано в главе «Подвижники союса» (т. 1, стр. 86), о традиционных праздниках — в главе «Первый сноп» (т. 1, стр. 569—590), о праздновании дня рождения М. Горького — в главе «Кулацкое воспитание» (т. 1, стр. 283—286) и т. д.

Сопоставление «Педагогической поэмы» с текстом переписки дает во многих случаях возможность проследить те события, которые послужили писателю материалом для этого художественного произведения.

Алексей Максимович Горький внимательно и любовно следил за деятельностью А. С. Макаренко, проявляя постоянную заботу о колонии и колонистах. Он не оставлял без ответа ни одного вопроса Макаренко, оказывал ему моральную поддержку, укреплял его уверенность в правоте педагогических начинаний.

А. М. Горький первый определил выдающееся значение педагогической системы Макаренко. Он называл Макаренко педагогом нового типа, принимал самое горячее участие в обсуждении педагогических принципов, применяемых Макаренко, и всецело поддерживал его новаторские начинания.

Непосредственная забота и огромная энергия Алексея Максимовича помогли А. С. Макаренко с успехом закончить «Педагогическую поэму».

А. С. Макаренко назвал А. М. Горького своим великим другом. Из публикуемых писем видно, что в этих словах нет преувеличения.

А. М. Горький был другом Макаренко не только в его педагогической деятельности. Выдающийся советский педагог-новатор является «горьковцем», воспитанником великого русского писателя на литературном поприще.

Письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому и письма А. М. Горького к А. С. Макаренко имеют не только историческую, но и непосредственно педагогическую ценность. В этих письмах отражены и литературно-педагогическая деятельность Макаренко и влияние Горького на эту деятельность. Письма органически связаны, поэтому, кроме писем А. С. Макаренко, в настоящем томе публикуются и письма А. М. Горького (21 письмо Антона Семеновича Макаренко и 16 писем Алексея Максимовича Горького).

В 1938 г., когда был создан Архив М. Горького, Антон Семенович передал все полученные им от А. М. Горького письма в дар

этому Архиву. Там же хранятся и письма, полученные А. М. Горьким от А. С. Макаренко.

Четырнадцать писем А. М. Горького к А. С. Макаренко были опубликованы в книге «Педагогическая поэма», изд-во «Советский писатель», 1940. Два письма А. М. Горького к А. С. Макаренко (от 10 сентября 1934 г. и первое из февральских писем 1935 г.) были опубликованы в «Учительской газете», № 30, 19 июня 1946 г. Письма А. С. Макаренко были опубликованы в «Известиях АПН РСФСР», № 38, за 1952 г. При подготовке к печати настоящего тома все тексты сверены с фотокопиями писем.

Примерные даты, устанавливаемые по содержанию писем, заключены в квадратные скобки.

Стр. 355, строка 10 св. *«Наконец в «Огоньке» мы нашли статью о Вас...»*

Речь идет о статье, опубликованной в журнале «Огонек», № 26, за 1925 г.

Стр. 355, строка 15 св. *«Зато 26 марта, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого.»*

Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 г.

Стр. 364, строка 10 св. *«Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Маро.»*

А. С. Макаренко послал А. М. Горькому книгу Маро (М. И. Левитиной) «Работа с беспризорными», изд. «Труд», Харьков, 1924.

Стр. 367, строка 18 св. *«...мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу...»*

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), академик-востоковед. В сентябре 1925 г. были проведены торжественные празднования двухсотлетия Академии наук. В связи с этим М. Горький писал академику С. Ф. Ольденбургу: «Я очень польщен приглашением на чествование Российской Академии наук, но приехать не могу, ибо увлекся большой работой, прервать которую не могу даже на несколько дней».

В этом же письме Горький говорит о «величии заслуг науки русской перед миром», выражая свое «чувство глубокого и почтительного восторга» перед героизмом творцов русской науки.

Письмо А. М. Горького С. Ф. Ольденбургу, датированное 23 августа 1925 г., было опубликовано в газете «Правда» 4 сентября 1925 г. и в других газетах.

Стр. 369, строка 1 св. *«Наша злоба дня — переезд в Запорожье.»*

Об этом периоде в жизни колонии см. в «Педагогической поэме» главу «Запорожье» (т. 1, стр. 383—394).

Стр. 375, строка 4 св. *«Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой.»*

Екатерина Павловна Пешкова — жена А. М. Горького.

Стр. 378, строка 10 св. *«К нам вчера вечером приехали гости — Софья Владимировна Короленко...»*

С. В. Короленко — дочь писателя Владимира Галактионовича Короленко.

Стр. 379, строка 1 св. *Письмо А. М. Горького к А. С. Макаренко от 3/VI 1926 г.*

Настоящее письмо было впервые опубликовано в альманахе «Год XIX», кн. 10, изд-во «Художественная литература», 1936.

Стр. 382, строка 2 св. *«Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах)».*

По просьбе А. С. Макаренко А. М. Горький написал письмо из Сорренто председателю Харьковского окрисполкома. Письмо опубликовано в газете «Известия» от 16 июня 1926 г. А. М. Горький писал: «хотя я знаком с колонией только по переписке с ее ребятами и заведующим ее А. С. Макаренко — человеком, видимо, исключительной энергии и крепкой любви к делу, но мне кажется, что колония заслуживает серьезнейшего внимания и деятельной помощи».

Стр. 383, строка 6 св. *«А что, как живет та диконьякая девица, о которой Вы мне писали?»*

А. М. Горький спрашивает о колонистке Крахмаловой (см. на стоящий том, стр. 367).

Стр. 384, строка 11 сн. *«Я поэтому мог представить органический план широкой реформы...»*

См. этот план в настоящем томе стр. 433—436.

Стр. 385, строка 8 св. *«В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского».*

Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского была официально открыта 29 декабря 1927 г. в день празднования десятилетия ЧК (ГПУ).

Стр. 387, строка 9 сн. *Письмо А. М. Горького к А. С. Макаренко от 17/III 1928 г.*

Отрывки из этого письма были впервые опубликованы в альманахе «Год XIX», кн. 10, изд-во «Художественная литература», а также в газете «Рабочая Москва», № 138, 1937.

Стр. 387, строка 19 св. *«...несколько строк в 18 томе о нашей колонии все-таки дают и мне некоторую надежду».*

Антон Семенович имеет в виду статью «Заметки читателя», вошедшую в 20-й том Сочинений А. М. Горького (Огиз, 1928).

В этой статье А. М. Горький писал: «В «доброе» старое время не удивлялись тому, что существуют дети-воры, а устраивали для них «Колонии малолетних преступников», где свободно действовал «метод взаимного обучения» и откуда подростки выходили вполне зрелыми и опытными ворами.

В Советской России тоже существуют колонии для «социально опасных». Я довольно хорошо осведомлен о жизни некоторых и особенно одной из них, под Харьковом; я знаю, что бывшие «социально опасные» выходят из нее в рабфаки и агрономические школы. Можно бы рассказать немало удивительного о людях этой колонии, но, к сожалению, лично мне сделать это неудобно.

Стр. 388, строка 16 сн. *«горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменецкой...»*

Речь идет о статье Н. Остроменецкой «Навстречу жизни», опубликованной в журнале «Народный учитель», № 1 за 1928 г.

Стр. 390, строка 4 сн. *«Один из них Шершнев — наш бывший воспитанник... Другой Митька Чевелий — один из самых первых горьковцев...»*

В «Педагогической поэме» — колонисты Вершневы и Жевелий.

Стр. 393, строка 15 сн. «В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов».

А. С. Макаренко имеет в виду «Педагогическую поэму».

Стр. 394, строка 8 св. «Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы...»

Приветствие было напечатано в газете «Правда», № 266, 25 сентября 1932 г. Коммунары писали: «Бывшие беспризорные шлют Вам горячий привет. Вы у нас были в 1928 г., когда наша коммуна была еще маленькой. Наша коммуна растет. Мы приняли в этом году в нашу семью 180 беспризорных с улицы. Мы открыли завод электрических сверлилок. Мы открыли рабфак при Машиностроительном институте и в этом году выпускаем 24 коммунара в вузы и втузы. Мы строим и будем строить вместе с рабочим классом социализм под руководством славной партии Ленина. Мы очень просим Вас 29 декабря этого года, в день пятилетия нашей коммуны, приехать к нам».

Стр. 394, строка 22 сн. «Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО решил открыть образцовую коммуны для беспризорных Вашего имени».

Корреспонденция об открытии этой коммуны была напечатана в «Правде», № 273, 2 октября 1932 г.

Стр. 394, строка 11 сн. «После Вашего посещения колонии им. Горького, если Вы помните, я из колонии должен был уйти...»

А. М. Горький посетил колонию 8 июля 1928 г., Антон Семенович ушел из колонии им. М. Горького 3 сентября 1928 г.

Стр. 394, строка 1 сн. «Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась».

А. М. Горький посетил коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 9 июля 1928 г. Он описал свои впечатления от колонии его имени и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в статье «По Союзу Советов», журнал «Наши достижения», 1929, № 2.

Стр. 398, строка 2 сн. «А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы», листов на 20, лежит у меня в столе...»
Здесь А. С. Макаренко имеет в виду «Педагогическую поэму».

Стр. 399, строка 3 св. «Есть еще у меня и пьеса».

Речь идет о пьесе «Мажор», написанной в сентябре—октябре 1933 г.

Стр. 399, строка 20 св. «Коммуна Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие».

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского праздновала пятилетний юбилей 29 декабря 1932 г. К юбилею был выпущен сборник «Второе рождение» (см. об этом в настоящем издании Сочинений, т. 2, стр. 397—425).

Стр. 400, строка 8 сн. «Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть и защите, моя «Педагогическая поэма» увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой».

Первая часть «Педагогической поэмы» была впервые опубликована в альманахе «Год XVII», в кн. 3-й, 1933 г. Этот номер альманаха был подписан к печати в конце декабря 1933 г. и вышел в свет в начале 1934 г. В том же номере альманаха напечатана пьеса А. М. Горького «Достигаев и другие».

Стр. 401, строка 6 св. *«Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4-х печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места...»*

Первая часть «Педагогической поэмы» была напечатана в альманахе «Год XVII», кн. 3-я, в 24 главах. Отдельное издание первой части «Педагогической поэмы» вышло в 1934 г. в 29 главах. (См. об этом том I настоящего издания, стр. 740—744.)

Стр. 402, строка 9 св. *«...спасибо Вам за Ваше письмо Серафимовичу».*

«Открытое письмо А. С. Серафимовичу» было опубликовано в «Литературной газете», № 17, 14 февраля 1934 г. М. Горький резко раскритиковал в этом письме ошибки языка и стиля отдельных советских писателей и призвал к «беспощадной борьбе за очищение литературы от словесного хлама».

Стр. 402, строка 20 сн. *«...не хотел тревожить Вас моими делами во время таких горестных для Вас событий...»*

А. С. Макаренко имеет в виду смерть сына А. М. Горького Максима Алексеевича Пешкова в мае 1934 г. Он был убит, как выяснилось на процессе 1938 г., предателями из антисоветского троцкистского блока.

Стр. 403, стр. 2 св. *«Я представил подробный план...»*

См. объяснительную записку к этому плану в настоящем томе, стр. 455.

Стр. 403, строка 17 сн. *«Первая часть «Педагогической поэмы» давно сдана в «Советскую литературу», но с изданием там не спешат, говорят, что до августа она в производство не пойдет».*

Первая часть «Педагогической поэмы» вышла отдельной книгой в 1934 г. в издательстве «Художественная литература».

Стр. 403, строка 13 сн. *«Вероятно, украинский перевод выйдет раньше...»*

Первая часть «Педагогической поэмы» вышла на украинском языке в 1935 г.

Стр. 406, строка 7 св. *«О второй части у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, гораздо лучше первой, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей».*

В конце августа 1934 г. А. С. Макаренко закончил вторую часть «Педагогической поэмы» и направил ее А. М. Горькому (см. письмо А. М. Горькому от 10 сентября 1934 г.). А. С. Макаренко в кратчайший срок исправил текст второй части «Поэмы» и в сентябре вновь направил ее Горькому.

Стр. 408, строка 11 сн. *«Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца»...»*

Пьеса «Ньютоновы кольца» написана А. С. Макаренко в 1934 г. Пьеса не опубликована.

Стр. 408, строка 6 сн. *«Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы»...»*

Статья А. М. Горького «Литературные забавы» напечатана в газете «Правда», № 23, от 24 января 1935 г.

Стр. 410, строка 10 сн. *«...это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему...»*

Можно предполагать, что А. С. Макаренко имеет в виду нача-

тый им в 1931—1932 гг. труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Книга осталась незаконченной. Автором были написаны только «Предисловие», «Вступление» и глава «Организационный период» (см. том 5, стр. 439—463).

Стр. 415, стр. 5 св. *Последнее письмо А. М. Горького к А. С. Макаренко.*

Отрывок из этого письма был впервые опубликован в «Литературной газете», № 19, от 5 апреля 1939 г.

АВТОРСКИЕ ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЫ

«НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УХАБАХ»

«На педагогических ухабах» — 12-я глава первой части «Педагогической поэмы». В соответствии с рецензией писателя С. А. Колдунова, который рецензировал первую часть «Педагогической поэмы» для Государственного издательства художественной литературы, эта глава не была включена в отдельное издание «Поэмы», вышедшее в 1934 г.

В замечаниях по поводу упомянутой рецензии Антон Семенович писал: «Согласен выбросить гл. 12, т. к. положения, высказанные в ней, нужно аргументировать более обстоятельно и не в художественном произведении». Однако это согласие было, повидимому, весьма относительным, так как при подготовке к изданию «Педагогической поэмы» на украинском языке (в 1935 г.) автор счел необходимым главу «На педагогических ухабах» сохранить.

Авторский машинописный экземпляр главы «На педагогических ухабах» был разыскан рукописным отделом Института мировой литературы Академии наук СССР в начале 1951 г. До этого времени текст главы считался утерянным; поэтому в первом томе настоящего издания Сочинений А. С. Макаренко она была опубликована в переводе с украинского (т. I, стр. 648—654). Двойной перевод (в 1935 г. с русского на украинский, а затем в 1949 г. вновь с украинского на русский) обусловил, естественно, некоторые несовпадения переводного текста с авторским.

Редакционная коллегия сочла целесообразным опубликовать авторский текст в настоящем томе, так как в главе «На педагогических ухабах» А. С. Макаренко сформулировал многие важные положения педагогической теории. Этот текст впервые был приведен в статье Н. А. Сундукова «Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы» («Известия Академии педагогических наук РСФСР», № 38, 1952 стр. 178—182). Текст подготовил к печати Н. А. Сундуков.

Авторский машинописный экземпляр хранится в рукописном отделе Института мировой литературы Академии наук СССР.

О «ВЗРЫВЕ»

Как уже отмечалось в примечаниях к первому тому настоящего издания Сочинений (см. т. I, стр. 655), А. С. Макаренко первоначально предполагал рассмотреть в «Педагогической поэме» некото-

рые специальные проблемы воспитания в собственно теоретической форме. К числу этих материалов, не вошедших в окончательный текст «Поэмы», принадлежит и настоящий отрывок. А. С. Макаренко отстаивал изложенные здесь мысли и в своих более поздних выступлениях, например, в выступлении 9 мая 1938 г., посвященном «Книге для родителей» (см. т. 4, стр. 446).

При анализе высказанных здесь положений необходимо учитывать, что обращение к гневу коллектива является лишь одним из приемов. Резкое изменение в поведении воспитанника может быть вызвано самыми различными путями (включение социально запущенного ребенка в хорошо организованный счастливый коллектив, «метод удивления» и т. д.). В данном фрагменте поставленная автором сложная проблема освещена лишь частично: соотношение между различными формами скачков не рассматривается.

Фрагмент «О взрыве» был впервые опубликован (под другим названием) в «Учительской газете», № 24, 30 марта 1949 г. Авторская рукопись не озаглавлена. Название «О взрыве» дано редакцией настоящего тома.

Стр. 425, строка 15 св. *«... Я никогда не придавал особенного веса эволюционным путям».*

Здесь и далее речь идет о перевоспитании. А. С. Макаренко неоднократно подчеркивал, что воспитание представляет по своему характеру процесс, требующий длительного времени, совершающийся постепенно.

ВОТ У ВАС РОДИЛСЯ РЕБЕНОК...

Этот отрывок из материалов второго тома «Книги для родителей» был впервые опубликован в «Учительской газете», № 16, 27 марта 1946 г., под названием «Беседа с родителями».

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА «ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ТРУДНОГО ДЕТСТВА»

Доклад был сделан А. С. Макаренко на Всеукраинской конференции детских городков в 1926 г. Тезисы доклада публикуются впервые по авторской машинописи (Архив АПН РСФСР, фонд 18, ед. хран. № 192).

Стр. 431, строка 15 сн. *«Бельский сводит этически дефективных к учению Петражицкого».*

Л. И. Петражицкий (1867—1931) — представитель так называемой «психологической», идеалистической теории права в царской России.

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА

Проект был составлен в середине 1927 г. Публикуется впервые по авторской машинописи. См. об этом проекте письмо А. С. Макаренко к М. Горькому от 25 февраля 1928 г., в настоящем томе стр. 384. Аналогичный проект был разработан А. С. Макаренко в 1934 г. См. объяснительную записку к нему в настоящем томе, стр. 455.

ПИСЬМО ЗАВЕДУЮЩЕМУ ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ НКП УССР

Настоящее письмо следует датировать июлем 1928 г. В письме кратко перечислены основные положения, которые А. С. Макаренко считал «предметом своей педагогической веры». Для характеристики педагогических воззрений А. С. Макаренко оно является одним из наиболее важных документов. Письмо публикуется впервые.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЧЛЕНУ ПРАВЛЕНИЯ КОММУНЫ ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Докладная записка должна быть датирована декабрем 1930 г. Публикуется впервые.

Стр. 443, строка 23 сн. *«...мысли и приемы, направленные исключительно представлениями о правах человека и гражданина...»*

А. С. Макаренко имеет в виду известную буржуазную «Декларацию о правах человека и гражданина». См. Сочинения, т. 5, стр. 452.

Стр. 449, строка 6 св. *«Все дети голода, которые и сейчас есть в коммуне...»*

А. С. Макаренко имеет в виду последствия неурожая на Украине.

Стр. 453, строка 11 св. *«собрание с Краснофронт».*

В написанной А. С. Макаренко хронике «Перевернутые страницы» имеется запись от 3 декабря 1930 г.: «Посещение коммуны красными фронтовиками Германии» (Сочинения, т. 2, стр. 411).

ОБРАЩЕНИЕ К КОММУНАРАМ-ВЫПУСКНИКАМ

Судя по содержанию, текст должен быть датирован 1935 г. Публикуется впервые по авторской машинописи.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА (1934 г.)

Объяснительная записка публикуется впервые по авторской машинописи. О проекте организации Трудового детского корпуса см. письмо А. С. Макаренко к А. М. Горькому от 14 июня 1934 г. (в настоящем томе. стр. 402).

РАЗГОВОР О ВОСПИТАНИИ

В октябре 1936 г. по инициативе комитета комсомола и библиотеки Московского областного педагогического института был организован общепедagogический диспут по книге «Педагогическая поэма». На диспуте присутствовал А. С. Макаренко, приехавший на несколько дней из Киева, где он работал помощником начальника Отдела трудовых коммун НКВД УССР. Присутствовали также не-

которые бывшие воспитанники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, которые были тогда студентами московских вузов. Всего на диспуте было свыше 900 человек. Здесь публикуются по протокольной записи, выправленной А. С. Макаренко, его выступление на диспуте и заключительное слово. В тексте сделаны некоторые сокращения. Впервые он был напечатан в журнале «Советская педагогика» № 4 1952 г. в статье Н. А. Сундукова «О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко».

Машинописный экземпляр протокольной записи диспута с правкой А. С. Макаренко хранится в рукописном отделе Института мировой литературы Академии наук СССР им. А. М. Горького.

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО

Библиография включает все опубликованные работы А. С. Макаренко. Внутри разделов соблюден хронологический принцип расположения материала.

ОПИСЬ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ А. С. МАКАРЕНКО ЦГЛА ГАУ МВД СССР (фонд 332)

Фонд А. С. Макаренко составил из личного собрания материалов А. С. Макаренко, поступивших в Центральный государственный литературный архив от Г. С. Макаренко в августе 1941 г., и материалов комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко при Союзе советских писателей СССР. В 1948 г. фонд был пополнен материалами Полтавской трудовой колонии им. М. Горького, полученными в копиях из Полтавского областного архива УМВД УССР.

Опись документальных материалов фонда № 332 составлена Э. М. Болотиной, была опубликована отдельной брошюрой (А. С. Макаренко, изд. Главного архивного управления МВД СССР, М., 1950). Публикуется с некоторыми сокращениями (не приводятся единицы хранения 83—98 описи № 1).

Внутри разделов и подразделов фонда порядок расположения материалов хронологический. Материалы, не имеющие дат, располагаются в конце разделов, в алфавитном порядке. Исключение составляет подраздел «Художественные произведения». Здесь в целях большей четкости материалы «Педагогической поэмы» — гранки, верстка, иллюстрации (единицы хранения 3—11) сгруппированы вместе.

Подлинник нигде не оговаривается, за исключением тех случаев, когда он хранится вместе с копией.

Даты, установленные составителем, даны в квадратных скобках.

УКАЗАТЕЛИ

Указатели составлены
Е. Г. Альтшулер.

СВОДНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К СЕМИ ТОМАМ

А

- Авторитет — I, 188, 294, 316, 358, 560, 670, 673; II, 94, 180, 207—208; III, 227; IV, 148—150, 357—360, 451, 469, 470, 476, 500, 501; V, 66, 97, 99, 139, 182, 351, 378, 385.
- Авторитет ложный — IV, 177, 205, 352—356.
- Авторитет органов самоуправления — V, 19, 22, 23, 25.
- Авторитет родителей — IV, 149, 157, 167, 168, 177, 197, 204, 210, 211, 245, 250, 319, 343, 351, 357, 358, 368, 411, 449, 451, 482.
- Авторитет старших товарищей — III, 205, 218, 225, 359, 378; IV, 188; V, 11.
- Аккуратность — I, 228, 295, 355, 374, 610; II, 50, 81, 102, 187; III, 78, 79, 88, 117, 119, 121, 164, 222, 368, 397; IV, 27, 54, 93, 213, 217, 367, 390, 422, 445—447, 450, 454, 474; V, 31, 32, 57, 124, 219.
- Актив воспитанников — I, 196, 200, 227, 240, 295, 529, 634, 671; II, 42—46, 85, 161, 183, 186, 187, 222, 286, 405; III, 150, 175, 226, 270, 312; V, 10, 13, 15, 17, 22—24, 33—35, 41, 52, 86, 97, 98, 148, 164, 172, 480; VII, 294, 304, 305.
- Активность — I, 38, 187, 208, 231, 232, 262, 294, 418, 506, 559, 560; II, 18, 24, 61, 97,

107, 109, 124, 132, 187, 339; III, 341, 378; IV, 74, 361, 374, 404, 426, 427; V, 13, 69, 78, 90, 172, 214, 444, 449, 474; VII, 171, 304, 313, 322.

Б

- Бережливость — I, 53, 70, 75, 79, 85, 230, 238, 419; III, 143, 144, 164, 263, 306; IV, 27, 365, 380, 385, 390, 394, 422; V, 57—61, 74, 485.
- Беседа — I, 33, 65, 77, 78, 115, 140, 191—193, 348, 356, 371—373, 428, 429, 431, 432, 473—475, 494, 502—504, 595, 597—600; II, 127, 128; III, 48—51, 72—75, 101—104, 147, 148, 160—163, 170, 171, 201, 204, 231, 232, 340, 341, 369, 370; IV, 18, 19, 39, 40, 155, 156, 167, 183—185, 227, 228, 237, 238, 241—243, 250, 285—288, 314, 315, 363, 368, 385, 411, 412, 415; V, 29, 34, 37, 45—46, 63—64, 67—69, 83, 93—95, 113, 132—133, 385.
- Бдительность — III, 397, 441, 444; IV, 362; V, 85; VI, 320, 321; VII, 24, 28—29, 114, 185.
- Библиотека — I, 84, 337, 591, 592; II, 12, 15, 263; III, 150, 224, 251, 269, 270, 278, 380; V, 190, 462, 481; VII, 126—130, 360, 364, 382, 390.
- Биология — I, 653; II, 155, 179, 181, 182, 398; III, 140;

V, 214, 326, 327, 341, 344, 357, 446, 448, 472; VII, 424, 431.

«Брак» педагогический — I, 108, 559, 560; IV, 12, 17, 23, 332, 346, 478, 484, 485; V, 290, 388, 442.

Бригада — I, 606; II, 423; III, 50, 75—80, 84—88, 96, 105, 127, 131, 134, 135, 151, 163, 169, 174, 180, 184, 185, 197, 198, 200, 204, 211, 215, 219, 220, 234—236, 251, 256, 257, 260, 261, 266, 287, 295, 296, 303, 311, 314, 318, 319, 335, 336, 338, 339, 355, 362, 365, 367, 368, 371, 377—380, 387, 388, 396—399, 415, 417, 419, 439, 444; IV, 55, 56, 68; V, 318.

Бригада знаменная (см. также Знаменщики) — I, 337, 342, 584; II, 113, 115, 148, 205, 227; III, 241, 242, 325, 379, 410—412; V, 88, 127; VII, 95.

Бригады производственные (см. также Бригада) — II, 29, 48, 49; V, 161, 162; VI, 393, 411, 412.

Бригады сельскохозяйственные — I, 587.

Бригады сигнальщиков — I, 583.

Бригады сводные — III, 319; V, 209.

Бригады школьные — V, 163.

Бригадир — II, 423; III, 50, 68, 76—78, 80—83, 86, 89—90, 96, 101, 105—106, 113—114, 118, 132, 134—135, 143, 149, 151—152, 169, 174, 184, 199—200, 211, 213—215, 218—219, 234, 257, 260—261, 266—267, 292, 303, 311—312, 319, 339—340, 355, 362, 365, 367, 370, 375, 377—381, 396—401, 417, 437, 439; V, 126, 435.

Бюджет семьи — IV, 44, 66, 67, 76, 78—96, 120, 134, 142, 146, 270, 385—387, 393, 504—508.

Бюджет учреждения — I, 15, 29, 34, 53, 58, 61, 87, 134, 157, 191, 227, 239—245, 271, 312—314, 334—335, 345, 394,

402, 407, 409, 412, 457, 577, 590, 591, 622—625, 627; II, 12, 41, 48, 52—54, 63, 84, 89, 96, 110, 144, 153, 156, 158—160, 164—170, 174—175, 189, 191, 208—211, 218, 221, 243, 247, 329—330, 408—410, 420; III, 47, 93, 100, 128, 143, 164—167, 179, 210, 216, 243—245, 251, 255, 263, 285—287, 306—308, 310, 323, 331, 333, 340, 346—347, 356, 362, 386, 422, 427, 440; IV, 498; V, 21, 28, 54, 56, 72, 74, 101, 102, 189—192, 195, 200, 278, 307, 308, 366, 460—462; VII, 64, 292, 293, 298, 305, 307, 325, 358, 376, 386, 434, 435, 441, 450.

В

Вежливость — (см. также Культура поведения) — I, 180, 205, 293, 323, 337, 349; II, 67, 68, 71, 82, 117—118, 132, 188, 399; III, 72, 75, 85, 90, 150, 157, 160, 186, 212, 228, 235, 256, 277, 385, 387, 398; IV, 223, 288; V, 52, 84, 86, 211, 212, 215, 216, 314, 378, 433, 480; VI, 414—416; VII, 171, 437.

Взвод — I, 337, 578; II, 113, 119, 123, 148, 187, 227—229, 244, 248—251, 283; III, 141, 240, 325; IV, 497; V, 252, 291, 361; VII, 84, 85.

Влияния вредные — I, 35—41, 64—79, 101—106, 108—111, 135—139, 164—178, 366—370, 416, 560, 653; II, 19, 129—130, 179, 182, 188, 202—204, 402, 407; IV, 22, 23, 25, 348, 469, 470; V, 15, 28, 49, 77, 91, 94, 309, 434, 435; VII, 423.

Влияния положительные — IV, 19, 348, 434; V, 10, 19, 49, 67, 77, 106, 154, 162, 309, 352, 439, 473, 480.

Внешкольная работа — I, 47, 63, 83; III, 113—114, 145—148, 187—193, 219, 251, 344; V, 71, 75, 119; VII, 325, 326.

- Внимание к воспитанникам — I, 376; III, 75, 141; IV, 25, 73, 291; V, 43, 67, 100, 101, 165, 322, 365, 366; VII, 322.
- «Военизация» — игра — I, 172, 182—184, 232, 347, 545, 565, 607; II, 32—34, 113—114, 119—122, 147—149, 227, 228, 240, 413; III, 118, 141, 177, 235, 240—242; IV, 491; V, 125—128, 313—315; VII, 346, 437, 440.
- Возраст — I, 158, 180, 231, 232, 238; II, 11, 17, 27—29, 45, 46, 48, 52, 124, 183, 187, 302; III, 117, 165, 169, 178, 214, 238, 272, 280, 282, 288, 296, 312, 317, 354; IV, 22, 43, 55, 69, 150, 158, 170, 210, 250, 351, 360, 363, 366, 373, 377, 386—393, 400, 402, 403, 410—412, 415, 416, 418, 421, 423, 424, 444, 445, 447, 450—452, 454, 460, 461, 468, 475, 495; V, 9—11, 24, 76, 120, 124, 162, 163, 200, 238, 250, 256, 326, 351, 352, 363, 367, 480; VII, 63, 64, 93, 170, 171, 183, 185, 188, 194, 306, 309, 358.
- Воля — I, 39, 128, 226, 238, 296, 346, 434, 459, 551, 554; II, 17, 18, 45, 130, 150, 155, 185, 403; III, 104, 128, 138, 139, 343, 369; IV, 25, 62, 210, 250, 361, 462, 466; V, 91, 215, 376, 378, 379, 387—392; VI, 424; VII, 106, 183, 244, 302.
- Воображение — IV, 43, 45, 185, 244, 250, 253, 379, 380, 383, 414, 418, 419.
- Воспитание — I, 283, 290, 294, 345, 374, 418, 468, 470, 526, 556, 558, 560, 567, 619, 620, 627, 632, 652, 655, 658, 660; II, 9, 179, 398; III, 92, 139, 142, 157, 367, 451; IV, 11, 19—23, 25, 38, 64, 147, 150, 274, 275, 288, 333, 341, 348—351, 356, 362, 369, 385, 399, 445—447, 454, 485, 486, 498; V, 20, 35, 43, 76, 77, 105, 107, 145, 147, 176, 200, 231, 307, 322, 345, 348, 349, 351, 355, 371, 375, 381, 386, 413, 415, 435, 439, 453, 454, 460, 472; VI, 424, 428; VII, 158, 181, 207, 285, 287, 293, 299, 308, 309, 324, 423, 440, 445.
- Воспитание активное (см. также Активность) — V, 309, 343, 409, 475.
- Воспитание антирелигиозное — I, 60, 153, 162, 195, 262, 318, 331, 333, 334, 338, 341, 384, 484, 485, 573—576, 592, 602, 603; II, 74, 272—274, 348; VII, 110—111, 309.
- Воспитание внимательности — II, 33, 57; III, 46, 223, 262, 345, 414, 425; IV, 92, 151, 390, 394; V, 11, 33, 197.
- Воспитание заботливости — I, 47, 71, 86, 87, 97, 100, 133, 151, 202, 258, 266, 281, 291, 309, 334, 335, 363, 386, 460, 483, 488, 512, 513, 579, 606, 634, 639, 640, 648, 672; II, 20, 223, 243, 269, 289; III, 78, 105, 155, 195, 196, 214, 251, 252, 259, 261, 270, 306, 336, 338, 362, 363, 377, 388, 390, 396, 414, 425, 426; IV, 110, 228, 379, 385, 389, 392, 394, 400, 401, 414; 506; V, 11, 13, 59, 60, 256, 269, 303, 418, 458; VII, 191, 293, 294, 419.
- Воспитание идейно-политическое — I, 38, 52, 53, 59, 70, 77, 84, 85, 122, 123, 142, 152, 167, 175, 198, 212, 213, 230, 247—249, 260, 271, 272, 297, 315, 319, 321, 337, 338, 343, 346, 357, 370, 376, 377, 384, 406, 437, 513, 514, 530, 580, 582, 599, 619, 629; II, 71, 72, 76, 91, 93, 101, 109, 112—118, 121, 123, 149, 169, 182, 226, 231, 386, 403, 406, 415; III, 95, 125, 140, 151, 178—179, 200, 204, 235, 240, 256, 288, 305, 325—327, 332—333, 342—343, 345, 357, 359, 378, 410, 439, 441, 443; IV, 75, 155, 156, 168, 169, 185, 200, 221, 231, 274, 299, 300, 347, 362, 386, 387, 409, 418—421, 426, 442, 451, 453, 454, 482; V, 12, 15, 24, 35—37, 46, 47,

- 69, 76, 82, 88, 93, 112, 114, 130, 132, 162, 229, 322, 444, 461; VI, 424; VII, 174, 175, 181—183, 199, 247, 308—311, 320—322, 429, 433, 437, 450, 451.
- Воспитание интернационализма — II, 69, 71—72; III, 288, 384—385; VI, 424; VII, 182.
- Воспитание коллективизма — I, 33, 36—38, 40, 47, 128, 202, 412, 417, 465, 523, 524, 532, 555, 556, 565—567, 619, 622, 651, 658, 663; II, 54, 55, 67, 166, 184, 400, 422; III, 128, 236, 282, 345; IV, 38, 43, 47, 73, 334—336, 362, 378, 383, 385—387, 389, 390, 393, 396, 402, 413; V, 37, 44, 54, 67, 77, 82, 84, 119, 136, 140, 141, 206, 229, 282, 283, 303, 358, 377, 378, 409—411, 414, 429, 430, 443, 474, 476; VI, 353, 355; VII, 147, 169, 171, 254, 298, 312, 313, 316, 319, 321, 407, 422, 432, 442.
- Воспитание коммунистическое — I, 14, 202, 215, 216, 290, 361, 362, 392, 622, 631, 632, 642, 650, 657, 662—663; II, 55, 90, 398; III, 453; IV, 44, 45; V, 123, 205—207, 273, 287, 332, 338, 369, 370, 387, 389, 392, 397—402, 409—412, 416—427, 432, 442, 449, 462, 478, 481; VII, 168, 208, 298, 309, 328, 369, 406, 410, 421, 437, 438, 441, 451.
- Воспитание коммунистической нравственности — I, 33, 34, 39, 47, 59, 78, 79, 85, 128, 227, 260, 296, 362, 365, 412, 461, 465, 466, 500, 529, 554, 567, 599, 648—650, 652; II, 68, 134, 371, 391; III, 52, 68, 78, 80, 84, 103, 104, 128, 275, 287; IV, 20, 38, 43, 63, 67, 84, 251, 274, 311—315, 334, 388, 396, 399, 404, 407—409, 413, 459, 482, 493; V, 37, 47, 112, 130, 132, 139, 140, 144, 162, 168, 230, 262, 281—283, 294, 331, 332, 397, 409—411, 416, 421—424, 428—432; VII, 85—
- 89, 174, 295, 315, 318, 322, 373, 374, 419—421, 423, 428, 429, 432.
- Воспитание культурных навыков (см. также Культура быта, Культура поведения, Культурная внешность) — II, 65—69; IV, 151, 152, 184, 198, 409, 417—427.
- Воспитание организатора — I, 47, 68, 102, 202, 230, 231, 322, 387, 415, 417, 436, 497, 516, 528, 542; II, 17, 24, 86, 114, 119, 221, 235, 247, 250, 262, 279, 284, 328, 338, 363, 384, 399—400; III, 220, 252; IV, 57, 399—401; V, 199, 200, 294, 455; VII, 301, 437.
- Воспитание половое (см. также Отношения между мальчиками и девочками) — I, 115, 595, 597—601, 663; II, 102—106; IV, 18, 219—221, 223, 224, 227—231, 236—238, 241—246, 248, 250, 251, 253, 406—416, 441, 451, 510; V, 293—296.
- Воспитание потребностей — IV, 36, 38, 41—46, 331, 387, 505, 506; V, 35; VII, 307, 378, 429, 431, 432.
- Воспитание семейное — IV, 20, 23—25, 34, 65, 73, 98, 99, 177, 178, 337, 343, 432, 437, 456, 459, 463, 501, 510; V, 275—276; VI, 320, 321, 328, 333, 339, 340, 346, 350; VII, 173.
- Воспитание советского патриотизма — I, 53, 77, 167, 332—334, 406, 424, 435, 451, 465, 476, 503, 504, 524, 549, 551, 552, 566, 584—588, 629; II, 33, 72, 109, 112—118, 121, 123, 150, 226, 255, 256, 386; III, 49, 84, 120, 128, 179, 216, 235, 236, 239, 240, 247, 259, 275, 305, 325, 326, 330, 333, 343, 345, 357—359, 378, 404, 410, 428, 443, 444, 459; IV, 42, 75, 76, 156, 320, 323, 347, 357, 358, 402, 409, 413, 420, 425, 427, 458; V, 24, 37, 69, 76, 82, 88, 93, 144, 262, 279, 342, 444; VI, 318, 319, 327,

- 337, 338, 349, 411; VII, 107, 171, 311, 316, 322, 323.
- Воспитание совместное (см. также Отношения между мальчиками и девочками) — I, 116, 431; II, 102—106; III, 382; VII, 306, 367, 385.
- Воспитание социальное (Соцвос) — I, 14, 128, 374, 452, 471, 657.
- Воспитание трудовое (см. также Труд) — I, 101, 128, 133, 137, 299, 309, 343, 431, 582, 641, 648; III, 140, 238, 459; IV, 395—405, 450, 482; V, 187—202, 275, 473; VII, 323, 324, 433, 448.
- Воспитание физическое (см. также Закалка, Физкультура, Спорт) — I, 361; III, 346, 348—351; IV, 20, 397, 414, 415, 497; V, 19—31, 90, 93, 300, 461, 462; VII, 308, 322.
- Воспитание характера — III, 117, 128, 194, 342; IV, 64, 65, 75, 204, 210, 346, 348, 352, 355, 382, 385, 388, 409, 413, 415, 425, 435, 436, 442, 457, 458, 461, 464—466, 468; V, 11, 108, 198, 300, 325, 379, 385, 422, 424, 440, 441; VI, 350; VII, 208, 287, 308, 311, 313, 318, 319, 327, 428.
- Воспитание хозяина жизни — I, 37, 38, 47, 98, 158, 159, 206, 227, 230, 231, 237, 238, 240, 258, 291, 308, 335, 338, 370, 387, 388, 391, 402, 407, 416, 419, 436, 456, 457, 479, 512, 513, 525, 530, 629, 651, 652, 672; II, 9—10, 26, 49, 56—60, 66, 75, 77, 79, 83, 137, 138, 154, 164, 167—169, 196—197, 215, 217—218, 243, 252, 280, 310, 324, 329, 360, 384, 400, 402, 405, 408; III, 43, 47, 93, 163—164, 167—168, 204—205, 238, 245, 251—253, 255—256, 259, 261, 306, 310, 331, 361, 410, 414, 418, 426, 428; IV, 12, 384, 389—393, 498; V, 12, 16, 54, 308, 458, 467; VI, 325; VII, 294, 301, 421—423.
- Воспитание эстетическое (см. также Эстетика, Эстетика коллектива, Тон и стиль работы в коллективе, Культура быта, Культура поведения, Культурная внешность) — I, 20, 90, 151—154, 293, 355, 357, 453; II, 9, 10, 16, 204—207, 226; III, 117, 149, 169, 281, 345; IV, 337, 401, 413, 419—422, 442; V, 32, 33, 40, 59, 62, 70—75, 86—88, 128, 162, 461, 462.
- Воспитатели (см. также Педагоги, Коллектив педагогов, Учитель) — I, 13, 19, 27, 28, 34, 36, 54, 63, 68, 69, 76, 80, 81, 83, 86, 87, 102, 113—116, 124, 127, 128, 133, 140, 150, 178, 180, 181, 184, 209—212, 216, 220—226, 253, 255, 256, 260, 262—265, 279, 280, 285, 286, 320, 329, 342, 344—346, 355, 393, 396, 403, 405, 409—411, 415, 438, 449, 454, 479, 494, 516, 539, 565, 606, 632, 633, 657—662, 665—673; II, 34, 41, 44, 48, 92, 99, 129, 232, 404, 410; IV, 19, 20, 24, 25, 245, 348, 351, 487; V, 67, 78, 89—100, 137, 146, 148, 170, 174, 175, 179—183, 214, 231, 262, 266, 267, 294, 305, 323, 343, 351, 352, 378, 380, 414, 454, 474, 480; VII, 291, 293, 295, 296, 301, 303—305, 315, 360, 386.
- Выбор профессии — II, 52, 125, 126; III, 101, 102, 120, 123, 125, 128, 179, 219, 225, 235, 239, 378; IV, 33, 343; V, 96, 115, 275, 372—374; VII, 63, 106, 109, 110, 112, 171, 323, 324, 429.
- Выпуск — I, 335, 342—348, 386, 498, 618, 633; II, 105, 392, 393; III, 263, 340, 387, 404, 405, 422, 439; V, 20, 21, 28, 48, 100—102, 171, 482; VII, 65, 69, 160, 297, 304, 359, 366, 373, 385, 395, 432, 450.
- Выставки — V, 72, 75.

Выступления А. С. Макаренко перед коллективом (см. также Беседы и Разговоры А. С. Макаренко с воспитанниками) — I, 20, 39, 137, 465—466, 477, 507, 523, 551, 585; II, 123, 131, 132, 243, 247, 282; III, 128—129, 133, 216—217, 236, 239—240, 255—256, 275, 346, 348, 443.

Г

Газеты — IV, 420, 427.
Гнев — IV, 446, 448; V, 176, 217, 218, 228, 241, 242, 244, 265, 266, 311.
Гордость — I, 39, 41, 213, 230, 271, 309, 311, 346, 347, 352, 370, 418, 530, 536, 555; II, 46, 117, 127, 149, 181, 203, 263, 399; III, 13, 31, 52, 67, 71, 118, 119, 134, 202, 216, 229, 264, 272, 440, 453; IV, 14, 62, 63, 66, 67, 74, 144, 145, 174, 222, 230, 232, 233, 238, 247, 357, 382, 387; V, 36, 73, 84, 85, 112, 143, 211, 213, 247, 299, 332, 378, 385; VI, 429, 434; VII, 64, 65, 297, 304, 318, 357, 358, 361, 362, 367, 374, 427, 432, 439.
Гуманизм — I, 78; II, 402; III, 80, 83, 253, 255, 452; IV, 34, 112; V, 11, 226, 339, 344, 351, 352, 359, 420; VII, 20, 153—155, 182, 183, 332, 335—336, 341, 355, 374, 377, 380, 445, 446.

Д

Девочки — I, 76, 112, 118, 171, 199, 205, 308, 328, 342, 377, 405, 449—451, 465, 506, 507, 515, 528, 530, 531, 546, 547, 550, 593, 599; II, 9—12, 17, 40, 77—79, 97—100, 102, 131, 184, 217, 221, 227—228, 235—238, 249, 258—259, 263, 279, 285, 302, 407; III, 42, 107, 112—113, 169, 178—180, 196, 223, 236—237, 255, 261—262, 272, 296, 309, 335—338,

345, 348, 350, 364, 380, 385, 401, 403, 406, 410, 413—414, 422; IV, 158, 160, 223—225, 232, 233, 250, 364, 463, 468; V, 124, 158, 163, 164, 185, 186, 197, 198, 259; VII, 92, 366, 449.

Дежурная хозяйка — VII, 352—353.

Дежурные — III, 287; V, 52, 61, 73, 98—100.

Дежурный бригадир (ДБ) (см. также ДК) — III, 44, 51—52, 68—69, 76—77, 87, 90—92, 105, 116—120, 126—127, 152, 154—157, 177, 188, 194, 196, 198, 203, 209, 212, 214, 219, 235, 241, 275, 282—285, 292, 297—301, 325—326, 336, 338, 349, 363, 370—375, 377—379, 381—382, 387, 400—402, 410, 422, 430, 435, 440, 442.

Дежурный воспитатель — I, 81, 83, 96, 104, 209, 211, 320, 476, 666, 668, 670—673; V, 181, 182.

Дежурный заместитель — II, 22, 25, 39, 40, 49, 70, 99, 101.

Дежурный командир (ДК) — I, 205, 206, 229, 230, 299, 308, 309, 321, 328, 337, 348, 369, 512, 518, 548, 549, 564, 584, 602, 610; II, 27, 28, 33, 35, 37—41, 43, 46, 66, 70, 77, 82, 88, 94—96, 98, 101, 115—116, 118, 124, 128, 186—187, 205, 222, 230, 242, 259, 261—262, 266—267, 276, 281, 289, 303, 324, 327, 343, 348, 354, 355, 357, 360—361, 366—367, 423—425; IV, 508, 509; V, 27, 30, 38, 52, 65, 98, 99, 121—123, 126, 127, 137, 139, 142, 153, 157, 159, 169, 185, 208, 216, 232, 233, 235, 236, 259, 262, 263, 267, 314, 315, 355, 481; VII, 91, 93, 94, 110, 301, 303, 320, 354.

Дежурный лодочник — I, 88, 151, 207.

Дежурный по бригаде — III, 79, 85—88, 105, 118, 135, 150—152, 222, 263.

Дежурный по вешалке — V, 58.

- Дежурный по двору — V, 252.
 Дежурный по кабинету — II, 76.
 Дежурный по классу — V, 15.
 Дежурный по коридору — III, 263.
 Дежурный по кухне — III, 275.
 Дежурный по оркестру — III, 145.
 Дежурный по отряду — V, 14, 18.
 Дежурный по спальне — I, 25, 26, 169.
 Дежурный по столовой — I, 104; III, 46, 118.
 Дежурный по театру — V, 158.
 Дежурный распорядитель — V, 18
 Дежурный сигналист — I, 183, 184, 309, 321, 394, 412, 512, 514, 515, 526, 528, 539, 572, 583, 584, 588; II, 35, 95, 119, 138, 266, 347, 360; VII, 91.
 Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК) — II, 28, 37—39, 66, 95, 236, 289, 424; III, 79, 88, 105, 116—118, 211, 283, 366; V, 30—33, 59, 61, 123—125, 218, 219, 355, 481; VII, 318.
 Дежурство — I, 43, 162, 182, 341, 355, 375, 578; II, 38, 94, 119, 186; III, 88, 105, 133, 194, 196, 222, 325, 377, 381; VII, 301.
 Действие педагогическое — V, 439, 472—475; VII, 208.
 Деликатность (см. также Культура поведения) — I, 114, 530, 610, 672; II, 129; III, 169, 223, 308; IV, 104, 246, 412.
 Деловитость — I, 47, 112, 133, 152, 158, 159, 188, 355, 395, 407, 418, 419, 500, 601, 617; II, 129; III, 169, 223, 308; IV, 104, 246, 412; V, 17, 215, 282, 283, 409, 410, 416, 417; VI, 368, 369, 378.
 Деньги карманные — I, 381; II, 54, 118, 121, 133, 408, 421, 422; III, 96; IV, 92—95, 371, 423, 445, 478; V, 27, 34, 48, 92, 137, 140, 157, 169, 190, 202, 203, 236, 482.
 Дети (см. также Возраст) — I, 28, 122, 158, 183, 189, 238, 239, 465, 472, 546, 619, 649; II, 16, 77, 103, 107, 124, 186, 281; III, 50, 117, 140, 192, 218, 260, 261, 298, 299, 317, 350, 413, 414; IV, 21, 40, 42, 43, 59, 61, 62, 64, 69, 74, 104, 112, 115, 119, 182, 199, 200, 210, 232, 243, 253, 341, 354, 359, 373, 377, 410, 411, 418, 491; V, 78, 125, 143, 146, 147, 164, 216, 217, 233, 245, 249, 260, 305, 315, 344, 350, 362, 380, 381, 392, 413, 418, 433, 442, 456, 460; VI, 362, 432, 433; VII, 134—135, 183, 187, 189, 191, 203, 207—212, 326, 336, 367, 447, 448.
 Дети («единственные») — IV, 97—111, 146, 147, 344, 439, 440, 453, 482.
 Дети. Классификация воспитанников — I, 231—232, 469—470; V, 172—173.
 Диалектика в педагогике — I, 379, 392, 612, 653; V, 113, 227, 342, 448, 452, 454, 459, 472—475, 479, 481; VI, 424; VII, 188, 406, 407, 424.
 Дисциплина — I, 25, 26, 62, 68, 94, 95, 116, 117, 128, 129, 152, 182, 187, 201, 226, 232, 233, 273, 291, 295, 308, 319, 354, 361, 366, 369, 375, 396, 405, 419, 435, 461, 462, 464, 476, 520, 524, 536, 540, 544, 551, 555, 557, 573, 586, 605, 616, 618, 619, 632, 646, 653, 661; II, 32—34, 54, 56—59, 84, 86, 102—103, 112, 120, 121, 127, 130, 159, 179, 182, 185, 206, 263, 266—267, 287—288, 332, 355, 392, 399, 401—404, 410, 422, 423, 425; III, 68, 79, 90—91, 102, 104, 115, 120—121, 125—126, 140—141, 149, 156, 169, 208, 211, 215—218, 220, 230, 240—242, 267—268, 284, 326, 328, 340, 348, 365, 374, 379, 397, 400, 402, 404, 418, 439, 447, 452, 459; IV, 92, 98,

148—150, 174, 182, 187, 211, 245, 246, 250, 326, 327, 332, 361, 362, 372, 378, 393, 413, 441, 460, 489; V, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 21, 24, 27, 35—40, 53, 58, 67, 70, 74, 76, 115, 122, 123, 129—154, 168, 182, 228, 231, 250, 260—262, 264, 281, 289, 292, 293, 307, 310, 313, 317, 332, 336, 371, 377, 379—381, 391, 392, 411, 419, 444, 452, 474—476, 482; VI, 325; VII, 16, 19, 36, 106, 158, 171, 295, 296, 298, 299, 301—304, 314—316, 318, 322, 359, 382, 387, 407, 416, 424, 431—433, 437.

Дневальный (см. также Часовой) — II, 24, 27—28, 32—34, 45, 67—68, 87, 118, 133, 138, 140, 142, 212, 289; III, 180, 182, 281, 287, 293, 301, 351, 371, 374, 382, 392, 395, 400—402; V, 58, 61.

Дневник воспитателя — V, 89—92.

Дневник коммуны — V, 150.

Дневник отряда — V, 150.

Добросовестность — I, 648; II, 26, 132, 185; VII, 419.

Доверие — I, 34, 41, 43, 101; II, 33; III, 52, 80, 84, 98, 103, 140, 183, 201, 220, 259, 369, 397; IV, 38, 228, 246, 359, 368, 393, 412, 493, 499, 510; V, 38, 39, 122—125, 139, 142, 143, 158, 159, 233, 292, 355, 356, 378, 477, 482; VI, 333, 334; VII, 114, 158, 437.

Доверчивость — I, 296, 543.

Долг — см. Чувство долга.

Достоинство — I, 143, 364, 618; II, 71, 119, 132, 154, 399; IV, 33, 219, 238, 281, 393; V, 84, 85, 98, 112, 211, 212, 348, 379; VI, 428, 434; VII, 116, 140, 153.

Дружба — I, 68, 112, 123, 181, 208, 254, 260, 338, 339, 350—

352, 356, 466, 496, 523, 533, 597, 615, 629, 634; II, 18, 26, 42, 47, 83, 179, 251; III, 76, 81, 115, 118, 130, 140, 145, 149, 160, 202, 204, 213, 261—263, 292, 310, 340, 378, 386, 406; IV, 209, 222, 225, 232, 236, 305—309, 344, 356, 358, 368, 413, 492, 494, 495; V, 11, 15, 16, 85, 91, 164, 250, 377; VI, 350, 351, 354; VII, 106, 112, 171, 304, 319.

3

Забота о воспитанниках — I, 121, 228, 262, 416, 600; II, 16, 90, 221, 399; III, 167, 205; IV, 21, 251, 413; V, 10, 23, 322, 481; VII, 317, 322.

Завод — I, 628, 638, 641; II, 55, 295—298, 411, 413; III, 244—245, 251, 257, 261, 280, 287, 317, 346—347, 358—359, 362—363, 408, 422, 424, 428, 447; VII, 90, 305, 306, 395.

Закалка — I, 82, 120, 128, 375—377; II, 18, 122, 225, 226, 238, 399, 403; III, 109, 217, 396; IV, 414; V, 38, 59, 128, 259, 286, 287, 303, 316, 378, 390; VII, 316, 321.

Зарплата — I, 348, 551, 566, 627; II, 29, 53—55, 62, 63, 89, 164, 165, 182, 200, 400, 409, 421—423, 425; III, 144, 149, 168, 263, 267, 295, 297, 302; V, 14, 27, 34, 67, 92, 102, 137, 138, 188—190, 200—203, 236, 308, 482; VII, 85, 305, 307, 441.

Защищенность — I, 78, 523; II, 116, 403; III, 311; V, 37, 134, 185, 213, 214, 216; VII, 140, 432.

Звание колониста * — I, 278, 285, 286, 333, 355, 367, 464, 523, 526, 544, 611, 616, 618; III, 67, 81, 96, 133, 145, 199,

* В книге «Флаги на башнях» коммуна им. Дзержинского названа колонией имени Первого Мая. Поэтому вместо термина «звание коммунара» в III томе употребляется термин «звание колониста».

- 211, 213, 214, 218, 224, 229, 232, 235, 236, 256, 257, 283, 293, 305, 320; VII, 297, 298, 358.
- Звание коммунара — II, 71, 295, 421, 422; V, 13, 33—35, 94, 156, 157, 235, 258, 299, 322, 355; VII, 317, 318.
- Здания, помещения — I, 13, 18, 21, 29, 49, 51, 61, 150, 182, 184, 207, 239, 243, 257, 262, 265, 268, 312—313, 391, 398, 449, 499, 603, 605; II, 9—12, 15, 143, 148—151, 162, 165, 171, 172, 218, 281, 282; III, 41, 45, 46, 51, 72, 77, 84, 93, 97, 98, 144, 149, 202, 288, 389, 424; V, 10, 30, 52, 53, 60, 61, 71, 191, 456, 457, 461, 462, 479; VII, 90, 292, 305, 306, 386.
- Земельные участки — I, 15, 48, 49, 51, 52, 61, 87—89, 97, 151, 186, 206, 207, 235, 247, 401, 570.
- Знаменщики (см. также Бригада знаменная) — I, 233, 321, 337, 342, 375, 518, 584; II, 116, 117, 255, 327; IV, 496; V, 361.
- Знамя — I, 232, 233, 285, 286, 333, 355, 367, 464, 523, 526, 544, 611, 616, 618; II, 23—24, 46, 69—70, 115—117, 120, 123, 142, 147, 149, 205, 227—229, 234—235, 246, 253, 255—256, 261, 278, 282, 327, 405, 411, 425; III, 141, 241—242, 275, 281, 325—326, 376, 379—380, 392, 400, 410, 422, 440, 443—444; IV, 182, 186, 188, 190, 496; V, 127, 168, 252, 361; VII, 317, 354, 359, 360, 362, 364.
- Знание (см. также Образование) — I, 188, 189, 232, 253, 254, 276, 338, 435; II, 351; IV, 14, 386, 392, 410, 425; V, 114, 144, 474, 480; VII, 166, 429, 432.
- И**
- Игра — I, 43, 63, 118, 137, 181, 187, 197, 198, 204, 232, 262, 297, 299, 323, 324, 346, 348—350, 384, 385, 561, 564, 570—572, 589, 613; II, 27, 28, 30, 112, 184, 227; III, 76, 119, 152, 169, 217, 299, 350; IV, 57, 150, 152—154, 205, 210, 246, 267, 358, 362, 368, 373—383, 392, 400, 426; V, 217, 233—235, 265, 269, 293, 313, 315, 316, 380, 392; VI, 363; VII, 432, 441.
- Игра военная — I, 183, 198; II, 27, 110; IV, 170, 173—176, 178, 182—201, 206—208.
- Игра коллективная — I, 81, 83, 140, 148; IV, 169, 170, 491.
- Игра настольная — I, 123; II, 12, 80, 94, 95; III, 113, 114; IV, 142, 155, 156.
- Игра спортивная — II, 112, 134; IV, 74, 75.
- Игрушки — IV, 150, 152—156, 208, 376—381, 391, 400.
- Изобретательность — I, 280, 281, 385, 574—576; II, 205, 271, 272, 345; III, 327; IV, 74, 405; VI, 339, 340; VII, 171.
- Индивидуализм — II, 362, 416; IV, 43, 111, 302, 385.
- Индивидуальный подход — V, 10, 156, 170, 279, 283, 377, 382, 442.
- Инициативность — I, 50, 73, 90, 98, 159, 164, 199, 202, 278, 391, 416, 453, 506, 515, 529, 546, 561, 631, 632, 670; II, 27, 50, 94, 112, 240, 248, 254; III, 155, 164, 195—196, 295, 303, 338, 358, 413, 415—419; IV, 54, 57, 70, 157, 361, 374, 375, 380, 402, 461, 462; V, 79, 444, 451, 482.
- Инструментовка — IV, 472, 493—496; V, 165, 167, 170, 182, 236, 307, 332; VII, 407.
- Искренность и открытость — I, 121, 296, 317, 474, 482, 483, 536; II, 17, 45, 180, 203; III, 75, 143, 343; IV, 49, 66, 143, 388, 394, 409, 459, 463, 464, 492; V, 348; VI, 412; VII, 391.

К

Кабинет — **I**, 34, 46, 97—98, 105, 110, 117, 166, 197, 265, 267, 268, 301, 308, 327, 342, 348, 392; **II**, 39, 76—82, 88—89, 94, 140, 152, 161, 200, 203, 287, 290; **III**, 48, 84, 159, 163, 209, 212, 219—220, 230, 276, 284, 293, 299, 303, 356, 402—403, 430—432, 442; **V**, 51—53, 157, 236, 355; **VII**, 90, 398.

Квалификация — **I**, 59, 189, 190, 199, 200, 347, 348, 364, 365, 370, 379, 436, 626, 650; **II**, 22, 43, 47—49, 55—56, 93, 160, 194, 211, 297, 298, 399—400, 405—406; **III**, 71, 79—80, 101—102, 125, 145, 166, 179, 219, 222, 225, 238, 239, 311, 319, 378, 397, 404, 405; **IV**, 71, 398; **V**, 66, 73, 91, 93, 101, 195, 197, 198, 204, 255, 278, 306, 307, 367, 372, 373; **VII**, 323, 421, 428.

Кино — **I**, 592, 629; **II**, 10, 49, 74—76, 101, 106, 114; **III**, 117, 179, 185—187, 219—220, 224, 324, 358—359; **IV**, 41, 368, 371, 414, 419, 422—424, 427, 503; **V**, 83, 142, 190, 482; **VII**, 174.

Класс — **V**, 12, 60, 162.

Классификация воспитанников — см. Дети.

Клубная работа — **I**, 270, 591, 619, 636, 661; **II**, 74—75, 104, 106—112, 125, 183, 425; **V**, 15, 17, 27, 71, 75, 79, 482; **VII**, 301.

Коллектив — **I**, 52, 63, 128, 163, 174, 181, 326, 345, 392, 408, 411, 466, 536, 567, 609, 613, 620, 636, 653, 663; **II**, 15, 141, 179, 181, 302, 390, 400—402; **IV**, 210, 378, 382, 495, 498, 501; **V**, 76, 113, 116, 117, 199, 207, 208, 217, 228—230, 252—255, 264, 279, 284, 289, 334—336, 349, 350, 352—357, 359, 365, 413, 423, 432, 433, 443—449, 453, 454, 479; **VII**, 16, 23, 199, 312, 342, 349, 423.

Коллектив единый — **I**, 47, 61,

201, 204, 208, 226, 227, 232, 267, 275, 294, 335, 346, 354, 359, 364, 368, 371, 379, 383, 395, 402, 407, 412, 416, 433, 434, 447, 488, 523, 555, 556, 559, 564, 596, 604, 605, 609, 614, 618, 619, 622, 627, 632, 634, 638, 642, 667; **II**, 15, 46, 52, 54, 56, 61, 67, 69, 102, 103, 123, 129, 150, 154, 155, 159, 165, 180, 182, 263, 287, 299, 390, 398; **III**, 84, 103, 118—119, 129, 137, 140—143, 175, 216, 236, 305, 343, 346, 367, 380, 410—411, 430, 439, 444, 451—454, 458, 459; **IV**, 485—489, 491; **V**, 12, 21, 22, 25, 26, 33, 60, 67, 94, 117, 119—121, 123, 136, 160—163, 170, 179, 206, 230, 238, 241, 250, 281, 289, 299, 317, 371, 376—378, 381; **VII**, 171, 296, 301, 315, 318, 344, 382, 395, 406, 407, 447.

Коллектив педагогов — **I**, 19, 28, 80, 118, 226, 344, 346, 356, 619, 620, 634, 659, 662, 663; **II**, 404; **III**, 137; **IV**, 486—488, 492, 499; **V**, 12—13, 39, 64, 69, 94, 100, 174, 176—180, 229, 230, 239—241, 288, 352, 371, 376, 380, 435, 475; **VII**, 286, 287, 291, 292, 294, 295, 327, 355, 362, 441.

Коллектив первичный (см. также Бригада, Отряд) — **I**, 202; **II**, 21; **III**, 149; **IV**, 34, 488, 489; **V**, 9—12, 18, 25, 26, 38, 39, 50, 65, 67, 116, 160—167, 170, 182, 206, 209, 253—256, 281, 481; **VII**, 286, 437.

Коллектив семейный — **IV**, 20, 23, 33—35, 38, 43, 46, 47, 55, 60, 66, 67, 74, 76, 95, 96, 98, 110—113, 146, 148, 211, 212, 343, 344, 356, 368, 393, 394, 402, 422, 432, 439, 440, 450, 482, 504; **V**, 449.

Коллектив школьный — **IV**, 111, 488, 492, 494, 495, 499, 503, 510; **V**, 116.

Коллектив. Воздействие коллектива на личность — **I**, 39, 40, 163, 229, 230, 254, 309,

- 405, 423, 434, 500, 502, 514, 528, 554, 561—564, 594, 595, 600, 610—613, 654; II, 18, 26, 42, 45, 66, 103, 131—134, 165, 179—181, 186, 266—267, 376, 400—401; III, 111—112, 119—120, 123, 136, 140—142, 149, 163, 181—182, 221—225, 271, 287, 319, 323, 359, 451—453, 459; IV, 491, 492; V, 44, 46, 113, 115, 134, 136, 140, 148, 155, 167, 168, 173, 182, 184, 185, 332, 366, 378; VII, 294, 296, 316, 358, 407, 425, 426, 442, 443
- Коллектив. Движение коллектива — I, 61, 63, 174, 182, 203, 214, 253, 267, 345, 354, 357, 370, 371, 379, 382, 392, 394, 395, 434, 488, 590, 591, 596, 601, 620, 634, 652; II, 54, 102, 149—150, 164, 297, 403; III, 140, 257—260, 334, 380, 451, 458; IV, 38; V, 12, 24, 79, 92, 121, 149, 154, 200, 254, 281, 455, 459, 475; VII, 297, 298, 318, 382, 401, 407, 423, 427.
- Коллектив. Длительность коллектива — I, 565, 663—673; V, 11, 85, 121, 179, 230, 254, 274, 275, 278, 414; VII, 292, 353.
- Коллектив. Закон коллектива — II, 103, 402; IV, 493; V, 85, 123, 264, 314, 475; VII, 172, 318.
- Коллектив. Индивидуальные особенности коллектива — I, 262, 618, 620; II, 17; III, 137.
- Коллектив. Общественное мнение коллектива — I, 609; II, 50, 86, 103; IV, 251, 491, 492, 494; V, 148, 156, 331, 332, 377, 378, 380, 382, 385, 411, 477; VII, 302, 442.
- Коллектив. Организация коллектива — I, 20, 25, 47, 273, 435, 466, 506, 533, 555, 557, 565, 589, 605, 606, 617, 653; II, 11, 17, 19, 20, 22, 401; III, 367, 452, 453; IV, 496; V, 9—12, 35, 120, 135, 145, 207, 228, 233, 234, 253, 264, 279, 280, 283, 385, 391, 456, 475; VII, 294, 295, 298, 299, 301, 314, 315, 359, 401, 406, 424, 437, 439, 445.
- Коллектив. Органы коллектива (см. также Бригада, Отряд, Собрание общее, Собрание отряда, Совет командиров, Комиссии) — I, 128; II, 35, 188, 333; V, 17—26, 33, 37, 42, 45, 54, 63, 70, 83, 101, 120, 162, 166, 207, 229, 256, 380, 385, 451, 481; VII, 16, 426, 437, 452.
- Коллектив. Преемственность поколений в коллективе — I, 62, 386, 387, 403, 556, 565; II, 17, 86; III, 137; V, 33, 162, 247, 304, 475.
- Коллектив. Связь с другими коллективами — I, 59, 74, 75, 87—91, 108, 112, 135, 140—142, 151, 168, 204, 205, 212—220, 234, 253, 270—272, 275, 292—294, 302, 312—319, 386, 483, 490, 491, 508, 551, 572—576, 583, 601, 619, 628, 629, 645; II, 27, 51, 69—76, 89, 90, 112, 114, 226, 254—257, 269, 270, 276—278, 412, 414; III, 325, 327—329, 334, 345, 384, 385, 451; V, 22, 24, 83, 451, 475; VII, 65, 171, 438.
- Коллектив. Структура коллектива — I, 195, 199—203, 231, 273, 274, 345, 531; II, 21, 23, 32, 35, 43, 51, 54, 113, 222; III, 241, 458; V, 9—12, 25, 26, 28, 137, 162, 209, 281, 481; VII, 302.
- Коллектив. Тон и стиль работы в коллективе — I, 20, 21, 25, 47, 82—87, 95, 101, 107, 114, 145, 151—152, 162—163, 166, 174, 180—183, 208, 212, 220, 226, 257—258, 262, 265, 273—274, 284, 291—292, 301, 319, 320, 346, 353, 354—355, 357, 378, 412—413, 417—419, 435, 439, 464, 488, 511, 512, 523, 528, 529, 532, 542, 547, 550, 555, 556, 564, 566, 582—590, 609, 619, 627, 650, 672;

- II, 43—46, 52, 57, 59, 71, 75, 91, 94—95, 102, 116, 129, 266, 407; III, 41, 72, 76—77, 80, 82—84, 90—92, 118, 135, 140, 150, 156, 182, 185, 196, 200, 216, 222, 234, 256, 264, 292, 325—326, 346, 369, 373, 379, 386, 392, 400, 402, 406, 419, 439—440; V, 10—12, 15, 33, 39, 41—43, 52, 64, 77, 83—88, 148, 157, 159, 165, 176, 207—221, 228, 229, 237, 254, 270, 271, 288, 310, 312, 313, 353, 356, 371, 382, 385, 391, 392, 475, 482; VII, 24—25, 93, 291, 296, 297, 317, 318, 387, 406, 421, 437, 443, 451.
- Коллектив. Уполномоченные коллектива (см. также Бригадир, Командир, Дежурные, Знаменщики, Помощник командира, ССК, Сигналист, Часовой) — I, 237—239, 308, 316, 329, 351, 387, 538, 539, 542, 545, 559, 668; II, 20, 35, 43, 49, 77, 134, 138, 143, 295, 424, 425; III, 118, 366; V, 16, 20, 25—27, 34, 41, 59, 88, 98, 208, 209, 229, 232, 233, 236, 238, 254—256, 264; VII, 300—302, 319, 320, 426, 437.
- Коллектив. Эстетика коллектива (см. также Воспитание эстетическое и Эстетика) — I, 232, 234, 518, 578, 584, 585, 607, 619, 628; II, 116, 120, 121, 148, 150, 228, 335; III, 240, 242, 306, 326, 441; V, 37, 88, 123, 125—127, 141—143, 216, 217, 261, 380, 475—476; VII, 346, 437.
- Командир взвода — II, 113, 116, 117, 119, 148, 228—230, 245, 247, 262, 274; III, 240—242, 454.
- Командир класса — V, 15, 17, 25.
- Командир оркестра — II, 22, 23, 425.
- Командир отряда (см. также Бригадир, Совет бригадиров и Совет командиров) — I, 195, 199—204, 206, 228—232, 273, 274, 280, 284, 297, 309, 312, 315, 319, 321—322, 324, 329, 347, 351, 353—355, 364—369, 371, 373, 383, 386, 387, 390, 404, 408, 422, 423, 426, 428, 434, 437, 459, 460, 466, 475—477, 483, 486, 494, 496, 497, 511, 518, 528, 531, 533, 538, 543, 545—548, 561, 562, 570, 582, 583, 585—588, 599, 606, 613, 615, 616, 668, 669, 671; II, 11, 20, 22—24, 26—29, 38—40, 48, 51, 57, 59, 94, 95, 98—101, 132, 143, 165, 181, 202, 217, 222, 223, 227, 389, 404, 418, 421—425; IV, 493; V, 9, 12—17, 21, 25—28, 32, 48—50, 53, 59, 61, 65—67, 88—90, 98, 99, 125, 126, 137, 151, 153, 158, 159, 164, 165, 167, 169, 170, 209, 215, 251, 253—258, 262, 269, 291—293, 314, 354—355, 360, 361, 456, 481; VII, 299—301, 303, 320, 351, 352, 353, 359, 437.
- Командир отряда комендантского — II, 114, 117.
- Командир отряда сторожевого — II, 33, 35, 95, 96, 138.
- Командир школьных групп — II, 43.
- Комиссии — I, 41, 334, 600; II, 26, 45, 59, 86, 92, 93, 105, 132, 140, 152, 205, 286; III, 404, 405, 436, 437; V, 81, 100, 138, 209; VII, 366, 370.
- Комиссии производственные — II, 49, 51—52, 54, 62; III, 100.
- Комиссия вербовочная — II, 287, 412.
- Комиссия избирательная — II, 28.
- Комиссия культурная — II, 114, 231.
- Комиссия маршрутная — II, 142, 223—225, 233, 246, 253, 261, 276, 280, 295.
- Комиссия одежная — II, 78, 114.
- Комиссия парадная — II, 114.
- Комиссия праздничная — II, 113, 114, 295; III, 277, 278.

- Комиссия санитарная — II, 22, 37, 39, 66, 68—69, 88, 230, 424; V, 18, 29—33, 52, 61.
- Комиссия столовая — II, 77, 114, 118, 119, 142, 424.
- Комиссия хозяйственная — II, 114, 227, 230, 233, 237—238, 247, 274—276, 425; V, 18, 52, 59, 61, 62.
- Комиссия художественная — II, 205.
- Комсомол — I, 89, 151, 205, 212—220, 240, 247, 249, 252, 260, 263, 270—273, 285, 294, 296, 312, 329, 331, 353, 363, 365, 367, 383, 386, 387, 391, 395, 404, 408, 429, 435—437, 449, 499, 507, 508, 510, 524, 529, 531, 532, 535, 538, 555, 577, 586, 587, 596, 619, 628, 632; II, 11, 18—19, 22, 26, 38—39, 51—52, 56, 68, 73—75, 82—86, 90—93, 99, 101, 132, 139, 149, 152, 188, 222, 286—287, 298, 315, 335, 348, 350, 367, 373, 383, 384, 386, 390, 399, 404, 405, 407—411, 413, 417, 418, 421; III, 80, 83, 96, 123, 133, 166—167, 175, 180, 215, 235, 246, 286, 305, 312, 331, 333, 340, 342—345, 357—358, 366—368, 377—379, 381, 384, 386, 390, 396—397, 419, 424, 447, 454; IV, 329, 497, 510; V, 10, 12—15, 17, 18, 22, 24, 25, 27, 35, 69, 113, 123, 124, 132, 136—138, 153, 159, 164, 173, 250, 252, 258, 262, 291, 351, 367, 413, 450; VI, 325, 328—331, 347, 351, 354, 355, 370—373, 376, 387, 402, 406—409, 411, 412; VII, 85, 90, 199, 309, 311, 315, 316, 320, 351, 428, 437, 452.
- Конституция — IV, 37—38; VII, 14—20, 24—25, 139, 156.
- «Конституция» колонии им. М. Горького — I, 199, 227, 437, 618; VII, 301
- «Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского — II, 244, 421—425.
- Контроль — IV, 92, 246, 251, 370, 372, 378, 388, 404, 418, 491, 498; V, 20, 21, 32, 238, 286; VI, 378, 423; VII, 94.
- Концерт — II, 74, 276; V, 72; VII, 91, 354.
- Критика буржуазного воспитания — I, 653, 659; II, 398, 400, 402; III, 139, 142; IV, 20, 32, 33, 64, 65, 78—80, 83, 84, 219—221, 246, 336, 385, 406, 407, 410; V, 44, 130—132, 155, 205, 207, 282, 296, 327, 329, 333, 357, 368, 400, 440, 443, 450, 452, 460, 462, 464, 465; VII, 172, 424, 441, 444.
- Критика догматизма — V, 451, 452, 472; VII, 406.
- Критика комплексного метода — I, 656; II, 286; V, 111, 204, 306, 368.
- Критика «парного» воспитания — IV, 19, 485; V, 228, 331, 335, 391.
- Критика педологии — I, 128, 662; III, 454; IV, 19, 485; V, 110, 128, 207, 226, 228, 326, 327, 333, 337—344, 346, 348, 368, 369, 371, 376, 382, 443, 445, 446, 457, 472; VII, 16, 159, 298, 299, 302, 345, 347, 348, 431, 439.
- Критика педагогических «фокусов» — IV, 24, 25, 46, 246, 348—350; V, 345, 347, 348, 359, 460.
- Критика «теории» бесконфликтности — VI, 423—424.
- Кружки — II, 109, 111, 112; III, 325; IV, 426, 497; V, 15, 70—72, 74, 471.
- Кружок библиотечный — II, 184; III, 237, 270.
- Кружок биологов — II, 183—184; III, 264, 344, 346.
- Кружок драматический — I, 268, 272, 273, 661; II, 74, 75, 106, 109, 112, 125, 184, 226, 227; III, 95, 186, 205, 327; VI, 370.
- Кружок изобразительного искусства (изокружок) — II, 27, 28, 94, 109—111, 184; III, 95.

Кружок литературный — I, 661; II, 106, 112, 184; III, 312; VII, 452.

Кружок модельный — III, 296, 312.

Кружок стрелковый — III, 95.

Кружок фотографов (фотокружок) — II, 236, 257.

Кружок художников — I, 264, 265, 335; II, 104, 106, 112; III, 306.

Кружок эсперантистов — II, 112.

Культпоход (см. также Походы) — II, 74, 416, 420; III, 383, 391, 392, 394.

Культработа (см. также Внешкольная работа) — I, 84—86, 153, 154, 263, 264, 268—283, 285, 291—293, 335, 341, 342, 357, 383, 568, 591, 592, 608; II, 74—76, 89, 106—112, 114, 182; III, 150, 224, 312, 346, 391, 392; V, 17, 49, 70—75, 91, 201, 202.

Культура — I, 63, 277, 278, 357, 418, 602, 618, 621, 638; II, 65—69, 99, 256, 288, 314; III, 459; IV, 28, 274, 379, 380, 459; VI, 433; VII, 111, 130—133, 153, 298, 335, 340, 344.

Культура быта (см. также Воспитание культурных навыков) — I, 20, 25, 26, 86, 107, 112, 128, 152, 169, 205, 207, 274, 291, 313, 465, 513, 532, 542, 547, 549, 571, 618, 622; II, 10, 16, 28, 33—36, 39, 43, 67, 71, 75, 81, 86, 95—96, 114, 120, 122, 165, 192, 226, 230, 287, 340, 343, 359, 365, 404, 409, 422—425; III, 45, 69, 77, 85, 88, 90, 105—106, 115, 119, 121—122, 149—150, 169, 176, 184, 196, 222, 237, 263, 268, 335, 339, 419, 421; IV, 68, 85, 209, 364, 366, 367, 391, 400, 401, 497, 504; V, 14, 18, 29, 31, 54, 59, 143, 169, 218—220, 258, 355, 444, 458, 461; VII, 298, 318, 447, 448.

Культура поведения (см. также Воспитание культурных навыков) — I, 100, 153, 205, 276, 293, 336, 370, 439, 513, 542, 584, 616, 619, 621; II, 70—71, 82, 118, 130, 256, 266, 288, 303; III, 52, 90, 150, 157, 184, 218, 256, 266—267; IV, 251, 367, 444; V, 18, 62, 86, 87, 91, 220, 378, 456; VII, 447, 448.

Культурная внешность — I, 95, 153, 182, 205, 228, 232, 240, 276, 293, 309, 321, 336, 355, 435, 439, 483, 488, 518, 543, 550, 553, 584, 607, 619; II, 22, 43, 46, 65, 71, 102, 113, 115, 121, 130, 165, 187, 256, 303; III, 52, 70, 85, 87—88, 114, 150, 226, 235, 265, 283, 302, 312; V, 31, 32, 87, 185, 218, 433.

Л

Лагери — II, 87, 134, 172, 223—227, 244, 258, 260—278, 410, 412; III, 334—339, 348—352, 370—371, 376, 396; IV, 495; V, 81, 118; VII, 325, 404.

Литература — I, 84, 164, 228, 357, 358, 385, 438, 467, 468, 568, 661; II, 106; III, 340, 341, 344, 456—460; IV, 112, 113, 205, 256, 262; VI, 335, 347, 421—423; VII, 32—34, 36, 115—118, 128, 129, 153—156, 163—167, 169, 173—177, 181—196, 337, 383.

Литература. Критика литературная — III, 456—460; VI, 421—437; VII, 192—196, 199—287.

Личность — I, 68, 175, 208, 220, 232, 263, 265—267, 368, 379, 381, 502, 557, 558, 566—568, 593, 621, 653; II, 103, 181, 400—402; III, 74, 128, 451; IV, 20, 25, 28, 33, 38, 43, 112, 139, 210, 211, 219, 245, 334, 499; V, 37, 76, 91, 114, 116, 134, 136, 141, 145, 149, 160, 166—168, 170, 204—206, 213,

265, 281, 283, 307, 325, 326,
332, 336, 339, 341—343, 356,
395, 400, 401, 407, 410, 417,
419, 420, 424, 427, 440—445,
449, 474, 479; VI, 423, 424,
428, 433; VII, 14—21, 23,
140—141, 174, 181—183, 190,
191, 294, 310, 312, 324, 335,
341, 342, 424—426, 431, 432,
441.

Личность и общество — V, 443,
447, 452; VII, 14—20, 425,
431.

Логика педагогическая — I, 94,
101, 108, 216, 555, 558, 612,
620, 621, 653, 655; II, 403; III,
453—454; IV, 20, 75, 447; V,
40, 106, 109—112, 121, 129,
134, 139, 141, 143, 146, 154,
156, 162, 166, 225, 229, 237,
247, 256, 265, 267, 314, 317,
341, 342, 355, 439, 443, 444,
449—454, 457—460, 472—474,
479; VII, 172, 181, 187, 295,
296, 424, 432, 441.

Любовь — I, 205, 292—296,
354—356, 364, 366, 367, 488,
491, 595—599; II, 105, 311—
312, 325, 330, 333, 336, 358,
368, 378, 392; III, 79, 154,
174, 188, 197, 223—225, 227,
229, 240, 241, 315—316, 341,
343—344, 346, 366, 382, 384—
385, 390—396, 400—402, 404,
444, 447—450; IV, 12, 113,
129—130, 132, 213—218, 237,
244, 245, 254, 292, 336, 408,
409, 412, 413, 434, 440, 441,
449, 463, 474, 510; V, 294—
296, 426, 430; VI, 331, 366,
369, 370, 376, 378, 381, 382,
401, 404, 412, 413, 417; VII,
127—130, 185, 195.

Любовь к Родине (см. также
Воспитание советского па-
триотизма) — VI, 426—435;
VII, 117—118.

Любовь к родителям — IV, 62,
110, 222, 355, 463, 464.

Любовь родителей — IV, 33,
34, 104, 110, 111, 134, 257,
292, 344, 346, 355, 386, 457,
474.

Мажор (см. также Радость) —

I, 47, 59, 61, 75, 84, 98, 101,
107, 119, 121—124, 127, 137,
143, 151—152, 164, 169, 180,
187, 204, 206, 228, 232, 246,
265, 295, 308, 319, 322—324,
337—340, 346—347, 354—355,
368, 416, 418, 437, 488, 513,
514, 535, 542, 550, 589, 601,
607, 615, 616, 621, 629, 634,
649, 671—673; II, 17, 50, 56,
118, 119, 147, 154, 159, 165,
184, 228, 236, 244, 256, 263,
281, 399, 404; III, 105, 115,
132, 134, 149, 196, 219—220,
222, 235, 243, 245, 324—325,
333, 336, 345, 371, 378, 380—
381, 392, 397, 405—406, 413,
419, 441, 444; IV, 49, 57, 59,
60, 67—69, 71, 72, 74, 89, 96,
132, 152, 170, 174, 210, 388,
393, 397, 448; V, 73, 82, 83,
94, 180, 181, 210, 211, 214,
217, 234, 254, 311, 348, 392,
433, 444; VI, 429, 431, 433;
VII, 134—135, 155, 171, 183,
191, 252, 304, 359, 363, 387,
407, 419, 432, 443.

Мастерские — I, 59, 61, 87,
152, 153, 239, 399—401, 457,
590, 605, 622, 649; II, 19—21,
27, 52, 60, 73, 150, 158, 162;
III, 97, 169, 261; V, 191, 192,
197; VII, 294, 307, 386.

Мастерство педагогическое (см.
также Беседы, Выступления
А. С. Макаренко перед кол-
лективом и Разговоры А. С.
Макаренко с воспитанника-
ми) — I, 17, 54, 64, 66, 67,
86, 103, 105, 106, 110, 138,
143, 165, 170, 173, 175—177,
183—188, 193—195, 198, 227,
229, 255, 256, 266, 284, 346,
375—378, 421, 423, 424, 429,
439, 448, 464, 494, 496, 497,
502—504, 507, 520, 538, 545,
547, 551, 561, 594, 614, 615,
617, 646, 651; II, 96, 100,
242—244, 247—248, 267; III,
48—50, 115, 146—147, 151,
159—163, 170—171, 193—194,

197—203, 209, 220, 223, 230—232, 271, 275—276, 284, 296, 299—300, 309, 312—314, 321—322, 342, 348—351, 369—370, 387—388, 396, 431—433; **IV**, 14, 19, 39, 40, 212, 227, 228, 241—243, 285, 390, 416, 438, 448, 460, 461, 465, 475, 486, 487, 501—503; **V**, 11, 142, 149, 175, 184—186, 217—218, 231, 232, 239—246, 264—267, 269, 289, 309, 332, 346, 348, 349, 376, 380, 454; **VI**, 414—416; **VII**, 116—118, 196, 209, 367, 422, 441.

Материальная часть (см. также Бюджет семьи, Бюджет учреждения, Завод, Здания, Земельные участки, Мастерские, Оборудование, Одежда, Питание, Учебные пособия, Цехи) — **I**, 18, 48, 201, 227, 233, 240, 421, 459; **V**, 53—63, 451, 479.

Меры воздействия (см. также Наказание, Одобрение, Осуждение, Понуждение, Поощрение, Принуждение) — **II**, 376, 377; **III**, 184, 185, 197, 323, 369; **IV**, 57, 148, 149, 211, 507, 508; **V**, 15, 20, 21, 32, 45—51, 57, 99, 240, 379, 384.

Метод (см. также Приемы и Средства воспитательные) — **I**, 14, 26, 27, 107, 108, 216, 220, 232, 362, 374, 380, 383, 396, 408, 416, 482, 502, 509, 527, 566, 642, 655, 662, 669, 670; **II**, 15, 16, 90, 400, 401; **III**, 453, 454; **IV**, 23, 64, 150, 341, 344, 347, 349, 376, 381, 383, 385, 388, 393, 399, 409, 413, 415, 418, 426, 427, 431, 432, 434, 435, 440, 446, 448; **V**, 19, 42, 43, 49, 70, 73, 76, 94, 101, 105—111, 116, 130, 131, 170, 176, 182, 187, 225, 226, 228, 229, 236, 261, 264, 269, 279, 309, 313, 325, 328, 333, 339—342, 345, 346, 349, 359, 371, 375, 380, 439, 441, 443, 457, 459, 473; **VII**, 171—172, 208, 404, 405, 439, 440.

Метод «взрыва» — **I**, 101, 103, 256, 309, 416, 482, 568, 615, 616; **II**, 130, 155, 156; **III**, 141, 275, 276, 453; **IV**, 457, 459, 485, 489; **V**, 135, 249—252, 299, 361; **VI**, 416—417; **VII**, 381, 425—427.

Метод естественных последствий — **V**, 49.

Молодежь — **IV**, 11—13, 83, 84, 250, 435; **V**, 418; **VI**, 393, 394, 409; **VII**, 209, 285, 312, 313, 398.

Мораль (см. также Воспитание коммунистической нравственности и Этика) — **IV**, 31, 34—38, 46, 47, 74, 251, 333, 337; **VII**, 183.

Мужество — **I**, 105, 386, 407, 482; **II**, 45, 180; **III**, 218, 364, 388; **IV**, 185, 362; **V**, 387—392; **VI**, 423, 424, 428, 431, 433; **VII**, 246.

Музей школы — **II**, 43.

Музеи — **IV**, 424, 427.

Музыка. Музыкальное образование — **I**, 183, 184, 374, 536, 592; **II**, 22—23; **III**, 179, 215, 281, 296, 358; **VII**, 91.

Н

Навыки (см. также Воспитание культурных навыков) — **V**, 17, 33, 37, 54, 79, 92, 199, 451, 456.

Наказание (см. также Меры воздействия) — **I**, 40—41, 66, 97, 106, 112, 128, 166, 273, 348, 362, 364, 367, 369, 381, 396, 497, 536, 544, 555, 571, 611, 613, 615, 616; **II**, 25, 26, 39, 49, 99—101, 267, 276, 375, 399, 402, 418, 420—422, 424; **III**, 96, 106, 115, 151—152, 154, 184, 194, 199, 202—204, 209, 212, 218, 219, 228, 242, 273, 275—276, 287, 295, 299, 312, 323, 349, 351, 355, 359, 367, 378, 405, 417, 441, 454; **IV**, 352, 366, 371, 391, 405, 424, 475, 494, 496; **V**, 20, 21, 42—51, 69—70, 112, 122, 127, 129, 138—140, 149—160, 169,

170, 182, 235—238, 246, 264,
290, 292, 302, 312, 313, 353—
355, 365, 379, 382, 385, 429,
451, 477; **VI**, 334; **VII**, 303,
316—318, 432, 433, 437.
Наряд — **II**, 49, 59, 60, 101;
III, 151, 152, 154, 199, 312;
V, 156, 235.
Настойчивость — **I**, 353, 357,
392; **II**, 69, 399; **VI**, 409.
Находчивость — **I**, 203; **IV**,
381, 461.
Новички — **I**, 61, 83, 163, 183,
217, 226, 298, 309, 310, 313,
368, 369, 404, 416, 421—433,
555, 565, 604, 618, 672; **II**, 11,
19, 21, 32, 39, 40, 60, 81, 83,
97, 114, 130—132, 179—180,
209, 232, 269, 286—294, 402,
404, 405, 407, 412; **III**, 42—
50, 52, 69, 75—89, 94—96,
140, 141, 144, 147, 148, 155—
163, 169, 174—175, 187, 197,
205, 213, 218, 229—232, 256,
295, 319, 330, 386, 397, 422—
423; **V**, 63—70, 135, 136, 153,
156, 179, 209, 213, 268, 292,
314, 354; **VII**, 297, 305, 316,
358, 362, 366, 385, 395, 423.
«Новые люди» — **I**, 14, 652; **II**,
313, 314, 398, 399; **III**, 444;
IV, 11, 75, 457; **V**, 333, 417;
VI, 421, 422, 424; **VII**, 168,
169, 172, 175, 207, 328, 342,
362, 423, 428, 429.
Нравственность — см. Мораль.

О

Оборудование помещений — **I**,
18, 20, 21, 29, 152, 182, 239,
312, 399, 402, 449, 579, 605,
606; **II**, 9, 12, 15, 19, 66, 76,
304, 367; **III**, 45, 47, 69, 72,
77, 83—84, 117, 122, 178, 389;
V, 53, 55, 58—61, 64, 151,
456, 457, 461, 462, 481; **VII**,
380.
Оборудование производствен-
ное — **I**, 16, 47, 58, 152, 400,
402, 457, 532, 590, 626, 638;
II, 20, 22, 41—42, 49—51,
53—60, 89, 110, 158, 160—

164, 193—200, 221, 268, 284,
297, 304—305, 307, 326, 330,
338, 407, 409; **III**, 95, 144,
164—165, 167, 207, 217, 238,
244, 247—253, 258, 261, 269,
277, 286, 295, 308—309, 331,
346, 353—357, 360, 362—364,
368, 381, 383, 406—407, 414,
421, 424—425, 428, 447; **V**, 74,
79, 191, 194—197, 308, 418,
461, 462; **VI**, 318; **VII**, 90, 305.
Оборудование сельскохозяйст-
венное — **I**, 16, 56, 57, 92,
150, 153, 157—160, 182, 191,
235, 308, 310, 320—324, 350,
368, 394, 418, 422—423, 457,
476, 561, 584, 588.
Образование — **I**, 39, 41, 62,
76, 94, 113, 121, 122, 135, 137,
153, 201, 205, 213, 231, 247,
254, 255, 259, 295, 313, 354,
357, 372, 373, 387, 428, 431,
446, 465, 474, 524, 587, 602,
621; **II**, 23, 28, 41, 47, 55, 93,
132, 138, 149, 151, 169, 182,
202, 221, 226, 287, 399, 400,
405, 406, 411, 423; **III**, 49,
71, 74, 77, 79—80, 95, 120,
179, 185, 225, 231, 239, 296,
311—312, 340—341, 343, 346,
368, 376—377, 380, 390, 397,
422, 439, 444, 450; **IV**, 56,
71, 105, 239, 246, 287, 289,
362, 496; **V**, 28, 30, 43, 65—
68, 73, 79, 83, 91, 93, 95, 101,
108, 109, 112, 198, 204, 265,
278, 305, 307, 309, 324, 363,
366, 370, 374, 411, 415, 444,
461, 462, 464—469, 474; **VI**,
413, 434; **VII**, 64, 103, 105,
106, 112, 113, 171, 298, 306,
307—311, 321—325, 359, 371,
375, 407, 428, 429, 451.
Общество — **III**, 452; **IV**, 17;
V, 448, 459; **VII**, 14—23, 169,
172, 174, 175, 255, 256, 339,
342, 425, 426, 431.
Общество буржуазное — **IV**, 36,
110, 113, 333; **VII**, 312, 341—
342.
Общество советское — **IV**, 33,
34, 36, 38, 42, 46, 58, 219,
251, 254, 385, 386, 408; **V**,
162, 206, 411, 431, 441, 449,

- 474; VI, 421—423; VII, 312, 323, 324, 327.
- Одежда — I, 29, 30, 32, 51, 83, 151, 152, 193, 204, 227, 233, 238—240, 257, 261, 293, 296, 301, 309, 321, 336—337, 342, 349, 355, 368, 369, 374, 384, 391, 402, 422, 449, 451, 483, 496, 512, 518, 520, 524, 531, 532, 543, 546, 583, 606, 617, 619, 626, 628; II, 11, 17, 19, 28, 40, 63, 65, 66, 77—79, 84, 113—115, 119, 122, 166, 168, 189—191, 227—228, 233, 239, 253, 257, 259, 267, 274, 287—288, 302—303, 311, 324, 360, 424; III, 42—44, 47, 51—52, 67, 69, 76, 79, 87, 119, 135, 141, 143, 144, 160, 163—165, 168—169, 173, 196, 211, 224, 226, 234, 240—241, 251, 264, 268, 292, 302, 306, 373, 377, 386, 392, 410, 440, 444; IV, 53, 54, 265, 266, 496, 505; V, 31, 54—59, 64, 92, 126—129, 150, 169, 190, 191, 216, 218, 220, 235, 252, 307, 361, 456, 461, 462, 479, 481; VII, 171, 299, 386, 387, 448.
- Одобрение — (см. также Поощрение) — I, 44, 67, 68; III, 152, 155, 194, 201, 223, 232, 255, 388, 410; IV, 150, 285, 315, 372, 405, 475; VI, 416.
- Оперативность — IV, 385, 392—394.
- Оптимизм (см. также Мажор) — I, 63, 80, 180, 227, 240, 254, 418, 488, 551, 653; II, 399, 405, 408; III, 137—139, 143, 259, 452, 453; IV, 36, 41, 42, 65, 71, 73, 76, 359, 388, 419; V, 80—82, 164, 226, 301, 343, 345, 346, 353, 356, 359, 431; VI, 403, 421, 433, 434; VII, 24, 128, 130, 155, 255, 278—280, 285, 335, 336, 339, 341—343, 355, 414, 424, 425.
- Организация коллектива — см. Коллектив.
- Организация производства и труда (см. также Промфин-
- план и Учет) — I, 626, 627, 631; II, 19, 20, 23, 24, 35, 36, 43, 47, 48, 50, 53, 60—64, 92, 93, 140, 164, 201, 235; III, 106, 413—419, 425; V, 13, 79, 169, 188, 194—196, 198, 309; VII, 92, 295, 300.
- Органы коллектива — см. Коллектив.
- Ориентировка — I, 90, 98, 119, 133, 179, 272, 310, 435, 439, 442, 512, 532, 533, 543, 572, 622, 645; II, 17, 33, 50, 56, 67, 86, 231, 248, 254, 257; III, 43—44, 67, 81, 105, 158, 195, 228, 257, 263, 265, 284, 378, 381, 387, 439, 441; IV, 23, 70, 71, 92, 168, 248, 291, 385—388, 391, 394, 401, 402, 452, 462, 463; V, 84, 85, 209, 211—213, 216, 255, 283, 297, 410, 430, 474; VI, 347, 362, 424; VII, 93, 319.
- Оркестр — I, 592, 619, 629, 634, 635, 641; II, 22—23, 25, 35, 69—70, 73—74, 83, 94, 111, 113, 115—118, 141—142, 147, 172, 183, 185, 205—206, 227, 234, 235, 242, 245—246, 249, 253, 255—256, 260, 261, 269, 279, 295, 314, 316, 319, 325, 327, 405, 406, 410, 425; III, 96, 145—146, 202, 215, 235, 240—242, 278, 288, 325, 327—329, 345, 359, 367, 379, 392, 410, 412, 442; IV, 496, 508; V, 70, 72—74, 126, 127, 150, 190, 252, 361, 482; VII, 84, 91, 92, 95, 171, 305, 387, 390.
- Осуждение — III, 49, 151; IV, 45, 291; V, 149, 155, 156, 332, 355; VII, 342, 426, 443.
- Ответственность — I, 40, 43, 65, 100, 128, 201—202, 273, 296, 362, 367, 387, 390, 412, 453, 518, 559, 560, 565, 606, 610, 618, 622, 631, 649, 670, 672; II, 9—10, 33—34, 40, 46, 88, 103, 132, 139, 188, 288, 329, 401, 409, 423, 425; III, 140, 149, 202, 213—214, 222, 293, 367—369, 374—375, 378, 387, 428, 453, 454; IV, 43, 68, 185, 219, 360, 373, 375, 385,

- 391—394, 399, 401, 408, 414, 450, 451, 456, 466, 472, 478, 492—494, 497, 500, 504; **V**, 11, 13, 20, 25, 26, 41, 50, 53, 54, 57—60, 83, 84, 99, 139, 151, 164, 165, 168, 169, 199, 200, 207—210, 216, 229, 233, 247, 251, 253, 255, 256, 283, 291, 294, 296, 299, 300, 336, 349, 354, 377, 379, 409, 474; **VI**, 416; **VII**, 16, 85, 176, 301, 305, 311, 317, 318, 320, 322, 420, 432, 433.
- Ответственность родителей — **IV**, 16, 18, 20, 22—23, 25, 33, 34, 64, 120, 341, 343, 346, 350, 351, 357, 360, 434, 441, 449, 453.
- Отдых — **I**, 151, 258, 259, 310; **II**, 93, 150, 269, 412; **VI**, 317; **VII**, 325.
- Отношение к вещам — **IV**, 380, 381, 388, 389, 391, 392, 394, 465, 466.
- Отношение воспитанников к женщинам — **I**, 650; **III**, 157, 198, 200; **IV**, 253, 413; **VII**, 420.
- Отношение воспитанников к А. С. Макаренко (в III томе — к А. С. Захарову) — **I**, 21, 25—27, 33, 35, 40, 55, 68, 77, 79, 82, 94, 102, 103, 120, 133, 139—141, 147—148, 166, 171, 177—179, 192, 194—195, 229, 281, 295, 300—301, 337, 343, 346—348, 412, 415, 492, 630, 635, 646; **II**, 183; **III**, 129, 200, 268, 284, 313, 314, 369, 393, 403, 410; **V**, 213; **VII**, 104—106.
- Отношение воспитанников к новичкам — **V**, 63, 64.
- Отношение воспитанников к общественной собственности — **I**, 39, 46—47, 112, 133, 158—159, 161, 238, 240, 248—249, 290—291, 311, 419, 514, 566; **II**, 66, 402; **III**, 433; **V**, 15, 133, 147, 310, 311.
- Отношение воспитанников к педагогам — **I**, 20, 23, 42, 62, 82, 86, 94, 103, 112, 163, 166, 355; **II**, 44, 94; **IV**, 138, 358; **V**, 213, 349; **VII**, 104.
- Отношение воспитанников к персоналу колонии и коммуны — **I**, 150, 188, 246, 416; **II**, 41, 61, 89; **III**, 165, 179, 248, 253—256, 277, 286, 315, 332—334, 405, 410, 426—427.
- Отношение воспитанников к своему воспитательному учреждению — **I**, 38, 41, 90, 100, 102, 140, 150, 158, 165—166, 175, 180, 192, 215, 230, 231, 243—244, 285, 290, 308, 311, 313, 335, 343, 346, 367, 368, 390, 412—413, 417, 435, 436, 460, 544, 564, 611, 632, 645, 650, 651; **II**, 17, 18, 26, 103, 168, 203; **III**, 93, 103, 119—120, 144, 156—157, 168, 204, 214, 217, 222, 228, 235, 251, 262, 264, 266, 325, 330, 346, 390, 393, 398, 404, 411, 430, 440, 449, 450; **V**, 9, 12, 13, 23, 33, 34, 63, 64, 82, 84, 90—92, 94; **VII**, 65, 106, 421, 422.
- Отношение воспитанников к труду — **I**, 62, 63, 92, 112, 140, 179, 189, 191, 193, 200, 230, 246, 370, 371, 422, 500, 555, 566, 568, 586, 615, 621, 648, 649; **II**, 43, 341; **III**, 23—24, 31, 71, 75, 79, 84, 109, 113, 144, 178; **IV**, 292, 373, 396, 424; **V**, 91, 374; **VII**, 104, 171, 297, 320, 321, 416, 419, 447.
- Отношение воспитанников к школе — **I**, 62, 247, 253, 254, 350, 357, 372, 373, 428, 649; **II**, 17; **III**, 239, 240, 340, 341; **IV**, 358, 413, 424; **V**, 385; **VII**, 419, 447.
- Отношение к прошлому воспитанников — **I**, 102, 216, 217, 428, 494, 593, 601, 617; **II**, 129, 134, 232, 310; **III**, 48, 68, 80, 83, 103, 133, 142, 143, 156, 163, 184, 397; **VII**, 296, 297, 362, 363, 365, 445, 446.
- Отношение к родителям — **IV**, 18, 22, 24, 25, 66, 67, 104, 122, 128, 139, 140, 144, 152, 155—157, 165—168, 176, 182, 186,

197, 227—230, 276, 287, 288, 295, 301, 355, 356, 506; **VI**, 359—361, 404.

Отношения внутриколлективные — **I**, 37, 46, 63, 64, 75, 79, 101, 107, 112, 121, 123, 124, 143, 162, 164, 166, 169, 202, 208, 212, 258—260, 291—292, 310, 311, 323, 328, 342—343, 347, 349, 350, 352—354, 356, 363—364, 367, 368, 373, 412, 425, 437, 463, 510, 511, 523, 530, 536, 596, 614, 615, 617, 634, 645, 672; **II**, 18, 22—23, 26, 45—46, 52, 54, 56, 67, 81, 116, 130, 168, 187, 188, 262, 328, 331, 352; **III**, 77, 79—80, 82—83, 114—116, 118, 120, 133, 135, 141, 149, 152, 169—170, 178, 196, 198, 200, 214, 216, 222, 224, 273, 292, 295—296, 302, 325, 345—346, 371, 377—380, 385—388, 406, 422, 438, 440—441, 451; **IV**, 491, 508; **V**, 15, 40, 73, 74, 85, 91, 207, 409; **VII**, 304, 321, 398, 437.

Отношения внутри общества — **V**, 205; **VII**, 21, 169, 172, 188, 189, 322, 425, 426.

Отношения внутрисемейные — **IV**, 16, 23, 25, 42, 66—70, 85—96, 111, 135, 148, 159, 160, 162, 165, 166, 205, 211, 212, 222, 267—269, 300, 344, 345, 365, 368, 369, 402, 405, 413, 450, 451; **VI**, 320, 333, 339, 340, 350, 360.

Отношения между мальчиками и девочками — **I**, 76, 112, 118, 163, 299, 356, 385, 450, 451; **II**, 18, 77—79, 102, 115, 124, 185, 238, 262; **III**, 223, 237, 261, 273, 309, 335—338, 343—345, 380, 382, 385, 389, 406, 410, 452; **IV**, 158, 232—236; **V**, 213, 303.

Отношения между педагогами и воспитанниками — **I**, 107, 124, 187, 230, 378, 599, 600, 620, 633, 636—638, 658, 667; **II**, 38, 39, 80, 81, 85, 154, 266, 267; **III**, 116—118, 143, 143, 202, 232—234, 276, 277, 296,

338, 351, 387, 388, 418; **V**, 379; **VII**, 64, 316.

Отношения между старшими и младшими воспитанниками — **I**, 84, 86, 87, 107, 123—125, 166, 228, 231, 262, 342, 343, 370, 426, 464, 609, 650; **II**, 28, 68; **III**, 205, 237, 261, 340, 354, 368, 433, 451; **VI**, 67, 345, 494, 495; **V**, 11, 13, 15, 164, 214, 256; **VII**, 420.

Отношения между товарищами — **IV**, 75, 413.

Отряд (см. также Бригада и Коллектив первичный) — **I**, 43, 195, 198, 199, 202, 204, 227, 228, 230, 231, 239, 246, 262, 284, 301, 309, 312, 315, 317, 320, 329, 335, 337, 338, 340, 349, 357, 359, 367, 368, 370, 384, 386, 387, 422, 423, 428, 433, 436, 466, 477, 478, 481, 483, 487, 496, 498, 510, 525, 528, 531—533, 538, 540, 542, 543, 545—549, 559, 561, 563—565, 570, 583, 585, 588, 606, 613, 628, 668; **II**, 11, 17, 20—24, 27—29, 35—38, 40—41, 46, 52, 59, 60, 66, 71, 82—83, 86, 95, 102, 113, 129, 133, 143, 181, 185, 203, 205, 217, 221—222, 227—228, 283, 298, 329, 334, 337, 421—424; **IV**, 489, 494, 495; **V**, 9—16, 31, 32, 49, 53, 59—61, 65, 67, 88, 89, 96, 98, 125, 126, 150, 158, 162—170, 184, 185, 251, 254—256, 258, 285, 286, 316, 317, 456; **VII**, 294, 299, 300, 344, 351—353, 359, 380, 386.

Отряд дежурный — **II**, 34, 67, 139, 207; **V**, 100.

Отряд знаменный (см. Бригада знаменная).

Отряд комендантский — **II**, 114, 117, 119.

Отряд производственный — **II**, 19, 21, 164; **V**, 10—12, 26, 65, 66; **VII**, 433.

Отряд распорядительный — **V**, 21.

Отряд сводный — **I**, 200—207, 209, 211, 229, 230, 232, 246, 335, 373, 480, 512, 518, 555,

560, 561, 569, 582, 613, 617;
II, 44; V, 210; VII, 300, 301,
437.
Отряд сводный второй осо-
бый — I, 570—572.
Отряд сводный особый — I,
337, 339.
Отряд сводный Первого сно-
па — I, 585—588.
Отряд сводный передовой — I,
416, 418, 433—435, 437—439,
472—476, 482, 493, 497, 506,
507, 520, 533, 549.
Отряд сводный рабфактовцев —
I, 347, 354, 355, 383—385,
459, 460, 465, 466, 476, 498,
510, 528, 552.
Отряд сводный резервный — I,
309.
Отряд сводный сельскохозяй-
ственный — I, 298, 308, 310,
319—325, 349, 350—353, 371,
383, 385, 386, 496, 499, 564.
Отряд сводный театральный —
I, 272—274, 279, 281, 285,
292, 293, 483.
Отряд сквозной — V, 10.
Отряд сторожевой — I, 377,
426, 573, 578; II, 27, 32—34,
45, 87, 96, 138, 202, 238; V,
21, 315; VII, 300.
Отряд хозяйственный — II, 20;
V, 66, 67.
Отряд школьный — II, 423.

П

Партия — I, 230, 514, 579, 580,
583, 622, 642; II, 404; III, 332,
342, 343, 410; IV, 434; V, 35,
153, 352, 423, 444; VI, 391,
411, 431, 432; VII, 18, 29, 141,
143, 144, 244, 245, 247, 254,
302, 313, 315, 343, 348, 439.
Педагоги (см. также Воспита-
тели, Учитель и Коллектив
педагогов) — II, 74, 75, 106—
109, 169, 286, 397—405; III,
147, 148, 251, 277, 296; IV,
64, 65, 438; V, 15, 16, 35, 36,
59, 71, 74, 86, 87, 154, 155,
217, 233, 242, 265, 270, 276,
317, 345—348, 368, 375, 377,
444, 451; VII, 208.

Педагогика (см. также Теория
педагогическая) — I, 112,
195, 196, 200, 294, 361, 362,
400, 451, 452, 470, 482, 519,
524, 554, 555, 603, 614, 622,
627, 630, 642, 656, 657, 663;
II, 55, 179, 397, 399, 404; III,
139, 140, 142, 143, 455; IV,
11, 75; V, 76, 174, 226, 233,
336, 342—344, 356, 387, 435;
VI, 425; VII, 208, 209, 372.
Педагогика и другие науки —
V, 109, 326, 342, 447, 453,
472.
Педагогика и жизнь — II, 398,
401, 404; III, 140, 142, 444,
451; IV, 20, 385, 433; V, 413,
433, 439, 472, 474; VI, 414;
VII, 245, 294, 298, 302, 313,
349, 411, 438.
Педагогика и политика — I,
14, 198, 272, 315, 392, 519,
557, 620, 622, 653, 656, 660;
II, 33, 90, 398, 401, 404; III,
139, 140, 142, 443, 444; IV,
11, 17, 342, 343, 347, 350, 351,
357, 360, 384, 385, 409, 427,
433, 436, 443, 451; V, 24, 37,
44, 82, 107—110, 133, 144,
309, 327, 333, 335—337, 342,
343, 356, 357, 371, 376, 391,
392, 401, 441, 442, 452, 453,
472; VII, 207, 245, 294, 424.
Педагогика индивидуального
действия — I, 26, 33, 41, 65,
66, 96, 143, 165, 166, 191—
193, 256, 295, 348, 371—373,
431, 432, 464, 494, 502—504,
507, 514, 526, 547, 566, 592—
600; III, 72—75, 198, 201,
203—204, 275, 340, 341, 351,
436; V, 43, 45, 89—96, 160,
164, 165, 167, 170—174, 177,
183—185; VII, 407, 441, 442.
Педагогика коллективного дей-
ствия — I, 20, 36, 39, 64, 66,
78, 173, 481, 523, 537, 538,
549, 554, 561, 565, 566; II, 11,
400; III, 123—127; V, 69; VII,
441, 442.
Педагогика параллельного
действия — I, 19, 39, 66—74,
102, 163, 202, 229, 240, 423—
424, 434, 500—502, 528, 533,

- 534, 537, 538, 545, 547, 548; II, 37—38, 66, 96, 98—100, 102, 402, 403; III, 115, 123—127, 349; IV, 391, 416, 421; V, 22, 24, 40, 51, 69, 93—95, 166, 170, 185, 186, 236; VII, 293, 296.
- Педсовет — см. Совет педагогический.
- Перевоспитание — I, 216, 293; IV, 341, 342, 350, 444, 446, 447, 468; V, 108, 204, 249, 299, 318, 412, 413; VII, 292, 294, 311, 365, 407, 411, 425, 442.
- «Пережитки» — IV, 337; V, 208, 398, 402—408, 426, 427, 444, 478, 479; VII, 168.
- Персонал административно-хозяйственный — I, 16, 28, 57—59, 234, 285, 296, 302, 329, 330, 393; II, 12, 41, 77, 79, 225, 226; III, 355, 356, 381, 414; VII, 433, 434, 436.
- Перспектива — I, 20, 48, 51, 84, 86, 113, 214, 227, 246, 247, 253, 308, 336, 338, 342—343, 346—348, 354, 355, 364, 365, 370—372, 385, 391, 392, 394—395, 403, 415, 431, 451, 524, 530, 531, 551, 566—568, 570, 589, 590, 600, 618, 622, 628, 634, 649, 650; II, 29, 102, 126, 140, 155, 159, 164—165, 183, 209, 219, 232, 243, 407, 409, 410; III, 35, 74, 81, 128, 137, 165, 216, 225, 235, 243—245, 247, 251, 259, 261, 263, 287, 326, 340, 347, 397, 444, 448—450; IV, 35, 36, 38, 71, 94, 95, 388, 494; V, 16, 23, 24, 34, 43, 69, 75—83, 91, 94, 96, 188, 200, 202, 239, 345, 364, 365, 373, 458, 459, 474, 482, VI, 421—423, 433; VII, 103—105, 134—135, 140, 174, 176, 298, 304, 305, 323, 341, 362, 419, 420.
- Пионеры — I, 529, 619, 628; II, 31, 93, 288, 406; III, 235; IV, 334, 421, 447, 449, 497, 510; V, 10, 22, 28, 88, 117—120, 124, 132, 159, 250, 258, 367, 380; VII, 182, 299, 309, 325, 428, 440.
- итание — I, 18, 20, 25, 80—34, 35—36, 39, 48, 81, 83, 86, 95, 127, 162, 164, 208, 227, 229, 237—238, 284—286, 299, 341—342, 346, 404, 444, 450, 456, 460, 477, 499, 512, 513, 532, 541, 546, 550, 553, 561, 562, 629; II, 102, 113—114, 169, 230, 233, 237, 244, 265—266, 367; III, 46, 89—91, 117, 119, 169, 202, 263, 284, 287, 305—306, 347, 370, 377, 392; IV, 24, 59, 154, 474, 475; V, 31, 51, 62, 100, 190, 192, 457, 461, 462, 481; VII, 352, 353, 359.
- План педагогический — II, 107—109; V, 176.
- Поведение (см. также Культура поведения) — I, 652, 653; IV, 42, 149, 150, 171, 250, 335—337; V, 16, 24, 40, 46, 52, 76, 84, 133, 144, 148, 213—216, 290, 325, 376, 378, 387, 398, 399, 401—403, 408, 410—413, 415—418, 420, 421, 425, 427, 428, 433, 440, 479; VII, 294, 423, 424.
- Проверка — II, 37—41, 88, 230, 424; III, 86—89, 105, 116—117, 134, 151, 196, 283—284, 324, 325, 371, 381, 441; V, 31, 121, 478; VII, 318, 320.
- Подготовка педагогов — I, 656, 661; IV, 501; V, 116, 175, 176, 231, 242, 264, 265, 267, 269, 288, 289, 369, 370, 411, 454; VII, 396.
- Помощник бригадира — III, 80, 83, 114, 296, 377, 378.
- Помощник командира — I, 559, 671—672; II, 23, 37, 46, 83, 422; V, 14, 56, 59, 89, 258; VII, 300.
- Понуждение — V, 149, 150.
- Поощрение (см. также Одобрение, Похвала, Премирование) — I, 43, 230, 381, 583, 586; III, 152, 303, 310, 318; IV, 356, 372, 405, 475, 496, 503; V, 21, 32, 51, 129, 143, 292, 477.

- Портреты персонажей — I, 13, 17, 19, 21, 32, 34, 36, 39, 71, 74, 76, 79, 94, 102, 112, 123, 128, 132, 144, 163, 176, 185, 189, 209, 225, 228, 230, 231, 249, 255, 260, 263, 265, 266, 295, 296, 327, 339, 348, 361, 368, 373, 383, 386, 390, 400, 410, 421, 423, 425, 427, 428, 430, 435—437, 445, 446, 448, 453, 473, 476, 483, 487, 504, 507, 510, 534, 537, 541, 543, 546, 591, 610; II, 18, 29, 37, 42, 50, 63, 73, 94, 97—98, 106, 124, 132, 167, 184, 290; III, 10, 13—14, 36—37, 43—44, 48, 50, 52, 70, 74, 76, 78—82, 86—87, 91, 95, 99, 105, 107—109, 146—148, 150, 152—153, 155, 157, 166, 169, 173—176, 187, 211, 215, 223—224, 243, 257, 264, 268, 296, 312, 319—320, 353, 361, 366—367, 373, 381, 384, 388, 405; IV, 13, 17, 31, 39, 49, 53, 57, 68, 80, 84, 150, 151, 172, 194, 214, 257, 272, 304, 306; VI, 315, 316, 359, 360, 362, 367, 370, 375; VII, 94, 108, 112, 128, 166, 191, 192, 429.
- Поручение — IV, 56, 154, 392, 403, 472; V, 35, 38, 39, 209, 238, 256.
- Порядок — I, 95, 207, 274, 547; II, 423—425; III, 77, 268; IV, 96, 98, 288, 367, 380, 388, 400, 401, 414, 465, 466, 503, 504.
- Послушание — IV, 144, 151, 211, 351—353, 355, 360—362, 369.
- Похвала — IV, 372, 475, 476.
- Походы (см. также Культпоходы) — I, 375, 415, 607, 608, 628, 641; II, 86, 112—124, 133, 141—143, 147—150, 165, 175, 226—282, 311, 406, 408, 410—412; IV, 495; V, 74, 80, 88, 127, 143, 168, 202, 203, 278, 291; VI, 355, 413; VII, 84—89, 319, 325, 406.
- Правдивость — I, 113, 296, 459; III, 79; IV, 155, 232, 409; VII, 89, 176, 390.
- Праздники — I, 36, 283—284, 325, 335—342, 346, 381, 483; II, 204—208, 295, 297; III, 278, 280, 287, 288; V, 43, 53, 54, 73, 80, 312—313; VII, 362.
- Праздник Первого снопа — I, 157, 160—161, 531, 567, 569, 577, 582—590; VII, 359, 381.
- Праздник Первого хлеба — VII, 359.
- Праздник пятилетия коммуны — VII, 366.
- Праздники революционные — I, 232, 346, 371, 373—377, 592; II, 112—118; III, 240—243, 269—270, 275—277, 323, 325—328; VII, 89, 94, 95.
- Праздники в честь М. Горького — I, 283—286, 291, 634; VII, 359.
- Практика педагогическая — V, 439, 444, 450, 458; VII, 294.
- Премирование — II, 111, 425; IV, 474, 475; V, 57, 61, 67, 72, 74, 75, 150, 168, 316, 317, 435.
- Преодоление трудностей — I, 254, 554, 568; II, 130, 150; IV, 151, 157, 337, 359, 361, 374—376, 379, 383, 403, 404, 420, 465; V, 37, 91, 92, 200, 280, 281, 286, 305, 316, 323, 336, 353, 379, 391, 431; VI, 424; VII, 106, 313—315.
- Привлечение — V, 149, 150, 476.
- Привычки — II, 181, 182; III, 75; IV, 104, 250, 359, 361, 364, 366, 369, 390, 391, 394, 396, 404, 414, 421, 426, 490; V, 11, 84, 88, 154, 214, 257, 280, 294, 411, 422, 428, 435; VII, 424, 428.
- Прием воспитательный (см. также Средства воспитательные) — I, 226, 670; II, 11, 16; III, 197, 220, 306; IV, 403, 409, 447, 475, 476; V, 93, 130, 141, 183—186, 210, 266—267, 302, 315, 345, 353, 375, 376, 392, 450, 452; VII, 158, 441.
- Приказ по учреждению — I, 199, 212, 273, 291, 301, 320,

- 347, 373, 375, 376, 628; II, 25—26, 37, 82, 86, 87, 96, 113—114, 186, 201, 227, 233, 257, 424; III, 152, 205, 207, 211—214, 217—218, 303, 310, 348, 410; IV, 475, 495; V, 18, 28, 35, 38, 46, 47, 59, 74, 150, 247, 292, 313, 315, 385; VII, 89, 317.
- Принуждение — I, 94, 113, 128, 527, 661; II, 242, 314; III, 240; IV, 403; V, 116, 173, 476; VII, 295, 437.
- Принцип «меры» — IV, 206, 211, 292, 293, 445, 448, 457, 459—461, 464, 466, 475; V, 460.
- Принцип «требовать от лучших больше» — V, 41, 143, 246, 290—292.
- Принципиальность — I, 217, 296, 513, 610, 621; II, 17, 18, 180; III, 118, 183, 216, 337, 431; IV, 38, 62, 454; V, 16, 293, 322; VII, 438.
- Проверка исполнения — см. Контроль.
- Продукция — I, 246, 591, 626, 638—641; II, 29, 41, 47, 53, 55—56, 66, 76, 144, 149, 159, 161, 164, 175, 199—200, 210, 211, 217, 297, 307, 367, 399, 406—409, 413, 414; III, 100, 108, 110, 144, 164, 178—179, 207—208, 251, 256, 285, 305, 307—309, 330, 333, 343, 360, 372, 411, 427; IV, 497; V, 194—196, 308, 418; VI, 318, 321, 325, 326, 335—339; VII, 305, 306, 354, 404, 448.
- Производство — II, 52—54, 171, 200—201, 220—221, 341, 407, 408, 410; III, 93, 97, 163, 179, 210, 243, 256, 360, 390; V, 13, 21, 27, 161, 187—190, 196, 200, 306, 307, 451, 461, 481.
- Промфинплан — I, 627, 631; II, 63, 201, 209—211, 217, 220—221, 227, 297, 400, 401, 414, 423; III, 285, 288, 295, 306, 307, 310, 390, 409; IV, 498; V, 188, 196; VI, 317, 318; VII, 307.
- Процесс воспитательный — III, 451; IV, 150; V, 11, 36, 39, 40, 43, 64, 76, 119, 131, 176, 177, 198, 231, 265, 279, 289, 309, 343, 346, 346, 349, 376, 389, 401, 410, 452, 458, 474—476; VII, 182, 294.
- Психология — V, 326, 342, 472.

Р

- Работа детей (см. также Труд) — IV, 150—154, 209, 373—375.
- Работоспособность — IV, 409.
- Рабфак — I, 76, 113—114, 205, 247, 253, 255, 342—347, 350, 354—355, 362, 370—371, 378, 386, 390, 391, 404, 602, 609, 618; II, 18, 41, 51, 144, 151—156, 164, 182, 183, 188, 286, 298, 315, 330, 350, 386, 400, 401, 404, 410; V, 450; VII, 305, 307, 395, 405.
- Развитие личности — V, 173, 322, 474.
- Развитие требования — V, 146—149, 476.
- Разговоры А. С. Макаренко с воспитанниками — I, 26, 27, 35—37, 41, 54, 95—97, 107, 111, 143, 145, 147, 171, 172, 191—193, 256, 378, 399, 400, 441, 442, 445—448, 450, 451, 496, 497, 509, 513, 514, 526, 553, 646, 647; VII, 106—107.
- Рапорт — I, 204, 206, 211, 230, 273, 300, 354, 578, 629, 634, 636, 641, 671, 672; II, 23, 28, 29, 31—32, 34, 37—40, 43, 45, 57, 59, 66, 88, 94—97, 101, 131, 139, 202, 217, 245, 280—281, 328, 366, 423—425; III, 86, 88, 105, 114—116, 151, 180, 211, 281—283, 287, 292, 303, 364, 380, 415; IV, 493; V, 16, 38, 88, 90, 99, 122—124, 126, 137, 167, 233, 251, 263, 264, 267, 269, 292, 293, 314, 318, 355, 435; VII, 89, 301, 318, 320.
- Распоряжение — II, 400; IV, 169, 211, 212, 246, 323, 370, 470; V, 215, 216.

Распорядительность — I, 202; IV, 56, 398; V, 13.

Ребусник — II, 111, III, 46, 147; V, 75, 180.

Режим — I, 205, 226, 257, 299, 320, 497, 499, 564, 619, 671, 672; II, 34—35, 37—38, 41, 51, 65, 93, 182, 230, 263, 265, 343, 353; III, 69, 86, 89—91, 150, 169, 178, 199, 324, 329, 347, 371, 430; IV, 246, 248, 250, 363—372, 378, 414, 441, 482; V, 11, 14, 40—43, 62, 99, 129, 130, 141, 142, 263, 381, 475, 477; VII, 89, 314, 359.

Риск педагогический — I, 193—195, 447; III, 453; IV, 461, 462, 499; V, 226—228, 240, 241, 270, 284, 285, 311, 312.

Родители — III, 36, 39, 71, 94, 95, 127, 130, 131, 161, 184, 455; VII, 286, 287, 428, 430.

Родители. Связь между родителями — IV, 202—204, 209, 210, 250, 359, 368, 382.

Родители. Связь с товарищами детей — IV, 184, 198, 208, 358, 359, 368.

Руководство — I, 27, 34, 107, 114, 122, 138, 169, 178, 180, 181, 210—212, 216, 226, 255—256, 264, 267, 344—346; II, 77, 108—109, 129; III, 48, 96, 137, 159, 236, 239, 297, 309, 338, 348, 402—403, 429; IV, 374—377, 380—383, 385, 488, 492; V, 13, 14, 16, 18, 21—23, 28, 30, 39, 41, 45, 49, 51—53, 61, 63, 64, 68, 74, 80, 85, 86, 89, 90, 98, 99, 156, 163, 166, 177, 178, 182, 217, 238, 239, 288, 293, 375, 379, 380, 385; VII, 360, 433.

С

Салют — I, 183, 233, 273, 337, 348, 369, 416, 439, 464, 488, 520, 578; II, 38, 70, 95, 99, 101, 118, 127, 148, 288, 412; III, 51, 77, 87, 90, 141, 149,

185, 201, 211, 243, 292, 301, 325, 391, 418, 443; V, 88, 126, 215, 236, 252, 263, 293, 361.

Салют знамени — I, 233, 284, 321, 325, 376, 518, 540, 550, 584, 588, 629, 634; II, 116, 123, 149, 205, 228, 255, 262, 270—271, 279, 281, 327; III, 241, 379—380, 400, 410, 440; V, 88, 122, 126, 127, 150; VII, 95.

Самокритика — V, 23, 84, 213, 368, 420, 451.

Самодельность (см. также Концерт, Театр) — III, 278—280, 288—291.

Самообслуживание — I, 20, 21, 23, 24, 30, 75, 117, 118, 150, 274, 477, 649; II, 10, 23, 24, 35—39, 99—100, 119, 182, 245, 329, 331, 334, 337, 415, 424; III, 85—86, 105, 150—152, 154—155, 194, 222, 295; IV, 151, 152, 373, 400, 401, 497; V, 59, 62, 143, 169, 257, 286, 287, 316—317, 481; VII, 299, 320, 420.

Самоуправление в отряде — V, 12—16, 380; VII, 352, 437.

Санкомиссия — см. Комиссия санитарная.

Санитария — I, 13, 82, 83, 107, 228, 262, 309, 374, 498, 529, 531, 532, 542, 545; II, 28, 34, 114, 287, 424; III, 69, 105, 141, 163; V, 29—31, 65, 220, 481.

Санчасть — V, 21.

Связист — V, 183—184.

Секретарь Совета бригадиров (ССБ) — III, 47, 100, 119, 121, 123, 245, 270—271, 334, 364—366, 381, 386, 395, 439.

Секретарь Совета командиров (ССК) — I, 298, 301, 329, 333, 347, 349, 355, 357, 366, 404, 412, 426, 427, 484, 535, 547, 593, 606, 613, 641; II, 20, 34, 36, 58, 70, 76—77, 80, 82—84, 88—89, 91, 94, 113, 129, 135, 143, 152, 185—186, 223, 236, 355, 405—413, 421—424; IV, 490; V, 17, 18, 20, 28, 52; VII, 85, 89, 434.

- Семья — **IV**, 12, 31, 33—36, 46, 47, 64, 98, 149, 219, 245, 254, 357, 369, 408, 417, 452, 501; **V**, 92, 244, 275; **VII**, 287, 416, 428.
- Семья многодетная — **IV**, 49—77, 110, 138, 158, 170, 359, 364, 435, 439, 440.
- Семья неполная — **IV**, 110, 114—128, 133—147, 345, 440, 441, 482.
- Семья одноподдетная (см. также Дети единственные) — **IV**, 364.
- Сигнал — **I**, 53, 83, 92, 183—184, 204, 309, 319, 320, 328, 337, 348, 371, 375, 412, 453, 460, 476—477, 497, 499, 511, 512, 514, 526, 528, 539—540, 572, 582—584, 588, 641, 671, 672; **II**, 19, 35, 38—39, 41, 82, 89, 95, 113, 115, 120, 138, 205, 207, 288, 347, 360, 362, 382, 424; **III**, 43, 86, 90, 104, 114, 122, 145, 152, 194, 197, 211—212, 234, 241, 257, 263, 271, 281, 283, 324, 379, 408, 430, 443; **V**, 27, 53, 88, 100, 126, 141, 257, 314, 354, 428, 429, 456; **VII**, 91, 300.
- Система зависимостей — **V**, 205; **VII**, 322.
- Система педагогических средств — **III**, 130—131; **IV**, 362; **V**, 252, 453, 455, 458, 473—475; **VII**, 451, 452.
- Сказки — **I**, 84, 162; **II**, 108; **III**, 238; **IV**, 418—419; **VII**, 184.
- Скромность — **IV**, 12, 47, 275, 379, 383, 393; **VI**, 409.
- Смелость — **I**, 82, 122, 159, 203, 367, 393, 434; **III**, 276, 277, 346; **IV**, 461, 465, 468; **V**, 318, 390; **VI**, 422, 424; **VII**, 253.
- Собрание актива — **V**, 35.
- Собрание бригады — **III**, 175, 235, 377.
- Собрание отряда — **V**, 15, 69, 98.
- Собрание общее — **I**, 34, 166, 196, 200, 211, 227, 239, 240, 260, 273, 294, 296, 353—355, 374, 383, 386, 391, 395, 403—408, 412, 436, 453, 456, 460, 465—466, 524, 527, 536, 538, 561, 576, 610, 616, 620, 669, 671, 673; **II**, 11, 18—20, 25—28, 28, 34—35, 38—39, 43—45, 51, 57—59, 66, 69—71, 73, 75, 80, 85—86, 90, 92—101, 105, 114, 131—134, 136, 139, 164—169, 183, 184, 187, 190, 202—203, 209, 215—218, 220, 223—224, 227, 242—244, 266—267, 273—274, 280, 288, 329, 400, 402, 406, 408, 411, 421—425; **III**, 81, 92, 96, 106, 146, 163, 178—186, 188, 194, 203, 209, 211—219, 223, 233—236, 239, 243—245, 251—256, 277, 286, 303, 316, 320—325, 344—348, 359, 362—368, 377, 379, 382, 390—391, 396—400, 410—413, 422, 439—443, 447; **IV**, 446, 490—494, 497, 508—510; **V**, 13, 17, 21—24, 27—29, 32, 34, 37, 40, 46—48, 51, 63, 69, 70, 75, 81, 88, 99, 118, 120—122, 126, 127, 132, 137—140, 149, 151, 156—159, 164, 168, 194, 199, 201, 203, 233, 236, 238—239, 247, 258, 263, 270, 314, 318, 354, 385, 425; **VII**, 87, 301, 302, 317, 331, 359, 361, 366, 373, 374, 376, 395.
- Собрание общее избирательное — **II**, 11, 28—29, 222.
- Собрание общее комсомольское (см. также Комсомол) — **II**, 86, 93; **VI**, 406—409; **VII**, 452.
- Совет бригадиров — **III**, 68, 121—134, 148—149, 163, 167, 205, 214—215, 237, 241, 257—261, 263, 271—275, 287, 293—296, 305, 334—336, 338, 340, 344, 376, 380, 385—387, 402, 404—405, 408, 412, 415, 418, 426—427, 430, 434—437.
- Совет командиров — **I**, 199—200, 202, 228, 230, 233, 239, 240, 246, 265, 273, 274, 297, 302, 314, 328—335, 347, 349, 351—355, 362—369, 371, 386, 415, 426—428, 435, 437, 438,

- 476, 484, 485, 547, 548, 569, 570, 577, 581, 583, 586, 592, 593, 595—597, 599, 600, 605, 610, 617, 620, 626, 627, 641; II, 11, 17, 20, 23, 28, 30—32, 35—37, 42—46, 52, 54, 58, 60, 62—66, 74, 78, 82—87, 92, 102, 109, 128, 133—134, 152—155, 161—162, 164, 166, 184—186, 190, 197, 203, 219—223, 226, 227, 232, 266—267, 272, 283—284, 286, 289—294, 325, 355, 359, 375, 382—393, 404—413, 420—425; IV, 510; V, 13, 14, 16—18, 21, 24—28, 30, 34, 46, 50, 52, 53, 60, 64, 69, 72—74, 90, 102, 166, 172, 186, 192, 201, 209, 213, 256, 267, 315, 351, 354, 366; VII, 86, 89, 94, 300, 301, 303, 317, 351, 359, 371, 442, 443, 452.
- Совет педагогический — I, 28, 233; II, 23, 54, 143, 155, 286, 425; V, 13, 14, 50, 204; VII, 443.
- Советы производственные — II, 48—49, 51—52, 57, 60, 90—92, 140.
- Сознание — I, 554—557; IV, 337, 470; V, 423, 480; VII, 425.
- Сознательность — II, 53, 56, 103, 181, 182; IV, 362, 365; V, 36, 44, 45, 62, 70, 76, 131, 132, 136, 144, 148, 260—261, 301, 310, 411, 419, 422, 444, 461, 478, 480.
- Спротивление воспитанию — I, 61—62; II, 180; III, 112, 113, 119, 120, 170, 312; IV, 138, 139; V, 91, 93, 154, 310, 373, 427; VII, 104.
- Соревнование — I, 351—353, 381, 386; II, 54, 92; III, 308—310, 318—319, 329—330, 358, 362, 409; V, 32, 61, 72, 79, 168, 292, 316, 323, 382, 477.
- Спектакль (см. также Театр) — III, 187—193, 325—328; IV, 426.
- Соцвос — см. Воспитание социальное.
- Спорт (см. также Физкультура и Игра спортивная) — I, 232, 310, 369, 384, 619, 628; II, 9, 111—113, 169, 184, 269; III, 112, 146, 282, 301, 310, 315, 347, 380; IV, 208, 378, 415, 425, 426, 497; V, 15, 27, 30, 128, 163, 451, 482.
- Справедливость — IV, 38, 74.
- Средства воспитательные (см. также Беседы, Выступления А. С. Макаренко перед коллективом, Меры воздействия, Метод, Наказание, Одобрение, Осуждение, Понуждение, Поощрение, Привлечение, Прием воспитательный, Принуждение, Распоряжение, Система средств, Требования) — I, 27, 612, 614; III, 454; IV, 38, 363—365, 369, 402, 408, 413, 415, 422, 424, 447, 484, 492, 494; V, 36, 40, 88, 108—113, 121, 127, 129, 130, 210, 216, 226, 231, 262, 283, 289, 305, 306, 309, 328, 346, 347, 375, 380, 390, 444, 449, 452, 453, 472—474; VII, 292, 293, 439, 440.
- Староста класса — III, 240, 267; 282.
- Старшина оркестра — III, 146.
- Стенгазета — I, 391, 636; II, 46, 50, 51, 74, 76, 288; III, 46, 312, 358; IV, 426; V, 15, 48, 482.
- Стипендия — V, 101, 114, 201.
- Строй — I, 183, 232—233, 284, 320, 325, 337, 346, 347, 376, 518, 520, 524, 578—580, 584, 586, 588, 608, 617, 628, 629, 634, 635; II, 69, 113—114, 117—118, 120, 147—149, 187, 227—228, 233, 242, 244—245, 253, 257, 261, 262, 274, 281—282; III, 79, 141, 218, 235, 240—242, 275, 306, 369, 392, 410, 412, 422, 440; IV, 496; V, 39, 43, 127, 150, 361; VII, 84, 317, 354.
- Структура семьи (см. также Коллектив семейный, Семья многодетная, Семья неполная, Семья однодетная) —

IV, 55, 56, 111, 337, 344, 345, 350, 439—442.
Суд товарищеский — **I**, 39—40, 610—613, 615.
Счастье — **I**, 151, 158, 322, 326, 329, 343, 372, 387, 391, 418, 451, 465, 480, 503, 514, 589, 619, 634; **II**, 255, 399; **III**, 134, 139, 237, 287, 295, 325, 334, 339, 379, 396, 428, 447, 448, 450—452, 458, 459; **IV**, 12, 13, 34, 53, 58, 72, 103, 104, 138, 217—219, 238, 245, 258, 265, 275, 281, 287, 291, 292, 296, 342, 369, 397, 443, 448—450, 453, 458, 459, 482, 483, 505; **V**, 94, 254, 290, 300, 308, 336, 386, 413, 429—431, 480; **VI**, 423, 424; **VII**, 15, 17, 20, 23, 24, 31—36, 63, 65, 68, 153, 169, 185, 325, 339, 341, 354, 366.

Т

Такт педагогический — **I**, 665; **II**, 401; **IV**, 19, 371, 389; **V**, 51, 183, 288, 237; **VII**, 110.

Тактичность — **V**, 13.

Талант педагогический — **IV**, 58, 149, 438, 484—486; **V**, 174, 231, 232, 241, 264, 265, 452.

Театр — **I**, 263, 268—283, 285, 291—293, 296, 334, 335, 341, 436, 483, 490—492, 628; **II**, 75, 109, 114, 226, 314; **III**, 287, 391; **IV**, 414, 419, 424, 426; **V**, 168, 190, 278, 307, 323, **VII**, 171, 174, 354, 358, 360, 403.

Теория педагогическая — **I**, 23, 80, 107, 128, 202, 216, 346, 379, 381, 392, 416, 434, 452, 468—471, 502, 539, 540, 554—560, 590, 605, 621, 631, 634, 649, 652, 655, 656, 660—662; **II**, 15—16, 34, 179, 181, 398—400; **III**, 139—140, 142; **IV**, 24, 64, 73, 244, 417, 418; **V**, 35, 101, 105—110, 113—116, 141, 147, 154, 160, 162, 205—208, 228, 230, 232, 249, 250, 273, 278, 296, 297, 301, 308,

309, 325—329, 334—337, 341, 346, 356, 359, 370, 375—379, 382, 383, 389, 402, 403, 411, 413, 439, 442—444, 448, 450—453, 472—475; **VII**, 158, 336, 341—343, 345, 350, 372, 420, 422, 423, 437, 438, 440.

Техника педагогическая — **I**, 86, 103, 107, 193—195, 460, 464, 481, 502, 504, 527—528, 556, 558—661, 564, 567, 605, 619, 638, 652, 654; **II**, 390, 400; **III**, 458; **IV**, 19, 73, 433, 434; **V**, 45—47, 75, 93, 141, 146, 149, 150, 175, 176, 249, 296, 442, 450, 451, 454, 472; **VII**, 292, 342, 423, 425, 443.

Тон и стиль работы в коллективе — см. Коллектив.

Тон и стиль в семье — **IV**, 16, 25, 43—47, 60, 67, 70—73, 76, 81, 82, 84—96, 109, 141, 146, 150—152, 168, 212, 267—270, 276, 277, 296, 313—315, 343, 365, 368, 369, 391, 393, 394, 402, 412, 420, 450, 463, 465—469, 476, 506.

Торможение — **I**, 94, 140, 255, 296, 301, 343, 346, 359, 375, 377, 386, 403, 407, 434; **II**, 18, 30, 148, 197; **III**, 149, 163, 194, 202, 204, 247, 255, 265, 267, 277, 406, 442; **IV**, 174, 238, 244, 245, 362, 368, 388, 445, 446, 450, 454, 462—465; **V**, 86, 133, 147, 214, 216, 269, 281, 336, 348, 379, 390, 434, 474; **VI**, 347, 349; **VII**, 315, 354, 391.

Точность — **I**, 181—182, 188, 206, 273, 279, 308, 313, 499, 533, 591, 607, 641; **II**, 49, 58, 95, 185, 215, 218—219, 253—254, 352, 422; **III**, 91—92, 119, 121, 252, 259, 261, 424—426; **IV**, 38, 248, 250, 366, 367, 414, 490, 491, 497; **V**, 17, 40, 62, 142, 196—199, 210, 238, 263, 282, 283, 311, 314, 354, 409, 418, 421, 428, 429, 431, 432, 477, 480; **VI**, 373, 423; **VII**, 112, 114, 432.

Традиции — I, 47, 128, 182, 226, 231, 237, 279, 282, 284, 286, 366, 416, 433, 456, 564, 565, 582, 586—589, 618, 619, 622, 638, 641; II, 49, 59, 70, 77, 86, 103, 123, 355; III, 78, 83—86, 116, 140, 183, 204, 213, 215, 229, 234—236, 242, 254, 277, 282, 373, 379—380, 382, 403, 458; IV, 23, 92, 111, 212, 253, 431, 432, 490, 492—494; V, 11, 33, 52, 87, 88, 121—128, 143, 151, 152, 156, 167, 232, 237, 239, 247, 249, 258, 263, 275, 293, 304, 312, 403, 411, 428, 453, 478, 480, 482; VII, 21, 112, 172, 319, 404, 407.

Требование — I, 24, 25—27, 39, 78, 87, 102, 182—183, 189, 226, 255, 273, 274, 293, 296, 346, 363, 368—369, 423, 532, 547, 610, 619, 632, 654; II, 28, 34, 61, 69, 130, 372, 403; III, 50, 82, 84, 90, 105, 139—140, 163, 177, 181—182, 213—220, 236, 239, 240, 253, 255, 260, 267, 299—300, 361, 412—413, 426, 453, 454, 459; IV, 38, 144, 150, 155, 184, 250, 285, 291, 347, 350, 359, 361, 364, 391, 397, 403, 405, 415, 446, 448, 449, 456, 462, 472, 486, 497—500, 503, 504, 510; V, 11, 33, 35—37, 44, 51, 62, 87, 98, 134, 142—154, 158, 163, 169, 173, 182, 199, 208, 213, 218, 219, 226, 227, 239, 270—272, 289, 290, 301, 302, 310—312, 316, 317, 322, 356, 377, 378, 381, 385, 409, 413, 422, 424, 425, 432, 433, 440, 442, 444, 449, 451, 476, 480, 482; VI, 374, 406, 412—416; VII, 112, 113, 116, 169, 171, 296, 315, 316, 322, 328, 332, 342, 343, 424, 426, 431, 442.

Труд — I, 326, 357, 368, 546, 554, 599, 648, 649; II, 27, 169; III, 75, 451; IV, 396, 398, 414; V, 78, 111, 346, 408, 418, 452, 461; VII, 139—140, 298, 407, 419, 420, 432.

Труд педагогический — I, 62, 63, 68, 80, 81, 83, 180—182,

209, 211, 262, 320, 344, 495, 565, 612, 619, 622, 655—662; III, 75, 84, 137, 142, 452; V, 11, 23, 39, 43, 89—100, 102, 109, 110, 114, 116, 161, 182—200, 217, 227, 237, 306, 310, 326, 376, 380, 382, 392, 413, 414, 440, 441, 454, 474; VII, 172, 335, 365, 441, 447.

Труд производительный — I, 58—59, 83, 110, 111, 113, 123, 135, 142, 153, 171, 182, 191, 199, 200, 201, 314—319, 347, 359, 360, 365, 370, 386, 436, 532, 590, 606, 622, 623, 626, 627, 639, 649, 661; II, 22, 27, 29, 41—42, 44—62, 76, 87, 89, 93, 144, 149, 164, 182, 194—200, 211, 215, 217—218, 221, 226, 266—267, 286, 297—298, 349—350, 384, 401, 406, 408, 409, 423; III, 79, 95—97, 100—101, 103—104, 106, 108—111, 123, 128, 144, 149, 164—166, 168—170, 175, 178, 180, 202, 205, 208, 214, 222, 224, 235, 238—239, 247—252, 254, 260—261, 265—269, 280, 286—287, 295—296, 305, 309—311, 329—330, 343, 357—362, 368, 374, 407, 409, 410, 424, 425, 428; IV, 497; V, 10, 14, 49, 91, 187—189, 192, 257, 300, 306—309, 323, 418, 432, 462; VI, 318, 336; VII, 293, 307, 437, 448.

Труд ремесленный — I, 649—650; VII, 294, 420, 421.

Труд стахановский — IV, 396, 398; VI, 336, 337, 348, 350, 351; VII, 140.

Труд сельскохозяйственный — I, 48, 56, 61, 83, 87, 92, 150, 151, 156, 180, 184—185, 188, 191, 196, 200—204, 206, 207, 214, 235, 246, 247, 273, 296—298, 308, 310, 314, 319—326, 349—353, 365, 368, 370, 371, 381, 383, 385, 386, 394, 407, 417—418, 422, 423, 456, 457, 466, 493, 532, 561, 570, 587, 589, 602, 604, 650; V, 189; VII, 294, 353, 354, 361, 421.

Труд строительный — I, 83, 87, 90, 151, 182, 184, 199, 203, 229—230, 246, 274, 335, 336, 477, 478, 497, 498, 532, 569, 570—572, 576; II, 286, 338—339, 410; III, 408, 413—419, 421; VII, 358.

Труд творческий — IV, 396.

Труд умственный — IV, 399.

Труд. Воздействие труда на личность — I, 25, 59, 649; II, 46—47; III, 238, 295; IV, 397; VII, 420

Труд. Производственные совещания—см. Совещания производственные.

Труд. Различные виды труда — I, 25, 33, 53, 83, 95, 99, 196, 273, 274, 634; II, 197, 219—222; III, 125; V, 65—66; VII, 89, 299.

У

Уважение — I, 39, 62, 112, 120, 140, 189, 231, 255, 350, 466, 523, 576, 584, 614, 616, 618, 667, 672; II, 102, 130, 132, 399; III, 49, 74—75, 80, 140, 156, 255, 261, 275, 293, 341, 367, 369, 388, 447, 454; IV, 62, 155, 219, 244, 250, 291, 347, 354, 359, 365, 369, 383, 387, 409, 412, 413, 450, 500; V, 11, 15, 40, 41, 51, 85, 88, 98, 123, 133, 137, 144, 145, 147, 153, 158, 215, 227, 232, 246, 256, 271, 282, 301—303, 312, 339, 377, 385, 429, 431, 476, 477, 482; VI, 329, 409, 422, 423, 426; VII, 108, 171, 191, 316, 319, 324, 328, 345, 374, 437.

Угроза — V, 46, 149, 150, 476, 477.

Ударничество — II, 48, 92; III, 251, 267, 295, 308—310, 318—319, 329—330, 357, 360—362, 368, 407, 409—411, 422; VII, 89, 113.

Уменьше приказать и подчиниться — I, 200, 203, 239, 273, 291, 369, 476, 511; II, 17, 23, 46, 57, 84, 86—87, 222,

288, 399, 403, 405; III, 118—120, 156, 177, 182, 211, 213, 218, 241, 352, 373—374, 402, 417, 438; IV, 187, 486, 501; V, 15, 16, 38, 70, 98, 137, 150, 151, 208, 232, 233, 283, 287; VII, 319, 320, 351, 432.

Уполномоченные коллектива — см. Коллектив.

Упущение — I, 203, 255, 653; II, 33, 181; IV, 43, 337, 344, 362, 366, 390, 392, 393, 399, 462; V, 33, 38, 39, 54, 83, 88, 142, 143, 199, 200, 267, 283, 353, 391, 392; VII, 424.

Успеваемость — III, 79, 297, 340—342, 368; V, 12, 13, 15, 21, 24, 94, 95, 167, 168, 284, 303, 370; VI, 360; VII, 26, 113.

Учебно-воспитательная часть — V, 17, 18, 21, 34, 50, 53, 54, 60—62, 84.

Учебные пособия — II, 43—44, 81; V, 190, 461, 462.

Учет — I, 446, 447, 465, 532; II, 43, 109, 132, 425; III, 306—310, 318, 329, 330, 357—359, 409; V, 16, 20, 34, 50, 55, 90, 150, 165, 172, 292, 382, 390; VII, 301, 432.

Учитель (см. также Воспитатели, Педагоги, Коллектив педагогов) — II, 41, 180, 404; III, 71—75, 84, 149, 150, 240, 267, 268, 288, 339—341, 376, 381, 410, 414, 453; IV, 205, 221, 223, 225, 226, 232, 484, 485, 500; V, 175—178, 219, 237, 287, 288, 369, 370, 392; VII, 69, 93, 116—118, 170, 283, 286, 315, 324, 326—328, 339, 340, 350, 433, 439.

Ф

Фабзавуч — IV, 61, 64, 67, 76.

Фантазия — IV, 44, 379, 380.

Физкультура (см. также Спорт) — I, 182, 226, 232, 578, 628; II, 94, 111—113, 185, 263; III, 93, 118, 146, 153,

358, 359; IV, 378, 425; V, 43, 258.

Флаги — II, 115, 116, 143; III, 41, 307, 338, 406, 409, 442, 444.

Х

Характер (см. также Аккуратность, Активность, Бережливость, Вежливость, Воля, Воспитание антирелигиозное, Воспитание внимательности, Воспитание заботливости, Воспитание идейно-политическое, Воспитание коллективизма, Воспитание коммунистической нравственности, Воспитание организатора, Воспитание советского патриотизма, Воспитание характера, Воспитание хозяина, Гордость, Деликатность, Деловитость, Дисциплина, Добросовестность, Доверчивость, Достоинство, Знание, Изобретательность, Инициативность, Искренность и открытость, Личность, Мажор, Мужество, Настойчивость, Находчивость, Новые люди, Оперативность, Оптимизм, Ориентировка, Ответственность, Послушание, Правдивость, Принципиальность, Работоспособность, Распорядительность, Скромность, Смелость, Сознательность, Справедливость, Тактичность, Торможение, Точность, Умение приказать и подчиниться, Характеристика, Целеустремленность, Честность, Чувство долга) — I, 112, 143, 202, 208, 228, 254—256, 263, 320, 429, 469, 513, 514, 533, 593, 615, 637, 641; II, 23, 179, 180; III, 82, 89, 117, 118, 151, 202, 246, 378; IV, 12, 14, 41, 57—59, 65, 69, 76, 103, 110, 137—139, 303, 304, 483; V, 65, 89, 96, 114, 116, 172, 199, 205, 249, 250, 281, 282, 284, 340, 365, 377, 378, 391, 403,

417, 419, 427, 474; VI, 332, 335, 347, 350, 354, 366, 367, 388—390; VII, 108, 111, 112, 115, 170, 183, 190, 342.

Характеристика воспитанников — I, 17, 19, 32, 37, 38, 51, 57, 64, 68, 76, 79, 86, 93—95, 102, 104, 110, 113, 122, 123, 140, 143, 144, 163, 164, 175, 179, 184, 209, 220, 225, 226, 228, 238, 250, 254, 261, 263—265, 295, 296, 326, 346, 364, 367, 368, 372, 386, 410, 416—418, 421, 430, 434—438, 459, 460, 473, 484, 504—506, 516, 536, 569, 585, 591, 593, 623, 649; II, 17, 18, 22—26, 42—44, 50, 83, 91, 94, 97, 106, 107, 124, 125, 132, 143, 149, 152, 154, 157, 168, 180, 183—187, 198, 203, 223, 225, 266, 267, 406—408, 425—431; III, 12, 78—82, 147, 149, 186, 214—216, 223, 226, 232, 235, 262, 279, 295, 312, 345, 374, 378—381, 386, 388, 418, 439, 444, 453; IV, 16, 28, 29, 31, 39, 62, 68, 75, 80, 83, 89, 98—100, 104, 137, 158, 161, 170, 199, 222, 223, 257, 269, 306, 307, 483; V, 91, 153, 158; VI, 315, 362, 367—369, 371, 409, 412; VII, 367, 390, 391, 419, 442.

Хозкомиссия — см. Комиссия хозяйственная.

Хозяйство — III, 262; V, 21, 55—59.

Хозяйство семейное — IV, 31—35, 38, 44, 58, 60, 67, 76, 92, 384—394, 504.

Хозяйство учреждения — VII, 421, 432, 436.

Храбрость — V, 286, 316, 357; VI, 347.

Ц

Цветы — I, 227, 310, 320, 335—337, 403, 406, 488, 510, 574, 583, 586, 587, 638, 641; II, 9, 28, 120, 172, 204, 285, 340; III, 42, 45, 77, 84, 89, 93, 143, 148, 151, 179, 222, 319, 339,

384, 389, 418, 421, 442; V, 218; VII, 90, 171, 339.

Целесообразность — V, 109—110, 269, 452, 473.

Целеустремленность — I, 38, 112, 217, 246, 254, 355, 392, 406, 551, 582; II, 150; III, 128, 343; IV, 426; V, 33, 37, 200, 312, 387—392, 474; VII, 106, 171.

Цель воспитания — I, 13—14, 26, 128, 202, 215, 220, 379, 381, 391, 406, 524, 554, 557, 560, 589, 620, 621, 622, 627, 631; II, 54, 397—399, 406; III, 137, 140, 453, 454; IV, 20, 22, 38, 88, 99, 206, 245, 342, 343, 345, 346, 350, 352, 360, 361, 364, 375, 385, 391, 395, 396, 402, 406—409, 413, 415, 457, 458; V, 93, 106, 108—110, 114, 115, 120, 171, 172, 260, 281, 294, 308—310, 322, 325—330, 334—337, 340, 342—345, 356, 357, 377, 381—383, 388, 389, 413, 440—444, 449, 452, 456, 457, 461, 465, 472—475, 481; VII, 181—183, 190, 291, 294, 298, 309—311, 313, 315, 427, 431, 433, 441.

Центр педагогический — I, 416, 440, 605; II, 81; V, 51—53, 209, 232, 233, 237, 239, 281, 379, 475.

Цехи — II, 41, 42, 47—52, 56, 89, 140, 143, 150, 151, 163, 172—178, 192—202, 211, 307; III, 97, 98, 100, 109, 110, 119, 144, 149, 164—166, 168, 179, 205, 253, 259, 261, 360, 361, 407, 421, 424.

Цирк — IV, 368, 371, 503.

Ч

Часовой (см. также Дневальный) — I, 233, 335; II, 71, 192, 246, 262, 295, 303, 340, 343, 346, 352, 356—357, 359; III, 42, 44—46, 72, 77, 118, 121—122, 158, 176—177, 229,

233, 320, 325, 370, 373, 380, 389, 402, 421, 441, 445; IV, 509; V, 127, 128, 220, 258, 260, 315, 360.

Честность — I, 41, 112, 167, 171, 195, 494; II, 17, 180, 351, 385; III, 52, 216, 235, 295, 343, 422, 453; IV, 38, 88, 152, 161, 200, 201, 385, 388, 393, 394, 409, 459; V, 13, 133, 282, 293, 355, 409; VI, 329, 340, 341, 351, 354, 407, 411; VII, 176, 311.

Честь — I, 75, 78, 138, 145, 151, 166, 230, 296, 313, 319, 328, 346, 364, 368, 472, 495, 523, 565, 583, 585, 587, 601, 610, 611, 615, 616, 631, 632, 646, 647, 651, 670; II, 25, 33, 46, 103, 132, 255, 310, 347, 356, 370, 399, 403, 404; III, 128, 134, 149, 151, 157, 170, 193, 201, 215—216, 218, 229, 259, 272, 275, 380, 410; IV, 33, 171, 208, 209, 226, 229, 239, 495, 496; V, 61, 65, 67, 84, 94, 126, 140, 143, 158, 207, 247, 355, 378; VI, 426, 431; VII, 355, 360, 374, 422, 441.

Чтение — I, 63, 84—86, 95, 97, 112, 113, 117, 152, 164, 178, 180, 357, 568; II, 12, 39, 80—81, 93, 141, 182, 184—185, 231, 259, 269; III, 82, 113, 121, 150—151, 153, 171, 224, 235, 256, 260, 268—270, 296, 312, 315, 342—344, 348, 358, 368, 380, 395, 447; IV, 358, 362, 363, 421, 422, 426; V, 15, 17, 66, 91, 297, 298; VII, 128—130, 166, 193—194, 368, 429, 451.

Чувство долга (см. также Ответственность) — I, 128, 296, 412, 567, 599, 618, 631, 670; II, 399, 403, 404; III, 68, 149, IV, 38, 39, 154, 155, 182, 292, 336, 361, 403; V, 39, 47, 75, 207, 253, 294, 343, 374, 378; VII, 140.

Чувство долга родителей — IV, 23, 34, 58, 61, 120, 146, 293.

Шеф над новичками — II, 421;
III, 81, 83—84, 86, 89—91,
101—102, 104, 111, 127, 135,
152, 175, 200, 232, 235, 257,
272; V, 10, 65, 164, 185.

Школа — I, 13, 21, 26, 39, 83,
135, 201, 213, 239, 253, 254,
263, 264, 355, 357, 394, 400,
442, 474, 591, 602; II, 22—23,
30, 43, 87, 92, 106, 151, 155,
197, 227, 286, 401, 408, 425;
III, 49, 69, 72, 83, 87, 89, 150,
152, 175, 179, 224, 239, 267,
312, 339—341, 344, 346, 368,
376, 385, 413, 424, 454; IV, 11,
39—41, 56, 104, 221—223, 226,
232, 239, 240, 250, 254, 318,
378, 402, 417, 420, 485, 487,
489, 491, 495, 497; V, 12, 15,
31, 41, 59, 60, 100, 106, 108,
113, 116, 117, 119—121, 125,
129, 132, 147, 160, 161, 170,
172, 187, 203, 204, 221, 228,
232, 235, 238, 239, 246, 257,
276, 279—281, 284, 288, 299,
300, 304, 305, 308, 310, 313,
317, 352, 363, 365, 368, 370,
371, 375—385, 388, 392, 414,
429, 432, 450, 465—472, 474,
482; VII, 25, 65, 69, 171, 285,
307—309, 311, 315, 319, 324—
328, 339, 350, 428.

Школа и семья — IV, 138, 420,
478—510; V, 244, 245, 247,
317, 375, 435; VII, 209, 286,
307, 309.

Штаб отряда — II, 286—288.

Штаб соревнования — II, 51,
52, 54, 425; III, 358, 411.

Эгоизм — IV, 44, 45, 110, 282,
283, 289, 331—333, 413, 442;
VI, 386, 387, 404; VII, 312.

Экскурсии — II, 76, 83, 85,
253—254, 274, 280; IV, 208;
V, 269, 270, 481; VI, 317,
318, 355.

Эмоции — I, 128, 133, 147, 192,
284, 301, 311, 321, 342, 343,
346, 347, 355, 391, 392, 394,
426, 483, 535, 552, 568, 582,
600, 601, 608, 630, 634; II, 46,
255; III, 134, 222, 223, 237,
238, 245, 325, 330; IV, 210,
295; VI, 389, 391, 392, 424;
VII, 191, 311, 361, 366, 370,
426, 427, 432.

Энтузиазм — I, 128, 296, 582;
II, 307, 350—352, 360, 363;
III, 93, 412—421, V, 188, 480;
VII, 107.

Эстетика (см. также Воспита-
ние эстетическое и Коллек-
тив. Эстетика коллектива) —
I, 157, 226, 246, 298, 312, 320,
335—337, 374, 388, 389, 403,
537, 546, 549, 577, 582, 584,
603, 604; II, 165, 257; III, 41,
69, 77, 89, 116, 138, 222, 242,
289, 309, 346, 384, 389, 410,
412—422; IV, 219, 230, 245,
253; V, 129, 149, 180, 220,
221, 226, 234, 250, 252, 315,
352, 433, 457, 482; VII, 140,
177, 407.

Этика — I, 653, 670; III, 455;
IV, 84, 110, 113, 148, 334—
336, 436; V, 132—134, 136,
147, 148, 336, 378, 386, 387,
403, 405—408, 418, 421, 429,
430; VII, 20—23, 59, 140, 169,
281, 319, 342, 424.

УКАЗАТЕЛИ ПЕРСОНАЖЕЙ

ПЕРСОНАЖИ „ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ“

(Том первый)

А

Алексеев Вася, воспитанник —
426 *, 427, 517, 606, 639—640,
689.
Артемий, печник — 189, 190,
191.

Б

Бендюк, воспитанник — 20.
Белухин Матвей, воспитанник — 121—122—127, 151—152, 167—172, 175, 177, 180—181, 196—199, 206, 239, 309, 329, 342—343, 370, 378—379, 459, 464, 476, 510, 550, 553, 585, 637, 678.
Березовская Вера, воспитанница — 428—433, 592—593—601, 604.
Богданенко Семен Петрович, инструктор-кузнец — 152—153, 165, 393.
Богоявленский Витька (потом Горьковский), воспитанник—151, 231, 329, 349, 386, 408, 435, 439, 442—444, 453, 466, 471—473, 475, 493, 506, 529, 532, 548, 583, 585—586, 588, 606, 610, 625, 680.
Бокова Мария Кондратьевна, инспектор Укрпомдета — 241—245, 286—292, 298—299—300, 320—321, 323, 326, 336—337, 360—361, 378, 388, 430—431, 684.
Боровой, плотник в Куряже — 458, 459, 476, 498, 503, 535—537, 569.
Братченко Антон, воспитанник — 37, 39, 57, 62, 64, 90, 93, 94—95—100, 116—117, 125—127, 131—133, 143, 148—151, 153—161, 169—170, 175, 177—178, 184—186, 188, 196—197, 207, 217—219, 221—223, 227—228, 236, 241—242, 245, 267—268, 291, 303, 306—311, 329, 334, 337, 346, 355, 363—364, 367, 386, 459, 510, 518, 548, 563, 573, 585—586, 588, 637, 651, 675.
Брегель Варвара Викторовна, из Наркомпроса — 380—383, 387, 391, 393, 408, 410, 479—480, 492—493, 517—518, 524—528, 539—540, 542, 583, 589, 610—614, 681—682, 684.
«Бритый» из высокой организации — 410—412, 581—584, 589—590.
Бублик, воспитанник — 186.
Бурун, воспитанник — 20, 24, 27, 38—41, 44—47, 53, 56, 62,

* Выделяются страницы текста, на которых даны характеристики персонажей.

64, 76, 79, 84, 90—91, 102—103, 110, 112, 133, 139, 141, 147, 157—159, 163, 191, 195—196, 198—199, 208, 227, 239, 246, 248—249, 254—255, 301, 308, 319—321, 324—326, 329, 334, 342—343, 345—346, 370, 383, 385—386, 459—460, 585—588, 636, 646, 651, 675.

Буряк, воспитанник — 505.

Буцай Зишовий Иванович, воспитатель-художник — 263—265, 276, 279, 335, 480, 490, 498, 582, 684.

В

Варская Ксения Романовна, студентка - практикантка — 265—268, 277, 320, 322, 355—356, 383, 510, 685.

Василенко Маня, воспитанница — 451.

Векслер, воспитанник — 231, 680.

Верхола Лука Семенович, председатель сельсовета — 16, 71—73, 88—92, 142, 144—146, 174, 252, 303—304, 307, 319, 406, 676—677.

Вершнев Николай, воспитанник — 61, 113, 117, 122—125, 152, 166—169, 171, 177, 180, 196, 199, 227, 239, 254, 259, 266, 276, 298, 301, 329—331, 333, 340, 342—343, 346, 354—355, 378, 459, 512—513, 636, 678.

Ветковский Костя, воспитанник — 37—38, 40, 62, 113, 120—121, 125, 127, 258—260, 275—276, 329, 351, 362—363, 367, 370, 437, 444, 452, 496, 547, 582, 675.

Волков Алексей, воспитанник — 227—228, 230, 237, 314, 329, 351—353, 419, 438, 531, 539, 546—547, 549, 634, 637, 679.

Волков Жорка, воспитанник — 227—228—230, 271, 329, 367, 437, 475—476, 506, 508, 529—

533, 535, 538, 547, 575, 632, 634, 637, 679.

Волохов Григорий, воспитанник — 20—22, 25—27, 67—69, 72, 74, 84, 102, 135, 166, 171, 175, 180, 196—197, 208, 211, 227, 246, 291, 329, 340—341, 363, 365, 406, 434—435, 437—440, 452—453, 456—457, 459, 461—462, 465, 476, 479—482, 495, 497, 506, 508, 525, 529, 633, 674—675.

Воронова Оля, воспитанница — 76, 112, 163, 243—244, 246—250, 308—309, 326, 328—333, 335—337, 341—342, 347, 364—366, 417—418, 490, 492, 677.

Воскобойников, воспитанник-куряжанин — 473—475, 548, 585.

Г

Галатенко, воспитанник — 102, 110, 152, 184, 228—229, 232, 291, 323—324, 340, 404, 482—483, 485—488, 491—492, 580, 586, 596, 601, 633, 649, 679.

Гардинов Вася, воспитанник-куряжанин — 506, 606, 690.

Георгиевский, воспитанник — 227—228, 262, 329, 355, 367, 369, 386, 460, 585, 679.

Глейзер, воспитанник — 101, 107, 231, 276, 355, 678.

Головань Софрон, кузнец — 57—60, 66, 121—122, 152, 252, 393, 676.

Голос, воспитанник — 61, 110, 126, 329, 343, 354, 460.

Горович Петр Иванович, воспитатель — 225—226, 275, 279, 282, 480—481, 490, 493—494, 497, 509, 520, 578—579, 679.

Городкова Валя, воспитанница-куряжанка — 451.

Горький Алексей Максимович — 84—86, 283—286, 343, 357—360, 392, 406, 413, 551—552, 567—568, 618, 629—630, 633—635, 677, 681.

Горьковский — см. Богоявленский.

Гречаный Андрей Карпович, селянин — 68—71, 89, 645—647, 676.

Гречаный Мусий Карпович, селянин — 45—47, 68, 141, 144—146, 252, 296, 300, 302—304, 307, 489, 645, 648, 676.

Гречаный Сергей Петрович, председатель сельсовета — 67—68, 74, 87—89, 330, 645—648, 676.

Гуд, воспитанник — 20, 34—35, 43, 56—57, 64, 93, 171, 227, 329, 347—348, 359—360, 363, 406, 485, 511, 540—542, 547, 633, 637, 645, 651, 675.

Гуляева, инструктор швейной мастерской в Куряже — 448—449—451, 460, 506, 514, 539, 612, 633, 682.

Густован, воспитанник — 232, 404, 484—485, 576, 681.

Д

Дерюченко, воспитатель — 209, 220—225.

Джуринская Любовь Савельевна, инспектор Наркомпроса — 360—361, 362—364, 380—383, 385, 388, 401—402, 408—409, 411—412, 433—434, 438—440, 444, 553, 583, 589, 591, 610, 612, 614, 683.

Дорошко, воспитанник-куряжанин — 493—494.

Е

Евгеньев, воспитанник — 130, 232, 371, 437, 459, 471, 681.

Екатерина Григорьевна, воспитательница — 19, 21, 27—28, 34, 52, 69, 82, 86—87, 95, 107, 114, 119—122, 124, 127, 139, 154, 163—164, 174, 180—181, 255—256, 280, 315, 329, 342, 445—346, 354—355, 377, 480, 492, 495, 498—499, 514, 539, 633, 668, 671—672, 674.

Ж

Жевелий Митя, воспитанник — 151, 206, 231, 260, 291—292, 300, 329, 349—350, 386—387—391, 405, 407, 425, 426, 435, 440, 442, 444, 456, 529, 532, 539, 542, 550, 582—583, 606, 613, 615—617, 629, 636, 680.

Жевелий Шура, воспитанник — 246, 260—261, 338, 483, 606, 636, 691.

Журбин Павел Иванович, воспитатель — 263, 342, 480, 633, 635, 686.

З

Завгубнаробразом — 13, 14, 15, 19, 29.

Заведующий Куряжской колонией — 398—400, 440—443, 451—453, 457, 473, 492.

Задоров Александр, воспитанник — 20—21, 24—25, 36—38, 40, 43, 51—53, 56, 62, 64—65, 67—68—73, 75, 79—80, 84—85, 89, 92—93, 103, 106, 113—115, 118—119, 121—125, 133, 138—139, 147—148, 151—152, 154, 158, 175, 180—181, 190, 195, 199, 208, 211, 217, 227, 242—245, 254, 258, 266, 276, 283, 290—291, 300, 329, 340, 342, 346—347, 354, 383, 403, 459—460, 466, 536, 580—581, 585—586, 636, 646—648, 651, 674.

Задорожный, воспитанник — 310.

Зайченко Ваня, воспитанник-куряжанин — 445—446—447, 463, 465, 472—474, 477—479, 496—498, 505—506, 520, 544—546, 583—584, 606, 608, 610—612, 686.

Зорень, воспитанник-куряжанин — 504—506, 509, 523, 587, 597—598, 606, 608, 636.

Зоя из Наркомпроса — 410—411, 479, 517—518, 524—528, 539, 545, 583, 589, 604, 616—617, 684.

К

- Калина Иванович — см. Сердюк Калина Иванович.
- Карабанов Семен, воспитанник — 61, 63, 67—74, 79, 84, 89—91, 103, 107, 113, 118—119, 123—124, 132—133, 135, 138—139, 147, 151, 155, 158—161, 165—168, 170, 171, 173—176—179—181, 191—193—195, 208, 215, 227, 230, 239—240, 242—246, 248—250, 254, 259, 260, 266—267, 269, 272, 275, 278—280, 291, 298, 300—302, 307—311, 321, 324, 329—331, 340, 342, 343, 345—347, 354—355, 367—368, 370—371, 376, 379, 383—385, 387, 403, 459—460, 464—465, 476, 510, 515, 536, 537, 552, 570—573, 585, 636—637, 646—648, 677, 690.
- Карпинский, воспитанник — 541—542.
- Киргизов Иван Денисович, воспитатель — 438, 440, 459, 476, 481, 494—495, 606, 628—629, 681.
- Коваль Тихон Нестерович, политрук — 220, 226, 273, 276, 296, 302—303, 330, 331, 340, 363, 365, 368, 377, 386, 412, 416—418, 480, 481, 484, 492, 509, 512—514, 516, 518, 526, 527, 634, 679.
- Коган Соломон Борисович, зав. производством — 623—627, 638, 685.
- Козырь, колесник — 59—61, 95, 148, 153, 155, 261, 262, 320, 338, 393, 485, 603, 676.
- Корнеев, воспитанник — 113—115, 118—120.
- Коротков, воспитанник-куряжанин — 471, 495, 506, 507, 524, 535, 538, 543—544, 552, 568, 585, 635.
- Корыто, воспитанник — 197, 198, 231, 329, 350—353, 368, 491, 542, 634, 637, 680.
- Кравченко Петро, воспитанник-куряжанин — 628.
- Крайник, воспитанник — 101, 342, 346, 460, 678.

Криворучко, воспитанник-куряжанин — 561—563.

Кудлатый Денис, воспитанник — 227, 230—231, 237—238—239, 257, 276, 282, 299, 316, 319, 329, 348—349, 362, 366, 369, 404—405, 407, 415—416, 427, 436, 440, 456—457, 459, 466, 476, 496, 500, 506—507, 525, 529, 531, 533—534, 539, 546—547, 570, 600, 603, 610—612, 634, 637, 679.

Л

- Ландсберг Рахиль Семеновна, студентка - практикантка — 265—268, 277, 320, 354—355, 383, 510, 690.
- Ланова Оля, воспитанница-куряжанка — 506, 528, 599, 606, 688.
- Лапоть Ваня, воспитанник — 231, 265, 276—278, 316—319, 322—325, 330, 338—340, 342, 346—349, 352—353, 355—356, 358, 363—367, 369—370, 375—379, 384—385, 404—405, 407—408, 412—413, 426—427, 437—438, 483—484—487, 490—492, 507, 509—516, 518, 526—528, 531, 533—535, 547—548, 553, 562—563, 568, 570, 574, 576—577, 579—580, 586, 593—594, 596—597, 602, 606, 614, 617, 632, 634, 637, 680.
- Левченко Маруся, воспитанница — 76, 254—255—256, 276, 355, 377—378, 386, 459, 637, 677.
- Леший Кузьма, воспитанник — 152, 163—164—165, 174—175, 177, 231, 265, 563, 613, 633, 680.
- Лидия Петровна, Лидочка, воспитательница — 19—21, 27, 42, 68—71, 73, 82, 96, 178, 181, 259—260, 276, 292, 342, 480, 483, 495, 498, 514, 539, 674.
- Ложкин, воспитатель в Куряжской колонии — 454—456.

М

- Маликов Петр, воспитанник-куряжанин — 441—442, 446—447, 464, 472, 479, 545, 606, 608, 688.
 Мать А. С. Макаренко — 260—261, 483, 691.
 Митягин, воспитанник — 61, 63, 76—77—79, 84—85, 102—103, 107, 135, 162, 165—166—167, 170—179—181, 191—193, 646, 677.

Н

- Назаренко, воспитанник — 231, 271, 680.
 Нестеренко, председатель коммуны им. Луначарского — 340, 417, 483, 488, 490, 492.
 Нечитайло, воспитанник — 350—351, 373, 523, 542.
 Николаенко Павел Павлович, муж Оли Вороновой — 247—249, 319, 328, 330—333, 335, 365, 690.
 Нисинов Митя, воспитанник-куряжанин — 504—505—506, 509, 523, 584, 606, 636, 689.
 Ниценко, воспитанник — 487.
 Ночевная Настя, воспитанница — 112—113, 119, 199, 227, 276, 321, 328—329, 343, 459, 679.

О

- Овчаренко Михаил, воспитанник — 75, 78—80, 231, 313, 329, 436, 456, 458, 461—465, 477—478, 496, 500—501, 606, 610—611, 637, 677.
 Огнев Олег, воспитанник — 421—424, 491, 542—543, 637, 689.
 Одарюк Тимка, воспитанник-куряжанин — 446—447, 465, 479, 496, 545, 606, 639—640, 688.
 Опришко Дмитрий, воспитанник — 96—97, 110, 143—144—146, 148, 150—151, 170, 227—

228, 247, 295, 329, 364—367—371, 382, 386, 678.

Орлов, воспитанник — 186.

Осадчий, воспитанник — 66, 102—108, 110—111, 121—122, 125, 135, 175, 196—197, 207—208, 227, 246, 280—281, 315—319, 329, 355, 367—368, 386, 459, 465, 512—513, 518, 528, 637, 676.

Осипов Иван Иванович, воспитатель — 28, 42, 81—82, 104, 117, 133, 169, 178, 180, 374, 392—393, 405, 407, 675.

Осипова Наталья Марковна, воспитательница — 28, 42, 81—82, 114, 178, 255, 392—393, 675.

Остромухов, воспитанник — 101—106, 678.

Отченаш Силантий Семенович — 249—250—252—253, 256—257, 259, 264, 267—269, 276, 285, 297, 301, 314, 320—322, 324, 326, 329—331, 334, 375, 393, 436, 492, 582, 587, 682.

П

Перепелятченко, воспитанник — 232, 371, 404, 681.

Перец Степан, воспитанник-куряжанин — 471, 493, 502—504, 507, 537—538, 547, 585, 610, 688.

Перский Василий Николаевич, клубный работник — 591, 687.

Петренко Наташа, воспитанница — 296, 300—302, 355—357, 371—372—373, 377—379, 386, 404, 488—489, 536—537—538, 584, 587, 599—600, 616—617.

Петрушко, воспитанник-куряжанин — 476, 496.

Подгорная Галя («Черниговка»), член шефского комитета — 354—355, 383—384, 637, 690.

Поднебесный, воспитанник-куряжанин — 471.

Полещук, воспитанник — 54—55, 676.
Председатель Пироговского сельсовета — 108—110—111.
Приходько, воспитанник — 61, 90, 102—103, 110—112, 139, 140, 175, 180, 184—185, 231, 329, 645—647, 678, 689.
Профессор педагогики — 564—565.

Р

Родимчик, воспитатель — 184—187, 206, 209—212.
Романченко, воспитанник — 231, 680.

С

Сватко, воспитанник-куряжанин — 474—475, 549, 585.
Сердюк Калина Иванович, завхоз — 16—17—25, 32—35, 38, 42—44, 48—51—53, 56—61, 63—64, 66—67, 75, 79, 83, 85—86, 92—93, 95, 97—99, 125, 134, 148—153, 156—159, 164, 170, 180, 184, 186, 187, 196, 222—224, 231, 236—238, 240—246, 259, 262, 268, 269, 284—290, 297—299, 301—308, 310—311, 314, 320, 321, 327—330, 332—334, 340, 360, 375, 378, 392, 405—406, 413, 416, 489—490, 492, 651, 673.
Сестра в больнице — 121, 125—127.

Сильвестров, телеграфист — 594, 596—599, 601.

Синенький, воспитанник — 511—512, 514—515, 523, 526—528, 539—540, 572, 583—584, 588—589, 600, 606, 608.

Слива, воспитанник-куряжанин — 541—542.

Смена, воспитанница-куряжанка — 451, 586, 606.

Собченко, воспитанник-куряжанин — 506.

Соколова Раиса, воспитанница — 76, 79, 113—120, 253, 677.

Соловьев Тося, воспитанник — 91, 123—124, 149, 162, 171, 206, 231, 251, 291, 329, 333, 338, 342, 386, 392, 404, 437, 439, 441, 480, 496, 698, 549, 561, 678.

Соломон Борисович — см. Коган С. Б.

Сорока, воспитанник — 61, 90—91, 110—111, 143—144, 146—148, 152, 154—155, 221, 231, 329, 431—432, 634, 637, 677.

Спирidon, секретарь комсомольской организации в Гончаровке — 89, 247—249, 320, 340, 677.

Стегний, воспитанник-куряжанин — 534.

Ступицын, воспитанник — 227, 231, 284, 309, 312—313, 329, 366, 525, 610, 634, 680.

Т

Таранец Федор, воспитанник — 20, 22, 32—36, 38—41, 62, 67, 68, 70—74, 84, 103—104—106, 135, 173, 180, 211, 217, 227, 246, 293, 329, 337, 339—341, 367, 406, 428, 486, 491, 512, 514—516, 518, 528, 539, 548—550, 563, 579, 633, 637, 648, 674.

Тихон Нестерович — см. Коваль.

У

Ужиков Аркадий, воспитанник — 424—425, 487, 609—610—615—617, 681.

Устименко, воспитанник-куряжанин — 541.

Ф

Федоренко, воспитанник — 96, 104, 197, 198, 231, 247, 265, 321, 329, 350—353, 368, 377, 386, 421—424, 491, 523, 542—545, 597, 633—634, 637, 678.
Фонаренко Илья, воспитанник-куряжанин — 446, 685.

Халабуда Сидор Карпович, председатель помдета — 396—397—402, 408, 439—440, 442, 444, 472, 474—475, 517, 525—528, 548, 551, 577—583, 586, 587, 589, 681.

Хлебченко, воспитанник-куражанин — 541—542.

Ховрах Спиридон, воспитанник-куражанин — 448, 461—462, 471, 476—478, 493—495, 501, 552, 563, 564, 688.

Храбренько Сергей, воспитанник-куражанин — 506.

Ч

Чайкин Сергей Васильевич, профессор педагогики — 380—383, 631—632, 684.

Черненко, председатель РКИ—132—134, 148, 149, 153, 159—161, 679.

«Черниговка» (см. Подгорная Галя).

Чобот Николай, воспитанник—65, 90, 91, 110, 196, 231, 295, 296, 300, 301, 321, 329, 350, 356, 371—374, 376—379, 383, 676.

Чурило, воспитанник-куражанин — 471, 495.

Шариц, инспектор — 128—129—134.

Шаровский Костя, воспитанник — 231, 386, 490, 606, 680.

Шейнгауз Марк, воспитанник—428—429, 513, 606, 637, 681.

Шелапутин Ваня, воспитанник — 44—47, 52, 55, 147, 149, 163, 231, 280, 329, 338, 361, 392, 437, 453, 465, 477, 479—480, 496, 498, 549—550, 636, 675—676.

Шере Эдуард Николаевич, агроном — 184—185—188, 191—193, 196, 200—201, 203, 206—207, 210—211, 215, 221, 226, 235, 237, 243, 246—248, 252, 296—298, 303—306, 308, 310, 312—314, 320, 323—325, 332, 348—351, 394—395, 417—418, 483, 497, 525, 569, 588, 680.

Шнайдер, воспитанник — 101, 104—105, 126, 231, 355, 367—368, 373, 386, 460, 585, 678.

Э

Экономка — 28, 38, 39.

Ю

Юрьев, инспектор Наробраза—395—396—402, 408, 438—440, 442—444, 492, 493, 553, 583, 584, 589, 591, 633, 683.

ПЕРСОНАЖИ ПОВЕСТИ «МАРШ 30 ГОДА»

(Том второй)

А

Агеев Вася, воспитанник — 37—39, 46, 83.

Александра Яковлевна, инструктор швейной мастерской — 77, 98, 226.

Алексенко, воспитанник — 11.

Алексюк Ленька, воспитанник — 11, 55, 83—84, 93, 143.

Б

Баденко, воспитанница — 34.

Белостоцкий, воспитанник — 140.

Богданов, воспитанник — 95.

Боярчук Тимофей, воспитанник — 24, 59, 94.

Брачихин, воспитанник — 47.

В

- Варваров, политрук — 61.
 Васильев, воспитанник — 95.
 Варенин Николай, воспитанник — 18—19, 21, 73.
 Вехова, воспитанница — 98—100.
 Водолазский, воспитанник — 48—49, 68.
 Воленко, воспитанник — 22, 25, 26, 56, 98, 99.
 Волчок, воспитанник — 22—23—26, 56, 83, 96, 100, 115—116, 122—123, 133—134, 143.

Г

- Гершанович, воспитанник — 97—98.
 Горовский, агент — 119.
 Грунский, воспитанник — 56, 132, 133, 134.

Д

- Долинный, воспитанник — 68.

Ж

- Жмудский, воспитанник — 60, 62, 63.

З

- Звягин, воспитанник — 65.
 Зорин, воспитанник — 48.

И

- Иванов Иван, воспитанник — 103, 104.

К

- Камардинов Вася, воспитанник — 58—65, 84, 87—89, 91, 94, 143.
 «Капитан» — 120—121.
 Каплуновский, воспитанник — 45.
 Карабанов, инструктор физкультуры — 94, 95, 116—118, 123.

- Кац, воспитанник — 42—46.
 Козырь Володя, воспитанник — 138—140.

- Котляр, воспитанник — 11, 34, 40.

- Кравченко, воспитанник — 50, 56.

- Красная Роза, воспитанница — 68.

- Крестовоздвиженский Виктор, воспитанник — 17—20.

- Крупов Кирилл, воспитанник — 18, 74, 105.

- Крымский, воспитанник — 60.
 Куслия Филька, воспитанник — 124—125—129.

Л

- Лазарева, воспитанница — 95, 97—100.

- Левенсон Соломон Борисович, заведующий производством — 34, 49, 57—65, 79, 82, 87, 89, 94, 111, 140, 143, 144.

- Ледак Нина, воспитанница — 20.

М

- Мать А. С. Макаренко — 69.
 Мизяк, воспитанник — 11, 40, 83.

- Митька, конюх — 137, 138, 140.
 Могилин, воспитанник — 122.

Н

- Н., чекист, член правления коммуны — 87—90.

- Нарский Михайло, воспитанник — 20, 30, 31, 73.

- Нигалев, воспитанник — 73.

- Никитин, воспитанник — 49, 101.

- Николаева, воспитанница — 103.

О

- Орлов, воспитанник — 34.
 Орлова, воспитанница — 105, 106.

Островский, рабочий, токарь — 57, 58.

Охотников, воспитанник — 73.

П

Панов, воспитанник — 144.

Пашенко, воспитанник — 38.

Перский, клубный работник — 74, 75, 94, 106, 107—109, 111, 112, 134—135.

Перцовский Павлуша, воспитанник — 18.

Пономаренко, воспитанница — 95, 97—101.

Похожай, воспитанник — 83, 100, 116, 134.

Р

Редько, воспитанник — 25, 44, 58, 98, 100, 131, 136, 137.

Романов Алексей, воспитанник — 29—31, 95, 96.

Романов Петя, воспитанник — 11, 29, 30, 31, 34, 68, 160—107.

Ряполов, воспитанник — 94, 110.

С

Семенов, воспитанник — 96.

Скребнев, воспитанник — 24, 37, 38, 64, 68, 80, 81.

Соков, воспитанник — 20.

Соколов Гриша, воспитанник — 11.

Сопин, воспитанник — 38, 50, 88, 99.

Сосновский, воспитанник — 131, 132.

Старченко, воспитанник — 50, 51.

Сторчакова Шура, воспитанница — 20, 39, 40, 139.

Сучкевич, воспитанник — 94.

Т

Тетерятченко, воспитанник — 65, 96, 97, 115, 116.

Тимофей Викторович, капельмейстер — 23, 94, 120, 141—143.

Тимофей Денисович, заведующий школой — 43—44.

Топчий, воспитанник — 42.

Тумаков, воспитанник — 81.

У

Уткина, воспитанница — 96.

Ф

Фомичев, воспитанник — 22—23—26, 38, 56, 59, 66—68, 83, 133—134.

Х

Харланова Коммуна, воспитанница — 143.

Ч

Чевелий Митя, воспитанник — 18.

Ш

Швед, воспитанник — 37—38, 42—43—46—47, 83, 91.

Швыдков, воспитанник — 94.

Ширявский, воспитанник — 48, 49.

Шишко Юхим, воспитанник — 134—138.

Шуткина, воспитанница — 104—105.

Ю

Юдин, воспитанник — 45.

ПЕРСОНАЖИ ПОВЕСТИ «ФД-1»

(Том второй)

А

- Агеев Шура, воспитанник — 184—185, 204.
Акимов, воспитанник — 152—155, 235, 248, 249, 273.
Алексюк Леня, воспитанник — 170, 228, 239, 249, 270, 277.
Аписимов, воспитанник — 239.

Б

- Бобров, инструктор физкультуры — 263.
Болотов, воспитанник — 179—180—182, 209.
Бондаренко Миша, воспитанник — 194.
Борисов Миша, воспитанник — 184—185.
Бородков Вася, воспитанник — 185.
Борончук, воспитанник — 295.
Боярчук, воспитанник — 236, 263, 271, 272, 276, 283.
Братчин Коля, воспитанник — 295.
Братчин Петя, воспитанник — 295.
Брыженко, воспитанница — 172.

В

- Василевский, инженер — 267.
Вастонович, начальник строительства завода — 219, 226—227.
Вершнев Николай, врач коммуны — 163, 193, 211, 212, 223, 237, 242—244, 250, 259, 260, 263, 274—276, 289.
Вехова Женя, воспитанница — 185, 283.
Воленко, воспитанник — 186—187—188, 222.
Волчок, воспитанник — 148, 166, 206, 227, 242, 277, 283.

Г

- Ганкевич, мастер — 161, 163, 194, 218.
Гарбузов, воспитанник — 167—168.
Григорьев Ваня, воспитанник — 185, 209.
Грунский, воспитанник — 217, 220, 264, 297.
Грушев, воспитанник — 206.
Гуляев, воспитанник — 184, 249, 250, 272.

Д

- Дидоренко Степан Акимович, нач. хоз. части — 168, 226, 227, 233—236, 238, 241—250, 254, 259, 263, 275, 279, 283, 284, 289.
Долинный Миша, воспитанник — 148, 149, 185, 205, 237, 289—290.
Дорохов, воспитанник — 223, 275.
Дорошенко Вася, воспитанник — 185—186, 209, 220, 222.

Е

- Ефименко, воспитанница — 275.

З

- Звягинец, воспитанник — 288.
Землянский Алеша, воспитанник — 148, 180, 181, 213, 222, 239, 243, 248, 249, 264.

И

- Илющечкин, воспитанник — 194.

К

- Камардинов Вася, воспитанник — 170, 201, 235, 251, 252, 256, 259, 274, 275, 281, 283, 284, 294.

Каплуновский, воспитанник — 185, 291.

Ключнев, воспитанник — 215—217, 223, 227, 230, 235, 250, 279.

Козырь, воспитанник — 217, 236, 264.

Колесников, воспитанник—291, 293.

Коломийцев, воспитанник — 169—171.

Конисевич, воспитанник — 166, 227, 238.

Корниенко, воспитанник—166—168—169.

Кравченко, воспитанник — 202, 223, 230, 231, 234, 237, 275.

Красная Роза, воспитанница—242, 244, 276.

Крейцер, председатель правления коммуны — 208, 209, 261, 262, 264, 265, 279, 290—293.

Л

Лазарева, воспитанница — 266—267.

Левенсон Соломон Борисович, заведующий производством—148—151, 157—166, 171—179, 189—202, 207—217, 227, 228, 232, 234, 239, 267, 268, 281, 283, 284.

Левшаков Тимофей Викторович, капельмейстер — 183, 205—207, 234, 235, 237, 238, 242, 245, 246, 260, 264, 277, 295.

М

Марголин, киномеханик — 225, 226, 260, 261, 263, 295.

Мельникова Наташа, воспитанница — 258—259.

Могилин («Булька»), воспитанник — 194, 206.

Н

Нарский Миша, воспитанник—203, 204, 268.

Никитин, воспитанник — 223, 233, 236, 237, 283, 284.

О

Орлов, воспитанник — 202.

Оршанович, воспитанник — 203, 204, 248, 249.

Островский, рабочий, токарь—161.

П

Панов, воспитанник — 224, 225, 243, 262.

Пашенко Коля, воспитанник — 197—198.

Перский, клубный работник — 204.

Пихоцкая, воспитанница — 223.

Похожай, воспитанник — 223, 227, 255, 288.

Прасов, воспитанник — 194.

Р

Редько, воспитанник — 203, 215, 224, 262.

Романов Петя, воспитанник—183, 202, 206, 278.

С

Салько, воспитанник — 227, 236.

Семенов, воспитанник — 250.

Сергиенко, воспитанник — 223.

Синенький, воспитанник — 216, 260, 266, 293, 295.

Скребнев, воспитанник — 217, 269.

Соков, воспитанник — 255.

Соколов Гриша, воспитанник—183, 204.

Соколов Сергей, воспитанник—227, 255.

Сопин, воспитанник — 153—155, 168, 184, 209, 222, 229, 230, 262, 292—294.

Степанов, воспитанник — 213.

Столяренко, воспитанник — 203, 204.

Стреляный, воспитанник — 183.

Стулецкий, воспитанник—223.

Т

Терентюк, воспитанник — 194.

Томов, воспитанник — 297.

Торская, воспитанница — 269.

Ф

- Филька, воспитанник — 185, 207, 221, 236.
 Фомичев, воспитанник — 153, 183, 199, 202, 208—209, 213.
 Фролов Сергей, воспитанник — 170.

Х

- Харланова Коммуна, воспитанница — 152—155, 202, 235, 266.

Ш

- Шаровский, воспитанник — 274—275.

- Швед, воспитанник — 251, 252, 255, 264, 265, 290—293.
 Швыдков, воспитанник — 222.
 Шевченко, мастер — 161, 195, 196, 199.
 Шелгунов, старый большевик — 278.
 Шеретин, педагог — 193.
 Ширявский, воспитанник — 223.
 Шмигалева, воспитанник — 185, 257, 258.
 Шнейдеров, мастер — 158, 161, 163.

Ю

- Юдин, воспитанник — 152—154, 217.

ПЕРСОНАЖИ ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»

(Том третий)

А

- Акулин Петр, колонист — 79, 80, 83.

Б

- Баньковский, мастер - литейщик — 165—166, 207—208, 266, 311, 397, 429, 434—438.
 Бегунок Володя, колонист — 43—44, 47—48, 51—53, 67—68, 75, 87, 89—90, 121—123, 126—136, 143, 145, 151—152, 157, 162—163, 187, 190, 192—201, 208—209, 212, 216, 229—230, 234—235, 257, 260—261, 270—272, 276—277, 281—282, 297, 301, 318—319, 324—325, 348—350, 362—363, 365—366, 369—370, 374—376, 397—403, 408, 430, 434.
 Беленький, колонист — 121.
 Бломберг, колонист — 175, 312.
 Блюм Соломон Давыдович, зав. производством — 93, 97—102, 144, 163—169, 178—179, 183, 195, 199, 201, 204—

- 207—211, 213, 221, 237—239, 244—245, 247—256, 260—261, 277—280, 286—291, 309, 329—334, 353—356, 360—361, 363—364, 377, 384, 389—391, 400—401, 407—410, 422—423, 426—429, 432—433.

- Богатов, колонист — 121.
 Борода, колонист — 175.
 Брацан Филипп, колонист — 132—134, 275, 292—293, 295, 324, 337, 399, 415, 435, 438.

В

- Ванда — см. Стадницкая.
 Васильев, колонист — 297.
 Вершнев Николай, доктор — 166, 210, 221, 237, 251, 291, 296, 306, 347—350, 366.
 Виктор Денисович, дирижер — 145—146, 327—328, 379.
 Воленко, колонист — 44—48, 50—52, 68—70, 72, 76—77, 83, 96, 126—127, 133, 174—176, 184, 188, 253, 255, 259, 266—267, 273, 287, 294—295, 297, 305, 311, 323, 349—350, 367—

368, 370—374, 376—379, 381,
385—388—389, 411, 422, 437—
441.
Волнчук, инструктор — 99,
168, 205—206—207, 221, 249—
250, 259, 309, 360—361, 366.
Воргунов Петр Петрович, глав-
ный инженер завода — 257—
261, 280, 355, 381—384, 395,
405, 408—422, 426, 429—431,
433—434.
Воробьев Петр, шофер — 246—
247, 314—315—317, 353, 384—
385, 389—397, 402—406.

Г

Гайдовский Семен, колонист —
134—135, 147, 152, 241, 270,
300, 351.
Гальченко Ваня, колонист —
9—10—13, 17—18, 20—34,
53—68, 122, 124, 126—131,
134—136, 143—149, 151—152,
155—157, 162—163, 168, 176,
187, 190, 192—196, 204—205,
207—209, 211—214, 219, 222,
231, 234—235—242, 247—248,
256—257, 260—261, 272, 276—
279—282, 286—288, 297, 300—
304, 308—311, 314—315, 318,
325—330, 334, 339, 350—352,
360, 362—363, 376, 379, 388—
389, 392, 399—400, 406, 424,
430—434, 438—439—440, 444.
Гладун Семен, колонист — 134,
152.
Головатовский, колонист — 133.
Гонтарь Михаил, колонист —
78—79, 83, 90, 105—106, 112—
117, 120, 122—123, 141, 154,
173—175, 180, 182, 196, 198,
223—225—227—229, 239—240,
246—247, 254, 260, 262, 264,
282, 284—285, 292, 315, 338,
376—378, 423, 444.
Горленко, колонист — 297.
Горовой Данило, колонист —
82, 145—146, 287, 328, 367,
377—378, 418—419.
Горохов Руслан, колонист —
94—97, 127, 174—178, 180,
184—185, 195—196, 217, 254,

267, 286, 295, 297, 319, 368,
387, 399.

Грачев, колонист — 293.
Григорьев, инженер — 355—
356, 381—383.
Грингауз Марк, колонист —
122, 124—125, 166, 215, 235,
253, 270—271, 305, 312, 320,
342, 367, 386, 397.
Гриф Жан, колонист — 146,
215, 328, 358—359, 415—416,
425.
Гроссман, колонист — 312, 422.

Д

Дем, техник-строитель — 324,
337, 352—353, 416—417.

Е

Евгения Федоровна, библиоте-
карь — 150.

Ж

Желтухин Александр, коло-
нист — 319.

З

Захаров Алексей Степанович,
зав. колонией — 42—43, 48—
51, 71—72, 83—84, 87, 96,
98—101, 106, 114—117, 123—
126, 128—130, 132—133, 137,
139—143, 151, 155, 158—165—
166, 170—171, 179, 183—185,
189—190, 192—194, 197—205,
208—212, 216—220, 223, 228—
234, 236, 239—242, 244—245,
247—249, 251, 255—256, 258—
260, 268, 271, 274—277, 280—
281, 284—286, 288—289, 292—
297, 299—301, 304—305, 309,
312—314, 319, 321—325, 327,
334, 337—339, 346—351, 356—
357, 363—364, 366, 368—377,
379—380, 385, 387—389, 392,
393, 396—397, 400, 402—403,
407—412, 418—419, 421, 423,
426—443.
Зорин Санчо, колонист — 81—
82—84, 86—87, 90—93, 97,

101—104, 110—115, 118, 122, 126, 129, 151—152, 179—180, 189, 193, 197, 200—202, 204, 221, 245, 252—254, 257, 288, 331—333, 335, 342, 344, 364, 372, 276—378, 386, 418—419, 423, 425, 439.
Зрянский Алексей, колонист— 68, 90, 105—106, 114—116, 118, 122—124, 126, 131, 134—136, 143, 149, 152, 165, 181—186, 194, 196, 205, 211—216, 219—220, 234—235, 251—256, 259—261, 270—274, 282—283, 286—287, 293—295, 315—316, 320, 335—336, 338—339, 348, 355, 359, 362—363, 365, 371—374—375, 379—381, 385—386, 389—391, 393—394, 396—398, 400—406, 424, 435—438.

И

Иванов Николай, колонист — 134.
Иванов Федор, колонист — 134.
Иванов 5-й, колонист — 312.
Иванова Лена, колонистка — 46, 176—177, 180, 185, 308—309, 366, 385, 414.

К

Касаткин Семен, колонист — 88—89, 158, 240—242, 312, 425, 435.
Каширина Клава, колонистка — 87—92, 98, 112—113, 132, 162—163, 169—170, 177, 180—181, 187—189, 192, 196—197, 199, 223, 229—230, 232, 234—235, 263, 272, 334—335, 338, 364, 377, 380, 422.
Клюшнев Василий, колонист — 299, 346, 401—403, 437.
Колесников Иван, колонист — 312.
Колос Владимир, колонист — 175, 185, 213—215, 225, 236, 241—242, 331, 354, 422, 444.
Комаров Иван Семенович, инженер — 356—357, 381—383, 394—395, 426, 427.
Коротак, колонист — 417.

Кравчук Петр, колонист — 42, 44—46, 51, 72, 84, 118, 125—126, 134—136, 144—145, 168, 208—209, 211—214, 216—220, 238, 242, 261, 282, 309, 339.
Крейцер Михаил Осипович, председатель облисполкома—240, 243—245, 251, 257—260, 280—281, 288—291, 325, 360—362, 408, 437—439, 441.
Круксов, колонист — 146, 147, 166, 205, 358—359.

Л

Левитин Всеволод, колонист — 127, 174, 267—276, 295, 314, 366—369, 380, 387, 397, 399, 437, 447.
Лиственный Сергей, колонист — 82.
Литовченко Оксана, колонистка — 106—108, 111, 153—154, 171—174, 187—188, 201, 223—226, 228—232—233, 240, 261—262—265, 272, 278—279, 291, 309, 342—343—345—346, 366, 377, 379—380, 387, 394—396, 399, 401, 404, 410—411, 426, 442, 444, 447—450.
Лобойко, колонист — 293.

М

Маленький Петр Васильевич, педагог — 147—149, 186—190, 193, 199, 251, 277—279, 296, 301, 305, 313, 326, 358, 410.
Московченко, колонист — 127.
Мятникова Шура, колонистка — 150, 224—225, 237, 278, 399, 425.

Н

Надежда Васильевна, учительница — 288, 340—341, 376—377, 381—384, 392, 394—396, 426—427, 431.
Нестеренко Василий, колонист — 50, 76—83, 85—93,

101, 105—106, 109, 113—118,
122—123, 127, 131—137, 150—
152, 154—155, 168, 197—198,
200—202, 205, 209, 211—213,
253, 255, 257, 266, 273, 275,
285, 293—296, 311, 334, 337,
340, 354, 371, 374, 377—380,
387, 422, 444.

Николай Иванович, учитель —
72—74—75, 84, 150.

Новак Кирилл, колонист —
134—135, 144, 208—209, 211—
214, 216—219, 238—239, 242,
257, 277, 293—294, 392, 395—
396.

Ножик, колонист — 127, 174 —
175, 312—315, 368, 376, 380—
384.

О

Остапчин Александр, коло-
нист — 80—81—83, 114—116,
122, 238—239, 377—378, 425.

П

Перлов, колонист — 146, 417,
418.

Петров 1-й, колонист — 312.

Петров 2-й, колонист — 185—
186, 219, 239, 358—359.

Подвесько, колонист — 319—
323, 363, 397, 441.

Полина Николаевна, сотрудник
Комиссии по делам несовер-
шеннолетних—35—39, 71, 84.

Поршнева Лева, колонист —
127, 164, 248, 275, 295—296,
310, 337, 354, 424, 438.

Похожай Шура, колонист —
167, 220, 336—337, 389, 391,
400, 415—416, 419—422, 425—
426, 436, 438.

Р

Радченко Спиридон, коло-
нист — 175, 312.

Редько, колонист — 164, 427.

Рогов Олег, колонист — 85—
88, 113, 189, 200, 270, 331.

Рогштейн Люба, колонистка —
121—122, 124, 269, 308—309,
385, 414.

Руднев Илья, колонист — 132,
152, 154—158, 162, 175, 218—
219, 274, 282—285, 296, 322—
323, 336, 379, 386, 399—400,
417, 420, 439—440.

Рыжиков, колонист — 18—20,
23—34, 84, 135, 156—158,
162—163, 169, 174—178, 180—
185, 195—196, 223, 237, 265—
269, 272, 274—275, 281—282,
286—287, 295, 297, 302—303,
310—315, 320, 323, 351—352,
362—367, 372—373, 376, 387,
396—400, 430, 434—439, 441.

С

Савченко Харитон, колонист —
82, 105, 115, 267, 377.

Садовничий, колонист — 164,
250, 297, 312, 331, 342—343,
354, 400, 422, 424.

Середин, колонист — 82, 109—
111, 153—154, 175, 377—378.

Синицын Григорий, колонист—
132, 165, 175, 205, 416.

Смехотин, колонист — 175.

Соловьев, колонист — 293.

Стадницкая Ванда, колонист-
ка — 13—14, 20—21—28, 180,
157—163, 169—171, 180, 221—
222—223, 224, 229—230, 232—
234, 240, 254, 251—264—266,
269—275, 309, 314—317, 319,
384—385, 390—397, 400—406.

Т

Таликов, колонист — 134.

Таликова Лидия, колонистка—
112—113, 119—120, 126—128,
214, 236—237, 241, 269, 274,
302, 338, 387, 404, 434.

Толенко, колонист — 293, 297.

Торский Виктор, колонист —
47—48, 51, 98—101, 118—119,
121, 122, 125—126, 129—132,
156, 158—160, 163, 174—175,
178, 180—185, 188—192, 205,
207, 212—213, 215—216—219,
230, 233—234, 236, 242, 244—
246, 254, 258, 260, 270—276,
293—295, 297, 304, 323, 334,

356—357, 359, 364—366, 368,
380—381, 385—386, 389—391,
396, 398—399, 404, 426, 434—
436, 439.

Ф

Фомин, колонист — 215.

Х

Хроменко, колонист — 312.

Ч

Человек в белом халате 1-й —
37—40.

Человек в белом халате 2-й —
38—40.

Черный, профессор — 228—229,
233.

Чернявин Игорь, колонист —
10—18, 20—28, 35—51, 69—
99, 101—132, 134—136, 149—
156, 162—163, 171—178, 180,
182—183, 185, 187—189, 191—
192, 196—202, 204, 224—229,
231—232, 240, 253—257, 262,
264, 274—275, 277—278—280,
283—285, 288, 292—294, 297,

310—311, 314—315, 318—319,
330—331, 340—342—346, 348,
357—362, 364—368, 373—374,
377 — 378 — 380, 387—388,
399—400, 410, 418, 419, 422,
428—434, 436, 438—440, 442—
444, 447—450.

Ш

Шарий Филька, воспитанник—
120, 134, 144—145, 152, 202—
205, 208—209, 211—214—
216—218, 234, 238—239, 242,
244, 249—250, 282, 288, 301—
303—304, 326, 328, 338—339,
350—352, 362—363, 386, 400,
403, 405, 424, 426—427, 429—
439.

Штегель, мастер — 108, 149,
222, 310, 361.

Я

Яблочкин, колонист — 175.

Яновский Борис, колонист —
82, 164, 175, 190, 249, 377—
378, 424.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В 1—7 ТОМАХ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ**

<i>Название произведения</i>	<i>Том и страница настоящего издания</i>
Беседа с начинающими писателями	VII, 157
Близкий, родной, незабываемый	VII, 335
Больше коллективности	VII, 145
В библиотеке	VII, 126
В день Первого Мая	VII, 134
Великая награда	VII, 196
Воля, мужество, целеустремленность	V, 386
Воспитание в семье и школе	IV, 479
Воспитание в труде	IV, 395
Воспитание культурных навыков	IV, 417
Воспитание характера в школе	V, 381
Воспитатель	I, 657
Воспитательное значение детской литературы	VII, 181
Вот у вас родился ребенок	VII, 427
Вредная повесть	VII, 212
Всенародный приговор	VII, 13
Выбор профессии	V, 372
Выборное право трудящихся	VII, 38
В эти дни	VII, 20
Героическая борьба	VII, 199
Гришка	VII, 74
Дети в стране социализма	VII, 321
Детство и литература	VII, 207
Дисциплина	IV, 361
Дисциплина, режим, наказания и поощрения	V, 129
Длительность педагогического коллектива	I, 663

Название произведения	Том и страница настоящего издания
Доклад в педагогическом училище	VII, 308
Докладная записка члену правления Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского	VII, 438
Доктор	VII, 102
Домой хочу	VII, 108
За дорогое будущее, к которому ведет Сталин	VII, 30
Закономерная неудача	VII, 217
Записки педагога	VII, 283
Игра	IV, 373
Из истории героизма	VII, 69
Из опыта работы	V, 304
Книга для родителей	IV, 11
Книги, которых я жду	VII, 167
Командировка	VI, 357
Коммунистическое воспитание и поведение	V, 412
Конституция страны ФЭД	II, 421
Лекции о воспитании детей	IV, 341
Литература и общество	VII, 175
Мажор	II, 301
Максим Горький в моей жизни	VII, 337
«Мальчик из Уржума»	VII, 252
Марш 30 года	II, 9
Медынский «Бубенчики»	VII, 286
Методика организации воспитательного процесса	V, 9
Методы воспитания	V, 105
Мои педагогические воззрения	V, 273
Мой первый учитель	VII, 333
На всю жизнь	III, 447
На педагогических ухабах	VII, 419
На пороге третьего десятилетия	V, 368

Название произведения	Том и страница настоящего издания
Народное просвещение в СССР	V, 464
Настоящий характер .	VI, 313
Наше знамя	VII, 26
Наши скромные желания	I, 655
Незабываемая встреча	VII, 350
Некоторые выводы из моего педагогического опыта .	V, 225
Несколько часов на канале	VII, 130
Новая жизнь	VII, 25
Новые годы	VII, 118
Обращение к коммунарам-выпускникам	VII, 454
Общие условия семейного воспитания	IV, 341
Объяснительная записка к проекту организации Трудового детского корпуса (1934)	VII, 455
О «взрыве»	VII, 425
Один день Коммуны	II, 414
О «Книге для родителей»	IV, 437
О книге «Честь»	VI, 425
О коммунистической этике	V, 393
О лесной школе	VII, 307
О личности и обществе	VII, 14
О моем опыте	V, 248
О повести «Флаги на башнях»	III, 451
О родительском авторитете	IV, 351
Опыт методики работы детской трудовой колонии	V, 439
Ответ товарищу А. Бойму	VII, 192
О темах для писателей	VII, 156
Открытое письмо Ф. Левину	III, 456
О человеческих чувствах	VII, 63
Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького .	VII, 291
Педагоги пожимают плечами	II, 397

Название произведения	Том и страница настоящего издания
Педагогика индивидуального действия	V, 160
Педагогическая поэма	I, 13
Перевернутые страницы	II, 405
Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким	VII, 355
«Петр Первый» А. Н. Толстого	VII, 254
Писатели — активные деятели советской демократии	VII, 143
Письмо заведующему Главным Управлением социального воспитания НКП УССР	VII, 437
План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии»	V, 481
План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»	V, 478
План лекции «Режим и дисциплина»	V, 476
Полнота советской жизни рождает красочные новеллы.	VII, 170
Половое воспитание	IV, 406
По педагогическим ухабам	I, 648
Право автора	VII, 142
Прасковья Никитична Пичугина	VII, 48
Предисловие к альбому «Наши жизни — Горькому — горьковцы»	VII, 331
Предстоит большая работа над собой	VII, 168
Прекрасный памятник	V, 321
Премия	VII, 95
Преподаватель словесности	VII, 115
Проблемы воспитания в советской школе	V, 375
Проблемы школьного советского воспитания	V, 105
Проект организации Трудового детского корпуса Харьковского округа (1927)	VII, 433
Происшествие в «Звезде»	VII, 203
Против шаблона	VI, 421
Радость нашей жизни	VII, 23.

Название произведения	Том и страница настоящего издания
Радость творческого труда	VII, 139
Разговор о воспитании	VII, 461
Разговор с читателем	IV, 431
Рассказы о простой жизни	VII, 224
Речь на юбилее школы № 1 Ярославской жел. дороги .	VII, 326
Семейное хозяйство	IV, 384
Семья и воспитание детей	IV, 455
Сила советского гуманизма	VII, 153
Симфония Шуберта	VII, 89
Случай в походе	VII, 84
Советские летчицы	VII, 59
Сражение на Ракитном озере	I, 645
Стиль детской литературы	VII, 184
Счастье	VII, 31
Такова наша история	VII, 304
Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»	VII, 431
Типы и прототипы персонажей «Педагогической поэмы»	I, 673
Товарищеская лаборатория	VII, 150
Трудовое воспитание. Отношения, стиль, тон в коллективе	V, 187
ФД-1	II, 147
Флаги на башнях	III, 9
Характеристики выпускников	II, 425
Художественная литература о воспитании детей . .	V, 338
Цель воспитания	V, 325
«Чапаев» Д. Фурманова	VII, 228
Честь	VI, 9
«Чудо», созданное советской жизнью	VII, 349
Я буду голосовать за наших кандидатов	VII, 36

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	5

Публицистические статьи и заметки

Всенародный приговор	13
О личности и обществе	14
В эти дни	20
Радость нашей жизни	23
Новая жизнь	25
Наше знамя	26
За дорогое будущее, к которому ведет Сталин	30
Счастье	31
Я буду голосовать за наших кандидатов	36
Выборное право трудящихся	38
Прасковья Никитична Пичугина	48
Советские летчицы	59

Рассказы и очерки

О человеческих чувствах	63
Из истории героизма	69
Гришка	74
Случай в походе	84
Симфония Шуберта	89
Премия	95
Доктор	102
Домой хочу	108
Преподаватель словесности	115
Новые годы	118
В библиотеке	126
Несколько часов на канале	130
В день Первого Мая	134

О творческом труде писателей

Радость творческого труда	139
Право автора	142
Писатели — активные деятели советской демократии	143

Больше коллективности	145
Товарищеская лаборатория	150
Сила советского гуманизма	153
О темах для писателей	156
Беседа с начинающими писателями	157
Книги, которых я жду	167
Предстоит большая работа над собой	168
Полнота советской жизни рождает красочные новеллы	170
Литература и общество	175

Статьи о детской литературе

Воспитательное значение детской литературы	181
Стиль детской литературы	184
Ответ товарищу А. Бойму	192
Великая награда	196

Литературно-критические статьи и рецензии

Героическая борьба	199
Происшествие в «Звезде»	203
Детство и литература	207
Вредная повесть	212
Закономерная неудача	217
Рассказы о простой жизни	224
«Чапаев» Д. Фурманова	228
«Мальчик из Уржума»	252
«Петр Первый» А. Толстого	254
Записки педагога	283
Г. А. Медынский «Бубенчики»	286

Педагогические статьи и выступления

Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького	291
Такова наша история	304
О лесной школе	307
Доклад в педагогическом училище	308
Дети в стране социализма	321
Речь на юбилее школы № 1 Ярославской жел. дороги	326

А. М. Горький и А. С. Макаренко

Предисловие к альбому «Наши жизни — Горькому — горьковцы»	331
Мой первый учитель	333
Близкий, родной, забываемый	335
Максим Горький в моей жизни	337
«Чудо», созданное советской жизнью	349
Незабываемая встреча	350
Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким	355

Приложения**Авторские тексты и материалы**

На педагогических ухабах	419
О «взрыве»	425
Вот у вас родился ребенок	427
Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»	431
Проект организации Трудового детского корпуса Харьков-	
ского округа (1927 г.)	433
Письмо заведующему главсоцвосом НКП УССР	437
Докладная записка члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзер-	
жинского	438
Обращение к коммунарам-выпускникам	454
Объяснительная записка к проекту организации Трудового	
детского корпуса (1934 г.)	455
Разговор о воспитании	461

Библиографические материалы

Библиография произведений А. С. Макаренко	467
Опись архивных материалов А. С. Макаренко Центрального	
государственного литературного архива СССР	480
<i>Комментарии и примечания</i>	491
<i>Сводный предметный указатель к 1—7 т.т.</i>	519
<i>Указатели персонажей</i>	552
<i>Алфавитный указатель к сочинениям А. С. Макаренко</i>	568

Редактор *Н. А. Сундуков*
Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*
Технический редактор *В. П. Гарнек*
Корректор *Е. М. Лидова*

* * *

А05890. Подписано к печати 18/XI 1952 г.
Уч.-изд. л. 31,87. Тираж 50 000 экз.
Цена 15 р. Бумага $82 \times 108 \frac{1}{32} = 9$ бум.—
29,52 п. л. Заказ № 1324.

Типография ВПШ при ЦК КПСС

